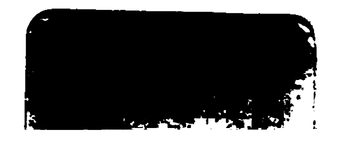


ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XCV

1904

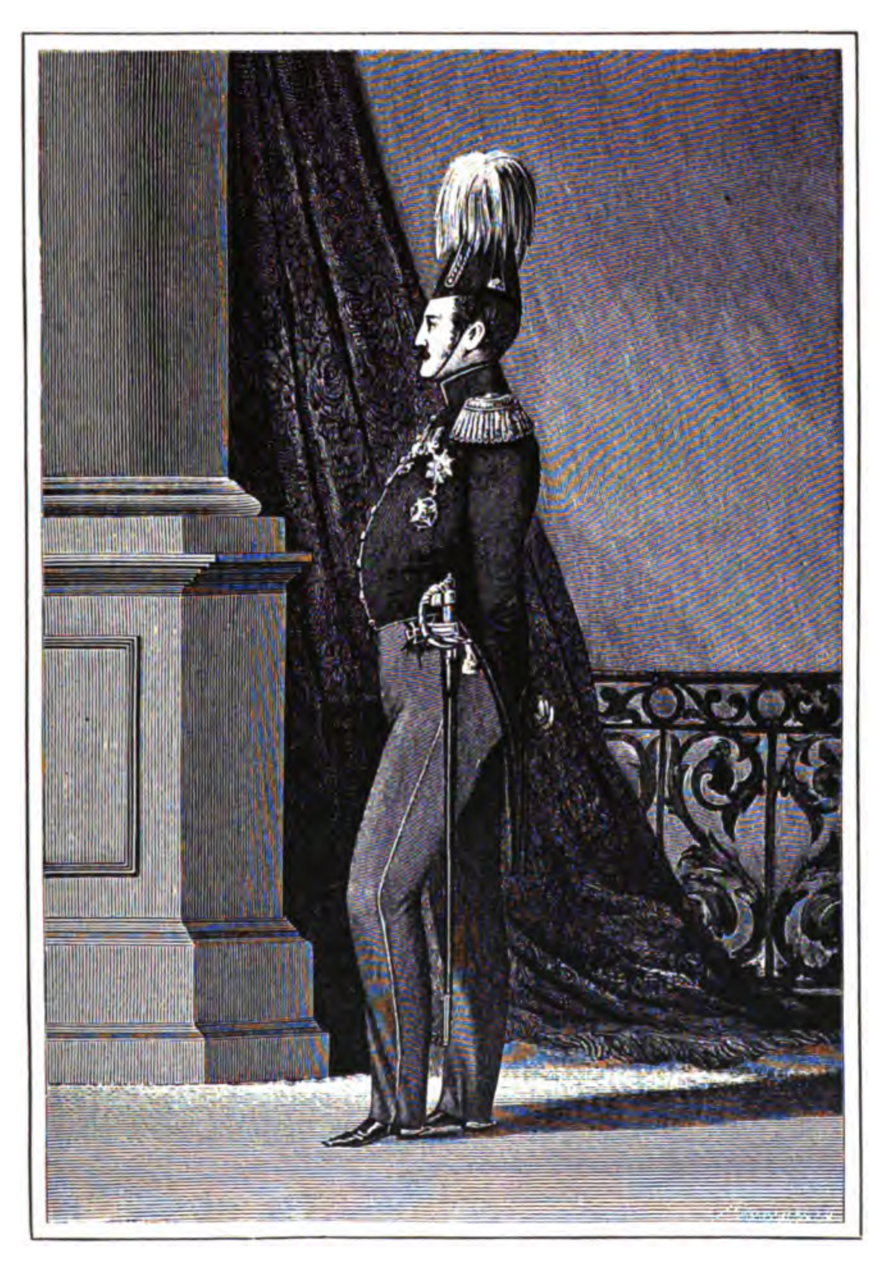
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1904

Ө. Лебедеву
ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.
ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.
ЯНВАРЬ, 1904 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1904 г.

(См. слѣд. стран.).



ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

(Отъ акварели съ натуры).

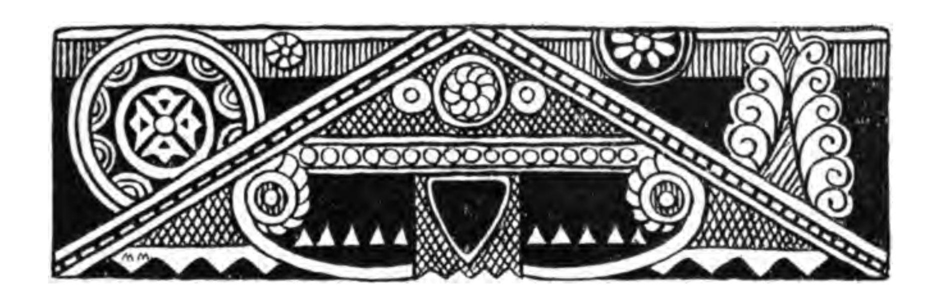
доз. цен. 23 декабря. 1903 г. спб.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCV.



ПЕРЕДЪ РАЗГРОМОМЪ.

(Эпизодъ изъ семейной хроники).

I.

А БЕРЕГУ сильно бурлившей рѣки, вздутой весеннимъ разливомъ, царило необычайное оживленіе. Почти все населеніе деревни, съ подростками и стариками, толпилось вокругъ дорожной кареты, запряженной пятерикомъ измученныхъ коней, и размахивая руками, перебивая другъ друга, толковало о переправѣ черезъ эту рѣку съ людьми проѣзжаго господина, съ его камердинеромъ, молодымъ парнемъ въ дорожной ливрейной шинели со множествомъ воротниковъ и въ шляпѣ съ кокардой, съ поваромъ, вылѣзшимъ изъ кибиточки, придѣланной къ задней стѣнкѣ экипажа, и съ бородатымъ осанистымъ кучеромъ, уныло поглядывавшимъ на неожиданную преграду.

Въ совѣщаніи принималъ участіе и форейторъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, и, мало-по-малу, сдержанный говоръ перешелъ въ такой гвалтъ, что одна изъ шелковыхъ занавѣсокъ на окнахъ поспѣшно поднялась, и надъ спущеннымъ нетерпѣливой рукой стекломъ появилось красивое молодое лицо съ темными глазами и съ густой шапкой вьющихся бѣлокурыхъ волосъ. Во взглядѣ, которымъ онъ обвелъ толпу, выражалось недоумѣніе человѣка, не вполнѣ еще очнувшагося отъ крѣпкаго сна и не ясно сознающаго, во снѣ

или наяву видитъ онъ и слышитъ то, что происходитъ вокругъ него.

— Что случилось? Почему мы стоимъ? Что это за народъ?— спросилъ онъ у подбѣжавшаго къ нему камердинера.

— Да вотъ, не знаемъ, какъ рѣку переѣхать. Нѣтъ тутъ у нихъ ни моста, ни плотины, ни парома. Говорятъ въ бродъ, а ее вишь какъ вздуло.

— Какая рѣка?

— Малявка-съ.

— Малявка? — съ живостью переспросилъ баринъ. — Отворяй скорѣе, я выйду,—объявилъ онъ съ живостью.

Дверца распахнулась, и не успѣлъ Ѳедька развернуть подножку, какъ баринъ спрыгнулъ на землю и, не обращая вниманія на толпу, почтительно разступившуюся передъ нимъ, началъ внимательно всматриваться въ пейзажъ, залитый лучами восходящаго солнца.

Было чѣмъ залюбоваться! Рѣчка капризно извивалась у подножія горъ, покрытыхъ лѣсомъ; роскошная весенняя зелень переливалась изумруднымъ блескомъ въ солнечныхъ лучахъ, лаская взоръ всевозможными оттѣнками. Но глаза проѣзжаго на ней не останавливались и съ напряженнымъ вниманіемъ поднимались все выше и выше, отыскивали что-то такое въ пространствѣ, досадуя на волны зелени, скрывавшія передъ нимъ горизонтъ.

— Господскіе-то хоромы, таперя, тополями засажены, а прежде ихъ, бывало, издалече было видать,—произнесъ старческій голосъ въ толпѣ, точно угадывая причину недоумѣнія незнакомца.

Этотъ послѣдній обернулся къ старику, произнесшему эти слова, и отрывисто спросилъ:

— Гдѣ же тополи?

— Вонъ тамъ! Верхушка башни изъ-за нихъ чуть-чуть виднѣется,—отвѣчалъ старикъ, протягивая руку къ группѣ высокихъ тополей, надъ которыми бѣлѣлась остроконечная верхушка башни съ пестрымъ флюгеремъ.

— Въ домѣ живутъ?—освѣдомился проѣзжій.

— Живутъ. Молодой баринъ, Дмитрій Степанычъ, все больше въ разъѣздахъ, а супругу свою къ бабушкѣ привезъ. Дѣтки у нихъ. Тополями-то засадить домъ старая барыня приказала, чтобъ съ большой дороги не было видно.

— Когда?—съ живостью спросилъ проѣзжій.

— Да ужъ таперь, поди, чай, годовъ двадцать будетъ. У меня въ тѣ поры внучка родилась, скоро пять лѣтъ, какъ замужъ ее отдали.

«Двадцать лѣтъ! Въ тотъ самый годъ, когда его пятилѣтнимъ ребенкомъ привозили сюда изъ Москвы», подумалъ Владиміръ Михаиловичъ Грабининъ.

Онъ зажмурился, чтобъ лучше себѣ представить мѣстность такою, какою она была въ то время, но видѣніе изъ прошлаго,

мелькнувшее было передъ нимъ при имени рѣки, безвозвратно кануло въ вѣчность и не являлось на его зовъ; какъ въ калейдоскопѣ, кружились въ его мозгу обрывки давно забытыхъ впечатлѣній: большой бѣлый домъ на горѣ, съ затѣйливыми башнями и съ высокимъ каменнымъ крыльцомъ въ итальянскомъ вкусѣ; роскошный садъ съ тѣнистыми аллеями, спускавшимися къ рѣкѣ,—той самой, передъ которой онъ теперь стоялъ... Смутно, какъ во снѣ, припоминалось, что когда-то онъ бѣгалъ и рѣзвился въ этомъ саду съ другими дѣтьми, въ такую же, какъ теперь, весеннюю пору, но картины эти исчезали одна за другой, не давая ему въ нихъ всмотрѣться. Между прочимъ, промелькнула передъ его духовными очами длинная вереница комнатъ, гдѣ почему-то не только бѣгать и рѣзвиться было строго запрещено, но даже и говорить нельзя было иначе, какъ шопотомъ. Тутъ толпились люди съ испуганными лицами, и ему было жутко. Въ одномъ изъ покоевъ, глубже и мрачнѣе прочихъ, на широкой кровати лежала старуха, съ пронзительными глазами, худая и страшная. Надъ кроватью спускался балдахинъ глубокими складками изъ темнаго бархата, поддерживаемый когтями огромной золотой птицы, съ остроконечнымъ клювомъ и распростертыми крыльями.

Птица эта, точно парившая подъ самымъ потолкомъ, такъ запечатлѣлась въ его памяти, что заслонила собою всѣ прочія представленія, и ему невозможно было вспомнить лица лежавшей подъ нею старухи: оно воскресало передъ нимъ въ образѣ птичьяго клюва.

А, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ, ничего этого не было; онъ, можетъ быть, все это видѣлъ во снѣ, на картинѣ или вычиталъ въ книгѣ?

Ему такъ захотѣлось въ этомъ удостовѣриться, что онъ обернулся къ окружавшей его толпѣ съ готовымъ вопросомъ на устахъ, но ему не удалось его произнести: Ѳедька бѣжалъ къ нему съ предложеніемъ пройти нѣсколько шаговъ по берегу къ тому мѣсту, гдѣ, по увѣренію здѣшнихъ старожиловъ, было такъ мелко, что смѣло можно было ѣхать въ бродъ.

— Выше подножки вода не достанетъ. Вчера вечеромъ мельникъ тутъ переѣхалъ съ кладью, а воды было больше сегодняшняго, — объяснялъ онъ, указывая на изгибъ рѣки, уходившій за гору.—Вотъ тутъ одинъ вызывается проводить.

Баринъ принялъ предложеніе, и, минутъ черезъ двадцать, сидя въ каретѣ, онъ медленно ѣхалъ по водѣ къ противоположному берегу, гдѣ посланный на развѣдки парень, весело размахивая руками, кричалъ, чтобъ смѣло ѣхали, безъ сумлѣнія.

Онъ былъ правъ; вода покрывала только колеса экипажа, медленно покачивавшагося на высокихъ круглыхъ рессорахъ, и успокоенный насчетъ переправы, Грабининъ снова задумался объ обитателяхъ дома, гдѣ, ему казалось, онъ былъ въ дѣтствѣ, когда

его сюда привозили изъ Москвы прощаться съ умирающимъ дѣдомъ, оставившимъ ему то самое имѣніе, которое онъ ѣхалъ теперь осматривать.

— Вы чьи? — спросилъ онъ у старика, помогшаго ему найти старый домъ за тополями.

Старикъ этотъ, во время переправы, шелъ въ водѣ ближе всѣхъ къ экипажу, съ любопытствомъ поглядывая на высовывавшагося изъ окна барина.

— Аратовскіе. Баринъ нашъ все въ разъѣздахъ по другимъ своимъ имѣніямъ, а здѣсь старая барыня хозяйничаетъ.

— Такъ у васъ и старая барыня есть?

— Завсегда у насъ была старая барыня. Въ деревнѣ такихъ стариковъ и въ живыхъ не осталось, которые бы то время помнили, когда ея здѣсь не было.

— Сколько же ей лѣтъ?

— Да попъ сказывалъ, что по церковнымъ книгамъ ей ужъ давно за сто перевалило.

«Неужто-жъ это та самая старуха, которую я видѣлъ подъ балдахиномъ двадцать лѣтъ тому назадъ?—подумалъ Грабининъ.— Но въ такомъ случаѣ можно разсчитывать, что и балдахинъ съ птицей цѣлъ, и что я ихъ увижу?»

Ему почему-то стало весело при этой мысли, точно отыскались старые знакомые, которыхъ онъ давно считалъ погибшими.

— И ваша барыня до сихъ поръ въ своемъ умѣ? — спросилъ онъ.

Старикъ усмѣхнулся.

— Ума-то у нея, пожалуй, что на десятокъ молодыхъ хватитъ, — отвѣтилъ онъ съ самодовольной усмѣшкой. — Дай Богъ каждому такъ управляться съ хозяйствомъ, какъ наша старая барыня, Серафима Даниловна. До нея у Аратовскихъ господъ только и имѣнія было, что это самое Малявино съ хуторами, а таперича всего у насъ пріумножилось—и земли, и лѣсовъ. И все это ейнаго ума дѣло. Разсказываютъ старики, что и покойный ейный супругъ и сыновья изъ ейной воли не выходили. Да и правнукъ-то, теперешній нашъ баринъ, Дмитрій Степанычъ, ужъ на что до всего дошлый, а и тотъ, почитай, что ни во что здѣсь не вмѣшивается и, можно сказать, гостемъ у насъ живетъ, все хозяйство, значитъ, старой барынѣ предоставилъ. И въ другихъ-то своихъ имѣніяхъ безъ ейнаго совѣта ничего не начнетъ. Она все знаетъ. Да и какъ ей не знать, когда столько лѣтъ прожила на свѣтѣ и все настоящей самовластной хозяйкой, было изъ чего ума набраться. «Я, гритъ, все знаю, и то, что есть, и что было, и что будетъ; меня, гритъ, не проведешь и ничѣмъ ни удивишь».

— Ты изъ дворовыхъ? — прервалъ его Грабининъ, отъ котораго не ускользнули изысканные для мужика обороты рѣчи и

чистота русскаго произношенія собесѣдника, съ первыхъ его словъ.

— Точно такъ-съ, изъ Рассеи съ родителями вывезенъ, изъ-подъ Тулы, и сызмальства при господахъ. Въ казачкахъ при буфетѣ, потомъ въ камардинахъ при барчукахъ. Въ Питеръ они меня съ собою взяли. Тамъ несчастье со мною случилось, и сослали меня въ дальнюю деревню, да на простой дѣвкѣ женили, чтобъ, значитъ, отбить охоту на красавицъ въ дѣвичьей заглядываться, — прибавилъ онъ съ усмѣшкой, немного помолчавъ. — И вотъ теперь, скоро сорокъ лѣтъ, что опять на родинѣ очутился. Барыня наша гнѣвна и не отходчива, старой моей провинности отпустить мнѣ не изволила, въ барскіе хоромы обратно меня не приняла, а приказала отпустить лѣсу на избу, чтобъ строился на указанномъ мѣстѣ и мужикомъ, значитъ, доживалъ бы вѣкъ. Построился, хозяйствомъ обзавелся, женился, жену схоронилъ, дочку замужъ отдалъ, двухъ сыновей женилъ и живу теперь съ внучками-сиротами. Двѣ у меня ихъ было, да старшенькую, Настю, къ молодой барынѣ въ услуженіе взяли, а вторую хочу замужъ выдать...

Не подозрѣвая, какое значеніе будутъ имѣть сообщаемые факты на его судьбу, Грабининъ все разсѣяннѣе и разсѣяннѣе слушалъ старика по мѣрѣ того, какъ они приближались къ берегу. Наступалъ конецъ путешествію: поощряемые громкими криками мужиковъ, кони, мокрые и взволнованные неожиданною ванною, шумно фыркая, втащили карету на крутой песчаный обрывъ рѣки. Мужиковъ, помогавшихъ при переправѣ, одарили мѣдными пятаками изъ кожаной мошны, хранившейся подъ сидѣньемъ (при чемъ, повинуясь безсознательному чувству благодарности къ старику, занимавшему его разсказами во время пути, баринъ приказалъ дать ему вдвое противъ другихъ), кучеръ весело крикнулъ: «трогай!» и экипажъ помчался по длинной деревенской улицѣ, мимо глазѣвшихъ изо всѣхъ оконъ и со всѣхъ крылечекъ бабъ и ребятишекъ.

Деревня Малявино скрылась изъ виду. Оставивъ въ сторонѣ дремучій лѣсъ, съ часъ времени ѣхали по зеленѣющимъ ранними всходами Аратовскимъ полямъ, миновали новый кирпичный заводъ, а затѣмъ конный, проѣхали по землѣ господъ Кандыровыхъ, а тамъ, передъ тѣмъ какъ повернуть за рощицу, карабкавшуюся по пригоркамъ, кучеръ пріостановилъ лошадей, чтобъ дать Ѳедькѣ соскочить съ козелъ, подпрыгнуть къ окну, изъ котораго выглядывалъ баринъ, и скороговоркой возвѣстить:

— Вотъ и Воробьевка, сударь! Извольте взглянуть налѣво, барскіе хоромы видать.

Грабининъ метнулся къ другому окну и увидалъ, промежъ спутанныхъ вѣтвей заглохшаго парка, почернѣвшую отъ времени крышу надъ длиннымъ, осѣвшимъ на сторону, старымъ домомъ.

Зрѣлище было не изъ привлекательныхъ. Садъ совершенно одичалъ и поросъ бурьяномъ, прудъ затянулся иломъ, аллеи проросли высокимъ непролазнымъ кустарникомъ, а постройки разваливались.

Зато въ сторонѣ отъ барскихъ хоромъ, за полверсты отъ него, на юру и одиноко, торчалъ среди лужайки странной архитектуры небольшой домъ, вокругъ котораго было и людно, и оживленно, и шумно. Весь залитый лучами солнца, онъ рѣзко выдѣлялся на темномъ фонѣ парка, давно превратившагося въ дремучій боръ. У заново срубленнаго крыльца, хлопотали куры и тѣснилась пестрая толпа поселянъ въ живописной мѣстной одеждѣ, вызванная сюда бубенчиками приближавшагося экипажа.

И, должно быть, такое событіе, какъ пріѣздъ господъ, было здѣсь въ рѣдкость, если судить по недоумѣнію и жгучему любопытству, не безъ примѣси страха, выражавшимся на всѣхъ лицахъ.

Миновавъ строенія барской усадьбы и оставивъ ихъ далеко за собою, карета повернула прямо къ этому дому.

Толпа раздвинулась, куры съ громкимъ кудахтаньемъ разлетѣлись въ разныя стороны, а черезъ огородъ, кратчайшимъ путемъ, перепрыгивая черезъ ямы и кусты, бѣжалъ безъ шапки, съ развѣвающимися волосами, человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, въ опрятномъ черномъ кафтанѣ и въ высокихъ сапогахъ, управитель Андрей, завѣдывавшій Воробьевкой со смерти старика Вишнякова, который тутъ хозяйничалъ безконтрольно еще при жизни дѣда теперешняго владѣльца.

Шла дѣятельная возня и въ домѣ, гдѣ нѣсколько парней и дѣвокъ, подъ наблюденіемъ красавицы Маланьи, жены Андрея, женщины молодой, строгой и проворной, вытаскивали въ огородъ сундуки и узлы со всякой всячиной.

Бросивъ бѣглый, но зоркій взглядъ на эту возню и мысленно похваливъ супругу за догадливость и распорядительность, Андрей обогнулъ домъ и, подбѣжавъ къ барину, низко ему поклонился.

— Управитель?—спросилъ этотъ послѣдній съ улыбкой.

— Точно такъ-съ. Добро пожаловать, сударь! Заждались мы вашей милости,—весело проговорилъ Андрей, молодцоватымъ движеніемъ головы отряхивая назадъ густыя кудри русыхъ волосъ, спадавшихъ ему на лобъ при поклонѣ, которымъ онъ привѣтствовалъ своего господина.—Мы васъ, сударь, не ждали сегодня, не взыщите за безпорядокъ. Увѣдомили бы раньше о вашемъ пріѣздѣ, все бы нашли готовымъ для вашего пребыванія,—продолжалъ онъ, энергичнымъ взмахомъ руки отгоняя прочь глазѣвшую кругомъ толпу любопытныхъ, чтобы остаться съ бариномъ наединѣ.

— А ты меня здѣсь хочешь помѣстить? Почему же не въ домѣ?

— Тамъ ужъ давно невозможно жить. Покойный Абрамъ Никитичъ все собирался, отъ сырости да отъ крысъ, къ внучкамъ

въ деревню перебраться, да такъ и умеръ, а послѣ его смерти домъ въ еще бо́льшую ветхость пришелъ. Крыша протекаетъ, печи разваливаются, полы давно прогнили. Все это поправлять стало бы въ копеечку вашей милости; вѣдь здѣсь глушь, мастеровыхъ пришлось бы изъ Кіева выписывать, а тамъ все ляхи, такую бы заломили цѣну, что весь годовой доходъ съ Воробьевки имъ бы пришлось отвалить. Вотъ я и надумалъ замѣсто такихъ тратъ, использовать амурный домикъ, что̀ безъ употребленія стоялъ въ паркѣ.

— Амурный домикъ?—переспросилъ Грабининъ.—Вотъ это? — прибавилъ онъ, указывая на строеніе, пестрѣвшее заплатами изъ новаго дерева и съ неуклюжими пристройками, нисколько не отвѣчавшее данному ему названію.

Красивое, чисто русское лицо управителя, его смѣющіеся лукаво глаза, здоровый бодрый видъ и жизнерадостное краснорѣчіе производили такое пріятное впечатлѣніе, что въ бесѣдѣ съ нимъ время летѣло незамѣтно, а этого только и нужно было Андрею: задержать подольше барина на крыльцѣ, чтобъ дать время убрать все лишнее изъ дома.

— Точно такъ-съ, домикъ этотъ споконъ вѣка звали амурнымъ. Кличка эта ему дадена покойнымъ старымъ бариномъ, вашимъ дѣдушкой.

— Ты говоришь, что онъ стоялъ въ паркѣ? Какъ же вы его сюда перенесли?

— Мы его не переносили-съ, мы этотъ самый паркъ вокругъ него вырубили и, такимъ образомъ, къ жилью его приспособили. Если теперь убрать его тѣми коврами, что̀ у насъ въ кладовой хранятся, да кое-какую мебель изъ стараго дома сюда перенести, вашей милости можно будетъ совсѣмъ спокойно цѣлый годъ тутъ прожить, пока новый домъ не выстроимъ.

— Я пріѣхалъ сюда всего только на недѣлю,—объявилъ баринъ.

— Что же это вашей милости не угодно насъ подольше вашимъ присутствіемъ порадовать?—спросилъ Андрей, ловко скрывая, подъ видомъ соболѣзнованія, радость, наполнившую его сердце отъ пріятнаго извѣстія.

— Мнѣ надо только познакомиться съ имѣніемъ, посмотрѣть, какъ идетъ хозяйство, да узнать, нельзя ли побольше извлекать изъ него дохода.

— Хозяйство здѣсь ваша милость найдетъ въ порядкѣ, на томъ стоимъ. Ночь не доспимъ, куска не доѣдимъ, чтобъ барское добро въ цѣлости сохранить, чтобъ все было исправно, а что до денегъ, въ настоящее время у насъ самая малость осталась, по той причинѣ, что вплоть до зимы въ хозяйствѣ однѣ только траты, а доходовъ ждать нельзя. Вотъ еслибъ ваша милость дозволила

хоша бы самую малость лѣса продать, тогда мы бы и съ деньгами были и облегченіе въ хозяйствѣ получили. Народъ кругомъ воръ и разбойникъ отчаянный, отъ однихъ бѣглыхъ съ Дона да изъ Москвы отбою нѣтъ...

Его давно перестали слушать. Баринъ углубился въ мысли, не имѣвшія ничего общаго съ разсужденіями о непроизводительности лѣсного хозяйства. При упоминаніи объ амурномъ домикѣ, въ умѣ его завертѣлись разсказы старыхъ московскихъ тетушекъ и бабушекъ о проказахъ его покойнаго дѣда съ красавицей полькой, которую онъ тайкомъ вывезъ изъ Варшавы, гдѣ состоялъ при царицыномъ послѣ. Польку эту, къ величайшему огорченію законной супруги и ко всеобщему негодованію и соблазну, онъ поселилъ въ родовомъ своемъ имѣніи Воробьевкѣ. На бѣду красавица была замужемъ за паномъ Джулковскимъ изъ мелкой шляхты, но съ большими связями и протекціями. Сутяга и законникъ изъ кіевскаго воеводства, этотъ Джулковскій немедленно отправился въ Петербургъ жаловаться на безчестье, причиненное ему русскимъ офицеромъ, и какъ ни хлопотали Грабининскіе доброжелатели, въ томъ числѣ и своякъ его, Александръ Андреевичъ Безбородко, придать его поступку видъ невинной шалости, и какъ ни расположена была сама царица снисходительно относиться къ такого рода любовнымъ продѣлкамъ, панъ Джулковскій до тѣхъ поръ зудилъ и кляузничалъ, пока не добился приказа вернуть ему, насчетъ похитителя, супругу, съ уплатой крупнаго куша за безчестье.

На имѣніе Грабинина было наложено запрещеніе, тѣмъ болѣе тягостное, что Воробьевка находилась на границѣ Кіевскаго воеводства, гдѣ въ то время хозяйничали соплеменники его соперника и частые наѣзды судей, да разныхъ комиссаровъ, все друзей-пріятелей и собутыльниковъ пана Джулковскаго, не могли не быть особенно убыточны и мучительны для несчастнаго похитителя его жены.

Однимъ словомъ, дѣло кончилось бы несомнѣнно полнѣйшимъ разореніемъ этого послѣдняго, если бъ, на его счастье, поляки не прогнѣвали русскую императрицу какой-то дерзкой выходкой, и еслибъ друзья Грабинина не воспользовались удобнымъ случаемъ ее убѣдить, что не стоитъ такъ жестоко карать дворянина, проливавшаго кровь за отечество, изъ-за безпутной полячки, которая, безъ сомнѣнія, сама соблазнила его на увозъ отъ постылаго мужа.

Слѣдствіе приказано было прекратить, а пану Джулковскому довольствоваться возвращеніемъ ему супруги и уже сорваннымъ всякими правдами и неправдами вознагражденіемъ.

Однако, пятилѣтняя судебная волокита такъ измучила и разорила Грабинина, что вернуться къ прежней жизни онъ былъ

уже не въ силахъ, и онъ повелъ въ своей Воробьевкѣ жизнь озлобленнаго анахорета, удрученнаго мрачными воспоминаніями (а, можетъ быть, и угрызеніями совѣсти), относясь равнодушно не только къ хозяйству, но и къ родному, единственному сыну, котораго мать увезла съ собою въ Москву, когда убѣдилась въ своемъ безсиліи кротостью, покорностью и любовью изгнать изъ сердца мужа привязанность къ иноземкѣ, а такъ какъ прибѣгать къ другимъ мѣрамъ, пользоваться своими законными правами и заступничествомъ вліятельныхъ родственниковъ противъ невѣрнаго мужа ей было не по нраву, то она и предпочла удалиться въ монастырь, гдѣ вскорѣ и скончалась отъ тоски, оставивъ сына на попеченіи своихъ родныхъ.

Когда польку вывезли изъ Воробьевки, и когда кончилось мучительное дѣло взысканій и начетовъ съ имущества Грабинина, всѣ ждали, что онъ пожелаетъ взять къ себѣ сына, чтобы самому заняться его воспитаніемъ, но этого не случилось, и только передъ смертью выразилъ онъ желаніе благословить внука, названнаго его именемъ и котораго онъ былъ воспріемникомъ отъ купели заочно, точно такъ же, какъ заочно далъ свое согласіе на бракъ сына на неизвѣстной ему дѣвицѣ. При послѣднемъ свиданіи онъ, безъ сомнѣнія, открылъ сыну свою истерзанную душу и объяснилъ ему причины, заставившія его обречь себя на затворничество въ молодыхъ еще годахъ; долго говорилъ онъ съ нимъ наединѣ передъ тѣмъ, какъ навсегда смолкнуть, и растроганный Михаилъ Владиміровичъ въ слезахъ вышелъ изъ спальни отца, но сынъ былъ еще слишкомъ малъ, чтобъ посвящать его въ семейныя тайны, а когда онъ достигъ возраста, когда можно было ему все открыть, сдѣлать это было некому: отца его уже въ живыхъ не было.

Такимъ образомъ, зналъ онъ про дѣда только то, что всѣ знали, про внутреннюю же его жизнь ему ровно ничего не было извѣстно.

Много разъ пытался онъ возстановить воображеніемъ подробности любовнаго романа, отъ котораго такъ много выстрадалъ его дѣдъ, но это оказалось такъ же трудно, какъ возстановить сложнѣйшей архитектуры зданіе по кучѣ мусора и камней, оставшихся отъ него...

И вотъ судьба столкнула его съ людьми, которые могли отчасти удовлетворить его любопытство.

— Ты дѣдушку помнишь?—спросилъ онъ у Андрея.

— Какъ не помнить! Я при нихъ въ казачкахъ состоялъ, трубку имъ подавалъ и за ихъ стуломъ стоялъ, когда они изволили кушать. Вѣдь мнѣ, сударь, тридцать шестой годъ идетъ. Когда вашу милость сюда привозили прощаться съ дѣдушкой, я васъ на рукахъ къ нимъ поднесъ. Вамъ, конечно, этого не помнить, а я ужъ тогда жениться мѣтилъ и невѣсту себѣ присмот-

рѣлъ, ту самую Маланью Трофимовну, теперешнюю мою супругу!—съ веселою откровенностью продолжалъ распространяться Андрей, не забывая при этомъ, по временамъ, поглядывать на растворенныя окна дома, мимо которыхъ то и дѣло шныряла его полногрудая красавица жена.

Онъ не ошибся, предполагая, что баринъ ничего не помнилъ изъ того, что онъ старался ему напомнить; какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, важнѣйшее событіе изъ его поѣздки сюда, а именно смерть дѣда, совершенно испарилось изъ его памяти, тогда какъ такое ничтожное событіе, какъ посѣщеніе дома на рѣкѣ Малявкѣ и старуха на кровати подъ балдахиномъ съ золотой птицей, какъ живое, воскресло въ его воображеніи, при первомъ взглядѣ на ту мѣстность, гдѣ онъ это видѣлъ.

Между тѣмъ Андрей, встрѣтившись взглядомъ съ глазами жены, на мгновеніе остановившейся передъ окномъ, чтобъ сообщить ему, что все готово, предложилъ барину войти въ домъ и подкрѣпиться, чѣмъ Богъ послалъ.

— Завтра наши мужички и дичинки изъ лѣсу притащатъ и рыбки въ рѣкѣ наловятъ, да и поваръ вашей милости съ дороги уберется и изготовитъ обѣдъ по вашему вкусу, а ужъ сегодня извольте нашей стряпни отвѣдать, не побрезгуйте, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады,—говорилъ онъ, слѣдуя за бариномъ въ горницу съ большимъ диваномъ, обитымъ кожей, стульями такой же грубой работы и овальнымъ столомъ, уставленнымъ яствами на бѣлой домотканной скатерти.

Пока баринъ кушалъ, въ сосѣдней комнатѣ, изъ которой тоже все лишнее и компрометирующее хозяевъ было вынесено, Ѳедька готовилъ барину постель изъ пышныхъ пуховиковъ и уставлялъ столъ принадлежностями для туалета, флаконами духовъ, банками французской помады, пудрой, красивымъ бритвеннымъ приборомъ, овальнымъ зеркаломъ въ серебряной оправѣ и тому подобными вещами, считавшимися необходимостью для франта тогдашняго времени.

Угощеніемъ молодой баринъ воспользовался на славу. Никогда не ѣдалъ отъ такой вкусной сметаны, такихъ сырниковъ и варениковъ, сочныхъ галушекъ и разсыпчатаго пшенника, желтаго, какъ янтарь. Но когда Маланья, съ торжествующей улыбкой, поставила на столъ глубокое блюдо съ черешнями, баринъ съ изумленіемъ спросилъ:

— Откуда у васъ такія раннія вишни?

— Грунтовой сарайчикъ мы тутъ выстроили за огородомъ,— скромно отвѣчалъ Андрей. — Она у меня охотница до садоводства,— кивнулъ онъ съ усмѣшкой на зардѣвшуюся отъ радостнаго волненія жену.

Ея бѣлая, упругая грудь, увѣшанная монистами, высоко поднималась подъ расшитой разноцвѣтными шелками праздничной

сорочкой, а глаза, съ длинными золотистыми рѣсницами, стыдливо опустились на румяныя щеки.

— Ейное хозяйство. И все съ однѣми бабами, мужиковъ на пустыя затѣи мы не даемъ.

И чтобъ загладить минутную забывчивость, заставившую его занимать барина такими пустяками, какъ его семейныя дѣла, Андрей поспѣшилъ предложить осмотрѣть барскіе хоромы, пока еще не стемнѣло.

— Сами увидите, что отъ нихъ осталось.

Увы, осталось очень мало! Однѣ только развалины подъ грозившей обвалиться крышей. По мнѣнію Андрея, проникнуть въ домъ было опасно, да и затруднительно, въ такую колючую чащу разросся тутъ садъ, нѣкогда наполненный душистыми цвѣтами, съ дорожками усыпанными пескомъ, съ фонтаномъ и тому подобными затѣями.

Полюбовавшись издали руинами, тщетно пытаясь возстановить въ памяти то, что онъ здѣсь видѣлъ двадцать лѣтъ тому назадъ, Грабининъ присѣлъ на исковерканный грозою стволъ стараго дуба, съ безобразно торчавшими черными голыми сучьями, и снова началъ разспрашивать своего спутника про старину.

— Разскажи мнѣ про дѣда. Онъ говорилъ съ тобою когда нибудь?

— Ни съ кѣмъ не изволили они разговаривать, окромя Абрама Никитича.

— Кто это Абрамъ Никитичъ? Здѣсь живетъ? Можно его видѣть?—съ живостью спросилъ баринъ.

— Ужъ восемь лѣтъ, какъ мы Абрама Никитича похоронили, сударь,—отвѣчалъ не безъ удивленія Андрей.— Сами же вы изволили меня назначить управляющимъ послѣ его смерти.

Грабинину стало совѣстно за свою разсѣянность. Теперь онъ вспомнилъ, какъ ему сообщили про смерть стараго управителя, и какъ онъ, по чьему-то совѣту, назначилъ ему преемникомъ Андрея, какъ ближайшаго человѣка къ покойнику и хорошо знакомаго съ хозяйствомъ въ Воробьевкѣ.

— Одинъ только Абрамъ Никитичъ могъ во всякое время входить къ старому барину и говорить съ ними, а мнѣ можно было только изъ щелки двери на нихъ глядѣть, какъ они, бывало, по цѣлымъ часамъ книжки читаютъ или подойдутъ къ окну, да долго, долго вдаль смотрятъ, точно кого-то ждутъ. Другихъ словъ, кромѣ: «Трубку!» либо: «Послать Абрама!» никогда я отъ нихъ и не слыхивалъ.

— А каковъ онъ былъ изъ себя?

— Роста высокаго и наружности худощавой. Глаза темные, всегда задумчивые, и такъ смотрѣли, точно ничего не видятъ. Брови и волоса черные, а борода длинная и совсѣмъ бѣлая. Во-

лось не стригли, по плечамъ кудрями разсыпались. Никогда не улыбались. Да и не съ кѣмъ имъ было шутить да смѣяться, завсегда одни. Чистый дворъ передъ параднымъ крыльцомъ травой еще при нихъ поросъ, топтать ее было некому, ворота завсегда отъ гостей на запорѣ. Абрамъ Никитичъ въ горенкѣ рядомъ съ ихъ спальней жилъ, и кому была до него надобность, черезъ заднее крыльцо къ нему проходили.

— А слышалъ ты про ту полячку, которую дѣдъ привезъ сюда изъ Варшавы?

— Какъ не слышать, когда моя родная тетка, сестра старшая матушки, была для услуженія къ ней приставлена, и денно и нощно, можно сказать, при ней находилась. Она, тетенька-то моя, умѣла по-польски говорить и за это въ большой милости была и у нея, и у барина.

— И долго эта полячка здѣсь прожила?

— Да больше трехъ лѣтъ. Барыня при ней три раза на богомолье ѣздила. Два раза поклониться мощамъ преподобнаго Митрофанія въ Воронежъ, а въ третій разъ въ Москву, да тамъ и осталась съ сыночкомъ, съ вашимъ покойнымъ батюшкой, Михаиломъ Владимировичемъ. Родные не пустили назадъ къ супругу. Тамъ въ скорости и скончалась, какъ еще полячка-то здѣсь была.

— А красива была та полячка?

— Никакой красоты въ ней не было,—съ презрительной усмѣшкой отвѣчалъ Андрей.—Врать не хочу, никогда я ее не видѣлъ, меня и на свѣтѣ не было, когда ее привезли въ Воробьевку, а только и матушка, и тетенька, всѣ, кто ее зналъ, диву дивились, за что только баринъ такъ къ ней пристрастился. Маленькая да щупленькая, худая, какъ щепка, глазищи огромные, а лицо, какъ у ребенка, маленькое. Всегда въ бѣломъ ходила, и другихъ уборовъ, кромѣ бѣлыхъ, у нея не было. Разсказывали, что такой обѣтъ, будто бы, ейная мать Богородицѣ дала, какъ рожала ее, завсегда въ бѣломъ дочку водить. У нихъ, у ляховъ-то, обычаи еще почуднѣе этого есть,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой.—А косы у нея были длинныя и, какъ смоль, черныя, какъ змѣи, вкругъ нея вились, не подобранныя. Воткнетъ, бывало, въ нихъ цвѣтокъ, да такъ распустехой весь день и ходитъ. Зимой кататься любила въ саняхъ, и тоже въ бѣлой бархатной шубѣ на бѣломъ пушистомъ мѣху. Не иначе, какъ приворожила она къ себѣ барина какимъ нибудь зельемъ или наговоромъ. Онѣ, полячки-то, вѣдьмоваты, это вамъ всякій скажетъ, кто съ ними дѣло имѣлъ.

— А съ кѣмъ она отсюда уѣхала? Съ дѣдушкой?—продолжалъ свои разспросы молодой баринъ.

— Нѣтъ, ляхи какіе-то съ ея стороны за нею пріѣхали. Все время, что здѣсь прожили, баринъ изъ своихъ покоевъ не выходилъ и даже ставни въ домѣ не приказывалъ отворять, чтобъ,

значитъ, даже ненарокомъ котораго нибудь изъ усатыхъ чертей не увидать. Не утерпѣлъ бы тогда и, чего добраго, саблей бы зарубилъ, въ такомъ онъ былъ разстройствѣ и гнѣвѣ, что приходилось съ нею разставаться. Разсказывалъ Абрамъ Никитичъ своимъ близкимъ, что самъ приводилъ ее ночью изъ амурнаго домика, гдѣ она жила, передъ тѣмъ, какъ ей ужъ совсѣмъ уѣхать, и что баринъ на колѣняхъ ее упрашивалъ, обливаясь слезами, остаться. «Такъ, гритъ, мы тебя схоронимъ, въ такое надежное мѣсто упрячемъ, что никто тебя не найдетъ, а пока искать будутъ, увезу тебя въ Турцію». У него ужъ все было для этого готово, и кони припасены за мельницей въ оврагѣ, и мѣшокъ съ червонцами лежалъ въ дуплѣ...

— И что жъ?

— Не захотѣла. Побоялась, вѣрно, въ такой опасный и дальній путь пускаться. А, можетъ быть, по родинѣ своей соскучилась, и надоѣло ей жить на чужбинѣ, кто ее знаетъ! Говорили тутъ нѣкоторые, что мужъ ейный не иначе, какъ съ ея согласія, противъ нашего барина дѣло поднялъ, и будто они въ стачкѣ были его обобрать, можетъ, и вправду такъ было. А, между прочимъ, какъ пришли ей сказать, что карета у крыльца, въ отчаянье впала, источнымъ голосомъ завопила, кидалась всѣхъ обнимать и, какъ помѣшанная, металась. «Съ дороги, гритъ, убѣгу и къ вамъ вернусь! Скажите Владиміру, чтобъ меня ждалъ, непремѣнно вернусь!» И, какъ мертвая, на полъ упала. Такъ ее, не дамши очнуться, и увезли. Тотъ усатый полякъ, что всѣмъ распоряжался, шутить не любилъ. «Мнѣ что, гритъ, мнѣ отъ самого пана подскарбія приказано ее живую или мертвую въ Варшаву доставить. Если умретъ дорогой, я въ отвѣтѣ не буду». Ну, какъ съ такими дьяволами толковать? Какъ она потомъ жила—Богъ ее знаетъ, только ужъ, конечно, не такъ хорошо, какъ у насъ. Ничего для нея баринъ не жалѣлъ и чего, чего для нея не выписывалъ! Чѣмъ ее не ублажалъ! Вещами драгоцѣнными, нарядами, сластями. Нарочно для нея домъ выстроилъ и разубралъ на диво, можно сказать. Одна обивка стѣнъ чего стоила! Изъ французскаго шелка на заказъ была сдѣлана. Изъза нея, проклятой, съ роднымъ сыночкомъ разлучился и законную супругу въ гробъ вогналъ... На двадцать четвертомъ году ваша бабушка скончалась...

— И ничего здѣсь съ тѣхъ поръ про эту женщину не было слышно?

— Ничего. Да и не до нея у насъ тогда было, понаѣхалъ судъ, и всякія печали да досады посыпались. Наложили на все печати, нарочно у насъ поселились здѣсь судейскіе, за бариномъ слѣдить, чтобъ не отлучился куда, да изъ своего добра чего бы не скрылъ. Въ родѣ какъ бы въ тюрьмѣ они цѣльныхъ три года въ своемъ родовомъ имѣніи прожили. Въ кажинной мелочи должны

были отчетъ отдавать. Ну, и не вытерпѣли, съ вѣрными своими холопами бунтъ подняли, накинулись ночью на мучителей, избили ихъ да выгнали вонъ изъ села. А они, проклятики, прямо къ своему воеводѣ отъявились съ жалобами, а воевода ихъ назадъ прислалъ, да ужъ не однихъ, а съ солдатами... Насилу баринъ отъ новаго плѣна откупился... Да, подъ большую напасть насъ эта полячка подвела! Отъ самого Абрама Никитича сколько разъ слышалъ про то, что тутъ было раньше! Десятой доли не осталось, вотъ что. А баринъ совсѣмъ одичалъ. По цѣлымъ мѣсяцамъ изъ комнатъ своихъ не выходилъ. Совсѣмъ молодымъ былъ, когда большеглазую вѣдьму въ Воробьевку привезъ, а послѣ ея отъѣзда въ старика обратился, борода побѣлѣла, сгорбился, хозяйство забросилъ, все одинъ съ книжками. Подадутъ кушать да попросятъ ко столу, придетъ, а не позовутъ, и такъ просидитъ, не ѣвши. Всѣмъ домомъ Абрамъ Никитичъ завѣдывалъ, съ нимъ только баринъ и видѣлся. Да вотъ меня, мальчишкой лѣтъ шести, взяли въ домъ изъ людской отъ мамки, чтобъ имъ прислуживать. Даже и въ церковь перестали ходить. Попъ горюетъ бывало: «Какъ я его, грить, хоронить буду, когда онъ у св. Причастія восьмой годъ не былъ?» Однако, когда пришло извѣстіе о барыниной смерти, велѣлъ панихиду служить, и тутъ только народъ его въ церкви увидѣлъ.

Онъ смолкъ. Солнце уходило все ниже и ниже за пригорокъ, покрытый лѣсомъ, и начинало свѣжѣть. Грабининъ, не безъ сожалѣнія, поднялся съ мѣста, чтобъ вернуться въ домикъ управителя. Романическая исторія, знакомая ему въ общихъ чертахъ раньше, принимала особенно поэтическій колоритъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она происходила много лѣтъ тому назадъ, и онъ мысленно давалъ себѣ слово воспользоваться своимъ пребываніемъ здѣсь, чтобъ разузнать ея дальнѣйшія подробности. Безъ сомнѣнія, все это было хорошо извѣстно старымъ товарищамъ и друзьямъ его дѣда, а также и другимъ изъ оставшихся въ живыхъ сотрудниковъ покойной императрицы Елизаветы Петровны, которые и по сихъ поръ не оставляютъ его внука своей лаской. Благодаря имъ, онъ вращается въ лучшемъ столичномъ обществѣ, служитъ въ гвардіи, не обойденъ чинами, получаетъ приглашенія во дворецъ на балы и рауты, удостоился знакомства съ такими личностями, какъ Орловы, Шуваловы, князь Репнинъ, тонкій дипломатъ, быстро шагавшій къ высшимъ государственнымъ должностямъ.

Этому послѣднему Грабининъ немножко завидовалъ, его тонкому воспитанію, знанію иностранныхъ языковъ и придворныхъ обычаевъ. Такъ онъ былъ начитанъ и краснорѣчивъ, что важнѣйшіе государственные люди не скучали съ нимъ подолгу бесѣдовать и принимали въ соображеніе его мнѣнія. А какія интересныя порученія ему давали! Какъ довѣряли его уму и такту!

Передъ отъѣздомъ сюда, Грабининъ встрѣтилъ его у канцлера, графа Воронцова, къ которому князь пріѣхалъ съ какимъ-то секретнымъ докладомъ для императрицы отъ польскаго короля. Обратясь къ Грабинину, котораго графъ отрекомендовалъ ему, какъ сына своего хорошаго пріятеля, Репнинъ сказалъ: «Что бы вамъ, сударь, поступить къ намъ на службу въ Варшаву, чѣмъ баклуши бить въ Петербургѣ? Не спокаялись бы, полячки такія очаровательныя!»

Повидимому, шутка эта не понравилась хозяину, онъ сдвинулъ сердито брови и проговорилъ: «И охота тебѣ, Николай Василичъ, искушать молодого человѣка! Отъ этихъ зловредныхъ полячекъ, кромѣ бѣдъ, русскимъ дворянамъ ничего нельзя ждать». И круто свернулъ разговоръ на другой предметъ.

Теперь только Грабининъ догадался, что не что иное, какъ воспоминаніе о несчастной любовной авантюрѣ съ его дѣдомъ, заставило графа отнестись такъ строго къ шуткѣ князя.

И къ воспоминанію этому начали прицѣпляться другія въ томъ же направленіи, между прочимъ, разговоръ у старой придворной дамы, къ которому онъ разсѣянно прислушивался, и который теперь съ изумительною ясностью всплылъ ему на умъ. Рѣчь шла про этого самаго князя Репнина и про его увлеченіе полячкой, княгиней Чарторижской, но одна изъ дамъ, взглянувъ на Грабинина и, вѣроятно, сообразивъ, что при внукѣ Владимира Васильевича не слѣдуетъ упоминать про опасную прелесть полячекъ, такъ же, какъ и графъ Воронцовъ нѣсколько дней тому назадъ, поспѣшила дать разговору другое направленіе. Вотъ какъ хорошо былъ извѣстенъ несчастный романъ его дѣда въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ!

А вечеръ, между тѣмъ, какъ всегда на югѣ, быстро надвигался. Когда они вышли изъ парка, превратившагося въ густой лѣсъ, сумерки начинали окутывать мѣстность, тѣмъ не менѣе Грабининъ замѣтилъ у крыльца, къ которому онъ направлялся съ Андреемъ, человѣка въ старинномъ ливрейномъ камзолѣ съ свѣтлыми пуговицами, въ короткихъ штанахъ изъ бархата, до такой степени выцвѣтшаго, что невозможно было опредѣлить, какого они были первоначально цвѣта, и въ башмакахъ, съ серебряными пряжками. Онъ разговаривалъ съ хозяйкой Андрея и, завидѣвъ барина, поспѣшно снялъ съ головы шляпу, обшитую галуномъ.

Если бъ въ эту минуту Грабининъ взглянулъ на своего спутника, его поразила бы злобная досада, выразившаяся на его умномъ и красивомъ лицѣ, но это длилось одно только мгновеніе и, быстро оправившись отъ непріятной неожиданности, Андрей все тѣмъ же спокойнымъ и почтительнымъ тономъ объяснилъ, что это Ипатычъ, дворецкій старой малявинской барыни.

— Также и ключникъ, двѣ должности справляетъ и въ полномъ довѣріи у господъ, — нашелъ онъ нужнымъ прибавить, въ то время, какъ человѣкъ съ треуголкой въ рукѣ отвѣшивалъ низкій поклонъ подходившему къ нему барину.

Затѣмъ, выпрямившись настолько, насколько позволяли ему старыя кости, посланецъ г-жи Аратовой произнесъ громкимъ и твердымъ голосомъ:

— Съ пріѣздомъ честь имѣемъ поздравить вашу милость! Наша барыня, Серафима Даниловна, изволила меня прислать, чтобъ напомнить вашей милости, что онѣ ждутъ вашей визиты.

Какъ ни смѣшно было такое требованіе, Грабинину показалось интереснымъ познакомиться съ личностью, считавшей себя въ правѣ относиться къ пріѣзжимъ, какъ къ подчиненнымъ, къ тому же онъ вспомнилъ разсказы старика на перевозѣ, и все это, вмѣстѣ съ желаніемъ провѣрить впечатлѣніе, произведенное на него мѣстностью, по которой протекала рѣка Малявка, заставило его отвѣтить, что онъ не преминетъ засвидѣтельствовать свое почтеніе Серафимѣ Даниловнѣ.

— Поѣдемъ завтра въ Малявино,—сказалъ онъ Ѳедькѣ, когда послѣ сытнаго ужина (во время котораго Андрей занималъ его разговорами о хозяйствѣ, съ цѣлью окончательно успокоить его насчетъ правильнаго веденія дѣла и убѣдить его въ необходимости продать часть лѣса, кромѣ убытка, по его мнѣнію, ничего не приносившаго) Владиміръ Михайловичъ съ наслажденіемъ вытянулся на мягкихъ пуховикахъ, покрытыхъ свѣжимъ бѣльемъ.

Послѣ двухнедѣльнаго путешествія по тряскимъ дорогамъ, съ ночлегами гдѣ ни попало и часто подъ открытымъ небомъ, отдохнуть въ постели было очень пріятно.

Потушивъ свѣчу у кровати и оправивъ лампадку передъ образами, Ѳедька вышелъ изъ спальни, плотно притворивъ дверь, и вошелъ въ сѣни, гдѣ ждалъ его управитель.

— Ну, что? Не раздумалъ онъ ѣхать въ Малявино?—спросилъ Андрей взволнованнымъ шопотомъ, едва только фигура Ѳедьки вырѣзалась на бѣлесоватомъ фонѣ весенней ночи, освѣщенной луной.

— Какое тамъ! Такъ приспичило, что завтра утромъ хочетъ ѣхать.

— Завтра?! И какой дьяволъ успѣлъ донести старой каргѣ о его пріѣздѣ?—съ досадой замѣтилъ Андрей.

— Должно быть, черезъ тѣхъ мужиковъ, что̀ переѣзжать намъ черезъ рѣку помогали, до господскихъ хоромъ про насъ дошло. Много ихъ было...

— Не иначе, какъ черезъ нихъ, — согласился Андрей, съ досадой почесывая въ затылкѣ, и, мелькомъ глянувъ на своего собесѣдника, точно желая узнать, можно ли ему довѣриться, онъ прибавилъ: — намъ бы денька на два здѣсь барина задержать.

Хотѣлъ тутъ нужный человѣчекъ изъ города пріѣхать, выгодное дѣльце съ нимъ можно бы устроить... дорогую бы цѣну за лѣсъ далъ и денежки наличными, польскими червонцами бы выложилъ. Неужто-жъ нельзя какъ нибудь оттянуть? А? Остался бы ты нами доволенъ, паренекъ? Вонъ, твой тятька все на Василія жалуется, что рѣку отъ него запрудилъ, не даетъ рыбкѣ къ его огороду подплыть, всю себѣ перехватываетъ, мы бы это дѣло побожески разсудили...

— Знаю я, Андрей Иванычъ, что вы моего старика не оставляете, и всей бы душой радъ вамъ услужить, да ничего не подѣлаешь. Упрямый у насъ баринъ и, когда разъ заберетъ себѣ что въ голову, непремѣнно на своемъ поставитъ. А совѣтовъ онъ и отъ равныхъ себѣ не любитъ слушать, не то, что отъ хамовъ. Сунься къ нему съ совѣтомъ, такъ шарахнетъ, что и жизни не обрадуешься.

— Такъ неужто жъ нельзя какую нибудь помѣху придумать, чтобъ завтра раздумалъ въ Малявино ѣхать? На карету сослаться, либо на лошадей? Не захочетъ онъ съ визитой ѣхать въ простой тѣлежкѣ и на нашихъ лошадяхъ.

— А Степана-то куда мы дѣнемъ? Это такой гусь, что скорѣе дастъ себя на куски распластать, чѣмъ на лошадокъ своихъ напраслину взведетъ.

— Чортъ!—выругался вполголоса Андрей и, подавивъ порывъ досады, прибавилъ:—ну, и пусть ѣдетъ! Воля его. Если потомъ будетъ каяться, не наша вина.

Онъ большими шагами направился къ старой банѣ на заднемъ дворѣ, куда перебрался съ семьей, уступивъ свое помѣщеніе барину.

Дѣти его, напуганныя запрещеніемъ попадаться на глаза пріѣзжимъ и угрозой быть въ кровь высѣченными въ случаѣ ослушанія, давно ужъ спали, забившись въ конурку, но хозяйка Андрея съ замирающимъ сердцемъ поджидала мужа, моля Бога оградить ихъ отъ бѣды.

— И что это ему вздумалось пріѣхать? Ужъ не донесъ ли кто на тебя письмомъ?—съ тяжелымъ вздохомъ проговорила она, выслушавъ повѣствованіе мужа о неудачной попыткѣ отклонить поѣздку барина въ Малявино. — Попыталъ бы ты про это Ѳедюху? Ему бы, кажись, какъ не знать, завсегда при баринѣ.

— Скажетъ такой хитрый, какъ же! На Степана сваливаетъ, будто ужъ такъ барину преданъ, что ничѣмъ и не подкупишь, и не умолишь, а самъ, поди, чай, лукавѣе Степана окажется. Ты съ ними осторожнѣе себя соблюдай, съ обоими, а также и съ поваромъ, и съ форейторомъ. Языка не распускай даже и въ такомъ случаѣ, если бъ зачали тебѣ барина ругать, чтобъ глаза отвести. Знаемъ мы этихъ питерскихъ, имъ ничего не стоитъ родного отца подъ плети подвести изъ-за своей выгоды. А насчетъ письмен-

наго доноса я не боюсь, изъ-за письменнаго доноса онъ бы сюда не пожаловалъ. Да и по всему видать, что до сихъ поръ никто ему худа про меня не говорилъ, а вотъ что завтра будетъ, когда онъ у малявинской вѣдьмы побываетъ!..

— Что же она ему можетъ про насъ сказать? Кажись, у насъ все въ порядкѣ,—нерѣшительно вымолвила Маланья.

— А вотъ мы это завтра узнаемъ,—мрачно замѣтилъ ея мужъ, поворачиваясь къ стѣнѣ, чтобъ заснуть.

Но сонъ не шелъ ему на глаза, и, полежавъ нѣсколько минутъ неподвижно, онъ снова вернулся къ прерванному разговору.

— Я надумалъ къ монаху съѣздить на всякій случай. Надо посовѣтоваться. Ты завтра за народомъ поглядывай, чтобъ ни единая душа изъ усадьбы не отлучалась. И всякаго, кто придетъ изъ чужихъ, вели къ себѣ приводить, чтобъ знать, къ кому явился и зачѣмъ. Я, какъ провожу его, такъ махну въ лѣсъ. Если что, придется спасаться подальше отсюда. Тогда, вѣдь, всѣ, какъ собаки, накинутся. Недруговъ-то у насъ здѣсь много. Намеднись Иванъ изъ Жуковки сказывалъ, будто Лукашку въ Боровинскомъ лѣсу видѣли, изъ медвѣжьей берлоги вылѣзалъ. А этотъ, сама знаешь, въ ложкѣ воды насъ готовъ утопить. Хорошо бы также и Махмутку повидать, намъ отъ него помощь великая можетъ быть.

— Неужто жъ намъ придется въ степь къ киргизамъ переѣзжать? — вскричала въ ужасѣ Маланья.

— Тише ты, оглашенная! Дѣтей перебудишь, — сердито зашипѣлъ на нее мужъ. — Это бы еще слава Богу, кабы удалось до степи добраться! Не вышло бы чего хуже,—прибавилъ онъ сквозь зубы.—Ну, чего загодя ревѣть! — запальчиво возвысилъ онъ голосъ, услышавъ ея всхлипыванiе. — Обвязался я тутъ съ вами, нѣтъ моей волюшки по-своему поступать! Эхъ! — крякнулъ онъ съ досадой. — Набилъ бы себѣ поясъ червонцами, котомку за плечи, ножъ за поясъ, только бы меня здѣсь и видѣли. Божiй мiръ великъ, человѣку, когда онъ одинъ, вездѣ можно отъ лиходѣевъ скрыться. И даже забираться далеко не надо: сама знаешь, какихъ дѣловъ понадѣлалъ тотъ, что въ лѣсу у насъ отшельникомъ живетъ.

— Это въ скиту-то?

— Въ скиту!—съ усмѣшкой повторилъ Андрей.—Пусть будетъ скитъ по-твоему, по-бабьему, пусть человѣкъ этотъ будетъ святымъ отшельникомъ. Такой святости завсегда можно набраться, когда ничего больше не остается дѣлать, а мы до этого еще не дошли, мы еще за себя постоимъ... Да что съ тобою толковать! Сказано: сбирайся и на все будь готова, вотъ и все тутъ. Куда повезу, туда и поѣдешь.

— А дѣтки?—чуть слышно спросила она.

— Все въ свое время узнаешь, пустыми разспросами не докучай, такое приспѣло время, что надо съ умомъ собраться. Ты, знай,

помалкивай, да помни мужнинъ приказъ: пуще всего пріѣзжихъ опасаться и ни къ какимъ разговорамъ ихъ не допускать, поняла?

— Поняла, Андрей Ивановичъ,—съ глубокимъ вздохомъ отвѣчала Маланья.

II.

Подъѣзжая на другой день къ селу Малявину, Грабининъ все больше и больше убѣждался, что память ему не измѣнила, и что онъ ужъ раньше видѣлъ барскую усадьбу, которую наканунѣ за тополями разглядѣть не могъ.

Все ему было здѣсь знакомо, и барскій домъ съ неуклюжими пристройками и надстройками, увѣнчанный четырехугольной башней, съ галлерейкой на верхушкѣ, и высокое крыльцо съ мраморными, крутыми и растрескавшимися ступенями, и лужайка передъ нимъ, съ каменной фигурой безъ головы и безъ рукъ на высокомъ столбѣ. Вспомнилось ему, что и двадцать лѣтъ тому назадъ фигура эта была въ томъ же видѣ.

Навѣрное узнаетъ онъ и садъ, гдѣ рѣзвился съ другими дѣтьми. Увидитъ ли онъ этихъ дѣтей?

А страшная старуха съ птичьимъ клювомъ, неужели это—та самая Серафима Даниловна, которая такъ властно вытребовала его къ себѣ?

Забывая о времени, истекшемъ между сегодняшнимъ днемъ и тѣмъ, когда онъ былъ здѣсь раньше, Грабининъ невольно искалъ знакомыхъ лицъ между дворовыми, высыпавшими къ нему навстрѣчу, растворяя передъ нимъ двери со стремительною поспѣшностью, чтобъ ввести его въ обширныя сѣни, съ окнами уставленными хозяйственными заготовками въ бутыляхъ, въ банкахъ, боченкахъ, а оттуда въ длинную вонючую лакейскую, откуда, сбросивъ плащъ на руки Ѳедьки, который казался настоящимъ принцемъ въ сравненіи съ окружавшей ихъ обтрепанною челядью, онъ прослѣдовалъ за дворецкимъ, тѣмъ самымъ старикомъ, пріѣзжавшимъ наканунѣ его приглашать, въ круглую залу, скудно освѣщенную свѣтомъ, падавшимъ съ потолка черезъ окно, съ выбитыми и заткнутыми грязными тряпками стеклами. Со средней перекладины этого окна спускалась люстра, страшилище въ чехлѣ, засиженномъ мухами, и густо обвитое паутиной. Вдоль стѣнъ чернѣлись длинныя впадины хоръ, а въ нишахъ печально выставляли свои атрибуты мраморныя музы, точно жалуясь на жестокую судьбу, покинувшую ихъ въ этой пустынѣ, гдѣ онѣ никому не нужны и ничей не могутъ услаждать взоръ.

Изъ этой залы провели его по другимъ покоямъ, тоже запущеннымъ; всюду голыя стѣны носили слѣды сырости, а разставленная симметрично мебель, окутанная, какъ саванами, побу-

рѣвшими чехлами, напоминала усыпальницу съ надгробными памятниками; вездѣ царилъ полумракъ отъ грязи и тряпокъ, которыя препятствовали дневному свѣту пробиваться сквозь разбитыя стекла.

При ближайшемъ осмотрѣ домъ оказывался много вмѣстительнѣе, чѣмъ можно было предполагать, глядя на него снаружи. Благодаря постепенно придѣланнымъ пристройкамъ, онъ расползался въ ширь, въ глубь и вверхъ, вопреки элементарнѣйшимъ правиламъ архитектуры и эстетики, съ цѣлью вмѣстить многочисленную семью; теперь же, судя по тому, въ какую онѣ пришли ветхость, постройки эти оказывались лишними.

«Зачѣмъ водитъ онъ меня по этимъ руинамъ? Навѣрное существуетъ болѣе краткій и удобный путь къ жилой половинѣ дома?» — спрашивалъ себя Грабининъ, слѣдуя за своимъ проводникомъ.

Наконецъ, они вошли въ длинный и широкій коридоръ, съ окнами по обѣимъ сторонамъ, вѣроятно, служившій нѣкогда портретной галлереей, если судить по гвоздямъ и обрывкамъ веревокъ, непріятно пестрившимъ стѣны. Тутъ, по внезапно измѣнившейся походкѣ дворецкаго, по тому, какъ онъ почтительно весь подобрался, приближаясь къ плотно притворенной двери, Грабининъ догадался, что насталъ конецъ его странствованію, и что онъ скоро увидитъ владѣлицу этого своеобразнаго жилища.

Онъ не ошибся, дверь безшумно пріотворилась раньше, чѣмъ до нея успѣли притронуться, и степенный женскій голосъ спросилъ:

— Это вы, Захаръ Ипатычъ?

— Доложите барынѣ, Дарья Трофимовна, что воробьевскій молодой баринъ изволили къ нимъ пожаловать,—объявилъ дворецкій.

Дверь немедленно широко распахнулась, и на порогѣ появилась женщина лѣтъ шестидесяти, съ серьезнымъ лицомъ, въ бѣломъ очипкѣ и въ опрятномъ платьѣ изъ домотканной холстинки.

— Пожалуйте, сударь,—обратилась она съ поклономъ къ посѣтителю, приглашая его движеніемъ руки войти въ комнату, показавшуюся этому послѣднему свѣтлой, опрятной и уютной послѣ мрачныхъ покоевъ, черезъ которые его сюда привели.—Извольте здѣсь маленько пообождать, барыня еще не удосужилась второй свой туалетъ справить. Кандьяровскіе мужики ихъ задержали, выгономъ хотятъ отъ насъ попользоваться. Какъ уйдутъ, я той же минутой вашей милости доложу.

Проговоривъ это, не спуская глазъ, полныхъ любопытства съ гостя, она юркнула въ маленькую дверь, прятавшуюся за высокой, выложенной пестрыми изразцами печкой, а Грабининъ остался одинъ. Озираясь по сторонамъ, онъ увидалъ передъ дверью, растворенной на балконъ, большія пяльцы. По положенію наскоро отодвинутато стула, да потому, какъ небрежно была наброшена бѣлая скатерть на работу, нельзя было не догадаться, что ее по-

кинули съ большою поспѣшностью. Комната была большая и глубокая, но въ ней было тѣсно отъ множества шкаповъ, шкапчиковъ и поставцевъ разныхъ формъ и величинъ, а также отъ столовъ, покрытыхъ тщательно завернутыми въ бумагу предметами. Въ углахъ тѣснились туго набитые, крѣпко перевязанные и припечатанные бурымъ сургучемъ мѣшки и мѣшечки, вороха талекъ и холстовъ, а стѣны были увѣшаны пучками засыхающихъ травъ и кореньевъ, отъ которыхъ распространялся острый запахъ, поразившій обоняніе Грабинина, когда сюда растворилась дверь. На одной изъ стѣнъ, промежъ пучковъ травъ и мѣшечковъ, вѣроятно, съ сѣменами, красовалось великолѣпное зеркало въ фарфоровой рамѣ, тонкой венеціанской работы, передъ которымъ Грабининъ остановился, чтобъ полюбоваться красивой и нарядной фигурой, отразившейся въ немъ.

И было чѣмъ залюбоваться. Въ тотъ день утромъ, отдохнувъ отъ дороги, онъ проснулся въ веселомъ настроеніи, и когда Ѳедька спросилъ, какое ему приготовить платье для визита въ Малявино, ему вздумалось поразить старуху-сосѣдку наимоднѣйшимъ столичнымъ нарядомъ, въ которомъ онъ щеголялъ проѣздомъ черезъ Москву, и онъ приказалъ подать французскій кафтанъ изъ гранатоваго бархата съ свѣтло-зеленымъ «веръ помъ» камзоломъ; Ѳедька, въ восторгѣ, что баринъ появится въ полномъ блескѣ передъ обитателями здѣшняго мурья, поспѣшилъ исполнить приказаніе, не забывъ и черные шелковые чулки съ бѣлыми крапинками, башмаки съ золотыми пряжками и пышное кружевное жабо съ такими же манжетами. Но въ чемъ онъ особенно старательно развернулъ свой талантъ камердинера и ученика лучшаго столичнаго волосочеса, это при уборкѣ головы своего барина: такъ усердно онъ его напудрилъ и искусно взбилъ ему кокъ, что хоть на придворный балъ, такъ въ ту же пору.

Глядя на себя въ зеркало, Грабининъ долженъ былъ сознаться, что Ѳедька и камердинеръ, и волосочесъ изрядный. Но любоваться собою даже самому красивому щеголю, когда у него есть умъ, минутъ черезъ пять прискучитъ, и онъ отошелъ отъ зеркала, чтобъ выйти на балконъ и взглянуть на садъ съ яблонями, грушами и сливами, покрытыми, какъ инеемъ, бѣлыми и розовыми цвѣтами.

«Гдѣ теперь тѣ веселые ребята, съ которыми я здѣсь рѣзвился двадцать лѣтъ тому назадъ?»—думалъ онъ, блуждая скучающимъ взглядомъ по пустымъ дорожкамъ и тропинкамъ, разбѣгавшимся въ разныя стороны подъ тѣнью деревъ, пронизанныхъ золотомъ солнечныхъ лучей. Царившая здѣсь тишина нарушалась только изрѣдка отдаленнымъ гуломъ, доносившимся сюда изъ села, да стукомъ колесъ изрѣдка проѣзжавшей по дорогѣ телѣги, въ саду же было также пустынно и молчаливо, какъ и въ заброшенныхъ парадныхъ комнатахъ, черезъ которыя его сюда провели.

И вдругъ, въ ту самую минуту, когда онъ уже отчаивался увидѣть тутъ живую душу и съ досадой себя спрашивалъ: долго ли его заставятъ ждать, и не уѣхать ли ему, не повидавшись съ малявинской старой барыней, тратившей такъ много времени на свой туалетъ, въ боковой аллеѣ зашуршали листья подъ чьими-то торопливыми шагами, и на открытое пространство передъ балкономъ выбѣжала молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ.

Она такъ страстно прижимала его къ груди, склонившись надъ нимъ лицомъ, что, кромѣ густого шиньона золотистыхъ волосъ, разсыпавшихся изъ-подъ гребенки кудрями по ея плечамъ, въ первое мгновеніе Грабининъ ничего не увидѣлъ, но, поровнявшись съ балкономъ, съ котораго онъ съ любопытствомъ на нее смотрѣлъ, перегнувшись черезъ перила, она, какъ вкопанная, остановилась, откинула назадъ голову и остановила на немъ испуганный взглядъ большихъ темныхъ глазъ.

Это длилось всего только нѣсколько мгновеній; быстро опомнившись, она побѣжала дальше и почти тотчасъ же скрылась у него изъ виду, но онъ успѣлъ разглядѣть черты прелестнаго лица, нѣжныя блѣдныя щечки, зардѣвшіяся густымъ румянцемъ подъ его очарованнымъ взглядомъ, пурпуровыя губки, на которыхъ трепеталъ подавленный крикъ изумленія, а въ особенности глаза, темные и глубокіе, съ выраженіемъ страха и мольбы.

Такихъ глазъ ему никогда еще не случалось видѣть ни у одной изъ красавицъ, которыми хвастались обѣ русскія столицы! Богъ знаетъ, что отдалъ бы онъ, чтобъ еще разъ встрѣтиться съ ними взглядомъ! Впрочемъ, все въ ней было очаровательно: тонкая, гибкая фигура въ складкахъ прозрачной бѣлой кисеи, развѣвавшіеся по вѣтру золотые кудри, маленькія стройныя ножки въ зеленыхъ сафьянныхъ башмачкахъ, руки, судорожно прижимавшія къ груди ребенка, такъ страстно, точно она съ нимъ спасалась бѣгствомъ отъ смертельной опасности; все ея существо дышало такою неземною, таинственною прелестью, что казалось видѣніемъ изъ другого міра.

Кто она? Отъ кого бѣжитъ? Какая ей грозитъ опасность? Какъ ей помочь?

Увы! на вопросы эти отвѣта не находилось. А между тѣмъ въ мечтахъ о прелестномъ явленіи, онъ не только перестала замѣчать, какъ летитъ время, но и забылъ, гдѣ онъ и чего ждетъ. Постоявъ довольно долго на томъ же мѣстѣ, глядя вслѣдъ исчезнувшему видѣнію, онъ вернулся въ комнату, съ твердымъ намѣреніемъ найти красавицу, хотя бы для этого пришлось весь день и всю ночь блуждать по лабиринту мрачныхъ покоевъ, пока онъ не встрѣтитъ, если не ее, на такое счастье онъ не смѣлъ разсчитывать, то, по крайней мѣрѣ, кого нибудь, кто бы ему сказалъ, кто она, и какъ сдѣлать, чтобъ снова ее увидѣть.

О неудобствѣ похожденій такого рода въ чужомъ домѣ онъ и не помышлялъ; въ томъ возбужденномъ состояніи, въ которомъ онъ находился, все казалось ему возможнымъ и позволительнымъ для достиженія цѣли. Теперь вся окружающая его обстановка дышала ею и говорила ему о ней. Это она, безъ сомнѣнія, торопливо оторвавшись отъ работы при его приближеніи, отодвинула стулъ передъ пяльцами и накинула на шитье скатерть...

Зачѣмъ она поторопилась бѣжать отсюда? Зачѣмъ не дала ему войти, чтобъ поближе съ нею познакомиться? Услышать ея голосъ? Онъ сумѣлъ бы заинтересовать ее собою, сумѣлъ бы безъ словъ, однимъ взглядомъ ей выразить, какое она неизгладимое произвела на него впечатлѣніе!

Размышляя такимъ образомъ, онъ осторожно приподнялъ скатерть и залюбовался изящнымъ вкусомъ, съ которымъ были подобраны тѣни и сдѣлана вышивка. Какъ живые, выдѣлялись цвѣты и бабочки на нѣжномъ бланжевомъ фонѣ, каждый лепестокъ, каждая травка представляла собою образецъ вкуса и искусства. Да иначе и не могло быть, все, до чего бы ни дотронулись прелестныя ручки обаятельнаго существа, метеоромъ пролетѣвшаго мимо него, чтобъ навсегда смутить ему душу страстнымъ желаніемъ снова его увидѣть, не могло не носить отпечатка присущей ему граціи и красоты...

Отойдя отъ пялецъ, онъ замѣтилъ на полу подъ ними нѣсколько живыхъ цвѣтовъ, бутонъ розы, фіалки, служившіе ей, безъ сомнѣнія, образцомъ для вышивки. Стремительно бросился онъ ихъ поднимать и едва успѣлъ сдѣлать это, какъ у двери послышался шорохъ, и явилась старушка, которая ввела его сюда, съ приглашеніемъ пожаловать къ старой барынѣ.

Торопливо спрятавъ похищенное сокровище въ боковой карманъ, онъ послѣдовалъ за Дарьей Трофимовной въ сосѣдній покой, еще больше и глубже перваго, съ широкой кроватью подъ штофнымъ пологомъ посреди, на которой, опираясь сгорбленной спиной о подушки, полулежала старуха въ атласной стеганой душегрѣйкѣ, подбитой и отороченной дорогимъ мѣхомъ.

Она была больше похожа на мумію, чѣмъ на живого человѣка. Пожелтѣвшая и жесткая, какъ пергаментъ, кожа была мертвенна, какъ у покойника; ротъ, втянутый внутрь, представлялъ изъ себя синеватую полоску, когда она молчала, а когда онъ раскрывался— отвратительную черную впадину; заострившійся носъ рѣзко выступалъ на осунувшемся и съежившемся лицѣ. Живого на этомъ лицѣ были только глаза, горѣвшіе любопытствомъ и злой ироніей. На головѣ этого живого мертвеца былъ высокій чепецъ изъ пожелтѣвшихъ кружевъ, а ея длинные, темные пальцы, крючковатые и въ узлахъ, были украшены перстнями съ крупными драгоцѣнными каменьями.

— Здравствуй, щеголекъ, — зашамкала она беззубымъ ртомъ, протягивая ему руку, которую онъ почтительно поднесъ къ губамъ. — Спасибо, что такъ скоро на мой зовъ откликнулся. Не совсѣмъ, значитъ, дураки тебя воспитали, когда научили почитать старыхъ людей. Ты мнѣ любопытенъ. Споконъ вѣка Аратовы съ Грабиниными дружбу водили. У дѣда твоего, озорника Владимира Василича, я посаженой была при вѣнчаніи, а когда отецъ твой родился, звали меня къ нему крестной, да въ тѣ поры я ужъ третій годъ безъ ногъ лежала...

При рожденіи его отца она ужъ была безъ ногъ... значитъ это онъ ее видѣлъ двадцать лѣтъ тому назадъ!

Невольно поднялъ онъ глаза къ потолку: птица была на своемъ мѣстѣ. Позолота сошла съ нея почти совсѣмъ, но все также побѣдоносно были распущены ея крылья, также зловѣще изгибался клювъ, и также цѣпко впивалась она острыми когтями въ тяжелыя складки выцвѣтшаго штофа такой доброты, какой въ описываемое нами время можно было достать только на тѣхъ фабрикахъ за границей, гдѣ вырабатывали ткани по особому заказу коронованныхъ особъ при французскихъ и итальянскихъ дворахъ.

Но Грабининъ, все еще находясь подъ впечатлѣніемъ прелестнаго видѣнія въ саду, ничему не могъ удивляться. Все казалось ему въ порядкѣ вещей въ этомъ странномъ таинственномъ домѣ, скорѣе похожемъ на жилище злой колдуньи, державшей въ плѣну черноокихъ красавицъ, чѣмъ на жилище русской помѣщицы. Скорѣе бы только представилась возможность увидать еще разъ очаровательную плѣнницу и высказать ей, какое она произвела на него впечатлѣніе.

— Подойди ко мнѣ ближе, дай на себя посмотрѣть, — продолжала между тѣмъ старуха, съ любопытствомъ, не стѣсняясь его смущеніемъ, осматривая его съ ногъ до головы. — Красавецъ, въ дѣда. Вотъ такой же былъ, какъ ты теперь, передъ тѣмъ какъ блажь на себя напустить... И для чего ты такъ вырядился? Здѣсь прельщать некого, живемъ просто, какъ до насъ люди жили, такъ и мы... Понапрасну только бархатный кафтанъ треплешь, приберегъ бы его лучше на смотрины невѣсты... И богатей же ты, должно быть, чтобъ такъ роскошничать! Въ башмакахъ съ золотыми пряжками по нашимъ трущобамъ разъѣзжать! Да у насъ здѣсь такіе водятся раклы, что изъ-за алтына готовы человѣка укокошить. Прознать имъ только, какими ты дорогими штучками понавѣшанъ, издалека сбѣгутся тебя, простофилю, ограбить...

И, говоря такимъ образомъ, она прикасалась крючковатыми пальцами до его пуговицъ, щупала бархатъ его кафтана, перебирала брелоки, украшавшіе его часовую цѣпочку, и вскидывала на него острый взглядъ своихъ пронзительныхъ глазъ. Ему становилось жутко подъ этимъ взглядомъ, но, вспомнивъ разсказы ста-

рика на переправѣ, онъ сообразилъ, что золотокудрая красавица не кто иная, какъ жена молодого барина, ея правнука, онъ подавилъ отвращеніе, внушаемое ему старою вѣдьмою, и, съ вниманіемъ прислушиваясь къ ея рѣчи, мысленно молилъ Бога, чтобъ она не догадалась о причинѣ его терпѣнія.

Удалось ли ему ее провести, или просто потому, что старуха обрадовалась случаю поболтать съ чужимъ человѣкомъ, такъ или иначе, но она дала полную волю своему языку и любопытству, пересыпая разсказы о старинѣ разспросами о томъ, что происходитъ въ петербургскомъ свѣтѣ, изъ котораго она удалилась болѣе полустолѣтія тому назадъ.

— Мода у васъ теперь вѣрно драгоцѣнностями себя увѣшивать. Въ наше время все это въ ларцахъ подъ спудомъ хранилось и только при особыхъ случаяхъ вынималось, потому и цѣло было. Много изрядныхъ штучекъ найдется здѣсь и послѣ моей смерти... Да, да, дождаться бы имъ только, чтобъ Серафима Даниловна дышать перестала, много имъ добра останется, — распространялась она, видимо напавъ на любимую тему.—Статуй у меня есть тальянскаго мастера, такого знаменитаго, что цѣны тому статую нѣтъ. Мнѣ эту штуку привезъ въ подарокъ изъ тальянской земли за услугу князь Василій Репнинъ. Теперь сынокъ его въ важные люди вылѣзъ... Слыхалъ вѣрно? Царскимъ посломъ въ Варшавѣ?

— Имѣю счастье быть лично знакомъ съ княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ. Незадолго до выѣзда моего изъ столицы видѣлъ его у графа Воронцова,—объявилъ Грабининъ.

— Это у Романа, что ли? Дочь его, Катеринка, что за Дашковымъ, немало набѣдокурила послѣ кончины императрицы Елизаветы Петровны, моей благодѣтельницы, царствіе ей небесное!... Ну, да это не твоего ума дѣло, молодъ ты, чтобъ о поступкахъ высокихъ особъ судить,—поспѣшила она оговориться, и, не давая гостю объяснить, что онъ упомянулъ не про графа Романа, а про графа Михаила Воронцова, канцлера, она продолжала: — разскажи ты мнѣ про Репнина, зачѣмъ его въ Питеръ вызвали, когда онъ долженъ въ Варшавѣ сидѣть да за кознями поляковъ слѣдить?

— Съ донесеніями къ государынѣ пріѣзжалъ.

— То-то съ донесеніями. Не донесли на него бы про его шашни съ красавицами. Чарторижскаго Адама жонка, Изабелка, говорятъ, веревки изъ него вьетъ. Довольно это обидно про русскаго вельможу слышать! И съ коихъ поръ дьяволъ насъ этими полячками въ соблазнъ вводитъ! Еще при Святополкѣ Окаянномъ преподобный Моисей Угринъ черезъ полячку въ заточеніи мученичество принялъ. Красавецъ былъ, такой же, какъ и твой дѣдъ, а онѣ на мужскую красоту такъ же падки, какъ и на деньги, и на наряды. Распалилась та полька до изступленія и цѣлыхъ пять лѣтъ искупала его въ темницѣ свободой, сокровищами, почестями, чтобъ только въ

любовную съ нею связь вступилъ. Воздержался, однако, праведный мужъ и за такой подвигъ послѣ смерти къ лику святыхъ причтенъ. Молятся ему теперь отъ польскаго соблазна и, говорятъ, помогаетъ. Въ былое время совѣтовала я и дѣду твоему сходить пѣшкомъ въ Кіевъ, мощамъ преподобнаго Моисея Угрина поклониться, не послушался и вотъ полъ-состоянія да разсудка лишился. Совсѣмъ помѣшаннымъ скончался. Твержу я и моему Митяйкѣ: не возжайся ты съ этими іезуитками, вспомни про святого Моисея Угрина да про сосѣда нашего Грабинина! И Репнинъ попался... Я Репниныхъ давно знаю, какъ еще въ дѣвкахъ была! Тогда царь Петръ Алексѣичъ Россіей правилъ, а Аникита Репнинъ при немъ вѣрнымъ помощникомъ былъ. Уменъ былъ. Ну, да царь Петръ при себѣ дурака не сталъ бы держать. Вмѣстѣ шведовъ колотили. Внукъ-то, по всему видать, попроще вышелъ, да по нонѣшнимъ временамъ и такой за умницу сойдетъ. Однако и онъ бы больше пользы принесъ отечеству, кабы не нѣмецкое воспитаніе. Въ басурманскихъ земляхъ учился противъ русскихъ враговъ воевать! — прибавила она съ презрѣніемъ. — А дѣда его мнѣ грѣхъ поминать лихомъ, кажинный день во дворцѣ встрѣчались и другъ другу сюпризы дѣлали... Что тамъ еще?—прервала она свою рѣчь, чтобъ обернуться къ пологу, слегка заколыхавшемуся въ ногахъ кровати, гдѣ, повидимому, была беззвучно растворявшаяся дверь.

Пологъ чуть-чуть раздвинулся, и въ образовавшемся между складками отверстіи появилось блѣдное женское лицо, съ прямымъ носомъ и впалыми, безпокойно бѣгающими глазами.

— Молодая барыня барчука изъ флигеля къ себѣ унесла!—задыхающимся отъ волненія шопотомъ проговорила она.—Заперлась...

— Пошли Дарью!—отрывисто приказала старуха.

Лицо скрылось, и Серафима Даниловна снова обратилась къ своему посѣтителю.

— Я съ государыней Анной Ивановной въ дружбѣ была. Другіе ея любимца, Бирона-проклятика, боялись, а я ни крошечки, за то онъ меня и уважалъ. Все отъ человѣка зависитъ, какъ себя поставить. Другіе дрожма дрожали передъ царемъ Петромъ, а мнѣ онъ вовсе не былъ страшенъ. За смѣлость онъ меня и любилъ. Я бѣдовая была. Самому царю перечила, не пошла за того носатаго, котораго онъ мнѣ сваталъ, а сама выбрала себѣ мужа. Изъ всѣхъ моихъ дѣтей и внуковъ одинъ только правнукъ Митяйка въ меня уродился, хитроумный и отчаянный. Чай про стычки его съ Орловыми слышалъ? Изъ-за своего озорства долженъ былъ царскую службу оставить. Невозможно ему стало съ Орловыми въ столицѣ оставаться. До драки ужъ между ними доходило, и порядкомъ-таки они ему ребра помяли, вѣдь ихъ пятеро, и всѣ другъ за дружку стоятъ, а нашъ-то одинъ. Все изъ-

за бабъ. Охочъ до бабъ, разбойникъ! Особливо до чужихъ. Махался съ одной красоткой Григорій Орловъ, и совсѣмъ на ладъ у него съ нею шло, а нашъ тутъ и подвернись, да такъ къ ней подбился, что она отъ Орлова-то къ нему и перебѣжала. Ну, и враждуютъ теперь Орловы съ Аратовымъ не на животъ, а на смерть, всякіе подвохи другъ подъ дружку подводятъ, и между прочимъ прознадъ нашъ ловкачъ, что ихъ приспѣшники хлопочутъ у государыни приказъ, чтобы его изъ столицы выслать. Тутъ ужъ онъ рѣшилъ совсѣмъ царскую службу бросить. «Самъ себѣ буду царемъ, говоритъ, и чѣмъ мнѣ разнымъ тамъ, что въ случай попали, кланяться, добьюсь того, что мнѣ поклонятся». И, вѣдь, добился, разбойникъ. Пріѣхалъ сюда и началъ въ здѣшномъ краѣ орудовать. Съ поляками снюхался. Подружился съ озорникомъ Браницкимъ, сумѣлъ и Чарторижскимъ и Потоцкимъ угодить. И нашимъ, и вашимъ, значитъ. «Что мнѣ за дѣло до ихъ ссоръ, говоритъ, мое дѣло сторона». Шагу теперь не ступятъ, чтобъ съ нимъ не посовѣтоваться. Есть здѣсь одинъ магнатъ поумнѣе другихъ, Салезіемъ Потоцкимъ звать. Не по себѣ уменъ, а главнымъ образомъ черезъ жену. На рѣдкость умная баба, Анной звать. Мужемъ вертитъ, какъ слѣдуетъ; съ русскими не враждуютъ, къ пустымъ затѣямъ не пристаютъ и даже хозяйство свое ведутъ съ толкомъ. Кіевскимъ воеводой онъ теперь, и у Митяйки нашего большія съ нимъ дѣла затѣяны. На самой, можно сказать, границѣ съ Польшей мы живемъ, и споконъ вѣка у насъ съ полячьемъ хлопоты да докука. А нашъ Митяйка въ дружбу съ ними вступилъ и такъ сумѣлъ ихъ околпачить, что пани Анна надоумила мужа, ихнему королю его представить. Оно, положимъ, большой чести въ томъ нѣтъ, какимъ былъ слюняемъ этотъ нашъ ставленникъ, такимъ и остался, а все же, въ здѣшнемъ краѣ это полезно; иной жидъ на все, что угодно, пойдетъ отъ восторга, что съ нимъ ведетъ дѣло такой бояринъ, который въ королевскій дворецъ вхожъ. Да и не одни жиды, а также и поляки попроще думаютъ не вѣсть какую протекцію черезъ нашего Митяйку у короля себѣ раздобыть и всякое уваженіе ему изъ-за этого оказываютъ. А важные магнаты, тѣ тоже изъ-за своихъ выгодъ стараются другъ передъ дружкой на свою сторону его перетянуть, потому что онъ и съ русскимъ посломъ въ дружбѣ. И вотъ катается здѣсь нашъ Митяйка, какъ сыръ въ маслѣ, началъ даже и самого короля въ руки забирать. По бабьей части вѣрно сумѣлъ ему угодить. Тоже—бабникъ. Еще раньше вмѣстѣ блудили, какъ Понятовскій въ Питерѣ польскимъ посломъ былъ. Въ то время у него, конечно, такой важности не было, какъ теперь, а нутромъ все тотъ же остался, и Митяйка сказывалъ, что, окромя толстаго брюха да обвислыхъ щекъ, никакой перемѣны онъ въ немъ не нашелъ. Не больно хорошо ему королемъ-то живется, магнаты въ

ежовыхъ рукавицахъ его держатъ, жениться не дозволяютъ, во всемъ усчитываютъ и стращаютъ выгнать, если вздумаетъ имъ перечить. Самъ Митяйкѣ жаловался, что только для виду ему почетъ оказываютъ, а на самомъ дѣлѣ куда вольнѣе и счастливѣе ему раньше жилось. «Ты, говоритъ, несравненно счастливѣе меня, и я съ радостью бы съ тобою мѣстомъ помѣнялся. Ты, говоритъ, господинъ твоего положенія, а я рабъ его». Митяйка нашъ смѣется на это. «Кабы, говоритъ, я на его мѣстѣ былъ, всѣмъ бы сумѣлъ показать, что такое заправскій король значитъ, и всѣ бы у меня по стрункѣ ходили. А онъ бы на моемъ мѣстѣ дальше прихожей съ паюками никуда бы въ королевскомъ дворцѣ не дошелъ». Все отъ человѣка зависитъ,—повторила она свое любимое изреченіе,—одинъ умѣетъ уступать, а другой—брать. Кабы каждому было дано на своемъ мѣстѣ твердо стоять, никому бы впередъ и не пробиться; на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Митяйка эту механику отлично себѣ усвоилъ и претъ впередъ да впередъ, а прочіе всѣ передъ нимъ только разступаются,—съ самодовольствіемъ распространялась она, видимо восхищаясь ловкостью, умомъ и беззастѣнчивостью любимаго правнука. — До него никто въ здѣшнемъ краѣ изъ русскихъ дворянъ такой силы не забиралъ. И ему пророчили, что католики его съѣдятъ. Анъ не съѣли, а онъ ихъ помаленечку грызетъ да обгладываетъ. Такія ловкія дѣла на контрактахъ обдѣлываетъ, что надо только дивиться... Вотъ только женитьбой опростоволосился...

При этихъ послѣднихъ словахъ Грабининъ, слушавшій ее довольно разсѣянно, встрепенулся и насторожился. Повидимому, терпѣніе его обѣщало увѣнчаться успѣхомъ: старуха сама заговорила про ту, образъ которой неотступно стоялъ передъ нимъ, затмевая всѣ прочія чувства, мысли и представленія.

— Взялъ дѣвку, хоша и знатнаго роду, да опальнаго и разореннаго отца, въ одной сорочкѣ можно сказать. Давно ли женатъ, а ужъ приходится на женины наряды тратиться. Съ махонькимъ сундучишкомъ ее сюда привезъ. Я спрашиваю: «когда же подводы съ приданымъ пріѣдутъ?» А мнѣ на это: «ничего больше нѣтъ, все тутъ». Вотъ-те и здравствуй! Такого срама въ роду нашемъ еще не бывало. Повѣришь, отъ стыда передъ холопьями глазъ не смѣла поднять. Вотъ она меня какъ оконфузила! У насъ любую дѣвку, если хорошихъ родителей, честнѣе выдаютъ замужъ, а эти князья высокородные! И къ тому же порченая: послѣ перваго же ребенка начало ее трясти да подбрасывать...

Она опять оборвала рѣчь, къ которой съ замирающимъ сердцемъ прислушивался Грабининъ, чтобъ обернуться къ заколыхавшемуся занавѣсу.

— Ты, Дашка?

На этотъ разъ складки не раздвинулись, но знакомый голосъ отвѣчалъ:

— Я-съ. Изволили за мною посылать?

— Сколько мнѣ тебѣ повторять, чтобъ басурманку эту съ докладами ко мнѣ не пускать!—гнѣвно замѣтила барыня.—Не могла развѣ сама прійти?

— Меня, сударыня, не было. По приказанію Анѳисы Петровны на деревню бѣгала. Коробейники съ товаромъ пріѣхали.

— Румяна вѣрно у нея всѣ вышли. Да ужъ ладно. Наша порченая опять накуролесила. Алешеньку скрыла и заперлась съ нимъ. Скажи тамъ, чтобъ ея не трогали, не до нея мнѣ теперь, гость у меня. Вечеромъ распоряжусь. Ступай.

Складки полога перестали шевелиться, и старуха опять повернулась къ Грабинину, но, къ величайшей его досадѣ, вмѣсто того, чтобы вернуться къ прежнему разговору о женѣ правнука, она спросила: «въ какомъ положеніи онъ нашелъ свое хозяйство. И, не дожидаясь отвѣта, объявила, что если онъ оставитъ имѣніе на рукахъ вора Андрюшки, у него отъ дѣдушкина наслѣдства черезъ малое время ничего не останется.

— Ни куринаго пера, такъ и знай! Будешь плакаться, что старуху Серафиму Даниловну не послушалъ, да ужъ поздно будетъ, такъ-то. Видѣлъ домъ, гдѣ твой дѣдъ свою грѣшную душу Богу отдалъ? Давно ли въ немъ всякаго добра полна чаша была? А теперь что осталось? Однѣ стѣны, да и тѣ разваливаются. Видѣлъ павильонъ, который нашъ проказникъ Владиміръ Василичъ для своей полячки выстроилъ и разубралъ? Одного французскаго штофа сколько пошло на стѣны! Андрюшка твой, поганецъ, тотъ павильонъ себѣ на избу оборотилъ и все, что въ немъ было, расхитилъ, полы штучные, двери магогоноваго дерева съ бронзовыми вычурами, зеркала. Дрыхнетъ теперь тамъ и жретъ со своимъ хамскимъ отродьемъ. Паркъ кругомъ вырубилъ да Шумиловскому родичу, разбойнику Гнѣздышову, продалъ за тысячу червонцевъ, и на эти деньги тысячу десятинъ на имя женина брата, что̀ рыбой въ Астрахани торгуетъ, купилъ. Этотъ Маланьинъ братъ, вольный, сынъ казака, и женился на Абрамкиной племянницѣ, когда еще полячка жила въ Воробьевкѣ. Она имъ, полячка-то, и позволеніе у дѣда твоего выпросила обвѣнчаться. Все, что хотѣла, могла она у него выпросить, совсѣмъ ослабъ добрый молодецъ, околдовала она его, всю свою волю растерялъ и самъ бы къ ней въ крѣпостные пошелъ, чтобъ только при ней состоять. И это русскимъ дворяниномъ называется, воиномъ, царскимъ слугою! Жаль мнѣ тебя, Владиміръ Михалычъ! Изъ-за дѣдовской глупости раньше времени родителевъ лишился, у чужихъ сиротою выросъ и раззренное имѣніе въ наслѣдство получилъ. Андрюшка воръ, поди, чай, ужъ успѣлъ тебѣ турусы на колесахъ наплести, чтобъ себя выгородить, а ты ужъ, вѣрно, и уши развѣсилъ... Чего смѣешься?—воз-

нисила она съ раздраженіемъ голосъ, подмѣтивъ улыбку на его губахъ.—Развѣ я не правду говорю?

— Я, сударыня, не для чего иного и поспѣшилъ воспользоваться вашимъ милостивымъ приглашеніемъ, какъ чтобъ посовѣтоваться съ вами насчетъ моего здѣшняго хозяйства, которое я дѣйствительно, нашелъ въ большомъ запустѣніи,—поспѣшилъ онъ заявить, и, подмѣтивъ самодовольную усмѣшку, вызванную его словами, онъ прибавилъ, поднявшись съ мѣста и низко кланяясь:—покорнѣйше прошу вашу милость, въ память дружества съ моимъ дѣдомъ и бабкой, не оставить меня вашими совѣтами и наставленіями.

Ей это понравилось, и, хотя она все еще сердито приказала ему сѣсть, тѣмъ не менѣе онъ понялъ, что ему удалось попасть на путь къ желанной цѣли, и убѣжденіе это вмѣстѣ съ надеждой возбудило въ немъ осторожность. Упустить такой благопріятный случай сблизиться съ личностью, во власти которой находилась его красавица, онъ счелъ бы величайшимъ для себя несчастьемъ

— Пріѣхалъ я только вчера и не успѣлъ еще осмотрѣться съ дороги,—продолжалъ онъ дѣловитымъ тономъ: — но разореніе мое уже вижу и одного только боюсь, чтобъ, неумѣло взявшись за слѣдствіе, не испортить дѣло, а потому, не сказавъ никому ни слова, явился къ вамъ за совѣтомъ. Большой домъ совсѣмъ въ разрушеніи, да и въ маломъ, про который вы изволили вспомнить, кромѣ хамскаго скарба, ничего нѣтъ. А куда все дѣлось,—опасаюсь, до поры до времени, и спрашивать.

— Куда все дѣлось, ты отъ меня узнаешь. Мнѣ все извѣстно. А вотъ какъ тебѣ твое добро назадъ получить, про это тебѣ придется съ моимъ Митяйкой перетолковать. Онъ на такія дѣла дока, съ нимъ всѣ здѣшніе совѣтуются, кому плохо отъ людишекъ приходится. Народъ здѣсь, отъ близости къ Польшѣ и къ воровской казацкой ордѣ, нахалъ и мошенникъ изрядный. Да ты надолго ли сюда пріѣхалъ?

— Будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Отпускъ мнѣ дали малый, но можно отписать доброжелателямъ въ Питеръ, чтобъ выпросили оттяжку.

— Проси скорѣе, нужно. Твое дѣло такое, что имъ можно и самого кіевскаго воеводу настращать. Твой Андрюшка съ первыми разбойниками въ Польшѣ давно въ стачкѣ. Онъ у меня всѣхъ людишекъ перепортилъ. Не дождавшись моей смерти, дерзить стали. А про твое добро я тебѣ скажу, что въ Россіи отъ него ужъ мало и осталось, все, что было получше, давно въ чужіе края перевезено. Митяйка нашъ сказывалъ, что своими глазами видѣлъ у какого-то важнаго графа, въ Цесарской землѣ, въ городѣ Вѣнѣ, серебряную утварь съ грабининскимъ гербомъ. Вотъ оно куда залетѣло! Самъ тебѣ все разскажетъ, какъ пріѣдетъ, вмѣстѣ и обмозгуете.

— А скоро вы ждете Дмитрія Степановича? — спросилъ Грабининъ.

— Ну, этого тебѣ здѣсь никто не скажетъ. Нашъ соколъ, что буранъ въ степи, откуда налетѣлъ и куда отлетитъ, никто, кромѣ его самого, не знаетъ. Да и самъ-то онъ частехонько попадаетъ не туда, куда задумалъ... Дѣла у него здѣсь затѣяны великія! Какъ-то удастся свершить.

И, круто оборвавъ рѣчь о правнукѣ, она повторила свой совѣтъ просить о продленіи отпуска.

— Да не вздумай то письмо изъ Воробьевки посылать съ которымъ нибудь изъ твоихъ людишекъ! Всѣ они, собачьи дѣти, одну сметанку лижутъ, ни одинъ не задумается тебя головой Андрюшкѣ выдать. Можешь письмо здѣсь написать, а я съ нарочнымъ пошлю... Постой, — прервала она изліянія благодарности, готовыя сорваться съ его губъ, — даромъ такого дѣла не оборудуешь, надо человѣка отъ работы оторвать недѣль на пять, да кормъ ему съ лошадью на пути, и тамъ на постояломъ дворѣ... Положимъ на все пятьдесятъ рублей, — прибавила она, немного подумавъ.

— Я съ радостью и сто дамъ!—вскричалъ обрадованный Грабининъ.

Но его тотчасъ же заставили раскаяться въ неосторожномъ порывѣ.

— Ишь, какой щедрый! Да за такого мотарыгу и хлопотать не стоитъ. Пусть Андрюшка на добрѣ твоемъ наживается, — прервала она его съ лукавой усмѣшкой, забавляясь досадой, выразившейся на его лицѣ.

— Я, сударыня, чтобъ сохранить мое добро ни передъ чѣмъ не остановлюсь, ни передъ какими издержками, — объявилъ онъ, оправившись отъ смущенія.

— Завсегда надо передъ издержками останавливаться,—строго оборвала она его попытку оправдаться. — Припаси пятьдесятъ рублевъ на посланца, больше не надо. Своимъ я для тебя не поступлюсь и твоего не возьму. Письмо послѣ обѣда можешь у меня въ библіотекѣ написать, а тѣмъ временемъ я прикажу моему холопишкѣ въ дальній путь сбираться... Ей, кто тамъ? — закричала она, хлопая въ ладоши, и, не поднимая глазъ на мальчика, появившагося въ дверяхъ на ея зовъ, она приказала скорѣе подавать кушать.

Все устраивалось такъ прекрасно и удобно, какъ Грабининъ и надѣяться не смѣлъ. За обѣдомъ онъ, безъ сомнѣнія, «ее» увидитъ! Ожиданіе это такъ его волновало, что онъ уже не могъ вслушиваться въ разсказы старухи о быломъ, о вельможахъ, которыхъ она знала прежде богатыми, а потомъ разорившимися, вслѣдствіе мотовства, наклонность къ которому она подмѣтила въ своемъ

гостѣ. Той же печальной участи подверглась бы и она, если бъ во-время не сумѣла забрать въ руки мужа и удержать его страсть къ пустымъ тратамъ...

Но Владимиру Михайловичу было не до того, чтобъ интересоваться событіями давно минувшаго; настоящее представлялось ему въ такомъ упоительномъ свѣтѣ, съ той минуты, какъ пробѣжавшая мимо него молодая женщина унесла его сердце, что онъ, не задумываясь, отдалъ бы прошлое всѣхъ вѣковъ, чтобъ узнать, что ждетъ его въ ближайшемъ будущемъ.

Время тянулось безконечно долго, и ему начинало казаться, что никогда не дождаться ему обѣда, когда явился старикъ Ипатычъ съ докладомъ, что кушанье на столѣ.

Большихъ усилій ему стоило воздержаться отъ искушенія немедленно сорваться съ мѣста, чтобъ бѣжать туда, гдѣ онъ мнилъ ее увидѣть. Но онъ себя превозмогъ и, терпѣливо дослушавъ до конца разсказъ старухи, дождался, чтобъ она сама его отпустила.

— Ну, ступай, проголодался вѣрно. Съ коихъ поръ сидишь тутъ да розсказни мои слушаешь! Съ домашними моими познакомишься. Тоже и у насъ есть резиденты и резидентки, какъ у польскихъ магнатовъ. Всякаго званія людишки у меня ютятся. Есть и изъ разоренныхъ дворянъ, и изъ проторговавшихся купцовъ, а также сироты изъ поповскихъ. Поди, чай, ждутъ—не дождутся поближе на тебя посмотрѣть. Во всю жизнь такого петербургскаго щеголька не видывали... А ты, Ипатычъ, шепни Анисѣ, чтобъ глупыми разговорами гостю не докучала!—закричала она имъ вслѣдъ, когда гость вышелъ изъ комнаты въ сопровожденіи дворецкаго.

— Слушаю-съ, сударыня, — почтительно отвѣчалъ этотъ послѣдній.

«Что это за Анеиса?»—спрашивалъ себя Грабининъ, проходя за своимъ провожатымъ по длинному узкому коридору, отдѣлявшему половину старой барыни отъ помѣщенія ея домашнихъ.

III.

Сюда долеталъ глухимъ гуломъ оживленный говоръ изъ столовой.

Когда Грабининъ туда вошелъ, вокругъ длиннаго стола, накрытаго для обѣда, собралось довольно большое общество приживалокъ и приживальщиковъ. Увидавъ эту толпу, онъ подумалъ, что если та, для которой онъ здѣсь остался, и будетъ сидѣть за однимъ съ нимъ столомъ, но не рядомъ съ нимъ, ему трудно будетъ познакомиться съ нею поближе.

Но ея тутъ не было. Онъ въ этомъ убѣдился при первомъ взглядѣ на толпу, глазѣвшую на него съ жгучимъ любопытствомъ, смѣшную и жалкую толпу старыхъ и молодыхъ, но одинаково

безобразныхъ мужчинъ и женщинъ, чуть не въ отрепьяхъ, съ заискивающими взглядами и робкими движеніями. Исключеніе представляла изъ себя личность, занимавшая мѣсто хозяйки, къ которой и подвелъ его Игнатычъ.

— Анѳиса Егоровна, старой барыни крестница, — проговорилъ онъ ему на ухо, подставляя стулъ передъ приборомъ, по правую сторону отъ высокой, дородной женщины лѣтъ тридцати, густо набѣленной и нарумяненной, которая съ наглымъ любопытствомъ разглядывала его съ ногъ до головы, большими на выкатѣ свѣтло-карими глазами. Нарядная и самодовольная, она представляла интересный контрастъ съ забитыми существами, окружавшими столъ, выжидая позволенія за него сѣсть.

Грабининъ, который, переступивъ порогъ комнаты, только и дѣлалъ, что отвѣшивалъ поклоны направо и налѣво въ отвѣтъ на молчаливыя привѣтствія этихъ несчастныхъ, поспѣшилъ поклониться отдѣльно Анѳисѣ, прежде чѣмъ опуститься на предложенное мѣсто.

Въ эту минуту торопливой походкой вошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ умнымъ и энергичнымъ лицомъ, въ опрятномъ французскомъ кафтанѣ, въ бѣломъ жабо и въ напудренномъ парикѣ. Усаживаясь на оставленное для него мѣсто противъ Грабинина, онъ тотчасъ же заговорилъ съ нимъ по-французски, отрекомендовавшись:

— Артюръ Соссье, изъ Парижа.

Впрочемъ, сверкавшіе любопытствомъ глаза и крупный орлиный носъ выдавали его иностранное, не славянское происхожденіе.

Изъ дальнѣйшаго разговора Грабининъ узналъ, что онъ пріѣхалъ въ Польшу, чтобъ устроить суконную фабрику въ имѣніи князей Чарторижскихъ, но, не поладивъ съ «фамиліей», принялъ предложеніе Аратова заняться хозяйствомъ въ одномъ изъ его имѣній въ Россіи.

И, точно обрадовавшись новому слушателю, онъ сталъ распространяться о здѣшнемъ краѣ, о томъ, какъ здѣсь веселятся и широко живутъ, о разнузданности общества, о пьянствѣ, развратѣ, какъ богатые помѣщики иногда до смерти спаиваютъ своихъ гостей, а жены ихъ до безчувствія заставляютъ плясать несчастныхъ юношей, которыхъ онѣ, какъ новыя Цирцеи, завлекаютъ иногда силой въ свои замки. По его словамъ, проказы этихъ веселыхъ дамъ часто кончаются трагически, и ихъ жертвы, равно какъ и жертвы ихъ супруговъ, часто платятся жизнью за оказанное имъ своеобразное гостепріимство.

— О, даже и представить себѣ нельзя, сколько вина можетъ выпить полякъ! Здѣсь трезвому человѣку, съ умомъ и съ ловкостью, можно до всего добиться: богатства, почестей, власти. Можно богатую невѣсту себѣ выкрасть, чужую жену увезти, кого

угодно убить или запрятать въ такое мѣсто, гдѣ никому не найти,— разсказывалъ онъ съ восхищеніемъ.—Но для этого, кромѣ денегъ, надо имѣть протекцію либо у польскаго магната, либо у посла одной изъ державъ, взявшихъ подъ опеку эту несчастную страну.

По мнѣнію мсье Соссье, всѣхъ вліятельнѣе былъ русскій посолъ, а всѣхъ меньше былъ способенъ защитить своихъ подданныхъ польскій король. Каждый изъ здѣшнихъ магнатовъ, если онъ еще не разоренъ, вліятельнѣе его въ краѣ, и несчастный король отъ каждаго изъ нихъ зависитъ...

Занятый своими мыслями, Грабининъ слушалъ его разсѣянно, думая только о томъ, какъ приступить къ разспросамъ о супругѣ господина Аратова.

По временамъ ему казалось, что и самъ мсье Соссье не прочь ему посплетничать насчетъ обитателей дома, раза два намекалъ онъ ему, что здѣсь можно говорить о чемъ угодно безъ стѣсненія, потому что никто изъ присутствующихъ французскаго языка не понимаетъ, и Грабининъ рѣшился наконецъ у него спросить, какое положеніе занимаетъ въ домѣ двусмысленная личность, сидѣвшая за столомъ вмѣсто хозяйки. Ей первой подавали кушанье, а затѣмъ, обнесши блюдомъ гостя и француза, уносили его изъ комнаты. Остальному обществу подавали другое кушанье и, должно быть, попроще, если судить по тому, что только на одномъ концѣ стола было вино въ бутылкахъ (и прекрасное, французское и венгерское), прочіе же должны были довольствоваться квасомъ и брагой.

— Дама эта изображаетъ собою въ настоящее время заходящее солнце, но было время, когда она играла здѣсь болѣе интересную роль,—съ игривой усмѣшкой отвѣчалъ французъ на предложенный вопросъ.

— Но вѣдь у господина Аратова есть супруга?—спросилъ Грабининъ.

Улыбка внезапно слетѣла съ губъ его собесѣдника, и лицо его сдѣлалось серьезно.

— Мадамъ Аратова очень болѣзненная особа и нуждается въ полнѣйшемъ покоѣ. Супругъ ея озабоченъ намѣреніемъ увезти ее за границу, чтобъ подвергнуть серіозному лѣченію, но при разнообразныхъ своихъ занятіяхъ и разъѣздахъ исполнить это намѣреніе крайне затруднительно. Впрочемъ, ему, кажется, удалось придумать комбинацію, благодаря которой затрудненіе это устранится, и, вѣроятно, на-дняхъ общество наше увеличится еще однимъ членомъ, докторомъ изъ Варшавы. Онъ спеціалистъ по болѣзни, которою страдаетъ мадамъ Аратова, и, осмотрѣвъ больную, рѣшитъ, есть ли надежда на выздоровленіе, и какому лѣченію ее надо подвергнуть.

Проговоривъ эту тираду съ подобающею обстоятельствамъ серьезностью, онъ круто повернулъ разговоръ на другой предметъ,

давая этимъ понять, что распространяться подробнѣе о супругѣ господина Аратова онъ не намѣренъ.

Между тѣмъ, обѣдъ подошелъ къ концу, подали ликеры и сласти домашняго приготовленія; домашніе встали изъ-за стола и, помолившись передъ образами, поклонившись Анисѣ и гостю, вышли изъ столовой, гдѣ осталась только импровизированная хозяйка дома, и Грабининъ съ французомъ. Анфиса, молча прихлебывая ликеръ, лакомилась пастилой, Соссье разсказывалъ про бурныя сцены, разыгрывавшіяся на сеймикахъ и сеймахъ, про интриги, волнующія населеніе въ виду выбора пословъ на предстоящую конфедерацію, а Грабининъ, разсѣянно его слушая, скучалъ и раздражался мыслью о потерянномъ времени. Онъ обрадовался, когда дворецкій явился ему доложить, что посланецъ въ Петербургъ готовится къ отъѣзду и ждетъ письма; поспѣшно поднявшись съ мѣста, онъ послѣдовалъ за Ипатычемъ по темнымъ и свѣтлымъ закоулкамъ, проходамъ и коридорамъ, къ крутой, винтообразной лѣстницѣ, по которой надо было подняться въ библіотеку, большую комнату, обставленную шкапами вдоль стѣнъ и съ письменнымъ столомъ у окна.

— Извольте позвонить, когда кончите писать, сударь, я той же минутой явлюсь,—сказалъ его провожатый, оставляя его одного.

Грабининъ началъ писать одному изъ ближайшихъ своихъ покровителей, краснорѣчиво излагая ему обстоятельства, взятыя имъ предлогомъ для продленія отпуска: разстройство имѣнія, необходимость смѣнить управителя и тому подобныя обстоятельства, не имѣвшія ничего общаго съ истинной причиной его желанія дольше оставаться въ здѣшнемъ краѣ.

Не предался бы онъ, можетъ быть, такъ усердно этому занятію, если бъ зналъ, по какой причинѣ нашли нужнымъ провести его прямо сюда, а не къ старой барынѣ: между Серафимой Даниловной и правнукомъ ея, прославившимся на весь край дѣльцомъ и смѣльчакомъ, Дмитріемъ Степановичемъ Аратовымъ, рѣчь шла о немъ.

Какъ всегда, Аратовъ вернулся домой невзначай. Всѣ были еще за столомъ, когда экипажъ его, обогнувъ домъ, безшумно подкатилъ къ заднему крыльцу. Тутъ, узнавъ отъ выбѣжавшихъ къ нему навстрѣчу людей, что у нихъ въ гостяхъ воробьевскій баринъ, Дмитрій Степановичъ запретилъ сказывать о своемъ пріѣздѣ и прямо прошелъ на половину прабабки, гдѣ тотчасъ же послѣ первыхъ привѣтствій довольно-таки холодныхъ (оба не любили сердечныхъ изліяній), рѣчь между нимъ и старухой зашла про гостя.

— Это вы хорошо сдѣлали, что на вора Андрюшку его натравили,—замѣтилъ Аратовъ, внимательно выслушавъ повѣствованіе о ея бесѣдѣ съ молодымъ сосѣдомъ, окончившейся предложеніемъ послать человѣка изъ ихъ дворни съ письмомъ о продленіи отпуска. — Мы его въ концѣ концовъ такъ запутаемъ, что онъ за счастье почтетъ совсѣмъ отъ имѣнія отдѣлаться,—продолжалъ онъ, прохаживаясь большими шагами по комнатѣ.—Это была всегдашняя моя мечта—Грабининское имѣніе за безцѣнокъ купить. Намъ безъ Воробьевки чистый зарѣзъ, никуда ходу нѣтъ.

— Куда тебѣ еще ходъ понадобился? — брюзгливо спросила она.—Какія еще новыя затѣи у тебя на умѣ?

— Дайте дѣлу образоваться, тогда все узнаете, — отрывисто отвѣчалъ онъ.

— Смотри, какъ бы тебѣ въ прахъ на аферахъ не продуться. Ты не Щенсный Потоцкій и не Радзивиллъ, чтобъ послѣднюю копейку ребромъ ставить. Этимъ можно мотать, сколько ни трать, имъ не разориться, а ты — дѣло другое. Женой обзавелся, дѣтей народилъ. Это бы еще ничего, кажинный человѣкъ долженъ въ законѣ жить, а что у тебя въ всякомъ мѣстѣ, гдѣ ни поживешь, метресы съ ребятишками объявляются, это ужъ безпремѣнно тебя до разоренія доведетъ, — брюзжала она, не спуская глазъ со своего любимца и любуясь имъ.

Это былъ средняго роста, тонкій и прекрасно сложенный молодой человѣкъ, съ страннымъ и замѣчательно моложавымъ лицомъ, которое, разъ увидавъ, невозможно было забыть. Лицо это съ тонкими, правильными чертами было нѣжно, какъ у молодой дѣвушки, но въ темныхъ сѣрыхъ глазахъ подъ рѣзко очерченными и капризно изогнутыми бровями сверкалъ умъ и энергія, а узкія, красныя, какъ кровь, губы могли произвольно складываться и въ злую насмѣшливую усмѣшку и въ обаятельную улыбку. Жесткость и рѣзкость его словъ представляли интересный контрастъ съ изысканностью его маперъ, изяществомъ его гибкой и граціозной фигуры и мягкимъ звучнымъ голосомъ. На немъ былъ французскій кафтанъ, камзолъ и кюлотъ облачковаго цвѣта, голубые шелковые чулки съ серебряными пряжками тонкой филиграновой работы и кружевныя манжеты, а его нѣжный, безъ признака растительности подбородокъ утопалъ въ безчисленныхъ складкахъ бѣлой, какъ снѣгъ, косынки изъ прозрачной индійской кисеи.

Кисея эта только что начинала входить въ моду и стоила очень дорого; одни только богатѣйшіе щеголи въ столицахъ позволяли себѣ такую роскошь, но Аратовъ никогда не останавливался передъ издержками, когда дѣло шло объ украшеніи, удобствѣ и пріятности своей особы. Чтобъ убѣдиться, какъ зорко слѣдилъ онъ за модой, стоило только взглянуть на его выхоленныя, надушенныя руки, унизанныя перстнями, съ золотымъ футляромъ въ

видѣ наперстка, на среднемъ пальцѣ лѣвой руки, долженствовавшимъ предохранять отъ непріятныхъ случайностей отрощенный на цѣлый вершокъ ноготь.

— Дуракъ долженъ быть этотъ Грабининъ,—замѣтилъ онъ, не обращая вниманія на воркотню старухи. — До сихъ поръ не пріѣзжалъ взглянуть на имѣніе. Допустилъ все разграбить и растаскать! Впрочемъ, это намъ на руку... А изъ себя каковъ?

— Красавецъ, въ дѣда. И щеголекъ изрядный. Тонкаго воспитанія, учтивъ отмѣнно.

— Всѣ петербургскіе тонкаго обращенія. Увидимъ, увидимъ, что за птица.

— Связи у него есть.

— Какія связи?

— У Воронцовыхъ принятъ, у Безбородки. Упоминалъ про Орловыхъ...

— Мы съ Потемкинымъ знакомы, да и то не хвастаемся, — съ презрительной усмѣшкой замѣтилъ Аратовъ.

— Онъ не хвастался, къ слову пришлось. Говорилъ также про Репнина.

— Съ этимъ онъ гдѣ же успѣлъ познакомиться? Въ Варшавѣ развѣ былъ?

— Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга у Воронцова его встрѣтилъ, и Репнинъ его къ себѣ на службу звалъ.

— Вотъ какъ? И что же онъ?

— Отказался.

— Напрасно. Намъ бы это на руку, чтобъ побольше русскихъ въ здѣшнемъ краѣ селилось, особенно если богатые да со связями. Чарторижскіе теперь извиваются передъ нашимъ княземъ ужами и жабами по той причинѣ, что передъ выборами онъ имъ до зарѣзу нуженъ, а какъ на своемъ поставятъ на конфедераціи, мы имъ опять будемъ не нужны. Надо свою партію составить. Это князь отлично понимаетъ, да вотъ бѣда—отъ своей Изабеллы отстать не можетъ. А она, какъ истая полячка, во всѣ дѣла вплетается. И разоряется мотарыга на свою рябую красавицу въ лоскъ. Давно ли императрица долги его уплатила, а онъ ужъ вдвое понадѣлалъ у жидовъ, съ которыми его сводятъ. Пока Потоцкіе будутъ жить въ Польшѣ, нашему князенькѣ изъ когтей ростовщиковъ не выпутаться. Развѣ, что Изабелла найдетъ выгоднымъ его на другого промѣнять...

— А мужъ-то чего же смотритъ? — спросила старуха, которую, повидимому, разсказы эти очень занимали.

— Онъ—философъ. На него дивиться только надо. Сердце у него чувствительное, и всѣхъ амантовъ своей супруги онъ нѣжно любитъ. Намеднись охотились мы съ нимъ большою компаніей, и Ржевусскій былъ тутъ...

— Это тотъ, что ждетъ наслѣдства послѣ князя Репнина?

— Тотъ самый. Первый пріятель Адама Чарторижскаго. Подъ конецъ ужина, когда всѣ перепились и, по здѣшнему обычаю, цѣловаться полѣзли другъ съ другомъ, нашъ Адамъ къ Ржевускому обратился съ рѣчью: «Ты, пане, постояненъ, барзо постояненъ! Выпьемъ, панове, за вѣнецъ постоянства пана Ржевусскаго!»

— Это онъ, что же, въ насмѣшку, что ли? Чтобъ показать, что ему все извѣстно, или сдуру?

— А чортъ его знаетъ! Такіе нравы, что ничего не поймешь. Отъ человѣка всякой другой націи можно было бы такія слова за угрозу принять, но у поляковъ все шиворотъ-навыворотъ. Всѣ схватились за кубки и съ крикомъ: «за постоянство пана Ржевусскаго!» осушили ихъ.

— Ничего, значитъ, не поняли?

— Какъ будто не поняли, а, впрочемъ, чортъ ихъ знаетъ, — повторилъ свое замѣчаніе о полякахъ Дмитрій Степановичъ.

— И резидентка графини Анны тамъ была?—спросила помолчавъ старуха.

— Которая? У нея ихъ много.

— Та, съ которой ты любовное лазуканье затѣялъ, вдова. Да самъ знаешь, на кого намекаю, зачѣмъ притворяешься?—продолжала старуха.

— Съ какой стати она тамъ будетъ? Пани Розальская такъ еще молода, что безъ своей благодѣтельницы не выѣзжаетъ, и въ пьяныхъ компаніяхъ ее встрѣтить нельзя,—отвѣчалъ онъ съ раздраженіемъ.

— И долго это твое съ нею лазуканье будетъ продолжаться?—продолжала она его допрашивать, забавляясь его досадой.—Она тебя всяческими соблазнами поманиваетъ,—продолжала старуха, не дожидаясь возраженій,—а поди, чай, съ любымъ юнцомъ изъ палестры издѣвки надъ тобою, москалемъ, строитъ! Про мецената Фьялковскаго слышалъ? По всему околотку хвастается знакомствомъ съ твоей красавицей и жениться на ней собирается.

— На ней многіе жениться собираются, невѣста не изъ плохихъ,—замѣтилъ Аратовъ съ самонадѣянной улыбкой человѣка, убѣжденнаго въ своемъ неотразимомъ вліяніи на женщинъ.

— Да не для тебя,—вставила старуха.

На это онъ беззаботно махнулъ рукой и молча, дошедши до конца комнаты, спросилъ:

— Съ кѣмъ вы посадили за столъ Грабинина? Анисью и прочій хламъ убрали, надѣюсь?

— Никого не убирали, со всѣми моими домашними обѣдалъ,— сердито возразила Серафима Даниловна.—Твои магнаты, небось, резидентокъ своихъ не выгоняютъ въ людскую при гостяхъ.

Дмитрій Степановичъ вспомнилъ про блестящихъ дворскихъ юношей и дворскихъ дѣвицъ у Чарторижскихъ, которые прислуживали ему не дальше, какъ нѣсколько дней тому назадъ въ Пулавахъ, и усмѣхнулся.

— У моихъ магнатовъ дворская молодежь такъ расфранчена и воспитана, что нашимъ помѣщикамъ и помѣщицамъ не мѣшало бы съ нихъ примѣръ брать, какъ въ свѣтѣ жить,—сказалъ онъ.

— Такъ значитъ, если я изъ Парижа выпишу наряды для моихъ хамокъ, ты съ ними за столъ сядешь?

— Тамъ не хамы, а все дворянскія дѣти.

— А за хамовъ у стола прислуживаютъ? Да какая же имъ цѣна послѣ этого? Если съ юныхъ лѣтъ честь свою соблюдать не умѣютъ, чего же отъ нихъ въ старости ждать? У меня тоже по бѣдности дворяне живутъ; есть и дѣвицы сироты, которымъ голову преклонить некуда, и старухи, которыя ужъ работать не могутъ, такъ я бы такимъ за грѣхъ считала наряды нашивать, какъ на смѣхъ. Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ, такъ-то. А гнушаться я ими тоже за грѣхъ считаю и, когда ноги меня носили, завсегда сажала ихъ съ собою за одинъ столъ, значитъ, и гостямъ моимъ не слѣдъ ими гнушаться, даромъ, что одежа на нихъ, по ихъ бѣдности, не важная...

— Скажите лучше, что все сшито на чортовъ клинъ, бѣдно и подло, по-нищенски...

— Пусть такъ. Они нищіе и есть, когда изъ милости живутъ у меня. А дворскіе твоихъ магнатовъ тоже нищіе и щеголяютъ въ чужомъ съ ногъ до головы. Со всѣми моими домашними гость мой обѣдалъ, и съ французомъ твоимъ, и съ Анфисой...

— И съ Анфисой? Одолжили, нечего сказать, подвели подъ срамъ!—съ досадой вскричалъ онъ.

— Съ чего такъ вдругъ Анфисы застыдился? Расфуфырилась изрядно, не хуже твоей пани Розальской щеголихой себя при гостѣ выказала. Съ перваго взгляда видать, на какомъ она здѣсь положеніи при молодомъ баринѣ,—прибавила она язвительно.

— А мнѣ, можетъ быть, не надо, чтобъ это знали? Я, можетъ быть, желаю, чтобъ меня за примѣрнаго супруга считали?

— Надо было насъ заранѣе о такой перемѣнѣ въ мысляхъ предупредить. А ты бы лучше спросилъ про твою супругу, что она тутъ сегодня накуралесила...

— Что еще?—отрывисто и сдвигая брови, спросилъ онъ, прерывая свое хожденіе по комнатѣ.

— Какъ узнала, что пріѣхалъ гость, и что не до нея, побѣжала во флигель, Алешеньку скрала да черезъ садъ съ нимъ въ домъ и убѣжала, заперлась въ своей спальнѣ, никого не пускаетъ, кричитъ: «зарѣжусь, если дверь выломаете!» Вотъ она какая начинаетъ проявляться, тихоня! Не досугъ мнѣ съ нею было вапажиться,

приказала до отъѣзда гостя не трогать. Тебя мы раньше будущей недѣли не ждали.

— Справился раньше, чѣмъ думалъ.

— Завсегда бы тебѣ надо было такъ справляться, чтобъ больше дома жить. Знаю, что радости тебѣ мало съ такой супругой, но знаю и то, что ты ужъ съ нею черезъ край пересыпаешь и до отчаянія ее довелъ. Нельзя у матери дѣтей отнимать,—прибавила она сурово,—который разъ я тебѣ это говорю.

— Самъ знаю, что можно и что нельзя,—сквозь зубы и какъ бы про себя проворчалъ правнукъ.

Но у старухи слухъ былъ тонокъ.

— Нѣтъ, не знаешь!—гнѣвно подхватила она.—Уменъ ты, Митяйка, да вѣдь и я весь умъ-то еще не растеряла, меня не проведешь. Нельзя отнимать у матери дѣтей,—повторила она.—Даже и курица, и та остервеняется, когда у нея изъ-подъ крыльевъ цыплятъ уносятъ, значитъ, отъ Бога такъ положено, чтобъ младенцы при матери были, а ты наперекоръ всѣмъ законамъ, и божескимъ, и человѣческимъ, больно ужъ смѣло идешь. Зарвался злобой и хуже звѣря сталъ... Нечего плечами-то пожимать да губы кусать, хоть въ кровь ихъ искусай, а я все-таки всю правду-матку безъ остатка тебѣ выложу. Она грозитъ зарѣзаться. Въ первый еще разъ такое слово вымолвила, значитъ, недоброе у нея на умѣ, и отъ человѣка съ такими мыслями всякой бѣды можно ждать. Вотъ ты о чемъ поразмысли, прежде чѣмъ срывать на ней гнѣвъ за ослушаніе. Пожурить — пожури, даже побей, если придетъ охота, а потомъ смилуйся, приласкай и обѣщай къ ней каждый день, хотя на часочекъ, дѣтей посылать.

— Алешка до сихъ поръ у нея?—спросилъ онъ.

— У нея. Я приказала не трогать, пока гость не уѣдетъ. Люди при немъ, кучеръ, камердинеръ, форейторъ, не ладно при нихъ шумъ поднимать. И безъ того по всему околотку не вѣсть что толкуютъ про наше надъ нею тиранство.

— Мнѣ про то, что здѣсь плетутъ, наплевать, а вотъ если черезъ этого питерскаго франта до столицы гнилые слухи дойдутъ, тогда подлинно непріятности могутъ выйти... Да что тутъ толковать, дѣло сдѣлано — надо поправлять... А чтобъ дѣти при ней оставались, на это я ни въ какомъ случаѣ согласиться не могу, ужъ это какъ вамъ будетъ угодно...

— Да ты слышалъ, что я сказала?—прервала она его съ раздраженіемъ.

— Обращаться вы съ нею не умѣете, вотъ что.

— А не умѣю, такъ вези ее туда, гдѣ сумѣютъ.

— Увезу, не безпокойтесь. Дождаться нужно только одного человѣчка изъ Варшавы...

— Ты, значитъ, въ Варшаву ѣздилъ?

— Въ Варшаву,—отвѣчалъ онъ, отвертываясь отъ пытливаго взгляда, пристально на него устремленнаго. Туда докторъ пріѣхалъ изъ Праги, порченыхъ лѣчитъ. Пригласилъ его сюда осмотрѣть Елену. А вы еще говорите, что я ея не жалѣю! Знаете, сколько запросилъ съ меня этотъ докторъ? Двадцать червонцевъ! Это только, чтобъ сюда пріѣхать, а за лѣченіе само собою. Я и торговаться не сталъ, всѣ двадцать червонцевъ ему отвалю, сказалъ бы только, какъ намъ ее лѣчить. Что вы на это скажете? — прибавилъ онъ, невольно смущаясь подъ зоркимъ взглядомъ своей слушательницы.

— Скажу, что тебѣ ужъ очень приспичило скорѣе отъ нея избавиться, вотъ что я скажу,—объявила старуха.

Онъ не возражалъ и снова началъ молча прохаживаться по комнатѣ, не раздвигая бровей и улыбаясь странной, вызывающей усмѣшкой, въ то время, какъ Серафима Даниловна продолжала съ любопытствомъ на него смотрѣть, пытаясь разгадать его мысли.

Онъ зналъ, что ему ничего отъ нея не утаить. Слишкомъ много было между ними общаго, слишкомъ хорошо знали они другъ друга, и слишкомъ сильна была въ ней воля, чтобъ бороться противъ ея проницательности. Да и не для чего! Развѣ, въ концѣ концовъ и какъ бы ни повернулась его опасная затѣя, она не пожертвуетъ всѣмъ на свѣтѣ, чтобъ ему помочь? Ближе и дороже его у нея никого нѣтъ на землѣ. Чтобъ оставить ему все свое состояніе, она со всѣми родственниками, какъ дальними, такъ и близкими, разошлась; только привязанность къ нему и поддерживаетъ въ ней жизнь...

— Унимали вы Грабинина ночевать?—спросилъ онъ, останавливаясь передъ кроватью, съ успокоеннымъ лицомъ и съ обычнымъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Зачѣмъ? Дорога не дальняя, и ночь лунная, пусть ѣдетъ съ Богомъ.

— Нѣтъ, онъ мнѣ на подольше нуженъ. Когда еще удастся его залучить! Послѣзавтра надо ѣхать въ Тульчинъ, тамъ пиръ горой по случаю выборовъ пословъ на сеймикъ. Я обѣщалъ воеводѣ кое въ чемъ ему помочь. Грабинина надо такъ ублажить, чтобъ совсѣмъ въ насъ увѣровалъ. Пріятельскія отношенія надо съ нимъ завести. Это легко. Въ отца вѣрно, такой же кисляй съ чувствительнымъ сердцемъ. А все же на это время нужно, и я имъ займусь. Можетъ быть, повезу его съ собою въ Тульчинъ. Пусть увидитъ, какъ въ Рѣчи Посполитой люди живутъ. Съ красавицами нашими пусть познакомится...

— Смотри, не отбилъ бы у тебя Розальскую, — усмѣхнулась старуха.

— Пусть попробуетъ. Узнаетъ, какъ полячки русскимъ дуракамъ носы натягиваютъ... Ну, да въ Грабининскомъ роду это извѣстно. Ловко отработала полячка его дѣда!... А кстати, я и забылъ вамъ разсказать, мнѣ съ этой самой погубительницей вашего любимца удалось встрѣтиться...

— Съ Джунковской? — съ живостью спросила старуха, съ заискрившимися отъ любопытства глазами.—Гдѣ же? И неужто она еще жива?

— Жива и здорова. Что такимъ дѣлается! Однакожъ про здѣшніе края помнитъ, и когда ей меня назвали, заинтересовалась, стала про Воробьевку разспрашивать, живетъ ли тамъ кто, живъ ли прежній управитель, все ли тамъ попрежнему...

— Да не можетъ быть! Ты меня морочишь! Вотъ безстыдница!

— Истинную правду вамъ говорю. Встрѣтился я съ нею у Изабеллы; раньше при теткѣ ея, мадамъ де-Кракови, въ резиденткахъ на роспектѣ состояла, а теперь при ней.

— И сама про Воробьевку заговорила? Ей, значитъ, извѣстно, что ты про все знаешь?

— Да кто же этого не знаетъ? Мнѣ на нее Репнинъ указалъ. Гуляли мы съ нимъ въ саду, а она идетъ намъ навстрѣчу, съ двумя дворскими дѣвицами. Любезная и нарядная дама, въ лѣтахъ, а видать, что очень была красива въ молодости, глаза до сихъ поръ съ огонькомъ, и очень представительная...

— А здѣсь была худа, какъ щепка, и съ огромными глазищами...

— Пополнѣла съ тѣхъ поръ, и больше пятидесяти лѣтъ ей нельзя дать. Давно уже овдовѣла и полнымъ уваженіемъ всей «фамиліи» пользуется.

— Вотъ что значитъ полячка! Наша, русская, послѣ такихъ передрягъ давно бы скисла и отъ тоски да стыда грибъ грибомъ бы сдѣлалась, а эта козыремъ выступаетъ, говоришь?

— Именно козыремъ. И чего ей стыдиться? Что было, то прошло и быльемъ поросло. Состояніе у нея хорошее, мужъ былъ, должно быть, парень дѣльный, когда благодѣтели его и патроны послѣ его смерти продолжаютъ оказывать ласку и вниманіе его вдовѣ, чего же ей больше надо? И для чего ей о старомъ грѣхѣ думать да киснуть, когда грѣхъ этотъ давно ксендзы замолили? Что мѣшаетъ жить припѣваючи?

— Совѣсть-то, значитъ, по-твоему, къ карману?

— Понятно. И чѣмъ дальше запрятать, тѣмъ лучше и для себя и для другихъ. Репнинъ мнѣ про нее говорилъ, что она замѣчательно умная женщина, и ему, кажется, очень пріятно, что Изабелла съ нею сошлась. Все же по старой памяти сторону русскихъ тянетъ,—прибавилъ онъ со смѣхомъ, и, вернувшись къ прерванному разговору, онъ спросилъ:—куда посадили Грабинина письмо писать?

— Въ библіотеку. Приказала его туда отвести, когда ты пріѣхалъ, чтобъ разговору нашему не мѣшалъ.

— А сколько вы съ него за посылку взяли?

— Пятьдесятъ рублей назначила. Такъ моему предложенію обрадовался, что сто хотѣлъ дать.

— Напрасно отказались. Его къ крупнымъ издержкамъ пріучать надо, чтобъ не жался, когда придется съ денежными по нашимъ

сутягамъ разъѣзжать. Теплые ребята, они протрутъ глаза его червончикамъ, припасай только побольше.

И, весело потирая руки, онъ прибавилъ:

— Однако надо распорядиться насчетъ ужина и всего прочаго, надо показать петербургскому щегольку, какъ у насъ люди со вкусомъ и съ понятіемъ живутъ. Про дѣла мы съ нимъ до завтрашняго утра ни словечка не проронимъ, утро вечера мудренѣе. А про Джунковскую я вамъ на просторѣ еще разскажу.

Съ этими словами онъ поспѣшно вышелъ.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРАВДА О МОЕЙ БАБУШКѢ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

АВНО упрашиваютъ меня друзья написать мои воспоминанія, но въ нихъ столько грустнаго и тяжелаго, что даже теперь, переступивъ порогъ неумолимой старости (мнѣ минуло 64 года), я рѣшаюсь на это съ трудомъ. На Руси несчастныхъ женщинъ много,—кому можетъ быть интересна исторія моихъ личныхъ страданій? Но все, что я вытерпѣла, всѣ бѣдствія моей жизни такъ тѣсно связаны съ личностью моей бабушки, что ужъ по одному этому они должны, мнѣ кажется, представлять несомнѣнный интересъ для людей, изучающихъ личность моего дѣда, извѣстнаго дѣятеля Павловскаго и Александровскаго времени, графа Ѳ. В. Растопчина, неразрывно связанную съ личностью его супруги.

При чтеніи въ «Русскомъ Архивѣ» переписки А. Я. Булгакова съ его братомъ, прошлое воскресло въ моей памяти съ неудержимою силой, и угасшія было воспоминанія, какъ живыя, встали передо мною, но окончательный толчокъ, заставившій меня взяться за перо, была книга моего племянника, маркиза Пьера де-Сегюра [1]), о моемъ дѣдѣ и его прадѣдѣ, въ которой онъ описалъ бабушку мою такъ пристрастно, что чувство справедливости заговорило во мнѣ сильнѣе уваженія къ матери моего отца и даже къ самому моему отцу.

Графиня Екатерина Петровна имѣла такое вліяніе на мужа, на его взгляды на жизнь его дѣтей, на потерю огромнаго его со-

---

[1]) Покойный его отецъ былъ вторымъ сыномъ сестры моего отца, Софьи Ѳедоровны Ростопчиной, замужемъ за маркизомъ Евгеніемъ Сегюръ.

стоянія, а вслѣдствіе того и на судьбу его внуковъ, что личность эта требуетъ настоящаго освѣщенія.

Пьеръ де-Сегюръ пишетъ прекрасно, его сочиненія намѣтили ему мѣсто во французской академіи, слова его будутъ приняты безъ протеста, и «святая» личность перешедшей въ католичество графини Ростопчиной превратится въ историческое преданіе. Пьера де-Сегюра нельзя винить за превратное мнѣніе о прабабкѣ его: въ семьѣ его не можетъ не быть священна память о фанатичкѣ, ненавидѣвшей Россію и все русское, все православное и, насколько это было возможно ея черствому сердцу, любившей только младшую свою дочь (тоже перешедшую въ католичество) въ ущербъ старшей, Натальѣ Өедоровнѣ Нарышкиной, не поддавшейся пагубному вліянію матери и не измѣнившей вѣрѣ своихъ предковъ. Бабушка осыпала благодѣяніями всю семью своей второй дочери и особенно ласкала старшаго ея сына, Гастона [1]), два раза ѣздившаго гостить къ ней Москву, бывавшаго съ нею въ католической церкви и видѣвшаго, какую роль играетъ она въ католической колоніи, какъ матери подносили къ ней дѣтей со словами: «Прикоснитесь къ одеждѣ святой!» Онъ слышалъ восторженныя похвалы, расточаемыя ей аббатами, которымъ она раздавала все, что оставалось у нея отъ щедрыхъ подачекъ Сегюрамъ, и понятно послѣ этого, что по возвращеніи во Францію онъ всѣмъ повторялъ, что бабушка его Ростопчина—святая. И этотъ незаслуженный вѣнецъ святости, возложенный имъ на ея главу, племянникъ его Пьеръ де-Сегюръ всею силою своего таланта старается поддерживать въ неприкосновенности. Пора показать обратную сторону медали и выставить въ надлежащемъ свѣтѣ личность русской аристократки, супруги великаго патріота, скончавшагося въ чувствахъ вѣрнѣйшаго сына православной церкви.

Спасибо памяти А. Я. Булгакова, онъ доставилъ мнѣ неопровержимое подтвержденіе всего видѣннаго мною въ дѣтствѣ и слышаннаго отъ людей, коротко знавшихъ интимную жизнь нашей семьи. Память моя еще, слава Богу, свѣжа, и суровая, неумолимая фигура моей бабушки, какъ живая, встаетъ передо мною въ грозномъ своемъ величіи. Попробую же изложить впечатлѣнія, особенно рѣзко отразившіяся въ моей душѣ, слѣдуя при этомъ правиламъ истины, которыми я руководилась всю мою жизнь.

---

[1]) Впослѣдствіи ослѣпшаго и умершаго епископомъ in partibus infidelium.

I.

Происхожденіе Екатерины Петровны Протасовой. — Ея воспитаніе. — Ея сестры. — Причина пристрастія къ католичеству. — Наружность Екатерины Петровны. — Оставшіеся послѣ нея портреты. — Отношенія между супругами Ростопчиными до перехода графини въ католичество.

Дочь сенатора, генералъ-поручика Петра Степановича Протасова, Екатерина Петровна очень рано попала ко двору со своими сестрами, впослѣдствіи княгинями Голицыной и Васильчиковой, графиней Толстою и оставшейся въ дѣвицахъ, горбатой Варварой Петровной Протасовой. Изъ нихъ осталось вѣрна православной вѣрѣ одна только графиня Толстая.

Тетка ихъ, извѣстная подруга всей жизни императрицы Екатерины II, Анна Степановна Протасова, взяла ихъ къ себѣ на воспитаніе, и когда была пожалована въ графское достоинство, титулъ этотъ былъ одновременно пожалованъ и ея племянницамъ.

Всѣ онѣ получили утонченнѣйшее, по тогдашнему времени, воспитаніе. Бабушка моя безукоризненно говорила по-французски, знала языки нѣмецкій, англійскій, латинскій и греческій, но русскому ихъ не сочли нужнымъ выучить, и вотъ на этой-то почвѣ полнѣйшаго и постыднаго незнанія отечественной исторіи, религіи и языка зиждется причина перехода въ католичество сестеръ Протасовыхъ.

Воспитанныя внѣ всякихъ религіозныхъ правилъ, въ вольнодумствѣ, онѣ ощутили потребность обратиться къ Богу тогда только, когда наступило разочарованіе въ утѣхахъ свѣтской жизни, но молиться не умѣли. Бросились въ церковь—и ничего не поняли въ величавой красотѣ православной службы, самый языкъ которой имъ былъ вполнѣ чуждъ.

Уныло вернулись онѣ въ свои роскошные покои, гдѣ ждали ихъ іезуиты эмигранты, передъ которыми онѣ и опустились на колѣни, въ чаяніи духовной поддержки и утѣшенія.

Но я забѣгаю впередъ.

Екатерина Петровна была въ молодости безспорно красива, и я недавно вступила въ полемику съ моимъ почтеннымъ другомъ Н. И. Мердеръ, описавшею ее въ своемъ интересномъ романѣ «Въ годину бѣдствій», какъ безобразную, съ огромными ушами и сиплымъ голосомъ. Такою она сдѣлалась въ глубокой старости, когда мы жили у нея въ домѣ на Басманной. Она тогда уже начинала впадать въ дѣтство и часто, невзирая на сопротивленіе компаньонки, появлялась въ гостиной нашей матери. Когда ей случалось застать у насъ не стараго гостя, она непремѣнно обращалась къ нему съ вопросомъ, приводившимъ насъ въ великое смущеніе: «Для которой изъ моихъ внучекъ вы сюда пріѣзжаете,

мсье?» Иногда шутникъ, притворяясь, что не понимаетъ смысла ея словъ, съ напускною наивностью отвѣчалъ: «для обѣихъ, графиня», и отвѣтъ этотъ приводилъ ее въ ярость: сердито окидывала она его испытующимъ взглядомъ и величественно удалялась.

Въ то время она отъ старости стала меньше ростомъ, голосъ ея осипъ, и отъ дурной привычки почесывать у себя за ушами уши у нея опухли, и изъ нихъ сочилась кровь. Но, опять повторяю, такою она сдѣлалась въ глубокой старости, а въ молодости была красива. Разоблачая, во имя правды, ея безобразный нравственный обликъ, я не могу умолчать, что у нея были прекрасные, полные огня, черные глаза, правильныя черты лица, ослѣпительной бѣлизны зубы, высокій стройный ростъ и густые волосы, которые даже въ глубокой старости приходилось часто подрѣзывать (она носила прическу à la Titus), такъ быстро они росли.

Въ апрѣлѣ 1901 года, на художественной выставкѣ въ Москвѣ, мой троюродный братъ, князь Павелъ Алексѣевичъ Голицынъ (начальникъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, умершій въ томъ же году), обратилъ мое вниманіе на выставленный имъ очаровательный портретъ масляными красками бабушки моей, молодой женщиной, съ густыми волосами въ мелкихъ букляхъ. Она держитъ на пальцѣ попугая, и вся фигура очень граціозна.

У меня сохранился портретъ карандашомъ, съ легкою ретушью краской на щекахъ и губахъ, сдѣланный въ Парижѣ: три профиля рядомъ, отца моего ребенкомъ, сестры его Елизаветы Ѳедоровны и бабушки, съ большими, опушонными густыми рѣсницами, глазами. Есть еще ея портретъ работы Кипренскаго, въ сидячемъ положеніи, на которомъ она представлена уже сорока лѣтъ, съ выразительнымъ и привлекательнымъ лицомъ, въ рединготѣ бронзоваго цвѣта, скрещенномъ на груди, и съ короткой таліей (модѣ этой она оставалась вѣрна до самой смерти), на плечи ея наброшена кашемировая шаль (обычная принадлежность свѣтской женщины тогдашняго времени), а на головѣ бѣлый тюлевый чепецъ, обрамляющій лицо густою рюшью. Во всякомъ случаѣ дѣдъ не женился бы на ней, если бы она была некрасива, но что при красотѣ Екатерина Петровна была не симпатична и не любезна, это фактъ, и сама она намъ разсказывала, что совсѣмъ еще молодой дѣвицей начала нюхать табакъ, чтобъ не заснуть на балахъ, на которыхъ мало танцовала. Если ужъ и тогда считала она танцы предосудительной и безнравственной забавой, то очень можетъ быть, что именно такая серіозность и понравилась графу Ѳедору Васильевичу, бывшему тоже серіознаго нрава и высоко цѣнившему въ женщинѣ умственныя и нравственыя качества. Что жену свою онъ любилъ глубоко и нѣжно, считая ее во всѣхъ отношеніяхъ совершенствомъ, это несомнѣнно и подтверждается множествомъ фактовъ: въ завѣщаніи, написанномъ имъ въ 1811 году, онъ отдаетъ

ей все свое состояніе, а въ послѣднемъ, написанномъ передъ смертью, лишаетъ ее всего. Почему? Потому что она перешла въ католицизмъ и заставила свою вторую дочь Софью отказаться отъ православія. Сдѣлано это было тайкомъ отъ мужа,—отъ такого мужа, который писалъ ей неоднократно въ сохранившихся у меня письмахъ: «Цѣлую твои ножки, моя благодѣтельница. Молись Богу, мой другъ; молитвы праведныхъ до Него доходятъ. Мы были счастливы, жили въ единеніи и согласіи, а теперь, когда мы увидимся? Цѣлую тебя съ сердцемъ, полнымъ твоими добродѣтелями, и съ надеждой на счастье, которымъ мы будемъ наслаждаться въ будущемъ. (16-го сентября 1812 года. Вороново)». «Сергѣй предшествуетъ мнѣ двумя днями. Я не хотѣлъ отсрочивать минуту его свиданія съ достойнѣйшей матерью и почтеннѣйшей женщиной въ мірѣ. (Владиміръ. 3-го октября 1812 годъ)». «Возвращайся въ разрушенный городъ, въ ограбленный домъ, къ обожающему тебя и уважающему тебя превыше всякаго выраженія мужу. (Москва, 1-го ноября 1812 г.)».

Да, графъ Өедоръ Васильевичъ любилъ и уважалъ свою жену. Но любовь эта иссякла, и уваженіе исчезло.

II.

Причина разъединенія супруговъ Ростопчиныхъ. — Вліяніе іезуитовъ. — Указъ императора Александра I сенату, 20-го декабря 1815 года. — Высылка іезуитовъ изъ Россіи. — Аббатъ Сюрюгъ. — Случай, послужившій толчкомъ къ увлеченію Екатерины Петровны католицизмомъ. — Отпаденіе отъ православія ея сестеръ. — Аббатъ Малербъ и мнѣніе о немъ А. Я. Булгакова.

Причина, служившая разъединеніемъ столь нѣжно любящихъ супруговъ, такъ тѣсно связана съ историческими событіями духовнаго строя въ Россіи, что ей надо посвятить нѣсколько словъ.

Никто не изучилъ и не описалъ такъ документально вліянія католицизма въ Россіи, какъ графъ Дмитрій Толстой. Не имѣя подъ рукой русскаго изданія его книги «Le Catholicisme romain en Russie» (Dentu, 1864), я привожу здѣсь въ переводѣ отрывокъ изъ французскаго изданія.

При раздѣлѣ Польши, Россія получила вмѣстѣ съ Бѣлоруссіей и іезуитовъ. Считая ихъ орденъ вѣроломнѣе и опаснѣе прочихъ католическихъ орденовъ, Екатерина II предписала губернаторамъ особенно зорко за ними слѣдить. Это было въ 1773 году, а въ слѣдующемъ году орденъ этотъ былъ упраздненъ папою Климентомъ XIV. Изгнанные отовсюду іезуиты добились дозволенія существовать въ одной только Россіи. Въ 1814 году Римская курія торжественно подтвердила свой приговоръ надъ орденомъ, нашедшимъ у насъ пристанище. И чѣмъ отплатили іезуиты Россіи за ея вѣротерпимость? Совращеніемъ въ католичество мо-

лодыхъ людей, ввѣренныхъ ихъ попеченіямъ, и женщинъ изъ высшаго общества. Этому способствовалъ своимъ вліяніемъ и общественнымъ положеніемъ знаменитый графъ де-Местръ, посланникъ сардинскаго короля и тайный агентъ Римской куріи. Онъ управлялъ іезуитами, наблюдалъ за католическимъ духовенствомъ и вообще велъ себя, не какъ посланникъ, а какъ шпіонъ. Впослѣдствіи онъ письменно сознался, что «всякій государь обязанъ защищать религію своей страны отъ посторонняго вмѣшательства, и что съ обращеніемъ въ католичество въ Россіи было поступлено слишкомъ неосмотрительно и поспѣшно».

Главною неосторожностью пылкихъ апостоловъ было обращеніе несовершеннолѣтняго племянника самого министра вѣроисповѣданій, князя Александра Николаевича Голицына. Ловушка была изготовлена весьма искусно: юный неофитъ нашелъ случайно въ печкѣ якобы забытый въ ней бывшимъ своимъ гувернеромъ іезуитомъ католическій молитвенникъ, прочелъ его и принялъ католическую вѣру. Свершилось это весьма легко и просто, но начальство отнеслось къ этому строго. Доложили государю, и докладъ этотъ, довершая собою цѣлый рядъ подобныхъ докладовъ, вызвалъ высочайшій указъ о высылкѣ іезуитовъ изъ Россіи, 16-го декабря 1816 года. Одновременно съ изгнаніемъ ихъ изъ Петербурга имъ былъ запрещенъ въѣздъ и въ Москву.

Въ виду свершающихся въ настоящее время изгнаній духовныхъ корпорацій изъ Франціи и появленія въ Петербургѣ нѣкоторыхъ изъ ихъ главарей, въ томъ числѣ и извѣстнаго о. Дюлака, считаю нелишнимъ напомнить здѣсь объ этомъ указѣ правительствующему сенату:

«По возвращеніи нашемъ послѣ счастливаго окончанія заграничныхъ дѣлъ въ нашу излюбленную родину, намъ ввѣренную Господомъ Богомъ, мы убѣдились вслѣдствіе многочисленныхъ извѣстій, жалобъ и рапортовъ, до насъ дошедшихъ, въ совершенной правдѣ слѣдующихъ обстоятельствъ: монахи іезуитскаго ордена римско-католической вѣры были упразднены папскою буллою, и какъ ихъ этимъ самымъ и всѣ прочія державы отстранили изъ собственныхъ, у нихъ не было болѣе пристанища. Россія, въ силу добродѣтели, человѣколюбія и терпимости въ дѣлахъ религіи, оставила ихъ у себя, дала имъ пристанище и не отказала въ могучемъ своемъ покровительствѣ всѣмъ бѣглецамъ. Она не запретила имъ видѣться съ людьми ихъ вѣры, не отклоняла ихъ отъ этого ни силою, ни преслѣдованіемъ, ни соблазномъ и въ замѣнъ всего этого ожидала отъ нихъ вѣрности, рачительности и пользы. Уповая на это, имъ было разрѣшено заниматься обученіемъ и преподаваніемъ юношеству. Отцы семействъ безтрепетно поручали имъ дѣтей своихъ для обученія наукамъ и нравственности. Но нынѣ несомнѣнно открылось, что они не сохранили долга благодарности и

вмѣсто того, чтобъ сохранить душевное смиреніе, какъ то приказываетъ христіанская заповѣдь, и оставаться мирными жителями иностраннаго государства, они возымѣли желаніе поколебать православную вѣру, первенствующую съ давнихъ поръ въ нашей имперіи, на которой основано счастье и благоденствіе многочисленныхъ народовъ, находящихся подъ нашимъ скиптромъ. Они стали злоупотреблять оказаннымъ имъ довѣріемъ, отклонили отъ нашей вѣры порученныхъ имъ молодыхъ людей и нѣкоторыхъ особъ женскаго пола, столь слабаго, соблазняя ихъ переходомъ въ католичество. Стараться внушить человѣку вѣроломство къ религіи его праотцовъ, заглушить въ немъ любовь къ людямъ одной съ нимъ вѣры, къ своимъ соотечественникамъ, отучить умъ его отъ духа его родины, сѣять распри и ненависть въ семействахъ, порождать разногласіе между сынами одной и той же религіи – это ли глаголъ и воля Бога, столь миролюбиваго и Его единственнаго Сына Человѣка Бога Христа, пролившаго Свою чистую кровь, дабы мы жили въ мирѣ и въ согласіи? Послѣ сихъ дѣлъ не станемъ удивляться, что общество этихъ монаховъ было изгнано изъ всѣхъ государствъ, и что ни одно не сочло возможнымъ допустить его у себя. Кто стерпитъ посреди себя сѣятелей злобы и междоусобій? Поэтому, принимая къ сердцу благополучіе нашего вѣрнаго народа и находя священнымъ и правильнымъ долгомъ искоренить зло въ самомъ началѣ, не давая ему времени дозрѣть и принести плодъ, мы повелѣваемъ возстановить католическую здѣшнюю церковь въ условіяхъ, въ которыхъ она находилась въ царствованіе бабки нашей, покойной императрицы Екатерины II и до 1800 года, и немедленно выслать изъ Петербурга всѣхъ монаховъ іезуитскаго ордена, запрещая имъ входить въ обѣ столицы.

«Александръ».

«С.-Петербургъ. 20-го декабря 1815 г.».

Въ силу этого указа 318 іезуитовъ покинули Россію.

Они уѣхали со спокойною совѣстью, унося съ собою счастье и спокойствіе многихъ семействъ. По тому, что произошло у насъ, можно судить о томъ, что было у другихъ. Когда именно бабушка моя перешла въ католичество, трудно опредѣлить. Понятно, что это хранилось въ глубочайшей тайнѣ. Если число, выставленное въ письмѣ аббата Сюрюга вѣрно (ноябрь, 1812 г.), то фактъ этотъ произошелъ не менѣе, какъ за три года до 1812-го года, но никто этого не зналъ.

Я живо помню разсказъ моей матери о томъ, что было первымъ толчкомъ къ духовному пробужденію Екатерины Петровны. При ней состоялъ домашнимъ докторомъ англичанинъ, атеистъ, съ которымъ она часто вела вольнодумные разговоры. Докторъ этотъ, живя со всей семьей графа Ростопчина въ Вороновѣ, упалъ съ

лошади или изъ экипажа и разбился до смерти. Передъ тѣмъ, какъ скончаться, онъ послалъ за бабушкой и сказалъ ей, что прозрѣлъ, но слишкомъ поздно, чтобъ спасти свою душу, и умолялъ ее позаботиться о собственномъ спасеніи. Въ ночь послѣ его смерти у нея было видѣніе, и ее нашли распростертой на полу, въ глубокомъ обморокѣ. Очнувшись, она проявила признаки сильнаго душевнаго потрясенія и, ко всеобщему изумленію, отправилась къ обѣднѣ въ церковь, выстроенную неподалеку отъ дома и парка. Но тутъ ее ждало разочарованіе: высокій смыслъ православнаго богослуженія остался для нея непонятенъ, и найти утѣшенія въ молитвѣ она тутъ не могла. Душевнымъ своимъ смятеніемъ она подѣлилась съ сестрой своей Голицыной, которая немедленно прислала ей аббата Сюрюга съ книгой «Подражаніе Христу».

Одновременно съ нею измѣнили православію и двѣ ея сестры: княгиня Оболенская и графиня Варвара Петровна Протасова. Эта послѣдняя пережила всѣхъ своихъ сестеръ и скончалась дѣвицей въ 1860-хъ годахъ.

Между совращенными аббатомъ Сюрюгомъ лицами мнѣ припоминаются имена постригшейся въ монахини княгини Голицыной, двоюродной сестры бабушки, князя Одоевскаго, графини Пушкиной, княгини Долгорукой. Подробности преступной дѣятельности аббата Сюрюга можно найти въ его перепискѣ, захваченной въ Петербургѣ. Сюрюгъ проводилъ обыкновенно лѣто у княгини Голицыной, въ имѣніи ея, Александровкѣ, въ 200 верстахъ отъ Москвы и тамъ безпрепятственно служилъ обѣдни. Онъ состоялъ при московской католической церкви и былъ главной причиной перехода бабушки въ католичество. Послѣ него дѣйствовалъ въ томъ же направленіи аббатъ Малербъ, капелланъ. Въ письмахъ своихъ къ брату А. Я. Булгаковъ называетъ Малерба развратнѣйшимъ человѣкомъ, живущимъ съ содержательницей пансіона, отъ которой у него были дѣти [1]).

---

[1]) Интересные способы употребляли святые отцы іезуиты для обращенія въ католицизмъ русскихъ свѣтскихъ дамъ. Вотъ, между прочимъ, что доноситъ одинъ изъ нихъ въ Римъ: «Исповѣдовать ихъ не представляетъ большого затрудненія, это удобно дѣлать и на большихъ балахъ, и въ концертахъ, и на парадныхъ обѣдахъ, а для причастія я заказалъ ювелиру нѣсколько изящныхъ золотыхъ и серебряныхъ ковчежцевъ, въ которые кладу освященныя облатки и передаю незамѣтно эти ковчежцы моимъ духовнымъ дочерямъ. Имъ, такимъ образомъ, представляется полная возможность самимъ причащаться послѣ исповѣди».

Бабушка удобствомъ этимъ, по мнѣнію А. Я. Булгакова, даже злоупотребляла и причащалась каждый день.

III.

Переписка братьевъ Булгаковыхъ.—Личность А. Я. Булгакова и мнѣніе о немъ князя П. А. Вяземскаго и Жуковскаго.—Смерть любимой дочери графа Ѳ. В. Ростопчина, Елизаветы Ѳедоровны.—Насильственное обращеніе ея въ католичество.—Послѣдніе дни графа Ѳедора Васильевича.—Личность Брокера.—Кончина графа Ѳедора Васильевича.

Прежде, чѣмъ приступить къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ о бабушкѣ, я должна привести нѣсколько отрывковъ изъ воспоминаній о моемъ дѣдѣ людей, близко его знавшихъ. Это тѣмъ болѣе мнѣ кажется необходимымъ, что, знакомясь съ многочисленными и разнообразнѣйшими отзывами о немъ, я нигдѣ, даже въ роскошнѣйшей библіотекѣ, собранной изъ сочиненій о 1812 годѣ, Иваномъ Христофоровичемъ Колодѣевымъ, не встрѣчала ничего про его супругу, кромѣ замѣтки въ письмѣ Тимоѳея Кирьяка къ князю И. М. Долгорукову отъ 8-го мая 1791 года («Русскій Архивъ» 1867 г., стр. 691), двѣ строчки: «Кадриль одѣта была блистательнымъ образомъ, состояла изъ 24 паръ и дѣлилась на двѣ кадрили. Первую, т.-е. лѣвую, велъ принцъ Виртембергскій съ фрейлиной Е. П. Протасовой, а за ними великій князь Александръ Павловичъ со старшей Салтыковой», да въ рѣдчайшей брошюрѣ извѣстнаго библіофила Сергѣя Дмитріевича Полторацкаго, друга моего отца: «Rostoptchine, le comte Theodore. Note litteraire et bibliographique», про бабушку сказано, что она написала книгу безъ подписи: «Album allegorique. Moscou. 1814». Книга эта не разошлась, и у насъ топили ею печи въ нашемъ домѣ, на Лубянкѣ. Кромѣ того, про нее написано нѣсколько фразъ въ извѣстной перепискѣ Марьи Аполлоновны Волковой съ Ланской, и ничего больше. Но зато богатѣйшій матеріалъ для ея характеристики можно найти въ перепискѣ братьевъ Булгаковыхъ, по которой можно прослѣдить за жизнью супруги великаго патріота почти день за день, съ 1804 года до 1830-хъ годовъ.

Характеристику же братьевъ Булгаковыхъ можно найти въ воспоминаніяхъ князя Вяземскаго («Русскій Архивъ», 1867 года, ст. 1437). Тамъ и мнѣніе о нихъ Жуковскаго, такое же лестное для обоихъ братьевъ, какъ и мнѣніе Вяземскаго.

Въ первыхъ своихъ письмахъ А. Я. Булгаковъ относится къ графинѣ Ростопчиной благосклонно, какъ къ супругѣ человѣка, къ которому онъ питаетъ безграничную любовь и уваженіе. Въ 1812 году, когда высочайшимъ приказомъ изъ Вильны, 29-го мая, графъ Ѳедоръ Васильевичъ былъ назначенъ московскимъ главнокомандующимъ, онъ вскорѣ предложилъ А. Я. Булгакову поступить къ нему чиновникомъ особыхъ порученій и обходился съ нимъ, какъ съ домашнимъ человѣкомъ. Съ нимъ же вернулся онъ изъ Владимира въ Москву и пережилъ минуты ужаса, при видѣ

потрясающаго зрѣлища взорваннаго Кремля, поруганныхъ святынь и всеобщаго разоренія.

30-го августа 1814 г., графъ Ростопчинъ былъ уволенъ отъ должности, съ пожалованіемъ въ члены государственнаго совѣта, и вскорѣ, съ совершенно разстроеннымъ здоровьемъ, уѣхалъ на воды въ Германію, а оттуда въ Парижъ, гдѣ прожилъ почти семь лѣтъ. Въ 1825 году онъ вернулся въ Россію и поселился въ Москвѣ. Здѣсь ждало его горе, которое вскорѣ свело его въ могилу: смерть послѣдней оставшейся при немъ дочери, Елизаветы, скончавшейся восемнадцати лѣтъ, во всемъ блескѣ очаровательной красоты.

У меня сохранился ея портретъ, набросокъ карандашомъ, съ легкой акварельною ретушью; это была брюнетка съ большими черными глазами и длинными рѣсницами. Бабушка разсказывала, что у воротъ ихъ всегда толпился народъ, чтобы взглянуть на красавицу Ростопчину. Старшія ея сестры были замужемъ: Наталья за Нарышкинымъ, а Софья за Сегюромъ. Какъ католичка, послѣдняя иначе, какъ за католика, не могла выйти.

Всегда нѣжный отецъ, дѣдушка еще нѣжнѣе полюбилъ милую, кроткую дѣвушку, обреченную на преждевременную смерть. Она скончалась отъ чахотки, схваченной при слѣдующихъ обстоятельствахъ: рано утромъ проходилъ мимо оконъ ея спальни полкъ съ музыкой. Чтобы полюбоваться невиданнымъ за границей зрѣлищемъ, она бросилась къ окну босикомъ и простудилась. Опасаясь разспросовъ и упрековъ строгой матери, а также, чтобъ не огорчать отца, она долго скрывала свое нездоровье, почти до послѣдняго часа обѣдала за общимъ столомъ и упросила доктора не говорить родителямъ о безнадежности ея положенія, увѣривъ его, что она сама подготовитъ ихъ къ мысли ее потерять. Наканунѣ смерти хотѣла она, какъ всегда, спуститься внизъ, чтобъ обѣдать за общимъ столомъ, но силы ей измѣнили, и ее уложили въ постель. Она исповѣдывалась, пріобщалась и соборовалась въ полной памяти и съ изумительною твердостью духа, безпокоясь только о томъ, что г-жа Тончи (жена извѣстнаго художника) не приноситъ ей денегъ за наряды, которые она поручила ей продать. Деньги она непремѣнно хотѣла еще при жизни раздать прислуживавшимъ ей женщинамъ. Взявъ за руку отца, она сказала: «Папа, я была часто нетерпѣлива во время болѣзни, прошу у всѣхъ за это прощеніе, а въ особенности у сестры Наташи. Напишите ей объ этомъ. Сама я ей этого не могла сказать, она немного глуха, а громко говорить мнѣ больно». Помолчавъ, она поцѣловала руку отца и стала просить, чтобы послѣ ея смерти приданое ея раздѣлить поровну между ея сестрами. Часы свои она отдала брату Андрею, съ просьбою ея не забывать. Всѣ вокругъ нея рыдали, одна страдалица была покойна, смотрѣла смерти прямо въ глаза и просила родителей итти отдохнуть, увѣряя, что чувствуетъ себя

лучше. Въ половинѣ четвертаго графиня уговорила мужа прилечь, утверждая, что, по мнѣнію доктора, роковая развязка не такъ еще близка. Убитый горемъ и самъ больной Өедоръ Васильевичъ ушелъ къ себѣ и заснулъ. Часа два спустя, жена разбудила его словами: «Лиза скончалась въ шесть часовъ и скончалась католичкой: послѣ вашего ухода она отреклась отъ православія и причастилась св. таинъ по католическому обряду».

Можно себѣ представить, что долженъ былъ чувствовать несчастный отецъ! Онъ понялъ, что удалили его съ злымъ умысломъ, чтобы привести въ исполненіе заранѣе подготовленный коварный замыселъ, и истерзанному его сердцу былъ нанесенъ жесточайшій ударъ извѣщеніемъ о предсмертномъ отреченіи любимаго ребенка отъ вѣры праотцовъ! Пусть каждый отецъ, преданный сынъ своей церкви, теряющій дочь, представитъ себѣ нравственную пытку, которой подвергла его неумолимая фанатичка жена!

Мать моя часто мнѣ разсказывала ужасныя подробности этой смерти, слышанныя ею не отъ одного А. Я. Булгакова: удаливъ довѣрчиваго супруга, Екатерина Петровна позвала католическаго священника и заперлась съ нимъ и съ приживалками въ комнатѣ умирающей. Что тамъ произошло? Угрозами ли заставили несчастную причаститься облаткой или воспользовались ея слабостью, чтобъ вымучить ея отреченіе отъ православія,—это осталось тайной, и одно только извѣстно: предсмертная агонія страдалицы была не только борьбой между жизнью и смертью, но и борьбой изнасилованной души... Такъ понялъ это убитый горемъ отецъ. Онъ отвѣтилъ торжествующей католичкѣ: «Когда я простился съ моею дочерью, она была православной». И послалъ за приходскимъ священникомъ.

Взбѣшонная фанатичка въ свою очередь послала за аббатомъ. Оба встрѣтились у тѣла усопшей и отказались служить панихиду. Тогда дѣдъ мой написалъ митрополиту. Узнавъ, что усопшая исповѣдывалась и причащалась наканунѣ безъ малѣйшаго протеста и намека на будто бы поколебавшуюся въ ней вѣру въ нашу святую церковь, митрополитъ Филаретъ приказалъ отпѣвать ее, какъ православную. Лизу Ростопчину похоронили на Пятницкомъ кладбищѣ, рядомъ съ умершими до нея младенцами, братомъ ея Павломъ и сестрой Маріей. Возлѣ нея вскорѣ тутъ положили и отца ихъ, а затѣмъ Наталью Өедоровну Нарышкину и мою мать. Осталось еще одно мѣсто, надѣюсь, для меня, такъ какъ братъ мой Викторъ Андреевичъ похороненъ въ Омской губерніи.

Вся Москва явилась на похороны столь рано почившей юной красавицы. Отсутствовала только ея мать, какъ впослѣдствіи она отсутствовала при похоронахъ мужа... Свято берегла она свою душу отъ оскверненія схизматическими обрядами.

Съ этой минуты дни Өедора Васильевича были уже сочтены. Онъ сталъ постоянно хворать; московскій пожаръ надломилъ его

желѣзную, энергичную натуру, вынесшую всю лихорадочную дѣятельность эпохи, предшествовавшей сдачѣ Москвы. Онъ не умеръ «отъ Москвы», какъ любилъ повторять доблестный князь Багратіонъ, когда умирающаго дѣда моего вывезли изъ обреченной на гибель столицы, но онъ похоронилъ съ нею всю свою дѣятельность, карьеру, цѣль жизни. Что-то могучее и свѣтлое оборвалось въ его сердцѣ, когда съ высотъ Воробьевыхъ горъ онъ въ послѣдній разъ окинулъ взглядомъ волшебную красоту стоглавой «матушки Москвы». Умеръ тогда московскій главнокомандующій, вѣрный слуга и сынъ отечества, остался жить только графъ Ростопчинъ, любящій мужъ и нѣжный отецъ.

Мы знаемъ, что, какъ мужъ, онъ былъ поруганъ въ своемъ довѣріи къ женѣ, и много выстрадалъ, какъ отецъ, отъ старшаго сына, отъ перехода въ католичество второй своей дочери и отъ брака ея съ чужестранцемъ; утѣшеніемъ и гордостью оставалась для него только младшая дочь, и эту похитила у него смерть. Онъ остался одинъ у домашняго очага (второй сынъ его былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы понимать отца), съ суровой, взбалмошной женой, которую онъ не могъ больше ни любить, ни уважать. Ихъ связывало только свѣтское приличіе, союзъ же душъ ихъ давно былъ нарушенъ неумолимымъ фанатизмомъ графини. Печальны были послѣдніе годы русскаго вельможи, бывшаго главнокомандующаго Москвы, великаго патріота Ростопчина! Всѣ относились къ нему съ уваженіемъ и чтили въ немъ прошлое; даже и враги, созданные его острымъ языкомъ и вспыльчивымъ нравомъ, были обезоружены внезапною кончиною его любимой дочери. Смерть эта окончательно омрачила послѣдніе дни Өедора Васильевича: ему оставалось жить однимъ умомъ, для сердца радостей уже не было, а тѣлесные недуги усиливались. Выѣзжалъ онъ мало, и единственнымъ развлеченіемъ служили ему посѣщенія друзей, къ числу которыхъ принадлежалъ А. Я. Булгаковъ. Къ довершенію всего, домашній строй со дня на день усиливалъ раздражительность графа: духовный разладъ съ женою обострялся и тѣмъ болѣе разрушительно на него дѣйствовалъ, что гордый и скрытый нравъ заставлялъ его все таить въ себѣ. Никогда не жаловался онъ никому на свои семейныя невзгоды и, не взирая на пылкій нравъ и впечатлительность, ни разу не обмолвился ни единымъ словомъ самымъ близкимъ о своей горькой, сердечной тайнѣ. А. Я. Булгаковъ хотя многое и подозрѣвалъ, но такъ уважалъ графа, что свято хранилъ про себя свои догадки и предположенія.

Въ октябрѣ 1825 года съ графомъ случился сильный припадокъ разлитія желчи. Въ началѣ декабря было два консиліума, но болѣзнь, при сильно разстроенномъ организмѣ, лѣченію не поддавалась. 25-го декабря, докторъ Пфеллеръ сталъ опасаться воспаленія въ кишкахъ съ гангреной. Надо было приготовить больного

къ исполненію послѣдняго христіанскаго долга; графиня отъ этого отказалась, подъ предлогомъ, что боится его испугать, но я увѣрена, что ей просто не хотѣлось впускать въ домъ «схизматика» изъ поповъ, о которыхъ она всегда выражалась съ ненавистью. Въ этомъ случаѣ ей, пожалуй, можетъ служить извиненіемъ увѣренность въ невозможности получить отпущенія грѣховъ отъ православнаго причастія.

По праву старой дружбы, А. Я. Булгаковъ рѣшился сказать графу, что ему слѣдовало бы исполнить долгъ всякаго тяжко больного христіанина. Зорко на него взглянувъ, графъ спросилъ: «Кто поручилъ вамъ мнѣ это сказать, жена моя или докторъ?» Булгаковъ отвѣтилъ, что никто ему этого не поручалъ, и графъ приказалъ входившей въ эту минуту въ комнату графинѣ послать за приходскимъ священникомъ[1]).

Исповѣдь и причастіе продолжались около часу, и когда домашніе вошли къ графу, онъ взялъ руку Булгакова и сказалъ съ чувствомъ: «Благодарю васъ, мой другъ, вы мнѣ доказали вашу привязанность». На вопросъ: «Не утомился ли онъ?» графъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, хотя я много говорилъ. Я очень доволенъ и собою, и священникомъ. Это умный человѣкъ». Затѣмъ, онъ обратился къ Брокеру: «Адамъ Ѳомичъ, вотъ крестъ съ мощами, хранящійся болѣе ста лѣтъ въ нашемъ родѣ, сбереги его для Андрея».

Такъ какъ А. Ѳ. Брокеръ будетъ играть большую роль въ моемъ разсказѣ, считаю необходимымъ сказать про него нѣсколько словъ.

Родомъ шведъ, Брокеръ служилъ сначала во флотѣ, потомъ въ московскомъ почтамтѣ и былъ отставленъ почтдиректоромъ Ключаревымъ въ 1810 году при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Ключаревъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ московскихъ масоновъ, скрывалъ свой мистицизмъ подъ личиной добродушія, а пылкій и откровенный Брокеръ ненавидѣлъ фальшь и притворство. Въ то время почтдиректора пользовались привилегіей пересылать свои письма и посылки даромъ и злоупотребляли этимъ, чтобъ посылать и получать почтой безвозмездно цѣлые тюки. Однажды такой тюкъ, присланный изъ-за границы, былъ вскрытъ, и въ немъ оказались запрещенныя для ввоза въ Россію табакерки изъ Брауншвейга, главнаго мѣстопребыванія масоновъ. Присутствовавшій при вскрытіи тюка Брокеръ приказалъ другому чиновнику, Рудольфову, составить протоколъ. Разгнѣванный разоблаченіемъ его

[1]) По словамъ Снегирева («Русскій Архивъ», октябрь 1908 г., стр. 288), вотъ какъ произошло это событіе: «Онъ (графъ Ростопчинъ) исповѣдывался и причащался у приходскаго іерея Сергѣя Алексѣева (впослѣдствіи протоіерея Казанскаго собора), соборовался, стоя на ногахъ, велѣлъ похоронить себя въ томъ же сюртукѣ и туфляхъ, въ которыхъ ходилъ, безъ всякой пышности, просто, одному священнику. Это было за два дня до его смерти».

тайны Ключаревъ приказалъ Рудольфову подать въ отставку. Несчастный имѣлъ жену и дѣтей и, кромѣ службы, никакихъ средствъ къ существованію. Пылкій Брокеръ, чтобъ его спасти, полетѣлъ въ Петербургъ, явился къ главному директору почтъ, князю Куракину, и добился смѣщенія Ключарева и назначенія на его мѣсто Рудольфова, самъ же вышелъ въ отставку. Въ 1798 г., онъ имѣлъ случай познакомиться съ отцомъ графа Ростопчина, орловскимъ помѣщикомъ Васнліемъ Өедоровичемъ, человѣкомъ веселымъ и добродушнымъ, который такъ съ нимъ сошелся, что, пріѣзжая по дѣламъ въ Москву, всегда его навѣщалъ, поручалъ ему веденіе своихъ дѣлъ и иногда останавливался въ его маленькой квартирѣ, при чемъ нимало не стѣснялъ часто собиравшееся у гостепріимнаго хозяина общество молодежи. Старикъ Ростопчинъ скончался въ 1799 году. Сынъ его, конечно, вспомнилъ о Брокерѣ и, когда въ іюлѣ 1812 года былъ назначенъ главнокомандующимъ Москвы, назначилъ его третьимъ московскимъ полицмейстеромъ, уважая въ немъ необыкновенную честность, признанную всѣми жителями Москвы безъ исключенія. Про его безкорыстіе разсказывали множество анекдотовъ, между прочимъ мнѣ извѣстно, что онъ передалъ дѣду сумму въ 30 тысячъ, поднесенную ему московскими купцами въ корзинѣ съ фруктами, и на эти деньги дѣдъ построилъ бесѣдку для музыкантовъ на Тверскомъ бульварѣ. Кромѣ честности и дѣятельности, дѣдъ цѣнилъ въ Брокерѣ тожественную съ нимъ антипатію къ масонамъ и къ Ключареву. Извѣстно, какъ страстно и неусыпно преслѣдовалъ графъ Өедоръ Васильевичъ масоновъ; ему, конечно, лучше, чѣмъ кому либо, были извѣстны причины, навлекшія на нихъ гнѣвъ императрицы Екатерины II. Онъ, вѣроятно, разсчитывалъ, что Брокеръ, личный врагъ ихъ представителя Ключарева, будетъ зорко слѣдить какъ за ними, такъ и за мартинистами, которые подъ личиною благочестія и благотворительности всюду преслѣдовали политическія цѣли.

Когда въ 1815 году графъ Өедоръ Васильевичъ переѣхалъ на время въ Петербургъ передъ своимъ отъѣздомъ за границу, онъ поручилъ преданному ему Брокеру веденіе всѣхъ своихъ дѣлъ и управленіе всѣми своими имѣніями, селомъ Вороновымъ въ Московской губерніи и другими въ Орловской и Воронежской. Изъ переписки ихъ, довѣренной издателю «Русскаго Архива» сыномъ покойнаго Брокера, Владиміромъ Адамовичемъ, можно судить объ отношеніяхъ дѣда къ его отцу. Графъ постоянно называетъ Адама Өомича «сердечнымъ другомъ» и выражаетъ такое довѣріе къ его честности и преданности, что это и удивляетъ, и трогаетъ въ такомъ скептикѣ, какимъ былъ строгій, неумолимый въ сужденіяхъ своихъ о людяхъ, графъ Ростопчинъ. Всѣ друзья его отличались благородствомъ души, умомъ и преданностью отечеству: оба Ворон-

цовы, князь Циціановъ, князь Багратіонъ, Булгаковъ, Горчаковъ и другіе; скромный Брокеръ занималъ въ сердцѣ дѣда не послѣднее мѣсто въ этой блестящей компаніи. Вернувшись на родину, графъ помѣстилъ его съ семьей въ одномъ изъ флигелей своего дома. Брокеръ былъ при немъ неотлучно во время его болѣзни и присутствовалъ вмѣстѣ съ Булгаковымъ при его кончинѣ.

Послѣ причастія дѣду немного полегчало, но не надолго, и, чувствуя приближеніе смерти, онъ сказалъ: «Я вижу, что дальше жить недостоинъ, и прошу Бога избавить меня отъ страданій». 27-го числа онъ соборовался, и твердость его духа и христіанское смиреніе поражали всѣхъ присутствующихъ. Онъ со всѣми прощался, всѣхъ близкихъ одарилъ по-царски и сказалъ священнику: «Похороните меня, батюшка, въ простомъ гробѣ, положите рядомъ съ моею дочерью Лизою. На могилѣ моей быть простой мраморной доскѣ съ надписью: «Здѣсь прахъ Өедора Ростопчина», безъ всякихъ титуловъ».

Часто благодарилъ онъ Бога, что умираетъ въ Москвѣ, среди друзей, благодарилъ А. Я. Булгакова за напоминаніе объ исполненіи христіанскаго долга передъ смертью и за то, что онъ заставилъ его простить старшаго сына, Сергѣя, котораго онъ заочно благословилъ и приказалъ женѣ выдавать ему ежегодно на содержаніе 20 тысячъ, если окажется, что долги его превышаютъ стоимость оставленнаго ему имѣнія. Но, невзирая на твердость духа, страданія часто вырывали у него восклицаніе: «Господи, сжалься надо мною грѣшнымъ, прекрати мои страданія!» На замѣчаніе Булгакова, что страданія временныя, а блаженство вѣчно, онъ смиренно возражалъ: «Недостоинъ я царства небеснаго», на что подруга его жизни утѣшала его такими словами: «Кто смиряется передъ Богомъ, тотъ этимъ возвышается. Вспомни о разбойникѣ на крестѣ и не сомнѣвайся въ милости Божіей». Къ утру съ нимъ сдѣлался легкій нервный параличъ, послѣ котораго онъ началъ говорить съ трудомъ, вечеромъ снова со всѣми простился и у всѣхъ просилъ прощенія, потомъ приказалъ принести шкатулку съ табакерками и приказывалъ Брокеру кому какую отдать: зятю Сегюру, дочери Натальѣ, князю Масальскому, Муромцеву князю А. П. Оболенскому, Кампорозіо и другимъ, и дѣлалъ разныя распоряженія.

Жилъ у него изъ милости грекъ Метакса съ семьей; онъ благодарилъ его за дружбу и назначилъ ему изъ доходовъ сына Андрея пожизненную пенсію въ двѣ тысячи рублей. Метакса зарыдалъ и упалъ на колѣни. Графъ сказалъ: «Счастливъ я, что могу сдѣлать добро доброму семейству». Обратившись къ двумъ своимъ камердинерамъ, французамъ, онъ сказалъ: «Друзья мои, вы усердно мнѣ служили въ продолженіе семи лѣтъ, можете оставаться при моей женѣ, а если пожелаете вернуться на родину, вамъ выдадутъ

каждому по три тысячи франковъ. Не забывайте меня». Русскихъ же людей онъ отпустилъ на волю и каждаго съ наградой.

Брокеру онъ ничего не сказалъ, но вытребовалъ незадолго передъ тѣмъ свое духовное завѣщаніе изъ опекунскаго совѣта и прибавилъ къ нему несколько строкъ.

Пораженный такою христіанскою смертью, растроганный Булгаковъ сказалъ ему: «Я напишу исторію вашей жизни». «Для чего?» «Это послужитъ мнѣ утѣшеніемъ». «Это—дѣло другое, но прошу васъ, мой другъ, пишите одну только правду». «Вамъ нечего опасаться», отвѣчалъ Булгаковъ.

Оба его легкія были поражены. Замѣтивъ, что доктора удалились для совѣщанія, онъ сказалъ Булгакову: «Другъ мой, упросите, пожалуйста, Пфеллера не давать мнѣ лѣкарства для продленія жизни, я страдаю, мучу жену и васъ всѣхъ».

Крѣпость его организма была такова, что онъ прожилъ до 18-го января, съ водянкой въ груди, пораженными легкими, съ огромнымъ скопленіемъ желчи, давившимъ печень, и, кромѣ того, съ обычными своими недугами—ревматизмомъ, геморроемъ и полнѣйшимъ нервнымъ разстройствомъ. И при всемъ этомъ выдавались такіе дни, когда друзья его надѣялись, что изумительная сила его организма одолѣетъ всѣ эти недуги. Иногда страшныя муки заставляли его молить о смерти, и онъ просилъ докторовъ скорѣе прекратить его страданія. Опіумъ мало дѣйствовалъ. И все-таки свойственный ему юморъ его не покидалъ, и во время одного изъ перерывовъ между припадками жесточайшей боли, услышавъ, что присутствующіе разговариваютъ между собою о декабристѣ Трубецкомъ и о планахъ его произвести въ Россіи такую же революцію, какую сдѣлали во Франціи, онъ замѣтилъ: «Это совершенно напротивъ. Тамъ повара захотѣли сдѣлаться князьями, а у насъ князья—сдѣлаться поварами».

16-го января, ночью, произошла перемѣна къ худшему: одинъ глазъ ввалился, на лбу и на рукахъ появились черныя пятна, его перестали понимать, но наканунѣ смерти онъ внятно сказалъ, протягивая руку Метаксѣ и Булгакову: «Прощайте, прощайте, я умираю».

Скончался онъ 18-го, въ семь часовъ вечера, въ присутствіи Булгакова и Брокера. Графиня подъ предлогомъ головной боли удалилась на свою половину тотчасъ послѣ обѣда. Въ 5 часовъ вѣрные друзья услышали слова, произнесенныя умирающимъ: «Боже! Боже! возьми меня!» Это были его послѣднія слова. Отдавшись въ руки Создателя и Судіи своего, онъ болѣе не произносилъ ни слова и лежалъ спокойно, безъ стоновъ, но въ памяти. Друзья его, сидя поодаль, тихо разговаривали между собою о состояніи дорогого умирающаго. Брокеръ сказалъ, что графъ ужъ потерялъ сознаніе, и что д-ръ Рамихъ съ минуты на минуту ждетъ пара-

лича мозга, но тутъ Булгаковъ увидалъ, что графъ правой рукой щупаетъ пульсъ у лѣвой, и сказалъ: «Вотъ вамъ доказательство, что онъ въ полной памяти, онъ щупаетъ себѣ пульсъ». «Быть не можетъ!» возразилъ Брокеръ и подошелъ къ постели умирающаго: графъ дѣйствительно щупалъ себѣ пульсъ. Вскорѣ Брокеръ услышалъ у него шумъ въ груди, но Булгаковъ, стоявшій дальше, ничего не слыхалъ. Шумъ повторился: то была мокрота, ускорившая конецъ. Въ комнатѣ воцарилась глубокая тишина: сердце, горѣвшее столь пламенною любовью къ отечеству, перестало биться. Московскій патріотъ, наполнившій міръ своею славою и умомъ, окончилъ свое земное поприще, душа его, прошедшая черезъ горнило страданій, отлетѣла...

Встревоженный спокойствіемъ умирающаго, Булгаковъ взялъ свѣчу и подошелъ къ изголовью: графъ Ростопчинъ былъ уже безъ дыханія. Преданный другъ закрылъ глаза въ то время, какъ Брокеръ придерживалъ его голову. Въ эту минуту у обоихъ одно только было на умѣ: онъ пересталъ страдать!

До слѣдующаго утра графиня не выходила изъ своихъ комнатъ. Подходила ли она къ тѣлу мужа—неизвѣстно. Булгаковъ пишетъ, что она на другой день за нимъ послала, чтобъ узнать подробности о послѣднихъ минутахъ мужа. И тутъ только Александръ Яковлевичъ въ первый разъ увѣдомляетъ брата о переходѣ графини въ католичество, и что она имѣетъ сердце холодное, невзирая на католическую набожность. «Ворочала она и меня, но я ей сказалъ, что католики будутъ въ аду, а греки въ раю, и что спастись можно въ каждомъ вѣроисповѣданіи». Она даже не поблагодарила его за то, что онъ цѣлый мѣсяцъ почти не выходилъ изъ комнаты графа и не видѣлъ нѣжно любимой имъ семьи.

Выносъ тѣла послѣдовалъ 20 января, и хотя, по желанію графа, приглашеній никому не было послано, явилось множество народа провожать тѣло. Всѣхъ поразило, что покойникъ лежалъ, какъ живой, и нисколько не измѣнился, но еще болѣе были изумлены отсутствіемъ вдовы не только въ церкви, но и на выносѣ. Графиня, вѣрная самой себѣ, избѣгала оскверниться присутствіемъ при молитвахъ нашей православной церкви! 22 января послѣдовали похороны на Пятницкомъ кладбищѣ, въ присутствіи всей Москвы съ генералъ-губернаторомъ, княземъ Д. В. Голицынымъ, во главѣ. «Можно мстить живому», пишетъ Булгаковъ, «но умершему воздастся то, чего онъ заслуживаетъ. Не будетъ другого Ростопчина».

Графиня Л. Ростопчина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КЪ ИСТОРІИ 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

(Изъ воспоминаній петербургскаго старожила).

РЕДЛАГАЕМЫЯ вниманію читателей «Воспоминанія петербургскаго старожила» касаются, главнымъ образомъ, событій 14 декабря 1825 года.

Происхожденіе этихъ воспоминаній слѣдующее. Довольно извѣстный въ 1860-хъ годахъ литераторъ Н. А. Благовѣщенскій [1]), посѣщая одного изъ своихъ друзей, сидѣвшаго въ «Долговомъ отдѣленіи», познакомился во время этихъ посѣщеній съ помощникомъ квартальнаго надзирателя, глубокимъ старикомъ, имѣвшимъ пряжку за 50-лѣтнюю «безпорочную службу». Старикъ разсказывалъ много интереснаго изъ прошлой жизни столицы, и Благовѣщенскій тогда же по возможности дословно записалъ нѣкоторые его разсказы. Онъ пытался напечатать ихъ въ «Русскомъ Словѣ», но въ то время надъ декабристами еще тяготѣлъ цензурный запретъ, и Благовѣщенскій сначала отложилъ «воспоминанія» до болѣе удобнаго времени, а потомъ совершенно забылъ о нихъ.

Въ «Воспоминаніяхъ петербургскаго старожила», конечно, не должно искать какихъ либо новыхъ историческихъ фактовъ. Съ начала 70-хъ годовъ по настоящее время опубликована масса

---

[1]) Н. А. Благовѣщенскій (род. 1838, ум. 1889)—авторъ «Аѳона», «Среди богомольцевъ» и пр., сотрудникъ «Современника», «Недѣли», редакторъ «Русскаго Слова».

историческихъ матеріаловъ, относящихся къ событію 14 декабря 1825 г., воспоминаній самихъ участниковъ этого событія, отдѣльныхъ біографій и монографій и т. д. [1]). Желающіе детально изучить эту страницу русской исторіи могутъ обратиться къ этимъ первоисточникамъ или же къ капитальнымъ трудамъ Богдановича, Шильдера и др. историковъ. «Воспоминанія старожила» интересны прежде всего, какъ бытовая картинка. Читая ихъ, вы можете видѣть, какъ относился къ крупному историческому событію маленькій русскій чиновникъ, принимавшій въ немъ косвенное участіе,

---

[1]) Укажемъ лишь на главнѣйшіе матеріалы:

«Донесеніе слѣдственной комиссіи», изд. 1826 г., перепечатано въ «Русск. Архивѣ» 1875 г., т. 3; см. также «Русск. Арх.» 1881 г., т. 2; «Междуцарствіе» въ «Русск. Старинѣ» 1882г., № 7; бар. Мод. Корфъ: «Восшествіе на престолъ импер. Николая I», изд. въ 1857 г. въ С.-Петербургѣ; воспоминанія Михайловскаго-Даниловскаго въ «Русск. Стар.» 1890 г.; Сухозанета «14 декабря» въ «Русск. Стар.» 1878 г., № 3; Воспоминанія Голицына въ «Русск. Стар.» 1880 г., №№ 11—12, и 1881 г., №№ 1, 2, 3, 4, и 9; Воспоминанія Голенищева-Кутузова въ «Русск. Архивѣ»» 1882, № 3; Воспоминанія Деменкова въ «Русск. Архивѣ» 1877 г.; Воспом. Блудова въ «Русск. Арх.» 1881 г., т. 2; Воспом. Оленина «Русск. Арх.» 1869 г.; Воспом. Іордана «Русск. Стар.» 1891 г., № 3; Воспом. Каратыгина «Русск. Стар.» 1875 г., № 4; въ статьѣ о Меттернихѣ, «Истор. Вѣстн.» 1880 г., № 2, 1881 г., №№ 5—6; Гречъ: «Записки», Спб., 1886; Кропотовъ: «Гр. Муравьевъ-Виленскій, Спб., 1874; Богдановичъ: «Исторія царств. импер. Александра I»; Шильдеръ: «Импер. Александръ I»; Шильдеръ: «Импер. Николай I». Статьи Якушкина о декабристахъ въ «Русск. Старинѣ» 1888 г., №№ 10—12, 1889 г., № 2, и въ «Вѣстникѣ Европы» 1888 г., № 11—12; П. Н. Милюковъ: «Главныя теченія русск. истор. мысли въ «Русск. Мысли» 1894 г., № 10, 1895 г., №№ 4, 5 и 12.

Изъ воспоминаній декабристовъ отмѣтимъ:

Басаргинъ: «Записки о происшествіи 14 декабря» въ «XIX вѣкѣ» Бартенева; Записки Батенкова въ «Русск. Архивѣ» 1881 г.; Воспоминанія М. А. Бестужева въ «Русск. Старинѣ» 1870 г., № 8, и 1881 г., № 11; Воспоминанія Бѣляева въ «Русск. Старинѣ» за 1880—1886 гг. и въ отд. изданіяхъ; Воспоминанія Горбачевскаго въ «Русск. Архивѣ» 1882, т. I; Записки М. Муравьева въ «Русск. Старинѣ» 1886 г., № 9 и въ «Русск. Арх.» 1871 и 1881 г. (№ 2); Воспоминанія Оболенскаго о Рылѣевѣ въ «XIX вѣкѣ» Бартенева (объ Оболенскомъ см. статью М. В. Головинскаго въ «Истор. Вѣстн». 1890 г., № 1, и Апушкина въ «Вѣстн. Всем. Ист.» 1900 г. № 6); Воспом. Пущина въ «Атенеѣ» 1859 г.; Воспоминанія бар. Розена, изд. въ 1869 г.; Воспоминанія Фонвизина въ «Русск. Стар.» 1881 г., № 6, 1884 г., №№ 4—5; Воспоминанія Фалленборга въ «Русск. Архивѣ» 1877 г. и въ «Русск. Стар.» 1883 г., № 6; изъ воспомин. Якушкина въ «Русск. Архивѣ» 1870 г., №№ 3—9.

О пребываніи декабристовъ въ Сибири отмѣтимъ:

Дмитріевъ-Мамоновъ: «Декабристы въ Западной Сибири», М., 1895; Завалишинъ: «Декабристы въ Читѣ и въ Петровскѣ 1827—1840» въ «Русск. Стар.» 1881 г., № 10; стат. Кучаева «С. Р. Лепарскій, комендантъ Нерчинскихъ рудниковъ съ 1826 по 1837 г.» въ «Русск. Стар.» 1880 г., № 8; «Новыя свѣдѣнія о пребываніи декабристовъ въ Нерчинскихъ заводахъ» въ «Истор. Вѣстн.» 1891 г., № 7; Струве: «Воспоминанія о Сибири» въ «Русск. Вѣстн.» 1888 г., №№ 4—11, и отд. изд.; Львовъ: «Изъ воспоминаній» въ «Русск. Арх.» 1885 г., т. I. О женахъ декабристовъ см. статью г-жи Хинъ въ «Истор. Вѣстн.» 1884 г., № 12.

Болѣе подробную библіографію объ отдѣльныхъ лицахъ см. въ примѣчаніяхъ къ тексту статьи.

В. Батуринскій.

въ качествѣ одного изъ винтиковъ сложной административной машины.

Мы печатаемъ «Воспоминанія старожила» въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, снабдивъ ихъ нѣкоторыми библіографическими примѣчаніями.

В. Батуринскій.

I.

Вечеромъ намъ удалось затащить на чашку чая Шипова [1]). Онъ вошелъ, любезно раскланялся и усѣлся на стулъ, кашляя и задыхаясь. Несмотря на свое полицейское званіе, онъ оказался добрымъ и разговорчивымъ старикомъ. Мы его разспрашивали и заставляли разсказывать, что онъ видалъ на своемъ вѣку и за долгую службу въ полиціи. Шиповъ былъ настоящій ходячій архивъ. Онъ былъ свидѣтелемъ многихъ важныхъ событій и разсказывалъ объ нихъ много разныхъ интересныхъ подробностей.

Всѣ его разсказы отличались безыскусственностью. Онъ относился къ факту только въ той мѣрѣ, насколько при этомъ исполнялъ свою офиціальную обязанность, и всегда съ этой точки разсматривалъ событіе, безъ критики, безъ разсужденій, хорошо ли это или дурно. Вотъ нѣсколько его разсказовъ:

— Я, батюшка, давно въ Петербургѣ,—говорилъ онъ,—сколько уже въ полиціи служу!

— И все до сихъ поръ помощникомъ?—спросилъ N.

— Все помощникомъ. Предлагали мнѣ нѣсколько разъ сдѣлать надзирателемъ, да Богъ съ ними совсѣмъ! Не хочу!

— Отчего?

— Оттого, что надзирателемъ побылъ три, четыре года, и вонъ! Ступай, куда хочешь! При мнѣ надзирателей, я думаю, человѣкъ двадцать пять перемѣнилось, а я все служу да служу. Богъ съ ними! Сперва я служилъ въ сенатѣ. Тогда еще былъ не этотъ, а старый сенатъ. Сперва съ самаго-то начала я въ пѣвчихъ былъ; знаешь, пѣлъ это тамъ re, mi, fa sol. У Бортнянскаго, братецъ мой, учился. Всѣ его концерты пѣлъ.—И онъ запѣлъ старческимъ, дребезжащимъ голосомъ:

Блаженни людіе, вѣдущіе воскликновеніе!

Пѣлъ онъ, зажмуривая глаза и съ пріятною улыбкою.

— Оттуда я перешелъ въ сенатъ. Въ это время въ сенатѣ было много такихъ, что и грамотѣ едва знали! Изъ сената я уже

---

[1]) Фамилія «Шиповъ»—вымышленная. Къ сожалѣнію, мы не можемъ до знаться настоящей фамиліи разсказчика.

опредѣлился въ полицію и съ тѣхъ поръ вотъ и служу Я и въ двадцать пятомъ году во время бунта въ полиціи служилъ.

— Такъ вы и во время бунта были?

— Былъ, я же тебѣ говорю, братецъ! Надобно тебѣ сказать, что мы этого ничего рѣшительно не знали. Слышимъ, что Николай отказывается отъ престола, и Константинъ отказывается тоже, а почему, подлинно-то не знали. Отреченіе Константина въ Москвѣ лежало. Если бы его объявили тогда во-время, при покойномъ еще императорѣ Александрѣ Павловичѣ, такъ, пожалуй, ничего бы этого и не было! Всякій бы зналъ, кто царь! А то сегодня говорятъ: императоръ—Николай Павловичъ, а завтра—Константинъ Павловичъ. Для насъ-то это было все равно; мы одинаково исполняли свою службу. Вѣдь кто бы ни былъ царемъ, всякій отъ полиціи исправности потребуетъ. Нельзя безъ этого. Какіе ни введи порядки, а все-таки подбирать пьяныхъ, смотрѣть за порядкомъ и благочиніемъ и забирать мошенниковъ надо; значитъ, безъ полиціи не обойдешься. Такого времени, братецъ, никогда не бывало, какъ тогда. Бывало и бумаги и указы такъ и пишутся одинъ день: указъ его императорскаго величества Константина Павловича; смотришь: завтра несутъ указъ императора Николая. Ну, вотъ отъ этого пошли, разумѣется, толки: кто же долженъ царствовать? Кто имѣетъ законное право на престолъ? А ты знаешь, какъ у насъ толкуютъ? Иной ничего во всю свою жизнь не видалъ, не слыхалъ и не читалъ, и не знаетъ ничего, а туда же толкуетъ. Положимъ тамъ, кто все это зналъ, читалъ, ну, и слышалъ отъ людей достовѣрныхъ, ну, тѣ очень хорошо знали, что Константинъ Павловичъ и Николай Павловичъ уступали другъ другу престолъ; а поди, вразуми всѣхъ! Это вотъ чернь и люди темные стали болтать, что они спорятъ, кому царствовать, и отнимаютъ другъ отъ друга престолъ. Все это распускали и люди злонамѣренные; ну, а простой народъ вѣрилъ. Ты ему наговори, поди; онъ и уши развѣситъ. Дураки! Ну, наконецъ, объявили Николая Павловича. Ничего, идетъ это все, какъ слѣдуетъ. Я тогда въ первой части былъ, и нашъ кварталъ былъ на канавѣ. Этой канавы теперь нѣтъ. Вотъ теперь тамъ Конногвардейскій бульваръ, липки насажены, казармы эти съ лошадьми; а тогда этого ничего не было. Петербургъ-то на моихъ глазахъ, поди-ка ты, какъ измѣнился; совсѣмъ другой сталъ.

— Ну, что же вы начали про 14 декабря говорить?

— Да, да. Иду я, братецъ ты мой, утромъ въ кварталъ, это 14 декабря,—то. Со мною были кое-какія бумаги; съ однимъ мошенникомъ тогда мы бились. Смотрю я: народъ это ходитъ. Ну, что же? пусть его ходитъ. Все это тихо, хорошо, въ порядкѣ; ни буйства, ни безначалія никакого нѣтъ; все какъ должно. Только я и думаю про себя: что это народъ такъ расходился? Вниманія, зна-

ешь, большого не обратилъ, такъ только подумалъ, да и забылъ; извѣстно, народъ глупъ, на все идетъ смотрѣть. Вотъ недавно кто-то разбилъ на панели бутыль съ молокомъ; собралась толпа смотрѣть на пролитое молоко; другіе, видя толпу, Богъ знаетъ откуда шли тоже поглазѣть. Пришелъ я въ кварталъ. Ничего, сѣли это мы, какъ слѣдуетъ. Вдругъ слышимъ на улицѣ крикъ. Что такое? Говорятъ, что идутъ толпы разнаго званія людей, и всѣ кричатъ. Вотъ мы и вышли. Слышимъ, кричатъ: «Константина! Константина!» Намъ, братецъ, и въ голову не пришло, что это такое! Дурятъ, думали, пьяные или такъ.

— Правда ли, что кричали: да здравствуетъ царь Константинъ и жена его Конституція?

— Нѣтъ, братецъ ты мой! «Да здравствуетъ» — этого у насъ никогда не крикнутъ. И все это, какъ ты сказалъ, длинно; гдѣ имъ прокричать все это? Кричали: Константина! Конституцію! Можетъ быть, кто нибудь тамъ, пьяный какой, и крикнулъ: Константина и жену его Конституцію, — не спорю. Вѣдь тутъ было много всякихъ. Мы, знаешь, это въ разныя стороны, да давай ихъ унимать. Я тоже,—тогда это былъ молодой этакій, ретивый,—убирайтесь, кричу, такіе вы сякіе, сухіе, немазаные! вотъ я васъ покричу! А они, братецъ, на меня. Тогда у насъ были эти мундиры съ шитьемъ и ботфорты. Сейчасъ видятъ полицейскаго. Квартошка! говорятъ. Убить его! Я давай, братецъ ты мой, отъ нихъ Богъ ноги, бѣжать, они за мной. Я вскочилъ въ домъ, на дворъ почти безъ памяти; гляжу: окно въ подвалъ и этакъ еще разломано, я туда. Упалъ тамъ въ какую-то грязь, мундиръ это и все перегадилъ. Въ подвалѣ стояли пустыя кадки; я въ уголъ забрался, да кадкой и накрылся. Самъ не знаю, сижу, живъ ли я или мертвъ. Вотъ, думаю, сейчасъ найдутъ. Сижу, да въ грѣхахъ каюсь; отходную себѣ читаю.

— Струсили?

— Какъ же не струсить? Чудной ты, право! убьютъ вѣдь! Квартальному надзирателю нашему, братецъ, голову въ четырехъ мѣстахъ пробили. Извѣстно, бунтовщики! Когда ужъ рѣшились на такое дѣло, осмѣлились противъ царя пойти, такъ имъ все нипочемъ. Что имъ значитъ квартальный! Да и полиція имъ хуже ножа остраго. Вотъ, братецъ ты мой, опомнился наконецъ въ подвалѣ-то. Приподнялъ бочку—никого! Хотѣлъ было вылѣзть; вдругъ шорохъ этакій. Я думалъ, братецъ, что это они, окаянные, притаились, попрятались тоже и караулятъ меня; я опять кадкой и накрылся. Только нашелъ я въ кадкѣ скважину и смотрю. Дышать, братецъ, боялся. Что ты съ ними сдѣлаешь? Убьютъ!

— Это крысы возятся, большущія этакія. А, прахъ васъ побери, проклятыя! Сбросилъ я эту бочку, посмотрѣлъ въ окно: никого, какъ есть ни одной души. Я и вылѣзъ изъ подвала. Гово-

рятъ мнѣ, что на площади народу бездна. Я, братецъ, переодѣлся въ штатское платье, надѣлъ полушубокъ — у дворника взялъ—и пошелъ. Смотрю: на площади-то народу видимо-невидимо! А все еще подходятъ. Подходятъ это тихо, чинно, безъ крику. И мужчины тутъ, и женщины съ дѣтьми; говорятъ: парадъ, должно быть, или смотръ. Ты знаешь: нашъ народъ лишь бы поглазѣть на что нибудь. Я тоже протискиваюсь; дай, посмотрю, молъ, что это такое. Да и дивлюсь: какъ это парадъ или смотръ тамъ такой, а у насъ по полиціи никакого наряду не было! Въ это время государь объѣзжалъ полки, которые остались вѣрными; говорилъ съ ними. Тамъ ура или здравія желаемъ! Ну, парадъ или смотръ, да и только.

— Ну, а бунтовщики что же?

— Бунтовщики ничего; тоже стоятъ на площади; шумъ это небольшой; ну, да и немудрено: народу много собралось.

— И ничего они не дѣлали?

— Что же имъ дѣлать?

— Такъ какой же это бунтъ?

— Какъ, братецъ, какой бунтъ? Зачѣмъ они пришли-то? Противъ кого стали? Бунтовщики! какъ же не бунтовщики? Говорятъ, ихъ уговаривали разойтись по домамъ тихо! Не знаю этого, впрочемъ, навѣрно; не слыхалъ самъ. Да вѣрно, мало кто и слышалъ, потому что многіе думали, что это парадъ или смотръ какой. Были изъ народу также и бунтовщики, такъ тѣ впереди стояли, а тутъ сзади стоялъ все такой народъ, и женщины съ дѣтьми были. Думали—парадъ. Вотъ наконецъ выпалили холостыми зарядами; думали испугать. Не тутъ-то было. Потомъ въ другой разъ. Ну, тутъ уже всѣ видятъ, что ученье; вмѣсто того, чтобы назадъ, всѣ стали тѣсниться, пробиваться впередъ, чтобы посмотрѣть. Я въ это время началъ продираться изъ толпы; дай, молъ, надѣну свое платье, да того, пройду поближе. Смотрю, а тутъ въ толпѣ стоитъ знакомая мнѣ дама, Варвара Григорьевна. Хорошенькая такая, шельмовская дочь, была! Я, признаться, ей тогда шуры, муры, амуры, извѣстно, какъ молодой человѣкъ, строилъ. Она мнѣ очень нравилась; я въ нее влюбленъ былъ. Я подхожу къ ней, кланяюсь; она меня сперва въ тулупѣ-то и не узнала. А потомъ захохотала и говоритъ: ахъ, Иванъ Григорьевичъ, что это вы такъ нарядились? Я говорю: разскажу потомъ, сударыня.—Она смѣется—вѣрно, говоритъ, волочитесь! Ну, натурально я тогда былъ не такой, а молодой еще мальчишка; этакій изъ себя ничего, ну, и большой охотникъ до женскаго пола.—Что это, говоритъ она, тутъ такое? — Я говорю: ученье, смотръ государь дѣлаетъ; должно быть, по тревогѣ вывелъ. Побудьте тутъ; я сейчасъ живо сбѣгаю домой, надѣну мундиръ и проведу васъ впередъ.—Только это я, братецъ мой, отъ нея, я думаю, двухъ шаговъ не успѣлъ сдѣлать, какъ грянутъ

вдругъ настоящими-то выстрѣлами. Боже ты мой, что тутъ такое поднялось! Весь этотъ народъ разомъ вскрикнулъ; раздался визгъ, стонъ, такой вопль, что и въ жизнь свою больше никогда не слыхивалъ. Такъ это страшно и жалко было; у меня волоса дыбомъ стали, а ужъ сердце и не знаю что. Самъ ты посуди: всѣ это закричали, завизжали: мужчины, женщины, дѣти; плачъ, стонъ, ревъ; всѣ бѣгутъ. Тутъ мать потеряла дитя; тамъ младенца выбили изъ рукъ и растоптали. Всѣ кричатъ, бѣгутъ и ничего не помнятъ. Ну, и я струсилъ пуще утрешняго; давай Богъ тоже ноги! Въ кварталъ и спрятался. А тамъ, братецъ ты мой, на площади и пошла потѣха! Бунтовщики тоже давай стрѣлять, и въ нихъ стрѣляютъ. Пукъ, пукъ, бумъ, бумъ! Страсти что такое. Артиллерія эта ихъ крѣпко жарила картечами. Прибѣжалъ я въ кварталъ; сижу еле живъ; крикъ, вопль, стонъ! тамъ стрѣляютъ; картечь эта летитъ всюду, народъ бьетъ въ догонку! Ужасъ! Такого дня я больше и не запомню. Сраженье!

— Такъ вы все время въ кварталѣ и просидѣли?

— Такъ и просидѣлъ. Потомъ, какъ все утихло, перестали выстрѣлы, вотъ насъ и послали на площадь. Страхъ, братецъ мой, вспомнить. На улицѣ это трупы; снѣгъ это весь перемятъ и смѣшанъ съ грязью и съ кровью. Стоны на площади-то. Кому руку оторвало, кому ногу, кому пробило бокъ, кому челюсть выворнуло. Нѣкоторыхъ толпа раздавила совсѣмъ и кишки выдавила и лицо, какъ блинъ, сдѣлала. Гляжу, братецъ ты мой, и барынька эта, съ которой я разговаривалъ, Варвара Григорьевна, тоже лежитъ. Дай Богъ ей царство небесное! Убили ли ее, или толпа задавила, затоптала, Богъ ее знаетъ. Поплакалъ я надъ нею. Нельзя же; молодой человѣкъ тогда еще былъ, влюбленъ страшно. Ей-Богу! Вѣдь жениться хотѣлъ на ней. Молодость! жаръ! Какъ увидѣлъ ее, такъ мнѣ стало горько, что въ ту минуту вотъ, кажется, самъ бы умереть готовъ былъ!

Онъ замолчалъ, пожевалъ губами, высморкался и продолжалъ.

— Вотъ вѣдь сколько прошло лѣтъ, и женатъ, дѣтей имѣю, внучатъ, а какъ вспомнишь... такъ вотъ за сердце и возьметъ! Молодость, братецъ! Эхъ!

— Ну, что же, на площади много было убитыхъ?—спросилъ я, чтобы поставить Ивана Григорьевича на прежнюю точку разговора.

— Много, братецъ мой. Вѣдь сказано: пуля дура! Картечь не разбираетъ! На зданіяхъ вокругъ всѣ стѣны были забрызганы мозгами и кровью. Сенатъ тогда былъ не этотъ, что вотъ теперь стоитъ, а старый, и были тамъ сдѣланы этакіе вѣсы правосудія, что ли, чортъ ихъ тамъ знаетъ. Такъ народъ забрался туда, братецъ ты мой, чтобы лучше видѣть. Такъ тамъ смотришь: ноги висятъ, а верхней части туловища нѣтъ. Страхъ просто! Велѣно было все это убрать и въ порядокъ привести, чтобы и слѣдовъ

никакихъ не оставалось. Вычистили это мостовую и все. А трупы-то, кажется, будто бы на барки валили, на этой самой канавѣ, что я тебѣ говорилъ, гдѣ теперь бульваръ съ липками. Говорю: кажется, потому что вѣрно-то не помню [1]. Давно уже было, да и не тѣмъ я тогда занимался. Начались эти аресты, вся полиція была на чеку. Служба была, не приведи Богъ, какая!

II.

— Начались, братецъ ты мой, аресты. Былъ я, кажется, при двухъ или трехъ, не помню. Много, вѣдь, тогда брали. Должно быть, они перетрусили послѣ 14 декабря, или уже увидѣли, что барахтаться нечего; только, братецъ мой, не сопротивлялись. Арестовали мы ихъ какъ обыкновенно. Сперва думали, что ихъ трудно будетъ брать, придется забирать съ бою, а вышло прелегко. Тутъ мнѣ дали другое назначеніе.

Былъ, братецъ мой, въ Петербургѣ князь Адуевскій [2]), служилъ въ конной гвардіи. Богатый былъ человѣкъ, молодой и славный такой. А ужъ съ прислугой какой былъ, такъ и сказать нельзя. Прислуга его ужасно любила. У него даже коллежская секретарша одна въ услуженіи была. Жилъ онъ тутъ въ Большой Морской.

14-го числа онъ смѣнился съ караула, внутри дворца въ караулѣ былъ. Смѣнился такъ поспѣшно и пріѣхалъ на извозчикѣ.

Пришелъ домой, переодѣлся поскорѣе, надѣлъ шинель, шляпу съ перомъ и пошелъ.

— Не видали мы,—говорятъ люди,—когда и какъ онъ пистолетъ взялъ!

У него на стѣнѣ висѣли прекрасные пистолеты. Ихъ не нашли, такъ и догадались, что онъ ихъ взялъ. Такимъ манеромъ сѣлъ онъ на извозчика, еще сквернаго такого, и поѣхалъ. Дворецкій удивился и говоритъ, когда тотъ садился:

— Что это вы, ваше сіятельство?

— Ничего, говоритъ.

Люди только дивятся, что это съ нимъ! никогда на извозчикахъ не ѣздилъ.

А онъ, братецъ ты мой, понимаешь, шмыгъ на площадь. Его тамъ видѣли въ числѣ бунтовщиковъ, да и по дѣлу, по бумагамъ, оказалось, что онъ участникъ. Какъ начали забирать всѣхъ, вотъ

---

[1]) Сравни воспоминанія англійскаго путешественника Чарльза Арла (въ Cornhill Magaz., 1900), напеч. въ извлеченіи въ «Вѣстн. Всем. Исторіи», 1901, № 1 стр. 260—268.

[2]) Кн. А. И. Одоевскій. О немъ см. его біографію, составленную Сиротининымъ въ «Истор. Вѣстн.» 1883 г., № 5; также см. «Русск. Стар.» 1870 г., №№ 1—2 «Стихотворенія А. И. Одоевскаго» изданы бар. Розеномъ, Спб., 1883.

и за нимъ тоже. На квартирѣ говорятъ: нѣтъ дома, уѣхалъ и не возвращался. Въ числѣ труповъ тоже ничего похожаго не нашли. Никакъ его, братецъ ты мой, не могутъ отыскать; ну, скрылся человѣкъ, да и только; пропалъ, точно сквозь землю провалился! Вотъ меня и поставили къ нему на квартиру, захватывать. Можетъ быть, думали, и самъ навернется или пришлетъ кого нибудь отъ себя за чѣмъ нибудь домой; мало ли что нужно. Ну, да и кто съ нимъ возился, такъ или могъ знать, гдѣ онъ скрывается, или тоже, можетъ, участвовалъ въ заговорѣ. Мнѣ и команды дали девять человѣкъ.

Ты слушай, братецъ; это любопытная исторія. Никакъ черезъ день,—не помню ужъ хорошо, ну, да все равно, черезъ сколько тамъ, только немного время прошло, идетъ вечеромъ изъ Екатерингофа съ караула унтеръ-офицеръ къ зарѣ на главную обвахту, извѣстно—съ рапортомъ. Идетъ это онъ около взморья, и видитъ онъ, братецъ мой, что на льду что-то чернѣется, точно будто человѣкъ лежитъ. Это не далеко отъ берега, этакъ за баркой. Тутъ барка была у берега, вѣтромъ ли ее прибило, или такъ стояла, ну, чортъ ее обдери!—не знаю.

Вотъ онъ, братецъ ты мой, унтеръ-офицеръ-то, осторожно этакъ подходитъ, подходитъ. Смотритъ: прорубь, сверху ужъ и замерзать начала, и тутъ возлѣ лежитъ шпага, пистолетъ, шинель военная и шляпа. Половина-то шинели тамъ въ проруби. Что бы это такое? думаетъ; утопили, должно быть, кого нибудь. Да нѣтъ! тогда бы и шинель унесли. Должно быть, самъ бултыхнулся. Идетъ онъ мимо четвертой Адмиралтейской части; дай, думаетъ, зайду, донесу, что видѣлъ: такъ и такъ. Ну, и зашелъ, а тамъ въ части и полицмейстеръ Тихачевъ пріѣхалъ,—сидитъ. Унтеръ-офицеръ разсказываетъ все это, что видѣлъ и какъ тамъ что. Тихачевъ [1]) говоритъ: надобно ѣхать туда!—Такой онъ былъ строгій, неутомимый, исполнительный. И какъ ужъ этихъ заговорщиковъ искалъ, — страсть.—Ну, говоритъ унтеръ-офицеру: ты поѣдешь съ нами.—Тотъ говоритъ: не могу; я долженъ къ зарѣ поспѣть на главную обвахту.—Я, говоритъ, отвѣчаю!—Ну, взяли этого унтеръ-офицера и поѣхали. Вырубили изо льда шинель, подобрали все это, собрали народу, давай дѣлать проруби и искать тѣло и шестами и баграми. Нѣтъ, не нашли, какъ ни бились! Болѣе сутокъ искали. Должно быть, говоритъ Тихачевъ, водою въ море унесло, или куда нибудь подъ барку подбило.

Посмотрѣли платье, чье бы это такое могло быть. По формѣ какъ будто Адуевскаго, конно-гвардейская форма. А Тихачевъ съ ногъ сбился, все Адуевскаго искалъ. Повезъ онъ эти вещи къ

---

[1]) Чихачевъ, с.-петербургскій оберъ-полицмейстеръ въ 1825 г., впалъ въ немилость и въ 1826 г. былъ замѣненъ Княжнинымъ.

Адуевскому, чтобы показать прислугѣ, не узнаютъ ли. Какъ увидѣли они шинель и все это, такъ и взвыли въ одинъ голосъ; всѣ до одного человѣка признали его платье. Прислуга его, я тебѣ говорю, безъ памяти любила! Добрый такой былъ, ласковый.

На томъ и порѣшили дѣло, что утонулъ.

— А вы все стоите еще у него на квартирѣ?—спросилъ я.

— Все стою, съ командой.

— И много захватили?

— Нѣтъ, врядъ ли человѣкъ восемь-то попалось! Только съ начала съ самаго и попадались, а потомъ, должно быть, развѣдали; никто уже не приходилъ. Вотъ, я тебѣ скажу, напримѣръ, въ первый же день, какъ меня поставили, только что вошли мы, вслѣдъ за нами приходитъ какой-то господинъ.—Дома, спрашиваетъ, Адуевскій?—Ему говорятъ: нѣтъ! Онъ было хотѣлъ за двери, а я говорю: нѣтъ-съ, позвольте!—Что, говоритъ, вамъ надобно? Кто, говоритъ, вы такой?—Я, говорю, я полицейскій офицеръ, и долженъ васъ задержать!—Меня? говоритъ, за что это?—Такъ, говорю, приказано, ужъ это не мое дѣло! — Да знаете ли, говоритъ, вы хотя мою фамилію? Кто я такой? — Не знаю! говорю. — Такъ какъ же это вы хотите меня арестовать? Съ ума вы сошли! Развѣ можно арестовать перваго встрѣчнаго? — На то, я говорю, имѣю предписаніе! Онъ шумѣть тутъ началъ. Я ему говорю: вы не сопротивляйтесь, хуже будетъ!—Куда тебѣ, и слушать не хочетъ. Однако же мы его дружка заарестовали.

— Что съ этими, которыхъ вы забрали?—спросилъ я.

— Ничего. Всѣхъ повыпустили; одного, кажется, только сослали. Стою я это, а тутъ въ этой же, братецъ мой, комнатѣ ботфорты Адуевскаго стоятъ. Отличные ботфорты! первый сортъ; рѣдко мнѣ такіе встрѣчалось и видѣть; я думаю, рублей сто стоили. Мы тогда тоже ботфорты носили. Хожу я по комнатѣ, а самъ все посматриваю на эти ботфорты, просто глазъ не могу отъ нихъ отвести, такъ они мнѣ понравились. Такъ, братецъ ты мой, и горятъ, я тебѣ говорю, какъ жаръ, шельмовская ихъ душа! Такіе чудесные ботфорты. Ночью даже во снѣ приснились, ей-Богу, вотъ какъ теперь это помню. Должно быть, у меня тогда этакая легкая простуда была, слабая лихорадка, что ли, только мнѣ все грезилось разное несообразное, нескладица такая. Вижу площадь эту, убитые валяются, раненые, и тутъ же будто Варвара Григорьевна, и я иду съ нею подъ ручку въ этихъ ботфортахъ Адуевскаго представляться начальству. Утромъ, братецъ ты мой, не утерпѣлъ я, затворилъ хорошенько двери и потихоньку снялъ ботфорты съ колодокъ и примѣрилъ. Фу, ты пропасть! точно какъ будто на меня шиты. Искушеніе пуще. Хожу, глазъ отъ нихъ отвести не могу. Чортъ знаетъ! Ну, думаю, чего же зѣвать? Вѣдь Адуевскому ихъ теперь не носить; все равно пропадутъ, пожалуй, такъ, а мнѣ при-

годятся! Я ихъ, улучивши удобную минуту, и стащилъ, да съ солдатомъ домой и послалъ. Потомъ, какъ въ парадѣ куда надобно къ начальству являться или такъ одѣться понаряднѣе, я ихъ и надѣвалъ.

— Бывало свои товарищи только дивятся.—Чортъ тебя! говорятъ, гдѣ ты ботфорты такіе себѣ досталъ? — Гдѣ? я говорю, извѣстно гдѣ,—на заказъ дѣлалъ мастеръ!—За что же? говорятъ.— Извѣстно за что, за деньги! Такъ не хотѣли вѣрить, чтобы я деньги заплатилъ. Я имъ всегда бывало говорилъ: провалъ васъ возьми! развѣ намъ дарятъ такіе ботфорты! Извѣстно, какіе намъ даромъ-то дѣлаютъ!

— Такъ тѣла Адуевскаго и не нашли?

— Ты слушай. Онъ и топиться-то не думалъ. Чего ему топиться? Это онъ все только штуку выкинулъ! Разъ вечеромъ вдругъ пріѣзжаетъ онъ къ своему родному дядѣ Дмитрію Сергѣевичу Ланскому,—его домъ былъ тутъ недалеко отъ первой части. Вбѣжалъ это Адуевскій по лѣстницѣ, въ простомъ полушубкѣ, ну, совершеннымъ мужикомъ. Даже лакеи его не узнали; только одинъ старый дворецкій узналъ, тому онъ и самъ открылся, потому что этотъ дворецкій былъ ужъ такой вѣрный человѣкъ, что изъ него хоть жилы тяни, такъ онъ ничего про барина не проболтается! Адуевскій бросился къ Дмитрію Сергѣевичу. Дядюшка, говоритъ, спрячьте! — Ну, ладно! дѣлать нечего, спрячу, только не надолго! Вольно тебѣ было!—Тотъ и тѣмъ былъ доволенъ.—Хорошо, говоритъ, скоро уйду! Не знаю, какъ, говоритъ, и благодарить, что спасаете меня! — Дмитрій Сергѣевичъ отвелъ его въ дальнюю комнату, — сиди, говоритъ, здѣсь и никуда ни шагу, а мнѣ надобно ѣхать! Сѣлъ онъ въ карету и прямо во дворецъ.—Такъ и такъ, говоритъ, племянникъ мой; но я всегда былъ вѣрноподданнымъ; бунтовщиковъ и измѣнниковъ скрывать не могу.—Адуевскаго такъ въ той комнатѣ и взяли, да въ крѣпость и отвезли, а потомъ сослали! Дмитрій Сергѣевичъ былъ такой важный; особа, братецъ мой; разумѣется, ему не покрывать же!

Тогда этихъ бунтовщиковъ въ разныхъ мѣстахъ ловили. Бестужева [1]), ты знаешь, въ Кронштадтѣ на косѣ схватили. Тамъ, знаешь, кладбище есть, ну, Бестужевъ тамъ и скрывался, думалъ все найти случай за границу бѣжать. Поймали его тамъ нечаянно. Поѣхалъ одинъ полицейскій офицеръ — еще знакомый мой — поѣхалъ на кладбище: тамъ ему что-то было нужно. Онъ нечаянно и увидѣлъ Бестужева. Онъ зналъ его въ лицо очень хорошо. Не знай онъ его въ лицо, такъ бы дѣло и обошлось, мало ли кого

---

[1]) Ник. Алекс. Бестужевъ, о немъ см. «Словарь» г. Венгерова и статью В. Богучарскаго въ «Мірѣ Божьемъ» 1902 г.

встрѣтишь. Ну, его и заарестовали сейчасъ! Бестужевъ былъ важный преступникъ. А Кухельбекера[1]), тоже изъ бунтовщиковъ, уже въ Польшѣ настигли. Вонъ куда успѣлъ добраться, еще бы немного, и улизнулъ бы! Да!

III.

Получаю я предписаніе явиться къ Княжнину; тогда онъ оберъ-полицмейстеромъ былъ; бѣдовый такой. Ну, думаю, вотъ тебѣ и разъ! Попался! А самъ не знаю, что сдѣлалъ? Кажется, ничего особеннаго, и жаловаться было некому и не за что. Думаю, вѣрно замѣтилъ что нибудь. Быть бѣдѣ! Ну, дѣлать нечего, одѣлся, надѣлъ ботфорты, которые мнѣ отъ Адуевскаго достались, и отправился. Дрожу весь отъ страха. Я тебѣ говорю, онъ у насъ бѣдовый былъ. Прихожу туда и смотрю: тамъ еще четверо тоже помощниковъ надзирателей: Дубинкинъ, Поповъ, Богдановъ и Карелинъ.

— Что вы, говорю, господа, здѣсь дѣлаете?

— Велѣно, говорятъ, явиться.

Показываютъ мнѣ приказъ, я имъ тоже. Что бы это значило такое? ума не приложимъ, а самихъ такъ лихорадка и бьетъ отъ страха.

Выходитъ Княжнинъ. Насъ такъ и обдало. Со страху одурѣли просто. Поклонились ему кое-какъ, ждемъ, что будетъ.

— Господа, — говоритъ намъ Княжнинъ, — я считаю васъ за хорошихъ офицеровъ, исправныхъ, дѣльныхъ и скромныхъ, какъ должны быть настоящіе, хорошіе полицейскіе офицеры, знающіе свое дѣло и обязанности.

Мы поклонились. Съ души-то, знаешь, поотлегло.

— Я,—говоритъ Княжнинъ,—васъ изъ всѣхъ выбралъ. Помните это! Отправьтесь къ Подушкину, плацъ-майору въ крѣпость и явитесь къ нему. Вы поступаете въ его распоряженіе. Отправляйтесь.

Пошли мы отъ оберъ-полицмейстера, да еще зашли на углу Кирпичнаго переулка въ трактиръ, выпили, закусили; Богдановъ съ Дубинкинымъ въ бильярдъ поиграли.

— Зачѣмъ это насъ къ Подушкину? Что это значитъ?—думаемъ себѣ. Носились, знаешь, слухи, что судятъ бунтовщиковъ и будто осудили, а никто ничего не зналъ, никому и невдомекъ. А намъ, братецъ мой, этого и на мысль не приходило.

Дубинкинъ съ Богдановымъ было заигрались, ну, другіе стали торопить: пора, говоримъ, велѣно къ девяти часамъ явиться, а ужъ девять есть.

---

[1]) Вильг. Карл. Кюхельбекеръ, о немъ см. ст. Н. Гастфрейнда: «Кюхельбекеръ и Пущинъ» въ «Вѣстникѣ Всемірной Исторіи» 1901 г., № 1; его дневникъ въ «Русской Старинѣ» въ 1875, 1883, 1884 и 1891 гг.; его письма къ Пушкину въ «Русскомъ Архивѣ» 1881 г., т. I; его поэма «Вѣчный Жидъ» въ «Русской Старинѣ» 1878 г., № 3.

Пошли мы. Приходимъ въ крѣпость, явились къ плацъ-майору Подушкину, говоримъ: честь имѣемъ явиться; присланы отъ г. оберъ-полицмейстера въ ваше распоряженіе!

— Хорошо, говоритъ, господа; подождите!

Проводили насъ тамъ въ комнату, зеркала этакія огромныя стоятъ въ золоченыхъ рамахъ. Ну, поставили намъ двѣ восковыя свѣчи. Тогда еще этихъ стеариновыхъ и въ поминѣ не было, никто ихъ и не зналъ. Вездѣ горѣли сальныя свѣчи, а въ богатыхъ домахъ и у насъ въ парадныхъ случаяхъ—восковыя. Дороги были, стеариновыя куда дешевле. Ну, слушай! Сидимъ мы и смѣемся между собой: вотъ дескать въ крѣпость попали! А въ крѣпости-то сидѣть не такъ дурно; лучше, чѣмъ въ конторѣ-то.

Подошелъ я къ окну, а ночь чудная такая была. Такихъ прекрасныхъ ночей я не много въ жизни помню, ей-Богу! тихо такъ, свѣтло, вѣдь это іюль въ концѣ былъ. Кажется, вотъ со двора бы не ушелъ, воздухъ такой чудесный! Чудная ночь! Окно было открыто, и я все глоталъ этотъ воздухъ, какъ теперь помню, такъ мнѣ это легко было.

Черезъ нѣсколько времени приходитъ священникъ, Петръ Николаевичъ Мысловскій, протопопъ Казанскаго собора. Тутъ только мы узнали, въ чемъ дѣло, что ночью назначена казнь. Это былъ десятый часъ, а назначено было казнить въ два. Мысловскій приглашенъ былъ исповѣдывать, увѣщевать и напутствовать къ смерти осужденныхъ. Съ нимъ были и св. дары.

Пошелъ онъ къ нимъ, а на насъ напалъ такой страхъ, хуже, чѣмъ у Княжнина. Дѣло-то было не шуточное! Сидимъ всѣ мы такіе блѣдные, дрожимъ. На кого ни взглянешь, просто лица нѣтъ ни на комъ; на себя посмотришь въ зеркало,—то же самое. Точно насъ самихъ къ смерти приговорили. Страшно! Ночь-то, я тебѣ говорю, прелесть какая. А послѣ того, какъ узналъ я, что казнить будутъ, взглянешь на эту ночь, и еще тошнѣе станетъ на душѣ, вотъ такъ все сердце и того; просто плакать хочется.

Такъ прошло нѣсколько часовъ. Вышелъ отъ осужденныхъ Мысловскій. Онъ былъ очень растроганъ, плакалъ. Бестужевъ [1]), Муравьевъ [2]) и Рылѣевъ [3]) исповѣдывались и много съ нимъ говорили, раскаялись. Къ Пестелю [4]) приходилъ пасторъ; Мысловскій

---

[1]) М. П. Бестужевъ-Рюминъ.

[2]) С. И. Муравьевъ-Апостолъ (1796 † 13 іюля 1826 г.), его біографію, составл. Баллодомъ, см. въ «Русской Старинѣ», 1878 г., № 5; см. также «Воспоминанія» Скалона въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1891 г., №№ 5—7; его «Письма изъ крѣпости» см. въ «Русскомъ Архивѣ» 1887—1888 г.г.

[3]) К. Ф. Рылѣевъ (1795—1826), его біографію, составл. Сироткинымъ, см. въ «Русскомъ Архивѣ» 1890 г., т. II; воспоминанія Оболенскаго о Рылѣевѣ въ «XIX вѣкѣ» Бартенева; Собраніе сочин. Рылѣева изд. въ 1872 г. въ Спб.

[4]) Пав. Ив. Пестель, о немъ см. въ «Запискахъ» Греча и въ ст. Липранди въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 г.

хотѣлъ и его напутствовать, но онъ отказался, а Каховскій [1]) исполнилъ христіанскій долгъ какъ бы по принужденію. Не хотѣлъ чистосердечно раскаяться. А эти трое исполнили, какъ слѣдуетъ, христіанскую обязанность, въ особенности Рылѣевъ. Онъ заставилъ плакать священника и отдалъ ему для жены и дочери медальонъ и крестъ.

Я вотъ, какъ теперь, помню слова Мысловскаго. Онъ говорилъ: «Они страшно виноваты, но они заблуждались, а не были злодѣями! Ихъ вина произошла отъ заблужденія ума, а не отъ испорченности сердца. Господи, отпусти имъ! не вѣдали бо, что творили. Вотъ нашъ умъ! долго ли ему заблудиться? а заблужденіе ведетъ на край погибели. Только вѣра святая и писаніе божественное могутъ поддержать человѣка и поставить его на путь истины. Надо молиться, чтобы Богъ смягчилъ сердце царя!».

О Рылѣевѣ онъ еще прибавилъ, что онъ истинный христіанинъ и думалъ, что дѣлаетъ добро и готовъ былъ душу свою положить за други своя.

Въ полночь это начали съѣзжаться въ крѣпость начальствующія лица; Павелъ Васильевичъ Кутузовъ,—тогда онъ былъ генералъ-губернаторомъ,—жандармскій шефъ [2]), полицмейстеры. Много пріѣхало. Пошли такая суета, что ужасъ. Знаешь, приготовленія всѣ эти. Надобно тебѣ сказать, что и прежде все съ висѣлицею бились, никакъ не могли найти, кто бы взялся строить ее. Какъ ты ее будешь строить, когда весь вѣкъ не видалъ? Взялся за это Посниковъ, полицмейстеръ.

— Въ какомъ отдѣленіи Посниковъ полицмейстеромъ?—спросилъ я.

— Онъ, братецъ мой, былъ не въ отдѣленіи, а въ управѣ благочинія. Теперь вотъ въ управѣ благочинія старшій называется предсѣдателемъ, а тогда назывался полицмейстеромъ. Вотъ, братецъ мой, кто былъ Посниковъ. Ему бывало, что ужъ прикажутъ,—сдѣлаетъ. Исполнительный былъ такой и робкій, начальство если разсердится или кричитъ, онъ и испугается. Да вѣдь въ то время было и не то, что теперь. Тогда всѣ взгляда старшаго боялись. Теперь вольница пошла!—Что я говорилъ-то тебѣ? Да. Такъ висѣлицу-то и эшафотъ строилъ Посниковъ и при немъ архитекторъ, забылъ его фамилію, нѣмецкая [3]). Висѣлицу строили гдѣ-то въ тюрьмѣ, потомъ разобрали и ночью должны были при-

[1]) П. Г. Каховскій, о немъ см. «Русскую Старину», 1874 г., № 9.

[2]) 3-го іюля 1826 г. было учреждено III отдѣленіе собственн. его величества канцеляріи, см. «Русскій Архивъ» 1889 г., т. II; Голенищевъ-Кутузовъ: «Изъ памятныхъ замѣтокъ о III отдѣленіи». въ «Русскомъ Архивѣ» 1883 г., т. I; Юзефовичъ: «Объ основаніи III отдѣленія» въ «Русскомъ Архивѣ» 1870 г., Лобачевскій «Записки жандарма» въ «Вѣстникѣ Европы», 1872 г., №№ 3 и 5 и отд. изд..

[3]) Герней, Христ. Иван.

везти въ крѣпость. Только, братецъ ты мой, долго не везутъ. Такая пошла суматоха. Генералъ-губернаторъ Кутузовъ изъ себя выходитъ просто.

Въ это время изъ царской фамиліи въ Петербургѣ никого не было. Всѣмъ этимъ распоряжался Кутузовъ. Онъ вмѣсто Милорадовича [1]) поступилъ. А, братъ, Милорадовичъ-то? Вотъ былъ лицо, я тебѣ скажу! Да тебѣ, я думаю, и говорить нечего; самъ знаешь, какой это былъ заслуженный генералъ. Арміями долженъ былъ командовать. Онъ былъ сдѣланъ генералъ-губернаторомъ. Храбрѣйшій былъ изъ храбрѣйшихъ. Въ сраженіяхъ всегда былъ впереди; въ сорока сраженіяхъ генеральныхъ былъ. Ему все бывало нипочемъ: тутъ пальба эта, стрѣльба, сыплются разныя пули, ядра, бомбы тамъ, мортиры всякія, а онъ себѣ подъ ними обѣдаетъ, какъ дома. И представь себѣ, ни разу не былъ раненъ, а вотъ четырнадцатаго декабря его ранили смертельно; онъ и умеръ.

— Горько мнѣ, — говорилъ онъ передъ смертью,—что я въ столькихъ сраженіяхъ былъ, и пули миновали меня, а тутъ я долженъ умереть отъ руки измѣнника!

Вотъ послѣ него-то и поступилъ генералъ-губернаторъ Кутузовъ. Онъ всѣмъ дѣломъ и завѣдывалъ. Наконецъ, привезли висѣлицу; начали ставить. Не такъ ли что было сдѣлано, или забыли что, не знаю,—говорили потомъ, что будто перекладина пропала, а кто ихъ знаетъ, врядъ ли правда. Какъ ей пропасть? Что нибудь тамъ, можетъ, повредилось, это другое дѣло. Только надобно было починку произвести. Копались съ висѣлицею долго. Какъ ни понукали, братецъ ты мой, какъ ни спѣшили, а все уже дѣло-то подходило ко дню. Въ четыре часа еще висѣлицу ставили.

Насъ привели въ коридоръ казематовъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Сперва-то было ввели въ какую-то черную комнату, да сейчасъ же и вывели. Какая это комната, не могу сказать. Былъ я тамъ недолго, да и замѣчать-то всего не было мочи. Не до того было; жутко, страшно было. Пожалуй, что ихъ судили и допрашивали въ этой комнатѣ.

Вывели насъ въ коридоръ; съ нами былъ полицмейстеръ Тихачевъ. Вслѣдъ за нами офицеръ привелъ двѣнадцать человѣкъ солдатъ Павловскаго полка, съ заряженными ружьями и со штыками. При исполненіи казни былъ одинъ только Павловскій полкъ. Другихъ полковъ солдатъ я не видѣлъ ни одного человѣка. Привели и двухъ палачей.

— Господа, выньте свои шпаги!—сказалъ намъ Тихачевъ.

Мы переглянулись: зачѣмъ это понадобились наши шпаги? У меня была старая шпаженка, ржавая, съ изломанным концомъ.

[1]) Мих. Андр. графъ Милорадовичъ (1770—1825 г.г.), о немъ см. «Русскій Архивъ» 1871 г. и «Русскую Старину» 1881 г., № 11.

Извѣстно, у насъ въ полиціи шпаги собственно для того только, чтобы вотъ висѣли для порядку съ боку и больше ни для чего. Я, признаться, своею бывало въ печкѣ мѣшалъ, уголья подгребалъ, и у меня конецъ былъ совсѣмъ обожженъ. Когда я вытащилъ шпагу, Тихачевъ захохоталъ.

— Ну, говоритъ, воинъ! Нечего сказать! Посмотрите-ка какой! Прелесть! Шпага-то, шпага! Я думаю, и крысы ею не заколешь!

Я былъ очень радъ, что моя неисправность произвела только смѣхъ. Могло и достаться. Вѣдь что ты тамъ ни говори, а носить такую шпагу все-таки не форма. Конечно, кто могъ предвидѣть, что намъ придется вынимать шпаги? Ихъ у насъ никогда не смотрѣлъ никто. Висятъ себѣ сбоку да висятъ!

Отворили двери казематовъ и позвали преступниковъ. Крикнули: пожалуйте, господа!

Они уже были готовы и вышли въ коридоръ. Руки и ноги ихъ были связаны такъ, что руки были опущены вдоль туловища, а ногами они могли дѣлать самые маленькіе шаги.

— На нихъ не было кандаловъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Никакихъ кандаловъ не было. Я, какъ теперь, вотъ на нихъ смотрю. Только ремни. Ремнями были связаны и руки и ноги. Они протянули другъ другу руки и крѣпко пожали. Нѣкоторые поцѣловались. Рылѣевъ глазами и головой показалъ на небо.

— Что они тутъ? говорили что нибудь?

— Нѣтъ, ничего не говорили, потому что и говорить нельзя было. Тутъ былъ, братецъ ты мой, Тихачевъ; онъ бы не позволилъ много говорить.

— Ну, что же, они были блѣдны, встревожены?

— Удивительно, братецъ ты мой, нисколько! Совершенно спокойны. Вотъ какъ мы съ тобой говоримъ. Точно будто шли не на смерть, а выходили вотъ въ другую комнату закурить трубку. Кажется, какъ будто одинъ Каховскій былъ немного поблѣднѣе. Я думаю, ему трудно было умирать, потому что онъ не раскаялся такъ искренно и не исполнилъ, какъ другіе, какъ должно, христіанскаго обряда. Его тоже причастили, ну, да онъ не отъ сердца это все дѣлалъ, а какъ по приказанію. Всѣ они удивительно были спокойны.

Когда ихъ установили, мы пошли въ такомъ порядкѣ: впереди шелъ офицеръ Павловскаго полка, командиръ взвода, поручикъ Пильманъ, потомъ мы пятеро въ рядъ съ обнаженными шпагами. Мы были блѣднѣе преступниковъ и болѣе дрожали, такъ что можно было сказать скорѣе, что будутъ казнить насъ, а не ихъ. За нами шли въ рядъ же преступники. Позади ихъ двѣнадцать павловскихъ солдатъ и два палача. Тихачевъ шелъ въ сторонѣ и наблюдалъ за процессіею, а самъ не становился въ нее и опредѣленнаго мѣста не имѣлъ, какъ мы, напримѣръ.

Мы двигались впередъ медленно, едва переступая, потому что преступники со связанными ногами не могли почти итти.

Такимъ порядкомъ вышли мы на кронверкъ. Парка этого тогда не было въ заводѣ. На мѣстѣ его былъ голый пустырь и на немъ кой-гдѣ валялись нечистоты и разная дрянь. Кронверкъ состоялъ изъ земляныхъ валовъ и отдѣлялся отъ поля и крѣпости водяными рвами. Дорогою преступники могли говорить между собою, но что они говорили, нельзя было слышать.

Когда мы перешли мостъ на кронверкъ, то увидѣли тамъ солдатъ съ ружьями, толпу преступниковъ и два эшафота. На одномъ была устроена висѣлица. Тутъ я одинъ разъ въ жизни и видѣлъ висѣлицу. Это просто, братецъ мой, качели. Знаешь, какъ качели дѣлаютъ на двухъ столбахъ съ перекладиной? Ну, вотъ тебѣ и висѣлица. Качели! только вмѣсто доски къ перекладинѣ на веревкахъ людей подвѣсятъ. Иной, кто не зналъ, что тутъ дѣлается, подумалъ бы, что тутъ очень весело. На кронверкѣ во все время играла музыка Павловскаго полка. Я тебѣ говорилъ, погода была чудная, а тутъ солнце всходитъ, и музыка играетъ.

Собрали всѣхъ замѣшанныхъ въ бунтѣ. Всѣхъ ихъ, кажется, было сто двадцать пять человѣкъ [1]). Тихачевъ прочиталъ сентенцію суда и приговоры. Пятерыхъ присуждено было повѣсить, а остальнымъ разныя были назначены наказанія: кого въ каторжную работу, кого на поселеніе, кого куда...

— Что же, я думаю, ожидали, что смягчатъ? Отмѣнятъ смертную казнь?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не ожидали. Думали, что не пятерыхъ, а больше повѣсятъ! Вѣдь бунтъ, измѣна, братецъ ты мой! Какое тутъ смягченіе! Нашихъ отвели въ сторону и посадили на траву. Возлѣ нихъ остались мы и солдаты.

— Что же, висѣлица не была готова?—спросилъ я.

— Висѣлица-то была готова, за нею дѣло не стало, а сперва исполняли приговоръ надъ остальными: снимали съ нихъ платье на эшафотѣ, надѣвали на нихъ арестантское, ломали надъ головами шпаги и все это; извѣстно, лишали дворянства и чести, шельмовали, какъ тогда закономъ было постановлено. Намъ все

---

[1]) Подсудимыхъ было 120 человѣкъ. Изъ нихъ преданы смертной казни—5; сосланы на каторгу—88; сосланы на поселеніе—15; сосланы на житье—3; сдано въ солдаты—9.

Кромѣ того, многіе изъ привлекавшихся къ верховному уголовному суду сидѣли въ тюрьмѣ или подверглись административной ссылкѣ. Объ участіи въ заговорѣ бывшаго впослѣдствіи с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ А. Арк. Суворова см. «Русскую Старину» 1882 г., № 5; объ участіи Ѳ. Глинки и Ѳ. П. Толстого, бывшаго впослѣдствіи президентомъ академіи художествъ, см. «Историческій Вѣстникъ», 1895 г., № 1, и «Русскую Старину», 1878 г. № 2; объ участіи М. Муравьева-Виленскаго см. статью Розена въ «Русской Старинѣ», 1884 г., № 1; объ участіи Грибоѣдова см. «Русскій Архивъ», 1875 г., № 7.

это было видно. Того, надъ кѣмъ уже исполненъ былъ приговоръ, сейчасъ же уводили въ крѣпость и сажали въ казематъ; оттуда уже отправляли въ ссылку. Въ ссылку, братецъ ты мой, возили ихъ тоже по ночамъ, этакъ знаешь, передъ утромъ, когда на улицѣ нѣтъ народа.

Когда выпроводили тѣхъ, дошла очередь и до нашихъ. Они, я тебѣ говорю, сидѣли все время на травѣ и тихо между собою разговаривали. Когда пришла ихъ очередь, къ нимъ опять подошелъ Мысловскій, говорилъ съ ними, напутствовалъ ихъ еще разъ къ отходу и далъ приложиться ко кресту. Они на колѣняхъ молча помолились Богу, смотря на небо. Тяжело было, братецъ, смотрѣть на нихъ! Потомъ на нихъ надѣли этакіе мѣшки, которыми они были закрыты отъ головы до пояса. На шеи имъ на веревкахъ надѣли аспидныя доски съ именами и виною ихъ. Мы опять построились въ порядокъ для шествія на эшафотъ подъ висѣлицу. Надо тебѣ сказать, что подъ самой перекладиной былъ сдѣланъ возвышенный помостъ; на него надобно было всходить по деревянному очень отлогому откосу. Мы пошли. Тихачевъ былъ при насъ: это было въ его командѣ.

— Ну, въ этотъ моментъ, когда на нихъ надѣвали мѣшки, они поблѣднѣли? въ нихъ виденъ былъ страхъ? — продолжалъ допытываться я.

— И ничего-таки, братецъ мой! Я смотрѣлъ на нихъ. Вѣдь вотъ стоялъ, какъ отъ тебя. Первый стоялъ Карелинъ противъ Пестеля, я противъ Рылѣева, потомъ Поповъ противъ Муравьева, Богдановъ противъ Бестужева, а Дубинкинъ противъ Каховскаго. Мы могли хорошо видѣть ихъ лица. Они были совершенно спокойны, но только очень серьезны, точно какъ обдумывали какое нибудь важное дѣло. Да вѣдь и минута была серьезная, приготовлялись вѣдь, братецъ, къ смерти. Взглянули они въ послѣдній разъ на небо, да такъ, братецъ ты мой, взглянули жалостливо, что у насъ вся внутренность перевернулась и морозъ подралъ по кожѣ. Каховскій, правда, немножко того, сробѣлъ. Вцѣпился этакъ въ батюшку, что его едва оторвали. Страхъ! Такъ это было жутко! Ты вотъ не поймешь этого, что это такое было, а я разсказать не могу. Ну, какъ я тебѣ разскажу? Мѣшки имъ очень не понравились; они были недовольны, и Рылѣевъ сказалъ, когда ему стали надѣвать мѣшокъ на голову: Господи! Къ чему это? Палачи имъ стянули руки покрѣпче. Одинъ конецъ ремня шелъ спереди тѣла, другой сзади, такъ что они рукъ поднимать не могли. На палачей они смотрѣли съ негодованіемъ. Видно, что имъ было крайне непріятно, когда до нихъ дотрогивались палачи.

Когда все это было готово, Тихачевъ велѣлъ итти. Ну, мы и пошли, опять, знаешь, медленно, а тутъ это музыка играетъ Павловскаго полка.. Солдаты этакъ осужденныхъ сзади натискивали,

чтобъ они знали, куда итти. Такъ они все подвигались понемножку впередъ, по этому деревянному откосу; наконецъ стали на мѣсто. Страшно, братецъ! ухъ, страшно! У насъ волосы стали дыбомъ на головѣ, когда мы подошли подъ перекладину. Тутъ насъ свели прочь, и мы немножко вздохнули. У меня еще бѣда, въ правый ботфортъ попалъ камушекъ, а, можетъ быть, сухая хлѣбная крошка, чортъ ее, не знаю! Только терло мнѣ, братецъ мой, ногу ужасно. До крови, вѣдь, стеръ.

Какъ свели насъ съ эшафота, то поставили тутъ же, возлѣ. На шеи преступникамъ надѣли петли, и помостъ, на которомъ они стояли, опустился изъ-подъ ихъ ногъ. Такъ это было ужъ устроено. Они повисли и забились, заметались. Тутъ трое среднихъ и сорвались. Веревки лопнули; они и упали внизъ. Только на краяхъ остались висѣть Пестель и Каховскій. Что тамъ ни говори, а я увѣренъ, что это случилось оттого, что они исповѣдывались и раскаялись отъ чистаго сердца. Богъ ихъ миловалъ. Ну, самъ посуди, веревки были одинаковыя и крѣпкія, ихъ передъ этимъ пробовали, отчего же не сорвались ни Пестель, ни Каховскій?

— А говорятъ,—сказалъ я,—что именно они-то и сорвались, Пестель и Каховскій да еще Рылѣевъ.

— Неправда! Я, вѣдь, тутъ же стоялъ. Врутъ! Ну, какъ они упали, такъ разбились въ кровь; вѣдь самъ посуди, упали-то съ размаха.

Кутузовъ сперва прислалъ адъютанта, а потомъ и самъ лѣзетъ, кричитъ, ругается: что это такое?

— И повѣсить не умѣютъ!—кто-то отвѣчалъ изъ сорвавшихся, кажется, будто Рылѣевъ.

— Вѣшать ихъ, вѣшать скорѣе!—кричитъ Кутузовъ. И Боже ты мой, сталъ тутъ кричать и ругаться. Подняли опять помостъ и вновь накинули петли. Въ это время, когда помостъ былъ поднятъ, Пестель и Каховскій опять достали до него ногами. Пестель былъ еще въ это время живъ и, кажется, началъ немного отдыхать. Тутъ нѣкоторые стонали, должно быть, отъ ушиба и боли. Ихъ повѣсили опять. А, говорятъ, вѣшать въ другой разъ не слѣдовало. Это тоже Кутузова вина [1]).

За рвомъ было немного народу. Рано было, и никто ничего не зналъ; оттого и не собрались. Народъ тоже это зашумѣлъ что-то. Кутузовъ на нихъ закричалъ, а музыка еще громче стала играть.

— Что же она играла?—спросилъ я.—Похоронный маршъ?

— Нѣтъ; простые марши играла и разныя штуки. Прошло этакъ съ полчаса; докторъ говоритъ, что они давно померли. Ве-

---

[1]) Болѣе подробно см. статью въ «Русскомъ Архивѣ» 1881 г., т. II: «Казнь декабристовъ». Въ этой статьѣ приведены разсказы о казни Шницлера, Путяты и Беркопфа.

лѣли ихъ снимать. Сняли, братецъ мой; у всѣхъ вылѣзли предлинные языки и лица были синія такія, почти черныя. Ихъ сложили на телѣгу и сдали полицмейстеру, полковнику Дершау; онъ былъ назначенъ хоронить ихъ. На день тѣла поставили въ сарай на кронверкѣ же. Висѣлицу живо разобрали. Тутъ и насъ отпустили. Чтобы не дѣлать наряда, Дершау велѣлъ мнѣ, Богданову и Дубинкину явиться къ нему вечеромъ.

Пошли мы. На дорогѣ встрѣтился со мною братъ. Онъ, надобно тебѣ сказать, все прежде еще приставалъ, спрашивалъ меня, когда и гдѣ будутъ наказывать за бунтъ. Я ему говорилъ, что объ этомъ вѣрно будетъ объявлено, и вѣшать будутъ на площади, гдѣ они бунтовались. Мы тогда всѣ такъ думали. Встрѣтилъ меня братъ съ такою претензіею: что же ты, говоритъ, не сказалъ? А я говорю: я и самъ не зналъ.

— Гдѣ же ихъ похоронили?

— А вотъ гдѣ. Знаешь ты Смоленское кладбище?

— Ну, знаю.

— Тамъ есть нѣмецкое кладбище, а за нимъ армянское. Тутъ есть этакій переулочекъ налѣво. Вотъ мимо армянскаго кладбища и итти до конца переулка. Какъ выйдешь къ взморью, тутъ и есть. Тутъ ихъ всѣхъ и похоронили. Ночью ихъ вывезли съ конвоемъ, и мы тутъ шли. Распоряжался Дершау. Тамъ потомъ четыре мѣсяца караулъ стоялъ.

Сообщилъ **В. П. Батуринскій.**

ЗАКОУЛОКЪ.

(Очеркъ).

I.

Сандаловъ былъ чиномъ только надворный совѣтникъ, но про него говорили, что онъ «дѣйствительный чиновникъ».

Такіе чиновники бываютъ въ каждой канцеляріи — умѣренно способные, чрезвычайно усердные, необремененные вліятельными протекціями и потому не разсчитывающіе на высокія степени, но пригодные къ небольшому движенію по службѣ.

Въ житейскихъ дѣлахъ они никакого толку не понимаютъ, въ наукахъ и въ разныхъ тамъ литературныхъ и общественныхъ штукахъ любой гимназистъ собьетъ ихъ, но въ дѣлахъ своей канцеляріи они непогрѣшимы: знаютъ, гдѣ какое дѣло лежитъ, въ чемъ оно заключается, въ какомъ году оно началось, какія стадіи прошло, и тутъ ужъ ихъ не собьешь.

Для канцеляріи это драгоцѣнные люди, на нихъ она держится, и безъ нихъ она, какъ безъ рукъ.

Когда такой чиновникъ заболѣваетъ и нѣсколько дней не ходитъ на службу, то другіе служащіе стараются какъ нибудь отложить напослѣ мало-мальски запутанныя дѣла. Къ чему ломать голову надъ распутываніемъ, когда въ его головѣ все уже распутано?

Случается даже, что самъ директоръ вдругъ экстренно затребуетъ какую нибудь справку изъ Богъ знаетъ какихъ прошлыхъ временъ и ему, вмѣсто справки, докладываютъ:

— Ваше превосходительство, Ивановъ боленъ, вотъ ужъ третій день не ходитъ.

И директоръ, вмѣсто того, чтобы разсердиться и разнести всю канцелярію за то, что она безъ Иванова ничего не можетъ подѣлать, смиряется и говоритъ:

— Онъ боленъ? Неужели? какъ жаль... Ну, что жъ, отложите справку впредь до его выздоровленія...

Но съ ними рѣдко случается, что они болѣютъ. На видъ они обыкновенно дохлые, съ длинными жилистыми шеями, съ гемороидальнымъ цвѣтомъ лица, но крѣпкіе, двужильные.

Такимъ чиновникомъ въ своей канцеляріи былъ Сандаловъ и, такъ какъ такому человѣку нужна жена, въ которой заключались бы качества, въ немъ самомъ недостающія, то онъ и выбралъ себѣ женщину толковую, спокойную, хозяйственную и расчетливую.

Анна Дмитріевна Сандалова, какъ только получила эту фамилію и изъ дома родительскаго черезъ церковь перешла въ домъ Сандалова, съ той же минуты начала охранять интересы «своего дома» и съ этою цѣлью вступила въ вѣчную, никогда не прерывавшуюся борьбу съ прислугой.

Она зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы кухарка не обвѣшивала и не обмѣривала, чтобы горничная не входила въ соглашеніе съ мелочной и овощной лавкой ради совмѣстнаго надувательства хозяйки. Кромѣ того, принимая во вниманіе, что Сандаловъ, отдававшій всѣ свои духовныя силы казенной службѣ, приходилъ домой нервный и крайне воспріимчивый ко всякому непорядку, она требовала отъ прислуги выдержки и доброй нравственности.

Такъ называемые «женихи», почему-то въ большомъ количествѣ являющіеся къ прислугѣ и по цѣлымъ вечерамъ распивающіе у нея пиво, были ея кровными врагами, и всякій разъ, когда они появлялись, у нея выходилъ съ прислугой инцидентъ.

Всѣ эти «стѣсненія» не нравились прислугѣ, и она, поживъ у Сандаловыхъ двѣ, три недѣли, начинала распространять на черной лѣстницѣ, что у нихъ «не жизнь, а каторга», что это какой-то строгій монастырь или тюрьма, и при первой возможности учиняла барынѣ грубость и получала расчетъ.

Поэтому Аннѣ Дмитріевнѣ Сандаловой приходилось много тратиться на объявленія въ газетахъ. Люди, заинтересованные этимъ вопросомъ, то и дѣло читали на четвертой страницѣ:

«Требуется кухарка (или горничная), отлично знающая свое дѣло, трезваго (это если для кухарки, а для горничной — просто хорошаго, ибо если еще можно допустить нетрезвую кухарку, то относительно горничной этого даже подумать нельзя) поведенія; безъ аттестатовъ и личныхъ рекомендацій не приходить».

На этотъ разъ съ кухаркой у нея дѣло обстояло благополучно. Подобрался рѣдкій экземпляръ, который жилъ у нея уже второй годъ, какимъ-то чудомъ соединяя въ себѣ всѣ добродѣтели, какихъ она требовала отъ кухарки: трезвая, богомольная, старая дѣва, совершенно отказавшаяся отъ всякихъ надеждъ и потому презиравшая «мужескій полъ», какъ она торжественно называла всѣхъ мужчинъ, страшно заботившаяся о своей душѣ и потому боящаяся грѣха и вслѣдствіе этого воровавшая очень осторожно и умѣренно.

Единственный ея недостатокъ состоялъ въ томъ, что она раза три въ зиму отпрашивалась въ Кронштадтъ на богомолье, и въ это время Сандаловы должны были обѣдать въ ресторанѣ. Но Анна Дмитріевна съ этимъ мирилась, какъ потому, что набожныя наклонности свидѣтельствовали о хорошей душѣ, такъ и потому, что неудобства, причиняемыя ими, были менѣе обременительны, чѣмъ воровство, пьянство и въ особенности «женихи».

Но съ горничными ей не везло. Въ эту зиму — а былъ всего декабрь мѣсяцъ—она перемѣнила уже трехъ. Первую съ утра до вечера посѣщалъ ежедневно «двоюродный братецъ»—ражій дѣтина съ кудрявой головой и съ разбойничьимъ лицомъ, и такъ какъ онъ отбиралъ все ея жалованье и находилъ, что этого мало, то она, будучи безъ памяти влюблена въ него, вѣчно ходила съ растеряннымъ видомъ, съ воспаленными глазами и, казалось, только и смотрѣла, что̀ бы такое стащить. Впрочемъ, это такъ казалось Аннѣ Дмитріевнѣ, но она ничего не стащила.

Вторая была уличена въ похищеніи двухъ столовыхъ ложекъ, которыя по невѣдѣнію приняла за «серебро», а имъ была грошъ цѣна. Третья въ отсутствіе Анны Дмитріевны спала на ея постели, неопровержимымъ доказательствомъ чего было смятое бѣлье, и, благодаря этому, Анна Дмитріевна всю ночь не могла заснуть, воображая, что на нее со всѣхъ сторонъ лѣзли и впивались въ ея тѣло насѣкомыя, такъ какъ она была почему-то убѣждена, что прислуга полна насѣкомыхъ.

И вотъ уже четвертый разъ въ эту зиму въ газетѣ появилось объявленіе о томъ, что требуется «горничная, отлично знающая свое дѣло, хорошаго поведенія» и проч. Было назначено приходить отъ одиннадцати до двѣнадцати часовъ дня, но, несмотря на это, уже въ восемь часовъ утра, когда Анна Дмитріевна была еще въ постели, когда даже самъ Сандаловъ только копошился въ спальнѣ, приготовляясь къ походу на службу, въ кухнѣ уже торчали шесть таинственныхъ личностей, съ головами, закутанными въ платки.

Впрочемъ, у нѣкоторыхъ личностей изъ-подъ платковъ выглядывали шапочки, и это означало, что они считаютъ себя «сортомъ повыше и на рубль дороже».

Сидѣли онѣ необыкновенно смирно, какъ сидятъ въ деревняхъ въ великомъ посту на церковной паперти набожныя бабы, ожидая

исповѣди, а кухарка, уже начавшая свою дѣятельность около плиты, громыхая дровами, звеня кастрюлями, стуча кухонными ножами, отъ времени до времени выпускала изреченія, знакомившія съ общимъ положеніемъ въ домѣ.

— Нашъ баринъ человѣкъ сурьезный... Служба да домъ, домъ да служба... Въ гости почитай что никогда не ходитъ, да и къ намъ гости рѣдко жалуютъ. Да и слава Богу. Что съ нихъ толку? только шуму надѣлаютъ, посуду загрязнятъ, да на закуски хозяева истратятся... А жизнь у насъ хорошая, порядочная... Баринъ въ наши прислужныя дѣла не вмѣшивается... Я вотъ второй годъ у нихъ живу, а его даже и въ лицо, какъ слѣдуетъ быть, не разглядѣла. На улицѣ встрѣтила бы, не узнала бы... А барыня у насъ дѣйствительно строгая, порядокъ спрашиваетъ... Чтобы этихъ, примѣрно, жениховъ, которые военные писаря, либо пожарные солдаты, — и духу не было...

Таинственныя личности съ головами, закутанными въ платки, слушали все это и ухомъ не вели. Все это были старыя и очень хорошо имъ знакомыя пѣсни, которыя онѣ слышали всякій разъ, когда нанимались. Не было ни одной хозяйки, которая не требовала бы отъ нихъ трезвости, порядка и всякихъ добродѣтелей. Онѣ не чувствовали себя ни трезвыми, ни порядочными, ни добродѣтельными, а вотъ жили же до сихъ поръ.

Такъ сидѣли онѣ часовъ до десяти, когда наконецъ Анна Дмитріевна, напившись чаю и проводивъ Сандалова на службу, снизошла къ нимъ и велѣла кухаркѣ присылать ихъ, каждую по очереди.

Начался подробный досмотръ и допросъ. Анна Дмитріевна требовала, чтобы платки, укутывавшіе головы, были сняты. Она хотѣла видѣть все воочію.

Мало ли что можетъ скрываться тамъ, подъ платкомъ, какое нибудь уродство, раны, сыпи, колтунъ въ волосахъ?... И настоящій допросъ начинался только послѣ того, какъ наружный осмотръ не давалъ никакихъ отрицательныхъ показаній.

Изъ шести четыре уже по одной наружности оказались негодными. У одной были гнилые зубы, у другой четырехугольное лицо, а Анна Дмитріевна почему-то предпочитала круглую форму, у третьей подозрительная сыпь на лбу, а четвертая, будучи простуженной, говорила сиплымъ голосомъ, вслѣдствіе чего была заподозрѣна въ пьянствѣ и кой-чемъ еще похуже.

Этимъ Анна Дмитріевна прямо сказала, что онѣ не подходятъ, а остальныхъ двухъ подвергла допросу. У нея для этихъ случаевъ существовалъ готовый рядъ вопросовъ, которые она задавала всѣмъ въ одномъ и томъ же порядкѣ. Прежде всего она интересовалась общими свѣдѣніями: изъ какой губерніи и уѣзда, сколькихъ лѣтъ, замужняя, дѣвица или вдова? потомъ шли вопросы болѣе профес-

сіональнаго характера: сколько лѣтъ въ прислугахъ, гдѣ служила, почему ушла съ послѣдняго мѣста? По пути она получала нѣкоторыя свѣдѣнія и о тѣхъ господахъ, у которыхъ служила допрашиваемая, если это были люди стоящіе.

Получивъ удовлетворительные отвѣты, Анна Дмитріевна требовала аттестатъ и внимательно прочитывала его. За двѣнадцать лѣтъ состоянія женой Сандалова, она держала въ своихъ рукахъ множество аттестатовъ и научилась читать въ нихъ не только то, что написано, но и между строкъ.

Она по слогу и по способу выраженія узнавала, написанъ ли аттестатъ отъ души, или только потому, что очень приставали, и чтобы отдѣлаться.

Затѣмъ уже она начинала излагать свои требованія, и тутъ можно было подумать, что она задалась цѣлью окончательно запугать человѣка и довести его до такого состоянія; чтобы онъ бѣжалъ безъ оглядки.

— Я должна тебя предупредить, милая (у нея былъ принципъ — прислугѣ говорить ты), что я очень требовательна. Я требую работы, работы и работы. У меня прислуга никогда не должна сидѣть, сложа руки; за всякую испорченную вещь, за разбитую посуду я вычитаю изъ жалованья. Шлянья изъ дома я не признаю. Одинъ разъ въ мѣсяцъ, въ воскресенье, отпускаю на три часа, и больше никакихъ. Чтобы никакія тетушки и бабушки у тебя внезапно не заболѣвали, никакія подруги не выходили замужъ. Я, милая, никакихъ гостей не признаю и т. д.

И при этомъ Анна Дмитріевна пристально и строго смотрѣла въ глаза испытуемой, желая видѣть, какъ ея слова ложатся у нея на душѣ. Но удивительное дѣло, еще не было ни одного случая, чтобы прислуга, выслушавъ этотъ въ сущности приговоръ къ каторжнымъ работамъ, не согласилась остаться служить у Сандаловыхъ. На всѣ строгости она обыкновенно отвѣчала:

— Ну, еще бы, барыня... само собою!.. Да какъ же иначе!.. Да развѣ можно, чтобы себѣ этакое позволить...

И Анна Дмитріевна отлично знала, что испытуемая въ это время думаетъ: «Ладно, говори, что хочешь, такъ я тебя послушалась... Буду и посуду бить тихонько, чтобы ты не замѣтила, буду и въ гости убѣгать, когда ты дрыхнешь, будутъ и ко мнѣ приходить» и проч.

Когда Анна Дмитріевна опросила этихъ и отпустила ихъ, пришли другія, сперва по одной, черезъ довольно длинные промежутки, потомъ цѣлыми стаями. Она добросовѣстно всѣхъ осматривала и опрашивала и тѣхъ, которыя были удостоены этого, приглашала прійти завтра, чтобы узнать о ея рѣшеніи.

Было около двѣнадцати часовъ, когда пріемъ долженъ былъ кончиться. Анна Дмитріевна уже охрипла отъ разговора и, хотя

еще не нашла ни одной, которая соотвѣтствовала бы ея идеалу, тѣмъ не менѣе готова была уже прекратить. Она позвонила кухарку, чтобы приказать ей остальныхъ «гнать къ чорту».

— А тамъ, барыня, одна пришла... такая странная,—сообщила кухарка.

— Ну, какая же?

— Да Богъ ее знаетъ... Какая-то непохожая... Съ виду она какъ будто и ничего, а только видно, что непохожая... Можетъ, посмотрите?

— Пожалуй, позови,—сказала Анна Дмитріевна, заинтересовавшись неопредѣленнымъ объясненіемъ кухарки, и вотъ вошло новое лицо.

II.

Она была немного ниже средняго роста, съ блѣднымъ, крайне незначительнымъ лицомъ, съ мелкими, незамѣтными чертами.

Все на этомъ лицѣ было правильно, ни одна часть его не была уродлива, все было умѣренно—носъ, ротъ, глаза, лобъ, но въ общемъ получалось что-то скучное, сѣрое, непривѣтливое.

Одѣта она была въ черную, сильно затасканную юбку, съ чрезвычайно пострадавшимъ отъ времени и носки воланомъ внизу, а поверхъ юбки была надѣта темная тальма безъ рукавовъ, отъ нея вѣяло холодомъ, и чувствовалось, что тальма эта очень плохо грѣетъ ее.

Волосы на головѣ ея—тоже какого-то сѣраго неопредѣленнаго цвѣта, были не густые, бѣдные, они прикрывались шляпкой—странное соединеніе зимней шапки изъ заячьяго мѣха съ лѣтней шляпой. Тутъ былъ и бантъ изъ выцвѣтшей, нѣкогда коричневой, ленты и перо, смявшееся и свалившееся отъ сырой погоды.

На шеѣ изъ-подъ тальмы выглядывалъ широкій крахмальный воротникъ, довольно помятый и грязный, на рукахъ были фильдекосовыя перчатки съ продранными пальцами, а въ одной рукѣ она держала зонтикъ—крупный мужской, съ толстой ручкой.

Увидѣвъ особу въ столь странномъ нарядѣ, Анна Дмитріевна осмотрѣла ее снизу вверхъ (она почему-то при осмотрѣ прислуги всегда начинала съ ногъ и кончала головой), и взглядъ ея выразилъ недоумѣніе.

— Здравствуйте-съ!—промолвила пришедшая какимъ-то чрезвычайно приличнымъ, нѣсколько даже слащавымъ голосомъ.

— Вы... вы въ горничныя?—спросила Анна Дмитріевна и сама удивилась, почему вдругъ начала говорить ей на вы.

— Да-съ... Вы изволили помѣстить объявленіе...

— Вы откуда же?

— Я собственно здѣшняя... здѣсь и родилась...

— А, такъ вы, значитъ, петербургская мѣщанка?

— Я не мѣщанка... я собственно дочь коллежскаго ассесора...

— Да?—и Анна Дмитріевна вторично съ недоумѣніемъ взглянула на нее.

— Да-съ... отвѣтила испытуемая и какъ-то вдругъ слегка поникла головой, и въ ея сѣрыхъ глазахъ появилось выраженіе тоски.

— А вы уже служили?—все-таки продолжала свой допросъ Анна Дмитріевна, хотя въ эту минуту въ душѣ оя состоялось рѣшеніе, которое можно было выразить слѣдующими словами: «Ну, нѣтъ, дочь коллежскаго ассесора я въ горничныя не возьму. Воображаю, какія претензіи»...

— Да-съ, я уже восемь лѣтъ этой службой занимаюсь.

— Какъ же это—дочь коллежскаго ассесора и вдругъ въ горничныя?—спросила Анна Дмитріевна.

— Такъ... приходится... Судьба, значитъ, такая...

— И что же, у васъ есть аттестатъ?

— Нѣтъ, собственно аттестата не имѣю...

— Почему же?

— Такъ... прежде я все на одномъ мѣстѣ жила... Люди меня знали съ дѣтства, и я у нихъ долго жила... Собственно не въ горничныхъ, а въ родѣ швеи, ну, и тоже за дѣтьми присматривала... Они померли въ одинъ годъ, и пришлось пойти въ горничныя. Пока пріучилась, много мѣстъ перемѣнила и, какъ мною не были довольны, то и аттестатъ просить было неловко.

— Гм... такъ что у васъ никогда и не было аттестата?

— Нѣтъ, никогда-съ.

— А почему же вы ушли съ вашего послѣдняго мѣста?—уже войдя въ колею своихъ обычныхъ вопросовъ, промолвила Анна Дмитріевна.

— Собственно отъ грубости... Въ купеческомъ семействѣ жила и все справляла, какъ слѣдуетъ, потому что я уже пріучилась, но грубости не могла вытерпѣть.

— Въ чемъ же проявлялась эта грубость?

— Такъ... При каждомъ словѣ мое званіе поминали... Если въ табачную надо сходить, такъ: эй, ты, дворянка, сбѣгай-ка за папиросами! а то еще хуже: если чего необходимаго, извините, въ спальню не принесешь, такъ сейчасъ: что-жъ ты своего дворянскаго дѣла не исполняешь?.. А я даже вовсе собственно и не дворянка,—такъ, дочь чиновника...

— Значитъ, вы требуете, чтобы съ вами почтительно обращались?

— Зачѣмъ? я свое положеніе понимаю. Я прислуга и болѣе ничего, а только для чего же грубость?

— Вы грамотная?

— Да-съ. Я даже когда-то два класса прогимназіи прошла... А я осмѣлюсь спросить: у васъ комната для обѣихъ прислугъ общая?

— Да, обыкновенно онѣ живутъ въ одной, но есть маленькій закоулокъ.

— Ахъ, вотъ если бъ закоулокъ! мнѣ много мѣста не требуется, а только чтобы отдѣльно... Вотъ только это, а во всемъ прочемъ, вы увидите, я буду исполнять все, какъ и всякая другая прислуга. Знаете, это такъ рѣдко бываетъ—отдѣльный уголокъ... Большею частью прислуга живетъ вмѣстѣ, это такъ стѣснительно... Знаете, человѣку хочется быть одному...

— Значитъ, личныхъ рекомендацій о васъ получить нельзя?

— Нѣтъ, отчего же? Они собственно дадутъ... только ужъ не думаю, чтобы дали хорошую... Вы, сударыня, не безпокойтесь... Вы испытайте меня... все, какъ слѣдуетъ, умѣю дѣлать... Я и гладить умѣю, и варенье варить, и шить... Все когда-то для себя дѣлала, такъ ужъ знаю... Мнѣ особенно дорого у васъ, что уголокъ отдѣльный есть... мнѣ бы только уголокъ...

Что-то жалобное слышалось въ ея голосѣ, когда она говорила о своемъ умѣньѣ гладить, варенье варить и шить, въ особенности, когда она упомянула о томъ, что все это дѣлала для себя. Даже Анна Дмитріевна, въ подобныхъ случаяхъ не отличавшаяся впечатлительностью, почувствовала въ душѣ своей какъ бы смутный откликъ, что-то похожее на жалость, однако же не настолько, чтобы измѣнить своимъ твердымъ принципамъ.

— Хорошо. Вы зайдите завтра въ это же время, и я скажу вамъ свое рѣшеніе, а теперь вы можете итти!—сказала она тономъ, не допускавшимъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

— Хорошо-съ... Только, извините, сударыня... Я собственно не смѣю... А только вы попробуйте... пожалуйста, попробуйте... Право же, я надѣюсь, будете довольны...

— Хорошо, хорошо, завтра я вамъ скажу.

— До свиданья-съ...

И, съ полминуты нерѣшительно помявшись на мѣстѣ, она повернулась и ушла въ кухню.

Теперь Аннѣ Дмитріевнѣ предстояла особая работа: вызвать въ своей памяти всѣ впечатлѣнія, полученныя отъ цѣлаго ряда опрошенныхъ личностей, и сдѣлать выборъ. Дѣло это было не легкое, всѣ личности пришли къ ней неизвѣстно откуда. Правда, всѣ онѣ ссылались на прежнія мѣста и оставляли адреса своихъ послѣднихъ хозяевъ. Обыкновенно Анна Дмитріевна выбирала двѣ-три наиболѣе удовлетворившихъ ее своимъ внѣшнимъ видомъ и своимъ разговоромъ, брала извозчика и объѣзжала ихъ «послѣднія мѣста».

Но изъ всей своей разнообразной практики она помнитъ всего два случая, когда хозяева давали неблагопріятные отвѣты. Обыкновенно же говорили ни то ни се.

— «Да ничего себѣ... Конечно, звѣздъ съ неба не хватаетъ... а такъ, чтобы сказать про нее дурное, этого нельзя».

Люди трусливы. Если было хорошо, они не рѣшаются сказать это, «чтобы потомъ, въ случаѣ чего, не было претензій». Если было дурно, они говорятъ себѣ: «Какое мнѣ дѣло? Зачѣмъ я буду портить человѣку?»

Тѣмъ не менѣе у Анны Дмитріевны это уже вошло въ привычку, и она сочла бы себя невыполнившей какой-то долгъ, если бы не объѣздила «послѣднихъ мѣстъ». И вотъ, перебирая въ своей памяти только что полученныя впечатлѣнія, она замѣтила странное явленіе: вниманіе ея все возвращалось къ послѣдней, къ дочери коллежскаго ассесора. Дочь коллежскаго ассесора не удовлетворяла самымъ главнымъ условіямъ, которыя она считала нужнымъ даже помѣстить въ своемъ объявленіи: «безъ аттестата и личныхъ рекомендацій не приходить». У нея какъ разъ не было ни того, ни другого. И вообще она не заключала въ себѣ ничего привлекательнаго. Лицо ея не возбуждало симпатіи — такъ себѣ, незначительное лицо, по всѣмъ видимостямъ она не отличается хорошимъ здоровьемъ, будетъ уставать, можетъ быть—часто болѣть: о, Анна Дмитріевна совсѣмъ не признавала прислуги, которая болѣетъ. Прислуга, по ея глубокому убѣжденію, не должна болѣть. Поэтому она прежде всего смотрѣла въ лицо, и если видѣла на щекахъ «кровь съ молокомъ», то это уже былъ большой шансъ для испытуемой.

Но что особенно отталкивало ее отъ этой «личности», такъ это воспоминаніе о томъ, какъ она сама вдругъ ни съ того ни съ сего начала говорить ей вы. Почему? съ какой стати? Потому, что у нея какая-то дикая шляпка на головѣ и этотъ ужасный воротничекъ и такой жалкій видъ: какая-то пародія на барышню... Что можетъ быть ужаснѣе жалкихъ претензій? «Нѣтъ нѣтъ — прислуга, такъ прислуга... Терпѣть не могу этихъ неопредѣленныхъ промежуточныхъ существъ».

Таковы были ея доводы противъ дочери коллежскаго ассесора. А доводовъ въ ея пользу Анна Дмитріевна, повидимому, совсѣмъ не находила въ своей душѣ. По крайней мѣрѣ, она не могла выразить ихъ словами. И, казалось, все было противъ «дочери коллежскаго ассесора», и судьба ея въ домѣ Сандаловыхъ была рѣшена.

И тѣмъ не менѣе, когда Анна Дмитріевна подводила итоги своимъ воспоминаніямъ, то въ концѣ концовъ рѣшеніе ея было такое: «Не попробовать ли ее? Въ сущности, я вѣдь ничѣмъ не рискую... Не годится — разсчитаю... вотъ и все».

И когда она такимъ образомъ рѣшила, то у нея явилось пріятное ощущеніе отъ сознанія, что ей нѣтъ надобности таскаться по «послѣднимъ мѣстамъ», и можно сегодня просидѣть дома.

Погода была отвратительная, дулъ сильный вѣтеръ, снѣгъ на улицѣ кружился, какъ въ ураганѣ; въ такую погоду нѣтъ ничего лучше, какъ сидѣть въ теплой квартирѣ и сознавать, что можно сидѣть такъ, сколько тебѣ угодно, хотя бы тамъ, на улицѣ, міръ перевернулся вверхъ дномъ.

Такимъ образомъ, повидимому, Анна Дмитріевна Сандалова, несмотря на свои твердые принципы, поступила безъ всякихъ основаній. Но это было только повидимому, такъ ей казалось, но въ дѣйствительности основанія эти гнѣздились въ такой глубинѣ ея сознанія, что оттуда ей не были видны.

А дѣло было въ сущности очень просто: Анна Дмитріевна, видѣвшая на своемъ вѣку множество личностей, приходившихъ наниматься въ прислуги, давно замѣтила, что ни одна изъ нихъ еще ни разу не сказала ни одного слова, которому можно было бы повѣрить. Личности расхваливали свои качества, которыя подвергались изслѣдованію Анны Дмитріевны, какъ товаръ, который надо такъ или иначе сбыть съ рукъ, а значитъ надо во что бы то ни стало расхвалить. Поэтому онѣ всегда лгали отъ начала до конца: и о своемъ поведеніи, и о необыкновенномъ умѣньѣ гладить и шить, и о своемъ кроткомъ характерѣ, онѣ отрицали—и даже съ негодованіемъ — всякую даже возможность какихъ-то двоюродныхъ братьевъ, жениховъ, даже простыхъ гостей, онѣ разсказывали турусы на колесахъ о какихъ-то генеральшахъ, баронахъ и графахъ, у которыхъ онѣ служили, такъ точно, какъ лгали ихъ аттестаты и рекомендаціи. Имъ просто надо было только какъ нибудь втереться въ домъ, завладѣть кроватью для спанья, а тамъ уже видно будетъ.

И вдругъ она видитъ передъ собой странное существо, которое, нанимаясь въ горничныя, не разсказываетъ никакихъ исторій о своемъ блестящемъ прошломъ, только вскользь и глухо упоминаетъ о какихъ-то людяхъ, которые знали ее въ дѣтствѣ, и не показываетъ никакихъ блестящихъ аттестатовъ и даже просто заявляетъ, что «на послѣднемъ мѣстѣ» о ней хорошихъ рекомендацій не дадутъ.

«Попробуйте, будете довольны»...—говоритъ она почти умоляющимъ голосомъ — вотъ все ея хвастовство. Эта совершенно новая черта очевидно и подкупила Анну Дмитріевну и настолько, что она простила «дочери коллежскаго ассесора» даже свое вы, которое такъ опрометчиво вырвалось у нея.

«Ну, однако,—сказала она себѣ:—это вы больше не повторится, пусть она будетъ хоть дочерью генералиссимуса, а разъ она горничная, такъ значитъ ты». И Анна Дмитріевна твердо рѣшила, что будетъ говорить ей ты.

На другой день пришло нѣсколько личностей, каждая съ упованіемъ, что ее-то и выбрали на службу, но всѣмъ было отказано. «Дочь коллежскаго асессора» водворилась въ домѣ Сандаловыхъ въ качествѣ горничной.

III.

Когда ей объявили, что избираютъ ее, на лицѣ ея выразилась радость. Она сейчасъ же вручила Аннѣ Дмитріевнѣ свой паспортъ и побѣжала за своимъ скарбомъ.

Черезъ часъ она уже была на мѣстѣ. Подручный дворникъ втащилъ въ кухню ея сундукъ — небольшой, обитый желѣзомъ, старинной формы.

— А гдѣ же у васъ этотъ закоулокъ?—первымъ дѣломъ спросила она у кухарки.

Ей показали закоулокъ, и она сейчасъ же скрылась тамъ вмѣстѣ съ своимъ сундукомъ. Довольно долго она тамъ копошилась, а когда вышла оттуда, была неузнаваема.

Безъ своей затасканной тальмы, безъ зонтика въ рукахъ, безъ странной шляпы, она имѣла чрезвычайно чистенькій, благоприличный видъ. Вмѣсто черной юбки, въ которой она ходила, когда была безъ мѣста, очевидно для приданія себѣ солидности, на ней была сѣрая съ розовой ситцевой кофточкой, съ бѣлымъ передникомъ. На головѣ у нея былъ бѣлый чепецъ.

Когда изъ комнаты послышался звонокъ, и она явилась впервые въ этомъ видѣ передъ лицомъ Анны Дмитріевны, хозяйка посмотрѣла на нее и сказала:

— Очень хорошо. Вы всегда будете такъ ходить?

— Всегда-съ. Я люблю, чтобы было прилично.

— А какъ васъ зовутъ?

— Машенькой-съ.

— Ну, хорошо, Машенька, подавайте завтракъ.

И опять Анна Дмитріевна поймала себя на томъ, что, несмотря на свои принципы и на спеціальное обѣщаніе, говорила ей вы. И хуже всего то, что теперь ужъ она не видѣла возможности перейти на ты, да почему-то и не хотѣлось ей, какъ-то не шло это, и въ душѣ она рѣшила, что это ужъ такъ и останется.

Машенька оказалась чрезвычайно поворотливой, она быстро разузнала, гдѣ что лежитъ, разыскала подобающую случаю скатерть, накрыла столъ и поставила приборъ.

Анна Дмитріевна сидѣла за столомъ, поѣдала завтракъ и любовалась ея ловкостью, и этотъ передникъ, и этотъ чепчикъ, и эти небольшія руки съ длинными пальцами, все это дѣйствовало на нее успокоительно и даже какъ будто прибавляло аппетита. Право, ей казалось, что первый разъ въ жизни она такъ пріятно позавтракала.

Дальше оказалось, что Маша за всякое дѣло бралась такъ, какъ будто она нѣсколько лѣтъ была въ домѣ. Послѣ завтрака она принялась вытирать пыль съ піанино, съ шкафовъ, со всего

что только нуждалось въ этомъ, затѣмъ пересмотрѣла каждый цвѣточный горшокъ и полила тѣ цвѣты, которымъ это было нужно, а когда кончила все, что ей казалось необходимымъ, подошла къ Аннѣ Дмитріевнѣ и заявила:

— Позвольте вамъ сказать... въ кабинетѣ подушка, которая на диванѣ, распоролась, такъ не позволите ли зашить?

— Неужели распоролась?—съ удивленіемъ спросила Анна Дмитріевна. Удивленіе ея относилось къ тому обстоятельству, что она сама, такъ бдительно слѣдившая за порядкомъ, а въ особенности въ кабинетѣ своего мужа, этого не замѣтила.

— И даже сильно-съ... Такъ, видно, что уже давно...

Анна Дмитріевна отправилась въ кабинетъ и собственными глазами убѣдилась, что Маша права.

Самъ Сандаловъ не жаловался, но онъ вообще никогда не обращалъ вниманія на какіе бы то ни было порядки, если они не относились къ канцелярскому дѣлу.

— Да, въ самомъ дѣлѣ,—сказала Анна Дмитріевна.—Такъ зашейте. Вы умѣете?

— Какъ-же-съ, я отлично умѣю. — И Машенька принялась зашивать.

«У нея есть иниціатива... Это очень хорошо»,—сказала себѣ Анна Дмитріевна.

А когда Машенька кончила эту работу, то спросила, нѣтъ ли чего пошить. Анна Дмитріевна сейчасъ же сочинила какую-то кофточку изъ остатковъ матеріи отъ прошлогодняго платья. Маша взяла для образца кофточку Анны Дмитріевны и забралась въ свой закоулокъ.

Пришелъ со службы Сандаловъ, Машенька накрыла на столъ и подавала обѣдъ. Сандаловъ сперва не обратилъ на нее никакого вниманія, попросту онъ ея не видѣлъ, хотя его взглядъ нѣсколько разъ скользилъ по ней; но вдругъ онъ замѣтилъ ея бѣлый передникъ и чепецъ и волей-неволей долженъ былъ разглядѣть и всю ея наружность.

— Гдѣ это ты взяла такую?—спросилъ онъ жену, когда Машенька за чѣмъ-то вышла.

— А что? Развѣ она тебѣ не нравится?

— О, мнѣ, право, все равно... Но она странная...

— Чѣмъ?

— А вотъ и не знаю чѣмъ: какая-то не похожая на другихъ горничныхъ...

— Да, она дочь коллежскаго асессора.

— Да? Какимъ же образомъ?

Анна Дмитріевна разсказала ему, какъ было дѣло.

— А, такъ вотъ почему ты говоришь ей вы... сказалъ Сандаловъ.

— А ты замѣтилъ?

— Да вѣдь я все замѣчаю, только... какъ бы тебѣ сказать...

— Не обращаешь вниманія?

— Нѣтъ... Не придаю значенія...

— А что у тебя на диванѣ была распорота подушка, ты замѣтилъ?

— Еще бы, это уже недѣли три...

— Почему же ты не сказалъ?

— Ахъ, собирался, тысячу разъ собирался; признаюсь, это меня даже раздражало... приляжешь послѣ обѣда, положишь руку подъ голову, и вдругъ рука куда-то залѣзла, въ какую-то яму...

— А вотъ она сейчасъ же замѣтила и зашила... И вообще, вообще, если она такъ будетъ дальше, то это—сокровище. Кухарка у меня теперь хорошая женщина, а съ горничными я страшно мучилась. Если она будетъ такая, какъ сегодня, то я буду совсѣмъ счастлива.

А Машенька очевидно рѣшилась оправдать всѣ надежды Анны Дмитріевны. Прошелъ день, другой, третій, а за ними множество другихъ дней, а Машенька ни на іоту не измѣнялась.

Вставала она очень рано, даже раньше кухарки и сейчасъ же принималась за работу. Въ холодные дни она затапливала въ комнатахъ печи, потомъ тщательно прибирала во всѣхъ комнатахъ, выметала, стирала пыль, поливала цвѣты. Когда вставалъ Сандаловъ, въ комнатахъ было уже тепло, чисто и уютно, а въ столовой на столѣ кипѣлъ самоваръ, и его ожидалъ завтракъ.

Сапоги его, и калоши, и платье, и шинель, все было вычищено, все блестѣло, какъ новое. Блестѣли всѣ ручки у дверей, блестѣлъ самоваръ, остры были ножи, которые подавались къ столу, словомъ въ домѣ явилось то, о чемъ всегда такъ безнадежно мечтала Анна Дмитріевна. Былъ отысканъ «идеалъ горничной».

Не было рѣшительно такой надобности, о которой Анна Дмитріевна должна была бы напоминать Машенькѣ, она все сама знала и дѣлала напередъ. Рубахи, кофточки, чепчики, даже цѣлыя юбки—шились одна за другой, избавляя Анну Дмитріевну отъ расходовъ на надоѣдливыхъ портнихъ. Анна Дмитріевна блаженствовала.

Когда къ нимъ приходили знакомые, или она сама заѣзжала куда нибудь, она непремѣнно заявляла:

— Ахъ, вы не можете себѣ представить, какая мнѣ удача съ горничной! Ужъ я не говорю о кухаркѣ, — вотъ уже около двухъ лѣтъ я насчетъ кухни спокойна,—но наконецъ я нашла и горничную—золотая дѣвушка, прямо золотая. И представьте себѣ: она дочь коллежскаго асессора.

— Да неужели? — И ей не вѣрили и требовали объясненія и подробностей; всѣмъ казалось, что дочь коллежскаго асессора ни-

коимъ образомъ не можетъ быть хорошей горничной. И Анна Дмитріевна разсказывала все, что знала о Машенькѣ, то-есть главнымъ образомъ то, что она дочь коллежскаго асессора, и что она не могла жить у купцовъ изъ-за ихъ грубости.

— И я, знаете, просто дрожу теперь, что ее могутъ у меня переманить. Тогда я просто, знаете, буду чувствовать себя такъ, какъ будто потеряла рай...

Можно было замѣтить, что Машенька особенно торопилась покончить скорѣе со всей внѣшней уборкой и любила, когда ей поручали шитье. Тогда она забиралась въ свой закоулокъ и тамъ просиживала цѣлые часы. Это было ея любимое мѣсто и любимое занятіе.

Но Анна Дмитріевна, совершенно довольная положеніемъ дѣлъ въ домѣ, никогда и не подумала спросить себя, почему Машенька такъ любитъ свой закоулокъ. Еще кухарку до извѣстной степени интриговалъ вопросъ о томъ, что Машенька дѣлаетъ въ своемъ закоулкѣ, и даже не столько это, какъ то, гдѣ и какъ она тамъ помѣщается.

Кухарка очень хорошо знала этотъ закоулокъ. Онъ торчалъ между кухней и ванной и представлялъ собой что-то въ родѣ чуланчика съ узенькимъ ходомъ изъ коридора.

Кухня освѣщалась окномъ со двора и получала оттуда настоящій солнечный свѣтъ, разумѣется, въ тѣ дни и часы, когда онъ бывалъ въ Петербургѣ. Ванна соединялась окошкомъ съ кухней и получала свой свѣтъ изъ кухни, и это уже былъ, разумѣется, свѣтъ скудный, такъ что, когда Анна Дмитріевна или самъ Сандаловъ погружались въ ванну, то приходилось зажигать свѣчу.

А закоулокъ получалъ свой свѣтъ изъ ванны, съ которою онъ былъ связанъ маленькимъ окошечкомъ. Другихъ источниковъ дневного свѣта у него не было. Правда, въ коридорѣ, куда выходила изъ него дверца, по вечерамъ горѣла лампочка, но она давала такой скудный свѣтъ, что его едва хватало на освѣщеніе самого коридора. Такимъ образомъ Машенькѣ приходилось большею частью работать при лампѣ, которая сильно нагрѣвала и портила воздухъ, и оттого глаза ея постоянно были красны.

До поступленія въ домъ Машеньки закоулокъ служилъ для помѣщенія кубышки съ керосиномъ, ножной ванны, которой иногда Анна Дмитріевна для экономіи замѣняла настоящую, полотерныхъ щетокъ и множества другой хозяйственной дряни, которую теперь пришлось помѣстить на нарахъ въ коридорѣ же. Но надъ всѣмъ этимъ скарбомъ господствовала кубышка съ керосиномъ. Къ ней постоянно обращались за освѣтительнымъ матеріаломъ, переливали изъ нея въ бутылку, а изъ бутылки тутъ же разливали въ лампы, при чемъ, разумѣется, изрядно проливали на полъ. И до того въ закоулкѣ полъ былъ пропитанъ керосиномъ, что, когда въ немъ

поселилась Маша, запахъ керосина наполнялъ закоулокъ, и никакъ она не могла его вывести.

Ни одной изъ прежнихъ горничныхъ не приходило въ голову, что можно жить въ этой дырѣ. При кухнѣ была большая комната въ два окна. Анна Дмитріевна шутя говорила даже, что это лучшая комната во всей квартирѣ. И кухарка съ горничной, живя въ ней вмѣстѣ, чувствовали себя отлично.

Поэтому кухарка никакъ не могла понять, почему Машенька пренебрегаетъ большой и свѣтлой комнатой и предпочитаетъ ей закоулокъ. Въ душѣ она радовалась этому, такъ какъ ей все-таки пріятно было жить одной, имѣя въ своемъ распоряженіи цѣлую комнату, но недостаточно быть довольной, надо и понимать. И она не разъ спрашивала у Машеньки:

— И что вамъ за охота, Машенька (она, какъ и Анна Дмитріевна, почему-то не могла обращаться къ Машенькѣ иначе, какъ на вы)? охота вамъ тѣсниться въ этомъ чуланѣ? Тамъ и керосиномъ воняетъ и темнота... Какое такое вы находите въ немъ удовольствіе?

— Такъ,—по своей обычной манерѣ отвѣчала Машенька:—мнѣ тамъ пріятно.

— Не пойму я...

— Не могу объяснить вамъ... сама не знаю почему... а только мнѣ пріятно.

— Можетъ, гнушаетесь нашимъ сосѣдствомъ? — предположила кухарка.

— Ахъ, какъ можно! какое я имѣю право гнушаться? Что я такое особенное, что бы могла гнушаться?

— Ну, все же вы не простая, а чиновницкая дочь...

— Ну, это что!.. Это было, да ни къ чему не повело... Можетъ, оттого, что я чиновницкая дочь, мнѣ только хуже, чѣмъ вамъ...

И при этомъ глаза ея дѣлались грустными, и все лицо принимало какую-то жалобную складку, и кухарка, видя, что ей разговоръ этотъ непріятенъ, не продолжала его.

Такъ и не поняла она, почему Машенька тѣсный закоулокъ предпочитаетъ большой и свѣтлой комнатѣ. Не разъ въ отсутствіе Машеньки пробовала она заглянуть въ закоулокъ. Но тамъ было почти совсѣмъ темно, и ничего нельзя было разглядѣть. Такъ она и оставила этотъ вопросъ для себя открытымъ.

IV.

А Машенька дѣйствительно обожала свой закоулокъ. Она старалась производить всѣ внѣшнія работы, какъ уборка комнатъ, топка печей, поливка цвѣтовъ, какъ можно скорѣе и какъ можно аккуратнѣе, чтобы ея ни за чѣмъ этимъ не звали.

Она вовсе не любила шить. Глаза у нея были слабые и болѣли отъ этого. Да и сидѣть надо было согнувшись, и случалось, что побаливала у нея спина. И, тѣмъ не менѣе, она просто рвалась за шитьемъ и, когда кончала какую нибудь работу, она точно умоляла Анну Дмитріевну дать ей другую. И когда она шила, такъ ужъ и знали, что она занята шитьемъ, и если не было важнаго повода, не тревожили ея.

Она любила свой закоулокъ. Она полюбила его раньше, чѣмъ увидѣла и воспользовалась имъ. Она полюбила его въ ту самую минуту, когда Анна Дмитріевна въ день перваго осмотра и опроса только упомянула о немъ. Она полюбила его потому, что онъ былъ уже давно предметомъ ея тихихъ, молчаливыхъ, но пламенныхъ мечтаній.

Родителей лишилась она рано, когда ей было тринадцать лѣтъ. Тогда-то именно она посѣщала прогимназію. Отецъ поздно надумалъ отдать ее въ ученіе. Оттого она только и успѣла два класса пройти. Тогда умеръ ея отецъ, а матери она вовсе не помнила. Съ семи лѣтъ она начала «завѣдывать хозяйствомъ» въ домѣ, и дѣйствительно всему научилась—и гладить, и варить варенье, и шить. А тутъ вдругъ осталась одна, безъ родныхъ и безъ денегъ. Всѣ вещи, какія были въ домѣ, уже давно были заложены и проданы на лѣченье отца. Онъ болѣлъ долго, таялъ медленно, и, когда умеръ, въ квартирѣ было уже пусто.

Служилъ онъ слишкомъ мало, чтобы оставить ей пенсію, и она очутилась на улицѣ. У отца ея были «друзья». Они взяли ее къ себѣ въ домъ и держали на кухнѣ, заставляя исполнять самыя многосложныя обязанности. Тутъ ей было трудно, но все же они помнили, что она «дочь каллежскаго асессора», и дѣлали ей снисхожденіе.

Ей давали носить старыя платья, позволяли донашивать шляпки, и случалось, когда никого изъ знакомыхъ не было, сажали ее у края стола и разрѣшали пить съ ними чай въ прикуску.

Такъ прожила она лѣтъ пять, а тутъ и съ друзьями стряслась бѣда. Жена сама умерла, а мужъ почему-то запьянствовалъ, и его чѣмъ-то раздавило гдѣ-то на улицѣ.

Отсюда она пошла мыкаться по людямъ. Пробовала быть швеей и няней, но все было тяжело, и никакъ она не могла дѣлать такъ, какъ требовали.

А, главное, ей страшно мѣшало ея званіе, прописанное въ паспортѣ. Въ «хорошихъ домахъ» рѣшительно не хотѣли «брать дочь коллежскаго асессора»,—боялись, что ее уважать надо; брали купцы и мѣщане, зато они не только не уважали, а измывались надъ ея дворянствомъ, котораго она себѣ впрочемъ никогда не приписывала. Такъ года полтора она служила въ горничныхъ.

Всѣ неудачи и невзгоды какъ-то странно вылились у нея въ одну мечту. Она денно и нощно мечтала о такомъ мѣстѣ, гдѣ у нея

была бы своя комнатка. И ей всегда представлялось, что эта комната—свѣтлая, просторная, уютная; въ ней можно сидѣть и ходить, принимать знакомыхъ (которыхъ у нея вовсе и не было).

И она знала, что въ хорошихъ домахъ для прислуги бываютъ такія комнаты, и мечтала попасть въ такой домъ, но туда не брали.

По мѣрѣ того, какъ годы шли, мечта ея суживалась, она дѣлала уступку за уступкой. Уже свѣтлая просторная комната превратилась въ маленькую, хотя бы полутемную, лишь бы въ ней можно было сидѣть, и, наконецъ, она рада была и закоулку и охотно принимала его со всѣми его неудобствами, съ тѣснотой, темнотой, запахомъ керосина.

Съ тѣхъ поръ, какъ ушла она изъ родительскаго дома, таскала она за собой сундукъ. Этимъ сундукомъ она такъ дорожила, какъ будто тамъ были какія нибудь драгоцѣнныя сокровища. Однажды случилось, что хозяева, у которыхъ она служила, переѣзжали на новую квартиру и во время перевозки сундукъ ея забыли въ старой. Машенька вообразила, что онъ потерянъ или украденъ. Она рыдала; впала въ глубокую тоску. Но сундукъ нашелся, его привезли, и она успокоилась.

Что было въ этомъ сундукѣ? Сѣрая юбка, въ которой теперь она ходила, нѣсколько передниковъ и чепцовъ. Но это ли были тѣ драгоцѣнности, изъ-за которыхъ она такъ убивалась?

Нѣтъ, тамъ были ея воспоминанія. Они-то заставляли ее мечтать о своемъ углѣ и теперь, когда она добилась этого угла, изъ кожи лѣзла, исполняя свои обязанности, чтобы только этотъ уголъ остался за нею.

При тусклом свѣтѣ лампы, прибитой къ стѣнѣ и успѣвшей уже за короткое время закоптить потолокъ, сидѣла Машенька на своей узенькой кровати, согнувшись въ дугу, надъ кофточкой, которую шила для Анны Дмитріевны. Иголка совершала быстрыя движенія при помощи ея длинныхъ, тонкихъ пальцевъ, можетъ быть, предназначенныхъ, для музыки или какихъ нибудь изящныхъ художественныхъ работъ.

Шьетъ она долго такимъ образомъ, но вдругъ почувствуетъ усталость и боль въ спинѣ, остановится и выпрямится. Тогда ея взглядъ падаетъ на стѣнку и долго останавливается на ней.

Вся стѣнка увѣшана рамочками, въ которыхъ сидятъ сѣрые, вылинявшіе отъ времени мужчины въ штатскихъ и военныхъ мундирахъ и сюртукахъ, дамы въ пышныхъ шляпахъ съ старинными прическами.

Посрединѣ большой портретъ въ круглой рамѣ подъ стекломъ. Это—мужчина съ худощавымъ лицомъ, на которомъ такія же обыкновенныя и незамѣтныя черты, какъ и на лицѣ Машеньки. Рѣдкая борода не мѣшаетъ рельефно обозначаться формамъ его лица. Глаза у него вялые, болѣзненные, грустные. Это—ея отецъ, съ которымъ она провела все свое дѣтство.

Ничего онъ не далъ ей, кромѣ горемычной жизни, которую она теперь проводитъ, но она съ безконечной нѣжностью смотритъ на него, смотритъ каждый день, каждый часъ и все-таки не можетъ наглядѣться.

Въ немъ ея утраченное прошлое, въ немъ вся та жизнь, о которой она не можетъ даже мечтать, потому что она, эта жизнь, канула въ бездну и никогда, никогда не вернется.

Но если судьба не дала желанной жизни, то все же она не лишила драгоцѣнной способности жить въ воображеніи, жить, вспоминая и грустя, но все-таки жить иной жизнью, чѣмъ та, которая есть въ дѣйствительности.

И Машенька живетъ этой жизнью, живетъ всѣми силами ея души, живетъ томительно и страстно.

И такъ явственно вспоминаются ей дни глубокаго дѣтства. Ея сознаніе началось съ какого-то горя, должно быть, огромнаго горя, потому что ея первыя впечатлѣнія отъ жизни—все черное, мрачное и угрюмое. Тогда въ ея маленькой дѣтской душѣ составилось представленіе о жизни, какъ о чемъ-то торжественно-мрачномъ.

Въ домѣ угрюмая тишина, какіе-то люди съ заплаканными лицами, всѣ въ черномъ. Зеркала, картины, статуэтки, все закрыто кисеей. Всѣ ходятъ на цыпочкахъ. Повсюду носится дымокъ съ страннымъ слащавымъ запахомъ, который съ тѣхъ поръ для нея на всю жизнь остался запахомъ горя.

Ни лицъ, ни событій того времени она не помнитъ. Должно быть, тогда умерла ея мать, и это были похороны.

Это событіе разбудило сознаніе въ ея дѣтской душѣ, ей было тогда около четырехъ лѣтъ. Потомъ вспоминаетъ она, какъ отецъ, тогда еще молодой и здоровый, съ какою-то скорбною нѣжностью ухаживалъ за ней, возился съ ней, какъ нянька. Онъ все старался дѣлать для нея самъ.

На службѣ онъ тогда только начиналъ, жалованье получалъ маленькое, но, должно быть, у него было кой-что свое, или онъ взялъ за матерью, потому что въ домѣ было хорошо—красиво и уютно.

И помнитъ она свои тогдашнія чувства. Она обожала отца и постоянно ежеминутно чувствовала себя «самой счастливой во всемъ мірѣ».

Но какъ все обманчиво! И зачѣмъ судьба такъ подводитъ человѣка? «Самаго счастливаго» она превращаетъ въ самаго жалкаго.

Идутъ въ памяти времена другія. Болѣзнь отца, бѣдность и опять похороны. Не странно ли, что самое чудное время ея жизни, единственное, о которомъ ей хочется вспоминать, было заключено между двумя похоронами?

Счастье ея началось среди чернаго цвѣта и печальныхъ лицъ и закончилось среди нихъ же. И теперь это счастье, какъ рѣдкая

драгоцѣнность въ ларцѣ, все сложено здѣсь, въ этой узкой и тѣсной щели.

Это ея царство, сюда въ этотъ закоулокъ ее безумно тянетъ оттуда, изъ большихъ свѣтлыхъ комнатъ, гдѣ другіе люди живутъ настоящей жизнью. Съ этими портретами она—среди утраченнаго, но все же своего.

Вотъ рядомъ съ отцомъ ея мать — худенькое, блѣдное лицо. Машенька никогда не знала ея, но все равно она любитъ ее такъ, какъ будто знала и всю жизнь пользовалась ея лаской. Про нее она много слышала отъ отца: она, бѣдная, всю жизнь проболѣла и умерла, не познавъ настоящаго веселья жизни.

Онъ взялъ ее больную. Его любовь къ ней скорѣе походила на жалость, это она видѣла изъ его разсказовъ о ней. Ихъ короткая совмѣстная жизнь была страданіемъ съ ея стороны и нѣжнымъ уходомъ съ его.

«Видишь ли, дѣтка,—часто говорилъ Машенькѣ отецъ, вспоминая о ея матери,—видишь ли, есть существа, которымъ дано жизненныхъ силъ очень мало, такъ что имъ самимъ едва-едва хватаетъ. И они должны быть скупы на свои силы, они должны ревниво оберегать ихъ, а не расточать.

«Твоя мать захотѣла счастья, для котораго у нея не было силъ—счастья быть матерью. Твое рожденіе подкосило ея жизнь. Она отдала тебѣ главную часть своихъ небольшихъ жизненныхъ силъ. Съ тѣхъ поръ она уже не жила, а только покорно ждала смерти».

И Машенька часто думаетъ о томъ, что это было несправедливо. Ея мать жила въ счастливой обстановкѣ и могла прожить такъ всю жизнь. Зачѣмъ она ограбила себя, что вышло изъ того? Жалкое существованіе, которое досталось на долю ей, Машенькѣ.

Повыше—ея дѣдъ, бабушка, по бокамъ дяди, тети, все родня. Ихъ выцвѣтшія лица все какія-то важныя и торжественныя. Это, должно быть, оттого, что всѣ они были простые скромные люди.

Простые скромные люди въ жизни держатся тихо и незамѣтно, но передъ круглымъ стекломъ фотографа всегда принимаютъ важный видъ и на карточкахъ выходятъ сановниками. Это—невинный обманъ: они обманываютъ сами себя, а въ особенности свое отдаленное потомство, которое черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, отыскавъ ихъ изображенія въ фамильныхъ альбомахъ, думаетъ: какіе они были величавые, мои предки!

Вотъ этотъ телеграфистъ—это можно узнать по мундиру—это двоюродный братъ ея отца. Машенька его помнитъ. Онъ приходилъ къ нимъ въ домъ изрѣдка, всегда садился въ уголъ и молчалъ, цѣлые вечера молчалъ.

Когда ему предлагали чай, онъ привставалъ и говорилъ: «очень вамъ благодаренъ, пожалуйте».

Если во время спора къ нему обращались, желая узнать его мнѣніе, онъ странно смущался и краснѣлъ и заикаясь говорилъ: «Я... я вполнѣ согласенъ съ вами...», т.-е. именно съ тѣмъ, кто къ нему обращался.

Но что за важное лицо у него здѣсь, на этой водянистой карточкѣ, какъ величественно приподняты плечи, какъ дерзко выглядываетъ крахмальный воротничекъ изъ-подъ мундира, какъ смѣло торчатъ кверху его усы, какой свободой вѣетъ отъ непокорнаго клока волосъ на головѣ его! Очевидно, это былъ его идеалъ, его мечта—быть такимъ.

А вотъ цѣлый рядъ «друзей и знакомыхъ».

Иныхъ Машенька помнитъ, они бывали въ ихъ домѣ, но потомъ куда-то безслѣдно исчезли, о другихъ же только слышала. Есть и такіе, о которыхъ она ничего не знаетъ.

Всѣ эти карточки помѣщались въ большомъ альбомѣ, который всегда лежалъ у нихъ на столѣ. Можетъ быть, многіе даже и не бывали въ ихъ домѣ, а только случайно гдѣ нибудь встрѣчались и случайно попали сюда. Но, все равно, они составляли особый кругъ, прикосновенный къ ея дому, и потому они всѣ ей «свои».

Среди карточекъ была одна, отличавшаяся отъ всѣхъ своей нарядной рамкой—«подъ розовое дерево». Она помѣщалась внизу подъ большимъ портретомъ самого «коллежскаго асессора».

Безусое лицо юноши, почти мальчика, съ низко остриженными волосами на головѣ, смотрѣло серьезно и вдумчиво. Въ этомъ лицѣ не было ни одной черты, похожей на черты тѣхъ незамѣтныхъ лицъ, которыя Машенька считала своими. Въ глазахъ юноши было что-то смѣлое, гордое, орлиное.

И когда Машенька взглядывала на него, то въ лицѣ ея появлялось какъ бы выраженіе опасенія, и всякій разъ она мелькомъ взглядывала на дверь, какъ бы боясь, чтобы посторонній взглядъ не замѣтилъ ея взгляда.

Да, этотъ юноша не принадлежалъ ни къ ея роднымъ, ни къ знакомымъ. Это былъ сынъ одного семейства, гдѣ она нѣсколько лѣтъ тому назадъ служила швеей. Жила она въ томъ домѣ мѣсяцевъ пять и, кажется, за все это время ни слова не сказала съ нимъ, но въ его присутствіи сердце ея билось усиленно, а когда она слышала его голосъ, кровь волновалась въ ней и приливала къ лицу, и ея блѣдныя щеки зарумянивались.

Это была тайна, которой никто еще не объяснилъ. Ей нравилось его открытое честное лицо, его смѣлый голосъ, его ясные глаза. Никогда не мечтала она о близости съ нимъ, это было невозможно, онъ былъ недостижимъ для нея. Но, все равно, онъ былъ ея кумиромъ.

Когда пришлось изъ-за какихъ-то недоразумѣній съ его матерью — вздорная, капризная, несправедливая женщина, которой

и онъ часто не одобрялъ — оставить мѣсто, она пошла на смѣлое, рѣшительное дѣло: тихонько пробралась въ гостиную и вытащила изъ альбома его карточку. И это все, что осталось у нея отъ ея тайной и единственной страсти.

Теперь она часто взглядываетъ на это лицо и думаетъ о томъ, что̀ съ нимъ сталось. Осталось ли оно такимъ же смѣлымъ, яснымъ, чистымъ и прекраснымъ, какъ было тогда, или огрубѣло и изгадилось, какъ изгаживаются всѣ человѣческія лица... Но воспоминаніе о немъ ей сладко, и она давно уже причислила его къ «своимъ».

И, сидя на своей кровати, надъ прерванной работой, при свѣтѣ тускло горящей лампы, въ спертомъ воздухѣ, духотѣ и тѣснотѣ, Машенька забываетъ о всемъ, что дѣлается за стѣнами этого закоулка. Забываетъ она и обо всѣхъ невзгодахъ, которыя она испытала, и о томъ, что она въ сущности горничная въ чужомъ, совершенно чужомъ домѣ, что она исполняетъ низкія обязанности, что ее могутъ каждую минуту позвать и заставить дѣлать все, что имъ угодно.

Что ей до всего этого за дѣло? Что ей за дѣло до этого теперь, въ эти минуты, когда она среди своихъ, въ своемъ углу, гдѣ все принадлежитъ ей?

Въ эти минуты она чувствуетъ себя не горничной въ какомъ-то невѣдомомъ ей домѣ, а дѣйствительно, дѣйствительно — дочерью коллежскаго асессора, дочерью своего отца, который не виноватъ же въ томъ, что судьба дала ему такую слабую грудь, что не выдержалъ онъ борьбы и слишкомъ рано умеръ.

Хорошо ей здѣсь въ этомъ святомъ закоулкѣ. Здѣсь у нея свой особый міръ, до котораго никому нѣтъ дѣла, никому въ цѣломъ свѣтѣ. Пусть они войдутъ сюда, пусть увидятъ ее на этой кровати, увидятъ стѣну, увѣшанную портретами, — что они поймутъ въ этомъ? ничего. Они могутъ проникнуть сюда, въ эти стѣны, но они никогда не проникнутъ въ ея особый душевный міръ, который въ ничтожныхъ предѣлахъ этого тѣснаго темнаго закоулка былъ огроменъ.

Вступая въ этотъ домъ, гдѣ наконецъ получила она уголъ и, значитъ, возможность вынуть изъ своего неизмѣннаго спутника — сундука, то, что составляетъ ея «міръ», она дала себѣ клятву: «стараться угодить», и нѣтъ такой тяжелой работы, отъ которой она отказалась бы, нельзя представить себѣ такого униженія, котораго она не перенесла бы.

Пусть слѣпнутъ глаза ея отъ работы, пусть трещитъ голова, и разламывается спина, но вѣдь здѣсь она отъ всего этого отдыхаетъ. Пусть ей придется выполнять какія нибудь позорныя работы, отъ которыхъ сгорѣлъ бы со стыда и негодованія «коллежскій асессоръ», если бы могъ это видѣть, но вѣдь все это тамъ, за

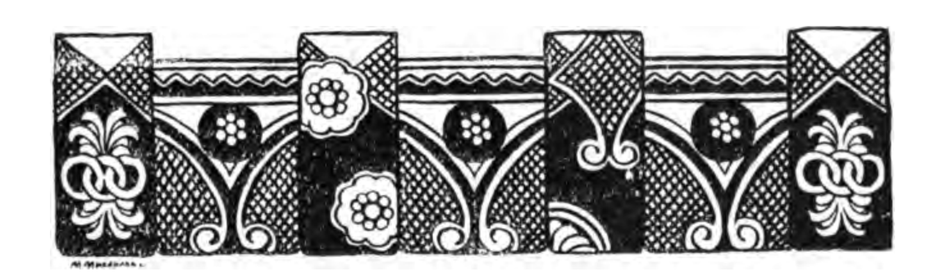
стѣнами этого «міра», а когда она придетъ сюда, она будетъ почтенная среди почтенныхъ, они, смотря на нее изъ своихъ дешевенькихъ рамокъ, не откажутъ ей въ уваженіи.

Если же она не угодитъ хозяевамъ — она съ ужасомъ иногда думаетъ объ этомъ—и ее отсюда погонятъ, тогда опять придется ей укладывать свои воспоминанія въ старинный обитый желѣвомъ сундукъ и снова таскать ихъ по грязнымъ кухнямъ чужихъ домовъ, безъ всякой надежды вновь когда нибудь пожить «среди своихъ».

И Машенька старается, Машенька выбивается изъ силъ вотъ уже второй годъ, а Анна Дмитріевна, налегая на нее, выжимаетъ изъ нея послѣдніе соки, сама того не подозрѣвая, и всюду говоритъ, что у нея золотая горничная, и что наконецъ она вполнѣ счастлива.

— Но пока я этого добилась, сколько я выстрадала!.. ахъ, повѣрите ли, просто не могу вспомнить безъ ужаса,—и глаза ея дѣйствительно выражали настоящій ужасъ.

И. Потапенко.



ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

НОГИХЪ замѣчательныхъ людей приходилось мнѣ встрѣчать въ своей жизни, быть съ ними въ болѣе или менѣе близкихъ сношеніяхъ, но никогда не имѣлъ я удовольствія видѣть «великаго писателя земли Русской», гр. Л. Н. Толстого; единственный лишь разъ удалось мнѣ быть и въ обществѣ И. С. Тургенева, хотя нѣтъ, кажется, сколько нибудь извѣстныхъ писателей второй половины минувшаго столѣтія, съ которыми я не былъ бы знакомъ. Случилось это осенью 1880 г., на знаменитомъ обѣдѣ, данномъ въ Петербургѣ въ честь И. С. Тургенева, въ ресторанѣ Бореля (нынѣ Кюба), что̀ на Большой Морской, противъ стараго Дюссо, который увѣковѣченъ былъ Пушкинымъ. Это было время, оставившее по себѣ глубокіе слѣды. М. Н. Катковъ обзывалъ его «диктатурой сердца», а всѣ вѣровавшіе въ него усвоили этому, къ сожалѣнію, краткому времени ласковое, добродушное наименованіе «новыхъ вѣяній». Казалось, наша дорогая, тысячелѣтняя Россія снова вступила въ эпоху свѣта и тепла. Многимъ хотѣлось отдыха и спокойствія послѣ бурь, невзгодъ и растратъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ «освободительную войну»; желалось новой плодотворной работы, чтобъ довершить, полнѣе и лучше осуществить начатое въ 1861—1865 годахъ. Открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ и бывшія по этому поводу торжества словно разогнали мрачныя тучи и освѣжили, оздоровили воздухъ. Въ августѣ 1880 года была закрыта «Верхов-

ная распорядительная комиссія», по представленію гр. М. Т. Лорисъ-Меликова, прекратило свое обособленное существованіе III Отдѣленіе, назначалась сенаторская ревизія для выясненія недостатковъ мѣстнаго управленія и собранія данныхъ, необходимыхъ для развитія и лучшей постановки земскаго, городского и крестьянскаго самоуправленія. Пересмотрѣны и смягчены были административныя взысканія. Подъ предсѣдательствомъ гр. П. А. Валуева образовалась комиссія для улучшенія законовъ о печати. Въ литературныхъ и издательскихъ кружкахъ состоялось нѣсколько собраній для выработки тѣхъ заключеній, которыя должны были представить въ эту комиссію «свѣдущіе люди», приглашенные съ этою цѣлью. Правительственные ряды стали оживляться новыми дѣятелями, повсюду слышались голоса въ пользу законности и порядка, о необходимости новыхъ школъ и широкаго просвѣщенія; въ обществѣ и печати проявлялось необычайное оживленіе. Среди этихъ-то «новыхъ вѣяній» и, можетъ быть, подъ вліяніемъ ихъ состоялся обѣдъ въ честь автора «Записокъ охотника», «Рудина» и «Отцовъ и дѣтей». Онъ находился въ Петербургѣ на обратномъ пути въ Парижъ, откуда прибылъ въ Россію нарочито для участія въ пушкинскихъ торжествахъ. Въ обѣденной залѣ было многолюдно и тѣсно. Участвовали почти всѣ наличные представители петербургской литературы, публицистики, художники, артисты; на такихъ обѣдахъ, какъ извѣстно, яства и питье отходятъ на второй планъ; всѣ ждутъ рѣчей и тостовъ. На тургеневскомъ обѣдѣ особенно удачную рѣчь произнесъ И. Ѳ. Горбуновъ отъ имени прославленнаго имъ, всѣмъ извѣстнаго «генерала Дитятина». Его превосходительство заявилъ, что онъ давно слѣдитъ за дѣятельностью отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева и въ первые годы относился къ ней съ понятнымъ сомнѣніемъ и даже безпокойствомъ, но въ настоящее время всѣ недоумѣнія разсѣялись, и онъ готовъ даже поощрить ее, сказать: «продолжайте, хорошо», въ надеждѣ получить въ отвѣтъ усердный откликъ: «рады стараться»... Поощрительное слово генерала Дитятина, произнесенное Горбуновымъ со свойственнымъ ему комизмомъ, вызвало общее сочувствіе и добродушнѣйшую улыбку на лицѣ Тургенева. Говорили Григоровичъ и многіе другіе. Наконецъ, всталъ Тургеневъ съ очевиднымъ намѣреніемъ поблагодарить за чествованіе и сказать заключительное отвѣтное слово. Всѣ бросились къ срединѣ главнаго стола, за которымъ находился маститый писатель. За шумомъ шаговъ и отодвигаемыхъ стульевъ трудно было разслышать первыя слова. Тургеневъ говорилъ тихо, скромно и какъ бы стѣсняясь. Онъ извинялся, что не умѣетъ и не привыкъ говорить, да и принадлежитъ къ тому времени, когда молчаніе предпочиталось дару слова. Онъ просилъ, поэтому, разрѣшенія прочесть то, что ему хотѣлось сказать, принимая пригла-

шеніе на обѣдъ. Затѣмъ Тургеневъ вынулъ изъ кармана четвертушку бумаги и прочелъ коротенькую рѣчь, въ которой указывалось, что привѣтствія его глубоко трогаютъ, что онъ относитъ ихъ ко всей литературѣ, которой желаетъ дальнѣйшаго процвѣтанія, среди новыхъ и лучшихъ порядковъ, свойственныхъ всѣмъ просвѣщеннымъ народамъ. Читалъ Тургеневъ безъ всякихъ подчеркиваній и «выразительныхъ» пріемовъ, съ старческимъ спокойствіемъ, добродушно, но съ увѣренностью и искренностью въ тонѣ. Взрывъ рукоплесканій покрылъ слова писателя; но громче ихъ раздался шипящій, желчный возгласъ Ѳ. М. Достоевскаго. Онъ подскочилъ къ Тургеневу съ трудно передаваемою раздражительностью и злобно кричалъ:

— Повторите, повторите, что вы хотѣли сказать, разъясните прямо, чего вы добиваетесь, что хотите навязать Россіи!..

Тургеневъ отшатнулся, выпрямился во весь свой ростъ, подавлявшій небольшого и тщедушнаго Достоевскаго, и развелъ руками, тѣмъ жестомъ, которымъ выражаютъ глубочайшее недоумѣніе и негодованіе.

— Что я хотѣлъ сказать, то сказалъ... Надѣюсь, всѣ меня поняли... А на вашъ допросъ, хотя бы и съ пристрастіемъ, отвѣчать не обязанъ!

Таковъ былъ отвѣтъ Тургенева. «Поняли, поняли!» — раздались голоса... Многіе были возмущены неумѣстной выходкой Достоевскаго, и всѣ были огорчены плохой развязкой тургеневскаго чествованія. Въ виду извѣстной вражды, существовавшей между двумя знаменитыми писателями, иные надѣялись, что участіе Достоевскаго въ обѣдѣ служитъ явнымъ признакомъ примиренія, а получились новые поводы къ розни и отчужденію. Началось за здравіе, а свелось на упокой. Такимъ и оказался этотъ литературный праздникъ. Во всѣхъ отношеніяхъ вышелъ прощальный обѣдъ. Обоихъ писателей чествовали уже только послѣ смерти.

Очень скоро, въ январѣ 1881 года, оставилъ насъ Достоевскій. Ему первому и былъ оказанъ особый почетъ, въ видѣ необычайной погребальной процессіи, съ вѣнками впереди. Не долго пожилъ и Тургеневъ. Хоронили его въ сентябрѣ 1883 года, когда останки его были привезены изъ Парижа. Похороны Тургенева по ихъ торжественности, по числу вѣнковъ и депутацій, превзошли всѣ прежнія и послѣдующія почести этого рода; съ тѣхъ поръ вѣнки возятъ только на колесницахъ. Въ свою очередь, и «новыя вѣянія» оказались непрочными, съ ними быстро пришлось распрощаться... Но то, что было въ нихъ добраго и здороваго, рано или поздно, оживетъ; возродится и благодарная память къ тѣмъ, кто прежде боролся и страдалъ за правду и пролагалъ дорогу къ свѣту и добру, опираясь на силу слова и убѣжденія.

При похоронахъ И. С. Тургенева произошло нѣсколько эпизодовъ, достойныхъ вниманія въ бытовомъ отношеніи. Необычайно длинная процессія растянулась отъ Варшавскаго вокзала до Загороднаго проспекта.

Стоялъ тихій, солнечный сентябрьскій день. Всѣ окна были растворены и наполнены публикой не только въ частныхъ домахъ, но и въ казармахъ Измайловскаго, Егерскаго и Семеновскаго полковъ. Простой народъ виднѣлся на крышахъ. По мѣрѣ появленія депутацій съ вѣнками (числомъ не менѣе 270) читались надписи и дѣлились впечатлѣніями. За гробомъ шли лица, снабженныя особыми билетами. Около Царскосельскаго вокзала къ провожавшимъ погребальную колесницу подошелъ генералъ въ полной парадной формѣ, въ лентѣ и другихъ орденахъ. Чрезъ нѣсколько минутъ къ нему подбѣжалъ полицейскій и, отдавая честь, заявилъ:

— Ваше превосходительство, безъ билета и военнымъ запрещено участвовать въ процессіи.

Генералъ молча продолжалъ итти.

— Ваше превосходительство, — настаивалъ полицейскій офицеръ,—нельзя-съ, есть приказъ....

— Не мѣшайте мнѣ молиться и итти за гробомъ писателя, котораго я съ дѣтства читалъ и почиталъ,—раздраженно и внушительно отвѣтилъ генералъ. Полицейскій опять взялъ подъ козырекъ и отошелъ въ сторону, а генералъ снялъ шапку и, распахнувъ шинель, еще ближе подошелъ къ гробу съ останками Тургенева. Провожавшіе сочувственно давали ему дорогу и мѣсто. Съ Загороднаго проспекта процессія повернула на Звенигородскую улицу и направилась далѣе къ Волкову кладбищу. При поворотѣ на Разстанную улицу стояли рогатки съ узкимъ проходомъ по срединѣ. Усиленный отрядъ полиціи пропускалъ только депутаціи, которыя располагались по обѣ стороны улицы до главной каменной кладбищенской церкви; образовалась длинная аллея вѣнковъ, зелени и цвѣтовъ, по которой прослѣдовала колесница. За ней рогатки еще болѣе сдвинулись, и началось нѣчто въ родѣ свалки. Требовалось предъявленіе билетовъ; всѣ спѣшили пройти скорѣе, толпились и многіе пробовали проскользнуть безъ билетовъ. Градоначальникъ, генералъ Грессеръ, по свойственной ему привычкѣ, принялъ личное участіе въ соблюденіи порядка.

— Безъ билета нельзя, не угодно ли назадъ!.. раздавался его голосъ.

— Не угодно ли не толкаться... Прикажите, генералъ, пропустить меня,—говорилъ какой-то господинъ, усиливаясь пройти.

— Кто вы такой, я прикажу васъ арестовать за безпорядокъ!..

— Я—Буренинъ...

— А-а! проходите скорѣе...

И В. П. Буренинъ былъ пропущенъ. Нѣтъ правила безъ исключеній. Кажется, подобныя исключенія въ данномъ случаѣ были

умѣстны: одно въ пользу военнаго генерала, другое въ пользу «генерала отъ критики».

Во время обѣдни и отпѣванія далеко не всѣ могли помѣститься въ церкви. Большинство толпилось у могилы и ожидало конца на паперти. Распоряжавшійся похоронами Д. В. Григоровичъ нѣсколько разъ суетливо выходилъ изъ церкви, съ безпокойствомъ подходилъ къ могилѣ и просилъ не испортить это послѣднее жилище своего стараго друга. Замѣтивъ меня, Григоровичъ подошелъ и торопливо, какъ бы участливо спросилъ:

— Вы, конечно, скажете нѣсколько словъ...

По глазамъ, по тону голоса ясно было, что Григоровичъ не безъ тревоги ожидалъ моего отвѣта и опасался непрошеннаго ораторства.

— Не собираюсь, Дмитрій Васильевичъ,—поспѣшилъ я успокоить его.—Мнѣ приходится говорить только у тѣхъ могилъ, которыя забываются друзьями и почитателями, или когда у нихъ языкъ прильпне къ гортани... Отъ избытка чувствъ, должно быть...

— Нѣтъ, отчего же?.. Мнѣ хотѣлось только знать, чтобъ соблюсти порядокъ рѣчей...

— Порядка я не нарушу, Дмитрій Васильевичъ.

Успокоенный Григоровичъ пожалъ мнѣ руку и возвратился въ церковь. Рѣчей надъ могилой Тургенева было мало, и особаго значенія онѣ не имѣли.

II.

Черезъ годъ, лѣтомъ 1884 года, умеръ В. Ѳ. Коршъ... Хоронили его на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, почти напротивъ памятника Некрасова. Почти буквально сбылось то, о чемъ я говорилъ Григоровичу. Проводить почтеннаго публициста и редактора весьма вліятельныхъ при немъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» собралось только нѣсколько десятковъ родныхъ и знакомыхъ; литераторовъ было очень мало. Во время отпѣванія ко мнѣ подошелъ родственникъ В. Ѳ. Корша, сынъ извѣстнаго критика Григорьева, и просилъ сказать рѣчь.

— Если вы не скажете, — прибавилъ онъ: — будетъ очень досадно; обидно—замолчать такого человѣка, страдальца!..

— Постараюсь,—отвѣчалъ я.

Рѣчь была произнесена по вдохновенію, безъ подготовки и растрогала многихъ. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», подъ редакціей В. Ѳ. Корша, началось мое сотрудничество въ столичной печати; съ добрѣйшимъ Валентиномъ Ѳедоровичемъ пришлось мнѣ работать и много лѣтъ спустя, когда ему суждено было превратиться въ бѣднаго, необезпеченнаго кускомъ хлѣба газетнаго работника и переводчика... Горькая участь русскаго публициста лучше всякаго краснорѣчія хватала за сердце у этого гроба.

Въ 1891 г., 15 іюля, исполнилось 50-лѣтіе со дня кончины М. Ю. Лермонтова. По порученію комитета «Литературнаго фонда» и правленія учрежденной при немъ кассы взаимопомощи, на мнѣ лежала обязанность заказа возможно болѣе торжественной панихиды. По давнему опыту зная, что начальство не слѣдуетъ утруждать излишними ходатайствами и сомнѣніями, ведущими къ «перепискѣ», къ собиранію «свѣдѣній и заключеній», я поѣхалъ въ канцелярію градоначальства съ заготовленнымъ объявленіемъ о панихидѣ и безъ всякаго затрудненія получилъ обычное разрѣшеніе на напечатаніе его въ газетахъ. На другой день, 14 іюля, появилось во всѣхъ газетахъ извѣщеніе о предстоящей годовщинѣ, и я отправился въ Казанскій соборъ, чтобы переговорить и условиться съ духовенствомъ и старостой собора. Дождавшись конца службы, я попросилъ доложить обо мнѣ служившему протоіерею. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ въ лѣвый придѣлъ алтаря и спросилъ, что мнѣ угодно. Я объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Вотъ такъ вы всегда, господа, поступаете: вольнодумничаете, а затѣмъ панихиды просите служить... Никакихъ демонстрацій и скандаловъ я не допущу!..

Пораженный этимъ неожиданнымъ «репримандомъ», я попробовалъ объяснить протоіерею, что учрежденія, устраивающія въ данномъ случаѣ панихиду, далеки отъ всякихъ демонстрацій, и выразилъ удивленіе, что на весьма почтительную просьбу получился такой рѣзкій и обидный отвѣтъ, безъ малѣйшаго къ тому повода и основанія.

— Какъ безъ основанія!..—воскликнулъ протоіерей: — а вотъ, къ примѣру сказать, Иванъ Тургеневъ. Бросилъ отечество, отщепился отъ церкви, братался съ анархистами, а какую демонстрацію устроили изъ его похоронъ!..

Не могу передать, какъ взволновали меня эти слова.

— Тургеневу были воздаңы тѣ почести, которыя подобаютъ великому писателю. Я имѣлъ удовольствіе встрѣчаться съ отцомъ Васильевымъ, бывшимъ священникомъ нашей церкви въ Парижѣ, а затѣмъ членомъ святѣйшаго синода. Отецъ Васильевъ въ самыхъ дружескихъ и почтительныхъ выраженіяхъ отзывался о Тургеневѣ, какъ и всѣ, близко знавшіе его.. Да и вообще, едва ли умѣстно въ данномъ случаѣ тревожить прахъ великаго писателя, восемь лѣтъ уже покоящійся въ землѣ. Тургеневъ оказалъ такія услуги русскому народу и обществу, которыя никогда не забудутся... Духовенству слѣдовало бы не отпираться, не отторгаться отъ вождей русской литературы...

— Ну, на сей счетъ можно быть и иного мнѣнія!..

— Прошу васъ, батюшка, кончимте эти тягостныя препирательства, къ которымъ, повторяю, я не подалъ ни малѣйшаго повода... Угодно ли вамъ отслужить панихиду, на которую имѣется уже надлежащее разрѣшеніе, о чемъ и объявлено въ газетахъ?

— И совершенно напрасно!.. Лермонтовъ убитъ на дуэли... Это приравнивается къ самоубійству... По самоубійцахъ панихидъ не служатъ...

— Пушкинъ тоже убитъ на дуэли, по немъ служили самыя торжественныя панихиды въ 1880 году въ Москвѣ и Петербургѣ... Въ 50-лѣтнюю годовщину смерти Пушкина, 29-го января 1887 года, по моему же заказу духовенство Казанскаго собора служило панихиду, въ этомъ самомъ храмѣ... Какое же основаніе къ нынѣшнимъ препятствіямъ?

— Прежняя ошибка или неправильность не оправдываетъ новыхъ...

— Это ваше послѣднее слово?

— Безъ особаго разрѣшенія владыки служить не стану!

Высказавъ это рѣшеніе, протоіерей повернулся и ушелъ въ алтарь.

Разсуждать и медлить было нельзя. Я поспѣшилъ домой, надѣлъ фракъ и поѣхалъ въ лавру.

По счастью, митрополитъ Исидоръ былъ въ своемъ лѣтнемъ скромномъ помѣщеніи и принялъ меня милостиво и любезно. Маститый архипастырь выразилъ удивленіе по поводу требуемаго отъ него разрѣшенія и, выслушавъ мои объясненія, поручилъ передать причту Казанскаго собора, что съ его стороны препятствій къ служенію панихиды нѣтъ, и что «судить Лермонтова не намъ, а Богу»...

На выраженное мною опасеніе, что моимъ словамъ протоіерей можетъ не повѣрить, высокопреосвященный владыка сказалъ:

— Какъ онъ можетъ не повѣрить!.. Пускай въ такомъ случаѣ явится сюда.

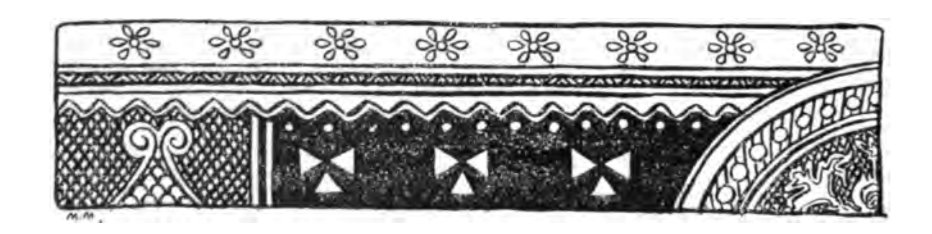
Изъ лавры я заѣхалъ къ себѣ, составилъ официіальное письмо о полученномъ разрѣшеніи и о словахъ, въ которыхъ оно было выражено, и повезъ это увѣдомленіе протоіерею.

Всѣ препятствія разомъ исчезли. На другой день панихида была отслужена соборнѣ, при участіи архимандрита, духовнаго цензора, а протоіерей произнесъ даже приличествующую случаю проповѣдь.

На панихидѣ 15-го іюля присутствовало достаточное число литераторовъ, много учителей и учащихся, несмотря на лѣтнюю опустѣлость Петербурга. Конечно, никакихъ «скандаловъ» и «демонстрацій»» не произошло.

Послѣ панихиды нѣкоторая часть литераторовъ и учителей отправилась въ ресторанъ «Медвѣдь», и здѣсь, за скромнымъ завтракомъ, была поднята чара въ память великаго поэта... Помянули его и добрымъ словомъ въ оживленной, не подготовленной бесѣдѣ.

Григорій Градовскій.



ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I).

I.

О ВРЕМЕНИ изданія закона 1894 года относительно поединковъ въ военной средѣ русская печать обогатилась нѣсколькими монографіями, изслѣдованіями, отдѣльными очерками, разбирающими вопросъ о дуэляхъ съ соціальной, этической и юридической точекъ зрѣнія.

Очевидно, вопросъ этотъ имѣетъ за собой и историческую сторону, которая такъ или иначе игнорируется изслѣдователями, что̀ не мѣшаетъ имъ, впадая въ грубыя историческія ошибки, выставлять извѣстныя положенія, претендующія на непоколебимость.

Это обстоятельство и обусловливаетъ появленіе настоящихъ очерковъ.

Всѣ они составлены на основаніи подлинныхъ дѣлъ, являющихся достояніемъ спеціальныхъ архивовъ, едва ли доступныхъ для публики, что̀ въ свою очередь обусловило и форму предлагаемыхъ очерковъ. За историческую вѣрность сообщаемыхъ здѣсь фактовъ можно ручаться.

Эпоха императора Александра I представляетъ собою любопытный моментъ въ исторіи вопроса о поединкахъ.

Съ одной стороны, законодательство положительно воспрещаетъ кому бы то ни было выходить на поединокъ или участвовать въ немъ тѣмъ или инымъ образомъ, и, слѣдовательно, поединокъ былъ преступнымъ дѣяніемъ, за которое, какъ мы увидимъ ниже, угро-

жали тяжкія наказанія; съ другой же стороны—общественное мнѣніе уже успѣло вылиться въ опредѣленную форму, и всякая обида, нанесенная дворянину, требовала для послѣдняго особой реабилитаціи, которая покоилась или на скрещенныхъ шпагахъ, или на пистолетныхъ выстрѣлахъ.

Однако, угроза закона не могла побѣдить сильное общественное мнѣніе: и вотъ на глазахъ виновныхъ и общества происходитъ интересный процессъ—законъ вырождается, теряетъ свое обаяніе, строгія наказанія не примѣняются, и поединки свободно циркулируютъ въ обществѣ и особенно въ арміи.

Въ первую четверть XIX столѣтія поединки регламентировались воинскимъ артикуломъ Петра Великаго и манифестомъ о поединкахъ Екатерины II-й. Для усвоенія важныхъ подробностей въ послѣдующемъ изложеніи необходимо въ самыхъ общихъ чертахъ познакомиться съ этими знаменитыми памятниками.

Грубоватый по формѣ военный артикулъ предписывалъ, чтобы каждый, получившій оскорбленіе, тотчасъ же отправлялся по начальству и заявлялъ ему объ этомъ; если же оскорбленный осмѣливался недонести объ этомъ, то онъ самъ подлежалъ довольно серьезному наказанію. Другіе законы того же времени указывали обиженному: или бей челомъ, или помирись.

Это требованіе, очевидно, было разсчитано на предупрежденіе поединковъ, и видѣть въ этомъ требованіи закона стремленіе охранить «честь и достоинство» представляется нѣсколько наивнымъ.

Законъ угрожалъ не только за поединокъ, но даже за вызовъ и за недонесеніе о вызовѣ; виновные подлежали «лишенію достоинствъ и чиновъ» и конфискаціи имущества. Даже слуга, который позволялъ себѣ относить «вызывательную цидулу», т.-е. вызовъ на письмѣ, подлежалъ наказанію шпицрутенами, если, разумѣется, онъ зналъ о содержаніи «цидулы».

«Жестокій штрафъ» угрожалъ противникамъ за выходъ на поединокъ и обнаженіе оружія; наконецъ, если поединокъ происходилъ, то дуэлисты подлежали повѣшенію за ноги и конфискаціи; отъ этихъ мѣръ не освобождались даже и убитые на поединкѣ.

Манифестъ Екатерины II-й смотрѣлъ на поединокъ значительно мягче: составленный подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ началъ XVIII столѣтія, онъ требовалъ: «да умолкнутъ своевольныя толкованія въ дѣлѣ, въ коемъ гласъ закона Божія соединяется съ гласомъ установленій военныхъ и гражданскихъ», вслѣдствіе чего воспрещалось «въ собственномъ дѣлѣ дѣлаться судьею», т.-е. выходить на поединокъ за нанесенную или полученную обиду.

Всякій, услышавшій о ссорѣ, долженъ былъ примирить противниковъ дружелюбно и стать посредникомъ, а при неуспѣхѣ предложить избрать имъ по одному надежному человѣку, которые въ теченіе одного и не болѣе трехъ дней прекращаютъ ссору и име-

немъ закона запрещаютъ «драку, или поединокъ». Если же у примирителей «есть опасеніе о поведеніи ссорящихся», то они обязаны увѣдомить о томъ начальство, а это послѣднее—военное или гражданское—развести ссорящихся и «дать имъ присмотръ», чтобы поединокъ не могъ состояться.

Манифестъ считалъ поединокъ нарушеніемъ судейской власти, вслѣдствіе чего съ виновнаго взыскивалось «судейское безчестье»—жалованье по чину судьи, которому дѣло было подсудно, а самъ вызыватель до уплаты заключался подъ стражу.

Наказанію за поединокъ должны были подвергаться примирители, посредники, секунданты и даже находившіеся, хотя бы случайно при ссорѣ, люди.

Кромѣ того, манифестъ увѣщевалъ гражданъ жить мирно, а находящихся на службѣ—оказывать послушаніе начальству. Точно также манифестъ воспрещалъ лицу, состоящему или состоявшему на службѣ, вызывать на поединокъ своего начальника «касательно взысканія по службѣ» или даже и по частнымъ дѣламъ.

Таковы были законы о поединкахъ.

По отдѣльнымъ случаямъ можно будетъ составить представленіе о томъ, какъ эти законы примѣнялись, и насколько они оказались жизнеспособными и примѣнимыми.

II.

Дуэль генерала съ камеръ-юнкеромъ.

I.

Корнетъ Чернышовъ стоялъ передъ графомъ Венансономъ и утверждалъ, что министерское управленіе, которое тогда только-что вводилось въ Россіи, значительно хуже управленія коллегіальнаго. Венансонъ молчалъ и только время отъ времени отрицательно покачивалъ головою.

— Ты говоришь: «дьяки и дьяки»!—возмущался Чернышевъ.— Но вѣдь какое знаніе у этихъ дьяковъ!... Они во всемъ свѣдущи, всегда все указать могутъ, разъяснить...

— Обмануть, схитрить...—добавилъ Венансонъ,—а отвѣчать за это некому...

— И опять неправда! Отвѣчать долженъ...—началъ было Чернышевъ, но въ эту минуту вошелъ слуга и подалъ ему письмо, на конвертѣ котораго значилось «нужное».

Чернышевъ вскрылъ письмо и началъ читать. По мѣрѣ чтенія лицо его становилось серьезнѣе.

— Отъ кого это?—спросилъ Венансонъ.

— Отъ Кушелева. Представь себѣ: теперь онъ долженъ ѣхать въ Кавказскій полкъ, въ гренадеры, а тутъ такая непріятная исторія... Гм.. что же дѣлать?.. Я совершенно новичокъ въ этомъ дѣлѣ.

— Какой это Кушелевъ? — спросилъ Венансонъ: — камеръюнкеръ?

— Да... онъ самый! — отвѣчалъ Чернышевъ и, протягивая къ Венансону письмо, сказалъ: — не угодно ли прочесть?

Венансонъ взялъ письмо и прочелъ въ немъ слѣдующее:

«Ты, вѣроятно, не знаешь, другъ мой, что шесть лѣтъ тому назадъ, въ бытность мою подпрапорщикомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, со мною случилось несчастіе, которое всю жизнь должно меня преслѣдовать. Тогда мнѣ было едва 14 лѣтъ, и всѣхъ тонкостей военной науки и экзерцицій точно уразумѣть я не могъ. И вотъ, будучи однажды посланъ на главный караулъ, я сдѣлалъ какую-то незначительную оплошность. Генералъ-майоръ Бахметевъ, случившійся здѣсь, ударилъ меня за это своею палкою. До сихъ поръ при семъ воспоминаніи у меня содрогается сердце. Такъ велика была обида, мнѣ нанесенная. Но въ тѣ времена мой подпрапорщичій чинъ не позволялъ мнѣ искать сатисфакціи, пристойной дворянину, обиду же сію всегда такъ великою считалъ, что никакое время не могло истребить оной изъ памяти моей.

«Ты можешь подумать, что мстительная злоба занимаетъ мои чувства. Отнюдь нѣтъ, но мнѣніе общества, коего строгія правила каждому извѣстны, и съ коими я, какъ членъ, долженъ согласоваться, и по чувствамъ благородства требуется отъ меня извѣстное дѣйствіе, дуэлью именуемое. Четыре дня тому назадъ генералъмайоръ Бахметевъ далъ мнѣ слово удовлетворить въ той обидѣ. Я требовалъ отъ него сатисфакціи, какъ высочайшаго двора камеръюнкеръ, ибо, хотя по моему желанію и опредѣленъ я штабсъ-капитаномъ въ армію, но не лишенъ и того чину, которымъ считаюсь при дворѣ.

«А потому прошу тебя, какъ друга и родственника, принять участіе въ охраненіи моей чести. Я не увижу Кавказа, пока моя совѣсть не успокоится. Увѣдомь о семъ моемъ рѣшеніи графа Венансона и попроси его отъ меня пріѣхать ко мнѣ вмѣстѣ съ тобой для окончательныхъ переговоровъ. Дуэль назначена на 12-е октября.

«Сохрани все сіе въ тайнѣ отъ моихъ родителей, дабы мысль объ опасности, съ боемъ сопряженной, не заставила ихъ принять мѣры къ пресѣченію мнѣ способовъ избавить себя отъ тяжелаго сознанія оскорбленнаго дворянскаго достоинства и военной чести. Въ полномъ упованіи на твое содѣйствіе

«Твой Кушелевъ».

— Ну, что скажешь на все это?—живо спросилъ Чернышевъ, когда Венансонъ окончилъ чтеніе.

— Ничего не скажу!—отвѣтилъ графъ.—И не хочу ѣхать къ нему и мѣшаться въ чужіе счеты... Я — майоръ, и мнѣ неловко передъ генераломъ... А потомъ еще подвергайся отвѣтственности...

— Полно... Вотъ пустяки... Ну, посадятъ въ крѣпость... Не важность...

— Садись, если угодно, а я не желаю... Твой Кушелевъ—ребенокъ и ребенкомъ получилъ заслуженное наказаніе. Не понимаю, почему онъ не вызоветъ на дуэль свою няньку, которая въ дѣтствѣ его сѣкла и, по всей вѣроятности, очень плохо... Онъ и теперь еще продолжаетъ ребячество...

— Послушай, — перебилъ его Чернышевъ, — если ты отказываешься отъ чести быть секундантомъ, то потрудись не глумиться надъ Кушелевымъ, потому что...

— Напрасно думаешь, что я глумлюсь... Я вообще—противникъ дуэлей, а въ настоящемъ случаѣ только объясняю причины, которыя мнѣ препятствуютъ принять лестное предложеніе.

— Какъ знаешь... — отвѣтилъ Чернышевъ. — У каждаго свои понятія. Но я тебя попрошу не разглашать содержанія письма... Жалѣю, что далъ тебѣ прочесть его...

— Успокойся!—хладнокровно замѣтилъ Венансонъ.—Отъ этого ни тебѣ, ни другу твоему хуже не будетъ...

Пріятели замолчали. Венансонъ молча допилъ стаканъ вина, подалъ Чернышеву руку и вышелъ изъ квартиры. Вслѣдъ за тѣмъ Чернышевъ одѣлся и помчался къ Кушелеву. Дуэль была для него явленіемъ необыкновеннымъ, новымъ, опаснымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заманчивымъ.

— По долгу секунданта, я обязанъ его отговаривать,—думалъ онъ по дорогѣ: — если я не сдѣлаю этого, то нарушу обязанность и нравственную, и законную... Конечно, я долженъ это сдѣлать, но Кушелевъ, безъ сомнѣнія, не согласится... Обида — слишкомъ тяжела... Но главное—тайна и молчаніе... Напрасно я Венансону сообщилъ!...

Кушелевъ встрѣтилъ Чернышева съ многозначительнымъ видомъ, провелъ его въ свою комнату и заперъ ее на ключъ. И до поздней ночи товарищи обсуждали планъ будущихъ дѣйствій.

Изъ этого разговора Чернышевъ узналъ, что дуэль должна быть серіозной; однимъ изъ самыхъ важныхъ условій было стрѣлять до первой раны, независимо отъ числа осѣчекъ и промаховъ.

— Только, пожалуйста, дѣлай все осторожнѣе!—убѣждалъ Кушелевъ своего секунданта.—Мой отецъ еще ничего не знаетъ объ этомъ, но уже замѣчаетъ какъ будто, что у меня что-то готовится. Я, конечно, стараюсь не показывать вида, пропадаю изъ дома...

Но, знаешь, эти людскія уши да языки... Твой графъ Венансонъ, конечно, не выдастъ, но все-таки я жалѣю, что онъ знаетъ о дуэли...

Въ заключеніе товарищи рѣшили, что завтра должны состояться окончательные переговоры между секундантами относительно всѣхъ подробностей поединка.

II.

Генералъ-майоръ Бахметевъ, еще сравнительно молодой человѣкъ съ засеребрившимися висками, остановился у подъѣзда и дернулъ торопливо звонокъ.

Это былъ домъ члена военной коллегіи комиссаріатской экспедиціи, генералъ-майора Ломоносова.

Хозяинъ былъ еще въ постели, когда ему доложили о пріѣздѣ Бахметева. Онъ быстро одѣлся, умылся и вышелъ къ раннему гостю съ самой радостной улыбкой на губахъ, которая, однако, при первыхъ же словахъ Бахметева совершенно исчезла, смѣнившись выраженіемъ серіозности.

— Представьте себѣ, — разсказывалъ Бахметевъ, — пріѣзжаетъ вчера ко мнѣ какой-то армейскій штабсъ-капитанъ, по фамиліи Кушелевъ... Какъ я узналъ потомъ—сынъ сенатора... Молодой человѣкъ, почти безусый... и самымъ вѣжливымъ тономъ заявляетъ мнѣ, что въ 1797 году, когда онъ былъ еще подпрапорщикомъ, онъ получилъ отъ меня ударъ палкою въ караулѣ. Мало ли кого я палкою колотилъ, не могу же я всѣхъ помнить. Колотилъ—такъ колотилъ... Хорошо... И требуетъ сатисфакціи, какъ камеръ-юнкеръ двора...

— И ты, конечно, выпроводилъ его?—спросилъ Ломоносовъ.

— Нѣтъ, не выпроводилъ!—отвѣтилъ Бахметевъ.—Я ему сказалъ, что дѣйствительно на своемъ вѣку я многихъ угощалъ палкою, особенно за служебныя упущенія; можетъ быть, въ томъ числѣ и ему досталось. Разумѣется, если самъ битый, да еще офицеръ, говоритъ, что ты его ударилъ, — значитъ ударилъ. Я и говорю ему: «Не смѣю сомнѣваться, милостивый государь, въ правдивости словъ вашихъ. И ежели вы считаете себя—оскорбленнымъ, меня — оскорбителемъ и требуете сатисфакціи, то я готовъ дать вамъ удовлетвореніе!».

— Это ты сказалъ?! — воскликнулъ Ломоносовъ. — Но съ какой стати?

— По долгу дворянина. Да это все равно: по первому требованію въ этихъ случаяхъ должно дѣлать исполненіе! — замѣтилъ Бахметевъ.— И ты, конечно, понимаешь меня...

— Такъ, такъ... Ну, дальше!...

— Ну, послѣ этого онъ спрашиваетъ меня: «Вы, ваше превосходительство, даете честное слово?» Я ему отвѣчаю на это, что мои слова всѣ честныя... Тогда онъ говоритъ: «дуэль на пистоле-

тахъ въ окрестностяхъ Петербурга». Я его остановилъ и сказалъ, что объ этомъ условятся наши секунданты; однако же условіе драться до первой раны я принялъ охотно... Такъ вотъ я и прошу тебя быть моимъ секундантомъ...

— Что жъ, я согласенъ!—вздохнулъ Ломоносовъ.—Но все-таки не надо было доводить дѣло до дуэли. Поводъ-то такой странный и необыкновенный...

— Нечего дѣлать... Теперь, братъ, поѣдемъ къ кому нибудь... ну, хоть къ Багратіону... и прихватимъ его съ собою...

Ломоносовъ поднялся съ кресла, покачалъ головою и сталъ одѣваться.

Черезъ полчаса они были уже въ домѣ Багратіона, который бесѣдовалъ, сидя за завтракомъ, съ генераломъ Депрерадовичемъ.

— Вотъ не ожидалъ васъ видѣть у себя!—сказалъ Багратіонъ, принимая гостей. — Пожалуйте въ столовую... Очень радъ, очень радъ... Антонъ, приборы!...

— Мы къ вамъ по очень важному дѣлу,—замѣтилъ Бахметевъ.

— Великолѣпно! — усмѣхнулся Багратіонъ.— Хорошій завтракъ и вино дѣла портить не могутъ!...

— Я пріѣхалъ звать васъ въ секунданты, — сказалъ Бахметевъ, садясь на стулъ.

Багратіонъ вскинулъ на него глаза и помолчалъ немного.

— Да-а... — протянулъ онъ. — Такое дѣло, пожалуй, можетъ испортить и завтракъ, и вино! А все-таки я буду ѣсть и попрошу васъ, несмотря ни на что, послѣдовать моему примѣру... Съ кѣмъ же вы деретесь?...

Бахметевъ разсказалъ о пріѣздѣ къ нему Кушелева, заявивъ при этомъ, что вопросъ о дуэли разрѣшенъ окончательно, и отъ Багратіона зависитъ теперь лишь выразить свое согласіе или отказать въ содѣйствіи.

— Кушелевъ?! — задумался Багратіонъ. — Вѣдь это мальчикъ, сынъ тайнаго совѣтника... Ну, нѣтъ, извините, а этой дуэли не бывать... положительно не бывать!...

— Успокойтесь, князь... Это дѣло рѣшенное, и о немъ мы говорить не станемъ,—сказалъ съ неудовольствіемъ Бахметевъ.

— Нѣтъ, не такъ!—перебилъ его Багратіонъ и нервно поднялся изъ-за стола.—Это невозможно... Вы, ваше превосходительство, поступили неосмотрительно... И я вамъ это докажу...

— Я говорилъ то же самое!—промычалъ Ломоносовъ.

— Присоединяюсь къ вашему сужденію!—вставилъ Депрерадовичъ.

— Видите? видите?—подхватилъ Багратіонъ.—Да иначе и быть не можетъ... Я васъ понимаю, вы не рѣшились отказаться отъ дуэли, потому что васъ вызывали. Очень хорошо... Но вѣдь вы обязаны были разъяснить этому мальчику, что требованіе его не

подлежитъ удовлетворенію. Почему? вы хотите знать—почему? Я вамъ отвѣчу: потому, что обиды Кушелеву нанесено не было. Вы—начальникъ, ударили подчиненнаго... но не съ цѣлью оскорбить его честь, а съ цѣлью поправить оплошность, погрѣшность. Онъ могъ тогда же принести жалобу высшему начальству, и съ васъ было бы взыскано... Да-съ... взыскано... Но вы намѣренія обидѣть его не имѣли... Это всѣмъ ясно... очевидно.

— Я смотрю на это иначе!—не соглашался Бахметевъ.

— Вы не можете смотрѣть иначе!—воскликнулъ Багратіонъ.—Такъ требуетъ долгъ службы, который вы знаете не хуже меня. Наконецъ, я и это оставлю въ сторонѣ. Взгляните на дѣло съ другой точки: вы и Кушелевъ стоите другъ къ другу въ особыхъ отношеніяхъ. Вы—генералъ, онъ—штабсъ-капитанъ...

— И камеръ-юнкеръ!—вставилъ Бахметевъ.—Онъ вызвалъ меня на дуэль, какъ камеръ-юнкеръ...

— Извините, но я этого не понимаю!—горячился Багратіонъ.—Но вѣдь обида-то нанесена вами подпрапорщику, а удовлетворенія проситъ штабсъ-капитанъ... Извините, здѣсь много противорѣчій. Подумайте, генералъ, что будетъ, когда объ этомъ дойдетъ до свѣдѣнія нашей арміи... Я увѣренъ, что тогда всѣ бывшіе подчиненные своихъ бывшихъ начальниковъ на дуэль вызывать начнутъ: тотъ оскорбился словомъ, этотъ—движеніемъ, на того—посмотрѣли не такъ. Ахъ, ваше превосходительство, вѣдь этакъ вы всю дисциплину расшатаете и сломите, ничего отъ нея бѣдной не останется.

— Именно, именно!—подхватилъ Депрерадовичъ.—Я такого же мнѣнія...

— Хорошенько его, дуэлиста, хорошенько!—подзадоривалъ Ломоносовъ, видя, что Бахметевъ какъ бы началъ колебаться и пересталъ почти возражать.

— Я иду дальше!—продолжалъ Багратіонъ, нѣсколько успокоиваясь. — Что будутъ говорить въ обществѣ, когда узнаютъ, что почтенный генералъ давалъ удовлетвореніе мальчишкѣ, молокососу за какую-ту легендарную обиду... Клянусь вамъ, что и въ обществѣ вашъ поступокъ будетъ признанъ... извините—не серьезнымъ. И всѣ скажутъ то же самое, что говорю и я... Во всякомъ случаѣ, вы вашей дуэлью отнимете у нея главное качество—быть средствомъ возстановленія поруганной чести, вы уроните самое понятіе о поединкѣ... Наконецъ, подумайте, ваше превосходительство, что подумаетъ, что скажетъ государь, до котораго дѣло это не можетъ не дойти... Какъ онъ можетъ отнестись къ вашему поступку? Что ни говорите, но поединокъ—преступленіе. Петръ Великій дуэлистовъ за ноги вѣшалъ... А въ вашемъ дѣлѣ ничего нѣтъ такого, что оправдывало бы васъ. Наоборотъ, государь будетъ очень недоволенъ...

— Конечно, это такъ!—замѣтилъ Депрерадовичъ.—И вы, какъ генералъ, которому дороги интересы военной службы, должны забыть ваше рѣшеніе и принять другое—противоположное.

— Да, да... Подумайте, генералъ!—наставительно сказалъ Багратіонъ.—Разумѣется, я отъ вашего предложенія быть секундантомъ положительно отказываюсь... А вы должны отказаться отъ дуэли. Вашъ поступокъ будетъ принятъ всѣми и вездѣ очень дурно... Повѣрьте мнѣ...

— Но что же я буду дѣлать?!—съ отчаяніемъ воскликнулъ Бахметевъ.—Вы думаете, я не понимаю этого? Я все взвѣсилъ, все обдумалъ. Но если къ вамъ приходятъ и требуютъ немедленно отвѣта, развѣ можно тутъ отговариваться? Долгъ каждаго честнаго человѣка отвѣтить на это: «Да, согласенъ!» Иначе я поступить не могъ...

— Вы должны были поступить иначе!—твердо сказалъ Багратіонъ.—И я берусь успокоить васъ и вашего противника, такъ что этой дуэли не будетъ, и все устроится само собою...

— Какъ же это?—спросилъ Бахметевъ.—Не извиненіе же мнѣ просить!

— Ваше превосходительство!—укоризненно покачалъ головою Багратіонъ.—Гдѣ идетъ дѣло о чести, тамъ дѣйствуютъ такими путями, какіе предписаны честью... Я позволю себѣ дѣло уладить... Но помните—я заранѣе отказываюсь отъ всякаго дальнѣйшаго посредничества, какъ только меня постигнетъ неуспѣхъ.

— Дѣлайте, какъ хотите!—согласился Бахметевъ.

— Вы, генералъ, посидите у меня... дома! Въ комнатѣ много новыхъ журналовъ... только что прислали... Я вамъ свои новыя гравюры покажу,—сказалъ Багратіонъ.—А мы пока съ Депрерадовичемъ отправимся кое-куда...

— Я въ вашей власти!—отвѣтилъ Бахметевъ.

Скоро Багратіонъ и Депрерадовичъ уѣхали, Ломоносовъ отправился въ военную коллегію въ присутствіе, и Бахметевъ остался одинъ.

III.

Тайный совѣтникъ Кушелевъ былъ очень удивленъ, когда ему доложили о пріѣздѣ двухъ генераловъ — Багратіона и Депрерадовича. Съ Багратіономъ онъ былъ хорошо знакомъ, но другого генерала зналъ только въ лицо.

— Чѣмъ могу служить?—съ радушнымъ видомъ привѣтствовалъ старикъ пріѣхавшихъ.

— Очень многимъ, ваше превосходительство!—отвѣтилъ весело Багратіонъ, усаживаясь въ кресло. — Вы знаете, что когда вашему сыну было 14 лѣтъ, то ему было нанесено кровное оскорбленіе?—спросилъ онъ Кушелева.

— Въ 14-ть лѣтъ и кровная обида?—засмѣялся тотъ.—Нѣтъ' не знаю-съ.

— Очень жаль! Такъ вотъ вашъ сынъ, движимый чувствомъ сей обиды, вызвалъ на поединокъ генерала Бахметева... знаете, который числится по арміи?!

— Мой сынъ?.. Бахметева?—изумился старикъ. Это —невозможно! за что же?

Багратіонъ очень комично передалъ сцену ссоры, вызова и нарисовалъ картину будущей дуэли.

Старикъ слушалъ серьезно и внимательно; на его умномъ и выразительномъ лицѣ сквозило желаніе не знать того, во что его посвящали.

— Отлично!—произнесъ онъ, когда Багратіонъ кончилъ.—Но я не знаю, что могу сдѣлать въ этомъ случаѣ? Мое правило—не вмѣшиваться въ дѣла сына. И разъ онъ счелъ необходимымъ поступить такъ, а не иначе, я становлюсь въ сторону.

— Какъ это можно?!—воскликнулъ Багратіонъ.—Но вѣдь общество можетъ отнестись къ этому очень нежелательно для него.

— Сынъ считаетъ нужнымъ исполнить желанія или требованія общества!.. твердо отвѣтилъ сенаторъ.

— Но какъ на это взглянетъ государь?—продолжалъ Багратіонъ.—Онъ можетъ узнать объ этомъ и о томъ, что вы не приняли никакихъ мѣръ къ удержанію сына отъ дуэли...

— Я не могу насиловать сына. Пусть поступаетъ онъ по убѣжденіямъ. Богъ и государь —ему судьи...

— Но если онъ будетъ... убитъ?—спросилъ Багратіонъ, смотря въ упоръ на отца.

Тотъ улыбнулся и сказалъ:

— Тогда одинъ судья — Богъ!..

Багратіонъ, видя такое спокойствіе и хладнокровіе, заволновался.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—вы оправдываете вашего сына? Да? и не примете никакихъ мѣръ къ примиренію его съ Бахметевымъ? Я ничего не понимаю...

— Князь!—серьезно воскликнулъ Кушелевъ.—Если бы Бахметева на дуэль вызвалъ я, тогда, пожалуй, я могъ бы отвѣтить на всѣ ваши вопросы. Но вѣдь мой сынъ—человѣкъ молодой, но уже взрослый. Не соблаговолите ли переговорить съ нимъ лично? При этомъ, ваше сіятельство, я беру съ васъ слово, что, ежели вы не успѣете въ вашемъ добромъ начинаніи у сына, то вы не обратитесь къ его матери и не заставите женское сердце страдать и обливаться кровью. Я увѣренъ, что вы понимаете меня, такъ какъ изъ-за любви къ матери, пожалуй, можно рѣшиться на все...

Кушелевъ позвонилъ. Явился лакей, которому было приказано пригласить сына.

Черезъ минуту на порогѣ показался Кушелевъ-сынъ. Онъ видимо догадался о цѣли посѣщенія, смѣшался, но быстро оправился и вошелъ въ комнату.

Старикъ Кушелевъ съ ласковой улыбкой на лицѣ, но, не глядя ни на кого, сказалъ сыну:

— Генералы обратились ко мнѣ съ просьбою примирить тебя съ Бахметевымъ. Я прошу тебя, если ты находишь это возможнымъ, исполни желаніе генераловъ, но еще больше прошу дѣйствовать по убѣжденіямъ и чести!.. и старикъ замолкъ.

— Я не знаю, отецъ, что нужно сдѣлать... потупился молодой Кушелевъ.

— Что дѣлать?—переспросилъ Багратіонъ.—Ѣхать сейчасъ съ нами, чтобы объясниться съ Бахметевымъ... У васъ... между вами... случилось то, что, по моему мнѣнію, должно причинить огромный вредъ какъ обществу и арміи, такъ и вашимъ родственникамъ... и наконецъ—лично вамъ...

— Ваше превосходительство!—почтительно возразилъ Кушелевъ младшій. — Я уже объяснялся съ генераломъ. Обида моя можетъ быть снята или поединкомъ, или извиненіемъ со стороны генерала. На поединокъ онъ согласенъ...

— А извиненіе вамъ будетъ черезъ часъ!—засмѣялся Багратіонъ. — Вотъ что, молодой человѣкъ, надѣвайте шинель и ѣдемъ. Экипажъ ждетъ уже насъ. Вы ничего не имѣете противъ этого?—спросилъ онъ у отца.

— Конечно, нѣтъ!—сказалъ тотъ.—И я буду искренно радъ, если дѣло уладится безъ пороха и крови... Везите сына, куда угодно... Онъ, я увѣренъ, поддержитъ съ достоинствомъ честь своей фамиліи!—замѣтилъ многозначительно отецъ, когда уже они были въ передней.

Мы не будемъ описывать того, что случилось въ квартирѣ князя Багратіона, когда самъ хозяинъ долго убѣждалъ противниковъ помириться. Бахметевъ не считалъ возможнымъ принести извиненіе, Кушелевъ требовалъ только послѣдняго. Князь угрожалъ дуэлистамъ довести объ ихъ рѣшеніи до свѣдѣнія начальства, умолялъ ихъ протянуть другъ другу руки, но противники оставались непоколебимыми.

— Богъ съ вами!—произнесъ утомленный Багратіонъ.—Не хотите, — пусть такъ! Я умываю руки... Я свое дѣло сдѣлалъ, остальное—на вашей совѣсти и во власти Бога!..

IV.

Штабъ-лѣкарь кавалергардскаго полка, Адольфъ Карловичъ Шмидтъ, сидѣлъ за фортепіано со своею дочерью и разучивалъ трудную пьесу въ четыре руки. Онъ громко считалъ: «разъ, два,

три!», но вдругъ на одномъ тактѣ остановился и пристально посмотрѣлъ на свою Шарлотту.

— Такъ... какъ!.. произнесъ онъ, не спуская глазъ съ дочери.

Та не понимала, въ чемъ дѣло, и тоже смотрѣла на отца.

— Такъ... такъ!... — повторилъ Адольфъ Карловичъ. — Всегда такъ...

— Въ чемъ дѣло, папа?—спросила Шарлотта.

— Въ чемъ?! Мы съ тобой spielen... соната интересный, а тамъ, можетъ, умираетъ...

— Кто умираетъ?—недоумѣвала дочь.

— Больной... очень больной!.. Онъ уже умеръ... а ты сонату... Ай-ай!.. Какое число сегодня? 12-е? да? Я тебя просилъ всегда напоминать число... Я помню день: Freitag, суббота, но число я не помнилъ... И вотъ сегодня число, когда больной умираетъ, а врачъ сидитъ и играетъ сонату... И дочь его тоже сонату...

— Папа, что ты говоришь? кто умираетъ? Ничего не понимаю!..

— Не понимаешь? а число зачѣмъ не напоминаешь?.. Вчера пришелъ корнетъ Tschernischow и сказалъ, что 12-е число больной можетъ умереть... вечеромъ онъ можетъ умереть, когда ты играешь сонату. Я говорю корнету Чернышеву, почему больной можетъ умереть. Ежели онъ умираетъ, то лучше я пойду вчера... А корнетъ говоритъ: «Нѣтъ, вечеромъ 12 число приходите по адресу. Тамъ будетъ умирать больной».

— Въ такомъ случаѣ иди, папа! Теперь уже около семи часовъ вечера...

— Да, я долженъ итти!..

Адольфъ Карловичъ одѣлся и торопливо вышелъ изъ дому. На дворѣ шелъ мелкій осенній дождь; улицы были грязныя; висѣлъ густой туманъ. Онъ долго искалъ домъ, указанный ему корнетомъ Чернышевымъ, и наконецъ остановился у подъѣзда, гдѣ жилъ генералъ Бахметевъ.

Увидѣвъ странную фигуру, которую впотьмахъ трудно было даже разглядѣть, лакей генерала заявилъ, что барина нѣтъ дома, и что онъ вернется, можетъ быть, ночью.

— Да, да!.. — замѣтилъ Шмидтъ. — Я знаю, но мнѣ нужно не барина, а больного... Онъ въ 12-е число долженъ умереть...

Лакей попытался еще разъ объяснить Адольфу Карловичу, что генералъ вернется поздно, но, раздосадованный непониманіемъ посѣтителя, просто захлопнулъ передъ его носомъ дверь и ушелъ.

Адольфъ Карловичъ постоялъ немного, попробовалъ позвонить еще нѣсколько разъ и, отчаявшись увидать лакея, двинулся обратно. На дорогѣ ему пришла мысль зайти къ Чернышеву и потребовать отъ него объясненія. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Чернышевъ, увидя Шмидта, сконфузился, раздѣлъ его и посадилъ въ кресло передъ каминомъ.

— Ахъ, дорогой Адольфъ Карловичъ,—заговорилъ онъ,—я передъ вами очень виноватъ... Вы напрасно прогулялись... Извините!.. Но вотъ въ чемъ дѣло: тотъ больной, о которомъ я вамъ вчера говорилъ, уѣхалъ по дѣламъ... Но онъ вернется черезъ день, и тогда...

— Какъ уѣхалъ?—удивился Шмидтъ.—Вѣдь онъ сегодня вечеромъ долженъ былъ умереть!.. Это вы сами говорили...

— Да, да... Но сегодня ему стало получше, и онъ уѣхалъ не надолго... Онъ вернется черезъ день или черезъ два... Тогда васъ позовутъ... Я забылъ васъ предупредить, что больной сегодня долженъ ѣхать по дѣламъ. Ужъ вы извините...

— Ничего, ничего! Только пусть въ другой разъ больной не уѣзжаетъ...

И Адольфъ Карловичъ поплелся домой.

Инцидентъ со Шмидтомъ объяснился впослѣдствіи просто: Чернышевъ пригласилъ его прійти къ Бахметеву, чтобы ѣхать съ нимъ на мѣсто дуэли, не говоря ему о послѣдней ни слова, во избѣжаніе отказа; но 12-го числа дуэль не состоялась, и услуги Адольфа Карловича не понадобились.

Дуэль же не состоялась въ назначенный день въ силу одного обстоятельства, которое читатель узнаетъ изъ слѣдующей главы.

V.

Кушелевъ утромъ 12-го октября чувствовалъ себя крайне взволнованнымъ въ виду предстоящей дуэли, которая должна была произойти въ 4 часа дня въ пяти верстахъ отъ Петербурга. Онъ нервно ходилъ по своему кабинету и насвистывалъ одинъ и тотъ же мотивъ. Изрѣдка онъ призывалъ лакея и отрывистымъ тономъ заявлялъ ему, что въ комнатѣ очень холодно, что въ каминъ необходимо наложить дровъ, и что вообще въ Петербургѣ осени стали слишкомъ холодны. Лакей молча выслушивалъ и исполнялъ желанія молодого офицера.

Около 11-ти часовъ дня къ нему вошелъ отецъ, стараясь не показать на своемъ лицѣ безпокойства; но по растерянному нѣсколько виду, по легкому дрожанію въ голосѣ было замѣтно, что старикъ не спокоенъ и во всякомъ случаѣ дурно спалъ ночь. Онъ ласково поздоровался съ сыномъ, заговорилъ было съ нимъ, но бесѣда не налаживалась, слова расходились съ чувствами и мыслями.

— Ну, прощай! — произнесъ старикъ. — Мнѣ въ сенатъ надо ѣхать... Дѣлъ много!

— До свиданья, отецъ!—проговорилъ Кушелевъ...

Старикъ пожалъ руку сына, поцѣловалъ его въ лобъ и произнесъ:

— Пожалуйста, къ матери не заходи сегодня... до вечера!.. У тебя нехорошій видъ...

И на этомъ они разстались.

Не прошло и четверти часа со времени отъѣзда Кушелева-отца, какъ въ кабинетъ сына вошелъ лакей и съ таинственнымъ видомъ сообщилъ, что какой-то офицеръ желаетъ его видѣть по самому неотложному дѣлу.

— Проси! — съ недоумѣніемъ подернулъ плечами Кушелевъ и затѣмъ скоро увидалъ въ дверяхъ офицера въ адъютантской формѣ и съ крайне озабоченнымъ лицомъ.

— Честь имѣю представиться,—сказалъ вошедшій:—адъютантъ санктъ-петербургскаго военнаго губернатора.

— Чѣмъ могу служить?—произнесъ блѣднѣя Кушелевъ.

— По приказанію его превосходительства, прошу васъ слѣдовать за мною.

— Но куда и зачѣмъ? — упавшимъ голосомъ проговорилъ Кушелевъ.

— О томъ не могу знать,—воскликнулъ адъютантъ.—Я только передаю вамъ приказаніе генерала.

— Но я не могу ѣхать... мнѣ нездоровится... я боленъ...

— Какъ угодно?! Въ такомъ случаѣ, по приказанію военнаго губернатора, штабсъ-капитанъ Кушелевъ долженъ быть доставленъ силою...

— Какъ силою?!—вспыхнулъ Кушелевъ и затѣмъ пристегнулъ саблю и, не говоря ни слова, пошелъ за адъютантомъ.

Черезъ 10 минутъ они были уже въ кабинетѣ военнаго губернатора, генералъ-лейтенанта графа Толстого.

Старикъ сурово взглянулъ на юношу, приказалъ адъютанту выйти изъ кабинета, заперъ за нимъ двери и подвелъ Кушелева къ окну.

— Ну-съ, какъ же дѣла наши?—спросилъ онъ.—А? какъ дѣла идутъ, спрашиваю!

— Что прикажете, генералъ?—въ недоумѣніи произнесъ Кушелевъ.

— Прикажу?! Ничего не прикажу... Вы изволите служить въ Кавказскомъ полку, если я не ошибаюсь?..

— Да, я только-что туда назначенъ... въ сентябрѣ приказъ состоялся...

— И скоро вы отправитесь на Кавказъ?—продолжалъ Толстой.

— Какъ только устрою свои дѣла въ Петербургѣ! — отвѣтилъ Кушелевъ.

— Дѣла въ Петербургѣ? Такъ... Но какія же дѣла могутъ быть у столь молодого человѣка, какъ ваша милость? Небось, все интрижки любовныя? а? такъ вѣдь?

Кушелевъ молчалъ и чувствовалъ себя очень неловко.

— Что же вы не отвѣчаете? — продолжалъ свой допросъ Толстой.—Если ваши дѣла поистинѣ дѣла, такъ сказать о нихъ можно...

По-вашему, можетъ быть, дуэль тоже дѣло?—спросилъ онъ поблѣднѣвшаго Кушелева.—Отвѣчайте, юноша, я требую этого! А-а, молчите!.. Значитъ, это—истина... Но я не допущу, не позволю...

Толстой топнулъ ногою, подумалъ немного и продолжалъ:

— Это ослушаніе, милостивый государь мой! Ослушаніе законамъ... Дуэль—заимствованіе варварское, отъ временъ дикихъ. Еще великая государыня Екатерина изволила начертать (Толстой схватилъ раскрытую книгу и прочелъ): «донынѣ вопль народовъ, отягощенныхъ игомъ зловреднаго обычая, ссылался съ нѣкимъ восхищеніемъ на россійскіе нравы и обычаи». Слышите — «съ восхищеніемъ»? А вы что же въ Сибирь угодить желаете? арестантомъ сдѣлаться? каторжникомъ? Кровавое и самовольное мщеніе въ дѣлахъ личной чести совершить? Я вамъ не позволяю... Я вамъ запрещаю. Сегодня вы не будете драться на поединкѣ...

— Но, ваше сіятельство, это дѣло уже рѣшенное!—попробовалъ возразить Кушелевъ.

— Рѣшенное? Ха-ха-ха! Вы рѣшили, а мы разрѣшили... Теперь изъ моего наблюденія вы не уйдете... За вами будутъ слѣдить, о каждомъ вашемъ шагѣ знать будутъ, вздохнуть не дадутъ. Эхъ, юноша, вы порядковъ нашихъ не знаете... жаль мнѣ васъ, а дѣлать нечего... Ну, выбирайте одно изъ двухъ: или маршъ подъ арестъ, или давайте честное слово, что драться вы не будете, а завтра до 12-ти часовъ ночи вы уѣдете къ своему мѣсту служенія... Что же молчите? отвѣчайте!

— Ваше сіятельство, я не знаю, для чего давать вамъ честное слово?!— отвѣтилъ Кушелевъ.

— Для чего?!—пробурчалъ Толстой.—Васъ, молодежь, другимъ ничѣмъ пронять нельзя... Итакъ, говорите за мной, какъ на присягѣ: «даю честное слово»!

— Дальше, ваше сіятельство! Я не знаю конца...

— Боже мой! вотъ безпокойный человѣкъ. Мнѣ немного нужно: скажите, что сегодня стрѣляться не будете, а завтра до полуночи вы уѣдете въ вашъ кавказскій корпусъ!

— Слушаюсь и даю честное слово!—проговорилъ Кушелевъ.

— Вотъ молодчина! — воскликнулъ Толстой. — Настоящій кавказскій герой! Я долженъ васъ облобызать, благородный юноша! — и Толстой схватилъ обѣими руками Кушелева и звучно поцѣловалъ его три раза въ губы.— А теперь отправляйтесь домой и готовьтесь къ отъѣзду!..

— Слушаюсь!—отвѣтилъ Кушелевъ и пошелъ было къ выходу, но вдругъ остановился и спросилъ.— А откуда вы узнали, ваше сіятельство, что я драться на дуэли собираюсь?

— Откуда? Ха-ха-ха! Съ вѣтра, молодой человѣкъ! Сорока на хвостѣ принесла!.. Но это васъ не касается... Поѣзжайте, и дай вамъ Богъ счастливаго пути... До свиданья!..

Когда Кушелевъ вышелъ изъ кабинета Толстого, то графъ позвонилъ и приказалъ появившемуся адъютанту ввести Венансона.

— Дуэли не будетъ!—сказалъ ему Толстой.—Я все сдѣлалъ, что нужно... Но смотрите, чтобы вы въ дальнѣйшемъ ни въ какія ссоры не вмѣшивались... Избѣгайте встрѣчи съ Кушелевымъ... Можете итти!..

Венансонъ поклонился и вышелъ.

VI.

Кушелевъ, не теряя ни одной минуты, пріѣхалъ домой и сѣлъ за письменный столъ. Онъ рѣшилъ написать письмо своему противнику и секунданту.

«Ваше превосходительство,—писалъ онъ Бахметеву,—невѣдомый доноситель сообщилъ правительству о задуманной нами дуэли. Сего числа военный губернаторъ потребовалъ меня къ себѣ и взялъ съ меня честное слово, что дуэли сегодня я не произведу, а завтра до полуночи я оставлю г. С-Петербургъ. Подчиняясь волѣ правительства, извѣщаю васъ, милостивый государь, что 13-го сего октября вечеромъ я выѣзжаю изъ города, и первою моею остановкою будетъ Царское Село, гдѣ мнѣ придется нѣсколько поотдохнуть. Камеръ-юнкеръ Кушелевъ».

Онъ сложилъ письмо и приказалъ слугѣ отнести его къ генералу Бахметеву и передать ему лично въ руки, но такъ, чтобы никто не могъ догадаться объ этомъ или замѣтить его.

Письмо къ корнету Чернышеву было также не многословно. Послѣ его полученія Чернышевъ полетѣлъ къ Венансону, не засталъ его дома и затѣмъ помчался къ барону Б., гдѣ, по его предположеніямъ, долженъ былъ находиться Венансонъ. Такъ это и случилось.

— Это, братецъ, ты донесъ?—спросилъ его Чернышевъ.

— Фуй, что ты говоришь!—поморщился Венансонъ.

— Я говорю это предположительно! И ты мнѣ ничѣмъ не можешь доказать противнаго...

— Ты ошибаешься!.. Если угодно, я дамъ удовлетвореніе...

— Ну, за подобныя вещи удовлетворенія не просятъ... Я разузнаю, и если это донесъ ты, то берегись—я вездѣ буду тебя рекомендовать по заслугамъ...

— Фуй!.. Какъ можно это предполагать!.. А доказать я тебѣ могу—я готовъ быть секундантомъ Кушелева... Это тебѣ ничего не доказываетъ?

— Это другое дѣло... Это хорошо!—согласился Чернышевъ.

— Значитъ, дуэль все-таки будетъ?—спросилъ Венансонъ.— Хотя и запрещено, но дуэль будетъ... Отлично... Но гдѣ же она произойдетъ и когда?

— Я воздержусь отвѣтить на этотъ вопросъ, во избѣжаніе публичности... Но когда нужно будетъ, я тебя позову... Пріѣду и скажу... когда надо...

— О, да!.. Это лучше!.. По крайней мѣрѣ, никто знать не будетъ!.

VII.

Поздно ночью на 14-ое октября Адольфъ Карловичъ Шмидтъ былъ приглашенъ въ квартиру генерала Бахметева. Съ озабоченнымъ лицомъ онъ вошелъ въ переднюю и торопливо началъ развязывать надѣтые на немъ шарфы. Но въ это время въ дверяхъ показался генералъ Ломоносовъ, который, при видѣ врача, бросился къ послѣднему и, схвативъ его за руки, сказалъ:

— Пожалуйста, не раздѣвайтесь!.. Мы должны торопиться...

— Какъ же можно въ одеждѣ!..—недоумѣвающе спросилъ Адольфъ Карловичъ.—Она будетъ мѣшать, я одѣтъ тепло!..

— Не въ томъ дѣло...—перебилъ его Ломоносовъ.—Мы должны ѣхать съ вами въ Царское Село...

— Такъ далеко?.. Но тамъ есть свои врачи...

— Во-первыхъ, очень поздно, а, во-вторыхъ, васъ считаютъ за крайне талантливаго доктора, умѣющаго такъ хорошо и такъ успѣшно обращаться съ больными... Пожалуйста, ѣдемте!..

— Въ такомъ случаѣ я готовъ!—улыбнулся Шмидтъ, очень польщенный словами генерала.

Черезъ минуту Ломоносовъ сидѣлъ уже въ каретѣ и досадовалъ на Адольфа Карловича, который снова принялся обвязывать себя шарфами, при чемъ эта операція, въ виду длиннаго путешествія, отличалась особенною тщательностью, способною вывести изъ терпѣнія каждаго.

Наконецъ, Шмидтъ вышелъ, усѣлся, и карета застучала по мокрой мостовой.

По дорогѣ Адольфъ Карловичъ интересовался болѣзнью своего незнакомаго паціента и, узнавъ, что для больного требуется хирургическое лѣченіе, сталъ безпокоиться о томъ, что при немъ нѣтъ необходимыхъ инструментовъ, и что необходимо поэтому вернуться обратно въ городъ, на квартиру, гдѣ инструменты «лежатъ въ прекрасномъ порядкѣ».

Разумѣется, Ломоносовъ запротестовалъ и предложилъ Адольфу Карловичу уснуть предъ трудной операціей.

Шмидтъ послѣдовалъ благоразумному совѣту и скоро захрапѣлъ.

Неподалеку отъ Царскаго Села карета вдругъ остановилась. Ломоносовъ открылъ дверцу и вышелъ.

— Вишь... всю дорогу заняли!—проворчалъ кучеръ, указывая Ломоносову на шоссе, гдѣ кучка людей толпилась около экипажа, накренившагося на бокъ.

Ломоносовъ подошелъ къ этому мѣсту и узналъ по голосу генерала Бахметева. Оказалось, что Бахметевъ, ѣхавшій вмѣстѣ съ отставнымъ капитаномъ Яковлевымъ, нагналъ карету, въ которой ѣхалъ штабсъ-капитанъ, князь Голицынъ, торопившійся въ Славянку. Голицынъ былъ знакомъ съ Бахметевымъ и, услыхавъ, что онъ ѣдетъ драться на дуэли, предложилъ свои услуги. Бахметевъ выразилъ согласіе и, такъ какъ у кареты Голицына сломалось колесо, то онъ рѣшилъ подождать Ломоносова, съ которымъ Голицынъ долженъ былъ сѣсть.

— Наконецъ-то подъѣхалъ!—воскликнулъ Бахметевъ, увидавъ Ломоносова.—Что вы такъ замѣшкались?

— Замѣшкаешься тутъ, когда эта нѣмчура копается, — отвѣтилъ Ломоносовъ, недовольный поведеніемъ Адольфа Карловича, который продолжалъ громко храпѣть, сидя въ каретѣ.

Голицынъ сѣлъ вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, при чемъ стѣснилъ Шмидта, и черезъ часъ кареты остановились около трактира, въ окнахъ котораго свѣтились огоньки.

— Господинъ докторъ, пожалуйте! пріѣхали!—крикнулъ Ломоносовъ надъ самымъ ухомъ Адольфа Карловича.—Проснитесь, пожалуйте къ больному!

Шмидтъ открылъ глаза, вышелъ изъ кареты и въ недоумѣніи сталъ осматриваться вокругъ.

— Пожалуйте!—продолжалъ Ломоносовъ, указывая на дверь трактира.

— Сюда?!—воскликнулъ Шмидтъ.—Но вѣдь это питейное заведеніе... Гдѣ же больной?

— А онъ сейчасъ будетъ!..—усмѣхнулся Ломоносовъ и, взявъ доктора подъ руку, увлекъ его въ домъ.

Пріѣхавшіе вошли въ обширную комнату. При видѣ ихъ въ одномъ изъ угловъ поднялись три офицера и отвѣсили глубокій поклонъ. Это были—Кушелевъ, Чернышевъ и графъ Венансонъ.

Бахметевъ спросилъ отдѣльную комнату и удалился въ нее. Кушелевъ и Чернышевъ сѣли на прежнее мѣсто, а Венансонъ подошелъ къ Ломоносову, поздоровался съ нимъ и представился князю Голицыну.

— А гдѣ же больной?—сиплымъ голосомъ проговорилъ Шмидтъ и, не получивъ отвѣта, двинулся къ сидѣвшимъ Кушелеву и Чернышеву.

Кушелевъ улыбнулся и сталъ добродушно раздѣвать доктора, недоумѣніе котораго росло съ каждою минутою.

— Вы введены въ заблужденіе, Адольфъ Карловичъ! — замѣтилъ Кушелевъ.

— Какое же заблужденіе? Кто это можетъ говорить?—заволновался Шмидтъ.—Я хочу видѣть больного... Гдѣ онъ?

— А вотъ какъ разсвѣтетъ, и будетъ больной.

— Ничего не понимаю!..

— Ахъ, Адольфъ Карловичъ, больной—это я или Бахметевъ!—сказалъ Кушелевъ, усаживая доктора.

— Не вѣрю и не могу повѣрить...—отрицательно покачалъ головою Шмидтъ.—Вы, я вижу, здоровы, только блѣдны нѣсколько. Бахметевъ даже веселъ... для кого же нужна моя хирургія?..

— А вотъ для кого... Мы нарочно ввели васъ въ заблужденіе. Черезъ часъ у меня будетъ дуэль съ Бахметевымъ! — рѣшительно произнесъ Кушелевъ и испугался дѣйствія своихъ словъ на доктора.

Адольфъ Карловичъ вскочилъ со стула, заморгалъ глазами и широко раскрылъ ротъ; потомъ онъ рванулся къ Кушелеву, отъ него двинулся къ Чернышеву и наконецъ сталъ усиленно тереть ладонью лобъ.

— Но вы успокойтесь... не волнуйтесь!

— Да, да... Я не волнуюсь... — пролепеталъ Адольфъ Карловичъ.—Но зачѣмъ же такъ обманывать?!.. Моя дочь теперь безпокоится... И я никогда не согласился бы ѣхать сюда... И все такъ таинственно... Боже мой!

— Конечно... все это непріятно...—началъ Кушелевъ,—но иначе нельзя было сдѣлать...

— Да, да... Но обманывать зачѣмъ? Привезли меня, обманули—и теперь я долженъ быть при дуэли... по долгу моей чести долженъ быть... И зачѣмъ я не догадался взять свои хирургическіе инструменты?!.. Можетъ быть, они будутъ нужны... извлекать пулю... раны... О Боже мой!

Онъ всталъ со стула и принялся стремительно ходить по комнатѣ.

— Только скорѣй... пожалуйста, скорѣй... А то дочь безпокоится!—проговорилъ онъ, останавливаясь передъ Кушелевымъ.—Не мучьте... И такой молодой... и быть можетъ... Ужасно!

Онъ схватился руками за голову и снова началъ ходить. Занятый своими мыслями, онъ не видалъ, какъ на востокѣ посвѣтлѣло, какъ Венансонъ зарядилъ пистолеты и посовѣтовалъ Кушелеву снять съ себя шпагу. Какъ тѣнь, онъ шелъ по слѣдамъ двигавшихся впереди него лицъ и ничего не замѣчалъ.

На полянѣ въ небольшомъ лѣсу остановились.

Адольфъ Карловичъ прислонился къ дереву... Онъ видѣлъ только голые сучьи деревьевъ и просвѣчивающій сквозь нихъ сѣрый горизонтъ. Онъ смутно сознавалъ, что сейчасъ можетъ совершиться что-то ужасное, что-то такое, чего нельзя остановить, но отъ чего зависитъ судьба многихъ; мысль, что черезъ минуту можетъ быть уничтожена молодая жизнь, тяготила его. Онъ не зналъ причины дуэли, онъ никого не спрашивалъ объ этомъ. Его личное присутствіе здѣсь являлось необходимостью, и отъ его ис-

кусства, умѣнія, хладнокровія зависѣло тоже что-то очень важное и цѣнное. Жаль лишь, что при немъ не будетъ ни одного инструмента: безъ нихъ такъ неудобно.

Въ воздухѣ висѣлъ туманъ; но онъ не мѣшалъ видѣть далеко впередъ. Утренній сырой воздухъ непріятно дѣйствовалъ на нервы. Было мучительно и тяжело.

Вдругъ раздался рѣзкій звукъ и замеръ... Испуганная птица хлопнула крыльями и быстро отлетѣла.

Адольфъ Карловичъ вздрогнулъ отъ неожиданности и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ: въ рукѣ Кушелева дымился пистолетъ, но онъ самъ стоялъ спокойно и неподвижно. Адольфъ Карловичъ остановился въ недоумѣніи...

Вдругъ новый рѣзкій звукъ и чей-то нервный крикъ:

— Заряжайте!..

Затѣмъ послышалось нѣсколько голосовъ, заговорившихъ сразу. Они какъ будто спорили и горячились... Докторъ побѣжалъ впередъ, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Я приношу извиненіе моему другу, котораго никогда не хотѣлъ обидѣть!—услышалъ Шмидтъ и узналъ голосъ генерала Бахметева.

Докторъ остановился, и когда Бахметевъ, швырнувъ въ сторону пистолетъ, подошелъ къ Кушелеву и подалъ ему руку,— Адольфъ Карловичъ понялъ, что ни онъ самъ, ни его инструменты никому здѣсь не нужны. И ему стало вдругъ необыкновенно весело и радостно.

— Ну-съ, докторъ, больного нѣтъ!—разсмѣялся Ломоносовъ.— Кушелеву хотѣлось еще разъ пистолеты зарядить... промаха застыдился... а Бахметевъ извинился... и безъ кровопролитія... Поняли?

— Да, да... Я радъ... Кровопролитіе—ужасно...

И вся компанія толпой направилась къ трактиру.

Бахметевъ и Кушелевъ шли подъ руку, спокойные, но молчаливые.

VIII.

Адъютантъ графа Толстого пріѣхалъ въ Царское Село, когда въ трактирѣ уже не оставалось вина, и когда Адольфъ Карловичъ, стоя со стаканомъ въ рукѣ, пѣлъ хриплымъ голосомъ: «Hoch!»

Кушелевъ былъ арестованъ, привезенъ въ Петербургъ и отданъ подъ судъ.

Военно-судная комиссія разсмотрѣла дѣло въ необыкновенно короткій промежутокъ времени, такъ что 2-го декабря оно было уже представлено государю.

По сентенціи суда подсудимый Кушелевъ, конечно, былъ приговоренъ къ повѣшенію, согласно съ требованіями закона. Разумѣется, такой приговоръ не могъ быть приведенъ въ исполненіе,

«поелику смертная казнь по государственному закону не существуетъ», какъ выразился графъ Толстой. Однако, проступокъ Кушелева былъ выдающимся и требовалъ усиленной репрессіи.

Мягче всѣхъ оказался графъ Толстой, который считалъ достаточнымъ наказать виновника разжалованіемъ въ солдаты до выслуги, но высшій судъ рѣшительно запротестовалъ.

По мнѣнію послѣдняго, нарушеніе Кушелева представляло собою «неисполненіе высочайшаго увѣщанія», изложеннаго въ знаменитомъ манифестѣ Екатерины II о поединкахъ, а потому какъ самъ подсудимый подлежалъ лишенію чиновъ и дворянскаго достоинства, такъ и противникъ его — генералъ Бахметевъ, и даже секунданты—Ломоносовъ, Чернышевъ, Яковлевъ и Голицынъ.

Что касается бѣднаго Адольфа Карловича, то высшій судъ высказалъ слѣдующее: «Шмидтъ хотя и оправдывается, что о намѣреніи къ поединку не зналъ до пріѣзда въ Царское Село, и судъ полагаетъ, что онъ не имѣлъ уже времени объявить о томъ начальству, но таковое заключеніе не дѣльно, ибо онъ, Шмидтъ, по узнаніи тогда же долженъ былъ итти и донесть тамошнему правительству для оправданія своего, а не на мѣсто производимаго дуэля, гдѣ онъ, какъ самъ говоритъ, что находился, а при томъ не видно по сему дѣлу, и комиссія не объясняетъ, имѣлъ ли оный Шмидтъ еще и позволеніе на отлучку отъ полка въ Царское Село».

Адольфъ Карловичъ, узнавъ о созывѣ военно-судной комиссіи по дѣлу Кушелева, слегъ въ постель и пролежалъ около мѣсяца. Когда же въ полку была получена бумага, что «штабъ-лѣкарь Шмидтъ самовольно ѣздилъ въ Царское Село и присутствовалъ при произвожденіи дуэля», за чтò и предписывалось «наложить на него выговоръ», то онъ улыбнулся и сказалъ своей дочери:

— А я думалъ, что за ноги меня повѣсятъ!.. Какъ непріятно висѣть за ноги!..

Грозное рѣшеніе высшаго суда не могло пройти у государя.

Онъ изучилъ дѣло Кушелева, принялъ участіе въ молодомъ человѣкѣ и положилъ слѣдующую конфирмацію:

«Хотя и слѣдовало поступить съ подсудимымъ, штабсъ-капитаномъ Кушелевымъ, по мнѣнію высшаго суда для примѣра другимъ, но во уваженіе службы отца помянутаго Кушелева, тайнаго совѣтника и сенатора Кушелева, избавя подсудимаго отъ наложеннаго наказанія, отправить онаго немедленно къ полку, выключивъ изъ званія камеръ-юнкера.

«Генералъ-майорамъ же Бахметеву и Ломоносову сдѣлать въ приказѣ выговоръ.

«Майора же Венансона за неисполненіе повелѣнія, даннаго военнымъ губернаторомъ, арестовать на недѣлю, отправя его послѣ въ корпусъ, состоящій подъ командою князя Цициaнова.

«Александръ».

«Въ С.-Петербургѣ. 10 декабря 1803 года».

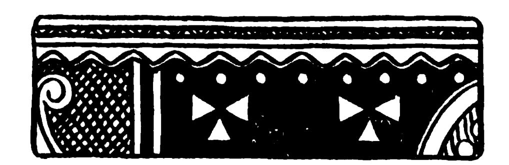
Такъ разрѣшилось простое дѣло, въ ущербъ мнѣнію бюрократа-юриста, требовавшаго усиленнаго наказанія.

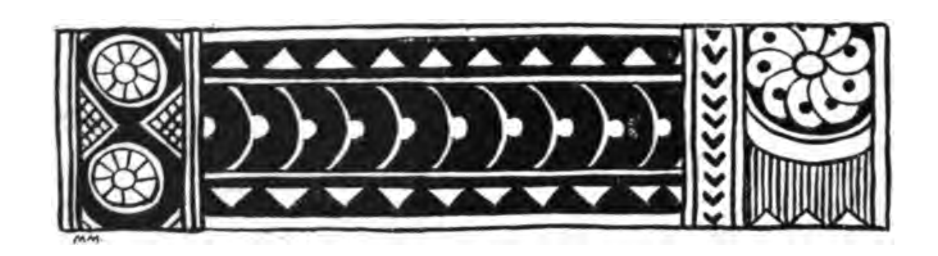
Замѣтимъ между прочимъ, что въ комиссіи военнаго суда графъ Венансонъ предсталъ въ неособенно приглядной обстановкѣ. Выяснилось, что онъ уговаривалъ Кушелева не признаваться и утверждалъ, что «онъ и всѣ готовы присягнуть, что ничего не было, а когда онъ, Кушелевъ, ему въ томъ отказалъ, то онъ такъ разгорячился, что вышелъ изъ себя и... чуть-чуть удержался отъ произношенія обиднаго слова, кое въ половину уже выговорилъ».

Разумѣется, никто отъ него за это удовлетворенія не потребовалъ.

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).





ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

1826—1831.

А-ДНЯХЪ вышелъ второй томъ предсмертнаго труда Н. К. Шильдера объ императорѣ Николаѣ I. (Императоръ Николай Первый, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера, съ 252 иллюстраціями. Томъ второй. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1903, 820 стр.). Н. К. Шильдеру не удалось довести до конца окончательную разработку собранныхъ имъ матеріаловъ, и настоящій, второй и послѣдній, томъ его труда по исторіи жизни и царствованія императора Николая I охватываетъ лишь первыя шесть лѣтъ его правленія и заключается 1831 годомъ—самымъ печальнымъ и тяжелымъ. Въ приложеніяхъ помѣщены двѣ статьи Н. К. Шильдера, относящіяся къ позднѣйшей эпохѣ царствованія императора Николая Павловича: «Императоръ Николай I въ 1848 и 1849 годахъ» и «Императоръ Николай I и освобожденіе христіанскаго Востока». Кромѣ этихъ статей, дано еще очень цѣнное приложеніе — списанные Н. К. Шильдеромъ съ подлинной рукописи отрывки изъ записокъ ген.-ад. гр. Бенкендорфа. Эти записки являлись для Шильдера однимъ изъ источниковъ при изложеніи исторіи царствованія Николая Павловича; поэтому появленіе въ приложеніи къ его книгѣ отрывковъ, охватывающихъ не разработанный Н. К. Шильдеромъ періодъ 1832—1837 годовъ, нельзя не признать весьма умѣстнымъ.

Въ статьѣ по поводу перваго тома труда Н. К. Шильдера мы дали общую характеристику труда и общихъ взглядовъ историка

на личность императора [1]). Настоящій томъ такъ же, какъ и первый, заключаетъ немало новыхъ и важныхъ данныхъ; въ основу изложенія легли матеріалы, въ значительной мѣрѣ неизданные и недоступные, главнымъ же образомъ переписка двухъ братьевъ, Николая и Константина Павловичей, и записки графа Бенкендорфа. Но нужно признать, что второй томъ оставленъ Н. К. Шильдеромъ въ менѣе разработанномъ видѣ, чѣмъ первый. Собраны новыя и важныя свѣдѣнія о первыхъ шести годахъ царствованія, указаны слова и дѣйствія императора, но нѣтъ исторіи роста личности; нѣтъ никакого сомнѣнія, что Н. К. Шильдеръ, историкъ, для котораго тонкій психологическій анализъ являлся, такъ сказать, спеціальностью, подвергъ бы еще окончательному пересмотру свои матеріалы и высвободилъ бы изъ-подъ ихъ груды личность своего героя и показалъ, какъ и чѣмъ онъ жилъ. Только по немногочисленнымъ намекамъ мы можемъ судить, какъ предполагалъ историкъ освѣтить эволюцію личности. Считая 1825 годъ весьма важнымъ въ жизни императора Николая, Н. К. Шильдеръ все-таки не придалъ ему рѣшительнаго значенія; ему казалось, что и этотъ ужасный годъ не сформировалъ еще Николая Павловича, и для императора была возможна еще перемѣна. На первыя шесть лѣтъ царствованія Н. К. Шильдеръ все-таки смотритъ, какъ на переходный періодъ, и лишь 1831 годъ онъ считаетъ завершившимъ процессъ созиданія личности, отлившимъ императора Николая разъ навсегда въ опредѣленныя формы. «Закончился столь тревожный всякими событіями 1831 годъ,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—для Россіи наступило мирное восемнадцатилѣтіе, продолжавшееся безъ перерыва до венгерской войны 1849 года. Чего не могло бы быть достигнуто для благосостоянія Россіи при столь благопріятной обстановкѣ! Но государь былъ уже не тотъ, какимъ онъ явился на престолъ въ 1825 году; польская революція довершила пагубное вліяніе, оставленное въ умѣ Николая Павловича событіями 14-го декабря. Отнынѣ императоръ сталъ все болѣе и болѣе склоняться на сторону абсолютизма, погубившаго его отца и столь много повредившаго его брату въ общественномъ уваженіи». Направленіе, данное дальнѣйшимъ ходомъ царствованія императора Николая, вызвало въ принцѣ Евгеніи Виртембергскомъ, сочувственно относившемся къ Николаю Павловичу, слѣдующія мысли: «Я сказалъ бы императору Николаю: испытай свое сердце, и ты увидишь, что оно благородно, доброжелательно и склонно ко всему великому; не обманывай самого себя насчетъ собственныхъ чувствъ. Протяни Европѣ братскую руку и не дѣлай ни для кого исключенія. Открой двери твоего государства просвѣщенію и торговлѣ! Ты самъ настолько великодушенъ, человѣколюбивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1903 г., іюль, стр 94 и слѣд.

твердъ и рѣшителенъ, что тебѣ предназначено играть блестящую роль во главѣ могущественнаго государства. Тебѣ слѣдуетъ стать во главѣ всякаго добраго начинанія и презирать крикуновъ: но если ты не тиранъ, то не старайся же казаться имъ».

Въ своей статьѣ по поводу перваго тома труда Н. К. Шильдера мы высказались, насколько противорѣчитъ дѣйствительности и собраннымъ самимъ же Н. К. Шильдеромъ даннымъ подобный взглядъ на ростъ личности Николая Павловича. Уже въ 1825 году, когда и мысли еще не было о 14-мъ декабря, императоръ представлялъ человѣка съ совершенно опредѣленнымъ характеромъ и съ не менѣе опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, нетерпимаго ко всякимъ, даже ничтожнѣйшимъ, идеямъ и дѣйствіямъ, несовмѣстимымъ съ теоріей и практикой самодержавной власти. Было бы или не было бы 14-е декабря, характеръ царствованія императора Николая ничуть не измѣнился бы отъ этого. И въ этотъ періодъ первыхъ шести лѣтъ, который Н. К. Шильдеру кажется переходнымъ, императоръ Николай, какъ мы увидимъ, неоднократно высказывался и дѣйствовалъ опять-таки въ опредѣленномъ смыслѣ. Нельзя, какъ кажется, приписывать и польской революціи большого вліянія на психику императора: вѣдь онъ только терпѣлъ положеніе, созданное императоромъ Александромъ и находившее себѣ защитника въ великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ.

Во второмъ томѣ Н. К. Шильдеръ останавливается, главнѣйшимъ образомъ, на трехъ моментахъ исторіи 1826—1831 годовъ. Онъ старается возсоздать обстановку, которая окружала императора Николая въ первые годы царствованія, отмѣчаетъ исчезновеніе съ исторической сцены прежнихъ дѣятелей и появленіе новыхъ, которымъ суждено было сопровождать Николая Павловича въ теченіе долгаго времени, и набрасываетъ въ очень краткомъ очеркѣ направленіе внутренней политики. Какъ разъ эти годы (1826—1831) въ высшей степени не благопріятствовали развитію внутренней политики; 1828 и 1829 годы были заняты русско-турецкой войной. Н. К. Шильдеръ излагаетъ исторію этой войны весьма подробно: это наиболѣе разработанная часть въ его трудѣ. Онъ пользуется обильнымъ, по большой части, неизданнымъ матеріаломъ изъ военно-ученаго архива главнаго штаба. За русско-турецкой войной послѣдовало польское возстаніе 1831 года, и заботы о внутренней политикѣ опять отошли на второй планъ. А необходимость внутреннихъ реформъ не отрицалъ даже графъ А. Х. Бенкендорфъ. «Теперь (въ концѣ 1829 года),—писалъ онъ въ своихъ запискахъ,—ничто не мѣшаетъ намъ отдаться съ послѣдовательностью улучшеніямъ, новымъ реформамъ, въ которыхъ нуждается Россія. Это будетъ прекраснымъ плодомъ четырехлѣтней войны и напряженія, которыми началось царствованіе нашего повелителя. Онъ также мало отступаетъ предъ административными трудностями, какъ и передъ труд-

ностями войны». Польское возстаніе помѣшало осуществленію тѣхъ реформъ, о которыхъ думалъ графъ Бенкендорфъ. На польской революціи Н. К. Шильдеръ останавливается очень подробно, сообщая нѣсколько новыхъ и цѣнныхъ документовъ и ярко вырисовывая всю неизбѣжность возстанія 1831 года, какъ результата трагическаго столкновенія двухъ началъ, двухъ правительственныхъ системъ.

Не задаваясь цѣлью исчерпать обильнаго содержанія второго тома труда Н. К. Шильдера, мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ подробностяхъ перваго момента, изображеннаго Шильдеромъ, нѣкоторыхъ особенностяхъ возникшей въ первые же годы вокругъ императора обстановки, и на третьемъ моментѣ — польскомъ возстаніи 1831 года.

I.

Говоря объ обстановкѣ первыхъ лѣтъ царствованія императора Николая I, необходимо коснуться вопроса о настроеніи общества въ то время. Что сталось съ оппозиціоннымъ настроеніемъ, представители котораго кончили такъ печально? Оно не исчезло, конечно, но процессъ развитія этого настроенія для насъ не ясенъ. Къ сожалѣнію, Н. К. Шильдеръ не останавливается на этомъ вопросѣ, хотя подъ рукой у него были недоступныя для насъ и содержащія—надо полагать—обильный матеріалъ всевозможныя «секретныя донесенія» и дѣла «о различныхъ слухахъ». Такимъ образомъ, мы не имѣемъ возможности опредѣлить, насколько не соотвѣтствовали дѣйствительному положенію вещей представленія правительства императора Николая I объ общественной оппозиціи. А оно было очень занято настроеніемъ общества, боясь появленія призраковъ, боясь того, что зло не вырвано съ корнемъ. Самая распространенность нелѣпѣйшихъ и лишенныхъ всякаго основанія слуховъ о грядущихъ событіяхъ можетъ служить показателемъ общественныхъ интересовъ и общественнаго возбужденія, которое не могло улечься сразу, даже послѣ 13-го іюля 1826 года. А слухи, дѣйствительно, были иногда очень странные. Одно изъ секретныхъ донесеній, заносившихъ сущность народной молвы, сообщало, будто у императора Николая I не хватило силъ для усмиренія взбунтовавшихся войскъ, и онъ просилъ помощи у прусскаго короля: «посему, гласитъ донесеніе, король посылаетъ въ Россію пятидесяти-тысячный корпусъ прусскихъ войскъ, но идутъ ли сіи войска или нѣтъ, о томъ ничего не слышно». Результатомъ движенія, конечный эффектъ котораго—14-е декабря, было живое и острое сознаніе необходимости внутреннихъ реформъ. По своему существу, это сознаніе было тоже оппозиціоннымъ явленіемъ, но—такова сила вещей въ тотъ историческій моментъ—оно заявлялось даже такими людьми,

отъ которыхъ трудно было бы ожидать чего либо подобнаго. Выше мы приводили мнѣніе о необходимости реформъ графа А. Х. Бенкендорфа.

Самъ императоръ Николай видѣлъ необходимость коренныхъ реформъ различныхъ сторонъ государственнаго управленія, и мы не ошибемся, если скажемъ, что впервые указали ему на различные недостатки русской жизни и на неизбѣжность ихъ исправленія тѣ же декабристы. По совершеніи кары надъ участниками движенія «дѣло» ихъ не испытало обычной участи быть сданнымъ въ архивъ. По возвращеніи съ коронаціи, императоръ Николай Павловичъ приказалъ бывшему правителю дѣлъ судебнаго комитета Боровкову составить по даннымъ «дѣла» сводъ мнѣній, высказанныхъ декабристами по поводу внутренняго состоянія государства въ царствованіе императора Николая I. Боровковъ составилъ свою записку, отбросивъ, по его словамъ, повторенія и пустословія, но оставивъ мысли даже въ способѣ изложенія по возможности безъ перемѣны. Главнѣйшій матеріалъ доставили Боровкову отвѣты Батенкова, Штейнгеля, Александра Бестужева. Записка эта, напечатанная только въ 1898 году, заканчивалась слѣдующими словами: «Кратко изображенное внутреннее состояніе государства показываетъ, сколь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ воспріялъ скипетръ нынѣ царствующій императоръ, и сколь великія трудности подлежатъ къ преодолѣнію. Надобно даровать ясные, положительные законы, водворить правосудіе учрежденіемъ кратчайшаго судопроизводства, возвысить нравственное образованіе духовенства, подкрѣпить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами въ кредитныхъ учрежденіяхъ, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвѣщеніе юношества сообразно каждому состоянію, улучшить положеніе земледѣльцевъ, уничтожить унизительную продажу людей, воскресить флотъ, поощрять частныхъ людей къ мореплаванію, словомъ—исправить неисчислимые безпорядки и злоупотребленія». Нечего говорить, что записка Боровкова, опускавшая безъ вниманія завѣтнѣйшія желанія декабристовъ, представляла тенденціозную обработку ихъ мнѣній, но и въ этомъ видѣ она являлась цѣлой программой дѣятельности. Нужно констатировать, что эта программа оказала непосредственное вліяніе на мѣропріятія Николая Павловича. «Государь, — сказалъ графъ Кочубей Боровкову, — часто просматриваетъ вашъ любопытный сводъ и черпаетъ изъ него много дѣльнаго, да и я часто къ нему прибѣгаю». «Мнѣ пріятно было,—пишетъ Боровковъ въ своихъ запискахъ,—слышать лестный отзывъ... Но еще пріятнѣе было видѣть проявленіе труда въ разныхъ постановленіяхъ и улучшеніяхъ, выходящихъ съ того времени».

На судьбѣ одного пункта программы Боровкова остановимся подробнѣе. По его мнѣнію, государю надлежало «направить про-

свѣщеніе юношества сообразно каждому состоянію». Вопросъ о просвѣщеніи въ его государственномъ значеніи представлялся императору Николаю I однимъ изъ важнѣйшихъ, и связь просвѣщенія съ декабрьскими событіями казалась ему несомнѣнной. Извѣстенъ отзывъ Николая Павловича о составленной по высочайшему порученію А. С. Пушкинымъ «Запискѣ о народномъ воспитаніи». Графъ Бенкендорфъ написалъ на бумагѣ Пушкина: «Lui (Пушкину) faire une reponse, le remercier pour ce papier de part de l'Empereur, en lui observant cependant que le principe qu'il avance que l'instruction et le génie est tout un principe faux pour tous les gouvernements et nommement celui qui a manqué de précipiter lui même dans l'abîme et qui y a jeté tant de jeunes gens, que le moral, les services, le zèle doivent l'emporter sur l'instruction». «Нравственность, прилежное служеніе,—писалъ графъ Бенкендорфъ Пушкину,—усердіе предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе». Въ отвѣтъ на эти слова Пушкинъ написалъ «Стансы», въ которыхъ говорилъ, что лишь рабъ или льстецъ могутъ внушать государю, что «просвѣщенье плодъ—разврата и носитъ духъ мятежный». Но самъ государь, не признавая абсолютнаго значенія просвѣщенія, разсматривалъ его лишь съ государственной точки зрѣнія и цѣнилъ въ немъ лишь служебное значеніе.

Н. К. Шильдеръ освѣщаетъ весьма интересный моментъ вмѣшательства Николая Павловича въ дѣло народнаго просвѣщенія. Въ 1827 году государь пожелалъ, «дабы государственный совѣтъ постановилъ законъ, чтобы крѣпостныя дѣти отнюдь не были отдаваемы для воспитанія въ такія учебныя заведенія, въ коихъ они могли получать образованіе, превышающее состояніе ихъ, и чтобы были обучаемы въ приходскихъ училищахъ». Графъ Кочубей, которому была сообщена на заключеніе высочайшая воля, высказался за то, чтобы эта мѣра была приведена въ исполненіе не черезъ государственный совѣтъ, а простымъ рескриптомъ на имя министра народнаго просвѣщенія. Кочубей видѣлъ удобства подобнаго распоряженія въ томъ, что оно произвело бы менѣе огласки, а законъ, изданный государственнымъ совѣтомъ, сдѣлался бы извѣстнымъ всей Европѣ и произвелъ бы разные толки. «Не можно презирать,—думалъ Кочубей,—мнѣніемъ западно-европейскихъ державъ; ни мнѣніемъ внутри самого государства; наипаче должно стараться основать оное, сколько можно лучше, при началѣ царствованія, большія надежды въ подданныхъ породившаго». Любопытно, что графъ Кочубей не замѣтилъ наивнаго противорѣчія въ своихъ словахъ: для основанія хорошаго мнѣнія онъ рекомендовалъ не хорошія дѣйствія, а хорошія слова, и сокрытіе нехорошихъ дѣйствій. На мнѣніе графа Кочубея Николай Павловичъ

положилъ слѣдующую резолюцію. «Мнѣніе графа Кочубея совершенно согласно съ моимъ; я не выразилъ довольно en détail классъ учебныхъ заведеній, въ который принимать крѣпостныхъ полагаю; надо велѣть Блудову изготовить проектъ указа министру народнаго просвѣщенія, въ коемъ подробно изложить сей предметъ».

Въ указѣ, удостоившемся высочайшаго одобренія 19-го августа 1827 года, отношеніе императора Николая къ народному просвѣщенію было закрѣплено въ слѣдующихъ характернѣйшихъ фразахъ: «Александръ Семеновичъ. Вамъ извѣстно, что, почитая народное воспитаніе однимъ изъ главнѣйшихъ основаній благосостоянія державы, отъ Бога мнѣ врученной, я желаю, чтобы для онаго были постановлены правила, вполнѣ соотвѣтствующія истиннымъ потребностямъ и положенію государства. Для сего необходимо, чтобъ повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія были по возможности соображаемы съ будущимъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый вмѣстѣ съ здравыми, для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности пріобрѣталъ понятія, наиболѣе для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи, и, не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ по обыкновенному теченію дѣлъ ему суждено оставаться. Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ вашимъ занимающійся устройствомъ учебныхъ заведеній, призналъ сію необходимость, но въ настоящемъ порядкѣ многое противно предположенному имъ правилу. До свѣдѣнія моего дошло между прочимъ, что часто крѣпостные люди изъ дворовыхъ и поселянъ обучаются въ гимназіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отъ сего происходитъ вредъ двоякій. Съ одной стороны, сіи молодые люди, получивъ первоначальное воспитаніе у помѣщиковъ или родителей нерадивыхъ, по большей части, входятъ въ училища уже съ дурными навыками и заражаютъ ими товарищей своихъ въ классахъ, или чрезъ то препятствуютъ попечительнымъ отцамъ семействъ отправить своихъ дѣтей въ сіи заведенія, съ другой же, отличнѣйшіе изъ нихъ по прилежности и успѣхамъ пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію. Неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносны, и отъ того они нерѣдко въ унынiи предаются пагубнымъ мнѣніямъ или низкимъ страстямъ».

Для характеристики взглядовъ Николая Павловича на воспитаніе дѣтей лицъ высшаго класса Н. К. Шильдеръ приводитъ слѣдующую выписку изъ дневника князя А. С. Меншикова отъ 21 мая 1827 года: «Въ 9 часовъ былъ съ докладомъ у государя на Елагиномъ острову и между прочими предметами показывалъ записку князя Павла Павловича Гагарина, въ которой онъ проситъ объ опредѣленіи сына въ морскую службу и спрашиваетъ, не нужно ли будетъ отправить его въ Англію для изученія мореходства. На

сію статью государь сказалъ слѣдующее: «Je vous avoue que je n'aime pas les envois à l'étranger, les jeunes gens en reviennent avec un esprit de critique qui leur fait trouver peut être avec raison les institutions de leur pays défectueuses». Подобный отзывъ слѣдуетъ сопоставить съ мнѣніемъ Николая Павловича о дѣтяхъ декабристовъ. Въ ноябрѣ 1827 года министръ юстиціи, кн. Долгорукій, высказался, что дворянскимъ дѣтямъ нельзя разрѣшить слѣдовать за родителями «по тому уваженію, что дѣти сіи, принадлежа къ высшему сословію въ государствѣ, должны получить приличное роду ихъ образованіе, для вступленія со временемъ на службу. Отцы же, находясь въ ссылкѣ, не только лишены способовъ дать имъ воспитаніе, но еще могутъ подать имъ примѣръ худой нравственности». На этомъ мнѣніи Николай Павловичъ написалъ «Согласенъ».

Н. К. Шильдеръ высказываетъ чрезвычайно интересное мнѣніе о томъ, что «убѣжденія императора Николая въ смыслѣ необходимости подобныхъ ограничительныхъ постановленій возбуждались и поддерживались разными, доставляемыми ему изъ Третьяго Отдѣленія, свѣдѣніями. Примѣромъ можетъ служить слѣдующая записка: «Извѣстно ли вашему императорскому величеству, что отставной артиллеріи генералъ-майоръ Николай Муравьевъ, учредитель бывшей въ Москвѣ школы колонновожатыхъ, имѣетъ здѣшней губерніи Рузскаго уѣзда въ деревнѣ своей другое заведеніе, въ коемъ 60 крестьянскихъ дѣтей воспитываются столь хорошо, что въ теченіе четырехъ лѣтъ могутъ быть управителями имѣній. По слухамъ, Муравьевъ намѣревается теперь распространить еще сіе заведеніе. Но, сообразивъ извѣстныя послѣдствія отъ прежней его школы, не благоугодно ли будетъ вашему величеству приказать подробно и съ точностью размотрѣть сіе новое крестьянское Муравьева заведеніе, ибо оное, дѣйствуя на многочисленнѣйшій классъ народа, можетъ быть въ будущемъ гораздо опаснѣе первой его школы».

На этой запискѣ написано рукою императора Николая: «Не мѣшаетъ узнать».

Такимъ образомъ въ области просвѣтительныхъ начинаній императоръ Николай испытывалъ нѣкоторое воздѣйствіе со стороны графа А. Х. Бенкендорфа. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ преданнѣйшій Николаю Павловичу человѣкъ и ближайшій сотрудникъ имѣлъ вліяніе на государя, и въ другихъ дѣлахъ: многія высочайшія резолюціи оказываются внушенными графомъ Бенкендорфомъ. Если бы Шильдеръ довелъ до конца свой трудъ, навѣрно, онъ освѣтилъ бы психологическія основанія сближенія государя и Бенкендорфа съ такимъ же искусствомъ, съ какимъ онъ освѣтилъ въ «Исторіи Александра I» отношенія его къ Аракчееву. Во всякомъ случаѣ, вліянія Бенкендорфа нельзя относить къ числу благотворныхъ. Плохого

представителя нашло въ немъ народное образованіе. Мы не можемъ не привести тутъ выдержки изъ дневника Бенкендорфа объ одной бесѣдѣ его съ Николаемъ Павловичемъ, происходившей вскорѣ послѣ іюльской революціи 1830 года во время путешествія въ Выборгъ. «Сидя вдвоемъ въ этой ломкой повозкѣ,—пишетъ Бенкендорфъ,—мы, разумѣется, говорили только о парижскихъ происшествіяхъ и о послѣдствіяхъ, которыя они могутъ имѣть для остальной Европы. Помню, какъ, разсуждая о причинахъ этой революціи, я сказалъ, что съ самой смерти Людовика XIV французская нація, болѣе испорченная, чѣмъ образованная, опередила своихъ королей въ намѣреніяхъ и потребности улучшеній и перемѣнъ; что не слабые Бурбоны шли во главѣ народа, а что самъ онъ влачилъ ихъ за собою, и что Россію наиболѣе ограждаетъ отъ бѣдствій революціи то обстоятельство, что у насъ со временъ Петра Великаго всегда впереди націи стояли ея монархи; но что по этому самому не должно слишкомъ торопиться ея просвѣщеніемъ, чтобы народъ не сталъ по кругу своихъ понятій въ уровень съ монархами и не посягнулъ тогда на ослабленіе ихъ власти».

II.

Такимъ образомъ фономъ той обстановки, при которой пришлось дѣйствовать императору Николаю Павловичу,—было постоянное опасеніе возвращенія призраковъ, но образъ мыслей и дѣйствій императора былъ вполнѣ опредѣленъ. Очень скоро намѣченъ былъ и кругъ тѣхъ вѣрныхъ и надежныхъ сотрудниковъ, большая часть которыхъ шла за своимъ вождемъ до конца жизни. Произошла смѣна: выдвинулись и укрѣпились новые люди, графъ А. Х. Бенкендорфъ, Дибичъ, Паскевичъ, Меншиковъ и другіе. Любопытной и заманчивой представляется сравнительная характеристика всѣхъ этихъ ближайшихъ дѣятелей Николаева царствованія, которая выяснила бы общность характеристическихъ чертъ и въ свою очередь дала бы матеріалы для построенія понятія «николаевщины», николаевской эпохи. Но мы оставляемъ въ сторонѣ эту интересную задачу, тѣмъ болѣе, что и незаконченный трудъ Шильдера не даетъ намъ повода приступить къ ея исполненію.

Новымъ людямъ должны были уступить свои мѣста старые дѣятели, и, дѣйствительно, первые годы царствованія Николая Павловича посвящены расчетамъ съ видными людьми прошлаго царствованія. По разнымъ мотивамъ удалялись они съ своихъ должностей: одни, какъ Аракчеевъ, просто лично были непріятны новому государю,—другіе, какъ Ермоловъ, внушали ему опасеніе своими замыслами, третьи изгонялись, какъ слишкомъ переусердствовавшіе въ своемъ служебномъ рвеніи, какъ Магницкій и Руничъ. Шильдеръ останавливается, главнымъ образомъ, на исторіи паденія двухъ

лицъ: Ермолова и Аракчеева, двухъ крупнѣйшихъ, но разноцѣнныхъ дѣятелей Александровской эпохи. Матеріалы и соображенія, приводимыя историкомъ, столь любопытны, что мы считаемъ необходимымъ остановиться на судьбѣ Ермолова и Аракчеева.

По мнѣнію Шильдера, причинъ враждебнаго къ Ермолову отношенія нужно искать въ событіяхъ 1812 года и въ послѣдовавшихъ затѣмъ походахъ: извѣстная партія,—говоритъ Шильдеръ,—никогда не могла простить Ермолову все, что онъ говорилъ, писалъ и твердилъ въ эту достопамятную эпоху... Противники Ермолова въ 1826 году свели съ нимъ счеты. Поводъ дали наши столкновенія съ Персіей, въ которыхъ Ермоловъ, какъ старались доказать противники, выказалъ неумѣніе, неподготовленность и даже трусость. Бенкендорфъ написалъ о Ермоловѣ въ своихъ запискахъ, что онъ «десять лѣтъ управлялъ краемъ со всѣмъ самовластіемъ и непредусмотрительностію турецкаго паши». Исключительное положеніе Ермолова на Кавказѣ, облеченнаго огромною властью, проявляющаго массу энергіи и не способнаго быть только исполнителемъ чужой воли, вызывало серьезныя опасенія въ Петербургѣ. Въ декабрѣ 1825 года много говорили о томъ, что войска Ермолова не присягали, что онъ отложился отъ Россіи и т. п. Въ день своего воцаренія, 12 декабря 1826 года, Николай Павловичъ писалъ Дибичу, что не будетъ спокоенъ, пока не получитъ извѣстій о присягѣ Ермолова и его корпуса. «Я виноватъ,—писалъ государь,—ему менѣе всѣхъ вѣрю». Эти слова предопредѣляли участь Ермолова, но велико было обаяніе и сила личности этого замѣчательнаго человѣка, который все еще ждетъ своего историка. Даже императоръ Николай I не рѣшился сразу уволить его въ отставку и продѣлалъ цѣлый рядъ подготовительныхъ дѣйствій. Сначала былъ посланъ на Кавказъ, якобы въ сотрудники Ермолову, Паскевичъ на должность командующаго войсками. На самомъ дѣлѣ, Паскевичъ имѣлъ при себѣ указъ о смѣнѣ Ермолова, который онъ могъ предъявить въ случаѣ очевиднаго нежеланія Ермолова исполнять высочайшую волю. Въ рескриптѣ императоръ писалъ Ермолову, что отъ Паскевича онъ обязанъ получать «изъясненіе важнѣйшихъ намѣреній и повелѣній». Въ то же время государь заявлялъ, что «твердое его намѣреніе наказать персіянъ въ собственной ихъ землѣ за наглое нарушеніе мира», а команда войсками была вручена Паскевичу. Такимъ образомъ было создано совершенно ненормальное положеніе, которое достигло своего апогея въ началѣ 1827 года. Для развязки былъ посланъ въ Тифлисъ Дибичъ, которому Николай Павловичъ предоставлялъ право уволить Ермолова въ случаѣ увѣренности въ его неспособности или въ его «дурной волѣ». Отпуская Дибича, Николай Павловичъ боялся того, что онъ подпадетъ подъ вліяніе «проконсула Грузіи» (такъ называлъ Ермолова Константинъ Павловичъ). «Я надѣюсь,—говорилъ

Николай Павловичъ въ письменномъ предостереженіи Дибичу,— что вы не позволите себя обмануть этому человѣку, для котораго ложь, какъ только она ему полезна, становится добродѣтелью, и который ни во что не ставитъ получаемыя имъ повелѣнія. Наконецъ, да поможетъ вамъ Богъ и да внушитъ вамъ быть справедливымъ». Боязнь государя имѣла основанія. По выраженію Шильдера, произошло нѣчто удивительное!

Въ Тифлисѣ Дибичъ незамѣтно сталъ подчиняться вліянію Ермолова и склоняться въ пользу оставленія Ермолова на Кавказѣ и отозванія Паскевича. Въ своихъ донесеніяхъ Дибичъ началъ оправдывать Ермолова, разъяснять мотивы его обвиненій. Можно представить, какое впечатлѣніе произвела эта эволюція въ мысляхъ Дибича на Николая Павловича. Не говоря ни слова ни графу Толстому, ни графу Чернышеву, государь въ письмѣ отъ 12 марта потребовалъ отъ Дибича привести въ исполненіе данное ему секретное приказаніе о смѣнѣ Ермолова. 28 марта Дибичъ объявилъ Ермолову высочайшее повелѣніе; какъ разъ въ этотъ же день былъ отданъ въ Петербургѣ высочайшій приказъ объ увольненіи Ермолова. Правда, Ермоловъ 3 марта отправилъ въ С.-Петербургъ свое письмо съ просьбой объ отставкѣ, но оно опоздало и пришло въ С.-Петербургъ уже послѣ сообщенія Дибичу высочайшей воли. Такъ совершилось паденіе Ермолова, на два—три дня всѣхъ ошеломившее въ С.-Петербургѣ, какъ писалъ Николай Павловичъ Константину Павловичу. Въ этомъ письмѣ императоръ Николай Павловичъ, повидимому, признаетъ нѣкоторую ложность своихъ представленій о Ермоловѣ и передаетъ брату о томъ, какъ произошла смѣна. «Сегодня утромъ я получилъ отъ Дибича донесеніе, что перемѣна совершилась, и что все произошло въ порядкѣ; Ермоловъ подчинился рѣшенію съ покорностію и безъ жалобъ. Я строго внушилъ Дибичу воспользоваться и предупредить какіе бы то ни было восторги и восклицанія, какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, чтобы все произошло, строго придерживаясь служебнаго порядка; повидимому, мнѣ удастся все-таки увидѣть все дѣло оконченнымъ, не какъ паденіе придворнаго, немилость и тому подобное, а такъ, какъ «сдача» должна происходить».

Любопытно, что время не уменьшило въ императорѣ Николаѣ «глубокаго, непреодолимаго недовѣрія и нерасположенія» къ Ермолову. Въ 1831 году государь встрѣтился съ бывшимъ проконсуломъ Грузіи въ Москвѣ, и вотъ что писалъ онъ въ разное время о Ермоловѣ Паскевичу: «Здѣсь нашелъ я Ермолова, онъ былъ у меня, ужасно постарѣлъ, растолстѣлъ и обрюзгъ, и, какъ кажется, присмирѣлъ, полагаютъ, что ему хочется проситься вновь на службу, хотя онъ мнѣ про сіе ничего не говорилъ; но казалось и мнѣ, что симъ кончится; ежели такъ, я не откажу, но не мнѣ его приглашать. Je connais mon homme» (15 октября)... «Мое ожиданіе сбы-

лось, сегодня Ермоловъ просилъ меня письмомъ принять таки на службу! Вотъ до чего дожили! посмотримъ, что изъ сего будетъ; повидимому, присмирѣлъ; не проведетъ дружокъ» (24 октября)... «Ермоловъ покуда скроменъ и тихъ, посмотримъ, что дальше будетъ, я за нимъ съ любопытствомъ слѣдую, и покуда еще не понимаю» (3 ноября)... Денисъ Давыдовъ разсказываетъ иначе исторію поступленія Ермолова на службу. Бенкендорфъ, посѣтивъ его, сказалъ по порученію государя слѣдующее: его величеству весьма непріятно то, что вы, будучи столь милостиво приняты имъ, не изъявили до сего времени желанія поступить на службу. На это Ермоловъ отвѣтилъ: «государь властенъ приказать мнѣ это, но никакая сила не заставитъ меня служить вмѣстѣ съ Паскевичемъ»... Вскорѣ графъ А. О. Орловъ объявилъ о желаніи государя видѣть его въ рядахъ войска и отъ лица государя далъ ему слово, что онъ никогда не будетъ сведенъ вмѣстѣ съ Паскевичемъ. Ермоловъ былъ вынужденъ написать письмо къ государю и былъ принятъ на службу.

Въ этомъ эпизодѣ съ Ермоловымъ интереснѣе всего отношенія Николая Павловича: помимо того, что враги Ермолова старались настроить противъ него государя, непріязнь послѣдняго обусловливалась мотивами чисто психологическаго характера. Ермоловъ не былъ исполнителемъ и заявилъ претензію на собственныя мнѣнія, а Николай Павловичъ слишкомъ ревниво относился къ своей власти, не терпя даже отвлеченнаго посягательства на ея неограниченность.

Паденіе Аракчеева носитъ иной характеръ. Изъ всѣхъ историческихъ дѣятелей, съ которыми имѣлъ дѣло Н. К. Шильдеръ во время своихъ продолжительныхъ занятій исторіей XVIII и XIX в., никто не вызывалъ въ немъ такой антипатіи, какъ безъ лести преданный графъ. Въ «Исторіи Александра I» Шильдеръ ярко и рѣзко характеризовалъ Аракчеева со всей его вредоносностью; во второмъ же томѣ изслѣдованія о Николаѣ I онъ разсказываетъ лишь исторію безславнаго паденія Аракчеева, собравъ нѣсколько документовъ, чрезвычайно ярко рисующихъ фигуру «убитаго старика» (такъ называлъ себя самъ Аракчеевъ въ это время) и представляющихъ неоцѣненный матеріалъ для психолога. Понявъ свою несовременность, Аракчеевъ 9 апрѣля 1826 года обратился къ Николаю Павловичу съ письмомъ объ отставкѣ, многословнымъ, разсчитанно откровеннымъ. «Нѣсколько лѣтъ уже,—такъ начинается это письмо,—я страдаю болію въ груди: общее несчастіе — горестная кончина государя императора Александра Павловича, отца и благодѣтеля моего,—довершило разстройство моего здоровья и довело наконецъ до такого состоянія, что я ни днемъ, ни ночью не имѣю покою. Я совѣтовался со многими врачами, но ни одинъ не могъ облегчить меня. Всѣ рѣшительно говорятъ, что мнѣ остается одно

средство—испытать карлсбадскія воды, я долженъ послѣдовать ихъ совѣту». Характерно для Аракчеева это начало, это обиліе совершенно лишнихъ въ сущности сообщеній. И дальше въ письмѣ Аракчеевъ выдерживаетъ этотъ тонъ: онъ то сознательно уничижаетъ себя, пресмыкается въ своемъ уничиженіи, то ссылается на свои достоинства. Характеризуя свою дѣятельность по военнымъ поселеніямъ, Аракчеевъ «позволяетъ себѣ открыто и съ позволеннымъ вѣрному слугѣ своего государя христіанскимъ удовольствіемъ сказать, что сія часть въ такомъ положеніи, какое, конечно, не всѣмъ другимъ извѣстно»... При письмѣ Аракчеевъ приложилъ записку о капиталахъ военныхъ поселеній и просилъ, если его труды удостоятся обратить на себя хоть нѣсколько вниманія, двухъ монаршихъ милостей: разрѣшенія напечатать эту записку въ «Инвалидѣ» и предоставить пользоваться во время отпуска присвоеннымъ ему содержаніемъ. «Оно не огромно, всемилостивѣйшій государь, и менѣе получаемаго не только моими сотоварищами, но даже и многими статсъ-секретарями». Въ доказательство своего безденежья графъ ссылался на совершенную имъ продажу въ Кабинетъ столовыхъ серебряныхъ вещей. Въ случаѣ, если государь не нашелъ бы за нимъ права на жалованье, онъ, Аракчеевъ, долженъ будетъ прибѣгнуть къ займамъ, ибо не стяжалъ себѣ никакихъ богатствъ.

Рескриптомъ 30 апрѣля 1826 года Аракчеевъ былъ уволенъ въ отпускъ, но въ самомъ дѣлѣ онъ оставлялъ военныя поселенія навсегда. Въ декабрѣ 1826 года Аракчеевъ вышелъ уже въ чистую отставку и обратился въ «грузинскаго отшельника», но его уединеніе было нарушено преинтереснѣйшимъ инцидентомъ. Читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы станемъ цитировать, быть можетъ, нѣсколько пространно письма Аракчеева, но вѣдь ихъ не передать въ разсказѣ, да, кромѣ того, уже по своему стилю слишкомъ они характерны для отшельника. 31 января 1827 года Дибичъ сообщилъ Аракчееву, что до государя дошелъ слухъ о какихъ-то печатныхъ изданіяхъ писемъ Александра Павловича къ Аракчееву. Предполагая, что Аракчеевъ не могъ самъ напечатать этихъ писемъ, писанныхъ партикулярно и по секрету, государь поручилъ Дибичу спросить у Аракчеева, извѣстно ли ему, изъ какого источника почерпнуты эти письма; въ случаѣ же незнанія графомъ Аракчеевымъ объ этихъ книгахъ предложить ему напечатать объявленіе, что таковыя изданныя въ печать письма и записки выдуманы и не заслуживаютъ вѣроятія.

Графъ Аракчеевъ получилъ письмо Дибича въ Тверской губерніи, какъ разъ во время говѣнія и приготовленія къ принятію святыхъ тайнъ. Немедленно же отвѣтилъ онъ Дибичу, приложивъ и слѣдующее объявленіе: «Дошло до свѣдѣнія графа Аракчеева, что въ С.-Петербургѣ появились въ публикѣ печатныя книги, въ коихъ помѣщены будто бы письма и записки, писанныя ко мнѣ покойнымъ

государемъ императоромъ Александромъ Благословеннымъ, — то какъ я, графъ Аракчеевъ, никому ничего никогда не только не позволялъ печатать, но даже и не отдавалъ никому никакихъ сего рода бумагъ, то и объявляю, что всѣ таковыя изданныя въ печать письма и записки должны быть невѣрныя и не заслуживающія вѣроятія. 13 февраля 1827 года, генералъ графъ Аракчеевъ». Дибичъ былъ въ это время въ Тифлисѣ, и Николай Павловичъ прислалъ это письмо со слѣдующей припиской: «Вотъ письмо къ вамъ отъ графа Аракчеева; оно васъ изумитъ не менѣе, чѣмъ насъ; я получилъ цѣлыя два, одно въ другомъ, въ которомъ онъ меня увѣряетъ, что это кто нибудь изъ злоумышленниковъ изобрѣлъ дѣло на него, и что я погрѣшу, если сему вѣрить буду. Je vous abandonne les réflexions».

Дѣйствительно, одновременно съ письмомъ къ Дибичу Аракчеевъ написалъ два письма къ государю. Въ одномъ изъ нихъ графъ писалъ: «Если бы это свѣдѣніе (о появленіи книгъ съ письмами Александра I) дошло когда либо до меня постороннимъ образомъ, то я бы никогда не повѣрилъ оному быть возможнымъ по той причинѣ, что, доживъ до 60-лѣтъ, стыдно бы мнѣ, старику, было не знать, что милостивыя покойнаго государя императора ко мнѣ писанныя письма должны быть для меня одного драгоцѣнны, а объявлять ихъ въ печатныхъ книгахъ въ публику не только не прилично, но вредно и не позволительно». Въ слѣдующихъ строкахъ графъ настоятельно просилъ государя приказать «разыскать, кто изволилъ оныя письма напечатать, и кто оныя письма для того употребленія выдалъ»... «Тогда и откроются тѣ люди, кои сіе обидное для меня дѣло выдумали»,—писалъ Аракчеевъ.

Во второмъ письмѣ Аракчеевъ «открывалъ душу свою въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, коимъ былъ онъ наученъ покойнымъ государемъ, его отцомъ и благодѣтелемъ. Аракчеевъ выражалъ надежду, что это второе письмо будетъ извѣстно только одному государю. Аракчеевъ говорилъ о томъ, что онъ имѣетъ много не только недоброжелательныхъ людей, но и самыхъ злодѣевъ, число коихъ извѣстно одному Богу и покойному государю. Этимъ врагамъ своимъ онъ и приписывалъ изданіе писемъ и просилъ у государя противъ нихъ защиты. «Если вы думаете,—писалъ Аракчеевъ,—что изданныя печатныя письма по моему согласію изданы, я онаго себѣ никогда и въ умѣ не воображалъ, а дѣйствительно, видно, оное сдѣлано недоброжелателями моими, и должно, кажется, тутъ скрываться, кромѣ намѣренія сдѣлать мнѣ непріятное, предположеніе онымъ поселить въ вашихъ мысляхъ дурное обо мнѣ мнѣніе; но можетъ быть и общее какое либо злонамѣреніе, почему весьма нужно открыть издателей оныхъ книгъ. Всемилостивѣйшій государь! здоровье мое такъ худо, что я теперь ничего себѣ не долженъ желать, какъ только одного покоя, но онаго я отъ моихъ доброже-

лателей никогда не буду имѣть, если вы, всемилостивѣйшій государь, не обратите вашего вниманія на стараго слугу вашихъ августѣйшихъ предковъ. Не оставьте меня вашею отцовскою защитою и будьте увѣрены, что я окажу свои послѣдніе годы жизни, хотя уже не службою, но тою же вѣрною преданностью къ вамъ, августѣйшему монарху, всемилостивѣйшему государю моему, о коемъ я ежедневно молюсь Богу, вѣдающему всѣ наши помышленія. Я теперь говѣю и готовлюсь пріобщиться святыхъ тайнъ въ той деревнѣ, гдѣ находятся гробы моихъ родителей, а потомъ велю себя перевезти въ Грузино и буду жить уединенно. Но прошу у васъ, всемилостивѣйшій государь, милости — позволить мнѣ въ случаѣ важныхъ какихъ либо обидъ и утѣсненіевъ отъ злодѣевъ моихъ адресоваться прямо къ вашему императорскому величеству съ тою искренно-душевною откровенностью, съ какою я всегда оное дѣлалъ въ теченіе моей жизни».

Читая эти письма, начинаешь жалѣть удрученнаго обидами безъ лести преданнаго графа, но... «трудно,—говоритъ Шильдеръ,—встрѣтить болѣе наглое обращеніе съ истиною, какъ въ этомъ произведеніи пера «истиннаго русскаго новгородскаго неученаго дворянина» (такъ называлъ себя въ письмахъ къ Сперанскому Аракчеевъ), являющемся къ тому же вполнѣ ложной исповѣдью». Дѣло въ томъ, что въ рукахъ Николая Павловича дѣйствительно находились «собственноручные рескрипты покойнаго государя императора, отца и благодѣтеля, Александра I, къ его подданному графу Аракчееву, съ 1796 года до кончины его величества, послѣдовавшей въ 1825 году». Но удивительнѣе всего то, что эта книга была напечатана въ типографіи военныхъ поселеній по личному приказанію Аракчеева! Одинъ экземпляръ этой книги Аракчеевъ далъ одному изъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, можно сказать, своему другу, Клейнмихелю, и другъ обязательно представилъ императору Николаю Павловичу.

Императору уже не нужно было никакихъ другихъ доказательствъ отъявленной лжи Аракчеева, и онъ приказалъ графу Чернышеву, человѣку, бывшему въ свое время «dans les bonnes grâces du comte», отправиться въ Грузино, отобрать у Аракчеева всю напечатанную имъ переписку и показать ему «son mensonge impudent». Вотъ что писалъ о путешествіи Чернышева Николай Павловичъ Константину Павловичу 15-го марта 1827 года: «Сегодня утромъ Чернышевъ вернулся ко мнѣ изъ Грузина, куда я посылалъ его объясниться устно съ Аракчеевымъ. Я выбралъ его для бóльшей вѣрности, такъ какъ онъ пользовался милостями графа. И что же вы подумали бы? Онъ привезъ 18 экземпляровъ и признаніе, что онъ былъ не правъ, но что, какъ его спрашивали, не извѣстно ли ему о подобныхъ книгахъ, ходившихъ по рукамъ, а не спрашивали, не велѣлъ ли онъ ихъ напечатать для себя, то

онъ не думалъ, что лжетъ, сказавъ, что онъ не слышалъ разговоровъ объ этомъ. Онъ плакалъ, увѣрялъ, что печаталъ ихъ съ вѣдома императора, и что даже императоръ часто спрашивалъ его, насколько увеличилось изданіе. Что онъ подарилъ ихъ только двумъ лицамъ, но что возможно, что часть ихъ украли у него, что, впрочемъ, онъ показывалъ ихъ нѣсколькимъ»...

Въ письмѣ къ государю Аракчеевъ начиналъ съ выраженія благодарности за то, что для справки къ нему былъ посланъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ, честный человѣкъ и справедливый; затѣмъ сообщалъ, что онъ напечаталъ двадцать экземпляровъ, одинъ онъ оставилъ у себя, а другой далъ Клейнмихелю. «Касательно же моего перваго письма,—писалъ графъ,—о сихъ письмахъ, то я разумѣлъ письмо Ивана Ивановича Дибича, что онъ спрашивалъ меня о появившихся книгахъ печатныхъ въ публику, то я и думалъ, что письма сіи напечатаны въ какихъ либо журналахъ или анекдотахъ, а если бы онъ спросилъ у меня, нѣтъ ли для себя печатныхъ экземпляровъ, то я бы все то написалъ, что нынѣ лично объяснилъ генералу графу Чернышеву. Послѣ сего, кажется, ваше величество изволите увидѣть совершенно мою невинность и примите милостиво мое желаніе имѣть сіи письма въ печати собственно для себя, а не для публики, о чемъ и покойный государь меня благословлялъ и позволялъ изъ представленныхъ ежегодно печатныхъ ему писемъ, а виноватъ, всемилостивѣйшій государь, я предъ вами, что я послѣдній разъ напечаталъ при вашемъ царствованіи»... «Всемилостивѣйшій государь, простите мнѣ вину мою, если я виновенъ въ ономъ, ибо я терзаюсь онымъ, что вы гнѣваетесь на меня, и оный гнѣвъ вашъ меня ускоритъ къ смерти».

Отвѣтъ Николая Павловича на признаніе Аракчеева былъ кратокъ: «Генералъ Чернышевъ вручилъ мнѣ письмо ваше, Алексѣй Андреевичъ, и посылку; онъ мнѣ передалъ весь вашъ разговоръ. Излишне мнѣ входить съ вами въ разсужденіе о предметѣ, на который мы взираемъ совершенно съ разныхъ точекъ. Я исполнилъ долгъ, какъ братъ и какъ государь. Ваше опасеніе на счетъ собственный излишне: гдѣ есть законы, тамъ и защита каждому; мое же дѣло смотрѣть за соблюденіемъ ихъ безъ лицепріятій, но съ должною справедливостію».

Чрезвычайно любопытно мнѣніе Константина Павловича объ этомъ дѣлѣ и о двухъ его герояхъ, Аракчеевѣ и Клейнмихелѣ (фамилію его, обозначенную у Шильдера точками, можно возстановить по письму Аракчеева). «У меня просто опускаются руки,—писалъ онъ Николаю Павловичу,—и мнѣ нечего прибавлять къ негодованію, которое я испытываю, какъ противъ Аракчеева, такъ и противъ презрѣннаго Клейнмихеля, который, осыпанный въ полной мѣрѣ его милостями, имѣлъ подлость отдать свой экземпляръ съ его собственноручной надписью; я на его мѣстѣ постарался бы уничтожить ее, со-

хранивъ все-таки экземпляръ, если бы не могъ истребить его. Человѣкъ, обнаруживающій недостатокъ благодарности къ своему благодѣтелю, каковъ бы ни былъ послѣдній самъ по себѣ,—человѣкъ гадкій и низкій, заслуживающій презрѣнія и недостойный, по моему мнѣнію, оставаться среди общества и, въ особенности, на какомъ бы то ни было мѣстѣ близъ государя. Таково мое мнѣніе. Что же касается книги самой по себѣ, она не представляетъ ничего другого, какъ, съ одной стороны, слѣпую довѣрчивость человѣка, судившаго о прочихъ по своему ангельскому сердцу, съ другой стороны, глупое тщеславіе, безстыдное самолюбіе и желаніе возвеличить себя даже въ ущербъ тому, кого онъ называлъ своимъ отцомъ и благодѣтелемъ, однимъ словомъ это прискорбно!»...

Николай Павловичъ призналъ до нѣкоторой степени справедливость отзыва Константина Павловича о Клейнмихелѣ, и въ письмѣ отъ 14-го марта 1827 года у него вылились слѣдующія строки о сотрудникѣ своего царствованія: «Я вполнѣ раздѣлилъ бы ваше мнѣніе насчетъ Клейнмихеля, если бы фактъ былъ самъ по себѣ точенъ; но такъ какъ книга была вытребована у него внезапно и неожиданно для него, то это смягчаетъ его вину; но, къ несчастью, болѣе чѣмъ часто бываешь вынужденъ пользоваться услугами людей, которыхъ не уважаешь, если они могутъ принести хоть какую нибудь пользу, а таково именно положеніе даннаго лица».

Вотъ какую печальную исторію пришлось пережить «новгородскому неученому дворянину». Вся переписка Аракчеева, изъ которой мы привели выдержки, представляетъ богатѣйшій психологическій матеріалъ. Удаленіе Аракчеева отъ власти Шильдеръ ставитъ Николаю Павловичу въ особую заслугу передъ Россіей.

Не менѣе полезнымъ дѣломъ съ исторической точки зрѣнія является расправа съ Магницкимъ и Руничемъ. Еще въ маѣ 1826 года Магницкій былъ удаленъ съ должности попечителя Казанскаго округа: подвиги его въ этой должности достаточно извѣстны. Но онъ не унялся и по исключеніи отъ службы. Шильдеръ приводитъ любопытныя данныя о поведеніи уволеннаго со службы Магницкаго изъ находящагося въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства «Дѣла о вредномъ вліяніи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго по Казанскому университету и объ отправленіи его арестованнымъ изъ Казани въ Ревель». Генералъ Желтухинъ, ревизовавшій по приказанію Николая Павловича университетъ, донесъ государю, что Магницкій вмѣшивается безпрестанно въ университетскія дѣла, образовавъ тутъ свою партію, и въ своемъ нахальствѣ дошелъ до того, что сталъ распространять о себѣ слухи, будто «никогда онъ не пользовался таковою довѣренностью отъ высшаго начальства, какъ нынѣ, и будто присланъ сюда по порученіямъ тайной полиціи, къ которой якобы принад-

лежитъ»... Николай Павловичъ распорядился быстро и рѣшительно и на рапортѣ Желтухина надписалъ: «послать фельдъегеря съ приказаніемъ губернатору арестовать Магницкаго, опечатать его бумаги, и то и другое прислать: Магницкаго въ Ревель подъ присмотръ коменданта, а бумаги сюда»...

III.

Переходимъ теперь къ важнѣйшей части труда Н. К. Шильдера—отношеніямъ императора Николая I къ Польшѣ и польскому возстанію 1831 года. Для характеристики положенія государя въ польскомъ вопросѣ Шильдеръ воспользовался не вызывающимъ сомнѣній источникомъ—письмами его къ Константину Павловичу. Не останавливаясь на внѣшней исторіи возстанія, мы ограничимся лишь важнѣйшими эпизодами въ исторіи польскаго вопроса въ 1826—1831 годахъ.

Въ этомъ періодѣ два момента играли существеннѣйшую роль; Шильдеръ особенно ихъ подчеркиваетъ. Первый—основное противорѣчіе двухъ системъ управленія—конституціоннаго въ Польшѣ и самодержавнаго въ Россіи—и яркое сознаніе этого противорѣчія и въ самомъ императорѣ и въ его помощникахъ. «Странно видѣть государя самодержавнаго,—пишетъ одинъ изъ современниковъ,—обладающаго 50.000.000 народовъ на третьей части полушарія, говорящаго конституціоннымъ языкомъ и представляющаго власть свою ограниченною предъ горстью народа, всегда Россіи враждебнаго, въ то время, когда въ сей послѣдней указъ, не только имъ подписанный, но отъ его имени объявленный, рѣшаетъ безъ малѣйшихъ обрядовъ или формъ жизнь и участь и высшихъ и низшихъ сословій, и гдѣ за малѣйшее противъ правленія замѣчаніе со стороны частнаго человѣка можетъ онъ ужасно пострадать». Другой моментъ—исключительность отношеній, въ которыя судьбой были поставлены два брата. Въ сущности, каждый изъ нихъ былъ рожденъ самодержцемъ; представленіе о неограниченности собственной власти было создано вліяніями и наслѣдственности и обстановки. И вотъ одинъ изъ нихъ, которому былъ предоставленъ россійскій тронъ, оказывается, какъ бы тамъ ни было, въ положеніи подчиненномъ; другой, съ исключительнымъ представленіемъ о своей власти, чувствуетъ свою зависимость, внутреннюю, конечно. Могла ли быть у Николая Павловича свобода рѣшеній и дѣйствій, когда рѣчь шла о власти, предоставленной цесаревичу еще при Александрѣ I? Подъ внѣшнимъ покровомъ совершеннаго согласія таился внутренній расколъ. Какое, напримѣръ, впечатлѣніе производили на Николая Павловича сентенціи, которыми Константинъ Павловичъ сопровождалъ свое мнѣніе по всякому вопросу, въ родѣ слѣдующей: «Простите, дорогой братъ, что я вамъ излагаю эти

мысли: онѣ не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ высказываются вамъ человѣкомъ, удѣлъ котораго—ничтожество (elles ne tirent à aucune conséquence venant d'un homme dont la nullité est le partage), но я долженъ былъ такъ поступить въ силу моей прямоты и откровенности и какъ бы платя дань откровенности, составляющей мой долгъ въ отношеніи къ вамъ, и такъ какъ я не могу и не долженъ скрывать отъ васъ что бы то ни было; таковъ былъ мой образъ дѣйствій въ отношеніи нашего почившаго безсмертнаго императора, и онъ останется неизмѣнно такимъ же въ отношеніи къ вамъ до тѣхъ поръ, пока вы не прикажете поступать иначе».

Въ дѣйствительности же власть цесаревича въ Польшѣ вовсе не ограничивалась властью Николаю Павловича, и цесаревичъ, ревниво относясь къ своему положенію и не терпя малѣйшаго вмѣшательства, передъ Николаемъ Павловичемъ былъ защитникомъ конституціонныхъ началъ. Съ этой точки зрѣнія любопытна переписка двухъ братьевъ о формѣ суда надъ лицами, привлеченными къ дознанію Варшавскимъ слѣдственнымъ комитетомъ. Николай Павловичъ предложилъ, конечно, учредить судъ на тѣхъ же началахъ, на какихъ былъ судъ въ Петербургѣ. И вотъ что писалъ 12-го октября 1826 года Константинъ Павловичъ своему брату: «я позволю себѣ представить вамъ, что составъ суда въ родѣ того, какъ было сдѣлано у васъ, не можетъ имѣть мѣста у насъ безъ нарушенія всѣхъ конституціонныхъ началъ, потому что спеціальные суды не допускаются, а петербургскій судъ былъ именно такимъ, потому что на ряду съ сенатомъ въ составъ его введены были члены, назначенные особо въ данномъ случаѣ; въ конституціонныхъ странахъ уже отвергаютъ компетентность и правосудіе петербургскаго суда и называютъ его чѣмъ-то въ родѣ военнаго суда, сверхъ того, самое судопроизводство представляется имъ незаконнымъ, такъ какъ въ немъ не было допущено гласной защиты; виновные или же подсудимые были осуждены, не бывъ, такъ сказать, ни выслушаны публично, ни защищены тѣмъ же путемъ; въ конституціонныхъ странахъ дѣйствуютъ учрежденные на то суды, при гласной защитѣ»...

Члены польскихъ тайныхъ обществъ были преданы сеймовому суду. Судъ тянулся безконечно долго, въ 1827 и 1828 годахъ. Судъ этотъ вызвалъ такія проявленія народныхъ чувствъ, которыя не оставляли никакого сомнѣнія въ наличности революціоннаго элемента въ жизни Польши, вопреки всему тому, что думалъ о спокойствіи страны Константинъ Павловичъ. Въ изобиліи выходили памфлеты, подпольныя изданія, прокламаціи; молодежь устраивала демонстраціи. Давленіе общественнаго мнѣнія было такъ велико, что дѣло кончилось оправданіемъ подсудимыхъ, изъ которыхъ только нѣкоторые понесли незначительныя наказанія. Предсѣдатель суда

Бѣлинскій сказалъ: «Мое сердце препятствуетъ мнѣ осудить національное чувство». Такой приговоръ ошеломилъ и цесаревича и государя. Письма цесаревича за время суда изобиловали выраженіями въ родѣ: notre sot et imbécile sénat, la vieille ganache de président, l'insigne bêtise de Bielinski и т. п. Николай Павловичъ приказалъ административному совѣту высказать свое мнѣніе по поводу судебнаго приговора. Начался пересмотръ, но и административный совѣтъ почти одобрилъ приговоръ, высказавшись, что приговоръ слѣдуетъ приписать не злонамѣренности его членовъ, а неудовлетворительности существовавшаго уголовнаго законодательства. Тогда Николай Павловичъ приказалъ прочесть сенату при закрытыхъ дверяхъ выговоръ и утвердилъ рѣшеніе суда. 9-го марта 1829 года цесаревичъ сообщилъ Николаю Павловичу о настроеніи общества слѣдующее: «Вмѣсто того, чтобы чувствовать деликатность вашего образа дѣйствій, выразившагося въ приказаніи сдѣлать имъ выговоръ при закрытыхъ дверяхъ, встрѣчаются такіе, которые въ этомъ видятъ опасеніе дѣйствовать публично, но что впрочемъ они восторжествовали, освободивъ патріотовъ, которые жертвовали для отечества. Подобное толкованіе распространено между праздною молодежью и въ особенности среди студентовъ; со дня на день они становятся все болѣе дерзкими и болѣе смѣлыми и въ особенности послѣ погребенія Бѣлинскаго. Я уже предупредилъ правительство объ этомъ и о крайней необходимости водворить порядокъ среди всей этой неугомонной молодежи; всѣ добромыслящіе люди чувствуютъ это и держатся моего мнѣнія; но не знаю, чѣмъ это можно объяснить; мѣры, которыя считаютъ возможнымъ принять, не отвѣчаютъ безотлагательнымъ потребностямъ даннаго случая. Слѣдуетъ замѣтить, что съ нѣкотораго времени учащаяся молодежь усвоила крайне замѣтную наклонность ко злу. Я склоненъ думать, что она получаетъ руководство извнѣ, а именно отъ Познанскаго герцогства и изъ Франціи».

Этому политическому процессу Шильдеръ приписываетъ не малозначительную роль въ исторіи революціоннаго развитія Польши. А развитіе совершалось безпрерывно и невозбранно, и мѣры, которыя могли бы помѣшать этой революціи, роковымъ образомъ не осуществлялись. Такъ было въ русско-турецкую войну, когда Николай Павловичъ очень хотѣлъ послать въ ряды дѣйствующихъ войскъ польскую армію, но цесаревичъ, подъ различными предлогами и между прочимъ подъ тѣмъ предлогомъ, что настоящее зло грозитъ Россіи не съ Востока, а съ Запада, этого очага всякихъ возмутительныхъ мыслей, настоялъ на оставленіи польскихъ войскъ дома. И здѣсь проявилось ревнивое отношеніе цесаревича ко всему, что находилось подъ его властью. «Такимъ образомъ, — пишетъ Шильдеръ,—польская армія осталась нетронутою въ царствѣ и попрежнему спокойно упражнялась во всѣхъ тонкостяхъ гарнизон-

ной службы, подъ требовательнымъ окомъ своего главнокомандующаго, а тайныя общества могли безпрепятственно продолжать въ рядахъ ея свою подпольную, разлагающую работу, которая, благодаря близорукому упорству цесаревича, привела къ взрыву 1830 года».

При такомъ-то настроеніи польскаго общества императору Николаю предстояло исполнить 45-й параграфъ данной Александромъ I польской консистуціи, гласившій слѣдующее: «всѣ наши преемники въ королевствѣ Польскомъ обязаны короновать себя королями польскими въ столицѣ по обряду, который мы установимъ, и они будутъ приносить слѣдующую присягу: я клянусь и обѣщаю передъ Богомъ и на Евангеліи поддерживать и всею моею властью побуждать къ выполненію конституціонной хартіи». Вопросъ о совершеніи коронаціи обсуждался въ перепискѣ между государемъ и цесаревичемъ. Николай Павловичъ писалъ, чтобы все произошло съ возможно меньшими церемоніями; онъ не хотѣлъ даже духовной церемоніи, совершаемой въ католическомъ соборѣ, но Константинъ Павловичъ настоялъ на необходимости присутствовать на молебствіи въ слѣдующихъ рѣшительныхъ выраженіяхъ: «Богъ призвалъ васъ царить надъ народомъ другой вѣры, чѣмъ ваша; поэтому вамъ слѣдуетъ защищать ее, уважать и поддерживать и не подвергать ея, такъ сказать, съ вашей стороны запрещенію. Вамъ не предоставлено, какъ кому бы то ни было другому, вмѣшиваться въ споры; оставьте людямъ ихъ вѣрованія, отъ того они не будутъ менѣе вѣрны и признательны вамъ; помимо того, молебствіе—не таинство, вы будете тамъ въ качествѣ присутствующаго. Вотъ мое мнѣніе, и я не могу измѣнить его».

Слухъ о предстоящей коронаціи въ Варшавѣ, по замѣчанію Бенкендорфа, не порадовалъ русскихъ. 5 мая 1828 года состоялся торжественный въѣздъ государя въ Варшаву, а 12 мая былъ совершенъ обрядъ коронованія. Съ внѣшней стороны пріемъ не оставлялъ желать лучшаго, но при церемоніи произошелъ инцидентъ: когда, по принесеніи присяги, примасъ провозгласилъ троекратно «Vivat rex in aeternum», сенаторы и депутаты не повторили этой формулы. «Разрывъ между поляками и династіей въ духовномъ отношеніи совершился»,—замѣчаетъ польскій историкъ. «На насъ,—пишетъ въ своихъ запискахъ Бенкендорфъ,—церемонія произвела какое-то тягостное впечатлѣніе, какъ бы предзнаменовавшее ту неблагодарность, которою этотъ легкомысленный и тщеславный народъ отплатитъ со временемъ за довѣріе и честь, оказанныя ему русскимъ императоромъ, Возвратившись въ внутреннія комнаты замка, государь послалъ за мною. При видѣ моего духовнаго смущенія онъ не скрылъ и своего. Онъ принесъ присягу съ чистымъ помысломъ и съ твердою рѣшимостью свято ее соблюдать». Какъ отнесся къ пребыванію Николая Павловича

въ Варшавѣ цесаревичъ? Шильдеръ оцѣниваетъ положеніе, созданное присутствіемъ государя, тонкими и мѣткими штрихами.

«Пребываніе государя въ Варшавѣ, — пишетъ онъ, — тяготило цесаревича, привыкшаго въ продолженіе почти пятнадцати лѣтъ не нести иныхъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которыя онъ самъ на себя налагалъ, и повелѣвать, какъ первое лицо, тогда какъ теперь ему приходилось, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ подавать примѣръ покорности. Очевидцы упоминаютъ о тогдашней его humeur massacrante! Сознавая прекрасно, что не одинъ голосъ поднимается противъ его самовластнаго образа дѣйствій и противъ его произвольной, часто переходящей всякую мѣру строгости, онъ страшился проницательнаго взгляда своего брата. Ближайшіе изъ наперсниковъ цесаревича также опасались подпасть заслуженной отвѣтственности, между тѣмъ какъ поляки разсчитывали на измѣненіе установленнаго образа управленія, и въ особенности надѣялись увидѣть ограниченіе власти великаго князя. Бенкендорфъ разсказываетъ, что, когда во время торжественнаго обѣда ему пришлось сидѣть между нунціями, они жаловались ему на нестерпимую грубость цесаревича и превозносили привѣтливость новаго ихъ короля, увѣряя, что они охотно отдали бы послѣднему свою конституціонную хартію со всѣми ея привилегіями, лишь бы онъ управлялъ ими непосредственно, какъ управляетъ Россіею».

Наступилъ 1830 годъ. Николай Павловичъ предложилъ собрать сеймъ къ 16-му мая. Константинъ Павловичъ назвалъ сеймъ «нелѣпой штукой», но мнѣніе государя было иное: «мы существуемъ для упорядоченія общественной свободы и для подавленія злоупотребленій ею»,— отвѣтилъ онъ цесаревичу. И въ этотъ пріѣздъ государя въ Варшаву положеніе, созданное Константиномъ Павловичемъ, показалось въ еще болѣе непригляднымъ освѣщеніи такому наблюдателю, какъ Бенкендорфъ. «Всякая надежда поляковъ на перемѣну къ лучшему,—пишетъ онъ,— исчезла, даже многіе изъ русскихъ, окружавшихъ цесаревича, приходили довѣрять мнѣ свои жалобы и общій ропотъ. Я держался осторожно въ отношеніи этихъ откровеній; но они были такъ единодушны и такъ искренны, что невольно пробудили во мнѣ чувство состраданія къ полякамъ, а еще болѣе къ трудному и жестокому положенію государя. Цесаревичъ въ личномъ обращеніи своемъ съ нимъ всегда представлялся почтительнымъ и покорнымъ подданнымъ; но въ сношеніяхъ съ министрами и даже въ разговорахъ съ своими приближенными онъ нисколько не таилъ постоянной оппозиціи. Малѣйшее противорѣчіе причиняло ему досаду, даже похвалы государя кому либо изъ мѣстныхъ чиновниковъ, военныхъ или гражданскихъ, тотчасъ возбуждали горькіе пересуды, нерѣдко и неудовольствіе его брата противъ этихъ самыхъ чиновниковъ, награжденныхъ по собственному его представленію. Можно было тогда же предугадать бли-

зость реакціи и мятежа, если бы жалобы скрывались въ тайнѣ, но онѣ высказывались совершенно явно».

Николай Павловичъ открылъ собранія сейма конституціонною рѣчью. Попрежнему съ внѣшней стороны все шло спокойно, миролюбиво, хотя и холодно. По свидѣтельству Бенкендорфа, государь остался не доволенъ своей поѣздкой, и его положеніе въ Польскомъ королевствѣ показалось ему самому нелѣпымъ, и онъ почувствовалъ все зло либеральной и преждевременной организаціи этого края, которую охранять присягнулъ онъ самъ. Іюльскія событія этого года только способствовали обостренію сознанія противорѣчія двухъ государственныхъ системъ. Поэтому пріобрѣтаютъ особенный интересъ слова, высказанныя имъ въ бесѣдѣ съ французскимъ посломъ 5-го августа 1830 года. «Если бы,—сказалъ государь,—во время кровавыхъ смутъ въ Парижѣ народъ разгромилъ домъ русскаго посольства и обнародовалъ мои депеши, то были бы поражены, узнавъ, что я высказался противъ государственнаго переворота; удивились бы, что русскій самодержецъ поручаетъ своему представителю внушить конституціонному королю соблюденіе учрежденныхъ конституцій, утвержденныхъ присягою». Шильдеръ сообщаетъ въ своей книгѣ любопытныя подробности о томъ вліяніи, которое имѣли событія 1830 года во Франціи на Николая Павловича, и которое не прошло безслѣдно и въ его отношеніяхъ къ Польшѣ. Извѣстно, что Николай Павловичъ рѣшался даже на европейскую войну для защиты принципа. Этой войны рѣшительно не одобрялъ Константинъ Павловичъ.

Но всѣ приготовленія къ европейской войнѣ были прерваны извѣстіемъ о возмущеніи войскъ и жителей Варшавы въ ночь на 17-е ноября. Николай Павловичъ получилъ первое сообщеніе цесаревича только вечеромъ 25-го ноября. Уже въ третьемъ своемъ донесеніи цесаревичъ увѣдомилъ государя, что онъ разрѣшилъ оставшимся при немъ частямъ польской арміи вернуться въ Варшаву, и за это польскіе депутаты обѣщали ему и русскому отряду свободный проходъ къ границамъ имперіи. По достиженіи границъ, цесаревичъ писалъ государю 1-го декабря: «И вотъ твореніе шестнадцати лѣтъ совершенно разрушено подпрапорщиками, молодыми офицерами и студентами съ компаніею. Я не распространяюсь объ этомъ болѣе, но долгъ повелѣваетъ мнѣ засвидѣтельствовать передъ вами, что собственники, сельское населеніе и всѣ, кто только владѣетъ хоть какимъ нибудь имуществомъ, въ отчаяніи отъ этого. Офицеры, генералы, равно какъ и солдаты, не могли удержаться, чтобы не послѣдовать за общимъ движеніемъ, будучи увлечены молодежью и подпрапорщиками, которые всѣхъ сбили съ толку, словомъ положеніе дѣлъ самое скверное, и я не знаю, что изъ этого по благости Божіей выйдетъ. Всѣ мои средства надзора ни къ чему не привели, несмотря на то, что все

начинало раскрываться... Вотъ мы, русскіе, у границы, но, великій Боже, въ какомъ положеніи, почти босикомъ; всѣ вышли какъ бы на тревогу, въ надеждѣ вернуться въ казармы, а вмѣсто сего совершили ужасные переходы. Офицеры всего лишились и имѣють лишь то, что на нихъ надѣто... Я сокрушенъ сердцемъ, на $51^1/_2$ году жизни и послѣ $35^1/_2$ лѣтъ службы я не думалъ, что кончу свою карьеру столь плачевнымъ образомъ».

5-го декабря Николай Павловичъ издалъ воззваніе къ войскамъ и народу царства Польскаго, а 12-го декабря манифестъ, обѣщавшій прощеніе всѣмъ, возвратившимся къ исполненію своего долга. Попытки къ примиренію были исчерпаны. 8-го декабря Николай Павловичъ писалъ цесаревичу: «Если одинъ изъ двухъ народовъ и двухъ престоловъ долженъ погибнуть, могу ли я колебаться хоть мгновеніе? Вы сами развѣ не поступили бы такъ? Мое положеніе тяжкое, моя отвѣтственность ужасна, но моя совѣсть ни въ чемъ меня не упрекаетъ въ отношеніи поляковъ, и я могу утверждать, что она ни въ чемъ не будетъ упрекать меня, я исполню въ отношеніи ихъ всѣ мои обязанности, до послѣдней возможности; я не напрасно принесъ присягу, и я не отрѣшился отъ нея; пусть же вина за ужасныя послѣдствія этого событія, если ихъ нельзя будетъ избѣгнуть, всецѣло падетъ на тѣхъ, которые повинны въ немъ! Аминь».

Главнокомандующимъ дѣйствующей арміи въ войнѣ съ Польшей былъ назначенъ Дибичъ. Первыя свѣдѣнія о возстаніи онъ получилъ, будучи въ Берлинѣ; подавленіе возстанія ему казалось легкимъ дѣломъ, и онъ готовъ былъ разсматривать все случившееся, какъ поводъ къ «славному подвигу». Но, отправляясь въ Польшу, онъ чувствовалъ себя въ угнетенномъ состояніи и высказывалъ опасенія за свою военную славу и неувѣренность въ силахъ. Предчувствіе не обмануло Дибича.

Николай Павловичъ медлилъ обращеніемъ къ рѣшительному образу дѣйствій. 1-го января 1831 года Константинъ Павловичъ, принося свои поздравленія, поручалъ польскій народъ милосердію Николая Павловича. «Не всѣ члены народа,—писалъ онъ,—виновны, а виновны тѣ, которые вывели его на путь преступленія и всевозможнаго разврата. Пощада для нихъ, дорогой и несравненный братъ, и снисхожденіе для всѣхъ — это мольба брата, имѣвшаго несчастіе изъ послушанія посвятить лучшую часть своей жизни на образованіе войскъ, къ сожалѣнію, обратившихъ свое оружіе противъ своей родной страны. Моя общественная роль кончена послѣ всего того, что случилось со мною въ послѣднее время, никакое командованіе не прельщаетъ меня». Еще до полученія этого письма, 8-го января, Николай Павловичъ писалъ цесаревичу: «Кто изъ двухъ долженъ погибнуть—такъ какъ, повидимому, погибнуть необходимо—Россія или Польша? Рѣшите сами. Я исчерпалъ всѣ

возможныя средства, чтобы предотвратить подобное несчастіе; средства, совмѣстимыя только съ честью и моею совѣстью, эти средства исчерпаны, или, по крайней мѣрѣ, ничто не можетъ заставить меня повѣрить, чтобы ихъ хотѣли тамъ; что же мнѣ остается дѣлать?»...

Но чаша терпѣнія Николая Павловича переполнилась, когда сеймъ 13-го января 1831 года объявилъ династію Романовыхъ лишенной польскаго престола. 25-го января государь издалъ новый манифестъ: «Мы повелѣли нашимъ войскамъ пойти на мятежниковъ... Да поможетъ намъ Богъ, возвративъ Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ страны»...

25-го января русская армія вступила въ царство Польское, а 13-го декабря произошла рѣшительная битва передъ Прагою при Гроховѣ. Исходъ этой битвы вызываетъ цѣлый рядъ недоумѣній. Поляки потеряли до 12.000 человѣкъ и должны были отступить въ Варшаву; разстройство въ ихъ рядахъ было полное: польскій главнокомандующій Хлопицкій былъ тяжело раненъ. Рѣшительный ударъ со стороны Дибича прекратилъ бы всякую войну, но... этого рѣшительнаго удара не послѣдовало. «Въ эту минуту,—пишетъ Бенкендорфъ,—звѣзда фельдмаршала Дибича померкла. Онъ заколебался, велѣлъ войскамъ построиться въ колонны для атаки, повелъ ихъ, но потомъ самъ остановилъ ихъ порывъ и такимъ образомъ задержалъ побѣду, а съ нею и развязку дѣла. Онъ утратилъ свою славу и изъ экспедиціи, которой слѣдовало быть однимъ громовымъ ударомъ, брошеннымъ рукою могущественнаго владыки Россіи на слабыхъ мятежниковъ маленькаго царства Польскаго, развилъ продолжительную и кровавую войну». Можно себѣ представить негодованіе императора Николая!

Но что же заставило Дибича прекратить бой? Вопросъ любопытнѣйшій и имѣющій нѣсколько отвѣтовъ. Руководилъ ли Дибичемъ ложный расчетъ на то, что поляки и безъ продолженія боя сдадутся, или онъ прекратилъ бой по чьему либо настоянію? Нѣкоторые думаютъ, что настоялъ на этомъ помощникъ Дибича, графъ Толь. Шильдеръ принимаетъ мнѣніе, высказанное графомъ Бенкендорфомъ въ его запискахъ. «Одинъ генералъ,—пишетъ онъ,—далъ Дибичу совѣтъ пріостановить нападеніе, чтобы избѣжать кровопролитія, и онъ имѣлъ слабость его послушаться. Дибичъ никогда не хотѣлъ назвать этого генерала по имени и тайну свою унесъ въ гробъ, но на смертномъ одрѣ сказалъ графу Орлову: «Мнѣ дали этотъ пагубный совѣтъ; послѣдовавъ ему, я провинился передъ государемъ и Россіей. Главнокомандующій одинъ отвѣчаетъ за всѣ свои дѣйствія». Заслуженная Дибичемъ укоризна глубоко отозвалась въ благородномъ сердцѣ его, преданномъ государю и Россіи, и погасила его твердость и талантъ.

Думаютъ, что совѣтъ, остановившій карательный мечъ, поднятый имъ надъ крамольной Варшавою, принадлежалъ цесаревичу Константину Павловичу. Видъ этого города, гдѣ цесаревичъ жилъ и начальствовалъ въ продолженіе шестнадцати лѣтъ, гдѣ образовались его связи, и устроился его бракъ, гдѣ укрѣпились всѣ его привычки,—видъ этого города въ минуту грозящаго ему бѣдствія могъ тронуть сердце цесаревича и внушить ему мысль о спасеніи Варшавы. Если точно имъ данъ былъ совѣтъ, то онъ понесъ жестокое наказаніе въ горестяхъ и уничиженіи, не перестававшихъ съ тѣхъ поръ его преслѣдовать и низведшихъ его вскорѣ въ гробъ, вдали отъ сбереженной имъ Варшавы».

Но справедливо ли подобноое предположеніе? Шильдеръприводитъ слѣдующія доказательства. Записки Бенкендорфа были прочитаны Николаемъ Павловичемъ, который собственноручно отмѣтилъ всѣ мѣста, казавшіяся ему невѣрными. Слова же Бенкендорфа о Константинѣ Павловичѣ не встрѣтили въ немъ никакого возраженія; Шильдеръ видитъ въ этомъ косвенное подтвержденіе справедливости своего мнѣнія. Другое доказательство Шильдеръ находитъ въ неизданной части записокъ «извѣстнаго» Эразма Стогова, но, очевидно, историкъ не придаетъ серьезнаго значенія этому фантастическому, по его же словамъ, разсказу со словъ очевидца [1]). Но вотъ что писалъ цесаревичъ государю 14-го февраля: «Если бы всѣ оказались на своихъ мѣстахъ, какъ это слѣдовало бы ожидать, день былъ бы рѣшительнымъ, а кампанія оконченной. Но Богу угодно было рѣшить иначе, и все отложено до другого раза. Если бы князь Шаховской прибылъ на наше правое крыло, какъ онъ долженъ былъ сдѣлать это, никогда поляки не увидѣли бы снова Праги, но,—не понимаю,—произошло колебаніе. Впрочемъ поговорка говоритъ: «que sans des si et des mais, l'on met des villes dans des bouteilles». Въ виду такихъ рѣшительныхъ выраженій цесаревича трудно на основаніи приводимыхъ Шильдеромъ свидѣтельствъ принять его мнѣніе. Но какъ бы тамъ ни было, Шильдеръ воз-

---

[1]) Вотъ этотъ разсказъ: «Полы у палатки были подняты, Дибичъ передъ палаткой сидитъ на барабанѣ, пригнулся къ колѣнямъ и грызетъ ногти правой руки; замѣтно, что онъ слышитъ каждый выстрѣлъ; штабные адъютанты, ординарцы—всѣ разосланы. Говорили, что сраженіе къ концу, поляки разбиты. При палаткѣ Дибича остался я одинъ. Вижу: галопомъ ѣдетъ великій князь Константинъ Павловичъ, подъѣхалъ и громко сказалъ: «фельдмаршалъ, поздравляю васъ съ побѣдой!»—Дибичъ будто не видитъ, не пошевелился и продолжалъ кусать ногти. Я думалъ, не хватилъ ли онъ черезчуръ. Великій князь громко говоритъ: «Фельдмаршалъ, поляковъ рѣжутъ, какъ барановъ. Фельдмаршалъ, милосердія!»—Дибичъ не шевелился. Великій князь вспылилъ: «Фельдмаршалъ, съ вами говоритъ старшій братъ вашего государя!» Дибичъ, точно кто ткнулъ шиломъ, быстро вскочилъ, руку къ шляпѣ и проговорилъ: «Что угодно приказать вашему высочеству?»—«Прекратить рѣзню!»—Дибичъ обернулся къ съѣхавшимся штабнымъ и повелительно скомандовалъ: «Отбой на всѣхъ пунктахъ».

лагаетъ на Дибича отвѣтственность за недовершеніе побѣды подъ Гроховомъ, а вслѣдствіе этого за семимѣсячную отсрочку въ покореніи царства Польскаго.

Въ послѣдовавшій затѣмъ періодъ Дибичъ совсѣмъ растерялся и обнаружилъ свое ничтожество въ военномъ дѣлѣ. Неудовольствіе государя противъ него росло съ каждымъ днемъ, и въ своихъ письмахъ къ Дибичу Николай Павловичъ не скупился на упреки и обиды. «Во всѣхъ вашихъ распоряженіяхъ я не вижу ничего могущаго обѣщать успѣхъ, такъ какъ не усматриваю въ вашихъ собственныхъ мысляхъ ничего опредѣленнаго... Все это можетъ быть исправлено, если снова станете тѣмъ, чѣмъ вы были», и т. д. Наконецъ Дибичъ дошелъ до того, что призналъ необходимымъ для продолженія войны созывъ народнаго ополченія. Государю ничего не оставалось дѣлать, какъ вызвать изъ Тифлиса фельдмаршала графа Паскевича.

Какъ же смотрѣлъ теперь Николай Павловичъ на польскій вопросъ? Отвѣтъ на это мы находимъ въ замѣчательномъ документѣ, цѣликомъ изданномъ Шильдеромъ. Это—записка, собственноручно написанная государемъ вскорѣ послѣ начала междоусобной войны. Взгляды императора Николая, выраженные здѣсь, поражаютъ своей выдающейся оригинальностью. Государь усматривалъ въ присоединеніи Польши къ Россіи рѣшительный вредъ. Россія, по мнѣнію Николая Павловича, несла всѣ тягости своего новаго пріобрѣтенія, не извлекая изъ него никакихъ иныхъ преимуществъ, кромѣ нравственнаго удовлетворенія отъ прибавленія лишняго титула къ титуламъ своего государя. Государь думалъ, что прежнія польскія провинціи, видя исключительно хорошее положеніе своихъ соотечественниковъ, именно здѣсь и находили мотивы къ отложенію отъ Россіи. «Другое еще болѣе существенное зло,—пишетъ Николай Павловичъ,—заключалось въ существованіи передъ глазами порядка вещей, согласнаго съ современными идеями, почти неосуществимаго въ королевствѣ, а слѣдовательно невозможнаго въ имперіи. Зародившіяся надежды нанесли страшный ударъ уваженію власти и общественному порядку и впервые привели къ несчастнымъ послѣдствіямъ, открытымъ въ концѣ 1825 года. Разъ ударъ былъ нанесенъ, примѣръ поданъ, трудно предположить, чтобы во время всеобщихъ волненій и смутъ эти идеи не продолжали развиваться, несмотря на доказанную ихъ призрачность и опасныя послѣдствія. Однимъ словомъ, это являлось разрушеніемъ того, что составляло силу имперіи, то-есть убѣжденія, что она можетъ быть велика и могущественна лишь при монархическомъ образѣ правленія и самодержавномъ государѣ. То, что было ложно въ основаніи, не могло продержаться долго». Поразителенъ выводъ, къ которому приходитъ Николай Павловичъ по разсмотрѣніи вопроса, въ чемъ истинная польза Россіи. «Я не вижу тутъ дру-

гого средства, кромѣ слѣдующаго,—пишетъ государь:—объявить, что честь Россіи (по покореніи Польши) получила полное удовлетвореніе завоеваніемъ королевства, но что Россія не имѣетъ никакого интереса владѣть страною, неблагодарность которой была столь очевидна; что истинные ея интересы требуютъ установить свою границу по Вислѣ и Нареву; что она отказывается отъ остального, какъ недостойнаго принадлежать ей, предоставляя своимъ союзникамъ поступить съ нимъ по своему усмотрѣнію; что, тѣмъ не менѣе, оставаясь вѣрною своимъ принципамъ, Россія предоставляетъ той части королевства, которая останется за нею, пользованіе ея законами и учрежденіями въ той мѣрѣ, которая окажется совмѣстимой съ истинными будущими интересами; что титулъ королевства Польскаго останется присвоеннымъ этой части страны, во избѣжаніе того, чтобы подобное наименованіе, данное другой какой либо части, не создало вновь государства, враждебнаго Россіи, чего она не потерпитъ ни въ какомъ случаѣ».

Эти мнѣнія Николая Павловича принадлежатъ къ тѣмъ неосуществившимся, но живымъ историческимъ мнѣніямъ, которыя въ насъ, потомкахъ, неустанно будятъ вопросъ, что же было бы, если бы эти предположенія осуществились.

Паскевичъ явился по вызову въ Петербургъ, а все-таки Николай Павловичъ, осыпавшій Дибича рѣзкими упреками, былъ не въ силахъ принять рѣшительныя мѣры и отставить своего любимца; несмотря на всѣ его ошибки, онъ все еще питалъ къ нему трогательное чувство. Холера унесла Дибича; главнокомандующимъ былъ назначенъ Паскевичъ, при которомъ война получила быструю и окончательную развязку. «Если вопросъ рѣшится оружіемъ, тогда между нами будетъ лишь полнѣйшее недовѣріе»,—высказывался Николай Павловичъ еще до усмиренія мятежа. Дѣйствительно, этого недовѣрія не могли уже поколебать никакія представленія, никакіе доводы. И французскій посолъ Бургоэнъ пробовалъ убѣдить государя возстановить хотя отчасти старый порядокъ, и Парротъ, этотъ идеалистъ и недолгій другъ Александра I, писалъ Николаю Павловичу: «вся моя душа взываетъ къ вамъ: милосердіе! милосердіе! Конфисковать имѣнія мятежниковъ — это значитъ обогащаться гнуснымъ способомъ. Желать отомстить русскую пролившуюся кровь—заблужденіе». Но идеямъ милосердія и состраданія не суждено было одержать верхъ.

Нельзя не остановиться на представленіяхъ Николая Павловича о тѣхъ вліяніяхъ, которыя могли имѣть идеи возстанія на русское войско.

Въ этомъ отношеніи интересенъ эпизодъ съ государственной уставной грамотой, надъ которой работалъ Н. Н. Новосильцовъ, и которая напечатана Шильдеромъ же въ «Исторіи Александра I». Во время возстанія поляки захватили много документовъ государственной важности и въ томъ числѣ эту грамоту. 18-го іюня

1831 года польское революціонное правительство напечатало эту грамоту въ Варшавѣ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Андрей Городискій, министръ иностранныхъ дѣлъ, снабдилъ изданіе грамоты предисловіемъ, въ которомъ писалъ: «Nous laissons à la nation russe le soin d'apprécier les motifs pour lesquels une idée aussi grande, une oeuvre aussi importante est tombée dans l'oubli. Les polonais désirent ardemment, que cette découverte fortuite rappelle au gouvernement russe, qu'il serait temps enfin, que la nation dont il se faut obéir et qui attend depuis si longtemps l'amélioration de son existence politique... commence enfin, à goûter les fruits d'une monarchie constitutionelle». Узнавъ о томъ, что грамота продавалась въ варшавскихъ книжныхъ магазинахъ по вступленіи русскихъ войскъ, императоръ Николай 14-го сентября 1831 года писалъ Паскевичу: «напечатаніе сей бумаги крайне непріятно; на 100 человѣкъ нашихъ молодыхъ офицеровъ 90 прочтутъ, не поймутъ или презрятъ, но 10 оставятъ въ памяти, обсудятъ—и главное не забудутъ». Государь приказывалъ черезъ Паскевича графу Витту собрать всѣ оставшіеся экземпляры и разыскать рукопись. Оказалось, что напечатано было 2.000 экземпляровъ, но послано было въ Москву два ящика только съ 1578 экземплярами. 27 ноября 1831 года московскій комендантъ генералъ-майоръ Стааль донесъ государю, что «два запечатанныхъ ящика 27 ноября со всѣми находившимися въ оныхъ 1578 экземплярами такъ называемой русской конституціи на арсенальномъ дворѣ въ Кремлѣ сожжены».

Опасенія за направленіе русскихъ офицеровъ, выразившіяся въ этомъ эпизодѣ, очень безпокоили государя. Онъ очень боялся вреднаго вліянія польскаго общества на русскую армію, находившуюся въ Варшавѣ, и не разъ высказывался по этому поводу въ письмахъ къ Дибичу. «Заразы нравственной всего болѣе боюсь»,—написалъ онъ въ одномъ письмѣ и три раза подчеркнулъ послѣднія три слова. Николай Павловичъ просилъ Паскевича слѣдить за сношеніями и поведеніемъ офицеровъ, мѣнять чаще составъ варшавскаго гарнизона, остерегаться женщинъ («этотъ адскій народъ всегда ими дѣйствовалъ, и наша молодежь между ихъ соблазна и яда вольности мыслей точно въ опасномъ положеніи»). «Надо вамъ сохранить вѣрную армію,—писалъ государь Паскевичу,—въ долгой же стоянкѣ память прежней вражды скоро можетъ исчезнуть и замѣниться чувствомъ соболѣзнованія, потомъ сожалѣнія и, наконецъ, «желаніемъ подражанія». Но Паскевичъ сообщалъ «добрыя извѣстія о краѣ», и спокойствіе государя мало-по-малу возстанавливалось...

Этими замѣчаніями Николая Павловича о возможныхъ вліяніяхъ польскаго общества на русскихъ офицеровъ мы и закончимъ нашъ отчетъ о второмъ томѣ труда Н. К. Шильдера.

П. Е. Щеголевъ.

ЗАКАВКАЗСКІЕ СЕКТАНТЫ.

I.

Эривань.—Первыя встрѣчи съ молоканами.—Вліяніе на нихъ городской жизни.—Экономическое положеніе сектантовъ.—Дорога къ озеру Гокча.—Характеръ сектантскихъ селеній.—Бесѣда въ Сухомъ Фонтанѣ.

О СЛУЖЕБНЫМЪ обстоятельствамъ, лѣтомъ этого года, мнѣ случилось объѣхать почти всю Эриванскую губернію. Обозрѣніе ея я началъ съ центра—съ города Эривани. Пока ѣхалъ въ душномъ вагонѣ Закавказской желѣзной дороги, все время я чувствовалъ, что погружаюсь въ глубокую азіатчину: татары, курды, армяне... голыя выжженныя солнцемъ пространства... кое-гдѣ жалкія селенія и хлѣбныя поля... изрѣдка цѣпи верблюдовъ, ослы или стада козъ и овецъ... Но вотъ потянулись фруктовые сады за длинными глиняными заборами. Вдали мелькнулъ куполъ храма. Показались старыя строенія. Городъ Эривань! Армянинъ-носильщикъ подхватилъ мои вещи и понесъ ихъ къ экипажу. Лихо подъѣхала щегольская коляска, совсѣмъ новая, блестящая, красивая. Пара великолѣпныхъ карихъ лошадей невольно заставляли любоваться ими. Взглянулъ на извозчика,—настоящее русское лицо, здоровое, краснощекое, съ русой бородкой.

— Должно быть, молоканинъ?—спрашиваю его.

— Мы—молокане!—улыбаясь отвѣтилъ извозчикъ.

Во всю дорогу до гостиницы онъ охотно отвѣчалъ на мои вопросы о молоканахъ, о ихъ молитвенныхъ собраніяхъ, объ усло-

віяхъ жизни въ Эривани, и не замѣтно было, чтобы онъ замалчивалъ что нибудь по какимъ либо соображеніямъ. Изъ его разсказа я вывелъ совсѣмъ другое представленіе о молоканахъ, чѣмъ имѣлъ раньше по книгамъ. Я полагалъ, что они, называя себя «духовными» христіанами, имѣютъ и видъ людей не отъ міра сего. На самомъ же дѣлѣ не замѣчалось даже той степенности или сдержанности въ словахъ, которая такъ бросается въ глаза у нашихъ старообрядцевъ. Бойкость отвѣтовъ и развязность рѣчи, съ маленькою хвастливостью своими лошадьми и вообще богатствомъ, обличали въ немъ скорѣе жизнерадостнаго человѣка, которому не чужды никакія прелести земной жизни.

Вскорѣ мнѣ пришлось въ Эривани повидать другихъ извозчиковъ-молоканъ, и всѣ они только подтверждали мое первое впечатлѣніе. Они казались немного плутоватыми, «себѣ на умѣ». Напримѣръ, несмотря на установленную таксу, эти «духовные» христіане» заламывали большія цѣны за незначительные переѣзды. «Духовнаго» въ нихъ ничего не было видно. Это можно объяснить только вліяніемъ города и обогащеніемъ въ разныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ.

Если городскіе молокане представляютъ мало интереснаго въ религіозномъ отношеніи, зато они служатъ прекраснымъ примѣромъ, какъ русскіе люди, объединенные нравственною и экономическою взаимопомощью, быстро завоевываютъ прочное положеніе среди другихъ народностей. Большею частью сектанты на окраинахъ Россіи, понимая свою изолированность, сплачиваются въ крѣпкое общество и отлично устраиваются при разнообразныхъ положеніяхъ. На Черноморскомъ побережьѣ или на Каспійскомъ, въ Сибири или за Кавказомъ, всюду сектанты остаются побѣдителями природы и прекрасно приспособляются къ мѣстнымъ политическимъ и экономическимъ условіямъ. Въ данномъ случаѣ, закавказскіе молокане могутъ служить лучшимъ примѣромъ, какая сила заключается въ единеніи сектантовъ на окраинахъ. Про воронцовскихъ молоканъ Борчалинскаго уѣзда и говорить нечего! У нихъ въ селеніяхъ вы встрѣтите культуру западныхъ народовъ: газеты и журналы, техническія приспособленія, новѣйшія полевыя орудія, рѣдкіе сорта плодовъ, разныхъ системъ улья и пр., и пр. Впрочемъ, все это не ново и не одинъ разъ подчеркивалось, какъ закавказской администраціей, такъ и изслѣдователями экономической жизни сектантовъ. Гораздо интереснѣе взглянуть на религіозную сторону тѣхъ молоканъ, у которыхъ она не заглушается городскою жизнью или какими нибудь коммерческими предпріятіями, какъ, напримѣръ, въ селеніяхъ на западномъ берегу Гокча, одного изъ высочайшихъ озеръ въ свѣтѣ.

Среди потухшихъ вулкановъ, на высотѣ 6.430 футовъ отъ уровня океана, образовался глубокій бассейнъ прѣсной воды, около

70 верстъ длиною. Понятно, при такой высотѣ климатъ здѣсь, несмотря на сорокаградусную параллель, напоминаетъ скорѣе среднюю Россію, чѣмъ теплыя страны Закавказья; и, если бы не возвышались кругомъ гигантскія горы по восьми-десяти тысячъ футовъ, можно было бы подумать, что находишься въ приволжской губерніи. Вотъ тутъ-то и пріютились тѣ сектанты, у которыхъ я прогостилъ около недѣли.

Когда наступаютъ нестерпимыя жары въ долинѣ Аракса, кочевое населеніе со своими стадами бросается въ горы. Переселяются изъ городовъ и нѣкоторыя административныя учрежденія въ наиболѣе прохладныя мѣстечки ближайшихъ горъ. Тогда центромъ управленія Эриванской губерніи становится хорошенькое селеніе въ горной ложбинѣ Дарачичагъ, занимаемой нашими сектантами. Вотъ въ это самое время перекочевки, какъ говорится здѣсь, изъ кишлаговъ въ зеленые эйлаги, то-есть, изъ зимнихъ въ лѣтнія пастбища на горахъ, я тоже отправился въ небольшой компаніи въ Новобаязетскій уѣздъ, къ прохладнымъ берегамъ красиваго озера Гокча.

Почтовый трактъ изъ Эривани шелъ чрезъ Сухой Фонтанъ и Ахты въ Еленовку, пріютившуюся у самаго озера, при истокѣ изъ него рѣки Занги. По мѣрѣ подъема въ горы, жара быстро смѣнялась на чувствительную прохладу. Не грѣла и бурка; надо было остановиться на станціи и переодѣться въ теплое платье, хотя стоялъ іюнь мѣсяцъ. По дорогѣ встрѣчались русскія селенія сектантовъ. Большинство—молокане, немного прыгуновъ и субботниковъ. Дома рѣзко отличаются отъ туземныхъ саклей татаръ и армянъ. У менѣе зажиточныхъ одноэтажные дома въ два окна на улицу покрыты соломой; у болѣе богатыхъ—въ два этажа, съ желѣзной или чаще всего черепичной кровлей на два ската. Заборъ изъ сложеннаго сѣраго камня. Ворота не у всѣхъ. Какъ будто не надѣются на крѣпость затвора. Но зато крупныхъ лохматыхъ собакъ всюду много. Онѣ не пропустятъ ни одного туземца, чтобы не осадить его толпою. Улицы широкія, довольно чистыя, мѣстами украшены деревьями.

Въ Сухомъ Фонтанѣ, пока перепрягали лошадей, я разспросилъ одного сѣдого старика, сидѣвшаго у своего дома на завалинкѣ, какъ они устраивались здѣсь, и какъ имъ теперь живется. Сначала онъ подробно разсказалъ о ихъ борьбѣ съ бродячими курдами, о томъ, съ какой тревогой каждую ночь они ложились спать, всегда ожидая внезапнаго нападенія разбойниковъ. Частыя схватки съ магометанами не остались безъ вліянія на новое поколѣніе, вырабатывая въ немъ мужество и предпріимчивость. Потомъ наступило время быстрой наживы молоканъ, когда сосредоточилась въ ихъ рукахъ перевозка грузовъ и пассажировъ въ Тифлисской и Эриванской губерніяхъ. Теперь, съ проведеніемъ здѣсь желѣз-

ныхъ дорогъ, извозный промыселъ значительно упалъ, и молокане съ сожалѣніемъ вспоминаютъ о прекращеніи золотыхъ дней быстраго обогащенія. Нѣкоторые и до сихъ поръ занимаются извозомъ, но не съ такою прибылью.

На мой вопросъ о религіи старикъ замѣтилъ только:

— Вотъ въ Еленовкѣ все увидите. Тамъ вамъ все разскажутъ!

II.

Селеніе Еленовка.—Хозяева-собственники.—Русская синагога.—Іудейское богослуженіе. Чтеніе священной Торы.—Русско-еврейскій молитвенникъ.—Наѣзды евреевъ-учителей.—Романъ Іонычъ.—Религіозные споры.

Подъѣзжая къ Еленовкѣ, мы были встрѣчены сильнымъ дождемъ. Вся красота озера Гокча и окружающихъ его горъ скрылась подъ сѣрою пеленою. Впрочемъ, въ это время не до красивыхъ ландшафтовъ! У меня было одно желаніе—лишь бы скорѣй обогрѣться и обсушиться. На почтовой станціи татаринъ-староста предоставилъ намъ на выборъ любую комнату--мужскую или женскую. Но одна другой была хуже и грязнѣе. Вскорѣ пришелъ здѣшній старшина и предложилъ намъ перейти въ домъ волостного правленія, гдѣ была приготовлена комната спеціально для пріѣзжающихъ чиновниковъ. Владѣльцы этого дома, занимавшіе рядомъ на дворѣ небольшую избенку, прислуживали заѣзжимъ гостямъ. Была пятница, и хозяйка, высокая, сильная женщина, по имени Ревекка, проговорилась, что сегодня вечеромъ будетъ молитвенное собраніе.

— Почему это сегодня, въ пятницу? Праздникъ что ли какой завтра?—спросилъ я Ревекку.

— А какъ же! Завтра суббота,—объяснила она, подвертывая руки подъ передникъ.—Вѣдь мы субботники.

— А, вотъ какъ!—съ нескрываемымъ любопытствомъ уставился я въ іудействующую хозяйку.—Я первый разъ встрѣчаю субботниковъ! Значитъ, у васъ два праздника подъ рядъ; кромѣ воскресенья, вы еще празднуете субботу?

— У насъ праздникъ только суббота. Воскресенья мы не празднуемъ.

— Развѣ вы Христа-то не признаете?

— Нѣтъ, не признаемъ,—нѣсколько сконфуженно отвѣтила русская іудейка.

— Какъ!—воскликнулъ я:—вы Христа отвергаете! Первый разъ вижу такихъ русскихъ людей... Любопытно посмотрѣть, какъ вы молитесь. Пустятъ меня въ вашу молельню?

— Отчего же, пожалуйте хоть сегодня вечеромъ, а то—завтра утромъ.

Я еще не успѣлъ разобраться со своими дѣлами, и потому отложилъ посѣщеніе русской «синагоги» дозавтра.

Хозяинъ дома считается въ селеніи хорошимъ кузнецомъ и во время полевыхъ работъ, весною и осенью, зарабатываетъ по пяти и болѣе рублей въ день, имѣя помощникомъ только одного молодого парня, тоже субботника. Я долго ихъ разспрашивалъ и убѣдился, что они настоящіе іудеи по религіи. Мало того, они постарались заимствовать отъ современныхъ евреевъ и нѣкоторыя черты ихъ домашняго обихода.

На другой день, рано утромъ, работникъ довелъ меня до «синагоги», но самъ въ нее не вошелъ.

— Я одѣтъ не по-праздничному,—смущенно замѣтилъ парень и убѣжалъ домой.

Субботникамъ и вообще всѣмъ здѣшнимъ сектантамъ не разрѣшаютъ имѣть постоянныхъ моленъ, поэтому они собираются по праздникамъ въ разныхъ избахъ, то у одного, то у другого хозяина.

При моемъ входѣ въ чистыя прибранныя сѣни синагоги, гдѣ стояло только ведро съ водою, ко мнѣ никто не вышелъ навстрѣчу, хотя навѣрно видѣли меня въ окно. Я остановился у косяка дверей и сталъ разсматривать комнату, раздѣленную занавѣской на двѣ части. Въ первой половинѣ довольно тѣсно стояли около двадцати пяти мужчинъ, а во второй, за занавѣской,—десятка два женщинъ. Въ простѣнкѣ между окнами былъ кивотъ, или ковчегъ, съ священною Торою, то-есть, съ пергаментнымъ свиткомъ Моисеева закона, написаннаго на древнееврейскомъ языкѣ. По стѣнамъ стояли лавки. Посрединѣ—столъ съ книгами. Всѣ молящіеся обращены были лицомъ къ Торѣ. Половина изъ нихъ покрылась бѣлыми талесами съ черными полосами по краямъ и съ двумя поперечными яркими нашивками. У всѣхъ, даже у подростковъ, въ рукахъ еврейскіе молитенники, съ переводомъ каждой страницы на русскій языкъ. Одинъ субботникъ, изображая раввина, стоялъ по правую сторону кивота и громко читалъ по-русски молитвы. На каждую его фразу всѣ присутствующіе отвѣчали хоромъ тоже короткимъ воззваніемъ. Манера читать, всѣ пріемы молящихся—чисто еврейскіе! То же бормотаніе вслухъ, тѣ же непрестанныя покачиванія всѣмъ туловищемъ, и также всѣ были въ шапкахъ и въ покрывалахъ. А взглянешь на лица,—настоящіе воронежскіе и тамбовскіе мужики, истые русаки!

Послѣ шумныхъ молитвъ раввинъ раскрылъ кивотъ и торжественно вынулъ изъ него священный свитокъ въ шелковомъ чехлѣ. При общемъ славословіи Тору раскрыли и разложили на столѣ. Вотъ тутъ-то и началось главное священнодѣйствіе надъ нею. Самъ раввинъ сталъ передъ Торою, помощникъ его съ русскою Библіей—сбоку стола. Затѣмъ молящіеся, оправивъ на себѣ та-

лесъ (у кого его не было, тотъ бралъ общій), поочередно подходили къ столу и становились рядомъ съ равиномъ. Они громко произносили установленныя три фразы благословенія и затѣмъ благоговѣйно выслушивали чтеніе Библіи. Наконецъ, какъ бы свидѣтельствуя свою духовную связь съ Моисеевымъ закономъ, они прикладывали одну изъ четырехъ кисточекъ отъ талеса [1]) къ еврейскимъ письменамъ раскрытой Торы и, поцѣловавъ кисточку, съ славословіемъ отходили въ сторону. Такъ сдѣлали человѣкъ семь. Убравъ священный свитокъ въ кивотъ, при общемъ шумѣ всѣхъ присутствующихъ, раввинъ опять сталъ читать молитвы нараспѣвъ.

При чтеніи пророчествъ очень часто поминали имя Іисуса. До меня долетали фразы:

«И показалъ онъ мнѣ Іисуса, великаго іерея... Іисусъ же одѣтъ былъ въ запятнанныя одежды... Снимите съ него запятнанныя одежды... Ибо вотъ тотъ камень, который я полагаю предъ Іисусомъ... и изглажу грѣхъ земли сей въ одинъ день».

Сначала я недоумѣвалъ: не отрывокъ ли это христіанскаго писанія; но, внимательнѣе вслушавшись, сообразилъ, что читаютъ ту самую главу пророка Захаріи, которая считается яснымъ указаніемъ на искупительную жертву Іисуса Христа за всѣхъ людей. Вѣроятно, это было очередное чтеніе изъ Библіи, но очень кстати подошедшее, потому что потомъ оно послужило мнѣ исходнымъ пунктомъ для собесѣдованія съ субботниками.

Меня усадили на скамейку и дали мнѣ просмотрѣть ихъ молитвенникъ. На заглавномъ листѣ я прочелъ: «Праздничныя молитвы евреевъ, впервые переведенныя на русскій языкъ гродненскимъ раввиномъ О. Я. Гурвичемъ. Часть 1. Варшава. 1871».

Оказывается, всѣ аксессуары своего культа субботники выписываютъ изъ Одессы непосредственно отъ евреевъ.

— А почему,—спрашиваю я ихъ,—не всѣ вы въ талесахъ?

— Талесъ не всякому подъ силу купить. Они дорого стоятъ: отъ пяти до пятидесяти рублей. Вѣдь матерія на нихъ чисто шерстяная!

Это еленовское собраніе мнѣ напомнило маленькія синагоги, разбросанныя по всей Россіи отъ Варшавы до Сахалина. Вѣроятно, у нихъ былъ руководителемъ кто нибудь изъ настоящихъ евреевъ.

— Умѣетъ ли кто изъ васъ читать по-еврейски? — спрашиваю ихъ.

— Нѣкоторые могутъ. Вотъ я немного могу.

Онъ раскрылъ молитвенникъ и сталъ быстро-быстро, какъ евреи, читать избранные псалмы Давида. Но понимать—не понималъ,

[1]) Эти кисточки, или цицисъ, называются «нитями видѣнія». Онѣ имѣютъ таинственное символическое значеніе.

кромѣ пяти-шести словъ изъ всего прочитаннаго. Мои догадки были вѣрны: время отъ времени къ нимъ пріѣзжали евреи, учили ихъ и установили весь этотъ порядокъ въ синагогѣ, который только-что прошелъ предъ моими глазами.

Вспоминая не одинъ разъ видѣнныя мною богатыя синагоги въ большихъ городахъ юга Россіи, я подумалъ про русскихъ субботниковъ: можетъ быть, нигдѣ среди настоящихъ евреевъ нѣтъ такой дѣтской вѣры и такого благоговѣнія во время богослуженія въ синагогѣ, какъ здѣсь у нихъ. Войдите въ городскую синагогу въ субботу,—и вы увидите развалившихся въ непринужденныхъ позахъ на скамейкахъ франтоватыхъ сыновъ Израиля, съ любопытствомъ оглядывающихся во всѣ стороны. Точно зашли они въ концертный залъ и ищутъ своихъ знакомыхъ. Совсѣмъ иное на окраинѣ, за горами Кавказа. Здѣсь со страхомъ и съ благоговѣніемъ всѣ смотрятъ на Тору и съ сладкимъ замираніемъ произносятъ непрестанныя славословія:

... Благословенъ Ты, Господи, Боже нашъ, Царь вселенной...

Какъ здѣшніе субботники жаждутъ хоть чѣмъ нибудь походить на избранный народъ! Съ какою любовію заучиваютъ еврейскія слова, и какъ дорожатъ они здѣсь всѣми правилами ихъ ритуала! Нѣтъ,—скажу словами Евангелія,—и въ Израилѣ не нашелъ я такой вѣры!

Непріятно только было слышать, когда субботники съ гордостью повторяютъ:

— Мы не сомнѣваемся. Намъ нечего разбирать Библію: все уже давно разобрано и записано нашими отцами (то-есть, древними іудейскими наставниками). Намъ только надо соблюсти ихъ уставы. Да, мы не сомнѣваемся...

Они впередъ уже обрекаютъ себя на путы Талмуда и успокоились на пути рабскаго подражанія евреямъ. Въ этихъ словахъ «мы не сомнѣваемся» уже чувствуется начинающаяся спячка мысли еленовскихъ субботниковъ.

— Вотъ и Тору мы выписали изъ Россіи,—говорили мнѣ субботники, продолжая посвящать меня въ жизнь ихъ общины.—Тора у насъ дорогая. Ее купилъ нашъ почтенный Романъ Іонычъ.

И мнѣ указали на высокаго здороваго крестьянина, одѣтаго въ новенькую поддевку изъ темносиняго сукна. Онъ считается богачемъ въ Еленовкѣ, и его хлѣба-соли не обходятъ мѣстные чиновники. Меня и моего спутника пригласили зайти къ нему, въ большую двухъэтажную избу, въ самомъ центрѣ селенія.

Романъ Іонычъ, коренной русакъ, всей душой былъ преданъ іудейству. А жена его въ своихъ религіозныхъ взглядахъ доходитъ до фанатизма. Мы попросили у Романа Іоныча разрѣшенія снять фотографіи съ его семейства. Онъ не только не противился нашему желанію, но постарался придать всей группѣ особенныя черты сво-

его культа. Самъ онъ облекся въ полосатый талесъ и сталъ въ въ шапкѣ и съ книгою въ рукахъ въ молитвенной позѣ, а все многочисленное семейство, всѣ эти Рахили, Ліи и Сарры, размѣстились вокругъ него.

Когда мы спросили, почему же онъ, назвавъ своихъ дѣтей еврейскими именами, самъ носитъ христіанское имя, Романъ Іонычъ поспѣшилъ насъ завѣрить, что у него есть и другое еврейское имя, съ которымъ къ нему обращаются только въ синагогѣ.

За чаемъ въ горницѣ рѣчь зашла объ евангельскомъ ученіи. Хозяинъ досталъ большую иллюстрированную Библію и прочиталъ мнѣ нѣсколько мѣстъ, по которымъ будто бы надо судить о Христѣ, какъ о человѣкѣ. Жена сначала вырывала у него изъ рукъ книгу, но потомъ храбро пустилась меня опровергать, доказывая, что Христосъ не есть Сынъ Божій. Наконецъ, дошла очередь мнѣ говорить, и я указалъ имъ нѣсколько безспорно ясныхъ мѣстъ, гдѣ Христосъ прямо называлъ себя Сыномъ Божіимъ, Сыномъ Отца Небеснаго. Для Романа Іоныча это было открытіемъ, и онъ немало удивлялся. Все время въ нашу бесѣду вмѣшивалась жена его. Ее нельзя было тронуть никакимъ текстомъ, ни своротить никакой логикой. Упорно, фанатично и, конечно, мало понимая, въ чемъ дѣло, она отстаивала свое іудейство. Я подумалъ: ужъ не еврейка ли она? Мнѣ говорили, что нѣкоторые еленовскіе субботники побывали въ Юго-Западномъ краѣ и женились на еврейкахъ.

III.

Шабашъ субботниковъ. — Бесѣда съ хозяйкой дома. — Собраніе субботниковъ. — Сокрытыя десять колѣнъ Израиля. — Вечеръ въ синагогѣ. — Ученіе Христа.

Суббота въ Еленовкѣ, какъ шабашъ, какъ праздникъ, напоминаетъ воскресенье въ русскихъ селахъ. Разряженныя въ яркіе ситцы бабы небольшими группами сидятъ на завалинкахъ или ходятъ по улицамъ, пощелкивая сѣмечки. Мужики въ темно-синихъ поддевкахъ тоже толпятся въ разныхъ углахъ селенія. Ребятишки веселою гурьбою или бѣгаютъ, или играютъ въ бабки. Молодыя дѣвки и парни устроили на лужайкѣ какую-то сложную игру. Талмудическое «ничегонедѣланіе» въ субботу еще не привилось среди здѣшняго населенія: это я замѣтилъ на дворѣ хозяина-кузнеца. Одѣтая по-праздничному, Ревекка еще съ утра объявила, что готовить обѣда не станетъ сегодня, потому что по ихъ закону огня нельзя разводить, а въ то же время самоваръ, полный горящихъ углей, притащила. Она угощала вчерашними кушаньями и, между прочимъ, фаршированной рыбой. Въ этомъ тоже сказалось знакомство съ евреями.

Хозяйка и сегодня съ подвернутыми руками въ передникъ стала у дверей съ видимымъ расположеніемъ поговорить со мною,

но скоро сама должна была признать, что не можетъ удовлетворить моего любопытства.

— Если хотите,—наконецъ сдалась она,—я приведу къ вамъ нашихъ мужиковъ. Они вамъ лучше все разскажутъ.

— Хорошо. А васъ я вотъ о чемъ еще хочу спросить: почему это сегодня утромъ ваши мужчины говорили въ синагогѣ: «аБлгословенъ Ты, Господи, что не создалъ меня женщиной»? Не обидно вамъ это слушать?

— Вѣдь книжки-то мужчины сочиняли,—вотъ они въ свою пользу и написали такъ,—сквозь смѣхъ отвѣтила субботница и пошла созывать народъ.

Черезъ часъ, дѣйствительно, приходятъ ко мнѣ человѣкъ двадцать субботниковъ и съ ними волостной старшина и писарь, тоже субботники.

Я откровенно передалъ имъ мое впечатлѣніе отъ ихъ собранія въ синагогѣ и подчеркнулъ, какъ глубоко меня поразило пророческое чтеніе о Христѣ Іисусѣ въ устахъ людей, отвергающихъ его божественную миссію.

— Да вѣдь это пророкъ Захарія говоритъ про іерея великаго, бывшаго въ тѣ времена,—отвѣтилъ мнѣ ближайшій старикъ.

Я уклонился отъ спора и сталъ разспрашивать, давно ли они отвергаютъ Іисуса.

— Мы не помнимъ. Еще отцы, а, пожалуй, и дѣды такъ вѣрили.

Мнѣ было извѣстно, что многіе субботники перешли изъ молоканъ, а потому я замѣтилъ имъ:

— Если можно считать дѣдушекъ вашихъ іудействующими, то прадѣдовъ надо отнести къ христіанамъ. А вамъ, конечно, извѣстно, какъ говоритъ законъ Моисеевъ относительно иноплеменныхъ. Аммонитянинъ и моавитянинъ не могутъ войти въ общество Господне вовѣки, а идумеянинъ и египтянинъ въ третьемъ поколѣніи могутъ войти въ общество Господне, такъ что, если назвать васъ по отношенію къ евреямъ египтянами, то и тогда вы входите въ ихъ народъ только въ третьемъ поколѣніи.

— Да, это намъ извѣстно!—протянулъ старикъ.—А вотъ что я васъ спрошу: куда это дѣвались десять колѣнъ израилевыхъ, уведенныхъ въ ассирійское плѣненіе?

— Вѣроятно, разсѣялись по лицу земли. У нѣкоторыхъ книжныхъ людей были догадки, что въ настоящее время десять колѣнъ израилевыхъ скрываются въ какомъ нибудь изъ европейскихъ народовъ. Иные указываютъ на русскихъ.

— Вотъ и мы такъ полагаемъ,—подхватилъ старикъ,—что Господь премудро хранитъ ихъ въ Россіи. Вы прочтите въ третьей книгѣ Ездры. Тамъ говорится, какъ десять колѣнъ скрылись въ дальней странѣ Арсареѳъ. Мы такъ полагаемъ, что это писано про нашу Россію. Въ этой же главѣ говорится, что

явится невѣста, скрываемая нынѣ землей. А кто эта невѣста? Это—мы, десять колѣнъ израилевыхъ!

Старикъ пригласилъ меня зайти къ нимъ сейчасъ въ синагогу, гдѣ будетъ вечернее собраніе. Я согласился и пошелъ съ ними въ ту же самую избу, гдѣ было и утреннее собраніе.

Усадивъ меня за большой столъ посреди синагоги, они дали мнѣ русскую Библію и просили растолковать имъ нѣкоторыя мѣста третьей книги Ездры и опять о томъ, что невѣста—общество Израилево—теперь сокрыто до времени. Эта любовь къ толкованію Библіи да еще такихъ апокрифическихъ книгъ, какъ Ездры, снова выдавала ихъ происхожденіе отъ молоканъ, а потому я повернулъ нашу бесѣду на прежнюю тему.

— Какъ это,— спрашиваю ихъ,—вы, русскіе люди, такъ легко и скоро отказались отъ Христа?

— Вѣдь такъ нельзя жить на землѣ, какъ Христосъ учитъ,— отвѣтилъ мнѣ одинъ субботникъ.—Что онъ новаго далъ для здѣшней жизни?

Тутъ не удержался мой спутникъ, чтобы не вмѣшаться въ нашъ разговоръ:

— А развѣ это не новое: Христосъ учитъ насъ жить не для себя, а всецѣло—для другихъ? Любить всѣхъ людей и даже враговъ, а въ то же время отказаться отъ себя, отвергнуть себя,—это новое ученіе, о которомъ Израиль не слышалъ. Въ ветхомъ завѣтѣ была извѣстна заповѣдь о любви къ Богу, а въ новомъ—Христосъ принесъ заповѣдь о любви къ ближнему. Вотъ почему іудеямъ и тяжело жить среди другихъ народовъ, особенно среди христіанъ. Іудеи считаютъ только себя избраннымъ народомъ, они — себялюбцы; а христіане, напротивъ, должны считать всѣхъ людей безразлично своими ближними, меньшими братьями Христа.

И опять я замѣтилъ связь субботниковъ съ молоканами. У нихъ не было нетерпимости, какъ у евреевъ, ни къ имени Христа, ни къ Евангелію. Напротивъ, они позволяютъ себѣ цитировать нѣкоторыя мѣста евангельскаго ученія и сочувственно относиться къ нимъ.

Мы мирно разстались, взаимно сожалѣя, что время не позволяетъ намъ побесѣдовать подольше.

IV.

Еленовскіе молокане.—Ихъ молитвенное собраніе.—Толкованіе Библіи.—Пѣніе стиховъ.—Молитвы старца-наставника.—За обѣдомъ у молоканъ.—«Духовные» христіане.—Матеріальное положеніе еленовцевъ.—Тарантасная мастерская.

Еленовскіе молокане, узнавъ, что я посѣщалъ синагогу субботниковъ и велъ съ ними бесѣду по библейскимъ вопросамъ, пригласили меня и въ свою молельню. Въ воскресенье утромъ, еще

до начала собранія, меня повели на другой конецъ улицы, упирающейся въ рѣку Зангу. Просторная чистая изба производила впечатлѣніе болѣе пріятное, чѣмъ суровая синагога съ голыми стѣнами. Здѣсь развѣшаны были, въ разстояніи аршина одно отъ другого, большія бѣлыя полотенца, съ цвѣтными вышитыми узорами и съ длинными кружевами. На небольшомъ столѣ въ главномъ углу комнаты лежали книги. По всей избѣ стояли рядами скамейки. Старикъ-наставникъ привѣтливо встрѣтилъ меня и посадилъ рядомъ съ собою у стола. Каждый входящій въ избу останавливался у порога, читалъ про себя «Отче нашъ» и кланялся собранію. Всѣ въ отвѣтъ ему вставали, хотя бы и заняты были чтеніемъ Библіи, и тоже кланялись. Собравшихся было человѣкъ шестьдесятъ, и половина ихъ—женщины.

Собраніе открылось толкованіемъ перваго посланія апостола Петра. Такъ какъ молокане называютъ себя «духовными христіанами», то, конечно, все вниманіе проповѣди было обращено главнымъ образомъ на духовное значеніе всѣхъ таинствъ и обрядовъ, принятыхъ вообще у христіанъ. Особенно сильно было подчеркнуто обращеніе апостола къ христіанамъ: «Сами, какъ живые камни, устрояйте изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу. Вы—родъ избранный, царственное священство, народъ святый» и т. д.

Вѣроятно, ради моего присутствія, они постарались ярче выразить особенность ихъ исповѣданія, указывая именно на эту главу. «Домъ духовный», по ихъ толкованію, это — ихъ собраніе; «священство святое»—они сами, а «духовныя жертвы»—ихъ пѣснопѣнія и молитвы.

Послѣ толкованія всѣ хоромъ запѣли стихи изъ второй главы Петрова посланія. Пѣли съ подсказываніемъ стиховъ. Одинъ, какъ канонархъ въ нашихъ монастыряхъ, прочтетъ обыкновеннымъ голосомъ строчку или двѣ, а всѣ остальные поютъ ихъ тягучимъ мотивомъ съ длинными переходами. Пѣли сидя, вставали только при послѣднемъ стихѣ избранной пѣсни.

Чтеніе Библіи и пѣніе чередовались до трехъ разъ. Второе толкованіе предложено на четвертую главу евангелія Іоанна, гдѣ говорится о поклоненіи Отцу въ духѣ и истинѣ—тоже одно изъ главныхъ основаній ученія «духовныхъ христіанъ». Третье толкованіе—о мирномъ царствѣ Мессіи, какъ оно описывается у пророка Исаіи.

Послѣ третьяго пѣнія стиховъ изъ книги Сына Сирахова о премудрости, одна изъ женщинъ поднялась со скамьи, взяла голикъ и подмела около стола. Потомъ принесла небольшой коврикъ и разостлала его передъ старцемъ-наставникомъ. Все собраніе поднялось со скамеекъ. Наставникъ повернулся къ нимъ лицомъ и напомнилъ имъ евангельское ученіе: прежде чѣмъ приступать къ

молитвѣ, надо отъ всего сердца простить другъ друга. Сказавъ это, старикъ сталъ молиться вслухъ словами псалмовъ и разныхъ изреченій изъ Библіи. Подборъ ихъ былъ произвольный. Что ему приходило на умъ и на сердце, то онъ и говорилъ. Молился наставникъ очень долго и довольно быстро, ни разу не останавливаясь ни на одну минуту. Слова его текли ровно, тихо, безъ всякихъ аффектацій и выкрикиваній, но съ замѣтнымъ одушевленіемъ. Мѣстами эта импровизація переходила въ поученіе. Такъ, при моленіи за царя, онъ напомнилъ братіи вторую главу посланія къ Тимоѳею. Закончилось собраніе тремя большими молитвами съ колѣнопреклоненіями. Опускаясь на коверъ, наставникъ все время держалъ лицо обращеннымъ къ народу.

Выходя изъ молельни, я былъ буквально осажденъ приглашеніями молоканъ на обѣдъ. Больше всѣхъ упрашивалъ меня мой сосѣдъ по скамейкѣ, высокій рыжій мужчина, который приставалъ ко мнѣ съ толкованіями на Апокалипсисъ. Чтобы не обидѣть ихъ, я рѣшилъ пойти къ старѣйшему. При входѣ въ его большой двухъэтажный домъ, я увидѣлъ умилительную картину взаимнаго цѣлованія молоканъ. Цѣловались всѣ, и мужчины и женщины.

— Вотъ и вы безъ обрядовъ не обходитесь,—замѣтилъ я хозяину.

— Мы привѣтствуемъ другъ друга,—отвѣтилъ онъ,—святымъ цѣлованіемъ любви по апостольской заповѣди, которая много разъ повторяется въ посланіяхъ. И Евангеліе не гнушается цѣлованіемъ. Христосъ даже упрекнулъ Симона фарисея, что тотъ цѣлованія ему не далъ.

Лишь только я познакомился съ хозяйкой и дѣтьми ея, какъ сейчасъ же меня усадили за столъ и подали чай съ полубѣлыми кренделями домашняго печенія. Послѣ чая подали нарѣзанную кусками форель изъ здѣшняго озера, запеченную съ яицами, а кончили обѣдъ яичницей на сковородѣ. Рыбу ѣли прямо руками, а къ яичницѣ подали деревянныя ложки.

За обѣдомъ въ разговорѣ я назвалъ ихъ молоканами, да спохватился и замѣтилъ имъ:

— Сами-то себя вы, кажется, не называете молоканами, а духовными христіанами?

— Это, дѣйствительно,—отвѣтилъ хозяинъ,—что мы называемся «духовными», или «постоянными», но не обижаемся, если насъ обзываютъ и молоканами. Мы возрождены отъ слова Божія, которое въ Петровомъ посланіи называется молокомъ. Помните, какъ написано: «Какъ новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы отъ него возрасти вамъ во спасеніе; ибо вы вкусили, что благъ Господь».

Такимъ образомъ народное прозвище ихъ молоканами за то, что они въ постные дни ѣдятъ молоко, они истолковали въ свою пользу, ссылаясь на Библію.

— А почему же вы зовете себя еще «постоянными»? — полюбопытствовалъ я.

— Сначала всѣ мы были духовными христіанами безъ всякаго раздѣленія, а потомъ отъ насъ нѣкоторые отошли и сдѣлались прыгунами и субботниками. Они не устояли въ первоначальномъ ученіи, а вотъ мы до сихъ поръ постоянны, твердо содержимъ завѣщанное нашими отцами и дѣдами.

— Неужели и субботники отъ васъ?

— Да, немалая часть. Вѣдь въ «духовныхъ» распутному человѣку трудно быть, — вотъ онъ и переходитъ въ субботники. У нихъ легче: можно и водочку пить, и курить табакъ.

Разговоръ перешелъ на матеріальное положеніе нашихъ сектантовъ въ Эриванской губерніи. Они хвалили, какъ и встрѣтившійся старикъ въ Сухомъ Фонтанѣ, прежніе заработки до проведенія желѣзной дороги, когда извозъ, главнымъ образомъ, былъ въ ихъ рукахъ. Теперь они жалуются: рыбную ловлю на озерѣ захватили въ свои руки армяне, а для успѣшнаго хлѣбопашества — мало земли у молоканъ, хотя общая молва считаетъ ихъ еще богатыми.

Старикъ-хозяинъ повелъ меня въ свою мастерскую — высокій просторный сарай. Тамъ находились инструменты, матеріалы и верстаки, на которыхъ старикъ работалъ со своимъ сыномъ. Они вдвоемъ выдѣлывали всѣ деревянныя и желѣзныя части тарантаса, сами и собирали его. Эти огромныя телѣги, съ высокими ободьями для парусинной покрышки, имѣютъ видъ передвижного дома или юрты. Обыкновенно запрягаютъ въ нихъ четверку лошадей. Тарантасы моего старика, какъ я слышалъ, славятся среди молоканъ своею прочностью, и беретъ онъ за нихъ умѣренную цѣну.

Сынъ хозяина, высокій сильный мужикъ, большой любитель духовнаго чтенія. Онъ нѣсколько разъ просилъ меня растолковать то одно то другое мѣсто изъ Апокалипсиса. Я ему посовѣтовалъ выписать одинъ изъ духовныхъ журналовъ.

Гостепріимный хозяинъ проводилъ меня до дому, показывая по дорогѣ всѣ достопримѣчательности селенія. Разставаясь съ нимъ, я откровенно высказалъ ему, какое впечатлѣніе произвело на меня ихъ собраніе и вся обстановка его семейной жизни.

И. П. Ювачевъ (Миролюбовъ).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЖЕНИХЪ НУЖЕНЪ!..

(Изъ архивныхъ дѣлъ XIX столѣтія).

ОБЫЧАЙ зачислять мѣста за дѣтьми-сиротами священно-церковно-служителей, сохраняющійся во многихъ епархіяхъ и до сихъ поръ, былъ особенно распространенъ въ старину. Бѣдность духовенства обращала на себя вниманіе высшаго епархіальнаго начальства, и зачисленіе мѣстъ было однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ къ предотвращенію ея. Мѣста зачислялись, главнымъ образомъ, за совершеннолѣтними дочерями, но не рѣдко и за сыновьями, племянниками, внуками и проч. Были даже случаи зачисленія мѣстъ за дѣвочками-малолѣтками, учениками духовныхъ училищъ, семинарій—послѣдніе учились, получали извѣстную долю причтовыхъ доходовъ, но должность исполняли только во время вакацій...

Духовенство ничего, кромѣ благодарности, не могло питать къ своимъ епархіальнымъ начальникамъ за сохраненіе такого обычая, весьма неудобнаго въ практическомъ отношеніи. Такъ въ дѣйствительности почти всегда и было. Но случалось иногда, что обычай, добровольное дѣло обращалось въ требованіе, непремѣнное желаніе получить извѣстное мѣсто... Фактъ, о которомъ намъ хочется разсказать, и принадлежитъ именно къ такимъ, когда доброе дѣло обращено было въ насильственное требованіе, настолько энергичное, что начальству пришлось прибѣгать къ особымъ, чрезвычайнымъ мѣрамъ для его прекращенія.

I.

Начало исторіи [1]) относится къ 1854 году, первому—управленія Пензенскою епархіею извѣстнымъ преосвященнымъ Варлаамомъ (Успенскимъ). Среди другихъ пензенскихъ архипастырей преосвященный Варлаамъ особенно выдѣляется своею любовью зачислять мѣста за сиротами. Дѣла мѣстной консисторіи, можно сказать, пестрятъ отъ множества резолюцій, касающихся зачисленія. Но архипастырь не ограничивался только бумажнымъ предоставленіемъ мѣстъ, сватая самъ часто сиротъ и матеріально помогая имъ. Такимъ отношеніемъ его не замедлили воспользоваться сироты епархіи—и многіе стали уже не просить только, но и требовать себѣ жениха. Такъ было и въ разсказываемомъ случаѣ.

Въ 1854 году умираетъ священникъ села Вороновки, Городищенскаго уѣзда, о. С—ъ. Послѣ него остаются вдова и дочь. Желая воспользоваться мѣстомъ своего мужа, вдовая попадья въ іюнѣ 1855 г. обращается съ просьбою къ преосвященному Варлааму о зачисленіи мѣста за ея дочерью Евпраксіею. Въ своемъ прошеніи попадья писала [2]): «Имѣю я при себѣ совершеннолѣтнюю дочь, дѣвицу Евпраксію, которую по случаю вдовства своего и неимѣнію достатка не могу устроить, а какъ Вы, Преосвященнѣйшій Владыко, Отецъ и Покровитель сирыхъ, то я обращаюсь съ покорнѣйшею моею къ Вамъ просьбою, усерднѣйше прошу объ устроеніи сирой дочери моей Е—іи имѣть Архипастырское Ваше попеченіе, за что по гробъ жизни моей заставите какъ меня, такъ и дочь мою за устройство ея просить Всещедраго Отца о здравіи и долгоденствіи Вашемъ...». На прошеніи этомъ 13 іюня 1855 г. преосвященный Варлаамъ писалъ: «Дѣвица вышла изъ лѣтъ, навязывать такую невѣсту я никому не могу, и если кто будетъ брать по желанію, на то будетъ его воля, и какое либо вспоможеніе отъ попечительства дастся». Вмѣстѣ съ тѣмъ затребована была справка изъ консисторіи о лѣтахъ дѣвицы, по которой оказывалось, что ей уже 37 лѣтъ. «Въ выдачѣ этой,—писалъ на справкѣ архипастырь,—вышедшей изъ лѣтъ дочери за кандидата священства отказать навсегда... Если же кто изъ холостыхъ дьячковъ и ея лѣтъ возьметъ ее, за таковаго выдать никто не воспрещаетъ ей».

Проходитъ цѣлый годъ. Дѣло, повидимому, можно было считать оконченнымъ, но въ дѣйствительности оказалось противное: оно разгорается съ большею силою и тянется болѣе шести лѣтъ. Толчкомъ послужило прошеніе вдовы, которая писала, что находится

---

[1]) Дѣло Пензенской духовной консисторіи по 2 столу за 1855 г., № 486-й.

[2]) Всѣ документы приводятся нами съ точнымъ соблюденіемъ ороографіи и проч. подлинниковъ.

женихъ—студентъ, и что весь приходъ (Вороновка) желаетъ имѣть ея дочь «у себя священницею». Получивъ прошеніе С—й, преосвященный Варлаамъ (31/х 1856 г.) писалъ: «За то, что... сія съ дочерію меня безпокоитъ совершенно незаконно и явно вопреки моей резолюціи отъ 13/х 1855 г.—велѣть оштрафовать ее въ церкви чрезъ благочиннаго 100 земныхъ поклоновъ и обязать подпискою болѣе не просить меня о выдачѣ дочери ея, какъ 37-милѣтней, за кого либо изъ студентовъ».

Вдова Скв—а рѣшительно не пожелала исполнить архіерейскую резолюцію и къ мѣстному благочинному не явилась, а проживала спокойно въ Пензѣ. Пришлось передать дѣло благочинному пензенскихъ градскихъ церквей, протоіерею О—у, но и его требованіе объ исполненіи епитиміи и дочь и мать отвергли.

Выведенная изъ терпѣнія упорствомъ просительницъ, ежедневно посѣщавшихъ и архіерея и консисторію, послѣдняя въ февралѣ 1858 года дѣлаетъ постановленіе объ отсылкѣ ихъ въ пензенскій Троицкій женскій монастырь на одинъ мѣсяцъ «для наученія вѣжливости». Но и это постановленіе исполнено ими не было. Сдѣлано было второе, по которому назначено «за неявку въ монастырь» продолжить пребываніе въ немъ до 6-ти недѣль. Когда постановленіе было объявлено С—ымъ, и онѣ рѣшительно отказались исполнить, епархіальное начальство принуждено было прибѣгнуть къ содѣйствію полиціи, при помощи которой 28 мая 1858 года мать съ дочерью и были водворены въ монастырь.

Но была ли отъ этого польза? Рѣшительно никакой. «.... Присланныя въ ввѣренный мнѣ монастырь,—писала 3-го іюня игуменія Надежда,—вдова священническая ... съ дочерію Е—іею для наученія вѣжливости и повиновенія начальству... не хотятъ и слышать ни о чемъ и говорятъ, что мы въ монастырѣ жить не хотимъ, а дочь кричитъ, что хотите дѣлайте, но я иду замужъ, подайте мнѣ М—о, пусть насъ преосвященный поставитъ на одну доску, я не оставлю ни жениха, ни мѣста, пусть, когда откажется М—ій, тогда преосвященный дастъ другого жениха, а въ монастырѣ жить не буду, мнѣ надобно готовиться къ замужеству, дѣлать въ монастырѣ (ничего) не хочу и Богу молиться не буду. Это насъ сюда послала консисторія, а преосвященный не знаетъ, ибо ему угодно было обѣщать мнѣ жениха», на одномъ и помѣшались, такъ что въ кельѣ и монастырѣ только и разговору—иду замужъ, хочу быть попадьей, имѣть себѣ молитвенника, равно произноситъ и другія соблазнительныя слова, кто бы тутъ ни былъ. Итакъ онѣ вмѣсто наученія вѣжливости во ввѣренномъ мнѣ монастырѣ дѣлаютъ большой для всѣхъ соблазнъ, молодые надъ ними смѣются, а престарѣлыя скорбятъ и ропщутъ; въ настоящее время по случаю отдѣлки новаго храма работаютъ въ монастырѣ разнаго сорта мастеровые люди и рабочіе

тоже всѣ смѣются; безпрестанно приходятъ ко мнѣ въ келлію и просятъ: дай намъ къ преосвященному записку, что мы въ монастырѣ жить не хотимъ, съ повтореніемъ одного и того же слова отъ дочери: иду замужъ». Заключая свое донесеніе, игуменія Надежда убѣдительно проситъ протоіерея Варлаама удалить мать съ дочерью изъ монастыря.

На просьбу игуменіи архипастырь не согласился. Онъ писалъ: «Назначенный для эпитиміи срокъ онѣ должны выжить — хорошо или плохо проживутъ, объ этомъ донести въ то время. Между тѣмъ противъ сихъ лицъ и особенно дочери, кажется, за носъ водящей свою мать, принять и еще болѣе сильныя мѣры, и именно: 1) взять отъ нихъ подписку, чтобы онѣ перестали обременять мнимымъ своимъ мѣстомъ и женихомъ начальство, едва не каждый день или недѣлю; 2) если же онѣ и еще сдѣлаютъ ослушаніе епархіальному начальству и подписки не дадутъ, то собрать на справку всѣ случаи ослушанія и неповиновенія ихъ начальству и обсудить оныя по силѣ законовъ, можетъ быть, и для исключенія дочери изъ духовнаго званія, какъ потерявшей всякій стыдъ дѣвицы».

Прошло нѣсколько дней послѣ резолюціи преосвященнаго. Вмѣсто того, чтобы вразумиться и съ точностію исполнить наложенную на нихъ епитимію, мать и дочь С—ы своевольно уходятъ изъ монастыря. Какую жизнь вели онѣ по выходѣ изъ монастыря, ясно изъ рапорта преосвященному В—у благочиннаго протоіерея О—а. «Въ городѣ Пензѣ,—писалъ онъ,—давно уже проживаетъ .... вдовая попадья К. И. съ перезрѣлою дочерью своею, дѣвицею Е. С. Первая — старуха уже преклонныхъ лѣтъ, необыкновенно полная, а вторая имѣетъ отъ роду, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 40, дурна собою и, кажется, уже потеряла нѣсколько зубовъ, ни читать, ни писать не умѣетъ. И мать и дочь, проживая въ городѣ, сильно домогаются у епархіальнаго начальства жениха для послѣдней не дьячка, который бы имѣлъ лѣта, сообразныя возрасту ея, но воспитанника, кончившаго курсъ семинаріи, который бы, женившись на ней, могъ поступить на священническое мѣсто. Домогательство сіе доходитъ до такой степени безстыдства и наглости, что и дочь и мать ежедневно болѣе года ходятъ въ консисторію и дочь постоянно при входѣ и выходѣ изъ оной какъ членовъ, такъ и лицъ, служащихъ въ консисторіи, громко кричитъ: подайте мнѣ М—о, онъ мой женихъ, я отъ него не отстану, вызывайте его поскорѣе и обвѣнчайте его со мною, я непремѣнно за него хочу выйти замужъ; за дочерью тѣ же слова повторяетъ и мать. Таковое безстыдство свое мать и дочь огласили едва ли даже не по цѣлому городу, что обѣ онѣ ходятъ по разнымъ домамъ и собираютъ милостыню на содержаніе себя и приданое, называя вездѣ Е—ю невѣстою, якобы уже съ дозволенія начальства помолвленную за означеннаго М—о. Между тѣмъ

у старухи попадьи есть сынъ причетникъ .... у коего вмѣсто бродяжничества по городу и вмѣсто посрамленія, какое онѣ наносятъ духовному званію своимъ безстыдствомъ, могли бы имѣть покойное проживаніе и заниматься сельскими работами вмѣстѣ съ сыномъ для своего содержанія»...

Такое заявленіе благочиннаго вызвало новое постановленіе консисторіи о высылкѣ ихъ въ село Вороновку, со стороны же преосвященнаго Варлаама употреблены были всѣ мѣры къ водворенію матери съ дочерью въ богадѣльню г-жи Киселевой («эти два лица,—писалъ архипастырь,—меня еще и болѣе измучили своимъ каждодневнымъ безстыдствомъ, являясь едва ли не каждый день, особенно дочь; употребить еще одну мѣру......»). Но Ск—ы, очевидно, рѣшили твердо стоять на своемъ и не слушать никого. Такъ было и теперь. Въ богадѣльню онѣ не пошли, потому что «мы никого, говорили онѣ, объ этомъ не просили хлопотать»; не поѣхали и къ сыну. Столоначальникъ консисторіи доносилъ присутствію, что когда онъ звалъ ихъ въ консисторію для объявленія имъ указа, то онѣ не пошли и рѣшительно заявили, что «онѣ никогда туда не пойдутъ и знать ничего не хотятъ ни о какихъ распоряженіяхъ».

Не желая явиться въ консисторію для выслушанія резолюціи, онѣ между тѣмъ, по свидѣтельству того же столоначальника Х—а, каждодневно являются въ консисторію, гдѣ дочь попадьи, «по наглому безстыдству своему, кричитъ: вытребуйте М—о, онъ женихъ мой, я его невѣста, мнѣ съ нимъ пора вѣнчаться, и все у меня къ браку приготовлено, я отъ него никогда не отстану». Являясь каждодневно, онѣ производятъ въ канцеляріи шумъ и крикъ такой, что нарушаютъ тишину и отвлекаютъ чиновниковъ отъ дѣла. При высылкѣ же ихъ изъ канцеляріи консисторіи чрезъ служителей онѣ оказываютъ постоянно сопротивленіе, дочь же попадьи заводитъ со сторожами драку, ругаетъ ихъ скверно матерными словами и громко повторяетъ: «вытребуйте М—о, онъ мой женихъ». Исторія эта начинается каждодневно съ 9-ти часовъ утра и оканчивается около 3-хъ пополудни».

Видя, что никакія частныя увѣщанія не имѣютъ успѣха, преосвященный Варлаамъ переноситъ дѣло на болѣе формальную почву—назначаетъ форменное слѣдствіе.

II.

На требованіе слѣдователя-священника С. Ф—ва явиться къ нему для отобранія отъ нихъ показанія С—ы говорили, что онѣ «знать не хотятъ никакихъ предписаній начальства, объясненія писать не могутъ и не хотятъ кого либо попросить написать, что если и двадцать слѣдствій произведено будетъ, онѣ никому вѣры

не дадутъ, слѣдствія производить вовсе не нужно, потому что преосвященный обѣщалъ Е—іи другого жениха вмѣсто М—о, и если это дѣло не состоится, то онѣ будутъ жаловаться высшему начальству». Свидѣтельскія показанія, по донесенію священника Ф—а, были не въ пользу С—хъ и давали мѣсто возможному «предположенію въ ненормальности ихъ умственныхъ способностей, а потому 15-го іюня 1859 года консисторіею рѣшено было освидѣтельствовать просительницъ. Дочь попадьи, замѣчено въ журналѣ консисторіи, постоянно ищетъ жениха, не дьячка, равнаго годами, но окончившаго курсъ семинаріи. Между тѣмъ Е—іи уже болѣе 40 лѣтъ, «и слѣдовательно она невѣстою юношѣ, вышедшему изъ духовно-учебнаго заведенія, никогда быть не можетъ». Прежде, читаемъ далѣе въ журналѣ, Евпраксія искала М—о, но когда тотъ рѣшительно отказался, такъ какъ никогда не давалъ повода считать себя за жениха, то С—ы «обратили свое искательство нынѣ на окончившаго курсъ семинарскаго ученія Н. В—а, не въ городѣ, но неизвѣстно гдѣ проживающаго, и усильно съ бранью требуютъ, чтобы консисторія вызвала его, В—а, въ Пензу, потому что онъ ей (Е—іи) нравится, и что будто бы у нея было когда-то съ нимъ соглашеніе на бракъ, и это послѣднее требованіе второго жениха, неизвѣстнаго консисторіи, доходитъ (даже) до безстыднаго нахальства, несвойственнаго даже развращенной нравственности женщинѣ...».

Согласно постановленію консисторіи освидѣтельствованіе состоялось въ присутствіи начальника губерніи П—а, совѣтника Р—а, и. д. товарища предсѣдателя К—а, оператора Р—а, акушера Ф—е и протоіерея Б—о. При освидѣтельствованіи умственныхъ способностей, С-й Евпраксіи были предложены и даны ею слѣдующіе вопросы и отвѣты:

1) Какъ ваше имя и отчество?	Е. С. Ск—а, дѣвица.
2) Кто былъ вашъ отецъ?	Священникъ.
3) Сколько имѣете отъ роду лѣтъ?	Болѣе 30-ти годовъ.
4) Что заставляетъ васъ часто являться къ епархіальному архіерею?	Я утруждаю владыку о замѣщеніи родительскаго мѣста мною, прося себѣ жениха.
5) Зачѣмъ каждодневно являетесь въ духовную консисторію и безпокоите не только канцелярскихъ чиновниковъ оной, но и членовъ присутствія?	Насчетъ допросовъ, былъ мнѣ данъ женихъ Н. В—ъ, окончившій курсъ, но онъ не являлся.
6) За что вы находились въ Пензенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и почему самовольно ушли изъ онаго?	Все изъ жениха.

7) На чемъ вы основываете требованіе свое, будто бы окончившій курсъ семинаріи В—ъ желаетъ васъ взять въ замужество?	По собственному его В—а согласію.
9) Почему вы, имѣя 40 лѣтъ отъ роду, не желаете уже выйти замужъ за дьячка?	Потому что желаю имѣть жениха, который можетъ имѣть мѣсто священническое—отца моего.
9) Что заставляетъ васъ являться къ епархіальному архіерею и требовать себѣ жениха такъ, какъ это неприлично дѣвицѣ?	Потому что я желаю жениха на родительское мѣсто, и за мною зачислено было.
10) Почему вы уклоняетесь отъ дачи отвѣтовъ и объясненій слѣдователю по вашему дѣлу, священнику С. Ф—у?	Я съ консисторіею судиться не хочу и требую жениха [1]).

Въ протоколѣ освидѣтельствованія было записано—о матери, что она имѣетъ, повидимому, 60 лѣтъ, «здоровая, толстая, смѣлая и дерзкая въ разговорѣ, при чемъ никакого въ ней разстройства умственныхъ способностей не замѣтно»; нормальна и дочь, но за то, что она безпокоитъ начальство «неумѣстнымъ своимъ требованіемъ молодого жениха съ увѣренностію въ своихъ правахъ...... безъ разсужденія, кто согласится изъ молодыхъ студентовъ жениться на старой дѣвкѣ»,—отправить ее вмѣстѣ съ матерью въ село Вороновку къ брату.

Постановленіе губернскаго правленія было исполнено. Въ сопровожденіи дьячка Духосошественской церкви г. Пензы К—а и сторожа М—а онѣ были доставлены въ августѣ мѣсяцѣ въ село Вороновку. Но не долго онѣ прожили тамъ. Вскорѣ имъ снова понадобилось быть въ Пензѣ, «якобы для дачи очныхъ ставокъ съ какимъ-то женихомъ Васи—мъ, иначе если онѣ не явятся туда, то пошлютъ ихъ въ острогъ» (изъ рапорта благочиннаго свящ. Р—о). Несмотря на всѣ увѣщанія благочиннаго, мать съ дочерью явились опять въ Пензу и повели прежнюю безобразную жизнь...

Преосвященный Варлаамъ, такъ долго терпѣливо относившійся ко всѣмъ выходкамъ Ск—хъ и не принимавшій чрезвычайныхъ мѣръ, наконецъ вышелъ изъ себя. «Послѣ 4-лѣтняго вразумленія и наставленія,—писалъ онъ 17 декабря 1859 года,—вышедшихъ изъ всякаго повиновенія и подчиненія законамъ лицъ, дать имъ еще недѣлю времени для размышленія своихъ неразсудныхъ дѣйствій и требованій съ тѣмъ, чтобы онѣ подали форменный отзывъ за надлежащимъ рукоприкладствомъ и засвидѣтельствованіемъ, что

---

[1]) Подобные вопросы предложены были и матери.

онѣ не будутъ болѣе обременять собою начальства и предметъ желанія своего навсегда оставляютъ. Если же и за симъ онѣ не подчинятся законамъ, тогда протокольное заключеніе консисторіи (объ исключеніи изъ духовнаго званія) привести въ исполненіе— впрочемъ по отношенію къ одной дочери. Мать, и глубокую уже старуху и какъ попадью, повинующуюся, какъ кажется, внушеніямъ дочери, оставить въ духовномъ званіи впредь до исправленія».

Послѣ объявленія 17 декабря резолюціи преосвященнаго (во время чего дочь кричала, «дайте мнѣ жениха»), рѣшеніе консисторіи, утвержденное архипастыремъ, было приведено въ исполненіе— дочь исключена изъ духовнаго званія.

Но дѣло этимъ все-таки не окончилось. Въ мартѣ 1860 года духовная консисторія доносила губернскому правленію, что Евпраксія С—а каждодневно бываетъ у архіерея съ требованіемъ жениха, а въ апрѣлѣ снова убѣдительно просила правленіе запереть ее въ домъ умалишенныхъ «для приведенія въ разсудокъ». Мать же отправить къ сыну, обязавъ строжайшею подпискою не выѣзжать никуда изъ села.

Губернское правленіе, на основаніи консисторской бумаги, вновь подвергло освидѣтельствованію умственныя способности Евпраксіи. Оказалось, что она вполнѣ нормальна, но на всѣ внушенія «не переставала домогаться изъ одного упрямства съ нахальствомъ того молодого себѣ жениха, который будто бы сватался за нее въ октябрѣ истекшаго года, а именно нѣкоего Ор—о». Рѣшено было отправить дѣвицу къ роднымъ, живущимъ въ Пензѣ, подъ самый строгій надзоръ полиціи. Но кто же такой О—ій, котораго Евпраксія С—а стала считать своимъ женихомъ?

III.

Имя Ор—ого въ первый разъ встрѣчается на страницахъ этого курьезнаго дѣла въ 1860 году. На прошеніи, поданномъ имъ объ опредѣленіи на священническое мѣсто, послѣдовала 17 августа 1860 г. резолюція: «И. Ор—у покуда о полученіи священническаго мѣста и думать не слѣдуетъ... Не онъ ли еще есть и то лицо, за коего болѣе года вяжется дѣвка Ск—а. Если онъ, то для прекращенія безпокойства, отъ той дѣвки ежедневно бываемаго, призвать его и ту дѣвку въ присутствіе консисторіи, дать имъ очную ставку на какое-то между ними знакомство»...

При очной ставкѣ Ск—й представили двоихъ семинаристовъ и просили указать, который изъ нихъ Ор—ій. Ск—а съ азартомъ кричала, что ее обманываютъ—«призовите О—каго, допросите его и велите ему расписаться, что онъ согласенъ меня взять».

Не много одумавшись, она обратилась къ окончившему курсъ Кр—у (товарищу О—го) съ словами: «давай подписку, иначе я велю расписать тебя и посадить подъ арестъ», но вскорѣ остановилась и, оглядѣвъ внимательно О—го и Кр—а, боялась указать на кого либо изъ нихъ и только твердила: «для чего представили мнѣ двоихъ, я должна имѣть дѣло съ тѣмъ, кто называется И. С. Ор—мъ...». Какъ и слѣдовало ожидать, оказалось, что никакого отношенія Ор—ій къ Ск—й не имѣлъ и не имѣетъ.

Консисторія послѣ очной ставки Ев—іи съ Ор—мъ рѣшила исключить и мать изъ духовнаго званія за то, что она не можетъ образумить свою дочь. Преосвященный Варлаамъ вполнѣ согласился съ рѣшеніемъ консисторіи и отъ себя еще добавилъ просьбу къ начальнику губерніи—«или выслать мать и дочь изъ Пензы, какъ безпаспортныхъ, или заключить ихъ въ смирительный домъ, такъ какъ онѣ болѣе пяти лѣтъ почти ежедневно безпокоятъ и меня, иногда по 2 и по 3 раза въ день, и производятъ всѣ глупости и соблазны для другихъ просителей и посѣтителей.

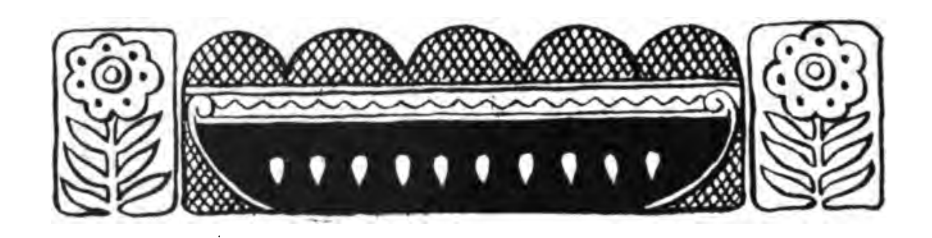
8-го февраля 1861 года было произведено старшимъ врачемъ больницы, въ присутствіи Ор—о (въ надеждѣ, «не подѣйствуютъ ли на здоровье Ск—й убѣжденія молодого человѣка Ор—о, о которомъ постоянная рѣчь Ск—й»), послѣднее освидѣтельствованіе Евпраксіи. На вопросы врача она отвѣчала, что живетъ въ Пензѣ по хлопотамъ о женихѣ, дѣла этого не оставитъ—«что хотите, то и дѣлайте, а я хочу выйти замужъ за Ор—го, потому что дала въ этомъ клятву себѣ...». По освидѣтельствованіи врачъ сдѣлалъ заключеніе, что она одержима «однопредметнымъ умопомѣшательствомъ», и что ее слѣдуетъ помѣстить въ богадѣльню при заведеніяхъ пензенскаго общественнаго призрѣнія.

Было ли исполнено или нѣтъ предположеніе врача, опредѣленно сказать трудно. Можно только предполагать, что нѣтъ, потому что черезъ годъ (въ маѣ 1862 года) преосвященный Варлаамъ снова обращается съ просьбою къ гражданскому начальству «о содѣйствіи къ удержанію въ собственномъ значеніи или безумной или глупой... дѣвки, желающей выйти въ замужество по ея выбору и назначенію уже за третьяго жениха и имѣющей такія лѣта, въ коихъ нѣтъ для нея ни одного сверстника въ ученикахъ окончившихъ семинарскій курсъ. Эти требованія и желанія ея прямо безумны, а между тѣмъ губернское правленіе неизвѣстно на какомъ основаніи считаетъ ее еще не безумною и предоставляетъ ей какое-то свободное жительство къ обремененію меня черезъ семь лѣтъ».

Нашъ разсказъ оконченъ, но, окончилось ли самое дѣло, положительно сказать трудно. Можетъ быть, Ск—ы снова затѣяли его

при новомъ пензенскомъ архипастырѣ, преемникѣ преосвященнаго Варлаама, много доставили ему хлопотъ..., а, можетъ быть, и смирились, подчинившись своей судьбѣ, и тихо оканчивали свою жизнь, мечтая и вспоминая о бывшихъ лже-женихахъ, изъ которыхъ ни одного не было настоящаго... Страницы архивныхъ дѣлъ не даютъ намъ на это никакого отвѣта...

С. А. Артоболевскій.



ЗАЯЦЪ.

(Разсказъ актера).

ЛѢТНІЙ СЕЗОНЪ 1895 года наша захудалая труппа, въ количествѣ четырнадцати человѣкъ персонажей обоего пола, во главѣ и подъ началомъ нѣкоего провинціальнаго актера К. П. М—скаго, скиталась по небольшимъ населеннымъ мѣстамъ Кавказа и Закавказья.

Не засиживаясь долго, а давая по одному или по два спектакля, проѣхали мы много разныхъ станицъ, торговыхъ селъ, минеральныхъ курортовъ и даже ауловъ. Случалось побывать въ такихъ мѣстахъ, гдѣ до насъ актерская нога еще не ступала. Нечего и говорить, что на актеровъ въ такихъ уголкахъ мѣстные аборигены смотрѣли, какъ на нѣчто необыкновенное. Иные смотрѣли съ нескрываемымъ любопытствомъ, а иные даже со страхомъ, какъ на исчадіе ада и злыхъ духовъ тьмы... За нами то и дѣло бѣгали толпами мальчишки, когда бывало проходимъ по улицѣ какой нибудь станицы или аула.

Отсутствіе театральныхъ зданій, или помѣщеній, сколько нибудь пригодныхъ для публичныхъ представленій, насъ не смущало. Мы играли вездѣ, гдѣ только находили небольшой залъ, который могъ вмѣстить нѣсколько десятковъ зрителей. Для этого нами снимались клубы, курзалы, школы, общественныя избы, казармы, манежи, а то такъ прямо сараи и навѣсы. Для постановки и оборудованія сцены требовалось всего нѣсколько часовъ. Живо укрѣпляли изъ досокъ помостъ, на которомъ и воздвигали сцену со всѣми атрибутами. Декораціи мы имѣли съ собой. Декораціи были самаго при-

митивнаго устройства и состояли изъ нѣсколькихъ боковыхъ кулисъ и двухъ полотняныхъ занавѣсей: передней, которая подымалась и опускалась во время дѣйствія, и задней, на одной сторонѣ которой былъ изображенъ лѣсъ, а на оборотѣ—внутренній видъ комнаты, то же самое изображали и боковыя кулисы. Лѣсъ представлялъ, такъ сказать, все наружное, замѣняя собой и садъ, и паркъ, и горы, и море, а комната—все внутреннее, т.-е. и хоромы королей, палаццо графовъ и простую деревенскую избу.

Талантовъ у насъ не было. Труппа состояла изъ заурядныхъ, второстепенныхъ и выходныхъ актеровъ, но смѣлости и нахальства у каждаго было много. Каждый брался за какую угодно роль, даже самаго труднаго классическаго репертуара, и если проваливалъ, то проваломъ не смущался, а съ чувствомъ собственнаго достоинства заносилъ ее въ списокъ репертуара игранныхъ ролей и будущему антрепренеру, при предложеніи услугъ, ставилъ на видъ, что мною, дескать, играны и такія-то роли.

Репертуаръ вели самый «убійственный» и «кровожадный». Ставили все, что попадалось подъ руку, начиная отъ наивныхъ малорусскихъ оперетокъ и кончая «Парижскими нищими» и «Убійствомъ Коверлей». Пьесы обставлялись небрежно, какъ попало, купюры каждый дѣлалъ произвольно, и играли кто во что гораздъ. Одинъ и тотъ же актеръ нерѣдко изображалъ по двѣ и по три роли въ каждой пьесѣ, при этомъ не старался разнообразить изображаемыхъ лицъ гримировкой или костюмомъ, а игралъ съ своимъ собственнымъ лицомъ, такъ что получался какой-то невообразимый сумбуръ и путаница: кто онъ и что изображаетъ, публикѣ разобрать было трудно.

Никакого амплуа не признавали. Сегодня, напримѣръ, актеръ изображалъ сильно-драматическаго героя, а завтра тотъ же актеръ кривлялся и, въ угоду райка шаржировалъ и пересаливалъ до неприличія, въ роли дурачка «Стецька» въ малороссійской опереткѣ. «Марію Кочубей» въ пьесѣ «Мазепа» изображала пятидесятилѣтняя старуха, а старухъ играла совсѣмъ юная дѣвица, увлеченная однимъ актеромъ и бѣжавшая изъ родительскаго дома гимназистка. Все поэтому выходило карикатурно и мерзко.

Само собою разумѣется, что дѣла нашего товарищества повсемѣстно были отвратительны, и мы, какъ говорится, жили впроголодь, перебиваясь съ хлѣба на квасъ и влача самое жалкое существованіе. Давно бы слѣдовало разъѣхаться и бросить это несимпатичное предпріятіе, но ни у кого не было денегъ на дорогу, а чтобы выбраться изъ «погибельнаго Кавказа» назадъ въ Россію, требовалась сумма немалая. Гдѣ ужъ намъ было помышлять о нѣсколькихъ десяткахъ рублей, необходимыхъ на дорогу, когда часто приходилось нуждаться въ двугривенномъ на дневное пропитаніе? Платье наше поистрепалось, сапоги «просили каши», и участники

нашего товарищества на паяхъ скорѣе походили на героевъ Максима Горькаго, нежели на честныхъ служителей храма Мельпомены.

Какъ-то еще въ самомъ началѣ сезона, вскорѣ послѣ Пасхи, когда мы, по избранному нашимъ распорядителемъ маршруту, пробирались на Кавказъ, гдѣ, по его увѣренію, насъ ожидали всѣ блага земныя, и по дорогѣ давали спектакли въ попутныхъ станицахъ Кубанской области, не помню въ какомъ-то городкѣ или съ вокзала желѣзной дороги примкнулъ къ нашему товариществу молодой юноша, нѣкій Гриша О—скій. Юноша сей—неудачникъ въ жизни, изгнанный изъ какого-то техническаго или желѣзнодорожнаго училища, надо полагать, за громкое поведеніе и тихіе успѣхи, служилъ чѣмъ-то въ родѣ смазчика или кочегара на желѣзной дорогѣ. Симпатичный блондинъ, добродушный, но глуповатый отъ природы, онъ производилъ довольно выгодное впечатлѣніе. Единственный сынъ чиновника и дворянинъ по происхожденію, онъ отца не имѣлъ, а его мать, вдова, жила въ Харьковѣ на скудную пенсію, заслуженную отцомъ.

Гриша, увлеченный театральнымъ искусствомъ, къ которому, какъ онъ разсказывалъ, еще съ малыхъ лѣтъ чувствовалъ непреодолимую страсть, предложилъ нашему распорядителю услуги въ качествѣ начинающаго актера. Тотъ его принялъ съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что Гриша, по простотѣ своей и довѣрчивости къ людямъ, а актеры казались ему даже сверхчеловѣками, сдѣлалъ взносъ «на дѣло» и отдалъ М—скому всѣ свои сбереженія, что-то около пятидесяти рублей. Поэтому онъ былъ немедленно зачисленъ въ составъ товарищества съ окладомъ въ десять марокъ и поставленъ на афишѣ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ. Мальчика это на первыхъ порахъ несказанно радовало. Онъ первую афишу, очертивъ краснымъ карандашемъ то мѣсто, гдѣ значилось, что въ пьесѣ «Разбойники» Шварца-разбойника исполнитъ г. О—скій, послалъ мамашѣ. Когда же получилъ въ отвѣтъ письмо отъ нея, то на наши разспросы, обрадовалась ли этому мама, онъ отвѣчалъ какъ-то уклончиво.

Обязанностей на него, какъ на новичка, сразу навалили массу. Онъ долженъ былъ доставать реквизитъ, т.-е. всѣ тѣ предметы, которые понадобятся въ спектаклѣ, и которыхъ въ театральномъ гардеробѣ не имѣлось, какъ-то: подушки, фраки, сюртуки, мундиры, кровати, канделябры, мебель, сервировку и проч. Гриша, бывало, цѣлый день рыщетъ по городу, выпрашивая все необходимое у обывателей. Эта театральная обязанность очень трудная и сопряжена съ рискомъ получить на каждомъ шагу непріятность. Согласитесь, не всякій довѣритъ свою вещь совсѣмъ незнакомымъ пріѣзжимъ людямъ, да еще актерамъ. Надо выманивать, выпрашивать, давать безплатныя контрамарки, надо умѣть внушить къ себѣ довѣріе... Тотъ пошлетъ тебя къ чорту, тотъ обругаетъ и выгонитъ,

а то еще и хуже бываетъ, какъ это и случилось съ нашимъ юнымъ товарищемъ въ одномъ городкѣ.

Въ пьесѣ «Каширская старина» для «подьячаго» понадобился поповскій подрясникъ. Гриша, сообразуясь съ фигурой исполнителя, а его долженъ былъ играть самъ М—скій, рѣшилъ отправиться къ отцу соборному діакону, такъ какъ онъ одинъ подходилъ своимъ громаднымъ ростомъ и тѣлосложеніемъ къ фигурѣ М—скаго, и подрясникъ отца діакона могъ быть впору ему.

— Вхожу въ квартиру отца діакона, — разсказывалъ потомъ Гриша, — вижу, сидитъ самъ отецъ за столомъ въ дезабилье и пьетъ водку... Фигура громадная, волосы всклочены, глаза налиты кровью, ну, звѣрь-звѣремъ...

— Что угодно, сынъ мой?—довольно ласково спрашиваетъ меня.

Я робко объясняю ему причину моего прихода.

Діаконъ выслушалъ, поморщился, покачалъ головой, выпилъ водки, крякнулъ...

— Однако ты предерзокъ, юнецъ нечестивый... Ты хочешь, чтобы я свое духовное одѣяніе далъ тебѣ для бѣсовскаго представленія?

— Будьте покойны, я сейчасъ же возвращу въ цѣлости и невредимости...

— Мерзавецъ!!.

Зарычалъ тутъ отецъ своимъ громаднымъ басомъ... Схватилъ это онъ меня за вихры и давай тузить... Такихъ затрещинъ надавалъ, что я еле ноги уволокъ...

И инцидентовъ въ этомъ родѣ случалось съ Гришей масса.

Гриша долженъ былъ вставать чуть-свѣтъ и расклеивать по улицамъ и разносить по магазинамъ и домамъ афиши и анонсы, за что̀ получалъ только тридцать копеекъ на клей. Кромѣ того, таскалъ узлы актеровъ съ костюмами съ квартиръ въ театръ и обратно, бѣгалъ въ типографію съ заказами новыхъ афишъ и программъ; его посылали актеры за водкой во время попоекъ и проч., словомъ безотвѣтный юноша исполнялъ всевозможныя порученія, ничего общаго съ театральнымъ искусствомъ не имѣющія.

Изрѣдка, впрочемъ, давали ему въ пьесахъ незначительныя роли, которыя онъ старался исполнять съ выдающимся рвеніемъ, но у него какъ-то не выходило. Онъ не могъ попасть въ настоящій тонъ. Иногда произнесетъ фразу то черезчуръ скоро, то черезчуръ медленно, то скажетъ въ такомъ невозможномъ тонѣ, что его никто не услышитъ. Вообще Гриша подавалъ мало надеждъ къ тому, чтобы когда нибудь изъ него вышелъ хорошій актеръ.

Актеры вообще любятъ издѣваться надъ меньшей братіей и за неисправность часто награждали Гришу зуботычинами или власотрепаніемъ. Распорядитель въ свою очередь штрафовалъ его еже-

дневно за малѣйшую провинность, и вскорѣ весь капиталъ Гриши, вложенный «на дѣло», ушелъ въ штрафы.

Гриша переносилъ все безпрекословно, такъ какъ его увѣрили, что всѣ великіе актеры начинали именно такъ свою карьеру.

Труппа наша, скитаясь по Кавказу и передвигаясь съ мѣста на мѣсто, то по образу пѣшаго хожденія, то въ фургонахъ и арбахъ, то по желѣзнымъ путямъ, попала и въ Абасъ-Туманъ, гдѣ пришлось играть въ мѣстномъ курзалѣ.

Въ то время проживалъ здѣсь покойный наслѣдникъ цесаревичъ Георгій Александровичъ. Мы даже удостоились его высокаго посѣщенія въ одномъ изъ нашихъ спектаклей. Несмотря на то, что мы въ этотъ вечеръ изъ кожи лѣзли и старались показать свои таланты во всемъ блескѣ, но высокому гостю, надо полагать, наша игра не особенно понравилась, ибо на послѣдующихъ спектакляхъ мы уже высокой чести присутствія его высочества не удостоились.

Дѣла по обыкновенію и въ Абасъ-Туманѣ были неважны, и мы изо дня въ день ждали полнаго краха и распаденія труппы. Существовать при такомъ положеніи дѣлъ было невозможно. Съ квартиръ за неплатежъ денегъ насъ безцеремонно гнали, такъ что многіе жили въ уборныхъ при театрѣ, а то прямо таки подъ открытымъ небомъ, такъ сказать, на лонѣ природы, которая здѣсь, въ этомъ чудномъ уголкѣ Кавказа, особенно щедро расточила свои дары.

Какъ величественно и прекрасно здѣсь все окружающее!... Какая дивная картина горъ и скалъ, какія долины и роскошные сады съ чопорными дачами, какъ поэтически раскинуты по взгорью сакли ближнихъ ауловъ... А эти журчащіе ручьи, а эта безпредѣльная синева неба, а эта величавая даль съ подернутыми легкимъ туманомъ, причудливыми очертаніями цѣпи горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами... Глядишь и не налюбуешься!... Забываешь бывало и горе житейское и невзгоды своей жизни скитальческой, горемычной.

Общество, пріѣзжающее сюда провести лѣто,—блестящее, аристократическое... Тамъ пронесется изящное ландо подъ зонтикомъ съ разодѣтыми въ шелки дамами и кавалерами, тамъ промчится кавалькада всадниковъ и амазонокъ верхомъ на лошадяхъ въ окрестную экскурсію. Всѣ веселы, довольны, слышится смѣхъ, остроты, шутки. Не жизнь, а какой-то вѣчный праздникъ!..

При видѣ этихъ сытыхъ, праздныхъ и довольныхъ жизнью людей задумаешься, и становится тебѣ грустно, грустно... Какая громадная разница!... Одному дано очень много лишняго, и онъ придумываетъ всевозможныя удовольствія къ прожиганію жизни, а у тебя ничего, въ карманѣ ломанаго гроша нѣтъ, и по брюху девятый валъ похаживаетъ, требуя кормленія... Скверно голодать въ такихъ мѣстахъ!...

Въ одно прекрасное утро бѣдный Гриша съ унылымъ видомъ и пустымъ желудкомъ бѣгалъ по городу и усердно расклеивалъ афиши, стараясь по возможности меньше израсходовать клея, такъ какъ изъ тридцати копеекъ, получаемыхъ имъ на муку, онъ выгадывалъ себѣ и на дневное пропитаніе. Афиша на сегодняшній спектакль, какъ на зло, по случаю бенефиса самого распорядителя М—скаго, была громадныхъ размѣровъ, въ цѣлую простыню. Онъ уже расклеилъ по всѣмъ улицамъ, оставалось нѣсколько штукъ доклеить по бульвару. Гриша перебѣжалъ улицу и подошелъ къ бульварной витринѣ. Остановился, засунувши пачку съ афишами между колѣнъ, и началъ мочальной кистью смазывать мѣсто для наклейки.

По бульвару въ это время проходили два молодыхъ офицера въ бѣлыхъ кителяхъ съ хлыстами въ рукахъ.

Поровнявшись съ витриной и замѣтивъ Гришу, прижимавшаго ладонью къ столбу свѣжую цвѣтную бумагу съ рѣзко выдѣлявшимися огромными буквами заглавія пьесы, офицеры пріостановились.

— «Тарасъ Бульба», историческое представленіе въ 4 картинахъ извѣстнаго писателя Гоголя...

Прочиталъ одинъ изъ нихъ.

— Это у васъ сегодня будутъ играть?—спросилъ Гришу другой.

— Да, сегодня...—отвѣтилъ, не глядя на нихъ, Гриша, разглаживая края листа мокрой бумаги.

— А вы сами тоже принадлежите къ составу труппы? Я, кажется, видѣлъ васъ на сценѣ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ?—продолжалъ другой офицеръ спрашивать Гришу.

— Да, я и на сценѣ играю, вторыя роли...

Гриша взялъ свертокъ съ афишами подъ мышку и, вытирая рукавомъ потъ, обильно выступившій на лбу, пріостановился, оглядывая офицеровъ.

— Скажите, вамъ, вѣроятно, плохо живется, вы такъ бѣдно одѣты?

— Да, живется, нельзя сказать, чтобы хорошо...—грустно улыбнулся Гриша.

— Большое вы получаете жалованье?

— У насъ товарищество, мы на маркахъ...

— Что это значитъ «на маркахъ»?

— Дѣлимъ, если есть барыши на марки, кому сколько опредѣлено...

Разспрашивающій офицеръ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на товарища.

— Это, вѣроятно, паи...—пояснилъ тотъ.

— А-а, понимаю... И много приходится получать вамъ?

— Въ прошломъ мѣсяцѣ я получилъ на свою долю всего семь рублей тринадцать копеекъ.

— Только-то?... Мало... Какъ же вы живете на такія скудныя средства?

— Такъ и живу, куплю фунтъ хлѣба, луку, а иногда четверть фунта чайной колбасы или селедку и пообѣдалъ... Сплю подъ сценой или въ уборной, чтобы не нанимать квартиры; здѣсь квартиры дороги, и не пускаютъ актеровъ.

— Вы такъ еще молоды... Что же васъ заставило поступить на сцену? Неужели вамъ пріятна такая жизнь?

— А что же дѣлать?

— Поступите на какое нибудь другое мѣсто, болѣе обезпеченное... Вы учились гдѣ нибудь?

— Учился... меня выгнали изъ техническаго училища...

— Ха-ха-ха!... Просто и наивно...—разсмѣялся другой офицеръ.

— У васъ есть родные?

— У меня одна мать-старуха, въ Харьковѣ, папа умеръ уже давно.

— А ваше происхожденіе?

— Я дворянинъ. Отецъ мой служилъ чиновникомъ въ казенной палатѣ, мать получаетъ пенсію.

— Чѣмъ такъ скитаться и бѣдствовать, вы бы уѣхали къ своей матушкѣ и нашли другое дѣло.

— Я-то не прочь уѣхать, по правдѣ сказать, все это страшно надоѣло, ролей не даютъ, да и таланта, кажется, у меня нѣтъ, маленькія роли и тѣ проваливаю... Да гдѣ взять денегъ на дорогу?.. Мать выслать не можетъ,—бѣдная, живетъ на двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ пенсіи...

Гриша проговорилъ это со слезами въ голосѣ...

— А сколько вамъ надо на дорогу?

— Надо много...

— Сколько же?

— Смотря, какъ ѣхать... Если ѣхать, купить билетъ, то обойдется вся дорога съ харчами, пожалуй, въ рублей двадцать пять, а зайцемъ можно проѣхать и за десять цѣлковыхъ.

— Какъ это «зайцемъ»?—разсмѣялись оба офицера.

— Такъ,—зайцемъ... Двѣ, три станціи проѣдешь, спрятавшись подъ скамейкой въ вагонѣ, пока кондукторъ не замѣтитъ и не высадитъ: иной высадитъ, да и только, а другой по шеѣ накладетъ по первое число, да еще протоколъ составитъ... Тамъ съ кондукторомъ войдешь въ соглашеніе, и онъ провезетъ тебя нѣсколько станцій за копеекъ двадцать, тридцать безъ билета. Нѣсколько станцій пройдешь пѣшкомъ по шпаламъ, а то опять влѣзешь въ вагонъ незамѣтно... Вотъ такъ и доберешься съ грѣхомъ пополамъ...

Оба офицера, слушая простодушный разсказъ Гриши, хохотали отъ души.

— Это и называется «ѣхать зайцемъ»? — любопытствовалъ офицеръ.

— Да...—улыбнулся и Гриша.

— И вамъ приходилось такъ ѣхать?

— Сколько разъ...

— Передвиженіе, нельзя сказать, чтобы удобное... Такъ ѣхать, конечно, не надо... А ваша фамилія?

— О—скій...

— Прощайте, О—скій!.. Мой совѣтъ вамъ—никогда не ѣздите зайцемъ...

Оба офицера, громко хохоча и переговариваясь другъ съ другомъ о только что услышанномъ отъ Гриши, удалились по аллеѣ бульвара.

Гриша поглядѣлъ вслѣдъ уходившимъ, взялъ ведро съ клеемъ и побѣжалъ въ противоположную сторону доклеивать афиши.

Вечеромъ того же дня, передъ началомъ спектакля, мы всѣ были удивлены приходомъ за кулисы личнаго адъютанта его высочества...

Еще болѣе насъ удивило, когда тотъ позвалъ къ себѣ О—скаго...

— Его высочество прислалъ вамъ вотъ это на дорогу, чтобы вы не «ѣздили зайцемъ»...—сказалъ, смѣясь, адъютантъ, подавая Гришѣ запечатанный конвертъ.

Гриша широко открылъ глаза, принимая конвертъ и узнавъ въ офицерѣ одного изъ утреннихъ собесѣдниковъ на бульварѣ. Онъ до того, бѣдняга, растерялся, что не отвѣтилъ ни слова и даже не поблагодарилъ.

Другой офицеръ, такъ заинтересовавшійся разсказомъ Гриши, былъ его высочество въ Бозѣ почившій наслѣдникъ цесаревичъ Георгій Александровичъ...

К. И. Ванченко.

САХАРНЫЯ ПОЛЯ.

Бытовой этюдъ.

Тучныя поля раскинулись до самаго горизонта, окаймленнаго кое-гдѣ зелеными щетинками молодыхъ лѣсковъ. А за тѣми лѣсками спрятались хутора: «Сѣрый», «Дуванка», «Лемищино»...

Тамъ и сямъ въ синѣющей дали, точно маяки какіе, бѣлѣютъ и краснѣютъ трубы заводовъ.

Все заводы и заводы свеклосахарные! Посѣвы— все свекловица да свекловица...

Лишь изрѣдка огромныя заводскія имѣнія съ конторами, шоссированными дорогами и телефонами перемежаются съ простыми земледѣльческими экономіями да узкими, со всѣхъ сторонъ прижатыми, крестьянскими полосками: изрѣдка лишь мѣстами жирная темная ботва свекловицы чередуется съ свѣтлыми полосками пшеницы и ржи.

Всякій злакъ тутъ ежится и тѣснится, уступая честь и мѣсто фавориту и господину края — вздутому бѣлому «бураку», наполненному драгоцѣннымъ сахарнымъ сокомъ.

Скромные, старозавѣтные «хлѣборобы», мужики, или господа средней руки, хмурясь, невольно разступаются, пропуская впередъ самоувѣреннаго и властнаго богатыря и царька мѣстности—сахарозаводчика, нѣмца, бельгійца, русскаго... Широко и привольно усѣ-

лись они здѣсь и тянутъ соки земли—милліардами корней своихъ свекольныхъ насажденій...

Огромны ихъ заводскія печи-пасти, дожигающія лѣса края и, на смѣну имъ, уже принявшіяся за уголь донецкихъ копей!.. Страшной силы ихъ паровые прессы, въ теченіе «компаніи», съ сентября по декабрь, выжимающіе цѣлыя рѣки сладкаго сахаристаго соку!..

Много-много нужно для нихъ свекловицы! Только вези, только подавай!

— Три тысячи пятьсотъ берковцевъ въ день—шутка ли, перерабатываетъ средній изъ этихъ заводовъ! — съ гордостью сообщитъ вамъ заводскій человѣкъ.— Да вѣдь это, милостивый государь, если высчитать, то цѣлыхъ два поѣзда получится, по тридцати вагоновъ въ каждомъ! Вотъ вы и говорите!.. Бездну свеклы сажаемъ сами—и все же намъ съ своихъ плантацій не хватаетъ. Со всѣхъ сторонъ везутъ ее намъ поставщики и экономіи, и простые мужики-хохлики...

Правда. Свекла всѣмъ вскружила головы. Вся округа послѣдніе годы занялась ея посѣвомъ. Соблазнительно!

Какая рожь, какая пшеница, «ифка» и «кустарка», можетъ дать то, что въ состояніи дать при урожаѣ «сахарный буракъ»?

Порядкомъ истощаетъ землю?.. Много возни и хлопотъ съ ними?.. Да, конечно: пóлка, прорываніе, «обгортаніе»... Но вотъ ужъ, кажется, сдѣлалъ все человѣкъ, и денегъ и труда убилъ много — и вдругъ, смотри, дождливое лѣто, свекла уродилась водянистою, съ малымъ процентомъ сахару — и человѣку убытки, разочарованіе. А тамъ, гляди, червь, а тамъ еще что̀...

— Вонъ у Покозія нашего,—разсказываютъ дуванковцы:—у того прямо оказія вышла: бураки съ человѣческую голову уродились! Носится онъ съ ними, дивуется, любуется, — ни у кого такихъ нѣту!.. Насилу дождался времени. Убралъ — и повезъ на заводъ, на пріемку. И опять, смотритъ—какъ есть ни у кого такой... Хм! Что̀ же вышло? Пріемщики возьми да всю свеклу и забракуй!.. Вотъ пораженіе человѣку!.. Одна въ ней вода!.. Испробовали—вода. Онъ, видите, «переборщилъ» немного—ужъ черезчуръ жирно унавозилъ землю: думалъ, что̀ больше-то лучше. Да и лѣто выдалось дождливое. И уродилась съ голову, да только вода одна... Что жъ, привезъ обратно домой и отдалъ ту свеклу свиньямъ. Такъ свиньи у него всѣ труды и барыши и слопали. Попробовала было его «жинка» борщъ себѣ съ нея сварить — Богъ знаетъ, что вышло! Противное, приторное и пѣнится, какъ вотъ конина... Нѣтъ, никуда она не годна—только для сахару...

Вотъ какія бываютъ незадачи съ этой свеклой у людей неопытныхъ.

— Да и заводскіе пріемщики, ой-ой, доки бываютъ большіе, обижаютъ мужиковъ-свеклосѣевъ,—жалуется хуторянинъ.—Берко-

вецъ онъ тебѣ не въ десять, а почему-то въ одиннадцать пудовъ считаетъ. Опять же цѣна: съ утра въ конторѣ одну цѣну назначитъ—ты и повезъ, а къ вечеру, когда люди много понавезли,—гляди, цѣну и спустили. Хочешь—вези назадъ. А легко ли? День-то одинъ и такъ ужъ потерялъ. Ну, отдаешь за что ни отдать.

Жалуются, ругаются. А между тѣмъ придетъ новая весна.

— Такъ нѣтъ же! Хоть полоску бураковъ, но посажу и я!—упорствуетъ каждый...

Заводы... Внесли они немало перемѣнъ въ жизнь хуторянъ и слобожанъ!.. Гордятся заводскіе люди:

— Мы даемъ имъ жить!

Далѣе маленькій хуторянскій подпасокъ-свинарь ко времени пòлки или сбора свеклы становится капризнѣе, требовательнѣе и не такъ ужъ рачителенъ къ своему дѣлу. Онъ помышляетъ, нельзя ли и ему, бросивъ стадо, убѣжать «на бураки», потому что тамъ берутъ и дѣтей.

Берутъ всѣхъ. Въ горячее время «обгортанія», или уборки, посыльный-верховой изъ завода, съ мѣдной трубой въ рукѣ, медленно, какъ герольдъ, разъѣзжаетъ по слободамъ, по хуторамъ и трубитъ. А потомъ перестанетъ трубить, сдѣлаетъ изъ своихъ ладоней родъ рупора—и ну кричать, сзывать:

— На бураки, на бураки!.. Хлопцы, дивчàта, на бураки!

И выбѣгаютъ со дворовъ, давно уже его поджидавшія дѣвки, окружаютъ его и на перебой освѣдомляются:

— Куда? Куда зовете?

— Въ Головчанскую экономію! бураки «прорѣжáть».

— А почемъ цѣна?

— Сорокъ!

— Э, нѣтъ. Зòлочевскій проѣзжалъ—сорокъ пять давалъ. Только то—далеко.

— Ну, ладно! Приходите!

И бросаютъ дѣвки печеное и вареное, торопливо снаряжаются, группируются въ партіи и съ пѣснями покидаютъ свой хуторъ.

Одна дѣвичья ватага пристаетъ къ другой. Вотъ Дуванковскія пошли. Кричатъ:

— Эй, вы, «Сѣрые хуторà», постойте! пойдемте вмѣстѣ!..

И вся эта шумная, оживленная армія атакуетъ заводскую контору.

Бываетъ такъ: нахлынетъ гораздо больше, чѣмъ сколько нужно. Выйдетъ приказчикъ—глянь: цѣлое колышущееся море головъ. Ну, тутъ нажить можно! Врагъ онъ себѣ развѣ?.. И громогласно объявляетъ:

— Дѣвки, цѣна въ день тридцать пять!

— Вотъ такъ лихо! А звали по сорокъ пять!

— Обманули!—слышится въ рядахъ.

Но рѣдкая, рѣдкая, разъ выйдя изъ дому, возвращается обратно. Дѣвки уже пораззадорили себя. Да и словно бы стыдно ни съ чѣмъ возвращаться. Опять же хоть и тридцать пять, развѣ въ простой экономіи теперь дадутъ столько? Теперь еще не «жнивá».

Простыя, немудрящія экономіи, что, по старинѣ, сѣютъ только жито да пшеницу, вообще хлѣбъ всякій, ропщутъ и шлютъ «этимъ заводамъ» тысячу пожеланій, одно другого лучше. Всѣ точно взбѣсились,—всѣ на бураки! Въ горячую пору—пшеница «сыплется»—не достанешь рабочихъ рукъ.

— Сманиваютъ цѣной! Развѣ мы можемъ всегда платить столько, сколько они? Наши барыши и ихніе!.. Мы концы съ концами еле сводимъ, а «сахарники», ужъ всѣмъ извѣстно, какой дивидендъ себѣ въ карманъ кладутъ.

И вспоминаютъ то время, когда этихъ самыхъ сахарныхъ заводовъ было еще мало въ краѣ, и не баловались и не портились люди.

— Помилуйте!—говорятъ,—тамъ у нихъ веселье, тамъ музыка! Да, нѣкоторые заводы завели у себя музыку. А хохлушки, ужъ извѣстно, любятъ музыку. Знали чѣмъ!.. Рано, рано утромъ, чуть свѣтъ, трамъ-трамъ-трамъ! хохлёнокъ и два еврейчика, заводскія флейта, скрипка и віолончель, уже нажариваютъ что-то подмывающее. Это будетъ лучше звонка и свистка. Это даже подѣйствительнѣе кнута, которымъ во время оно пригончіе поднимали на работу лѣнивыхъ крѣпостныхъ... Хитрые нѣмцы (а иногда и не нѣмцы), придумали—не прогадали!

Какая нибудь Мòтря сколько времени еще, проснувшись, ворочалась бы съ боку на бокъ, протирала глаза, а драгоцѣнныя рабочія минуты уходятъ и уходятъ... А тутъ она, заслыша музыку, «какъ печеная», вскочитъ; одну ногу обула, другая еще такъ, и скачетъ въ тактъ, танцуетъ. Сонъ въ мигъ соскочилъ!... Того и нужно хитрецамъ!.. Сдѣлала свое дѣло музыка, подняла всѣхъ работницъ на ноги. Маршъ теперь на работу! А вечеромъ — опять, пожалуй, музыка, и это ужъ безъ хитрости, а такъ, для удовольствія. И хоть измученная, усталая хохлушка, а пляшетъ, до тѣхъ поръ пляшетъ, пока не упадетъ и тутъ же не заснетъ.

Но музыка не вездѣ. А вотъ подарки—тѣ вездѣ ужъ. Платочки въ праздникъ раздаютъ, ленты въ косы... И хоть тѣмъ платочкамъ, скептики говорятъ, цѣна гривенникъ, и они линючіе, и хоть цѣлый день ей за тотъ платочекъ разогнуться потомъ не дадутъ: то и дѣло кричитъ приказчикъ: «веселѣе, дѣвки, веселѣе!» и хоть даже зря штрафуютъ иногда,—ничего, все забывается за зиму, до перваго новаго появленія мѣдной трубы, до перваго призыва: «на бураки, на бураки!»

Идутъ, бросая домы, свое хозяйство. Иныя на цѣлое лѣто уходятъ. Разъ побывала на буракахъ—ей ужъ скучно дома. Подружки всѣ ушли, кàкъ же она одна останется?

Деньги, что дѣвка на буракахъ себѣ заработала, онѣ—ея неприкосновенныя: на наряды, на приданое ей идутъ. Ужъ развѣ рѣдкая какая мать потребуетъ эти деньги и повернетъ ихъ на общія нужды семьи.

Франтитъ дѣвка, разъ, другой побывавшая на плантаціяхъ. Она уже не носитъ классической малороссійской «запàски», этого куска плотной пёстрой матеріи, что плотно драпируется вокругъ бедръ и перехватывается у таліи пояскомъ: она носитъ юбку, сшитую по-городскому.

И репутація дѣвки подчасъ въ опасности бываетъ на этихъ плантаціяхъ. Всѣ эти приказчики, да пригончіе, народъ молодой, здоровый и сытый. Держи съ ними ухо востро!

Такъ ворчатъ старозавѣтные люди, ворчатъ и косятся на все возрастающую силу заводовъ и плантацій, обладающихъ такимъ притягательнымъ магнитомъ для молодёжи.

Старая баба Варька изъ Дуванки—непримиримый врагъ плантацій, съ ихъ музыкой и веселыми нравами. Кабы заводы хоть всѣ сгорѣли, а плантаціи черви поѣли—убытку людямъ не было бы, по ея мнѣнію. Она бы даже перекрестилась.

Сахаръ дѣлаютъ!.. Точно люди въ старину безъ сахару не обходились. А медъ на что? Вотъ это вещь безгрѣшная. Пчела—Божье созданіе. Медъ и она, старая, ѣстъ, по праздникамъ варитъ себѣ изъ него варенуху. Лучше всякаго чая! Десять колодокъ пчелъ у нея въ гречихѣ стоятъ. Да, только съ этими заводами ихними и пчеламъ прежняго приволья не стало. Всѣ луговины, всѣ подлѣски, гдѣ прежде цвѣты росли, пораспахали. Съ нею и гречиху стали меньше сѣять. Окружила эта свекловица бабу Варьку со всѣхъ сторонъ.

Впрочемъ, есть еще причина, почему она, какъ на врага, смотритъ на плантаціи, на заводы и на новыя, созданныя ими, условія жизни. Эта горестная исторія съ ея внучкой—всё она надѣлала...

Была у бабы Варьки любимая внучка, сиротка. Галей её звали. Чего ей недоставало? Покойна была, сыта, одѣта. Для праздника у нея были даже червеные чоботы съ подковками. Жила себѣ, по хозяйству помогала. Набѣжала волна и захлестнула, потопила ея внучку... Вотъ такъ же, какъ теперь, появился однажды заводскій трубачъ. Ушли на бураки многія ея подруги—стала проситься и она. Плачетъ, молитъ... Долго не соглашалась старая, точно чуяла бѣду, а напослѣдокъ не выдержала—и... толкнула внучку въ бездну. Конечно, кабы знать, заперла бы ее, руки, ноги ей связала бы... Ушла внучка на бураки, да съ тѣхъ поръ и помину объ ней нѣтъ. Промѣняла домъ на плантацію, плахту — на платье, а её, старую, которая была ей вмѣсто матери,—на веселую заводскую компанію. Закрутила тамъ свою глупую голову съ фертомъ однимъ... маленькій начальничекъ тамъ,—и домой не вернулась. Вольная

жизнь показалась ей краше. А, можетъ, и хватилась она, да ужъ поздно—стыдно было опозоренной вернуться домой. Бросилась старая на поиски—и слѣдъ простылъ! Куда-то, говорятъ, на дальній заводъ перекочевала. Куда—никто не знаетъ. А онъ?... Можетъ, она съ нимъ, а, можетъ, давнымъ-давно уже брошена имъ и теперь льетъ слезы. А, можетъ, уже и на свѣтѣ ея нѣту.

— Загубили, загубили дѣвку...

И грозитъ баба Варька своей костлявой рукой невѣдомому чудовищу, проглотившему ея внучку...

Съ пѣснями проходятъ дѣвки мимо ея оконъ на плантацію.

— Идите, идите, дуры, тамъ васъ ждутъ! Тамъ вымотаютъ съ васъ душу! Дадутъ вамъ лентъ и платочковъ—и стыдъ отнимутъ... А! Небось всякая изъ васъ думаетъ, что она отличится, какъ та пололка Оксана, что замужъ за директора вышла... (Была такая исторія, и ее разсказали старухѣ). Идите, идите!.. Нѣтъ, голубушка, онъ только насмѣется надъ тобою... да и не онъ, а его писарчукъ, лакей,—и броситъ! Дуры! Не всякая изъ васъ Оксана!..

Даже жуть возьметъ дѣвокъ.

— Вишь, напала, грызется! Кто же виноватъ, что ея Галька одурѣла!.. Точно и всѣ такія! Ну, нѣтъ! Мы, братъ, тоже такъ огрѣемъ!.. Ха, ха, ха!..

И смѣхъ, молодой задоръ, увѣренность въ своемъ благоразуміи.

— Нѣтъ, старая колдовка, мы такъ зря не пропадемъ! А заработаемъ на наряды да навеселимся вдоволь... Только и всего.

Свекловичныя поля со всѣхъ сторонъ охватили, точно кольцомъ, хуторъ Дуванку. Въ этомъ году хуторяне насѣяли бураковъ еще больше, чѣмъ въ прошломъ. Вначалѣ, казалось, все благопріятствовало урожаю. Весна выдалась не сухая, да и не очень дождливая—не должна быть водянистой свекла. Вотъ кабы только довелось убрать ее благополучно.

Прошлый годъ неудаченъ былъ: много вреда надѣлала гусеница. Являлось опасеніе: не заложила ли эта проклятая гусеница съ осени своихъ яицъ?..

На всякій случай хуторяне приняли мѣры. Канавы вокругъ посадокъ выкопаны были еще съ прошлаго года—съ весны ихъ только углубили да подравняли, гдѣ обвалилось отъ весеннихъ водъ. Канавы—это спасеніе. Завелась гусеница въ одномъ какомъ мѣстѣ,—не перебраться ей дальше, въ другое. Доползетъ и свалится въ канаву. Карабкается, карабкается по отвѣсной стѣнкѣ и шлепъ на дно. А тутъ ужъ бей ее, дави, мни, превращай въ тѣсто.

Но однѣми канавами люди не ограничились. Понавезли они, каждый со своего двора, бурьяну, навозу, старой соломы съ крышъ, и цѣлыя горы этого добра разложили вдоль канавъ, воздвигли цѣлые брустверы для борьбы съ прожорливымъ врагомъ, страшнымъ своею численностью... И предосторожность оказалась не напрасной.

Разъ маленькій Иванъ бродилъ по полю, нашелъ червяка и принесъ его домой показать отцу. Сѣрый дрянной червякъ, о которомъ Иванъ слыхалъ уже разговоры.

— Гдѣ ты его взялъ?

— Въ полѣ нашелъ.

Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ Павлó Гунька на червя, шлепнулъ его о земь, раздавилъ. А потомъ сказалъ другимъ:

— Хлопцы, нужно пойти посмотрѣть.

И вотъ много народу вышло въ поле. Пришли дуванковцы къ своимъ свекловичнымъ посадкамъ и ахнули. Червей была уже цѣлая масса!.. Очевидно, теплая весна оживила заложенныя съ осени яйца,—умѣренная зима не заморозила ихъ.

Вотъ видятъ —черви расправляются, шевелятся, ползутъ... Смѣшно даже, какъ шелеститъ ботва... Ползетъ сѣрая живая, колеблющаяся масса... двинетъ грозная рать, ищетъ себѣ провіанта и уже пожираетъ только что начавшую складываться въ коронку нѣжную ботву свекловицы.

Съ сахарнаго поля иныя твари, порѣзвясь, начинаютъ уже перебираться на сосѣдніе огороды—попробовать капусты...

За голову ухватилась баба Варька, найдя на лучшей своей грядѣ цѣлый клубокъ червей!.. Душа ея наполнилась новой злобой, новымъ негодованіемъ и на людей и на ихнихъ червей.

— Проклятая!—ругала она гусеницу,—мы ее прежде на огородахъ и не знали!.. Все они!.. Какъ стали они сажать сахарные бураки, какъ расплодились эти плантаціи и заводы (чтобъ они погорѣли!),—она и къ намъ зашла, и теперь ужъ скоро человѣку капусты нельзя будетъ посадить. Вишь, еще оправдываются (и никто передъ бабой Варькой не думалъ оправдываться): «неповинны, молъ: съ сѣменами, вишь изъ-за границы и яица червяковыя въ нашъ край завезли»... А мнѣ легче, что изъ-за границы? Посадила немножко огородику—вотъ! собрала себѣ на зиму!

И давила червей, и ругалась:

— Чтобъ эти черви васъ самихъ поѣли!..

А врагъ все прибывалъ и прибывалъ, не боясь ничьихъ ругательствъ и угрозъ. Гусеницей полны были уже канавы. Ее били. Но по трупамъ задавленныхъ ползли новыя живыя рати и заполонили уже даже дорогу.

Телѣга въѣхала въ это мѣсто, и вдругъ колеса перестали вертѣться. Они ползли, какъ половья.

— Сани, сани!—кричали дѣвушки:—возъ сдѣлался санями, смотрите!

Бѣда. Неуправка. Люди выбивалась изъ силъ. И вотъ рѣшено было пустить въ ходъ послѣднее средство. Такъ тѣснимый со всѣхъ сторонъ врагомъ военачальникъ въ роковую минуту пускаетъ въ ходъ свой послѣдній резервъ.

Пора было ударить съ батарей!..

Люди стали со спичками возлѣ разложенныхъ кучъ, именно какъ артиллеристы возлѣ своихъ батарей.

— А, ну, хлопцы, Господи благослови!—раздалась чья-то команда.

И... вотъ одна куча бурьяну и соломы съ трескомъ запылала, другая, третья... И тамъ, и здѣсь!.. Огненное ожерелье опоясало зеленое сахарное поле...

Догоралъ какой костеръ—молодыя бабы, дѣвки и ребята бѣжали и изъ ближайшихъ дворовъ живо приносили соломы, хворосту, навозу, и костры снова разгорались.

Дымъ то устремлялся вверхъ, то разстилался по землѣ и ѣлъ глаза. Люди плакали поневолѣ. Охваченные ѣдкой удушливой горечью дыма, черви бились, извивались, ихъ крючило, какъ въ судорогахъ, они метались изъ стороны въ сторону. Минутами костеръ страшно шипѣлъ и вотъ-тотъ погасалъ, точно на него вдругъ кто-то вылилъ ушатъ воды: то массой вваливались въ огонь черви. Ихъ сѣрыя тѣла старались загасить, задавить огонь, но огонь все же бралъ верхъ, и шипѣли, жарились черви. Другіе, застигнутые клубами дыма, спѣшили перебраться въ сторону, противоположную отъ вѣтра, и эта армія двинулась на огороды. И совсѣмъ ужъ обезумѣла тогда баба Варька.

— Что же это вы дѣлаете, что вы дѣлаете со мною?—кричала она, стараясь перекричать всѣхъ и все.—Варнаки вы, разбойники! А!.. Васъ сахарные червяки осадили, такъ вы ихъ на меня гоните?!. Расплодили, антихристы, погани, и теперь угощаете ею добрыхъ людей?.. Капуста... Пропала теперь моя бѣдная капуста! пропала картошка!.. Ироды, вы меня будете кормить зимою, что ли?..

Но некому было слушать ея жалобы и вопли.

Наступила уже ночь, но никто не думалъ итти спать. Продолжали полыхать костры, краснымъ заревомъ освѣщая поля. Надъ ними съ криками кружились какія-то птицы.

Даже самыя маленькія дѣти не спали. Они скакали вокругъ огней, черезъ огни, ликовали, хлопали въ ладоши и сердили своимъ поведеніемъ взрослыхъ людей.

— Цыцъ! Что вы тутъ дѣлаете? Ишь какую игрушку себѣ придумали. Это вамъ не «Иванъ-Купала», чтобы черезъ огонь прыгать! Нашли время радоваться! Отцы изъ силъ выбиваются, а они...

Дѣйствительно, всѣ выбились изъ силъ, и, разойдясь наконецъ по домамъ, заснули, какъ убитые. Заснули успокоенные: гусеница наконецъ вся истреблена и задохлась, и погорѣла!..

Но когда на другой день пришли на поле вчерашней битвы, глазамъ своимъ не повѣрили. Навожденіе это, колдовство, что ли?..

Двигались новыя страшныя рати! Откуда? гдѣ взялись онѣ? Это онѣ переселялись съ Головщанской экономіи. Ихъ тамъ тоже вчера

душили дымомъ, и вотъ онѣ, спасаясь, двинулись сюда, на дуванковцевъ, уже измученныхъ борьбой съ врагомъ.

И поняли тутъ люди, что всѣ ихъ усилія тщетны, и руки ихъ безпомощно опустились.

Схватилъ Гунька, больше всѣхъ вчера потрудившійся, схватилъ шапку съ головы и ударилъ ею оземь, въ знакъ полнаго отчаянья.

Нѣтъ, очевидно только чудо одно можетъ спасти теперь поля отъ окончательнаго истребленія.

На выгонѣ шумитъ сходка. Люди совѣщаются, что имъ дѣлать, что предпринять.

Среди стариковъ разговоры:

— Вспомнили бы о Богѣ! Совсѣмъ Его забыли. Умны стали очень.

На этотъ разъ и молодые имъ не перечили, слушали серіозно.

— Что же вы скажете, старики? Говорите, совѣтуйте. Будетъ сдѣлано по-вашему.

— Икону чудотворную хоть разъ бы пригласили...

Икону!.. Всѣ, какъ за якорь спасенія, ухватились за эту мысль.

Икону!.. Тутъ и думать нечего. Согласны всѣ!.. Въ складчину!.. Сколько всѣхъ дворовъ?.. По рублю со двора—этого будетъ достаточно, чтобы пригласить чудотворную икону и устроить крестный ходъ по полямъ... Согласны, всѣ согласны, ни одного протестующаго голоса нѣтъ. И не нужно мѣшкать ни одной минуты... Проклятая прожорливая рать, которую и дымъ костровъ не беретъ, можетъ быть, она спасуетъ предъ дымомъ кадильнымъ, дымомъ ладана?.. Крики людскіе ей ничего не стоятъ, можетъ, нечистая сила духовнаго пѣнія испугается... «Миромъ Господу помолимся...». Да, міромъ, всѣмъ міромъ... вся Дуванка станетъ молиться предъ иконой Божіей Матери.

Всѣ знаютъ: икона та не простая, явленная. Ее чтутъ, она помогаетъ. Тутъ маленькій монастырекъ есть—всего въ семи верстахъ, тамъ эта икона. Итти, просить ее назавтра въ Дуванку, объяснить—такъ и такъ, черви одолѣли, гибель полямъ приходитъ...

И вотъ мигомъ снарядили въ монастырекъ верхового. Иванъ Прóдьма вызвался. На него охотно возложили это дѣло: онъ шустрый, проворный.

И точно: двухъ часовъ не прошло, какъ Продьма слеталъ туда и обратно и привезъ извѣстіе: икона завтра прибудетъ, и всѣ съ облегченіемъ передохнули. Ну, слава Богу!...

Нужно, однако, выйти навстрѣчу, нужно кому нести хоругви. Хоругви будутъ?... Да, обѣщано поднять всѣ хоругви и вынести крестъ.

И вотъ пошла переборка — кому итти туда, чтобы вернуться оттуда крестнымъ ходомъ, а кто останется на мѣстѣ для встрѣчи.

Настало утро. Пріубралась Дуванка, всѣ надѣли праздничную одежду, и старые, и малые. Избранные для крестнаго хода уже отправились въ монастырь, оставшіеся выходили за околицу, взбирались на пригорки, чтобы заблаговременно увидѣть крестный ходъ, когда онъ станетъ приближаться.

— Несутъ, несутъ!—замахали наконецъ руками послѣ долгаго и нетерпѣливаго ожиданія.

И точно: тамъ, вдали, на горизонтѣ, уже вырисовывалось шествіе. И съ каждой минутой оно все ближе и ближе... Клубится по дорогѣ пыль. Колышутся и блестятъ въ воздухѣ хоругви. Головы всѣхъ обнажаются...

Вотъ запѣли. Да, да, при приближеніи къ хутору запѣли... И все явственнѣе и громче пѣніе.

Вотъ остановились... Нужно отдохнуть. И тѣ, что пришли съ иконой, и тѣ, что оставались, всѣ теперь смѣшались вмѣстѣ.

Священникъ съ крестомъ и кропиломъ выступилъ впередъ. Десятки рукъ разомъ протягиваются къ иконѣ, которую держитъ сѣдой Лебединецъ. Старухи падаютъ на колѣни. Слышны слова молитвы и тихія, и громкія.

— Ну, съ Богомъ!..

И начался обходъ полей. Кадильный дымъ тонкими голубоватыми струйками вился къ нему.

— Сюда, батюшка, сюда!.. Обойдите, просимъ васъ, вотъ это еще мѣсто!..

И священникъ шелъ... шелъ неутомимо и кропилъ направо и налѣво. И всѣ двигались за нимъ.

А когда перестали обходить поля, стали ходить съ молитвой по отдѣльнымъ уже дворамъ и вездѣ служили молебствія.

Баба Варька первая зазвала къ себѣ. И тутъ она даже не утерпѣла, чтобы не посѣтовать батюшкѣ на всю Дуванку, на весь міръ.

— Вотъ что сахарники надѣлали! Червей мнѣ нагнали въ огородъ! Капусту мнѣ всю поѣли! Посмотрите, батюшка!

— Не ты одна—всѣ бѣдствуютъ.

— А я—безвинно! У меня нѣтъ сахарныхъ бураковъ.

Икону проводили. Батюшка уѣхалъ. День, полный суеты, тревогъ и молитвенныхъ впечатлѣній, окончился.

Усталая Дуванка легла спать... Что-то Богъ пошлетъ завтра?.. Неизвѣстно. Но всякъ чувствовалъ, что сегодня совершено большое и важное дѣло. И всѣмъ стало какъ-то легче. Теперь все въ рукахъ Божіихъ. Ему передали слабые люди всѣ заботы и попеченья. Теперь ужъ не они, а Онъ...

Встали обычно рано, и многіе, по привычкѣ, пошли «взглянуть на бураки»... Уцѣлѣло ли тамъ хоть что нибудь?...

Что же это, однако?... Гдѣ же гусеница?... Ея не было!.. Почти не было. Лишь кое-гдѣ шевелились отдѣльные запоздалые червячки.

Гдѣ же остальные? Гдѣ цѣлыя рати ихъ?... Нѣту. А взамѣнъ ихъ что-то летаетъ, кружится въ воздухѣ!..

Да это мотыльки, бабочки!.. Такія собою небольшія, желтенькія...

— Чудо! — первый кто-то уронилъ слово. И слово то подхватили начинавшія сбѣгаться со всѣхъ сторонъ дѣтишки:

— Чудо, чудо!!.

И съ распростертыми руками стали бѣгать по полю и гоняться за бабочками, Богъ вѣстъ откуда появившимися.

Чудо!.. И точно это похоже было на чудо. Вчера обошли поле крестнымъ ходомъ, а сегодня страшнаго червя уже нѣтъ, а залетали красивыя бабочки.

Все выбѣгали, всѣ смотрѣли. Цѣлыя тучи бабочекъ летали и кружились надъ головами, сверкая на солнцѣ своими крылышками. И наконецъ, точно по командѣ, ринулись прочь, и долго-долго провожали люди глазами ихъ исчезающія стаи. И снимали шапки и крестились люди, многіе, не допуская мысли, что это — та самая страшная и безобразная гусеница, только за ночь преобразившаяся въ бабочекъ...

И земля, и воздухъ очистились; и повеселѣли, избавившись отъ враговъ, сахарныя поля!

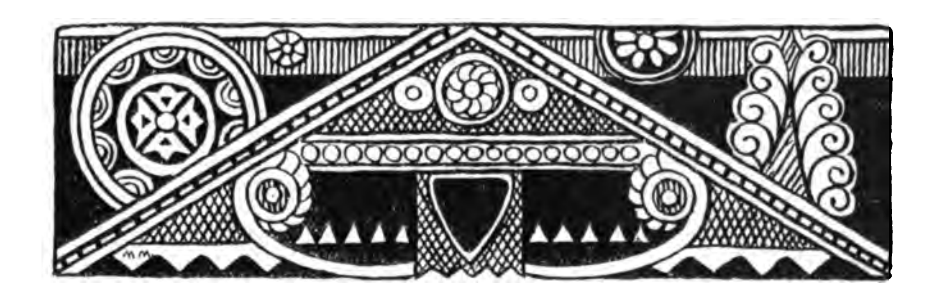
Многія «коронки», правда, оказались подъѣденными, скушенными, но люди стали быстро засаживать образовавшіяся плѣши. И такъ какъ лѣта впереди было еще достаточно, и погода стояла теплая, то была надежда, что вторично подсаженное «догонитъ», возьметъ свое. Очень хорошаго сбора, конечно, не будетъ, но не будетъ и слезъ отчаянья.

А къ осени населеніе Дуванки уменьшилось однимъ человѣкомъ: сложила навѣки свои руки баба Варька! Что жъ, довольно пожила, довольно всего насмотрѣлась!.. Во-время умерла баба Варька!.. Дальше было бы ей еще труднѣе жить, глядя, что творится теперь въ краю, который она знала другимъ и, по ея мнѣнію, гораздо лучшимъ.

Галя ея не показывалась, сгинула: и выморочную старухину усадьбу купилъ чужой человѣкъ, и тамъ, гдѣ росла капуста и морковь, гдѣ стояли пчелы, насажалъ сахарныхъ бураковъ.

Не стало маленькаго островка, какимъ долгое время представлялась Варькина усадьба, зеленое свеклосахарное море его затопило и поглотило! И больше некому было брюзжать въ безсильныхъ попыткахъ остановить теченіе новой жизни... Не видала баба Варька, что даже къ самому кладбищу, гдѣ покоился ея прахъ, теперь уже вплотную подступали ненавистныя ей свеклосахарныя плантаціи...

Н. А. Хлоповъ.



НА СРЕДНЕМЪ ПЛЁСѢ.

(Путевые наброски).

Снова къ тебѣ прихожу я,
Волга, родная рѣка!
Съ новою радостью чую
Свѣжій порывъ вѣтерка.

Никоновъ.

I.

До Рыбинска.

НАСТАЛА ВЕСНА. Зазвенѣла въ небѣ пѣсня жаворонка, зажурчали ручьи, рѣки вскрылись, лѣсъ покрылся свѣжей, душистой зеленью, и насъ съ товарищемъ снова потянуло на Волгу.

Верхнее ея теченіе отъ истока до Рыбинска было нами уже осмотрѣно. Побывали мы и на водныхъ системахъ, соединяющихъ это верхнее теченіе съ Петербургомъ. Въ послѣдній разъ мы проѣхали по главной изъ этихъ системъ—Маріинской, несущей урожаи береговъ нижней Волги въ нашу роскошную, но не имѣющую ни зерна собственнаго хлѣба столицу; системы Тихвинская и Вышневолоцкая были осмотрѣны еще ранѣе.

Теперь мы рѣшили снова вернуться къ самой Волгѣ и прослѣдить ея теченіе отъ Рыбинска до Нижняго, т.-е. такъ называемый Средній плесъ.

Изъ Петербурга въ Рыбинскъ мы отправились по желѣзной дорогѣ и веселые, довольные, что можемъ наконецъ встряхнуться

послѣ зимняго сидѣнья въ четырехъ стѣнахъ, заняли мѣста въ вагонѣ.

Народу было довольно много.

Противъ насъ помѣстился какой-то инженеръ и, очевидно, его знакомый, старичокъ, статскій.

Раздались три мѣрныхъ удара въ колоколъ, и поѣздъ плавно тронулся съ мѣста.

Только что мы переѣхали Обводный каналъ, и въ окнахъ прекратилось мельканіе темныхъ полосъ мостовой клѣтки, какъ старичокъ, вытянувъ шею по направленію къ лѣвому окну, сталъ набожно креститься на виднѣвшуюся среди зелени бѣлую массу собора Александро-Невской лавры.

— Въ дорогу помолиться не мѣшаетъ,—замѣтилъ инженеръ.

— А развѣ плохо построена?—прищурился на него старичокъ.

— Построена хорошо, а такъ на всякій случай.

— А вы знаете ли, кому я молился?

— Должно быть, Николаю угоднику.

— Нѣтъ-съ, Николай угодникъ будетъ въ свое время; онъ въ Колпинѣ. А я отдалъ прощальный поклонъ хозяину всей здѣшней мѣстности, отъ Новгорода и до Финскаго залива, благовѣрному князю Александру Ярославичу.

— Вотъ что! Ну, это мнѣ не могло прійти въ голову.

— А вотъ Петру-то Великому пришло. Перенесъ его именно сюда, на Неву.

— Не знаете ли, почему раки не открываютъ?

— Нельзя-съ. Самъ Петръ ключемъ, говорятъ, заперъ и ключъ въ Неву бросилъ.

— Да вѣдь рака-то сдѣлана при Елизаветѣ?

— Такъ что же изъ того, что при Елизаветѣ? Развѣ она Петру не дочь?

— Значитъ, одну раку въ другую вставили? Не открывая?

— Значитъ.

— Интересно бы когда нибудь увидѣть мощи?

— А вы не видали?

— Нѣтъ, не приходилось. А впрочемъ оно, быть можетъ, и къ лучшему. Кто знаетъ еще, съ какимъ бы чувствомъ я сталъ смотрѣть на нихъ? Для глубоко вѣрующаго это другое дѣло...

— А вы не вѣрите?

Инженеръ вздрогнулъ и промолчалъ.

— Такъ я вамъ вотъ что скажу,—оживился старичокъ:—вѣрить я васъ, конечно, не заставляю, а только если представится случай увидѣть мощи, не пропускайте его. Я на своемъ вѣку много мощей видѣлъ, ко многимъ прикладывался и вѣрую вполнѣ. А чтобы доказать вамъ, что не всѣ невѣрующіе въ мощи остаются въ своемъ невѣріи, позвольте предложить вамъ нѣкоторый разсказъ.

— Послушаемъ.

— Былъ въ Сергіевской лаврѣ намѣстникъ Антоній. Святой жизни человѣкъ былъ, я его знавалъ; лаврой правилъ болѣе сорока пяти лѣтъ и умеръ на восемьдесятъ седьмомъ году отъ роду. Личность почтенная, уважаемая, а смолоду, въ родѣ васъ, въ мощи не вѣрилъ. Жилъ онъ, молодой-то, на Волгѣ въ Лысковѣ у князя, Грузинскаго, занимался медициною; человѣкъ былъ вѣрующій, а про мощи ему тамошніе раскольники наговорили, что ихъ монахи выдумали для дохода. Покроютъ пустую гробницу пеленой да и служатъ молебны, а то положатъ въ нее что нибудь на подобіе человѣка, укутаютъ со всѣхъ сторонъ и говорятъ, что нетлѣнныя мощи. Не вѣрить-то онъ не вѣрилъ, а убѣдиться все-таки хотѣлось.

— Откуда вы все это знаете?—спросилъ инженеръ.—Онъ самъ вамъ разсказывалъ?

— Разсказывалъ, только не мнѣ, а одному лицу, которое разсказъ его тогда же записало, а послѣ его смерти и напечатало.

— Ну-съ?

— Проѣзжалъ черезъ Лысково генералъ съ семействомъ и прихворнулъ въ Лысковѣ. Антоній-то, тогда его еще Андреемъ Гавриловичемъ звали, его лѣчилъ и за это время съ ними со всѣми сошелся очень близко, такъ что, когда они собрались ѣхать дальше, такъ стали звать и его съ собой прокатиться. А ѣхали они въ Муромъ и во Владимиръ, какъ разъ на поклоненіе мощамъ тамошнихъ угодниковъ. Андрей Гавриловичъ обрадовался случаю, отпросился у князя и поѣхалъ.

— Приготовьте, господа, ваши билеты,—раздался въ вагонѣ голосъ кондуктора, и чрезъ минуту мимо насъ важно проплыла осанистая фигура контролера, сопровождаемая оберъ-кондукторомъ съ портфелемъ.

Контроль билетовъ окончился, публика успокоилась, и инженеръ попросилъ старичка продолжить свой разсказъ.

— Пріѣзжаютъ они въ Муромъ, — снова заговорилъ старичокъ:—пошли въ соборъ поклониться свв. Петру и Февроніи, а тутъ, какъ разъ, для Андрея Гавриловича неудача. Мощи-то оказались подъ спудомъ, т.-е. въ землѣ, а на поверхности стояла дѣйствительно пустая рака съ иконою на верхней доскѣ. Генералъ повезъ его въ Благовѣщенскій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи св. князя Константина съ чадами на вскрытіи, т.-е. въ гробницѣ. Но тутъ съ Андреемъ Гавриловичемъ вышло еще хуже. Мощи были покрыты пеленою; онъ подошелъ и хотѣлъ ощупать головки. Монахъ его отогналъ. Сомнѣніе его усилилось, и онъ сталъ просить, чтобы монахъ открылъ покровъ и показалъ мощи, какъ онѣ есть. Монахъ отказалъ, потому что это дѣйствительно безъ особаго разрѣшенія начальства не дѣлается. Слово за слово. Кончилось тѣмъ, что Андрей Гавриловичъ заговорилъ о положенныхъ

вмѣсто мощей куклахъ, а монахъ пригрозилъ отправить его въ полицію.

— Это очень интересно,—засмѣялся инженеръ.

— Погодите, дальше еще интереснѣе будетъ,—замѣтилъ старичокъ.—Изъ Мурома онъ выѣхалъ совершенно невѣрующимъ, такъ какъ поведеніе монаха вполнѣ подтвердило для него слова раскольниковъ. Во Владимиръ пріѣхалъ онъ въ дурномъ настроеніи духа и поутру рано пошелъ въ соборъ помолиться передъ образомъ Владимирской Божіей Матери. Обѣдня еще не начиналась, и въ соборѣ не было никого, такъ что помолился онъ безъ помѣхи и почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Вошелъ священникъ служить обѣдню, и Андрей Гавриловичъ, бывшій во Владимирѣ въ первый разъ, попросилъ его показать достопримѣчательности собора.—«Главныя наши достопримѣчательности и драгоцѣнности,—сказалъ священникъ:—это мощи нашихъ благочестивыхъ князей».—И сталъ показывать, гдѣ лежитъ Юрій Всеволодовичъ, гдѣ Андрей Боголюбскій, гдѣ сынъ его Глѣбъ, умершій въ юности при жизни отца. Нетлѣнныя мощи его были обрѣтены при Петрѣ Великомъ. Доброе лицо священника понравилось Андрею Гавриловичу, и онъ рѣшилъ открыть ему свою душу. Повинился онъ, что въ мощи не вѣритъ, что подозрѣваетъ въ нихъ одинъ обманъ, и сталъ умолять священника спасти его душу отъ невѣрія, открыть ему мощи и убѣдить въ ихъ нетлѣніи.—Извольте,—сказалъ священникъ и подвелъ его къ ракѣ князя Глѣба.—«Благовѣрный князь скончался въ 1175 году,—сказалъ онъ:—и посмотрите, какъ Господь сохранилъ его».—Потомъ помолился передъ ракою и снялъ покровъ съ мощей. Святой лежалъ въ княжеской одеждѣ совершенно невредимый, какъ будто недавно только скончался. Священникъ осторожно приподнялъ его руку и засучилъ рукавъ: рука была совершенно цѣла, какъ у живого, и только кожа имѣла желтоватый цвѣтъ. Чтобы показать, что даже суставы не потеряли гибкости, священникъ приподнялъ обѣ руки князя, а онѣ были сложены на груди, и положилъ ихъ врозь, какъ у спящаго. Такъ у Андрея-то Гавриловича морозъ по кожѣ пробѣжалъ... Съ тѣхъ поръ и сталъ онъ мощамъ вѣрить. Такъ-то-съ!

— Если это правда,—въ раздумьѣ замѣтилъ инженеръ:—такъ ужъ тутъ не вѣра, а прямо знаніе, на опытѣ.

— А Господь-то что Ѳомѣ сказалъ?—заговорилъ старичокъ:—«Ты повѣрилъ потому, что осязалъ мои раны, а блаженны не видѣвшіе, а вѣровавшіе».

Поѣздъ подходилъ къ Колпину. Показались темныя массы Ижорскихъ адмиралтейскихъ заводовъ, старѣйшихъ изъ всѣхъ заводовъ морского вѣдомства. При Петрѣ здѣсь была устроена небольшая водяная лѣсопильня; потомъ основана кузница для выдѣлки желѣзныхъ корабельныхъ принадлежностей, а теперь Ижор-

Набережная въ Рыбинскѣ.

скіе заводы удовлетворяютъ чуть ли не всѣмъ требованіямъ нашего судостроенія. Они производятъ и паровые котлы, и машины, и якоря, и броню, и строительную сталь, помпы, цѣпные канаты, шпили и пр. и пр., при чемъ ежегодное ихъ производство достигаетъ до суммы 6 милліоновъ рублей.

— Вотъ теперь поклонимся и святителю Николаю,—замѣтилъ старичокъ, снимая шляпу, когда въ окнѣ показались синія главы колпинскаго храма, построеннаго будто бы по проекту Растрелли.

Старичокъ имѣлъ основаніе креститься съ особою набожностью, смотря на силуэтъ виднѣвшагося среди городскихъ построекъ храма, такъ какъ въ немъ находится чтимая не только мѣстными жителями, но и петербуржцами, чудотворная икона св. Николая, явившаяся, какъ кажется, въ 1722 году, въ 5 верстахъ отъ Колпина.

— Что здѣсь 9-го мая бываетъ!—воскликнулъ старичокъ, надѣвая шляпу.—Трудно себѣ представить, сколько другой разъ народу собирается, и въ экипажахъ, и пѣшкомъ, и по желѣзной. Я неоднократно бывалъ, и въ крестномъ ходу хаживалъ на мѣсто явленія.—То-то народу!—и мужички, и господа, и мастеровые, и военные... кого, кого только нѣтъ!... А въ церковь-то не всегда и попадешь.

И онъ началъ разсказывать о чудѣ, совершенномъ иконою, въ шестидесятыхъ годахъ, надъ одною дамою, отъ которой отказались петербургскіе доктора.

За Колпиномъ мѣстность стала живописнѣе. Линія строеній и заводовъ, тянувшаяся вдали по берегу Невы, скрылась за холмами и зелеными рощицами, которыя то и дѣло мелькали по сторонамъ вдоль полотна дороги.

Мы разговорились съ инженеромъ о самомъ пути, по которому бойко катились наши вагоны, и узнали много интересныхъ подробностей объ исторіи постройки этой старѣйшей изъ нашихъ большихъ желѣзнодорожныхъ линій. Старичокъ усердно иллюстрировалъ дѣловой разсказъ инженера вспоминавшимися ему при этомъ анекдотами.

Полагаю, что нѣкоторыя изъ полученныхъ мною свѣдѣній будутъ небезынтересны и для читателя.

Какъ извѣстно, желѣзнодорожною эрою можно считать 1829 годъ, когда Стефенсонъ, на конкурсѣ Ливерпульско-Манчестерской желѣзной дороги, получилъ премію за свой паровозъ «Ракета». Съ тѣхъ поръ, какъ былъ найденъ удобный паровой двигатель, желѣзнодорожное дѣло пошло впередъ крупными шагами, и черезъ семь лѣтъ развилось въ Англіи въ настоящую желѣзнодорожную горячку. Въ 1836 году парламентъ утвердилъ до 29 новыхъ линій. У насъ чуть ли не первою желѣзною дорогой надо признать устроенную на Нижне-Тагильскихъ горныхъ заводахъ механиками,

Волга близъ Песочнаго.

отцомъ и сыномъ Черепановыми, изъ которыхъ послѣдній побывалъ въ 1833 году въ Англіи, присмотрѣлся къ англійскимъ локомотивамъ и, возвратясь домой, устроилъ въ томъ же году свой небольшой «сухопутный пароходъ», дѣйствовавшій на линіи длиною—въ 400 саженъ! Русскіе инженеры зорко присматривались къ интересной заграничной новинкѣ, съ мыслью завести ее и у насъ, но среди нихъ,—какъ при началѣ всякаго новаго дѣла,—было немало скептиковъ и нерѣшительныхъ. — «Да, — говорили скептики:—все это хорошо за границей, въ Англіи, въ Америкѣ, а попробуйте-ка у насъ!» Имъ казалось, что и климатъ у насъ не подходитъ, и постройка должна обойтись слишкомъ дорого, что доходы никогда не сравняются съ расходами, и наконецъ, что подобное нововведеніе можетъ даже произвести переворотъ во всей жизни государства. Скептики на время взяли верхъ.

Въ 1834 году въ Россію по приглашенію Чевкина явился для осмотра горныхъ заводовъ австрійскій инженеръ, чехъ, Францъ фонъ-Герстнеръ, изучившій желѣзнодорожное дѣло въ Америкѣ и уже заявившій себя, какъ энергичный иниціаторъ прокладки рельсовыхъ путей въ Австріи. Онъ уже мечталъ о соединеніи желѣзными дорогами Москвы съ Петербургомъ, съ Нижнимъ, съ Одессою, но правительство на его условія не согласилось и разрѣшило только построить, въ видѣ отвѣта, небольшую линію до Царскаго Села и Павловска на протяженіи 24 верстъ. Въ 1838 году Царскосельская дорога была открыта для движенія, и тогда стали серьезно подумывать о соединеніи рельсовымъ путемъ обѣихъ столицъ имперіи. Для изученія постройки и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ были посланы въ Америку два русскихъ инженера—Крафтъ и Мельниковъ. Появилось множество частныхъ проектовъ постройки новой дороги, предлагавшихся вниманію правительства, и императоръ Николай I повелѣлъ комитету министровъ заняться всестороннимъ обсужденіемъ предположенія о соединеніи Петербурга съ Москвою рельсовымъ путемъ. Впрочемъ и тутъ дѣло безъ скептиковъ не обошлось. Еще въ 1835 году нѣкто, г. Наркизъ Атрѣшковъ, издалъ книгу «Объ устроеніи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи», гдѣ, обсуждая вопросъ о соединеніи столицъ, онъ, на основаніи существовавшаго тогда между ними движенія, предсказывалъ, что наибольшее количество груза, на которое можетъ разсчитывать будущая желѣзная дорога, выразится въ цифрѣ 7.000 пудовъ, а число пассажировъ не превыситъ 8.000 человѣкъ въ годъ, что̀ составило бы не болѣе 5.650 рублей годового дохода. Въ самомъ комитетѣ министровъ преобладало сомнѣніе; дѣло обсуждалось около двухъ лѣтъ и ни на шагъ не подвигалось. Вернулись изъ Америки Крафтъ и Мельниковъ; они представили докладъ самаго утѣшительнаго, ободряющаго характера, и тѣмъ не менѣе комитетъ министровъ призналъ значительнымъ большинствомъ голосовъ по-

Церковь Казанской Божіей Матери въ Романовѣ.

стройку желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвой и невозможною, и безполезною. Министръ финансовъ опасался крупныхъ расходовъ и не довѣрялъ обѣщаемой доходности дороги, а управлявшій тогда путями сообщенія графъ Толь прямо заявилъ, что новгородскія болота, разливы рѣкъ и пересѣкающія путь Валдайскія возвышенности представляютъ неодолимыя препятствія для осуществленія проекта, который, кромѣ того, не можетъ принести никакой пользы, такъ какъ наши морозы и снѣга будутъ служить постоянною помѣхою эксплоатаціи новой дороги.

1-го февраля 1842 года на послѣднее засѣданіе комитета явился самъ государь и, выслушавъ мнѣнія министровъ, заявилъ, что соглашается съ меньшинствомъ, сооруженіе дороги находитъ вполнѣ возможнымъ и повелѣваетъ немедленно приступить къ подготовительнымъ работамъ по его осуществленію.

Немедленно былъ учрежденъ особый комитетъ по постройкѣ дороги, и предсѣдателемъ его назначенъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ. При комитетѣ была образована строительная комиссія, въ которой, равно какъ и въ комитетѣ, самымъ дѣятельнымъ членомъ оказался получившій незадолго передъ тѣмъ графское достоинство Петръ Андреевичъ Клейнмихель; въ томъ же году ему было ввѣрено, по смерти Толя, управленіе путями сообщенія.

Для большаго удобства предварительныхъ изысканій вся линія была раздѣлена на двѣ половины. Первая—отъ Петербурга до Бологое—была поручена Мельникову, вторая—отъ Бологое до Москвы—Крафту. Въ участкѣ Мельникова находился довольно значительный пунктъ—Новгородъ, который, между тѣмъ, по своему положенію значительно отклонялся отъ прямой линіи между двумя столицами, а потому Мельниковъ сдѣлалъ два проекта: одинъ прямой, на Вышній-Волочекъ, другой съ изгибомъ на Новгородъ и выходомъ къ Волочку. По поводу выбора между этими двумя проектами въ комитетѣ возникли разногласія, и составленъ докладъ государю, который утвердилъ прямую линію, находя, что Новгородъ и такъ не лишится тѣхъ выгодъ, которыми пользовался. По случаю этого высочайшаго повелѣнія въ публикѣ возникъ извѣстный разсказъ (который старичокъ не преминулъ сообщить намъ), будто бы государь Николай Павловичъ потребовалъ карту Россіи, наложилъ линейку на точки Петербурга и Москвы и, проведя карандашомъ линію, сказалъ: «Вотъ вамъ направленіе». Трудно, конечно, рѣшить, насколько этотъ разсказъ справедливъ, но несомнѣнно, что строители старались сдѣлать путь какъ можно короче, и старанія ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ: астрономическое разстояніе между Москвой и Петербургомъ—598 верстъ, а дорога вышла только на шесть верстъ длиннѣе. Начинаясь въ Петербургѣ отъ Знаменской площади на высотѣ 4,70 саженъ надъ уровнемъ моря, она

оканчивается въ Москвѣ на высотѣ около 70 саженъ, при чемъ близъ станціи Крюковской достигаетъ своей высшей точки—около 102 саженъ надъ уровнемъ моря.

Земляныя работы начались лѣтомъ 1843 года сначала на двухъ участкахъ: между Петербургомъ и Чудовомъ, и между Вышнимъ-Волочкомъ и Тверью, а въ слѣдующемъ году уже по всей линіи. Трудъ, производившійся почти исключительно руками съ помощью простыхъ лопатъ [1]), можно прямо назвать колоссальнымъ. По исчисленію Штукенберга, всѣхъ земляныхъ работъ,—на выемкахъ, насыпяхъ и пр.,—было произведено 10 милліоновъ кубическихъ саженъ,—цифра громадная, даже и для нашего времени, а для сороковыхъ годовъ, когда желѣзнодорожное дѣло находилось еще почти въ младенчествѣ, она является поразительною, и не даромъ старичокъ нашъ помянулъ мужичковъ-строителей, вынесшихъ на своей спинѣ всю тяжесть работы,—теплымъ стихомъ поэта:

«Мы надрывались подъ зноемъ, подъ холодомъ,
Съ вѣчно согнутой спиной,
Жили въ землянкахъ, боролися съ голодомъ,
Мерзли и мокли, болѣли цынгой:
Грабили насъ грамотеи-десятники,
Сѣкло начальство, давила нужда......
Все претерпѣли мы, Божіи ратники,
Мирныя дѣти труда!»

Въ 1847 году было уже открыто пассажирское движеніе между Петербургомъ и Колпинымъ, а въ 1849 году линія была готова до Чудова и отъ Волочка до Твери. Въ этомъ же году она была осчастливлена проѣздомъ государя, выразившаго благодарность всѣмъ строителямъ. Прошло еще два года, и 1-го ноября 1851 года Санктъ-Петербургско-Московская желѣзная дорога была офиціально открыта и предоставлена въ общественное пользованіе. Николаевскою она названа уже въ 1855 году по высочайшему повелѣнію императора Александра II.

Относительно общественнаго пользованія дорогою старичокъ разсказалъ намъ, что оно вначалѣ было крайне стѣснительно по причинѣ разныхъ регламентацій и правилъ. Такъ, напримѣръ, каждый желавшій ѣхать по этой дорогѣ долженъ былъ имѣть при себѣ видъ и, кромѣ того, запастись свидѣтельствомъ отъ полиціи о томъ, что къ его выѣзду съ ея стороны препятствій не имѣется. Лица, не предъявившія на станціи этихъ двухъ документовъ, въ вагоны не допускались. Далѣе онъ разсказалъ, что въ сутки ходило всего четыре пассажирскихъ поѣзда: два изъ Петербурга, два изъ Москвы, что билеты были не такіе, какъ теперь, а печатались на длинныхъ

---

[1]) Только на громадной выемкѣ между станціями Валдайкой и Березайкой были, въ видѣ опыта, примѣнены земляныя паровыя машины.

полосахъ бумаги съ обозначеніемъ всѣхъ станцій отъ Петербурга до Москвы, и въ заключеніе припомнилъ анекдотъ, ходившій въ публикѣ, о графѣ Клейнмихелѣ. Въ числѣ другихъ знаковъ своего благоволенія государь подарилъ Клейнмихелю трость съ дорогимъ, осыпаннымъ драгоцѣнными камнями набалдашникомъ. Увидѣлъ у него эту трость князь А. С. Меншиковъ и поздравилъ его съ низкимъ поклономъ: «Поздравляю, графъ! Душевно радуюсь! Помоему вы не одну, а сто палокъ заслуживаете».

Допуская въ характерѣ графа Клейнмихеля многія непріятныя черты, подававшія поводъ къ сочиненію такихъ анекдотовъ, нельзя не сознаться, что дорога построена имъ образцово и дѣлаетъ большую честь строителю. Несмотря на очень крупную сумму около 65 милліоновъ, въ которую обошлась постройка (подсчетъ 1851 года), она не обманула возлагавшихся на нее надеждъ. Въ первомъ же году, невзирая на всякія стѣсненія, по ней проѣхало 780.000 пассажировъ, а въ послѣдующіе годы цифра колебалась между 1.000.000 и 1.500.000 человѣкъ. Что же касается до груза, составляющаго главную доходную статью каждой дороги, то количество его въ 1851 году выразилось цифрою въ 10 милліоновъ пудовъ, черезъ пять лѣтъ перевезено уже 23 милліона, въ 1870 году—67 милліоновъ, а въ послѣднее время эта цифра увеличилась въ пять разъ. Число пассажировъ въ настоящее время достигаетъ почти до 3.000.000 человѣкъ.

— А про курьезъ не знаете? — обратился къ намъ старичокъ, когда мы записали цифровыя данныя, сообщенныя инженеромъ.

— Какой курьезъ?

— А при первомъ проѣздѣ по дорогѣ государя Николая Павловича?

— Нѣтъ.

— Какъ же, — случай извѣстный! Пріѣхалъ онъ въ Вышній-Волочекъ въ коляскѣ, на лошадяхъ, а въ Волочкѣ уже ожидалъ его императорскій поѣздъ до Твери и далѣе. Ну, натурально всѣ подтянулись, подчистились, сторожевыя будки съ иголочки, сторожа въ новой аммуниціи,—все это на вытяжку. Тронулись. Поѣхали. Сначала все шло хорошо, и государь былъ очень доволенъ. Только вдругъ, въ одномъ мѣстѣ, смотрятъ въ окно, а поѣздъ стоитъ. Кое-кто выбѣжалъ на платформу: вагонъ трясется, колеса вертятся, а поѣздъ стоитъ и впередъ не двигается. Было переполоху! Что же оказалось? Одинъ изъ сторожей задумалъ отличиться и показать свой участокъ, что называется, лицомъ: взялъ да передъ царскимъ проѣздомъ густо-прегусто накрасилъ у себя всѣ рельсы бѣлой масляной краской!—Ужъ потомъ песку бросали, бросали,—еле съ мѣста сдвинулись. И колеса-то всѣ въ поѣздѣ выбѣлилъ,—вотъ какой умникъ!.....

Соборъ въ Романовѣ.

Такъ какъ при нашемъ проѣздѣ сторожа подобнаго усердія не оказывали, то поѣздъ подвигался быстро, и мы не замѣтили, какъ докатили до Чудова.

Здѣсь наши собесѣдники, ѣхавшіе въ Старую Руссу, любезно простились съ нами и вышли изъ вагона.

Поѣздъ тронулся далѣе.

Волховъ былъ еще въ полномъ разливѣ, и Сосницкая пристань подлѣ Волховской станціи была, подобно Венеціи, окружена водою. На гладкой, далеко раскинувшейся водяной поверхности—темныя очертанія деревянныхъ построекъ, казавшихся поставленными прямо на воду; по Волхову, тамъ и сямъ, мелькали лодки; у берега медленно поворачивалась неуклюжая барка.

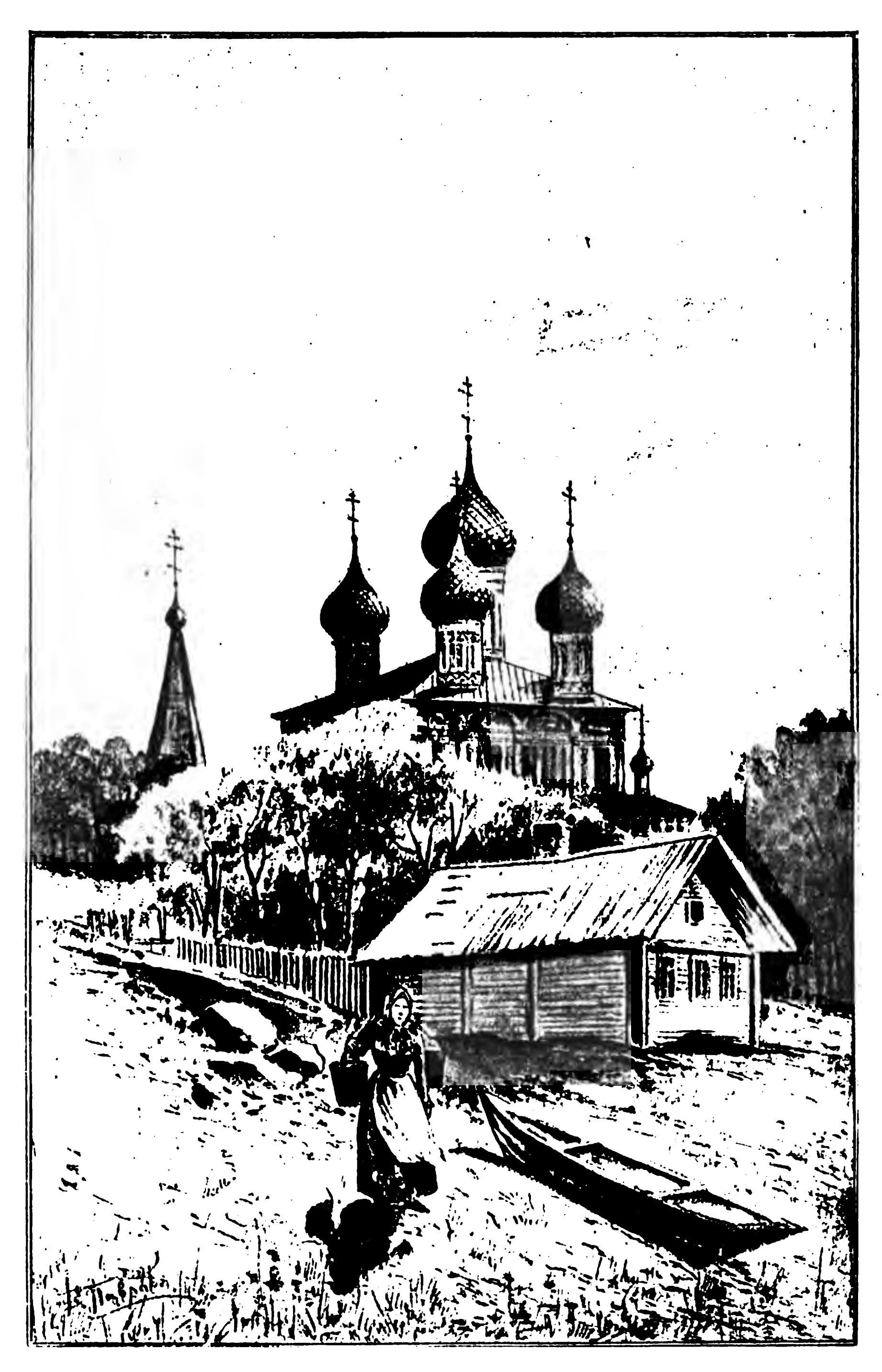
Поѣздъ давно уже перешелъ мостъ, а направо вдали все еще тянулась и извивалась серебристая лента Волхова. На берегу высились трубы фарфороваго Кузнецовскаго завода, а еще далѣе, еле замѣтнымъ силуэтомъ, виднѣлась на горизонтѣ Державинская Званка.

При взглядѣ на этотъ туманный, возвышающійся надъ окружающею равниною холмъ, на которомъ среди сельской тишины проводилъ послѣдніе годы своей жизни маститый поэтъ Екатерины, воображеніе невольно уносилось въ даль временъ, когда вмѣсто зданій нынѣшняго женскаго монастыря и училища на этомъ холмѣ возвышался извѣстный по рисункамъ двухъэтажный домъ, крытый куполомъ. На рѣкѣ у пристани покачиваются двѣ лодки: одна—«Гавріилъ», большая, съ каютою въ видѣ домика, другая, маленькая, носящая названіе «Тайки», любимой, неразлучной собачки Державина. На «Гавріилѣ» поэтъ съ семьею ѣздитъ по праздникамъ въ церковь, или навѣстить своихъ близкихъ сосѣдей помѣщиковъ. Въ этихъ водяныхъ путешествіяхъ «Тайка» всегда слѣдуетъ за «Гавріиломъ». По широкой каменной лѣстницѣ, обсаженной по бокамъ кустами розъ и сирени, поднимаемся мы отъ рѣки къ дому, на площадкѣ передъ которымъ бьетъ самодѣльный фонтанъ. Дверь съ балкона ведетъ прямо въ просторную гостиную. Со стѣнъ смотрятъ на насъ «великіе мужи»,

«Чьи въ рамахъ по стѣнамъ златыхъ блистаютъ лицы,
«Для вспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней
«И для прикрасы той свѣтлицы.

А вотъ и самъ хозяинъ, Гавріилъ Романовичъ, на большомъ диванѣ передъ круглымъ столомъ раскладываетъ свои любимые пасіансы «блокаду» и «пирамиду».

Въ другое время гостиная эта полна шумныхъ гостей. Ихъ говоръ, шутки и веселый смѣхъ далеко разносятся въ открытыя окна по саду. Насчетъ разныхъ забавъ и выдумокъ Гавріилъ Романовичъ не отстаетъ отъ молодежи. Но картина быстро мѣняется,



Борисоглѣбскій соборъ съ пристани.

и вся Званка принимаетъ чинный и степенный видъ, когда къ пристани ея причаливаетъ баркасъ съ почтеннымъ гостемъ изъ Хутынскаго монастыря, преосвященнымъ Евгеніемъ Болховитиновымъ, тогда еще викаріемъ новгородскимъ. Ему Державинъ, въ 1807 году, посвятилъ стихотворное описаніе жизни въ Званкѣ. Евгеній не остался въ долгу и на подаренномъ ему поэтомъ акварельномъ видѣ Званки и самъ начерталъ четверостишіе:

«Средь сихъ болотъ и ржавинъ
«Съ безсмертнымъ эхомъ вѣчныхъ скалъ
«Безсмертны пѣсни повторялъ
«Безсмертный нашъ пѣвецъ Державинъ».

Въ воображеніи проносится и стройная фигура «Милены» Державина, его второй супруги, Дарьи Алексѣевны, урожденной Дьяковой, принесшей поэту Званку въ приданое, а потомъ своимъ умѣлымъ хозяйствомъ, благодаря прикупкамъ сосѣднихъ деревень, настолько распространившей ея предѣлы, что имѣніе тянулось вдоль Волхова на протяженіи девяти верстъ. Ей же принадлежитъ и мысль увѣковѣчить память поэта устройствомъ въ Званкѣ небольшого женскаго монастыря и школы для дѣвочекъ.

Изъ гостиной мы мысленно переходимъ въ кабинетъ поэта. Здѣсь, кромѣ письменнаго стола, вниманіе наше привлекаетъ большой удобный диванъ, обычное мѣсто отдохновенія Гавріила Романовича; надъ диваномъ развѣшаны ружья и разныя охотничьи принадлежности. На другой стѣнѣ помѣщается очень распространенная въ то время таблица-карта «Рѣка временъ», внушившая поэту его предсмертныя строфы:

Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей...

Черезъ три дня послѣ того, какъ были набросаны на грифельной доскѣ эти строки, поэтъ мирно отошелъ въ вѣчность, въ ночь съ 8 на 9 іюля 1816 года.

Пока мысли наши уносились въ прошлое, солнце успѣло уже закатиться, и окрестности окутались серебристою дымкою весеннихъ сумерекъ. Поѣздъ уже поднимался на Валдайскую возвышенность, исправляющую для средней Россіи должность настоящихъ горъ, и исправляющую ее честно и безупречно. Немногія горы, извѣстныя своими заоблачными высотами, даютъ странѣ такія рѣки, какъ наша скромная Валдайская возвышенность. Въ ея невзрачныхъ пустынныхъ нѣдрахъ, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ другъ отъ друга, зарождаются Днѣпръ, Западная Двина и Волга.

Несмотря на то, что самыя высшія точки Валдайскихъ горъ возвышаются не болѣе 900 футовъ надъ уровнемъ моря, и что сама

Церковь Покрова въ Романовѣ.

возвышенность имѣетъ крайне пологіе, еле замѣтные подъемы, тѣмъ не менѣе для желѣзнодорожной линіи она представляла немалыя затрудненія. При постройкѣ дороги пришлось сдѣлать ей уступку, и предполагавшійся максимумъ подъемовъ въ 0,0025 увеличить до 0,008, при чемъ подъемъ этотъ тянулся безпрерывно, на протяженіи 19 верстъ между станціями Бурга, Веребье и Торбино. Это представляло большія неудобства. Всѣ товарные поѣзда требовали для подъема двойную тягу, а при спускѣ невольно развивали такую быстроту, что не въ силахъ были остановиться у Веребьинской станціи и катились далѣе, нагоняя идущіе впереди поѣзда. Вслѣдствіе этого пришлось

прибѣгнуть къ устройству извѣстнаго Веребьинскаго обхода. Благодаря ему, вышеуказанныя неудобства устранены, но самый путь сталъ на пять верстъ длиннѣе.

Живописную мѣстность у Веребьинскаго моста мы проѣхали уже впотьмахъ. Затѣмъ миновали Угловку, отъ которой отдѣляется вѣтвь на Боровичи, Валдайку, Березайку, и на разсвѣтѣ прибыли въ Бологое, гдѣ пересѣли на Рыбинскую дорогу и, расположившись въ новомъ помѣщеніи, улеглись спать.

Дорога отъ Бологое до Рыбинска, по крайней мѣрѣ, на нашъ взглядъ, представляетъ мало интереснаго, особенно въ первой своей половинѣ. Пейзажи, видимые въ окно, однообразны и не заключаютъ въ себѣ ничего, что бы обращало на себя вниманіе, и потому бо́льшую часть пути мы проспали съ совершенно спокойною совѣстью.

Поѣздъ сталъ приближаться къ богоспасаемому граду Бѣжецку, единственному городу на всей линіи отъ Бологое до Рыбинска.

Въ виду того, во-первыхъ, что Бѣжецкъ извѣстенъ по лѣтописямъ еще съ XII вѣка, и, слѣдовательно, имѣетъ право на нѣкотораго рода уваженіе, и, во-вторыхъ, — что на Бѣжецкой станціи имѣется буфетъ, гдѣ можно напиться чаю, мы сочли своимъ долгомъ встать и выйти на платформу.

Когда-то, давно, очень давно, еще на зарѣ туманной юности, я попалъ проѣздомъ въ Бѣжецкъ и провелъ тамъ нѣсколько часовъ. Городокъ тогда былъ невзраченъ и очень не великъ. Онъ ничѣмъ не отличался отъ того провинціальнаго городка, о которомъ поэтъ замѣтилъ, что, —

— лай судейской шавки
Въ немъ слышенъ вдоль и поперекъ.

Подходило и дальнѣйшее описаніе!

Домишки малы, пусты лавки,
Аптека, два-три кабака,
Тюрьма, шлагбаумъ полосатый,
Домъ судный, госпиталь досчатый,
И площадь... площадь велика.

Площадь тогда, дѣйствительно, походила на какой-то громадный, унылый пустырь.

Теперь, судя по внѣшнему виду, городъ пообстроился и сталъ замѣтно наряднѣе.

Впрочемъ, настоящій, историческій Бѣжецкъ,—Бѣжецкій рядъ, Бѣжецкій верхъ, или Бѣжичи,—основанный, по преданію, бѣглыми новгородцами, находится на 15 верстъ ниже по теченію Мологи и носитъ скромное названіе села Бѣжицы.

До XV вѣка Бѣжецкъ принадлежалъ новгородцамъ и неоднократно былъ предметомъ споровъ и ссоръ господина Великаго Новгорода съ московскими князьями, пока въ княженіе Василія Темнаго не былъ присоединенъ къ Москвѣ. Скандалъ, произведенный на свадьбѣ этого князя его матерью Софьею Витовтовною, эффектно изображенъ на картинѣ уроженца нынѣшняго Бѣжецка, извѣстнаго художника П. П. Чистякова.

Тронувшись далѣе и проѣзжая мимо полустанка Маслово, мы съ товарищемъ вспоминали, какъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, по указаніямъ одного ярославца, разыскивали здѣсь на рѣкѣ Сити, которая протекаетъ верстахъ въ двухъ отъ полустанка, мѣсто битвы съ татарами. Проходили часа три, были на указанномъ ярославскимъ любителемъ исторіи устьѣ ручья Войскаго, осмотрѣли мѣстность по обоимъ берегамъ Сити, сдѣлали наброски плана и вида мѣстности, а потомъ въ Твери познакомились съ брошюрою, въ которой мѣсто побоища указывается совсѣмъ не тамъ. Дѣло въ томъ, что ярославцамъ хочется, чтобы битва происходила въ Ярославской губерніи, а тверичамъ,—чтобы въ Тверской, и послѣднее мнѣніе, какъ кажется, имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ.

Вскорѣ мы переѣхали черезъ Волжскій мостъ и привѣтствовали давно знакомую нашу красавицу, плавно катившую свои воды на соединеніе съ Мологою. Полюбовались ея берегами, на которыхъ живописно раскинулись, другъ противъ друга, села: Сменцово, Глѣбово и Ивановское, потомъ снова углубились въ лѣсъ, миновали послѣдній полустанокъ и черезъ нѣсколько минутъ были уже на рыбинскомъ дебаркадерѣ.

II.

По пути въ Романовъ.

Я вижу сотни рукъ и лицъ,
Мелькающихъ красиво,
А паруса, какъ крылья птицъ,
Колеблются лѣниво.

Некрасовъ.

Товарищъ мой забылъ второпяхъ купить въ Петербургѣ ботинки и рѣшилъ запастись ими въ Рыбинскѣ. По дорогѣ на пароходъ мы велѣли извозчику остановиться у какого нибудь сапожнаго магазина.

— Вамъ, вѣдь, который получше?—обернулся извозчикъ.

— Да, получше.

— Понимаю.

Сдѣлавъ два-три поворота, онъ выѣхалъ на главную улицу и, остановивъ лошадь у одного магазина, замѣтилъ:

— Ужъ лучше этого, по-моему, нѣтъ.

Мы вошли.

Хозяинъ, господинъ средняго роста, съ взъерошенными волосами и растрепанною бородою, оказался типомъ довольно своеобразнымъ. Онъ мрачно освѣдомился: «что намъ угодно?» и на нашъ вопросъ о ботинкахъ оглядѣлъ насъ недовольнымъ взглядомъ.

— Едва ли что для васъ найдется, — заявилъ онъ: — я вѣдь больше на заказъ.

— Помилуйте, у васъ въ окнѣ столько обуви выставлено!

— Это правда, что выставлено; я и не спорю. Но едва ли что найдется. Вы лучше закажите, и будетъ хорошо и удобно.

— Да мы сегодня же уѣзжаемъ на пароходѣ.

— Это ничего не значитъ, что вы уѣзжаете; на обратномъ пути возьмете.

— Да поймите, что онѣ намъ въ дорогѣ нужны!

Онъ смирился и сталъ показывать готовыя ботинки, разсказывая, что у него очень много заказовъ.

Вошелъ чей-то молодецъ изъ лавки за сапогами, отданными въ починку.

Хозяинъ злобно покосился на него и буркнулъ, что сапоги не готовы.

— Помилуйте, что же вы дѣлаете? — заговорилъ тотъ: — вѣдь ужъ полторы недѣли прошло послѣ срока.

— А я что буду дѣлать?!!—закричалъ, подскакивая къ нему, хозяинъ. — Самъ знаешь, ваши сапоги гдѣ, — въ тюрьмѣ у арестантовъ! Поди къ нимъ и спрашивай. Что же мнѣ разорваться изъ-за васъ прикажете, если у нихъ не готово?

Парень ушелъ.

За нимъ вошелъ какой-то молодой человѣкъ, тоже заказчикъ; но онъ уже, вѣроятно, зналъ нравъ хозяина и потому, какъ только вошелъ, такъ и сѣлъ молча въ сторонкѣ.

Хозяинъ между тѣмъ разсказывалъ намъ, что всѣ починки отправляетъ въ тюрьму, а самъ шьетъ только новыя. Починки его мало интересуютъ, такъ какъ нажить на нихъ приходится не болѣе двугривеннаго. Наконецъ онъ замѣтилъ молодого человѣка:

— Вамъ что угодно? Сапоги или ботинки?

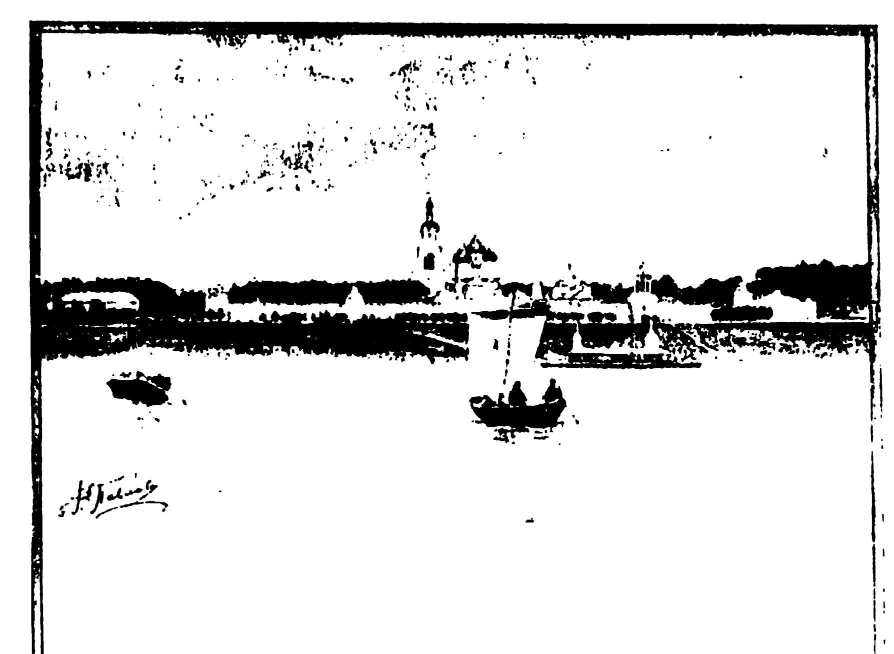
— Да я ужъ заказалъ,—робко заговорилъ пришедшій.—Зашелъ узнать, не готовы ли.

— Нѣтъ, не готовы.

— Да вы посмотрите,—взмолился заказчикъ.

— И смотрѣть нечего! Я теперь васъ вспомнилъ. Не готовы, не готовы.

Молодой удалился человѣка, но дверь тотчасъ же снова отворолась, и на порогѣ появился прежній парень.



Толгскій монастырь близъ Ярославля.

— Что же это вы дѣлаете?— снова началъ онъ: — хозяинъ говоритъ, что такъ никакъ невозможно...

Сапожникъ подошелъ къ нему вплотную и, трясясь отъ волненія, спросилъ тихимъ голосомъ:

— Зарѣзать тебя что ли?!

Мы расхохотались и выбѣжали изъ магазина. Слѣдомъ за нами вылетѣлъ на улицу и заказчикъ, Дверь съ шумомъ захлопнулась.

— И этотъ господинъ хорошо торгуетъ?—спросили мы извозчика.

— А что?.. Извѣстно хорошо. Я бы васъ къ худому не привезъ.

Пароходъ «Курьеръ» стоялъ уже у пристани. Шла нагрузка. Отпустивъ извозчика, мы остановились вверху лѣстницы, спускавшейся подъ гору къ пристани, чтобы полюбоваться красивымъ видомъ Волги, пестрѣвшей сотнями судовъ разнаго типа и наименованій. Влѣво отъ насъ тянулась усаженная молодыми деревцами набережная. На концѣ ея вырисовывалось приземистое, точно придавленное, зданіе стараго собора, построеннаго въ концѣ XVII вѣка, а возлѣ него, надъ крышами прибрежныхъ домовъ, блестѣли серебромъ полукруглые купола новаго собора, съ высоко поднимавшимся въ небо шпилемъ колокольни. Вдоль берегового откоса

надъ Волгою стояли приготовленные къ нагрузкѣ бочки, ящики, кули, прикрытые брезентомъ, какіе-то тюки, короткія, толстыя бревна; около нихъ, у рѣки, сновалъ и копошился народъ, а на самой Волгѣ, занимавшей всю глубину картины, царило полное оживленіе, двигались буксирные пароходы, медленно и плавно тянулись за ними величавыя баржи, то тамъ, то тутъ мелькали небольшія лодочки. А надо всѣмъ этимъ высоко, вверху, сіяло ласковое солнышко.

Мы спустились къ пароходу и, оставивъ вещи въ общей каютѣ, заняли мѣста въ носовой части верхней палубы.

Вскорѣ мы разговорились съ сидѣвшимъ здѣсь негоціантомъ изъ Чебоксаръ, пріѣзжавшимъ въ Рыбинскъ по торговымъ дѣламъ. Онъ разсказалъ намъ, что теперь далеко еще не всѣ караваны собрались къ Рыбинску. Движеніе ихъ продолжается чуть ли не все лѣто, начиная съ самой ранней весны, послѣ ледохода. Первыми приходятъ обыкновенно суда изъ Верхняго плеса и ближайшихъ мѣстностей, но ихъ бываетъ немного. Затѣмъ показывается въ Рыбинскѣ караванъ судовъ, зимовавшихъ въ затонѣ около Городца, выше Нижняго; за нимъ подходятъ суда съ Оки и ея притоковъ. Еще позднѣе появляется караванъ, стоявшій зиму у села Лыскова, противъ Макарьева; далѣе идутъ караваны съ рѣки Суры, изъ Казани, съ Камы, съ Ветлуги. Позднѣе всѣхъ достигаютъ Рыбинска караваны низовыхъ городовъ: Самарскій, Саратовскій, Астраханскій. Главный грузъ составляетъ, конечно, хлѣбъ въ различныхъ видахъ, какъ въ зернѣ, такъ и мукою, но много идетъ и желѣза, чугуна, нефти и разныхъ другихъ товаровъ. Начиная съ пятидесятыхъ годовъ, количество привозимаго въ Рыбинскъ хлѣба возростало въ довольно внушительныхъ пропорціяхъ и въ 1886 году достигло 99 милліоновъ пудовъ. Затѣмъ въ неурожайныя лѣта начала девяностыхъ годовъ оно сильно и сразу уменьшилось, но въ настоящее время снова начинаетъ замѣтно прибывать.

Среди судовъ раскинувшагося передъ нами необозримаго каравана преобладали баржи. Высокія, широкогрудыя, съ черными, хорошо просмоленными боками, онѣ напоминали собою рядъ броненосцевъ, неподвижныхъ, какъ бы застывшихъ въ своемъ величавомъ спокойствіи. И, дѣйствительно, волжская баржа заслуживаетъ названія мирнаго броненосца; не ядра, не гранаты вмѣщаетъ она въ своихъ огромныхъ нѣдрахъ, а десятки и десятки тысячъ пудовъ пшеницы, ржи, овса, ячменя и разныхъ другихъ продуктовъ, необходимыхъ для питанія человѣка. Встрѣча на Волгѣ съ такимъ мирнымъ флотомъ, нагруженнымъ всевозможными произведеніями нашихъ необъятныхъ нивъ и полей, всегда производитъ отрадное впечатлѣніе.

Но въ прежніе годы,—лѣтъ сорокъ, пятьдесятъ назадъ,—эта волжская флотилія была гораздо пестрѣе и разнообразнѣе. То ко-

личество груза, которое вмѣщаетъ теперь одна баржа, требовало прежде чуть не десятка старинныхъ, болѣе мелкихъ судовъ. Зато какихъ только формъ и видовъ, какихъ только типовъ и наименованій не встрѣчалось по Волгѣ въ прежнія времена! Здѣсь были и грузныя мокшаны, и остроносыя коломенки, и увѣсистыя расшивы, и орловскія гусянки (строившіяся первоначально въ Тамбовской губерніи на рѣкѣ Гусѣ), и суряки, носившіе также названіе бѣлянъ, и шитики, и кладовыя городецкія лодки, барки, полубарки, соминки, тихвинки, бѣлозерки, — да всѣхъ и не перечесть; а среди нихъ роль механическихъ двигателей играли старинныя коноводныя машины, по 45 лошадей на каждой, изъ которыхъ 20 были въ постоянной работѣ, наматывая на шкивъ толстый канатъ отъ завезеннаго впередъ якоря. Это были буксиры того времени, тащившіе вверхъ по Волгѣ отъ четырехъ до пяти и болѣе судовъ, глядя по величинѣ, и двигавшіеся со скоростью около 25 верстъ въ сутки. Но эти неповоротливыя, неуклюжія машины все-таки могли считаться бѣлой костью, аристократами того времени: онѣ были если и не послѣднимъ, то все-таки словомъ науки, остальные же, несравненно болѣе многочисленные волжскіе тяглецы справляли свое дѣло безъ всякой науки. Они дѣлились на четвероногихъ и двуногихъ. Четвероногіе были лошади, двуногіе—бурлаки, которыхъ лѣтомъ приходило въ Рыбинскъ до девяноста тысячъ человѣкъ. Эти люди, создавшіе «пѣсню, подобную стону», хилые, невзрачные, забитые нуждою, эксплоатируемые каждымъ, кому только было не лѣнь, подняли своей тощею грудью, изъ одного конца въ другой, милліоны и милліоны пудовъ.

Теперь все это давно миновало. Не видно ни конныхъ машинъ, ни бурлаковъ: ихъ дѣло исполняютъ буксирные пароходы, непрерывною линіей тянущіеся одни за другими вверхъ по Волгѣ.

Первые изъ нихъ появились на ней еще въ 1818 году, только три года спустя послѣ конныхъ машинъ. Это были четыре парохода, построенные на свой счетъ жителемъ Астрахани Евреиновымъ, но ихъ несовершенство, волжскія мели, отсутствіе хорошихъ механиковъ, могущихъ исправлять повре жденія, и общее недовѣріе погубили въ самомъ началѣ новое предпріятіе; Евреиновъ пошелъ съ сумою. Потребовалась цѣлая четверть столѣтія, чтобы мало-по-малу пріучить волгарей къ пароходамъ и убѣдить ихъ въ пользѣ этой новой двигательной силы, — и только въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ пароходы добились на Волгѣ болѣе прочнаго успѣха.

На «Курьерѣ» началось то особое оживленіе, которое обыкновенно предшествуетъ отвалу всякаго парохода.

Въ носовой части, внизу, передъ нами два матроса заспорили было, какой флагъ поднять сегодня, для воскреснаго дня,—старый или новый. Но оказалось, что оба флага, и старый, и новый, оди-

наково разорваны. Матросы подняли первый попавшійся подъ руку и поспѣшили на другія работы. Пароходъ слегка дрогнулъ, и колеса его сдѣлали нѣсколько медленныхъ оборотовъ: это въ машинѣ пробовали паръ. Опоздавшіе пассажиры спѣшно пробѣгали по трапу, который готовились уже снимать. Наконецъ, обѣ половины его грузно, со скрипомъ, вползли на пристань, и сообщеніе съ пароходомъ было прервано.

— Отдай носовую!—послышалась команда капитана. Носовая чалка съ плескомъ упала въ воду. Колеса пришли въ движеніе, и черезъ минуту «Курьеръ», описавъ плавный полукругъ, началъ отдаляться отъ пристани. Большинство публики обнажило головы и стало креститься.

Пароходъ вскорѣ вышелъ изъ линіи судовъ на фарватеръ. Потянулись нескончаемые ряды стоявшихъ на якорѣ баржъ, полубаржъ, маріинокъ, полулодокъ, — караванъ тянулся на нѣсколько верстъ. Но пароходъ быстро бѣжалъ внизъ по теченію, и стройные ряды судовъ, точно части одного громаднаго колеса, плавно двигались мимо насъ, сливаясь вдали съ такими же рядами въ одну сплошную массу, поросшую цѣлымъ лѣсомъ высокихъ мачтъ, за которымъ скрывались очертанія города.

Но вотъ проползли наконецъ послѣднія суда, и передъ нами во всей красѣ развернулась открытая, свободная Волга.

Принявъ въ себя Мологу и Шексну, она стала теперь значительно шире и многоводнѣе. Она какъ будто возмужала, сдѣлалась внушительнѣе, и самые виды ея пріобрѣли болѣе сочности, какъ по краскамъ, такъ и по пропорціямъ. По берегамъ зеленѣли красивыя густыя рощи, тянулись поля и луга, а между ними весело мелькали постройки прибрежныхъ селъ и деревень.

Пароходъ въ первый разъ остановился въ Ильинскомъ у высокаго праваго берега, сплошь покрытаго лѣсомъ. Второю пристанью было Песочное, также на правомъ берегу. Лѣвѣе отъ пристани тянулись вдоль Волги кирпичныя зданія фарфорово-фаянсоваго завода Кузнецова. Здѣсь работаетъ около 300 человѣкъ, и годовое производство достигаетъ до ста тысячъ рублей.

Отъ Песочнаго мы повернули къ лѣвому берегу и черезъ нѣсколько минутъ подошли къ лежащей почти наискось отъ него, Шашковской пристани, подлѣ которой кокетливо возвышалась среди окружающей рощи изящная деревянная дачка. Вообще Шашково,— носящее также названіе Воздвиженскаго,—пользуется репутаціею красивой и пріятной дачной мѣстности, куда переселяются на лѣто не одни только рыбинскіе жители, но наѣзжаютъ и далекіе гости изъ Москвы и Петербурга.

За Шашковымъ, на лѣвомъ же берегу, близъ села Вознесенскаго, показалось устье небольшой рѣчки Урдомы, бывшей свидѣтельницею одного изъ эпизодовъ борьбы между Москвою и Тверью.

Западный фасадъ собора въ Толгѣ.

Московскій князь Юрій Даниловичъ, погубившій въ ордѣ Михаила Тверского и самъ, въ свою очередь, обвиненный тамъ сыномъ убитаго, Димитріемъ Грозныя Очи, спѣшилъ изъ Новгорода, гдѣ онъ тогда находился, чтобы поправить свои дѣла въ ордѣ. Но здѣсь, на Урдомѣ, подстерегалъ его другой сынъ Михаила, Александръ, и неожиданно нагрянувъ на отцовскаго врага, чуть было не взялъ его въ плѣнъ. Юрій еле спасся бѣгствомъ во Псковъ, а весь обозъ его и казна достались тверичанамъ. Но если месть за смерть отца не удалась одному брату, то убійца все-таки не ушелъ отъ рукъ другого. Какъ только Юрій, черезъ два года, добрался до орды, Димитрій собственноручно разрубилъ ему топоромъ голову.

Сливъ свои воды съ водами Урдомы, Волга круто повернула къ югу и, описавъ затѣмъ плавную дугу, снова приняла свое прежнее восточное направленіе.

Вскорѣ впереди показалась красивая, полная какой-то старинной прелести, панорама Романова-Борисоглѣбска, раскинутаго на высокихъ уступахъ обоихъ волжскихъ береговъ.

III.

Романовъ-Борисоглѣбскъ.

«Романовцы барана въ зыбкѣ закачали».
Народная шутка.

Романовъ лежитъ на лѣвомъ берегу Волги, Борисоглѣбскъ—на правомъ, и соединеніе ихъ въ одинъ городъ произошло только въ 1822 году. До тѣхъ поръ Романовъ уже издревле былъ самостоятельнымъ городомъ, тогда какъ Борисоглѣбскъ долгое время считался только слободою.

Исторія Романова, — несмотря на его болѣе, чѣмъ 500-лѣтнее существованіе,—не длинна и не многосложна. Основанъ онъ въ половинѣ XIV вѣка княземъ Романомъ Васильевичемъ, сыномъ Василія Грознаго, Ярославскаго, поставившимъ его «во имя свое», какъ значится въ родословныхъ записяхъ. Потомки Романа, князья Львовы, Дѣевы, Шаховскіе и Засѣкины, уступили свои права на эту мѣстность за приличное вознагражденіе великой княгинѣ Маріи, супругѣ Василія Темнаго, и она велѣла обнести Романовъ деревянною стѣною. Одно время имъ владѣлъ князь Андрей Васильевичъ Углицкій, а въ 1493 году вся эта мѣстность была окончательно присоединена къ Москвѣ—Грозный отдалъ Романовъ въ помѣстье ногайскимъ мурзамъ, проживавшимъ въ уѣздѣ еще со временъ татарщины. Въ 1609 году здѣсь, какъ и во многихъ приволжскихъ городахъ, побывали поляки и, конечно, не пощадили жителей. Хотя татарскіе мурзы и не сумѣли отстоять города, но пóдать съ него получали исправно, и не далѣе, какъ черезъ пять лѣтъ

послѣ погрома, Романовъ, по сохранившимся извѣстіямъ, платилъ свои обычные 33 рубля. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича романовскіе мурзы числились у государя въ стольникахъ, продолжая исповѣдывать магометанскую вѣру. Но въ XVIII столѣтіи они мало-по-малу утратили свое прежнее значеніе и въ 1760 году переселены въ Кострому, въ особую слободу. Между тѣмъ Романовъ успѣлъ побывать и въ Петербургской и въ Московской губерніи, пока наконецъ не былъ назначенъ состоять въ числѣ уѣздныхъ городовъ Ярославскаго намѣстничества въ 1777 году. Въ это же время произведенъ въ чинъ города и Борисоглѣбскъ, бывшій дотолѣ ловецкою слободою; впрочемъ, до 1822 года оба города жили каждый своею особою жизнью и только волею императора Александра I слились въ одно общее цѣлое.

По мѣрѣ приближенія парохода панорама города развертывалась все шире и шире. Высокій Романовскій берегъ, перерѣзанный въ нѣсколькихъ мѣстахъ глубокими оврагами, круто спускался къ водѣ; на вершинахъ его зеленѣли сады, бѣлѣли дома и Божіи храмы съ колокольнями. Церкви были расположены то ближе къ берегу, то дальше отъ него, а одна изъ нихъ точно сама опустилась вдоль откоса къ Волгѣ, оставивъ позади себя на полугорѣ свою колокольню. Борисоглѣбскій берегъ понижался болѣе правильными уступами, на которыхъ, повидимому, въ безпорядкѣ, были разсѣяны сады и деревянные домики. Но тамъ красою и вѣнцомъ всей картины являлся прекрасный каменный соборъ, одно изъ лучшихъ произведеній русской архитектуры XVII столѣтія.

Сойдя съ парохода и оставивъ вещи на пристани, или, какъ здѣсь говорятъ, на конторкѣ, мы отправились осматривать городъ.

Когда мы очутились на прибрежномъ пескѣ, передъ нами сплошною стѣною высился береговой откосъ, совершенно скрывшій отъ глазъ весь видѣнный нами съ воды Романовъ, и только вышеупомянутая церковь надъ самою Волгою красиво выдѣлялась своими пятью изящными главами на фонѣ голубого неба.

Съ нея мы и начали свое обозрѣніе.

Церковь была заперта, но мы скоро отыскали сторожа, который живетъ тутъ же внизу, и онъ, погромыхивая большими ключами, повелъ насъ по крутому крылечку въ верхній храмъ. Поднявшись на открытую галлерею, которая тянется вдоль всей боковой стѣны храма, мы полюбовались съ нея красивымъ видомъ на Волгу и окрестности.

Отворяя двери въ верхнюю церковь, сторожъ замѣтилъ, что она недавно отдѣлана. И, дѣйствительно, ничего древняго, ничего интереснаго въ ней не осталось. Престолъ здѣсь, кажется, во имя Преображенія Господня, но церковь болѣе извѣстна подъ именемъ Казанской, по находящейся въ ней чудотворной Казанской иконѣ Божіей Матери. Кромѣ этой иконы, здѣсь же находится рѣзное изображеніе святителя Николая.

Гораздо интереснѣе нижняя церковь во имя Рождества Богородицы, которую, къ счастью, еще не успѣли «отдѣлать». Она оказалась значительно короче верхней, чтò объясняется самой постройкою, воздвигнутою на уступѣ горы. Полъ въ церкви кирпичный и выстланъ наискось; солея также сложена изъ кирпича. Подлѣ нея находятся двѣ большія хоругви съ символическими изображеніями изъ Пѣсни пѣсней и Притчей Соломоновыхъ—мотивъ, который мы потомъ часто встрѣчали, какъ на хоругвяхъ, такъ и на стѣнахъ притворовъ во многихъ ярославскихъ храмахъ. Вездѣ, подъ видомъ жениха въ Пѣснѣ пѣсней изображенъ Христосъ, а олицетвореніемъ церкви служитъ невѣста.

Но особое наше вниманіе въ нижнемъ храмѣ привлекла старинная печь, въ сѣверо-западномъ углу, вся выполненная изъ выпуклыхъ, очень интересныхъ изразцовъ.

— Печь-то прежде гораздо больше была, да недавно ее порѣзали,—разсказывалъ сторожъ.—Въ былое-то время въ нее трехполѣнныя дрова цѣликомъ ложились, а тепло бывало держитъ до того хорошо, что не больше двухъ разъ въ недѣлю и топить приходилось.

— И что же?

— Ну, и передѣлали.

— Зачѣмъ?

— Ужъ больно огромадная показалась.

— А давно ли передѣлали?

— Года два назадъ. Печникъ взялся за пять рублей. Ужъ онъ ее ломалъ, ломалъ, еле разворочалъ! Карнизъ на ней такой большой былъ...

— А гдѣ карнизъ-то?

— Убрали его; рѣшили, что ни къ чему онъ. Стали ее перекладывать, да передѣлывать, да въ концѣ-то концовъ только испортили. Печникъ такъ и отступился. Теперь она и меньше, и топиться стала куда хуже.

— Столько времени стояла, все не велика была, а тутъ...

— Вотъ поди-жъ ты!

Осмотрѣвъ церковь, мы по Казанскому въѣзду, пролегающему мимо церкви, поднялись въ городъ, на торговую площадь, въ глубинѣ которой находится небольшая церковь Спаса. Церковь оказалась довольно старою. Сторожъ предложилъ намъ подняться на колокольню, прибавивъ, что видъ съ нея господа одобряютъ. Поднимаясь наверхъ, мы замѣтили въ стѣнѣ колокольни круглое пространство, задѣланное кирпичемъ.

— Тутъ прежде часы были,—пояснилъ сторожъ,—да испортились, такъ ихъ вынули. Теперь валяются подъ колокольней.

Вѣроятно, и посѣтители, и обитатели торговой площади не одинъ разъ пожалѣли о снятіи этого общественнаго часомѣрья; здѣсь, на

Трапезная церковь въ Голгѣ.

такомъ людномъ мѣстѣ, въ центрѣ города, оно было поставлено очень кстати.

Кирпичная лѣстница въ стѣнѣ, по которой мы поднимались, вывела насъ на пустую площадку и вдругъ оборвалась. Выше начиналась уже новая деревянная лѣстница.

Сторожъ объяснилъ намъ, что въ 1892 году колокольня эта горѣла, и большой колоколъ, сорвавшись съ подгорѣвшей балки, полетѣлъ внизъ и пробилъ два свода, разрушивъ верхнюю часть лѣстницы. Пробитые своды зіяютъ и посейчасъ въ видѣ широкихъ сквозныхъ пролетовъ. Большой колоколъ вѣситъ 108 пудовъ и отлитъ въ 1850 году.

Съ вышины колокольни, хотя и не высокой, но выгодно поставленной на возвышенномъ мѣстѣ въ центрѣ города, дѣйствительно открывается очень красивый видъ на Романовъ и лежащій

напротивъ Борисоглѣбскъ. Я сдѣлалъ схематическій набросокъ города и его церквей, которыхъ насчиталъ на этой сторонѣ (кромѣ Спасской) семь. Направо, съ краю, высилась колокольня церкви Покрова; нѣсколько лѣвѣе, ближе къ Волгѣ, виднѣлись Троицкая и Михаилъ Архангелъ, какъ ихъ назвалъ сторожъ. Прямо противъ насъ, подъ горою, уже знакомая намъ, Казанская. Влѣво отъ нея церковь Воскресенія, соборъ, расположенный на особомъ холмѣ, и еще далѣе св. Леонтій на самомъ краю города, составляющій съ лѣвой стороны pendant къ Покровской церкви. За Волгою въ Борисоглѣбскѣ попрежнему красовался въ самомъ центрѣ величавый соборъ, а лѣвѣе отъ него бѣлѣла небольшая церковь Благовѣщенія.

Съ колокольни мы спустились на площадь. Тамъ стояло нѣсколько деревянныхъ бараковъ-лавокъ. Въ одномъ изъ нихъ всѣ стѣны были обиты образцами набойки и покрыты ими, точно обоями. У прилавка сидѣлъ благообразный старикъ и о чемъ-то степенно разсуждалъ съ пожилою женщиною, вѣроятно, женою. Мы заинтересовались ихъ торговлею и вошли.

Оказалось, что они ничего не продаютъ, а принимаютъ только заказы на набойку, т.-е. окраску тканей по извѣстнымъ рисункамъ, образцы которыхъ и были развѣшаны по стѣнамъ на выборъ для заказчиковъ. Между рисунками нѣкоторые были довольно замысловаты, а другіе не лишены даже извѣстнаго вкуса. Узнавъ, что насъ интересуетъ ихъ промыселъ, старикъ любезно досталъ изъ-подъ прилавка цѣлую кипу всевозможныхъ образчиковъ и сталъ ихъ показывать. Образчики были, большею частью, только изъ двухъ цвѣтовъ: кубоваго (темносиняго) и желтаго. Старикъ хвасталъ, что у него до пятисотъ штукъ разныхъ узоровъ.

Онъ разсказалъ намъ, что одинъ работникъ въ недѣлю можетъ набить, т.-е. напечатать узоромъ на холстѣ, до 500 аршинъ. За одноцвѣтную кубовую набойку берется, глядя по рисунку, отъ трехъ съ половиною до четырехъ копеекъ за аршинъ; съ зеленями же, т.-е. въ двѣ краски,—пять копеекъ. Цвѣта набиваютъ не одновременно, а одинъ послѣ другого.

Простившись со старикомъ, мы вышли на площадь, потомъ взяли въ лѣвую сторону (благодаря посѣщенію колокольни, планъ города былъ намъ теперь совершенно ясенъ) и, миновавъ церковь Воскресенія, спустились въ оврагъ и поднялись на противоположный холмъ къ собору.

Вокругъ собора еще уцѣлѣли остатки земляного вала; лучше всего они сохранились съ восточной и южной сторонъ. Въ валу, противъ соборнаго алтаря, и посейчасъ существуетъ старинный проѣздъ, а сбоку въ землѣ устроенъ погребъ, въ которомъ теперь хранится, кажется, порохъ. Все пространство вокругъ собора, замкнутое валомъ, представляетъ собою въ настоящее время обшир-

Дерево, на которомъ послѣ пожара явилась икона Пресвятой Богородицы въ Толгѣ.

ный пустырь, густо поросшій травою, а съ одной стороны даже кустарникомъ и деревьями. Несомнѣнно, здѣсь въ старину все было застроено, и въ нѣдрахъ этой земли, поросшей зеленою муравою и сотнями яркихъ и пестрыхъ цвѣтовъ, сокрыто немало интересныхъ остатковъ нашей сѣдой старины.

Неподалеку отъ собора, на краю пригорка, ютится небольшая избушка сторожа. Мы постучались въ нее. Сторожъ оказался дома и, захвативъ ключи, повелъ насъ въ соборъ.

Построеніе собора относится къ первой половинѣ XVII столѣтія. Интересна его ажурная небольшая колокольня съ выбитымъ столбикомъ, на мѣстѣ котораго

въ двойной аркѣ повѣшенъ колоколъ, вѣроятно, не умѣстившійся внутри колокольни.

Въ притворѣ, направо отъ входа въ соборъ, помѣщено на стѣнѣ большое изображеніе Страшнаго Суда. Вѣроятно, живописецъ разсчиталъ, что здѣсь оно будетъ и виднѣе, и внушительнѣе, чѣмъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, на западной стѣнѣ храма, къ которой молящіеся стоятъ спиною и видятъ ее только развѣ при выходѣ изъ церкви. Особый входъ налѣво велъ изъ притвора въ теплый Введенскій придѣлъ, гдѣ бываетъ служба зимою.

Изъ притвора мы вышли въ соборъ, главный алтарь котораго устроенъ въ честь Воздвиженія Животворящаго Креста. Соборъ внутри очень интересенъ, какъ по архитектурѣ, такъ и по живописи. Въ немъ хранится Тихвинская икона Божіей Матери, пожертвованная государемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ. Въ иконостасѣ есть старинныя иконы, хорошаго письма.

Сдѣлавъ наброски собора съ разныхъ сторонъ, мы попросили у сторожа водицы, такъ какъ жара стояла нестерпимая, и присѣли на завалинку передъ его избушкою.

На всемъ соборномъ пустырѣ, бывшемъ нѣкогда шумнымъ и оживленнымъ центромъ всего города, царили теперь невозмутимый покой и какая-то унылая тишина. Неподвижныя, не шевеля ни однимъ листикомъ, точно млѣя подъ жаркими лучами солнца, стояли группою, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, молодыя березы. И трава, и цвѣты какъ будто дремали. Кругомъ ни звука. Все вокругъ точно застыло, охваченное зноемъ лѣтняго дня, и только каменная масса собора высоко поднималась своими старыми главами въ голубое безоблачное небо и, попрежнему царя надъ холмомъ, какъ и въ былыя, давно протекшія времена, казалось, была погружена въ глубокую невеселую думу.

Сторожъ принесъ воды, и мы разговорились о мѣстномъ житьѣ-бытьѣ.

Между прочимъ, я завелъ разговоръ и о романовскихъ полушубкахъ, извѣстныхъ по всей Россіи.

— Дорого ли продается у васъ хорошій полушубокъ?—спросилъ я.

— А разно бываетъ,—отвѣчалъ сторожъ:—за хорошій рублей двадцать, тридцать все надо дать.

— А отдѣльныя овчинки?

— Тѣ рубля по полтора за штуку.

— Много ли же овчинъ идетъ на полушубокъ?

— А это, смотря по тому, какихъ. Вотъ, видите ли, у насъ обыкновенно колютъ къ Успеньеву дню, и тѣ овчины называются успенскими; а то колютъ къ Петрову дню,—пораньше значитъ,— тѣ овчины петровскія. Такъ вотъ успенскихъ штукъ шесть надобно, а петровскихъ больше, — штукъ до девяти. Петровскія овчинки поменьше, зато легче, и цѣнятся онѣ дороже. Впрочемъ, у

насъ здѣсь въ городѣ шубняковъ мало; есть еще ихъ нѣсколько въ Борисоглѣбскѣ, а то все больше по уѣзду.

Порода романовскихъ овецъ, какъ извѣстно, разведена еще Петромъ Великимъ. Онѣ славятся мягкостью своей шерсти и произошли отъ помѣси русскихъ овецъ съ силезскими баранами, нарочно выписанными Лефортомъ.

— А еще чѣмъ промышляете?—продолжалъ я разспрашивать сторожа.

— И мясо наше, баранье, тоже славится; отправляютъ и въ Петербургъ. Есть и огородники. Про романовскій лукъ, поди, сами слыхивали? Много нашихъ опять же по трактирамъ служатъ, половыми. Есть и столяры, и штукатуры, разные есть...

Отъ собора мы направились по спуску къ Волгѣ, на перевозъ, чтобы переправиться въ Борисоглѣбскъ. Поромъ ходитъ здѣсь при помощи маленькаго пароходика, который таскаетъ его на буксирѣ. Здѣсь уже не то, что на Верхнемъ плесѣ, гдѣ въ каждомъ городѣ, и чуть ли не въ каждомъ большомъ селѣ, черезъ всю Волгу, съ берега на берегъ, протянуты канаты, по которымъ совершается поромное сообщеніе между берегами.

Во время переѣзда словоохотливые сосѣди сообщили намъ о случившемся здѣсь недавно печальномъ происшествіи. Дня четыре, пять назадъ на поромѣ, въ числѣ другой публики, переправлялся старичокъ священникъ Борисоглѣбскаго собора. Въ это время по Волгѣ бѣжалъ буксирный пароходъ и чуть не вплотную налетѣлъ на поромъ. Дѣло, впрочемъ, обошлось благополучно, но слабый старичокъ такъ перепугался, что отъ испуга лишился чувствъ, а, вернувшись домой, не вынесъ потрясенія и вскорѣ скончался. Сегодня его хоронили.

Поромъ подходилъ къ берегу. Въ соборѣ благовѣстили къ вечернѣ, и густые, мѣрные звуки колокола плавно разливались по широкому простору Волги.

Сойдя на пристань, мы отправились вслѣдъ за народомъ вдоль берега и затѣмъ, повернувъ налѣво, поднялись по высокой деревянной лѣстницѣ, устроенной по береговому откосу къ собору. Съ верхней площадки лѣстницы открывается очень красивый видъ на лежащій напротивъ Романовъ.

Борисоглѣбскій соборъ построенъ, если не ошибаюсь, въ 1652 г. и, какъ я уже сказалъ выше, смѣло можетъ быть причисленъ къ лучшимъ образцамъ нашей древней архитектуры. Все въ немъ правильно, соразмѣрно, все типично, богато и красиво и самыя его пропорціи, и двухъ этажная галлерея, его окружающая, и входы, и обработка стѣнъ и оконныхъ наличниковъ, и изящная, отдѣльно стоящая колокольня. Такой соборъ сдѣлалъ бы честь не только любому провинціальному городу, но даже и самой Москвѣ. Обширное пространство вокругъ него обнесено невысокою каменною стѣною

съ тремя воротами, и эта стѣна, какъ рама вокругъ картины, еще болѣе заканчиваетъ общее грандіозное впечатлѣніе, получаемое отъ собора.

Когда мы поднялись наверхъ, вечерня уже окончилась, и народъ выходилъ изъ нижней церкви. На паперти намъ встрѣтился сторожъ. Мы попросили его открыть церковь.

— Отъ верхней ключи отнесли къ батюшкѣ,—отвѣчалъ онъ.

— А вы, голубчики, поднимитесь по лѣсенкѣ,—заговорила одна изъ проходившихъ мимо женщинъ:—Спасителя-то и такъ можно видѣть, черезъ рѣшетку.

— Да вамъ что?—освѣдомился сторожъ.—Молебенъ?

— Нѣтъ; хотѣлось бы увидѣть вашъ соборъ внутри.

— У насъ безъ молебна не показываютъ,—заявилъ онъ

И припомнился намъ разсказъ старичка въ вагонѣ объ Андреѣ Гавриловичѣ. Какъ тутъ не ликовать раскольникамъ и разнымъ иновѣрцамъ?

— Да вы, голубчики, ничего,—и безъ молебна идите, помолитесь; Господь-то видитъ,—успокоивала насъ женщина:—тамъ въ окошечко-то все увидите, и церковь, и все.

Мы поднялись на верхнюю паперть.

Дѣйствительно, тамъ, въ западной стѣнѣ собора, налѣво отъ входа, пробито окно, въ которое можно хорошо видѣть чудотворный Нерукотворенный образъ Спасителя, громадныхъ размѣровъ, съ мерцающею передъ нимъ лампадою. Окно это, загороженное массивною желѣзною рѣшеткою, устроено какъ нельзя болѣе на мѣстѣ. Полумракъ, окутывающій вверху своды храма, невозмутимая тишина, царящая вокругъ, слабый, мерцающій огонекъ лампады и смотрящій на васъ темный, серьезный ликъ Искупителя производятъ сильное, неотразимое впечатлѣніе. Мы долго стояли передъ окномъ, вполнѣ отдавшись глубокому чувству, которое заставило насъ позабыть и неумѣстную выходку сторожа.

Спустившись снова по лѣстницѣ въ нижнюю галлерею, мы вскорѣ увидѣли на ней свѣжую могилу старичка, о которомъ я говорилъ выше. Покойный, должно быть, былъ любимъ прихожанами, такъ какъ у его могилы и теперь еще стояли люди, поминая усопшаго добрымъ словомъ.

По другую сторону собора, на той же галлереѣ, стоятъ громадныя носилки для ношенія иконы Спасителя въ крестномъ ходѣ. Ихъ величина поразила насъ. Мы смѣрили ихъ шагами. Они оказались десять аршинъ длины, четыре аршина ширины и сажень вышины. По этимъ пропорціямъ можно судить о размѣрахъ самой иконы. На носилки она ставится въ нѣсколько наклонномъ положеніи. Низъ носилокъ между ножками обдѣланъ въ видѣ полукруглыхъ арочекъ, подъ которыми проходятъ лица, желающія во время крестнаго хода подойти подъ образъ.

Народа на праздникъ и крестный ходъ собирается нѣсколько тысячъ, и громадный соборъ бываетъ биткомъ набитъ молящимися. Нѣсколько лѣтъ назадъ, здѣсь въ праздникъ произошла страшная катастрофа. Во время службы въ самый день праздника, когда въ соборѣ буквально яблоку негдѣ было упасть, кто-то вдругъ закричалъ: «пожаръ!» Народъ бросился къ выходу. Давка и суматоха поднялись невообразимыя, и въ результатѣ оказалось до 150 человѣкъ задушенныхъ и измятыхъ. На самомъ дѣлѣ пожара никакого не было, и вся суматоха поднята мазуриками, хотѣвшими попользоваться чужимъ добромъ во время смятенія.

Выйдя изъ галлереи на широкій дворъ, мы еще разъ окинули прощальнымъ взглядомъ величавую массу собора и черезъ южныя ворота, украшенныя красивою башенкою, вышли на длинную улицу, которая тянется вдоль всего города параллельно волжскому берегу.

Кромѣ своего собора, Борисоглѣбскъ не представляетъ ничего особенно достопримѣчательнаго и по внѣшнему виду даже и теперь болѣе походитъ на большую слободу, чѣмъ на городъ.

На другомъ концѣ улицы, вдали, виднѣлась небольшая бѣлая церковь Благовѣщенія, но мы до нея не дошли и свернули подъ гору къ порому, такъ какъ до прихода парохода оставалось часа полтора, а мы еще хотѣли осмотрѣть другую, лѣвую половину Романова.

Перебравшись обратно за Волгу, мы тронулись берегомъ мимо Казанской церкви и, пройдя ее снова, начали карабкаться въ гору. Путь нашъ лежалъ теперь къ церкви Михаила Архангела и къ Покрову.

Первая изъ этихъ церквей, несмотря на то, что считается единовѣрческою, построена въ совершенно новомъ, крайне неинтересномъ стилѣ и ничего достойнаго вниманія собою не представляетъ. Намъ говорили, что въ ней есть также очень большая икона Нерукотвореннаго Спаса, но все-таки меньше Борисоглѣбской.

Мимо церкви тянулась какая-то пустынная, унылая улица. Мы пошли по ней, и, не встрѣтивъ ни одной живой души, добрались до огромнаго пустыря, лежащаго уже на окраинѣ города. Направо отъ насъ, въ глубинѣ этого пустыря возвышалась колокольня не высокой Покровской церкви.

По описаніямъ, здѣсь былъ когда-то монастырь, теперь давно уже упраздненный.

Бородатый причетникъ, котораго мы встрѣтили у ограды и попросили показать церковь, побѣжалъ за ключами къ священнику. Черезъ нѣсколько минутъ изъ палисадника, передъ священническимъ домомъ, показался и самъ батюшка въ рясѣ и даже съ посохомъ въ рукѣ. Начало было торжественно, но батюшка и причетникъ въ разговорѣ оказались очень простыми, симпатичными

людьми, бесѣда съ которыми оставила въ насъ крайне пріятное впечатлѣніе. Приходъ у нихъ маленькій, бѣдный, и живутъ они, повидимому, очень скромно, на своей тихой городской окраинѣ.

Пока причетникъ отмыкалъ замокъ, батюшка разсказалъ намъ, что церковь построена въ 1738 году, что въ монастырскія времена она, подобно большинству романовскихъ храмовъ, была двухъэтажная, но верхній за ветхостью давно уже разобранъ, и осталась одна высокая колокольня, которая теперь кажется еще выше, по сравненію съ низменнымъ зданіемъ самаго храма. Монастырь, по словамъ батюшки, былъ деревянный; и отъ его построекъ, кромѣ каменной церкви, ничего не осталось.

Черезъ низкій притворъ мы вошли въ храмъ, почти весь загроможденный толстѣйшими столбами, на которыхъ когда-то утверждалось зданіе второго этажа, теперь они потеряли всякое значеніе.

— Безобразные у насъ столбы,—замѣтилъ батюшка:—и свѣтъ заслоняютъ и движенію воздуха препятствуютъ.

Въ иконостасѣ онъ показалъ намъ два образа: св. мученика Θеодора и преподобнаго Михаила Малеина, пожертвованные въ монастырь государемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ во время проѣзда его черезъ Романовъ.

Направо, у окна, на одной изъ хоругвей мы замѣтили образъ Пресвятой Богородицы, интересный, какъ по изображенію, такъ и по названію: «Прибавленіе ума». Въ какой странѣ, — у насъ или въ Греціи,— и при какихъ обстоятельствахъ возникло подобное изображеніе, неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, оно можетъ служить интереснымъ образчикомъ такъ называемыхъ символическихъ иконъ.

Достойны примѣчанія, по древности и по письму, еще иконы: св. Іоанна Богослова и Покрова Пресвятой Богородицы, мѣстная. Кромѣ этихъ иконъ да непомѣрно толстыхъ столбовъ, другихъ достопримѣчательностей въ церкви не оказалось.

Выйдя обратно въ притворъ, мы замѣтили въ сводѣ большую трещину.

— Трещина опасная,—обратился я къ батюшкѣ:—смотрите, не обрушился бы сводъ.

— Пока Богъ хранитъ,—отвѣтилъ онъ съ добродушною улыбкою.—А видали ли вы, въ соборѣ-то у насъ какая трещина?—и печально прибавилъ: — это свидѣтельствуетъ о любви романовцевъ къ своимъ храмамъ.

— Неужели же не найдется радѣтелей?

— Вѣдь у насъ почти что три четверти города раскольники. Есть и филипповцы, и кувырканцы, и нѣтовщина, и всякіе,—однихъ только православныхъ мало.

Слова батюшки о раскольникахъ напомнили намъ, что дѣйствительно, еще въ XVII вѣкѣ, при самомъ зарожденіи русскаго раскола, Романовъ уже выставилъ своего борца противъ никоніан-

ства. Знаменитый Лазарь, сподвижникъ протопопа Аввакума, былъ священникомъ одной изъ романовскихъ церквей.

Хотя личность романовскаго попа и заслонена нѣсколько въ исторіи раскола пламенною фигурою Аввакума, тѣмъ не менѣе и Лазарь былъ созданъ изъ того же кряжистаго матеріала, какъ и протопопъ. Раскольники почитаютъ его святымъ наравнѣ съ Аввакумомъ.

Вызванный въ Москву, при патріархѣ Іосифѣ, для исправленія церковныхъ книгъ, онъ былъ отставленъ Никономъ вмѣстѣ съ Аввакумомъ и другими справщиками. Вернувшись въ Романовъ, Лазарь не скрывалъ своего негодованія противъ патріарха. «Егда услышаша архіереи россійстіи»,—говоритъ раскольничье житіе,—«Лазаря свободнымъ языкомъ древле-церковное повѣдающа благочестіе и Никонова новшества изобличающа, за крѣпкую стражу его посадиша». Здѣсь, въ романовской тюрьмѣ, Лазарю явился Илья пророкъ и укрѣпилъ на подвигъ.

Продержавъ нераскаяннаго попа три недѣли въ тюрьмѣ, власти рѣшили отправить его въ Москву, гдѣ на него на патріаршемъ дворѣ были наложены оковы. Съ патріаршаго двора Лазарь попалъ въ темницу Симонова монастыря, и здѣсь Илія пророкъ явился ему вторично. За свое упорство, не поддававшееся никакимъ увѣщаніямъ, романовскій попъ былъ сосланъ въ Тобольскъ. Передъ соборомъ 1666 года его снова вернули въ Москву, и здѣсь онъ подалъ государю свою извѣстную челобитную, которая была передана собору, разсмотрѣна имъ и осуждена. По словамъ житія, Лазарь будто бы обратился къ бывшимъ на соборѣ греческимъ патріархамъ съ такою рѣчью: «Молю ваше архипастырство, вселенстіи патріарси, повелите ми за древле-церковныя книги въ пламень огненный, возгнещенный, дерзновеннно вступити, да Божій судъ изъявитъ правду: аще убо огнемъ сожженъ буду, правы покажются новопечатныя книги, аще ли цѣлъ и невреждены отъ огня буду, то древле-церковныя печатныя и письменныя книги правы и непорочны явятся».

Но патріархи на такое испытаніе согласія не изъявили и постановили: лишить романовскаго попа священнаго сана и предать анаѳемѣ. Но Лазарь все не унимался. Тогда ему отрѣзали конецъ языка и сослали, вмѣстѣ съ Аввакумомъ, благовѣщенскимъ діакономъ Ѳеодоромъ и соловецкимъ старцемъ Епифаніемъ, въ Пустозерскъ.

Здѣсь языкъ у Лазаря снова отросъ (житіе приписываетъ это чуду Иліи пророка). Онъ принялся снова устно и письменно отстаивать свое ученіе и въ февралѣ 1668 года написалъ два большія посланія — къ царю и къ патріарху. Результатомъ посланій было вторичное отрѣзаніе языка съ присоединеніемъ на этотъ разъ и правой кисти руки.

Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ самъ протопопъ Аввакумъ въ своей автобіографіи: «Священника Лазаря взяли и вырѣзали языкъ изъ горла, кровь пошла, да и перестала; онъ въ то время безъ языка и паки говорить сталъ; тоже положа правую руку на плаху по запястье отсѣкли, и рука отсѣченная, лежа на земли, сложила сама, по преданію, персты и долго лежала предъ народомъ, исповѣдала бѣдная и по смерти знаменіе Спасителево неизмѣнно. Я на третій день у Лазаря во ртѣ рукою моею гладилъ, ино гладко, языка нѣтъ, а не болитъ, далъ Богъ; и говоритъ, яко же и прежде. Играетъ надо мной: «щупай, протопопъ, забей руку въ горло-то, небось не откушу!»—И смѣхъ съ нимъ, и горе! Я говорю: «чево щупать, на улицѣ языкъ бросили». Онъ же сопротивъ: «собаки онѣ, вражьи дѣти! пускай ѣдятъ мои языки». Первой у него легче, и у старца (Епифанія) на Москвѣ рѣзаны были, а инымъ жестоко гораздо. А по дву годахъ и опять иной языкъ выросъ, чудно, съ первой же величиною, лишь маненько тупенекъ».

Раскольничье житіе разсказываетъ, будто бы черезъ два года у Лазаря отросла и рука. Насколько достовѣрно это извѣстіе, рѣшать не берусь, знаю только, что Лазаремъ, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ посланій, было написано въ Пустозерскѣ еще нѣсколько сочиненій и въ числѣ ихъ «Щитъ православія» въ 1675 году.

Скончался тишайшій царь, въ свое время сильно благоволившій къ Аввакуму, и взглядъ на пустозерскихъ заточниковъ въ въ Москвѣ измѣнился. Въ отвѣтъ на посланіе Аввакума къ царю Өеодору Алексѣевичу, въ Пустозерскъ пришло повелѣніе: сжечь въ срубѣ Аввакума, Лазаря, Өеодора и Епифанія «за великія на царскій домъ хулы». Приговоръ былъ исполненъ 1-го апрѣля 1681 года, и романовскій попъ вмѣстѣ съ своими товарищами замолкъ навѣки.

Наступало время прибытія парохода, и мы поспѣшили къ пристани.

Оканчивая обзоръ Романова-Борисоглѣбска, я долженъ упомянуть еще о здѣшней льнопрядильной фабрикѣ, находящейся у самой Волги и дающей заработокъ, какъ мѣстнымъ, такъ и окрестнымъ жителямъ. На фабрикѣ работаетъ до 1.000 человѣкъ, и въ средѣ подобныхъ ей заведеній московской промышленной области романовская мануфактура занимаетъ видное мѣсто.

Черезъ полчаса пароходъ «Быстрый» уже несъ насъ далѣе, по направленію къ Толжскому монастырю.

IV.

Толга.

> Крестомъ высокимъ осѣненный,
> Вдали отъ селъ и городовъ,
> Одинъ стоишь ты, окруженный
> Густыми купами деревъ.
> Никитинъ.

Верстахъ въ восьми ниже Романова, на правомъ берегу Волги показался цѣлый рядъ огромныхъ нефтяныхъ цистернъ и зданія большого завода. Это было извѣстное на Волгѣ Константиновское. Заводъ для выработки минеральныхъ маслъ основанъ Викторомъ Ивановичемъ Рагозинымъ, тѣмъ самымъ предпріимчивымъ и разносторонннимъ человѣкомъ, которому мы обязаны прекраснымъ, къ сожалѣнію, неоконченнымъ, подробнымъ и обстоятельнымъ описаніемъ Волги. Трудъ этотъ, въ которомъ большое участіе принималъ В. А. Раевскій, составляетъ капитальный вкладъ въ нашу небогатую литературу по описанію великой русской рѣки, и жаль, сердечно жаль, что изданіе это, разсчитанное по плану на девять томовъ, остановилось на третьемъ томѣ.

Главною ареною дѣятельности Рагозина было нефтяное дѣло. До него изъ бакинской нефти вырабатывался только керосинъ, при чемъ масса тяжелыхъ маслянистыхъ частей пропадала даромъ. Викторъ Ивановичъ задумалъ утилизировать эти остатки и въ 1875 году устроилъ въ городѣ Балахнѣ заводъ для выдѣлки минеральныхъ маслъ, а черезъ три года завелъ и другой, въ Константиновѣ. Вся окружающая мѣстность, получивъ хорошій заработокъ, ожила, и самъ Романовъ получилъ значительное приращеніе къ своему ежегодному бюджету въ видѣ 5.000 рублей налога съ новаго завода. Съ теченіемъ времени сюда же перешло и Балахнинское дѣло. Въ 1886 году Константиновскій заводъ былъ временно закрытъ, но по прошествіи двухъ лѣтъ снова началъ свою дѣятельность, которую продолжаетъ и до сей поры.

За Константиновымъ села и деревни на обоихъ берегахъ Волги попадались чуть не на каждой верстѣ. Солнце начинало клониться къ закату, и проходившія мимо насъ, какъ въ панорамѣ, картины получали новую красоту отъ золотистаго вечерняго освѣщенія.

Черезъ нѣсколько времени, впереди, на высокомъ, правомъ берегу, показались красныя трубы Норской мануфактуры.

Когда-то здѣсь была рыбная ловецкая слобода, записанная въ число дворцовыхъ. Но мало-по-малу рыболовство пришло здѣсь въ упадокъ, жители понастроили кузницъ и занялись гвоздарнымъ промысломъ. Въ то же время здѣсь не прекращалось и ткацкое дѣло, которымъ занимались преимущественно женщины. «Необхо-

димо замѣтить,—говоритъ извѣстный знатокъ Волги С. В. Максимовъ,—что сѣвъ льна и ткачество полотенъ въ этомъ волжскомъ плесѣ настолько древни, что людская память не сохранила воспоминаній о времени перваго ихъ появленія». Дѣйствительно, ярославскія полотна славятся издавна, и, по словамъ того же С. В. Максимова, императоръ Николай I не носилъ другого полотна, кромѣ ярославскаго, о чемъ собственноручно засвидѣтельствовалъ въ 1844 году на всеподданнѣйшемъ отчетѣ ярославскаго губернатора.

Около многолюднаго селенія въ 1859 году возникла мануфактура для выдѣлки льняной и бумажной пряжи, въ короткое время завоевавшая себѣ прочное положеніе, и теперь считающаяся одною изъ первыхъ во всей Ярославской губерніи, при чемъ ежегодное производство доведено ею до почтенной цифры двухъ милліоновъ рублей. Впрочемъ, выработка собственно льняной пряжи, по слухамъ, годъ отъ года уменьшается, но зато все болѣе и болѣе увеличивается производство пряжи бумажной изъ русскаго хлопка, поставщиками котораго являются наши среднеазіатскія владѣнія.

Не успѣли мы миновать Норское, какъ вдали, на лѣвомъ берегу Волги, показались бѣлыя стѣны Толгскаго монастыря.

Въ началѣ четырнадцатаго вѣка здѣсь росли сплошные, дремучіе лѣса, густою стѣною окружавшіе Ярославль, находящійся всего въ восьми верстахъ отъ Толги. Впрочемъ, рѣчка, протекавшая въ глубинѣ лѣвобережнаго лѣса, и тогда уже называлась Толгою и Толгоболкою. Вотъ какъ разсказываетъ монастырское преданіе объ основаніи монастыря въ этой глухой лѣсной чащѣ лѣваго берега.

Въ 1314 году ростовскій владыка Трифонъ объѣзжалъ свою епархію. Онъ побывалъ въ Бѣлозерскомъ краѣ и, оканчивая объѣздъ, уже направлялся къ Ростову. Запоздавъ на пути, онъ, не доѣзжая Ярославля, остановился на ночлегъ въ походномъ шатрѣ, на правомъ берегу Волги, неподалеку отъ нынѣшняго Норскаго. Ночью ему показался какой-то свѣтъ на противоположномъ берегу рѣки. Владыка взялъ свой посохъ и вышелъ изъ шатра. Въ лѣсу за Волгою стоялъ высокій огненный столпъ. Святитель взглянулъ на рѣку и увидѣлъ мостъ, перекинутый на лѣвый берегъ. Недоумѣвая, что бы это значило, онъ спустился къ мосту и перешелъ на ту сторону. Столпъ горѣлъ попрежнему въ недалекомъ разстояніи отъ воды. Трифонъ углубился въ лѣсъ и вскорѣ увидѣлъ высоко стоявшую въ воздухѣ, окруженную сіяніемъ, икону Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ. Она была изображена нѣсколько наклоненною къ Младенцу, который, обнявъ Ея голову правою рукою, касался личикомъ лица Матери. Трифонъ вознесъ усердную молитву Владычицѣ и былъ настолько пораженъ видѣніемъ, что, возвращаясь къ шатру, позабылъ въ лѣсу свой посохъ.

Настало утро; путники стали собираться въ дорогу, но слуги нигдѣ не могли отыскать владычняго посоха и заявили о пропажѣ святителю. Епископъ послалъ ихъ поискать на томъ берегу Волги, и какова же была его радость, когда, неподалеку отъ мѣста, гдѣ лежалъ забытый посохъ, они нашли икону Богоматери, явившуюся владыкѣ ночью. Трифонъ немедля переправился за Волгу и началъ пѣть молебное пѣніе передъ иконою, а въ это время радостная вѣсть о явленіи образа уже долетѣла до Ярославля, и народъ толпами спѣшилъ къ мѣсту, гдѣ была обрѣтена икона. Владыка тутъ же своими руками началъ рубить деревья для обыденной церкви; народъ бросился помогать святителю, и къ вечеру церковь была поставлена и освящена во имя Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы. Подлѣ церкви Трифонъ учредилъ и мужскую обитель, самъ назначивъ въ нее игумена. Такъ возникъ, около шести сотъ лѣтъ назадъ, раскинувшійся передъ нами на зеленомъ берегу Толгскій монастырь.

Пароходъ убавилъ ходу и плавно приближался къ монастырской пристани, съ которой въ вечернемъ воздухѣ неслось пѣніе иноковъ, служившихъ молебенъ для пароходныхъ пассажировъ.

Мы захватили вещи и вмѣстѣ съ народомъ перешли на пристань, гдѣ въ особомъ помѣщеніи, устроенномъ въ родѣ часовни, шло молебствіе, и передъ иконою уже горѣли десятки свѣчей.

Какъ только молебенъ окончился, и публика приложилась ко кресту, пароходъ тронулся далѣе, а мы направились къ монастырской гостиницѣ, находящейся почти у самой обители, нѣсколько лѣвѣе ограды.

Завѣдующій гостиницею о. Митрофанъ принялъ насъ очень любезно и повелъ по длинному коридору, мимо цѣлаго ряда дверей. Это все были номера, и намъ очень понравилось, что надъ каждою дверью была выставлена цѣна суточнаго пользованія номеромъ. Въ монастыряхъ это встрѣчается крайне рѣдко, и обычное предложеніе платить за номеръ: «сколько вамъ Богъ на сердце положитъ», всегда бываетъ крайне стѣснительно. Намъ отвели прекрасный угловой номеръ, въ три окна, именуемый «семейнымъ», и стоящій всего 1 р. 25 к. въ сутки.

Вечеръ былъ чудный, и мы, заказавъ самоварчикъ, отправились пройтись вдоль монастырской ограды. Къ монастырю, съ правой стороны, примыкаетъ прекрасная вѣковая кедровая роща, обнесенная особою стѣною. Отъ угла этой рощи мы полюбовались видомъ уходившей вдаль, покрытой вечернимъ туманомъ Волги, на которой, точно бриллiантики, тамъ и сямъ сверкали далекіе огоньки.

За чаемъ въ гостиницѣ служившій намъ мальчикъ разсказалъ, что заутреня у нихъ бываетъ въ 4 часа утра, ранняя обѣдня въ семь, а поздняя въ девять, что болѣе всего народу собирается на

8-е августа — день явленія иконы; другой, зимній, праздникъ у нихъ бываетъ Введеніе, и если въ это время нѣтъ ледохода, то богомольцевъ также собирается много.

На другой день мы отправились къ поздней обѣднѣ въ соборъ, помѣщающійся въ центрѣ монастыря и построенный въ два года (съ 1681 по 1683) энергіею и трудами тогдашняго игумена Гордіана, которому обитель обязана многими своими зданіями. Подъ соборомъ находится усыпальница, гдѣ схоронены многіе мѣстные знатные люди, а въ самый храмъ ведетъ довольно высокая лѣстница.

Когда мы вошли въ храмъ, діаконъ оканчивалъ чтеніе Евангелія. Молящихся было очень немного.

Покупая свѣчи, мы познакомились со свѣчникомъ, о. Варлаамомъ, который, узнавъ, что мы интересуемся монастыремъ, вызвался быть нашимъ путеводителемъ.

О чудотворной иконѣ о. Варлаамъ разсказалъ, что она теперь въ Ярославлѣ, а въ соборѣ на мѣстѣ ея стоитъ копія. У него же мы пріобрѣли листокъ съ довольно примитивнымъ изображеніемъ чуда отъ иконы, случившагося въ 1392 году, 16-го сентября, во время заутрени. Когда, на девятой пѣсни канона, священникъ, по обычаю, ставъ передъ иконою, возгласилъ: «Богородицу и Матерь свѣта въ пѣсняхъ возвеличимъ», изъ опущенной правой руки Богоматери показалась струя благоуханнаго мира. Когда же иноки, по окончаніи службы, стали пѣть благодарственный молебенъ, миро появилось и изъ лѣвой ножки Спасителя.

О. Варлаамъ показалъ намъ далѣе богато убранный жемчугомъ Нерукотворенный образъ — даръ Іоанна Грознаго, получившаго въ обители исцѣленіе отъ болѣзни ногъ, во время бѣлозерской поѣздки.

Пока шла обѣдня, мы разсматривали стѣнную живопись храма, расписаннаго черезъ шесть лѣтъ послѣ освященія. Живопись эта уже неоднократно подновлялась, но каждый разъ по старымъ чертамъ, съ точнымъ соблюденіемъ рисунка. Въ одномъ изъ клеймъ изображено моленіе передъ иконою царя Ѳеодора Алексѣевича, бывшаго здѣсь съ сестрами въ 1677 году.

Изъ вѣнчанныхъ особъ, кромѣ Грознаго и Ѳеодора Алексѣевича, обитель 26-го мая 1763 года удостоилась еще посѣщенія императрицы Екатерины Второй, пріѣхавшей сюда нарочно изъ Ярославля для поклоненія чудотворной иконѣ.

Поклониться Толгской святынѣ желала и еще одна изъ русскихъ царицъ, именно Параскевья Ѳеодоровна, вдова государя Іоанна Алексѣевича. Въ октябрѣ 1709 года она съ дочерьми: Екатериною, Парасковьею и Анною, прибыла въ Ростовъ, но дороги вслѣдствіе осенней распутицы были настолько дурны, что ѣхать далѣе она не рѣшилась и сдѣлала распоряженіе принести икону Богоматери въ Ростовъ, что̀ и было исполнено. Шествіе съ ико-

ною приблизилось къ Ростову въ самый день праздника св. Авраамія Ростовскаго, почивающаго въ Богоявленскомъ монастырѣ, когда изъ церквей всего города бываетъ общій крестный ходъ въ монастырь. Царица приказала этому крестному ходу итти на срѣтеніе приближавшейся Толгской иконѣ. Встрѣча вышла торжественная, и три царевны на своихъ рукахъ внесли икону въ монастырь, а государыня приложила къ ней крестъ изъ восточныхъ хрусталей, который носила на груди своей. Вѣроятно, въ память этой своей дѣвической встрѣчи императрица Анна Іоанновна въ 1738 году пожертвовала въ монастырь большую серебряную лампаду на цѣпяхъ, вѣсомъ болѣе шести фунтовъ.

Обѣдня окончилась, и мы обошли весь соборъ кругомъ. Иконостасъ въ немъ новый и поставленъ въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія. На переднихъ отъ солеи столбахъ храма, лицомъ къ алтарю помѣщены, обдѣланныя въ небольшія рамки, два письма императора Павла I на имя толгскаго архимандрита Августина, съ которымъ императоръ былъ лично знакомъ. Въ первомъ изъ нихъ Павелъ извѣщаетъ, что въ знакъ своего «благоговѣнія» къ Толгской чудотворной иконѣ посылаетъ въ монастырь бархатную ризницу для соборнаго священнослуженія и этимъ исполняетъ свой «долгъ духовный»; во второмъ благодаритъ за присланную ему Августиномъ копію чудотворной иконы. Первое письмо помѣчено: «Санктпетербургъ, декабря въ 19 день 1798 года», второе: «Петергофъ, іюня въ 30 день 1799 года». Присланная императоромъ ризница заключаетъ въ себѣ не только ризы для священнослужителей, но и одежды для престола, жертвенника и аналоевъ съ пеленами. Вся она вышита золотомъ по темнозеленому бархату и подложена бѣлымъ атласомъ.

Когда мы осмотрѣли соборъ внутри, о. Варлаамъ провелъ насъ къ устроенному въ южномъ концѣ паперти небольшому старинному придѣлу во имя ярославскихъ чудотворцевъ, князей: Θеодора, Давида и Константина. Придѣлъ этотъ, очень хорошо сохранившійся, устроенъ въ одно время съ соборомъ. Стѣнная живопись исполнена въ 1691 году на средства окольничаго, князя Василія Θеодоровича Жирового-Засѣкина, потомка древнихъ ярославскихъ князей.

Проходя папертью, мы замѣтили и здѣсь, какъ въ Романовѣ, большое изображеніе Страшнаго суда. Глаза у сатаны, сидящаго въ нижней части композиціи, были выколоты какимъ-то благочестивымъ зрителемъ.

Съ паперти мы спустились въ обширный склепъ, устроенный подъ соборомъ, гдѣ схоронены: стольникъ, князь Димитрій Ивановичъ Жировой-Засѣкинъ, окольничій, князь Никита Яковлевичъ Львовъ (скончавшійся въ монашествѣ), князь Яковъ Зиновьевичъ Вяземскій, князь Θедоръ Ивановичъ Троекуровъ и другіе.

О. Варлаамъ провелъ насъ и въ теплую Крестовоздвиженскую церковь, существовавшую, по писцовымъ книгамъ, еще до 1629 года и бывшую самымъ древнимъ храмомъ монастыря. Но стараніями управлявшаго Толгою въ 30-хъ годахъ минувшаго столѣтія архіепископа Авраама церковь эта настолько «обновлена», что отъ прежняго въ ней ровно ничего не осталось. Въ палаткѣ подъ сѣверною стѣною этой церкви погребенъ и самъ обновитель ея, преосвященный Авраамъ. Рукоположенный во священника еще въ 1782 году, онъ въ 1812 году былъ протоіереемъ Архангельскаго собора. Во время нашествія французовъ ему было поручено храненіе патріаршей и соборной ризницъ, патріаршей библіотеки и синодальныхъ и консисторскихъ дѣлъ. Нагрузивъ все это на воза, онъ отправился въ Вологду, гдѣ и переждалъ, пока миновала грозная туча. Въ Вологдѣ онъ овдовѣлъ и, когда вернулся въ Москву, принялъ монашество, открывшее ему путь къ высокимъ степенямъ духовной іерархіи. 21-го іюля 1818 года Авраамъ былъ сдѣланъ епископомъ тульскимъ, а черезъ три года архіепископомъ астраханскимъ; затѣмъ переведенъ въ Ярославль, гдѣ управлялъ епархіею около двѣнадцати лѣтъ, и, наконецъ, удалился на покой на Толгу. Покойный всю жизнь свою былъ одержимъ маніею строительства и расширенія и возобновленія старыхъ построекъ. Его руками перепорчено или совершенно уничтожено немало древнихъ архитектурныхъ памятниковъ на Толгѣ, въ Ярославлѣ и другихъ мѣстахъ. Авраамъ умеръ въ 1844 году, распорядившись похоронить себя въ маломъ архіерейскомъ облаченіи и въ стальныхъ крестѣ, панагіи и митрѣ, которыя онъ изготовилъ заранѣе.

Третьей монастырскою церковью, которую показалъ намъ о. Варлаамъ, была Спасская, находящаяся неподалеку отъ сѣверныхъ воротъ монастыря. По внѣшности это очень нарядная постройка, какъ по стилю и орнаменту, такъ и по своимъ, покрытымъ блестящею жестью, девяти главамъ, изъ которыхъ средняя высоко поднимается надъ остальными.

Въ трапезной части этой церкви покоятся два лица, небезызвѣстные въ исторіи екатерининскаго и александровскаго времени. Первый изъ нихъ—Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, «очень и очень полезный человѣкъ государству», по свидѣтельству самой Екатерины, новороссійскій губернаторъ, президентъ камеръ-коллегіи, генералъ-губернаторъ ярославскій и издатель «Уединеннаго Пошехонца»; второй — Николай Алексѣевичъ Тучковъ, штыками проложившій дивизіи князя Горчакова дорогу отъ Цюриха къ Шафгаузену въ 1799 году, участникъ сраженій при Прейсишъ-Эйлау и Фридландѣ, командиръ третьяго корпуса первой арміи въ Отечественную войну, сражавшійся со славою при Островнѣ, Смоленскѣ, Валутиной горѣ и Бородинѣ. Здѣсь корпусъ его прикрывалъ на лѣвомъ флангѣ старую Смоленскую дорогу и храбро от-

бивалъ атаки Понятовскаго, но вражья пуля пробила грудь Николая Алексѣевича, и его замертво снесли на перевязочный пунктъ, а послѣ перевязки понесли на плацѣ въ Можайскъ. Изъ Можайска его перевезли въ Ярославль. Здѣсь страдалецъ мучился еще три недѣли и, наконецъ, скончался 30-го октября 1812 года. За свою храбрость, прямодушіе и сердечную доброту покойный пользовался уваженіемъ всей арміи.

Примыкающій къ Спасской церкви каменный одноэтажный флигель также имѣетъ свою исторію. Прежде онъ былъ въ два этажа и въ XVIII столѣтіи служилъ пріютомъ для отставныхъ и неспособныхъ къ продолженію службы офицеровъ и нижнихъ чиновъ, которыхъ, въ силу собственноручныхъ указовъ Петра отъ 12-го апрѣля 1722 года и 7-го декабря 1724 года, монастырь долженъ былъ содержать на свой счетъ. Изъ одного документа 1767 года видно, что сержанту полагалось отъ обители деньгами 5 рублей 49 копеекъ, а хлѣбомъ 6 четвертей ржаной муки и 3 четверика крупы въ годъ. Рядовые получали жалованья по 3 рубля 66 копеекъ, въ отношеніи же хлѣбнаго продовольствія женатые были сравнены съ сержантами, а холостые получали его въ половинномъ размѣрѣ. Съ 1793 года корпусъ обращенъ въ больницу для братіи, а въ первой половинѣ XIX вѣка въ немъ перебывали и духовное училище, и семинарія, и уѣздное приходское училище, пока въ 1836 году корпусъ не былъ снова переданъ монастырю. Древняя постройка требовала ремонта, и ремонтъ былъ произведенъ преосвященнымъ Авраамомъ довольно своеобразно: у маститаго зданія, быть можетъ, помнившаго еще времена Петра или Ѳеодора Алексѣевича, онъ велѣлъ начисто снести второй этажъ и употребить кирпичъ на другія новыя постройки, а нижняя часть зданія была отремонтирована на свой ладъ. Теперь въ этомъ корпусѣ помѣщается монастырская трапезная, кухня, рабочая столовая и разныя службы.

У Спасской церкви мы на время разстались съ своимъ любезнымъ путеводителемъ. Онъ отправился трапезовать, а мы—обѣдать въ гостиницу.

Черезъ часъ о. Варлаамъ уже снова ожидалъ насъ у монастырскихъ воротъ и мимо древней колокольни, надстроенной въ 1825 году, провелъ на братское кладбище.

На колокольнѣ имѣется колоколъ съ двумя надписями, принадлежащими разнымъ годамъ; его исторія не лишена интереса. Въ 1628 году государемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ было отпущено въ Толгскій монастырь на каменное колоколенное строеніе сто рублей, сумма по тому времени довольно значительная. Тогдашній игуменъ Серапіонъ деньги получилъ, но колокольни на нихъ строить не сталъ, а отложилъ ихъ на задуманную имъ отливку большого стопудоваго колокола. Но царскій вкладъ составилъ только пятую часть всей скопленной Серапіономъ на колоколъ суммы, и потому,

когда колоколъ, въ 1632 году, былъ отлитъ, то въ надписи на немъ было только глухо замѣчено, что вылитъ онъ «казенными деньгами». Въ 1677 году при игуменѣ Гордіанѣ (строителѣ собора) князь Львовъ пожертвовалъ въ обитель другой колоколъ въ 200 пудовъ, и Толга могла гордиться своимъ рѣдкостнымъ по тому времени звономъ. Но «радости земныя не бываютъ продолжительны», замѣчаетъ авторъ описанія обители. Не прошло и года, какъ стопудовый колоколъ треснулъ, и игуменъ Гордіанъ оказался въ крайне затруднительномъ положеніи. Колоколъ, конечно, надо было перелить. Но гдѣ? Колокольныхъ заводовъ въ Ярославлѣ тогда еще не было. Приходилось везти въ Москву, но Москвы-то игуменъ и боялся болѣе всего. Вѣсть о разбитомъ толгскомъ колоколѣ тамъ въ какую нибудь недѣлю легко могла долетѣть до дворца, и тогда открылось бы не только то, что разбитъ царскій колоколъ, а и вся предыдущая исторія, что царскія деньги, присланныя на построеніе колокольни, пошли на другое дѣло, что и колоколъ-то отлитъ не на одну эту сумму, и она, такимъ образомъ, какъ бы затерялась между остальными деньгами, собранными съ разныхъ сторонъ. Гордіанъ чувствовалъ, что узнай объ этомъ ближніе бояре, ему, какъ представителю толгскаго начальства, не поздоровится. Но его замѣчательная энергія и русская смѣтка вывели его изъ затрудненія. Не говоря никому ни слова, онъ спустилъ колоколъ съ колокольни и черезъ своихъ доброхотовъ тайно отправилъ его за границу, откуда онъ, въ перелитомъ видѣ, черезъ годъ или два, благополучно возвратился въ обитель. Теперь на колоколѣ оказалось двѣ надписи: одна—прежняя, русская, а другая—латинская, гласившая: «Si Deus pro nobis, quis contra nos. Ewerhardus Splinter me fecit Cnelysae anno 1678». Но этой надписи Гордіанъ не боялся: зналъ онъ, что «латынщиковъ» на Руси въ то время было немного.

На братскомъ кладбищѣ о. Варлаамъ показалъ намъ часовню надъ могилою иноковъ, убитыхъ поляками во времена московской смуты и разоренья.

Здѣсь намъ приходится развернуть одну изъ самыхъ скорбныхъ страницъ въ исторіи Толгской обители.

Наступилъ май 1609 года. Ярославцы, передавшіеся было второму самозванцу, послушались увѣщаній Шуйскаго, сварили въ котлѣ своего воеводу, нѣмца Шмита, и приняли царскихъ воеводъ: Гагарина, Вышеславцева и Рязанова. Узнавъ объ этомъ, Сапѣга изъ-подъ Троицы отрядилъ къ Ярославлю пана Микулинскаго и дворянина Наумова съ войскомъ. Подойдя къ городу, они увидѣли что валы, башни и палисады въ немъ исправлены, а разставленныя на стѣнахъ орудія показывали, что ярославцы сдаваться не намѣрены. Сапѣжинцы попробовали вступить въ переговоры и убѣдить горожанъ сначала ласкою, потомъ угрозами, но безъ ус-

пѣха. Тогда они сдѣлали нѣсколько приступовъ, сожгли часть земляного города и подгородніе посады, но города такъ и не могли взять и, махнувъ на него рукою, разсѣялись, чтобы, по крайней мѣрѣ, опустошить окрестности. И вотъ настало для Толги роковое 18-е число, день, который и посейчасъ не позабытъ въ обители. Поляки переправились черезъ Волгу и подступили къ деревянному монастырскому острогу. Надо полагать, что, предчувствуя бѣду часть братіи, и въ томъ числѣ монастырское начальство, укрылисі куда нибудь въ безопасное мѣсто, но въ обители все же остава лось нѣсколько десятковъ иночествующихъ съ однимъ іеромона хомъ, Ѳеодосіемъ. Застучали въ ворота вражескіе топоры, затрещали охваченныя огнемъ деревянныя стѣны острога. О сопротивленіи нечего было и думать. Непріятель ворвался въ монастырь. Братскія келліи уже пылали. Все остававшееся населеніе обители пыталось запереться въ каменной церкви. Но скоро рухнули и ея двери... О томъ, что произошло въ церкви, можно и не говорить, оно понятно само собою. Когда непріятели, обремененные награбленнымъ добромъ, удалились изъ сожженной обители, по ней, въ разныхъ мѣстахъ, валялось сорокъ шесть обезображенныхъ труповъ. Черезъ нѣсколько времени остальная братія мало-по-малу вернулась въ монастырь, собрала тѣла страдальцевъ и схоронила ихъ въ общей могилѣ.

Прежде надъ могилою убіенныхъ лежалъ камень. Отъ времени онъ треснулъ и раздвоился, и богомольцы сквозь его расщелину доставали святую земельку съ могилы мучениковъ. Теперь, какъ я упомянулъ, надъ убіенными поставлена часовня, а надгробный камень отнесенъ въ сторону.

Съ кладбища мы снова вернулись къ собору и отъ него прошли къ святымъ воротамъ, выходящимъ на волжскій берегъ. Ворота эти, равно какъ и находящаяся надъ ними церковь св. Николая, построены въ 1672 году иждивеніемъ торговыхъ людей гостиной сотни Семена и Ивана Сверчковыхъ. Ограда была въ то время еще деревянная, но, вѣроятно, въ концѣ того же XVII столѣтія вокругъ обители появились и нынѣшнія каменныя стѣны.

Намъ оставалось осмотрѣть еще одну достопримѣчательность монастыря—его знаменитую кедровую рощу. Когда занесены на берегъ Волги эти вѣковые сибирскіе кедры, въ точности неизвѣстно. По монастырскому преданію они насажены здѣсь въ концѣ XVI вѣка игуменомъ Ѳеодосіемъ, бывшимъ впослѣдствіи епископомъ астраханскимъ.

О. Варлаамъ показалъ намъ старый кедръ, на которомъ послѣ пожара, уничтожившаго монастырскую церковь, была найдена чудотворная икона Божіей Матери, оставшаяся невредимою отъ огня. Укажу здѣсь маленькое хронологическое несоотвѣтствіе. Дерево это, на которомъ и теперь въ память чуда помѣщается копія съ чу-

дотворной иконы, несомнѣнно кедръ. Когда, въ 1883 году, Толгу проѣздомъ посѣтилъ великій князь Николай Николаевичъ, ярославскій архіепископъ поднесъ ему копію съ чудотворной иконы, заздравную просфору и корзину съ кедровыми плодами, пояснивъ, что плоды эти съ того самаго кедра, на которомъ явленная икона Богоматери вторично обрѣтена была послѣ пожара [1]). А между тѣмъ монастырскія сказанія относятъ пожаръ церкви не къ XVII и даже не къ концу XVI вѣку, когда кедры (опять-таки по монастырскому же преданію) были только что посажены, а къ первому столѣтію существованія обители [2]), основанный въ 1314 году, причемъ въ сказаніи упомянуто глухо, что икона обрѣтена «въ дубравѣ на древѣ». Одно изъ двухъ: или это «древо» было не кедръ, если же оно было кедромъ, который существуетъ и понынѣ, то надо необходимо допустить, что кедры росли здѣсь еще въ XIV вѣкѣ и, слѣдовательно, не требовали искусственнаго разведенія.

Многіе кедры успѣли уже значительно устарѣть, но въ монастырѣ приняты мѣры для поддержанія своей, пользующейся громкою извѣстностью, рощи. Намъ показали питомникъ, гдѣ стройными рядами на смѣну старымъ выростаютъ молодые кедры.

Идя съ нами по широкой тѣнистой кедровой аллеѣ, о. Варлаамъ разсказалъ намъ, что орѣхи на кедрахъ поспѣваютъ у нихъ обыкновенно въ концѣ іюля. Дня за два, за три до 8 августа, въ которое празднуется явленіе иконы, кедровыя шишки сбиваются съ деревьевъ и частью раздаются братіи, штукъ по 50 к. и по 100, смотря по урожаю. Въ самый день праздника открывается спеціальная лавка для богомольцевъ. Шишки продаются, которыя покрупнѣе, по полтиннику, а помельче по тридцати копеекъ за десятокъ. Въ послѣдніе годы урожаи шишекъ стали нѣсколько слабѣе.

Роскошная, темнозеленая аллея, по своей ширинѣ и древности окружающихъ ее деревьевъ, отчасти напоминала нашъ петербургскій Лѣтній садъ и дѣйствительно была достойна своей громкой славы.

Въ концѣ ея мы замѣтили нѣсколько стволовъ отъ сломленныхъ бурею кедровъ. На одномъ изъ нихъ помѣщена дощечка со стихотвореніемъ г. Ив. Недумова на тему о тлѣнности и непрочности всего земного.

Пройдя аллею, мы вышли къ большой деревянной бесѣдкѣ, стѣны и скамьи которой были покрыты иниціалами, замѣтками и поэтическими набросками посѣтителей. На видномъ мѣстѣ красовалось чье-то четверостишіе:

---

[1]) «Ярославскій первоклассный Толгскій монастырь». Изд. второе, дополненное. 1888 г., стр. 17—18.

[2]) Ibid., стр. 10—11.

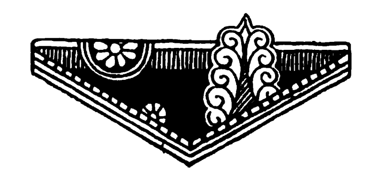
Здѣсь мѣсто отдыха, святого вдохновенья,
Но не для пошлостей и дерзкаго глумленья.
И вотъ совѣтъ мой отъ души:
Одумайся, и глупостей такихъ ты больше не пиши.

Мы поинтересовались, кто изъ посѣтителей или посѣтительницъ, оставившихъ здѣсь свои автографы, навлекъ на себя негодованіе поэта, и скоро нашли виновницу: недалеко отъ четверостишія рукою какой-то барышни было начертано: «Я очень люблю сидѣть здѣсь, когда гуляли офицеры».

Приближалось время отправляться далѣе; черезъ полчаса долженъ былъ прійти пароходъ, и мы, простившись съ любезнымъ о. Варлаамомъ, зашли за вещами въ гостиницу, а оттуда направились къ монастырской пристани, унося въ душѣ самое пріятное воспоминаніе о Толгѣ и ея прекрасной кедровой рощѣ.

И. Тюменевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ПЛАТОНОВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА.

КОГДА умираетъ государственный дѣятель, то обыкновенно пишутъ офиціальные некрологи, въ которыхъ указываются вмѣстѣ съ окончаніемъ образованія время поступленія на службу, постепенное прохожденіе службы, годъ полученія выдающагося поста, перечень наградъ и чиновъ. Когда же умретъ государственный дѣятель и въ то же время талантливый и отзывчивый на все свѣтлое и доброе человѣкъ, то, по нашему убѣжденію, нельзя ограничиться сухимъ офиціальнымъ некрологомъ, тѣмъ болѣе, если онъ, кромѣ того, былъ писателемъ, стремившимся повѣдать плоды своей практической дѣятельности читающей публикѣ. Такимъ былъ Александръ Платоновичъ Энгельгардтъ, бывшій товарищъ министра земледѣлія, умершій въ Бернѣ, вдали отъ родины, 22 ноября; выяснить ту потерю, которую понесло общество и государство въ лицѣ безвременно умершаго человѣка, необходимо еще при свѣжей могилѣ. Это—долгъ священный для людей, знавшихъ его при жизни. Мы иногда слишкомъ много занимаемся покойниками съ громкими именами въ литературѣ, копаемся въ малѣйшихъ деталяхъ ихъ частной жизни, стараемся вывести на свѣтъ Божій самыя незначительныя черты ихъ характеровъ и трудовъ, но нерѣдко забываемъ людей, послужившихъ родинѣ своей мыслью и дѣятельностью и надорвавшихъ свой организмъ въ борьбѣ съ чисто физическими и климатическими условіями нашей угрюмой природы. Послѣ смерти своей А. П. Энгель-

гардтъ въ числѣ своихъ печатныхъ трудовъ оставилъ два капитальныхъ сочиненія: «Русскій Сѣверъ» и «Черноземная Россія» [1]).

Первая книга, «Русскій Сѣверъ», составляетъ результатъ личныхъ наблюденій покойнаго, его поѣздокъ и буквально походовъ въ бытность его архангельскимъ губернаторомъ въ такіе отдален-

Александръ Платоновичъ Энгельгардтъ.

ные пункты, куда рѣдко заглядывали до него не только губернаторы, но и простые смертные.

«При первомъ, даже поверхностномъ, знакомствѣ,—говорится въ началѣ этой живой книги,—съ мѣстными условіями и нуждами русскаго Сѣвера, составляющаго Архангельскую губернію и обнимающаго огромное пространство отъ границъ Норвегіи до Тобольской губерніи вдоль береговъ Сѣвернаго океана и Бѣлаго моря,

[1]) «Русскій Сѣверъ. Путевыя записки». Изданіе А. С. Суворина. 1897. «Черноземная Россія». 1902.

нельзя не замѣтить, что экономическая и промышленная жизнь этого обширнаго края находится въ полномъ застоѣ и какъ бы въ летаргическомъ снѣ. Между тѣмъ по своему географическому положенію и своимъ естественнымъ богатствамъ, край этотъ обладаетъ всѣми данными, чтобы не только развить и упрочить благосостояніе мѣстнаго населенія, но и служить на пользу всего государства». Эти слова, имѣющія глубокое значеніе для нашего сѣвера, А. П. Энгельгардтъ высказалъ не въ видѣ громкой и общей фразы, но какъ человѣкъ-администраторъ, увидавшій самъ лично, безъ всякихъ посредниковъ и «донесеній», этотъ «летаргическій сонъ» края, богатства котораго имъ детально изучены и описаны далѣе въ «Русскомъ Сѣверѣ». Онъ не пожалѣлъ себя, чтобы пройти пѣшкомъ поперекъ всего Кольскаго полуострова, и это путешествіе далеко не было прогулкой по безлюдной и болотной мѣстности. Плаваніе на Новую Землю, совершенное имъ въ 1895 году, считавшееся всегда рискованнымъ, благодаря свойствамъ Ледовитаго океана, имѣло благую цѣль — устройство быта самоѣдовъ; зная ту эксплуатацію, которой подвергались несчастные инородцы въ рукахъ торгующаго люда, онъ такъ обезпечилъ ихъ добычу, настолько урегулировалъ продажу добываемой ими рыбы и пушнины, что многіе изъ нихъ обзавелись хорошими ружьями, рыболовными снарядами и стали откладывать свои сбереженія въ правительственную сберегательную кассу. Нѣкоторые же изъ нихъ обзавелись вмѣсто юртъ теплыми домами, доставленными имъ въ разобранномъ видѣ на пароходѣ. Не говоря уже о проведеніи телеграфа на Мурманскій берегъ, устройствѣ порта и другихъ административныхъ мѣропріятіяхъ, оцѣнка коихъ не составляетъ предмета нашей статьи, вся его книга дышитъ однимъ намѣреніемъ «пробудить спящій сѣверъ отъ летаргическаго сна» и не словомъ только и «благими пожеланіями», а дѣломъ. Онъ пробудилъ къ жизни самоѣдовъ, заставивъ смотрѣть на нихъ, какъ на людей, а не какъ на животныхъ, показывая самимъ собою примѣръ гуманнаго отношенія не только къ нимъ, но и къ остальному мелкому люду, котораго онъ никогда не гнушался и никогда на него не смотрѣлъ свысока, избѣгая всякой «китайской стѣны» эфемернаго величія и чиновничьей недоступности. Всѣ страницы «Русскаго Сѣвера», гдѣ описываются личныя детали его путешествія, проникнуты неизсякаемымъ добродушіемъ и бережнымъ отношеніемъ къ людямъ и невольно вызываютъ симпатію къ личности автора даже со стороны читателей, не знавшихъ его лично, не говоря уже о тѣхъ, кто имѣлъ случай убѣдиться въ прекрасныхъ качествахъ его души и сердца... Эта книга, написанная живымъ, общедоступнымъ языкомъ, наполненная многими интересными иллюстраціями, историческими справками и эпизодами о малоизвѣстномъ краѣ, имѣла въ свое время заслуженный

успѣхъ и широкое распространеніе не только въ Россіи, но и за границей, гдѣ о Россіи читаютъ нерѣдко болѣе и чаще, чѣмъ мы сами, русскіе. Достаточно сказать, что она была переведена на англійскій языкъ и издана въ 20.000 экземплярахъ, чего не часто удостоиваются у насъ сочиненія наиболѣе популярныхъ писателей.

Второе капитальное сочиненіе А. П. «Черноземная Россія», появившееся въ печати за годъ до его смерти, составляетъ популярно-научную работу съ яркимъ изложеніемъ всѣхъ бѣдствій, терзающихъ нашъ земледѣльческій центръ. Въ этомъ цѣнномъ трудѣ, помимо ссылокъ на научную литературу и мнѣнія разныхъ ученыхъ, выясняются причины неурожаевъ въ послѣдніе годы, поразившихъ многія изъ центральныхъ и южныхъ губерній. Придавая огромное значеніе въ экономической жизни населенія такимъ факторамъ, какъ овраги, сыпучіе пески, лѣсоистребленіе и хищническое хозяйство, авторъ «Черноземной Россіи» указываетъ на мѣры борьбы съ ними. «Цѣль моя,—говорится въ предисловіи этой книги,—была нарисовать картину современнаго положенія края и установить, что основная, коренная причина неурожаевъ, подрывающихъ наше экономическое благосостояніе, засухи, что онѣ всему виною. Указавъ на тѣ условія, которыя вызываютъ засухи, я долженъ былъ въ то же время выяснить, почему наша плодородная, но лишенная влаги, земля безсильна вынести пагубныя вліянія засухъ на ея растительный покровъ. Затѣмъ необходимо было выяснить, что привело нашу землю въ такое безсиліе, указать тѣ факторы, которые лишаютъ ее влаги, изсушаютъ ее и даютъ широкій просторъ вліянію засухъ. Такими факторами на основаніи научныхъ изслѣдованій, а также по сравненію настоящаго положенія съ прошедшимъ, являются уничтоженіе древесной растительности, хищническое хозяйство и распашка цѣлинъ, содѣйствовавшія чрезвычайному и быстрому развитію оврагов, благодаря которымъ для земли пропадаютъ запасы снѣговой и дождевой воды и понизился уровень водъ. Всѣ эти причины, создавшія упадокъ земледѣльческой промышленности, сами собой указываютъ на мѣры къ спасенію». И все означенное сочиненіе имѣетъ цѣлью выясненіе этихъ «мѣръ спасенія». Этотъ живой государственный дѣятель, прикасавшійся въ теченіе всей своей жизни къ матери-землѣ и хлѣбопашцамъ, какъ крупный землевладѣлецъ, и объѣхавшій по роду своей службы и наблюдавшій лично большія пространства земледѣльческой Россіи, имѣлъ всѣ данныя, чтобы высказать авторитетное слово о «мѣрахъ спасенія» нашего сельскаго хозяйства. И тѣмъ большіе интересъ и значеніе имѣетъ эта книга для лицъ, заинтересованныхъ въ сельскохозяйственной жизни страны, что она является живымъ результатомъ его дѣятельности. Тѣмъ не менѣе авторъ ея былъ

весьма скромнаго мнѣнія о ней. «На мою книгу,—пишетъ онъ въ предисловіи,—я прошу смотрѣть, какъ на памятку о томъ, о чемъ всѣмъ намъ нужно постоянно помнить, какъ на лишній вкладъ человѣка, искренно желавшаго посильно послужить на пользу общаго блага въ дѣлѣ первостепенной важности, въ одномъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ въ интересахъ для всѣхъ насъ одинаково дорогой родины». Дѣйствительно, Александръ Платоновичъ искренно любилъ свою родину, и эта искренность была основною чертою его характера. Эта искренность проявлялась въ сношеніяхъ съ людьми и во всякомъ живомъ дѣлѣ, за которое онъ брался по убѣжденію, и которому онъ отдавался всецѣло со всей страстностью увлекающейся, богато одаренной натуры. Его возмущала человѣческая несправедливость, и онъ всегда стоялъ за правоту, отстаивая людей, внушавшихъ ему довѣріе, не взирая, въ какой служебной степени они находятся, и къ какому рангу они принадлежатъ. Онъ не былъ сухимъ чиновникомъ и не придавалъ значенія формальностямъ; онъ охватывалъ всякій вопросъ широко, не видя въ «формальной бумагѣ и въ отношеніи за № такимъ-то» единственнаго его разрѣшенія. Своимъ прозорливымъ умомъ онъ видѣлъ и чуялъ бѣдствіе отъ «разливающагося моря бумагъ», а потому избѣгалъ ихъ, боясь въ нихъ потонуть, пропустивъ за бумажной формалистикой суть дѣла и практическое его осуществленіе. Кромѣ того, какъ самъ писатель, онъ всегда сочувственно относился къ литераторамъ и литературѣ, придавая ей весьма важное значеніе въ общественной жизни. Онъ зорко слѣдилъ за каждымъ отраженіемъ въ печати современныхъ нуждъ отечества и стоялъ за полную свободу мнѣній, высказываемыхъ смѣло и съ знаніемъ дѣла. Поэтому люди, «пишущіе» въ журналахъ и газетахъ откровенно и съ убѣжденіемъ, находили въ немъ нравственную поддержку, сочувствіе, а при случаѣ и содѣйствіе...

Миръ праху твоему, искренній и талантливый труженикъ земли Русской! Дай Богъ, чтобы наша родина давала побольше такихъ полезныхъ и преданныхъ ей сыновъ!

П. И. Соколовъ.

НЕНАПИСАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ПУШКИНА.

АСТОЯЩАЯ замѣтка вызвана вышедшей недавно книгой профессора И. А. Шляпкина «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина» [1]). При всемъ своемъ значеніи въ пушкинской литературѣ трудъ профессора И. А. Шляпкина вызываетъ немало недоумѣній, исправленіе которыхъ лежитъ на обязанности спеціальной критики. Но съ особенной настойчивостью, по поводу труда профессора И. А. Шляпкина, нужно поднять вопросъ о *«ненаписанныхъ»* стихотвореніяхъ Пушкина, которыя все-таки мы можемъ читать въ книгѣ профессора Шляпкина. Этимъ ненаписаннымъ произведеніямъ Пушкина и посвящена настоящая замѣтка.

Первый отдѣлъ книги профессора И. А. Шляпкина содержитъ неизданныя стихотворенія Пушкина, варіанты и дополненія къ изданнымъ стихотвореніямъ, неизвѣстную драматическую сцену, дополненія къ изданнымъ прозаическимъ произведеніямъ, замѣтки и собственноручныя выписки поэта. Въ какомъ видѣ были автографы поэта, попавшіе профессору И. А. Шляпкину? Въ его рукахъ находились буквально обрывки, клочки, отдѣльные листки; лишь немногіе изъ нихъ даютъ сравнительно сносный текстъ, возстановляемый безъ особаго труда. Остальные клочки такъ испещрены поправками и такъ исчерканы, что въ нихъ слова живого не прочесть... Предстояла трудная задача—предложить на

---

[1]) Оцѣнка труда профессора И. А. Шляпкина дана въ библіографическомъ отдѣлѣ майской книжки «Историческаго Вѣстника» за 1903 годъ.

судъ спеціалистовъ и читающей публики всѣ эти черновики поэта... Фототипическое воспроизведеніе рукописей было бы въ сущности дѣломъ не сложнымъ, но необходимымъ, потому что въ рукахъ издателя были главнымъ образомъ черновыя. Отказавшись отъ фототипическаго воспроизведенія, по крайней мѣрѣ, наиболѣе исчерканныхъ автографовъ, издатель «старался вполнѣ исчерпать драгоцѣнную находку такъ, чтобы и въ случаѣ исчезновенія подлинниковъ будущимъ изслѣдователямъ его изданіе могло хотя отчасти замѣнить ихъ».

Изданіе профессора Шляпкина, къ сожалѣнію, не устраняетъ необходимости воспользоваться подлинниками и до ихъ исчезновенія. Возстановилъ ли издатель подлинный видъ рукописи? Спеціальныя занятія черновиками, какъ они напечатаны профессоромъ Шляпкинымъ, не поселяютъ несомнѣнной увѣренности въ томъ, что рукопись находится въ книгѣ въ томъ же видѣ, какъ и въ автографѣ. И вотъ что больше всего способствуетъ возникновенію неувѣренности. Издатель не выработалъ и не провелъ на всемъ протяженіи книги точныхъ и строго опредѣленныхъ пріемовъ передачи черновыхъ рукописей. Не считаемъ нужнымъ останавливаться на этомъ положеніи, оно весьма обстоятельно разъяснено въ отзывѣ В. Е. Якушкина [1]). Второй вопросъ, являющійся при изученіи книги профессора И. А. Шляпкина, правильно ли чтеніе рукописи. Не имѣя фототипическихъ снимковъ, мы должны довѣрять правильности чтенія издателя. Правда, къ книгѣ приложены нѣсколько факсимиле, но они—какъ разъ съ автографовъ, менѣе всего

---

[1]) «Русскія Вѣдомости» отъ 14 марта 1908 года, № 72. Вотъ что пишетъ В. Е. Якушкинъ: «Въ книгѣ профессора Шляпкина передаются черновыя въ полномъ видѣ съ зачеркнутыми словами, съ обозначеніемъ неразобранныхъ словъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не выработаны опредѣленные пріемы для обозначенія всѣхъ особенностей рукописи. На одной страницѣ исчерканная черновая передается такъ: всѣ зачеркнутыя слова набраны простымъ шрифтомъ, а уцѣлѣвшія курсивомъ, на другой страницѣ, непосредственно рядомъ, курсивомъ, напротивъ того, обозначены зачеркнутыя слова; черезъ нѣсколько страницъ зачеркнутыя слова отмѣчаются скобками (къ этому добавимъ, что въ нѣкоторыхъ фразахъ скобки не закрыты, такъ что не знаешь, гдѣ же оканчивается зачеркнутое). Еще нѣсколько далѣе находимъ пьесу, въ которой въ началѣ зачеркнутыя мѣста обозначены въ ссылкахъ подъ строкой, а подъ конецъ они обозначены въ текстѣ скобками. Прямыми скобками иногда обозначается мѣсто, заимствованное редакторомъ изъ печатнаго текста для дополненія данной черновой, а иногда что-то другое,—повидимому, не вполнѣ точно разобранныя слова черновой. Точки означаютъ недоконченное слово, иногда неразобранное, при чемъ значеніе ихъ вовсе не оговорено (добавимъ: иногда, значеніе знаковъ вовсе не оговаривается на данной страницѣ, и приходится о немъ догадываться; есть даже пьеса, въ которой передано все сплошь, и зачеркнутое и незачеркнутое, безъ дальнѣйшихъ указаній; это—отрывокъ изъ «Евгенія Онѣгина» на стр. 24-ой). Такое отсутствіе опредѣленныхъ пріемовъ для передачи особенностей рукописей... можетъ отзываться на точности передачи текста: опредѣленные пріемы въ этомъ отношеніи служатъ до извѣстной степени гарантіей точной передачи текста рукописи».

исчерканныхъ, и потому не могутъ вселить въ насъ увѣренности. В. Е. Якушкинъ, провѣрившій по подлиннымъ нѣсколько текстовъ, взятыхъ профессоромъ И. А. Шляпкинымъ изъ рукописей Румянцевскаго музея, констатируетъ важныя неточности и пропуски. Положимъ, рукопись вѣрно прочитана. Въ какомъ же видѣ ее печатать? О рукописяхъ, въ которыхъ нѣтъ поправокъ, нечего спорить, понятно также, что легко напечатать такіе автографы, которые, хотя и имѣютъ поправки, но допускаютъ непосредственное возстановленіе.

Наконецъ, легко себѣ представить, какъ нужно печатать черновые наброски къ извѣстнымъ раньше стихотвореніямъ. Но и тутъ, лишь только дѣло дойдетъ до стиховъ, ранѣе не извѣстныхъ, возникаютъ сомнѣнія. Издатель имѣлъ дѣло съ ужасными, писательскими черновыми, съ поправками и измѣненіями не только словъ и фразъ, съ пропусками, повтореніями, незаконченными словами и т. д. Какъ же издатель поступалъ въ такихъ случаяхъ? Вотъ, напримѣръ, отрывокъ «Изъ альбома Онѣгина». Въ изданіяхъ печатается слѣдующій текстъ:

Конечно, презирать не трудно
Отдѣльно каждаго глупца;
Сердиться также безразсудно
И на отдѣльнаго срамца;
Но чудно!
Всѣхъ вмѣстѣ презирать ихъ трудно.

Просимъ обратить особенное вниманіе на стихи, напечатанные курсивомъ. Профессоръ И. А. Шляпкинъ даетъ слѣдующее чтеніе этихъ стиховъ:

Но въ кучѣ какъ-то мудрено
Всѣхъ вмѣстѣ презирать и трудно
Ихъ эпиграммы площадныя,
Изъ Bievri'аны занятыя...

Вы—далеки отъ дѣйствительности, если думаете, что эти стихи профессоръ Шляпкинъ нашелъ въ своемъ автографѣ. Черновой набросокъ этихъ частей стихотворенія имѣетъ всего на всего слѣдующій видъ (зачеркнутое поэтомъ набрано курсивомъ).

Сбоку приписано:
Но что *что* чудно—
Ихъ всѣхъ вмѣстѣ презирать и трудно—

Но *вмѣстѣ* въ кучкѣ какъ-то мудрено

Ихъ шутки
Ихъ эпиграммы площадныя
Изъ *книгъ* Biovri'аны занятыя
Но въ купцы
Но подлецы глупцы
Но въ кучкѣ тѣ же *толпою*
Намъ кажутся.

Просимъ читателя внимательно сравнить черновую съ текстомъ, который далъ намъ профессоръ И. А. Шляпкинъ, и провѣрить слѣдующія положенія. 1) Текстъ, данный профессоромъ И. А. Шляпкинымъ, не есть единственный текстъ, который только мы можемъ извлечь изъ рукописи. 2) Мотивы предпочтенія профессоромъ Шляпкинымъ даннаго текста для насъ совершенно непонятны: мы, напримѣръ, съ полнѣйшимъ основаніемъ имѣемъ право думать, что для бѣловой Пушкинъ остановился на боковой припискѣ. 3) Четыре строки, напечатанныя профессоромъ И. А. Шляпкинымъ, не имѣютъ никакого смысла. Затѣмъ мы просимъ читателя поставить и разрѣшить слѣдующіе вопросы: рѣшимся ли мы поставить подъ этими строками имя Пушкина? Находится ли черновой набросокъ въ той окончательной редакціи, за которой должна слѣдовать переписка набѣло? На эти вопросы можно дать только отрицательные отвѣты. Остается открытымъ еще одинъ послѣдній вопросъ: считалъ ли Пушкинъ нужнымъ продолжать обработку этихъ стиховъ, или онъ махнулъ на нихъ рукою и бросилъ ихъ въ корзину?

Вотъ сколько сомнѣній изъ-за одного отрывка, представляющаго варіанты къ ранѣе извѣстному! Но какъ возрастутъ наши сомнѣнія, когда отъ отдѣльныхъ стиховъ въ ранѣе извѣстныхъ произведеніяхъ мы обратимся къ цѣльнымъ, неизданнымъ стихотвореніямъ, впервые появляющимся на страницахъ книги профессора И. А. Шляпкина! Читатель по обрывку стиховъ изъ альбома Онѣгина могъ составить нѣкоторое представленіе о черновой рукописи. Пусть же читатель въ своемъ представленіи въ нѣсколько разъ ухудшитъ состояніе черновой рукописи; тогда онъ получитъ въ своемъ воображеніи тѣ черновыя, по которымъ профессоръ И. А. Шляпкинъ напечаталъ нѣсколько «неизданныхъ» стихотвореній. Принимая во вниманіе видъ черновыхъ (ниже мы подробно съ нимъ ознакомимся), мы имѣемъ право заключать, что эти стихотворенія никогда и не были написаны, а если и были написаны, да до насъ не дошли, то во всякомъ случаѣ имѣли такую форму, о которой мы и представленія имѣть не можемъ по черновымъ, принадлежащимъ профессору И. А. Шляпкину. Нѣсколько неизданныхъ стихотвореній, имъ напечатанныхъ, и являются *ненаписанными стихотвореніями* Пушкина.

Мы вовсе не хотимъ отрицать цѣнность, которую представляютъ черновики для изслѣдователя въ различныхъ отношеніяхъ; они должны быть изданы, но только точнѣйшимъ воспроизведеніемъ черновыхъ и долженъ ограничиться издатель. Для Пушкина они были черновиками, такими должны остаться и для насъ. Заманчива попытка возстановить и пріобрѣсти нѣсколько пушкинскихъ стиховъ, но совѣстливое отношеніе къ памяти поэта и точность ученаго изслѣдованія запрещаютъ намъ возстановлять черновые стихи, быть можетъ, брошенные поэтомъ въ корзину. Мѣсто черновикамъ въ академи-

ческомъ изданіи или въ примѣчаніяхъ къ собраніямъ, но отнюдь не въ текстѣ пушкинскихъ стиховъ. А профессоръ И. А. Шляпкинъ, оставляя въ примѣчаніяхъ буквальное воспроизведеніе черновиковъ, даетъ читателю именно текстъ, даетъ именно въ окончательномъ бѣломъ чтеніи эти ненаписанные стихи Пушкина; онъ не останавливается даже передъ тѣмъ, чтобы дать имъ свои собственныя заглавія; онъ даже дѣлаетъ нѣкоторые выводы и даетъ комментаріи къ этимъ стихамъ. Для всѣхъ изслѣдователей и любителей Пушкина вопросъ о ненаписанныхъ стихотвореніяхъ имѣетъ важное значеніе. Нужно бояться того, что будущіе издатели, положившись на авторитетъ профессора И. А. Шляпкина, прибавятъ къ собранію сочиненій Пушкина «новыя, неизданныя стихотворенія» [1]). Это было бы чрезвычайно прискорбно, и поэтому-то слѣдуетъ остановиться на этихъ стихотвореніяхъ, детально анализировать и освободить отъ нихъ текстъ будущихъ изданій Пушкина.

Такими безусловно ненаписанными стихотвореніями Пушкина нужно признать четыре: «Къ фонтану», «Послѣ боя», «Опять увѣнчаны мы славой», «Полонофилу». Предпослѣднее озаглавлено по первому стиху; заглавія остальныхъ даны профессоромъ И. А. Шляпкинымъ.

Начнемъ съ перваго стихотворенія съ заглавіемъ «Къ фонтану». Возьмемъ листокъ, на которомъ набросано стихотвореніе. Зачеркнутое самимъ авторомъ не можетъ быть, не должно быть возстановляемо; это—основной принципъ при изданіи текстовъ. Сохраняя ситуацію строкъ и отбросивъ все зачеркнутое, получимъ слѣдующій видъ:

1. Ктобъ
2.
3.
4.
5.
6.
7. Или
8. пастухъ жилецъ земли,
9.
10.
11.
12. Приди и пей
13. Сей бѣлокаменный фонтанъ
14.
15. Стиховъ узоромъ изпещренный
16.
17. Желѣзной ковшикъ
18.

---

[1]) Къ сожалѣнію, въ изданіи П. О. Морозова мы уже имѣемъ примѣры. Г. Морозовъ, ни словомъ не оговорившись о процессѣ возстановленія, предложилъ читателямъ бѣловые тексты, созданные проф. И. А. Шляпкинымъ.

19. пастухъ
20. утомленный
21. Приди и пей
22.
23.

На оборотѣ вдоль листка имѣется четыре строчки, изъ которыхъ только на четвертой не зачеркнуто «сооруженъ». Кажется, сомнѣній никакихъ не можетъ быть въ томъ, что изъ этихъ словъ ни въ какомъ случаѣ нельзя составить стихотворенія, а профессоръ И. А. Шляпкинъ составилъ. Его ничуть не остановило столь незначительное количество цѣлыхъ словъ, и онъ не затруднился воспользоваться стихами, зачеркнутыми самимъ поэтомъ. Вотъ какое стихотвореніе читатель найдетъ въ книгѣ профессора И. А. Шляпкина.

Кто бъ ни былъ ты – ходжа, пловецъ
Или ловецъ, томяся жаждой,
Или пастухъ, жилецъ земли
Или усталый мореходецъ,—
Приди и пей...
Сей бѣлокаменный фонтанъ,
Стиховъ узоромъ испещренный,
Желѣзный ковшикъ на цѣпи...

Если мы даже согласимся смотрѣть на зачеркнутыя слова, какъ на незачеркнутыя, то и тогда не найдемъ основаній принять текстъ профессора И. А. Шляпкина. Первый стихъ стихотворенія профессора И. А. Шляпкина составленъ изъ слѣдующихъ четырехъ черновой рукописи, изъ которыхъ Пушкинымъ оставлено всего одно слово:

Ктобъ *ни былъ ты пастухъ или*
хожа
или пловецъ
уст. уст.

Дальше черновая въ такомъ видѣ:

Или ловецъ томимъ... коли томясь жаждой
Испей и будь здоровъ
Или *ли ты*
Или пастухъ жилецъ земли
рыбакъ
Или—усталый мореходецъ
рыбакъ
Приди и пей
Сей бѣлокаменный *мраморный* фонтанъ
Стихами хитро
Фонтана свят испещренный
Узорной надписью.
Сей желѣзный ковшикъ *на цѣпи*
Цѣпью прицѣпленной
Кто ни былъ ты пастухъ *рыбакъ*
Рыбакъ иль... *путникъ* утомленный
Приди и пей.... *Отъ* .. и *порою*

Предлагаемъ читателю сравнить этотъ текстъ съ текстомъ профессора И. А. Шляпкина, а если есть свободное время, то заняться новой варіаціей: она, безъ сомнѣнія, удастся. Можно, напримѣръ, взять въ стихъ вмѣсто неуклюжаго «ловецъ, томяся жаждой»— «ловецъ томимый»; можно ввести въ стихи забытаго профессоромъ И. А. Шляпкинымъ рыбака и т. д. Какой же отвѣтъ получимъ мы на вопросъ: принадлежитъ ли Пушкину стихотвореніе, напечатанное на 9-й страницѣ книги профессора И. А. Шляпкина и озаглавленное послѣднимъ «Къ фонтану»?

Переходимъ къ слѣдующему стихотворенію, которое издателю угодно было озаглавить «Послѣ битвы»; вотъ оно:

То было вскорѣ послѣ боя,
Какъ счастье бросило героя,
И рать, побитая кругомъ,
Лежала на крови...
И власть и слава измѣнила,
Какъ ихъ поклонники.

Не будемъ удивляться рати, лежащей на крови, и не станемъ отыскивать смысла въ послѣднихъ двухъ строчкахъ. Обратимся къ черновой. Въ ней мы найдемъ только одинъ первый стихъ стихотворенія; остальныхъ же напрасно будемъ доискиваться. Вторая строка «какъ счастье бросило героя» составлена изъ слѣдующихъ двухъ:

Какъ щ... *Пв.*
Когда пок... бросило героя —

Третью и четвертую строку «и рать, побитая кругомъ, лежала на крови» профессоръ И. А. Шляпкинъ получилъ изъ слѣдующихъ

и рать
Кругомъ лежала рать побитая
Лежала въ ра... бо... кругомъ
На крови кругомъ

Наконецъ послѣднія двѣ строки: «и власть и слава измѣнила, какъ ихъ поклонники», преудивительнѣйшимъ образомъ скомпанованы изъ слѣдующихъ отрывковъ:

И властъ и слава
Ему какъ будто измѣнили *перебѣжали* родъ луч...
Смерть и слава
Какъ ихъ поклонники
На Царск порошло
Власть и слава
Измѣнили подобно людямъ ихъ
Измѣнили какъ люди

Суетнымъ поклонникамъ
Перешло на сторону
торжество... Цар .

По этимъ строкамъ невозможно даже добраться до смысла той варіаціи, которую имѣлъ въ виду поэтъ; какъ же можно пытаться возстановлять изъ нихъ бѣловые стихи? Возможенъ, конечно, только отрицательный отвѣтъ на вопросъ, можно ли занести въ собраніе сочиненій Пушкина новое стихотвореніе поэта «Послѣ битвы» [1]).

Безъ дальнѣйшихъ комментаріевъ предлагаемъ сравнить два произведенія: черновое Пушкина и стихотвореніе, напечатанное профессоромъ Шляпкинымъ. Просимъ обратить вниманіе на соотвѣтствіе строкъ, на полную возможность иныхъ комбинацій (зачеркнутое авторомъ набрано, какъ вездѣ у насъ, курсивомъ).

побѣды	
Опять увѣнчаны побѣдой	
наши знамена	
мы славой	
И врагъ бѣжитъ и молитъ	
Опять увѣнчаны *побѣдой*	Опять увѣнчаны мы славой (1).
кичливый сраженъ	
рѣшенъ Опять *предъ нами* врагъ *бѣжитъ*	Опять кичливый врагъ сраженъ, (2).
подъ Царегpад споръ кровавый	
въ Арзрумѣ *Рѣшенъ*	
конченъ споръ Рѣшонъ и т...	Рѣшенъ въ Арзрумѣ споръ кровавый (3).
міръ провозглашенъ	
Рѣшенью	
Въ *Бал* Эдырне миръ провозглашенъ	Въ Эдырне миръ провозглашенъ (4).
И далѣ бранной славой двинулась	
И вновь в..... Россія	И далѣ двинулась Россія (5)
покорный	
державно и Югъ *пустынный* облегла	И югъ державно приняла (6)
Въ *свои объятія тугія*	Въ свои объятія тугія (7)
Эвксина море полнощ	
подняла	
Э И пол—Евксина *приняла.*	И пол—Евксина подняла (8)

---

[1]) Кстати о датѣ этого отрывка. И. А. Шляпкинъ датировалъ его 1829 годомъ, а о написанномъ на оборотѣ отрывка письмѣ къ Бенкендорфу сообщаетъ, что онъ написанъ на бумагѣ со знакомъ 1830. Почему же профессоръ И. А. Шляпкинъ, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ полагающійся на знакъ бумаги, въ данномъ случаѣ отказывается отъ свидѣтельства бумаги, которое, пожалуй, вѣрно для одного изъ первыхъ набросковъ ненаписаннаго стихотворенія? Вообще даты профессора И. А. Шляпкина вызываютъ большое недоумѣніе. Какъ относиться, напримѣръ, къ слѣдующимъ датамъ? «Пѣсня объ Асанъ Агиницѣ» отнесена къ 1833 году, и о ней И. А. Шляпкинъ сообщилъ, что она написана на бумагѣ *30 годовъ*, а отрывокъ «Изъ Анакреона», написанный *на оборотѣ* пѣсни объ Асанъ-Агиницѣ, отнесенъ къ 1833 году, но о немъ профессоръ Шляпкинъ сообщаетъ, что онъ написанъ на бумагѣ *1831 года!* Чему же вѣрить?

Если съ натяжками могутъ быть составлены первые четыре стиха, то пятый весьма проблематиченъ, въ шестомъ прибавлено слово, седьмой зачеркнутъ поэтомъ, а восьмой не имѣетъ смысла. Кажется, не нужно ставить нашего обычнаго вопроса. Добавимъ, что это и предыдущее стихотворенія дали поводъ профессору И. А. Шляпкину представить обширный комментарій.

Остается еще одно ненаписанное стихотвореніе, носящее собственноручное профессора И. А. Шляпкина заглавіе «Полонофилу». Относительно этого стихотворенія профессоръ И. А. Шляпкинъ облегчаетъ нашу задачу. Текстъ черновой находится въ такомъ ужасномъ видѣ, что издатель долженъ заявить, что онъ возстановляетъ стихи, не ручаясь за точность. Что на самомъ дѣлѣ можетъ дать слѣдующая черновая?

Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ
предразсудокъ
Ты алчешь сѣть свѣтъ чистый свѣтъ
Ты міра таинство
Ты ты правды ликъ увидѣлъ
И нѣжно
Это...
И жарко чуждые народы воз *но* любилъ
И мудро..
Свой *народъ* возненавидѣлъ
Ты такъ у
Ты жизни при
Ты пилъ здоровье Лелевеля
Ты пилъ у *яр въ д... здоровье Лелевеля*
здоровье...
Ты славилъ имя Лелевеля
Когда безмолвная *Варшав бунтъ*
мятежн Варш. поднялась
Польскій
И бун. При кликѣ и буйст опьянѣла
И кровь польск не сгинѣла
ночью
И русскій
И злую рад... И кровь полилась
При кликѣ Польш...
Стеная (?)
Когда наша кровь рѣкою полил.
И смерти. борьба. И борьба началась
При кликѣ Польша не сгинѣла
Чужимъ....
Отъ на д... злобясь
ты Когда въ д. кривясь д... полна
Когда ли Дибичь кривой раздѣл
Пестро Парижск.
Когда французск пустомеля
Ревѣлъ на кафедрѣ ты... у...
Здоровье... Лел
Ты ты руки потиралъ Отъ нашихъ неудачъ

Отъ разныхъ *ты*
... глоталъ *вѣсти*
Съ лукавымъ смѣхомъ
Съ улыбкой слушалъ вѣсти
Кусая губы
Ког... бѣжали вскачь
Когда жъ... рѣдѣли
И гибло знамя нашей чести
Варшавы бунтъ
Какъ жидъ
ты въ дымѣ
и горько
Поникнулъ ты *пралъ* *Ерусалима* возрыдалъ
Какъ жидъ о Іорусалимѣ

Профессоръ И. А. Шляпкинъ извлекъ изъ этой черновой слѣдующее стихотвореніе:

Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ,
Ты свѣта таинство увидѣлъ
И нѣжно чуждые народы возлюбилъ
И мудро свой возненавидѣлъ,
Когда безмолвная Варшава поднялась
И польскимъ буйствомъ опьянѣла,
И кровь потокомъ полилась
При кликѣ: Польша не сгинѣла.

Профессоръ И. А. Шляпкинъ ухитрился извлечь изъ черновой слова, которыхъ въ ней нѣтъ. Любителямъ загадочныхъ картинокъ мы могли бы дать задачу, откуда профессоръ И. А. Шляпкинъ взялъ вторую строку: «ты свѣта таинство увидѣлъ», или въ седьмой строкѣ слово «потокомъ». Совершенно несомнѣнно, что это стихотвореніе никогда не было написано, къ чести поэта. Что сказалъ бы онъ, увидѣвъ свою подпись подъ этими стихами? А профессоръ И. А. Шляпкинъ даже комментаріи далъ и въ комментаріяхъ указалъ на то, что чувство, вдохновившее его на эти стихи, было высоко патріотическимъ. Мы, быть можетъ, желали ли бы сдѣлать противоположный выводъ, что истинно патріотическое чувство поэта сказалось въ томъ, что онъ оставилъ безъ обработки эти стихи и не далъ выраженія тому патріотизму, за которое профессоръ И. А. Шляпкинъ такъ превозноситъ его.

Кромѣ этихъ четырехъ стихотвореній, цѣликомъ неизвѣстныхъ, нужно еще приписать къ ненаписаннымъ наброски, изъ которыхъ мы знали по нѣскольку строкъ: изъ VIII главы Евгенія Онѣгина (строфа XXXVII) и отрывокъ «Два чувства дивно близки намъ». Профессоръ И. А. Шляпкинъ характеризуетъ черновую, по которой возстановлены наброски изъ Евгенія Онѣгина, какъ «почти всю перечеркнутую», и, приводя ее въ примѣчаніяхъ, даже не обозначаетъ, что оставлено незачеркнутымъ. Отрывокъ «Два чувства дивно

близки намъ», тоже на тему о любви къ родинѣ, принадлежитъ къ числу неудавшихся. Вотъ онъ:

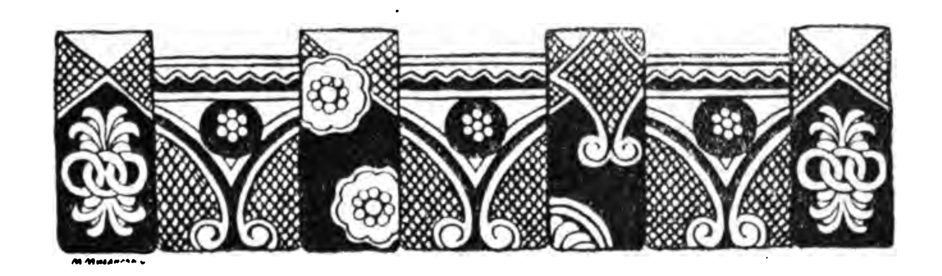
Два чувства дивно близки намъ —
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.
На нихъ основано отвѣка
По волѣ Бога самого
Самостоянье человѣка, —
Залогъ величія его.
Животворящая святыня!
Земля была безъ нихъ мертва;
Безъ нихъ нашъ тѣсный міръ — пустыня,
Душа — алтарь безъ божества.

Первые четыре стиха были прочтены раньше; въ остальныхъ совершенное отсутствіе поэзіи; это — проза, и при томъ плохая. Обращаясь къ черновой, увидимъ, что эти стихи являются результатомъ знакомыхъ намъ комбинацій профессора И. А. Шляпкина. Эти черновыя тоже слѣдовало бы оставить въ ихъ подлинномъ видѣ и не возстановлять въ окончательномъ текстѣ.

И на основаніи такихъ-то сомнительныхъ поэтическихъ произведеній, самая незаконченность которыхъ можетъ указывать на недостаточность проникновенія ихъ идеями, профессоръ И. А. Шляпкинъ находитъ возможнымъ дѣлать заключенія о ростѣ національно-патріотическаго сознанія Пушкина. Вообще тенденція сдѣлать изъ Пушкина защитника основъ проникаетъ весь трудъ профессора. Иногда эта тенденція обнаруживается необычайно ярко. Вотъ примѣръ. Профессоръ И. А. Шляпкинъ напечаталъ обрывокъ съ нѣсколькими строками замѣтоки, сдѣланныхъ Пушкинымъ при чтеніи Шлецера. Это—замѣтка для себя съ записью интересныхъ страницъ; одна только фраза обращаетъ вниманіе. По поводу XXXIV страницы Шлецера Пушкинъ замѣчаетъ: «Екатерина II много сдѣлала для исторіи, но академія ничего. Доказательство, какъ правительство у насъ всегда впереди». И вотъ эти замѣтки являются для профессора И. А. Шляпкина цѣнными, «какъ указатель той работы, тѣхъ основъ, на которыхъ «не въ пьянствѣ похвальбы безумной», а какъ результатъ вдумчиваго чтенія, покоилось патріотическое міросозерцаніе Пушкина». Онѣ, продолжаетъ профессоръ, прекрасно комментируютъ искренность вѣры Пушкина въ личность императора Николая Павловича и «вообще въ значеніе самодержавія для Россіи». Ну, можно ли изъ цитованной нами фразы Пушкина дѣлать подобный выводъ? Да и всѣ замѣтки (читатель можетъ лично убѣдиться въ этомъ) совершенно не даютъ матеріаловъ для возможности такого сужденія, а профессоръ Шляпкинъ, пренебрегая научностью метода, дѣлаетъ подобное, совершенно не вытекающее изъ текста заключеніе.

Сдѣланный нами анализъ черновиковъ и бѣловыхъ стиховъ приводитъ къ несомнѣнному заключенію: указанныя нами стихотворенія: «Къ фонтану», «Послѣ боя», «Опять увѣнчаны мы славой, «Полонофилу», не были написаны Пушкинымъ; черновымъ наброскамъ этихъ стиховъ мѣсто въ примѣчаніяхъ; стихотворенія же, составленныя и напечатанныя профессоромъ И. А. Шляпкинымъ, никоимъ образомъ не могутъ быть приписаны Пушкину и не должны приводиться въ собраніяхъ его сочиненій.

П. Е. Щеголевъ.



ИНОСТРАНЦЫ О РОССІИ.

ОЗОБНОВЛЯЯ въ новомъ году нашу литературную лѣтопись, мы должны оговориться предъ читателемъ, что исчерпать весь любопытный матеріалъ, поставляемый книжными европейскими рынками,— трудъ не посильный при отведенномъ намъ мѣстѣ. Поэтому мы станемъ ограничиваться лишь обзоромъ такихъ литературныхъ новинокъ, которыя могутъ наиболѣе интересовать читателей «Историческаго Вѣстника», при чемъ вещамъ болѣе крупнымъ и важнымъ и мѣсто будетъ удѣляемо болѣе пространное, чѣмъ второстепеннымъ частностямъ.

1. Fr. H. Skrine. The expansion of Russia (1815—1900), № 11 of the Cambridge historical series.

Бывшій профессоръ исторіи Эдинбургскаго университета и почетный общинникъ Кембриджскаго университета Протеро предпринялъ изданіе ряда монографій, посвященныхъ обозрѣнію новѣйшей исторіи важнѣйшихъ государствъ; предназначаются эти очерки для людей, уже ознакомленныхъ съ фактами исторіи, но интересующихся уразумѣніемъ современнаго политическаго состоянія Европы. Серія вышедшихъ доселѣ «Cambridge historical series» насчитываетъ уже пятнадцать томиковъ, и къ печати готовится еще одиннадцать. Послѣднею новинкою среди этихъ изданій является томикъ, озаглавленный «Расширеніе Россіи» и принадлежащій перу Фрэнсиса Генри Скрайна.

Монографія эта даетъ болѣе, чѣмъ обѣщаетъ, заключая въ себѣ связный и съ пониманіемъ дѣла составленный очеркъ исто-

ріи Россіи за послѣднія пять царствованій въ связи съ преобразованіемъ государственныхъ установленій и возрастаніемъ территоріальныхъ ея владѣній на востокѣ. Авторъ, по собственному признанію, для своего труда пользовался содѣйствіемъ такихъ русскихъ людей, какъ г-жа О. Новикова, С. С. Татищевъ, баронъ Гревеницъ (совѣтникъ русской миссіи въ Лондонѣ), баронъ Унгернъ-Штернбергъ (русскій генеральный консулъ въ Лондонѣ) и т. д., а въ качествѣ бывшаго чиновника гражданскаго управленія Остъ-Индіи Скрайнъ достаточно и самъ освѣдомленъ въ азіатскихъ дѣлахъ и правильно оцѣниваетъ неизбѣжную и роковую необходимость «захватовъ», коими сопровождается осуществленіе Россіею культурной миссіи на Востокѣ. Чуждый «джингоизма», Скрайнъ относится столь же объективно къ азіатской политикѣ Россіи, какъ къ описанію роста ея могущества въ области международныхъ отношеній и преуспѣянія въ области внутренняго государственнаго развитія. Въ монографіи, обнимающей всего 348 страницъ, Скрайнъ въ подробности вдаваться, конечно, не можетъ и ограничивается набрасываніемъ картинъ болѣе или менѣе общаго характера; строя выводы на общеизвѣстныхъ историческихъ фактахъ, Скрайнъ избѣгаетъ цитатъ, въ которыхъ и надобности не встрѣчается; сознавая, однако же, что предметъ, имъ излагаемый, далеко не исчерпывается въ его книгѣ, Скрайнъ любознательнаго читателя отсылаетъ къ толково составленной по отдѣльнымъ царствованіямъ библіографіи важнѣйшихъ сочиненій и журнальныхъ статей по отдѣлу Rossica, при чемъ сочиненія русскихъ авторовъ отмѣчаются звѣздочками.

Точка зрѣнія автора на разсматриваемыя явленія выясняется уже изъ введенія. Говоря объ обязанности историка добросовѣстно разбираться въ великихъ историческихъ драмахъ, освѣщая истинное значеніе ихъ путемъ тщательнаго подбора фактовъ и всесторонняго освѣщенія изучаемыхъ явленій, Скрайнъ принимаетъ для себя за руководство знаменательныя слова Ламартина: «Оцѣнивая великихъ людей и крупныя явленія, не подкладывайте на вѣсы вашихъ преходящихъ страстей, предразсудковъ, злобы, національной суетности и узкаго патріотизма; оцѣнивайте людей и событія съ точки зрѣнія того значенія, какое они представляютъ для служенія интересамъ цивилизаціи и развитія общаго самосознанія человѣчества».

Русская имперія, на глазъ Скрайна, представляется единственнымъ съ своемъ родѣ организмомъ въ міровой исторіи. Постепенно сложившись изъ группы варварскихъ олигархій, вѣчно страдавшихъ отъ взаимныхъ раздоровъ и смутъ, Всероссійская имперія объединила составныя свои части отнюдь не путемъ насилій и войнъ, но чрезъ воспитаніе въ своихъ подданныхъ сознанія гражданственности (feeling of citizenship). Недоумѣніе, возбуждаемое этимъ на пер-

вый взглядъ какъ будто неожиданнымъ явленіемъ, разсѣивается, если взвѣсить, что эволюціонное развитіе сѣверной монархіи совершалось по непреложнымъ естественнымъ законамъ подъ вліяніемъ такихъ же таинственныхъ побужденій, какія, напримѣръ, заставляютъ пчелиные рои покидать ульи, снабженные богатыми запасами сотовъ, и образовывать новыя поселенія. Разъ въ самомъ началѣ устроенія Руси имѣлись налицо народъ, обладающій колонизаторскимъ инстинктомъ и всѣми условіями жизни и среды пріучаемый къ выносливости и завоеванію, и верховная власть, своими корнями сросшаяся съ жизненными религіозными воззрѣніями общества, эти факторы, въ видѣ неизбѣжнаго конечнаго результата, и должны были породить Россію въ томъ видѣ, какою ее знаетъ современность (стр. 1).

Задаваясь вопросомъ, какія благія цѣли мирнаго преуспѣянія преслѣдуетъ имперія, раскинувшая 135-ти-милліонное населеніе на одной шестой пространства земного шара, Скрайнъ подчеркиваетъ, что независимо отъ того значенія, какое эта мощь можетъ имѣть для всего дальнѣйшаго развитія современной цивилизаціи, правильное разумѣніе русской политики представляетъ особенный интересъ для Великобританіи въ частности, такъ какъ сфера вліянія послѣдней постоянно соприкасается съ Россіею на протяженіи всего азіатскаго материка. Къ несчастью, однако же, бритты и россіяне отдѣлены другъ отъ друга пространствомъ всей континентальной Европы и различіемъ вѣрованій, языка и политики. Дружба, завязанная въ отдаленную эпоху королевы Елизаветы, была разрушена крымскою кампаніею, которая оставила по себѣ наслѣдіемъ взаимную подозрительность и безразсудную ненависть. Весь тонъ британской прессы неизмѣнно окрашивается предубѣжденіемъ и неистовымъ страхомъ, рисующими отчаянныя угрозы для Индіи въ каждомъ поступательномъ шагѣ Россіи вглубь Азіи, и никто изъ англійскихъ писателей не даетъ себѣ труда вглядѣться въ удивительныя преобразованія, чрезъ которыя прошла Всероссійская имперія на протяженіи XIX столѣтія (стр. 2). Поэтому-то Скрайнъ и дѣлаетъ посильную попытку добросовѣстно освѣтить предъ соотечественниками въ общихъ чертахъ строй русской государственности въ его послѣдовательномъ развитіи за минувшее столѣтіе (стр. 2). Имѣя такихъ предшественниковъ и руководителей, какъ Леруа Болье, Рамбо, Мэккензи-Уоллесъ, Мартенсъ, Шильдеръ, Грегенджъ, Норманнъ и Морфиль, Скрайнъ дѣйствительно даетъ въ своей монографіи болѣе или менѣе правильную оцѣнку важнѣйшихъ явленій, сказавшихся въ развитіи русской государственности въ XIX в., и въ надлежащемъ свѣтѣ рисуетъ и тѣ болячки, какія подчасъ сказывались въ русской жизни, но аттестовались нашими недругами чуть ли не за неоспоримые симптомы близящейся погибели «колосса на глиняныхъ ногахъ».

Слѣдовать за Скрайномъ шагъ за шагомъ въ его любопытномъ очеркѣ намъ не позволяетъ мѣсто, отведенное для настоящей рецензіи. Поэтому, чтобы охарактеризовать нѣсколько поточнѣе воззрѣнія автора на судьбы Россіи, мы ограничимся приведеніемъ его общихъ оцѣнокъ отдѣльныхъ царствованій.

Еще Талейранъ нѣкогда замѣтилъ, что существенная разница между Россіею и прочею Европою въ томъ именно и заключается, что первая свою дѣятельность направляетъ въ интересахъ будущности, а Западная Европа отдается исключительно настоящему и живетъ злободневными интересами (стр. 52).

Эта дальновидная вдумчивость и бережное отношеніе къ кореннымъ интересамъ Русскаго царства проходятъ красною нитью чрезъ политику послѣднихъ царствованій, несмотря на кажущееся различіе въ идеалахъ, какіе преслѣдовались отдѣльными русскими государями.

Объ Александрѣ I поистинѣ можно сказать, что едва ли какой государь съ болѣе великодушною рѣшимостью обращалъ неограниченную власть на неустанныя заботы о доставленіи счастія не только своимъ подданнымъ непосредственно, но и всѣмъ европейскимъ народамъ, переживавшимъ смутныя годины, благодаря преслѣдованію ложныхъ идеаловъ и несовершенствамъ тогдашняго общественнаго строя. Въ Наполеоновскую эпоху человѣчество, въ лицѣ Александрѣ I, пыталось найти давно призываемаго Мессію, которому предстояло замирить и уврачевать обуянный безуміемъ міръ, но по свойствамъ своей натуры Александръ I оказался слишкомъ женственененъ и слабъ, чтобы справиться съ тяготами мірового преобразователя: онъ слишкомъ чутко относился къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и слишкомъ легко подчинялся руководительству подчасъ недостойныхъ совѣтчиковъ, которые умѣли вкрасться въ его довѣріе. Въ юности Александръ I отдавался во власть благороднѣйшихъ фантазій и поочередно увлекался самыми разнообразными и исключавшими одна другую идеями; позднѣе поставленный лицемъ къ лицу съ критическимъ положеніемъ, въ какомъ очутилась его страна, Александръ I сумѣлъ превозмочь колебанія и проявилъ незаурядную настойчивость въ осуществленіи поставленной имъ себѣ великой цѣли; сила воли и государственная мощь, оказавшіяся въ его обладаніи, доставили русскому императору руководящую роль во всемъ цивилизованномъ мірѣ, но вслѣдъ за непосильнымъ напряженіемъ энергіи у Александра, какъ неизбѣжная реакція, явился упадокъ духа. Вовлеченный въ дебри мистицизма, императоръ въ значительной степени утратилъ настойчивую рѣшительность, да и личный его починъ былъ безсиленъ побороть окружавшее его невѣжество и неблагодарность. Несмотря на тѣнь реакціи, омрачившей послѣдніе годы его царствованія, имя Александра I сохранится въ исторіи, какъ исключи-

тельный образецъ вѣнценосца, никогда по слѣпому произволу не злоупотреблявшаго безграничною властью и тяготѣвшаго къ убѣжденіямъ, далеко опережавшимъ эпоху (стр. 85).

Совершенно противоположныя типическія особенности представлялъ смѣнившій Александра I императоръ Николай I. Самъ правдивый и ненавидящій ложь и лесть въ другихъ, преданный долгу до самозабвенія, сдержанный и чуждый самомнѣнія, внушающій къ себѣ невольное почтеніе царственнымъ величіемъ осанки, Николай I былъ истинно мужественъ (thorough man) и великъ сердцемъ, непосредственность влеченій котораго не была извращена воспитательными ухищреніями (стр. 97). Для современниковъ онъ со своимъ безстрашно обнажаемымъ мечомъ явился грознымъ оплотомъ противъ европейской революціи, подавилъ возмущеніе поляковъ, спасъ Австрію отъ распаденія и устранилъ преждевременное нарожденіе въ Германіи демократической имперіи. Какой-то насмѣшникъ-дипломатъ прозвалъ императора «Дон-Кихотомъ политики» и дѣйствительно, скорѣе къ похвалѣ, чѣмъ къ осужденію Николая, рыцарственный его духъ представлялъ родственныя черты съ безсмертнымъ героемъ Сервантеса.

Съ желѣзною суровостью правя поданными, Николай въ своемъ служеніи отчизнѣ проявлялъ такое беззавѣтное безкорыстіе, аналогичнаго примѣра которому исторія не знаетъ. Стремленіе, однако же, втискивать существующій порядокъ вещей въ незыблемыя стереотипныя формы Николаю I, несмотря на его желѣзную настойчивость, не удалось, такъ какъ оно нарушало естественный законъ, согласно которому всякій организмъ неминуемо обреченъ на поступательное развитіе или упадокъ; такая же неудача постигла попытки Николая I отрѣзать Россію отъ Европы и оградить ее отъ заразы западно-европейскихъ общественныхъ идеаловъ. Несмотря на бѣдствія, которыя порождены были этимъ обособленіемъ и незамѣтно привели Россію къ печальной севастопольской развязкѣ, реакціонное царствованіе императора Николая I явилось плодотворною поправкою для коренной ошибки реформъ, восходившей вплоть до эпохи Петра и заключавшейся въ стремленіи денаціонализировать Россію учрежденіями, установленіями и бытомъ, привитыми извнѣ. По смерти уже Николая I, когда улеглись страсти, наиболѣе ожесточенные враги его должны были признать, что суровая послѣдовательность политики почившаго государя вселила въ народъ и племена, принадлежащія къ составу имперіи, сознаніе братскаго единенія и бодрой вѣры въ мощь Россіи, а это несомнѣнно составило прочную гарантію къ великому и счастливому будущему. Точно также признательные подданные не замедлили возсоздать въ своей памяти и иныя незаурядныя качества Николая I. Онъ былъ стоекъ и правдивъ, привержень отечеству и къ себѣ самому болѣе безпощаденъ, чѣмъ къ другимъ; онъ презиралъ фе-

одализмъ и привилегіи и цѣнилъ людей исключительно по личнымъ достоинствамъ; въ частной жизни онъ былъ образцовымъ супругомъ, отцомъ и другомъ и если въ болѣе раннія царствованія домъ Романовыхъ въ сознаніи народномъ вызывалъ представленіе о царственной династіи, то съ эпохи Николая I царь и народъ составили одну семью, и тѣ семейныя радости, въ которыхъ наши государи ищутъ отдохновенія отъ царственныхъ заботъ, находятъ сочувственный откликъ въ милліонахъ русскихъ семей (стр. 163—164).

Націи, какъ и отдѣльныя личности, находятъ себѣ нелицепріятныхъ и вѣрныхъ совѣтчиковъ лишь въ годины несчастія. Подобно тому, какъ заря новой жизни занялась для Пруссіи во дни Іенскаго погрома, Италія начала обновляться послѣ битвы при Новаррѣ, американская междоусобная война противорѣчивые интересы южанъ и сѣверянъ преобразила въ мощь міровой державы, а Седанская катастрофа очистила Францію и сдѣлала ее достойною того высокаго положенія, которымъ она заручилась въ ближайшее къ намъ время, точно также и Крымская кампанія послужила только къ вящшему благополучію Россіи. Переживъ ударъ своему самолюбію, Россія въ послѣдующее пятидесятилѣтіе безъ напряженія свела на нѣтъ унизительныя для національнаго чувства условія, навязанныя ей Парижскимъ трактатомъ, нравственное же воздѣйствіе, оказанное на Россію военными неудачами, послужило ей существенно на пользу—для правительства и общества тогда же выяснилась несостоятельность ультраконсервативныхъ идеаловъ и сказалась потребность въ мирномъ коренномъ преобразованіи общественнаго и экономическаго строя.

Непреходящею заслугою императора Александра II останется то, что онъ сумѣлъ постигнуть истинныя нужды русскаго общества и призвалъ себѣ на помощь для творческой дѣятельности лучшіе элементы тогдашней интеллигенціи. (стр. 174—175).

Вступивъ на престолъ въ цвѣтущемъ возрастѣ, Александръ II былъ прекрасно и многосторонне подготовленъ къ царственному своему поприщу. Воспиталъ цесаревича поэтъ Жуковскій, и если методы обученія были несовершенны, то онъ сумѣлъ въ царственномъ питомцѣ развить любовь къ ближнимъ и благородство идей; въ области права руководителемъ наслѣдника явился престарѣлый графъ Сперанскій, который привилъ ему смутное, присущее самому наставнику стремленіе къ общественнымъ преобразованіямъ; предпринятое въ 1838 г. путешествіе по Россіи освоило будущаго государя съ торговыми и промышленными интересами отдѣльныхъ областей, а назначеніе съ 1841 г. въ члены государственнаго совѣта и комитета министровъ ознакомило великаго князя съ механизмомъ государственнаго управленія (стр. 167).

Несмотря на многочисленность и первостепенную важность коренныхъ реформъ, прославившихъ царствованіе царя-освободителя,

польское возстаніе, а затѣмъ покушеніе Каракозова, направили теченіе государственной русской жизни въ русло, совсѣмъ не отвѣчавшее начинаніямъ царствованія. Туманныя отвлеченныя идеи и смутныя стремленія колеблющагося либерализма освободительной эпохи оказались слишкомъ безпочвенными для борьбы съ положительными концепціями консервативной славянофильской партіи, проводниками которыхъ въ жизнь выступили графъ М. Н. Муравьевъ-Виленскій, Н. А. Милютинъ, князь В. А. Черкасскій и Ю. Ѳ. Самаринъ. Послѣдовавшая эпоха реакціи, несмотря на успѣхи, достигнутые русскою дипломатіею въ эпоху Франко-Германской войны, несмотря на присоединеніе обширныхъ средне-азіатскихъ областей и несмотря на перипетіи борьбы за освобожденіе славянства, не оздоровили политической атмосферы, и царь-освободитель палъ жертвою ничтожной кучки (infinitesimal minority) русскихъ нигилистовъ, постепенно изъ послѣдователей дурно переваренныхъ ученій французскихъ сенсуалистовъ и германскихъ идеологовъ превратившихся сначала въ сторонниковъ соціализма, а позднѣе проникшихся анархическими воззрѣніями Бакунина и Крапоткина [1]) (стр. 268).

Никогда, пожалуй, со времени декабрьскаго возмущенія 1825 г. Россія столь не нуждалась въ дальновидномъ и могучемъ волею государѣ, какъ въ моментъ кончины Александра II—съ одной стороны немногочисленная, но страшная своею таинственностью кучка политическихъ изувѣровъ возводила въ подвигъ политическія убійства, а на кару за нихъ взирала, какъ на мученичество, съ другой же стороны правительство и русское общество потерялись предъ успѣхомъ покушенія (стр. 271). Въ тогдашнемъ кризисѣ новый царь оказался на истинной высотѣ положенія. Глубоко религіозный и проникнутый сознаніемъ легшей на него отвѣтственности, Александръ III по своимъ инстинктамъ, воспитанію и серьезному знакомству съ отечественною исторіею и духомъ народнымъ отдался влеченіямъ абсолютизма, который въ немъ счастливо умѣрялся здравомысліемъ и яснымъ пониманіемъ духовныхъ и матеріальныхъ потребностей эпохи. Серьезный, замкнутый въ себѣ, постоянный въ привязанностяхъ и антипатіяхъ, Александръ III всегда оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и словамъ. Твердый духъ воплощался въ не менѣе могучемъ физическомъ организмѣ, значительно превосходившемъ нормальный уровень, но силъ этихъ хватило на тринадцать лѣтъ. Правда, за это примѣчательное царствованіе русская исторія вступила въ совершенно новый фазисъ. И въ частномъ быту, и въ политическихъ своихъ стремленіяхъ родственный по духу своему дѣду, Николаю I, Александръ III полагалъ

[1]) По утвержденію Скрайна, партія русскихъ революціонеровъ и въ бойкую пору своей дѣятельности не превышала 10.000 человѣкъ.

истинное благоденствіе своего народа въ воспитаніи трезваго націонализма, опирающагося на преклоненіе предъ религіозными началами православія и на преданность исконнымъ преданіямъ русской государственности. Но, оставаясь убѣжденнымъ самодержцемъ, Александръ III разумною уступчивостью духу современности и чуткою отзывчивостью на истинныя потребности русскаго общества сумѣлъ подавить поступательное движеніе анархизма и поставилъ прочные устои для дальнѣйшаго процвѣтанія Россіи. Не похожій на своихъ предшественниковъ, Александръ III стойко оберегалъ матеріальные рессурсы своей родины и былъ равнодушенъ къ военнымъ лаврамъ и похожденіямъ, если не затрогивались кровные русскіе интересы; всего же усерднѣе озабочивался онъ развитіемъ матеріальнаго благосостоянія своихъ поданныхъ, а въ особенности крестьянства. Исторія, къ завѣтамъ которой Александръ III питалъ неизмѣнное и глубокое почтеніе, по справедливости отмежевала ему почетное мѣсто въ ряду истинныхъ благодѣтелей, потрудившихся на поприщѣ мирнаго преуспѣянія человѣчества (стр. 272, 308).

Переходя къ настоящему царствованію, Скрайнъ замѣчаетъ, что распространяться о немъ много не будетъ, такъ какъ оно далеко еще не сказало своего послѣдняго слова, а судить объ историческихъ явленіяхъ in statu nascendi, не имѣя въ рукахъ всѣхъ документовъ, которые бы выясняли причинную связь и взаимодѣйствіе явленій, преждевременно и безплодно (стр. 309). Поэтому Скрайнъ въ этой главѣ ограничивается подборомъ наиболѣе крупныхъ фактовъ и матеріаловъ, которые могутъ служить для охарактеризованія царствованія императора Николая II.

Прежде всего авторъ указываетъ на особенно тщательное воспитаніе, которое было получено Государемъ въ бытность его Наслѣдникомъ. При составленіи подъ руководствомъ Александра III программы занятій Наслѣдника принята была во вниманіе высочайшая воля, выраженная въ знаменательныхъ словахъ: «не пренебрегайте ничѣмъ, что можетъ выработать изъ моего сына человѣка въ истинномъ значеніи слова». Тогда какъ въ этической области руководители воспитанія Наслѣдника вселили въ него глубокое убѣжденіе, что счастіе, доступное отдѣльной личности, опредѣляется лишь тою суммою счастья, которую она даетъ ближнимъ, въ области умственной преподаваніе велось на очень широкую ногу, и подъ руководствомъ выдающихся профессоровъ и спеціалистовъ (какъ, напримѣръ, И. Хр. Бунге или И. И. Бекетовъ), Наслѣдникъ получилъ, можно сказать, образованіе энциклопедическое. Въ то же время для гармоническаго развитія здоровой мысли въ здоровомъ тѣлѣ прилагалось немало заботъ и о физическомъ развитіи царственнаго питомца: по нарочитой волѣ Государя Наслѣдникъ регулярно занимался гимнастикою, атлетикою и разными видами спорта. Для за-

вершенія образованія наконецъ Наслѣдникъ совершилъ 9-ти-мѣсячное кругосвѣтное путешествіе, переживъ самыя разнообразныя и поучительныя впечатлѣнія и встрѣчи (стр. 310).

Сухопутное путешествіе чрезъ Сибирь, предсѣдательствованіе въ комитетахъ по устраненію голода и по сооруженію великой Сибирской дороги ввели Государя Цесаревича въ кругъ насущныхъ потребностей, служенію которыхъ ему предстояло себя посвятить въ будущемъ. Вступивъ затѣмъ на престолъ, Государь выразилъ твердую волю посвятить свою дѣятельность на развитіе мирнаго преуспѣянія Россіи; заключеніе болѣе тѣснаго союза съ Франціею точно также явилось прочнымъ залогомъ, способствующимъ, на началѣ справедливости, къ вящшему процвѣтанію мира, порядка и благоденствія народовъ (стр. 310, 312). Всѣ дальнѣйшія важнѣйшія событія настоящаго царствованія—осуществленіе великаго сибирскаго пути, финансовыя и экономическія реформы, созывъ конференціи въ Гаагѣ—представляютъ широкое развитіе и послѣдовательное проведеніе программы, которая была столь счастливо намѣчена еще въ предшествующее царствованіе, и Скрайнъ заканчиваетъ свой обзоръ знаменательными словами: «Минувшій вѣкъ русской исторіи, заря надъ которымъ занялась среди кровопролитнѣйшихъ войнъ, завершился сознательнымъ и рѣшительнымъ стремленіемъ обезпечить мятущемуся міру блага мира» (стр. 348).

Касаясь въ своей книгѣ неоднократно вопроса о расширеніи русскихъ владѣній на азіатскомъ материкѣ, Скрайнъ соглашается съ соображеніями, какія были высказаны княземъ А. М. Горчаковымъ еще 16 ноября 1864 года въ циркулярной нотѣ, вызванной занятіемъ Чемкента и руссофобскими опасеніями Англіи: входя въ тѣсное соприкосновеніе съ разбойничьими племенами кочевниковъ, любое цивилизованное государство оказывается безсильнымъ надолго поддерживать съ ними миръ и согласіе; оно роковымъ образомъ оказывается вынужденнымъ либо завоевывать ихъ, либо примиряться съ тѣмъ, что пограничная округа принесена будетъ въ жертву анархіи. Завоеванныя уже племена въ свою очередь подвергаются нападеніямъ со стороны сосѣднихъ незамиренныхъ еще кочевниковъ, и такъ завоевательный процессъ повторяется, пока носители цивилизаціи не передвинутъ границъ своихъ завоеваній вплоть до предѣловъ такого государства, которое представляетъ достаточныя гарантіи къ поддержанію у себя дома внутренняго порядка (стр. 230). Эта неизбѣжность для Россіи свои среднеазіатскіе предѣлы расширять до поглощенія Хивы, Кокана и Ферганы, однако же, далеко не проникаетъ въ общее сознаніе Великобританіи. Англійскіе руссофобы въ каждомъ поступательномъ движеніи Россіи вглубь Азіи усматриваютъ непосредственную угрозу для британской Индіи. По ихъ мнѣнію, Англія должна упредить предстоящее вторженіе наступательною политикою (forward policy): Индійскія границы не доста-

точно предохранены; для вящшей ихъ охраны слѣдуетъ завоевать Афганистанъ и сосѣднія горныя племена, а ради устраненія нападенія со стороны Персіи надо завладѣть Белуджистаномъ. Болѣе спокойные взгляды высказываютъ руссофилы, лозунгомъ которыхъ лордъ Лауренсъ выставилъ «умѣлую бездѣятельность» (masterly inactivity). Руссофилы объясняютъ себѣ движеніе русскихъ вглубь Азіи инстинктивнымъ исканіемъ болѣе теплаго климата и незамерзающихъ портовъ. Политическіе виды, побуждающіе Россію все болѣе суживать нейтральную полосу, отдѣляющую русскія владѣнія отъ индійскихъ, подсказываются ей желаніемъ заручиться вѣрными способами къ воздѣйствію на Великобританію, буде она станетъ создавать Россіи затрудненія и препятствія въ другихъ направленіяхъ. Индія съ ея нищетою и кишащимъ сельскимъ пролетаріатомъ, постоянно считающаяся съ повальными болѣзнями и голодовками, не представляетъ ничего заманчиваго для Россіи, тѣмъ болѣе, что послѣдняя не обладаетъ многочисленнымъ среднимъ классомъ, который бы искалъ простора для примѣненія своей чрезмѣрной энергіи. Индія достаточно охранена на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ непроходимыми горными кряжами, а на сѣверо-западѣ—огромными пустынями, недоступными для походовъ и наступательныхъ движеній. Сторонники «умѣлой бездѣятельности» оспариваютъ полезность завоеванія Афганистана и горныхъ племенъ — такія попытки возможныхъ союзниковъ превратятъ лишь въ непримиримыхъ враговъ. Въ концѣ концовъ наиболѣе существенною гарантіею противъ вторженія русскихъ въ Индію является твердое, но опирающееся на народныя симпатіи управленіе индійскими владѣніями.

Исторія англійскихъ отношеній къ Россіи чуть ли не съ эпохи трактатовъ 1815 года сводится къ чередованію и проведенію въ жизнь взглядовъ то руссофобовъ, то руссофиловъ (стр. 235—236). А между тѣмъ и Россіи и Великобританіи приходится считаться съ тожественными задачами въ отношеніи реагированія на исламъ.

Въ іюнѣ 1898 года, броженіе, наблюдаемое въ средѣ магометанства отъ Борнео до Марокко включительно, нашло отзвукъ и въ уединенныхъ захолустьяхъ Туркестана (въ Андиджанѣ и Ферганѣ), но доколѣ воспитаніе среднеазіатскаго юношества будетъ оставаться въ рукахъ магометанскаго духовенства, русской администраціи, по увѣреніямъ Скрайна, придется считаться съ вѣяніемъ возстановленія теократіи по идеаламъ корана.

Какъ и король Эдуардъ VII, царь Николай насчитываетъ бо̀льшее количество магометанскихъ подданныхъ, чѣмъ самъ повелитель правовѣрныхъ. Русскіе магометане представляютъ безконечное разнообразіе племенъ, и иныя изъ нихъ обладаютъ незаурядными умственными и нравственными качествами; тѣмъ не менѣе, и эти

племена мало доступны прогрессу, бѣдны и невѣжественны. Къ поступательному развитію для нихъ серьезнымъ препятствіемъ является сказывающаяся у магометанъ неспособность приспособиться къ новымъ условіямъ существованія, вызваннымъ включеніемъ ихъ въ составъ христіанскаго государства. И, тѣмъ не менѣе, магометанскія вѣрованія заключаютъ въ себѣ немало благородныхъ чертъ, какъ, напримѣръ, покорность предопредѣленію, сознаніе братской связи между людьми, сознаніе преимуществъ, представляемыхъ созерцательною жизнью предъ лихорадочною погонею за наживою. Исламъ такимъ образомъ является противоядіемъ ложнымъ идеаламъ, какіе залегаютъ въ основѣ смутъ, раздирающихъ Западную Европу. Русская система управленія a priori не заключаетъ въ себѣ существенныхъ недостатковъ, которые бы могли служить препятствіемъ къ осуществленію правомѣрныхъ стремленій магометанъ; русское управленіе проявляетъ широкую терпимость—подчасъ, пожалуй, даже чрезмѣрную—и охотно открываетъ пути къ служебной карьерѣ тѣмъ изъ магометанскихъ своихъ подданныхъ, которые поступаются унаслѣдованными предубѣжденіями. Такимъ образомъ отчужденіе и обособленность послѣдователей пророка коренятся въ наставленіяхъ, почерпаемыхъ отъ ранней юности у мусульманскихъ муллъ и имамовъ, которые являются закоренѣлыми врагами христіанства и не могутъ помириться съ упраздненіемъ прежней ихъ вліятельности и съ безвозвратнымъ подчиненіемъ невѣрнымъ (стр. 334—335).

Если аналогичные интересы, цѣли и задачи могутъ только способствовать къ установленію болѣе тѣсныхъ и дружелюбныхъ отношеній между Великобританіею и Россіею, то ближайшее разсмотрѣніе политическихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ обѣими державами повсюду на Востокѣ—въ Турціи, Персіи и Китаѣ,—убѣждаетъ Скрайна, что даже и рознь интересовъ здѣсь оказывается далеко не непримиримою—онъ хочетъ вѣрить, что между Великобританіею и Россіею рано или поздно установится добросовѣстный modus vivendi, основанный на взаимномъ довѣріи и лучшемъ пониманіи національныхъ стремленій и запросовъ (стр. 333, 336).

Если Скрайнъ въ своей монографіи о расширеніи Россіи касается между прочимъ въ общихъ чертахъ подъема экономическаго благосостоянія въ Россіи, какъ одной изъ наиболѣе примѣчательныхъ особенностей въ царствованія Александра III и Николая II, то этотъ именно предметъ составляетъ спеціальную тему изслѣдованія Анспаха.

Anspach. Les finances russes et m-r de Witte. Avec une introduction par Delarivière. Paris. 1903, in-8°.

Экономистъ Деларивьеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ основалъ въ Парижѣ журналъ, посвященный всестороннему изученію

франко-русскихъ отношеній «Etudes franco-russes», и Анспахъ въ этомъ журналѣ помѣстилъ рядъ статей, ознакомившихъ французскихъ читателей съ финансовыми мѣропріятіями, проводившимися въ Россіи по почину С. Ю. Витте.

Сборникъ этихъ статей теперь и выпущенъ отдѣльною книгою; состоитъ онъ изъ ряда коротенькихъ главокъ, въ которыхъ удобопонятно излагаются исторія сооруженія великаго сибирскаго пути, введеніе винной монополіи, конверсія государственныхъ займовъ, устройство сберегательныхъ кассъ, преобразованіе пограничной стражи, измѣненіе таможеннаго тарифа и пр. Къ тексту вездѣ приложены цифровыя таблицы, наглядно показывающія финансовые результаты, достигнутые чрезъ неослабную и послѣдовательную многолѣтнюю дѣятельность бывшаго министра финансовъ.

Входить въ разсмотрѣніе этихъ цифръ, а равно въ описаніе финансовой политики С. Ю. Витте мы не станемъ, такъ какъ этотъ предметъ выходитъ за предѣлы нашей программы, но мы считаемъ умѣстнымъ коснуться общихъ соображеній, приводимыхъ Деларивьеромъ въ введеніи, такъ какъ они ясно и вразумительно очерчиваютъ значеніе финансовыхъ реформъ послѣдняго времени для развитія событій первостепенной важности, соприкасающихся съ исторіею.

Петръ Великій новымъ направленіемъ, внесеннымъ въ русскую политику, прорубилъ изъ Россіи окно въ Европу, и пресловутое окно это при преемникахъ Петра непомѣрно расширилось. Въ царствованія Екатерины II и Александра I западныя вліянія стали особенно сильно сказываться на славянскомъ мірѣ: Россія чрезмѣрно объевропеилась и, развившись сравнительно въ короткое время, настолько преумножила свои силы и вліятельность, что нынѣ при извѣстныхъ обстоятельствахъ уже является рѣшительницею судебъ націй (elle est même l'arbitre des nations).

Если Россія обратилась къ Западу за позаимствованіями извѣстныхъ элементовъ его цивилизаціи, наукъ и техническихъ познаній, которые обусловили ея преображеніе, то она подчинилась лишь велѣніямъ рока. Самая логика вещей требовала, чтобы славянская имперія въ силу географическаго положенія и обширности своихъ территоріи и населенія восприняла отъ Запада начала культурности, которыхъ ей недоставало. Съ того часа, когда Россія захотѣла выступить въ міровой роли, она неизбѣжно должна была проникнуться европейскими идеями и нравами. Сближеніе съ Европою было предопредѣлено самимъ рокомъ; правда, установилось оно особенно быстро и интенсивно, потому что Петръ Великій, въ забвеніи исконныхъ преданій, ломалъ всѣ преграды и путемъ насилій навязалъ своему отечеству ту политику, которая открыла ему новую эру существованія.

Но и помимо личнаго могучаго почина Преобразователя сближеніе Россіи съ Западомъ и воспріятіе ею западно-европейской цивилизаціи

рано или поздно свершились бы (такъ какъ намеки на это сказывались въ царствованія Іоанна Грознаго, Бориса Годунова, Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича): Швеція, Польша и Турція, по слабости и отсутствію единодушія, не могли противостоять набѣгавшимъ волнамъ славянства, и Русской имперіи предопредѣлено было обратить свои честолюбивые виды на сосѣднія страны, и, отчасти побѣдивъ, отчасти поглотивъ ихъ, она распространила свое вліяніе и дальше.

Историческія перипетіи, разыгрывавшіяся въ XIX вѣкѣ, обезпечили Россіи неоспариваемое уже и достаточно видное мѣсто въ европейскомъ концертѣ, но неудачи Крымской кампаніи, польское возстаніе, освобожденіе крестьянъ, созданіе желѣзнодорожной сѣти, искусственное поддержаніе денежныхъ курсовъ, расходы, вызванные замиреніемъ Кавказа и присоединеніемъ среднеазіатскихъ владѣній, — все это въ значительной степени поколебало финансовое положеніе и платежныя средства Россіи; французскій экономистъ Воловскій, опираясь на цифры, въ 60-хъ годахъ выступилъ съ самыми мрачными предсказаніями насчетъ дальнѣйшаго благосостоянія Россіи. Хотя мрачныя прорицанія банкротства и возвращенія Россіи въ допетровскій хаотическій мракъ не оправдались, но, несомнѣнно, въ царствованіе Александра II тогдашнимъ министрамъ финансовъ Рейтерну, Грейгу и Абазѣ пришлось годами считаться съ особенно неблагопріятными условіями, и государственное казначейство было обречено на неимовѣрныя напряженія, вызванныя перевооруженіемъ арміи и восточною войною.

Начиная съ царствованія Александра III русская политика и финансы вступили на новые пути. Принужденное въ Европѣ ограничиваться выжидательною политикою и сохраненіемъ занятыхъ позицій, русское правительсто приняло за руководящее правило служить лишь кровнымъ интересамъ родины, не отвлекаясь посторонними задачами, и прилагаетъ всѣ мѣры къ поднятію благосостоянія своихъ подданныхъ. Въ этихъ видахъ, грозная многочисленностью населяющихъ ее племенъ, Россія вполнѣ естественно избытокъ своихъ силъ и энергіи направила на Азію.

Такимъ образомъ обновленная воспріятіемъ европейской цивилизаціи Россія въ концѣ XIX вѣка обращается вспять на Востокъ. Необозримый просторъ варварской, лежащей впустѣ Сибири подчиняется творческимъ воздѣйствіямъ культуры; расчистка огромныхъ лѣсныхъ пространствъ, разработка необозримыхъ полевыхъ угодій, устройство фабрикъ и заводовъ, заведеніе новыхъ промысловъ сулятъ Сибири чудные виды на экономическое возрожденіе, сдѣлавшееся осуществимымъ лишь со времени сооруженія великаго сибирскаго пути съ его развѣтвленіями. Не удовлетворяясь баснословными естественными богатствами, таящимися въ нѣдрахъ Сибири, Россія вступаетъ въ тѣсное соприкосновеніе съ Кореею и

Китаемъ, приходитъ послѣднему на помощь во время Японско-Китайской войны, реализируетъ китайскій заемъ, устраиваетъ Русско-Китайскій банкъ и проводитъ чрезъ Манчжурію желѣзную дорогу.

Осуществленіе всѣхъ этихъ предпріятій потребовало затратъ сотенъ и сотенъ милліоновъ, и добыты они не столько заключеніемъ новыхъ займовъ, сколько преобразованіемъ всей финансовой системы. Благодаря умѣлымъ пріемамъ С. Ю. Витте, талантливость котораго Анспахъ приравниваетъ знаменитому Кольберу, государственные доходы Россіи за послѣдніе годы достигли такихъ внушительныхъ цифръ, о какихъ русскіе министры финансовъ въ прежнія царствованія и мечтать не могли; въ какія нибудь десять съ небольшимъ лѣтъ великій сибирскій путь, осуществленіе котораго въ эпоху Александра II казалось миѳическою бреднею Е. В. Богдановича, сталъ уже свершившимся фактомъ.

Несомнѣнно, это грандіозное предпріятіе въ ближайшія же десятилѣтія обусловитъ такой же коренной переворотъ въ экономическомъ строѣ всего міра, какой въ свое время былъ вызванъ открытіемъ Америки и великихъ океаническихъ путей, а потому имя статсъ-секретаря Витте, какъ даровитаго исполнителя державныхъ предначертаній, и пользуется совершенно заслуженною популярностью въ дѣловомъ мірѣ всей Европы.

Мало того, что въ міровой товарооборотъ постепенно входятъ естественныя богатства Сибири, что русскіе переселенцы туда, количество которыхъ еще въ 80-хъ годахъ не превышало 30 тысячъ ежегодно, къ 1900 году уже начали выселяться на далекій востокъ по 200 тысячъ челов. ежегодно,—что Россія заручилась незамерзающимъ выходомъ въ Тихій океанъ, но и Китай со своимъ бережливымъ, настойчивымъ и трудолюбивымъ населеніемъ неизбѣжно долженъ будетъ вступить въ болѣе тѣсное и постоянное соприкосновеніе съ европейскими рынками, такъ какъ транзитная перевозка грузовъ между Европой и Дальнимъ Востокомъ чрезъ Сибирь удешевляется вдвое.

Несмотря на спеціальный характеръ, любопытныхъ темъ касается трудъ, недавно опубликованный въ Швеціи. Профессоръ Лундскаго университета Понтусъ Фальбекъ предпринялъ обширное демографическое изслѣдованіе, посвященное судьбамъ шведскаго и финляндскаго дворянства. Изслѣдованіе это, озаглавленное «Sveriges Adel», появилось въ двухъ томахъ (I въ 1898 году и II въ 1902 году) и заключаетъ въ себѣ массу статистическихъ таблицъ и рядъ фамильныхъ росписей съ обозначеніемъ происхожденія и профессіональныхъ занятій отдѣльныхъ родоначальниковъ, времени возведенія каждаго изъ новыхъ родовъ во дворянство, вымиранія рода и пр.

Сочиненіе это съ значительными сокращеніями появилось недавно и въ нѣмецкомъ переводѣ (P. Fahlbeck: Der Adel Schwedens und Finnlands, eine demographische Studie. Jena. 1903). Хотя сочиненіе это и посвящено спеціальной исторіи судебъ шведскаго и финляндскаго дворянства, оно, по справедливому замѣчанію издателя, представляетъ широкій научный интересъ, такъ какъ условія развитія и жизнеспособности этой общественной группы и въ другихъ странахъ представляютъ болѣе или менѣе тѣсныя аналогіи съ наблюдаемымъ въ Скандинавіи. Поэтому и общіе выводы, дѣлаемые профессоромъ Фальбекомъ, могутъ до нѣкоторой степени находить себѣ примѣненіе въ другихъ странахъ.

Причина происхожденія сословныхъ различій издревле приковывала вниманіе человѣчества и говорила его воображенію. Отсюда ведутъ начало у древнихъ еще народовъ преданія о божественномъ происхожденіи знати. Позднѣе сложилось представленіе о томъ, будто въ Европѣ всюду высшія и низшія сословія—дворянство и крестьянство — явились результатомъ завоеваній и первоначально обусловливались насиліями и племеннымъ различіемъ.

Въ новѣйшее время подъ вліяніемъ развитія исторической и научной критики мыслители, экономисты и соціологи пытались этотъ предметъ освѣтить научно. Такъ въ образованіи сословій Гумпловичъ усматриваетъ результатъ расовой борьбы, а эволюціонисты—продуктъ борьбы за соперничество и вытекающій отсюда естественный подборъ; Дюркгеймъ и Гуревичъ приписываютъ образованіе сословій раздѣленію общественнаго труда, а Шмоллеръ привходящій для этого моментъ находитъ въ біологической наслѣдственности; Бюхнеръ, наконецъ, ищетъ обосновать различіе сословій размѣромъ и объемомъ правъ на владѣніе земельными угодіями.

Несомнѣнно, въ разныхъ странахъ и при разныхъ условіяхъ гражданственности получалъ преобладаніе одинъ, либо другой изъ перечисленныхъ выше факторовъ, вліяя на выдѣленіе изъ общественной массы ея «сливокъ». Вслѣдъ же за образованіемъ сословій, несомнѣнно, должно было наступить различіе въ правахъ владѣнія недвижимостью, а это начало, въ свою очередь, должно было вызвать раздѣленіе труда въ области общественной въ такомъ смыслѣ, что воинъ и человѣкъ служилый становился имущественно состоятельнымъ, а бѣднякъ превращался въ мужика и раба. Въ ближайшее къ намъ время съ развитіемъ культурности и упадкомъ рѣзко ограниченныхъ сословій сказался новый переворотъ, и общество начинаетъ распредѣляться не на сословія, но на классы въ зависимости отъ имущественной состоятельности (стр. 4—6).

Въ Англіи, Италіи, Испаніи и Остзейскихъ провинціяхъ дворянство образовалось преимущественно изъ потомковъ завоевателей чужестраннаго корня, и дворянскія преимущества и привилегіи

явились какъ бы данью, доставшеюся завоевателямъ въ отличіе отъ кореннаго населенія. Въ Швеціи же наоборотъ дворянство является дѣтищемъ своего народа, восходящимъ къ эпохѣ языческой еще старины. Поселяне, сумѣвшіе сосредоточить въ своихъ рукахъ болѣе значительныя земельныя угодья, естественно и постепенно образовали изъ себя аристократію. Въ Швеціи, а особенно въ Норвегіи далеко не въ рѣдкость и теперь еще заурядные мужичьи роды, возводящіе безъ перерывовъ свою генеалогію вплоть до XII столѣтія. Воинская доблесть, отправленіе ратной конной службы и несеніе отвѣтственной общественной службы постепенно обусловили подборъ наиболѣе даровитыхъ особей («the fittest») въ особое сословіе (стр. 13, 24).

Наиболѣе рѣшающимъ моментомъ для обособленія оказалась эпоха фолькунгера Магнуса Биргерсона (1275 — 1290), когда состоялся законъ, что всякій поселянинъ, который выставитъ для государственныхъ цѣлей вооруженнаго ратника на конѣ, чрезъ это самое освобождаетъ свое земельное имущество отъ несенія иныхъ повинностей и податей.

Этотъ иммунитетъ способствовалъ накопленію въ средѣ зажиточныхъ поселянъ матеріальныхъ богатствъ, а усвоеніе за каждымъ отдѣльнымъ родомъ постояннаго фамильнаго прозвища и, какъ знака принадлежности къ роду (въ средневѣковую еще эпоху), фамильнаго герба отдѣлили толстосумовъ-дворянъ (Grossbauer) отъ заурядпаго мужичья (стр. 38). Въ XVI же вѣкѣ въ зависимости отъ размѣра владѣнія поземельнымъ имуществомъ шведская «знать» разбилась на роды графскіе, баронскіе и заурядно-дворянскіе (стр. 41)—новшество, вѣроятно, занесенное изъ Германіи. Аристократію мѣстнаго происхожденія составили до 1726 родовъ шведскаго корня и 203—шведско-финскаго; постепенно они въ Швеціи получили преобладающее значеніе, и всѣ сколько нибудь значительныя должности и большая часть поземельныхъ владѣній сосредоточились въ ихъ рукахъ.

Усиленіе помѣстной аристократіи вызвало въ XVII вѣкѣ королей на борьбу со знатью, съ помощью городского сословія и захудалаго заурядпаго дворянства. Благодаря «редукціи» поземельной собственности, высшее дворянство въ царствованіе Карла XI утратило большую половину владѣній. Въ то же время для подавленія вліятельности аристократіи шведскіе короли, особенно съ царствованія Густава II Адольфа, открыли доступъ въ привилегированное сословіе «новымъ людямъ» чрезъ пожалованіе имъ правъ дворянства; такимъ образомъ, къ составу послѣдняго, между прочимъ, присоединено было до 468 родовъ чужеземнаго происхожденія, большая часть ихъ первоначально принадлежала къ сословію горожанъ.

Выражая возведеніемъ въ дворянство благодарность за услуги и понесенные труды, правительство руководствовалось принципомъ,

ясно выраженнымъ Акселемъ Оксенштьерна: «Возведеніе въ дворянство для королей болѣе выгодно, чѣмъ дарованіе служилому люду денегъ и земель, да и къ славѣ самой страны послужитъ усиленіе этимъ путемъ дворянства» (стр. 25).

На самомъ дѣлѣ XVIII вѣкъ сдѣлался свидѣтелемъ дворянскаго «оскудѣнія»: благодаря редукціи владѣній, отпискѣ ихъ въ казну, исконная шведская знать обѣднѣла и принуждена была искать дополнительныхъ способовъ къ существованію въ поступленіи на казенную службу, а новое служилое дворянство и основаній не видѣло тяготѣть къ аристократическимъ традиціямъ.

Государственныя реформы 1809 года сдѣлали шведское дворянство замкнутымъ сословіемъ, и въ XIX вѣкѣ введеніе въ его ряды новыхъ элементовъ допускалось, лишь какъ рѣдкое исключеніе за особенно выдающіяся заслуги (такъ этого отличія удостоился въ концѣ 90-хъ годовъ Свенъ Techинъ, знаменитый путешественникъ по Азіи); съ утратою же въ 1865 году правъ представительства на сеймѣ, какъ особаго сословія, владѣвшаго $^{1}/_{4}$ голосовъ, шведское дворянство нынѣ окончательно утратило прежнія преимущества и привилегіи и фактически все тѣснѣе сливается въ общую массу съ высшими культурными классами населенія внѣ зависимости отъ происхожденія.

Очертивъ историческія судьбы шведскаго дворянства и указавъ на то, что общественная роль дворянства, какъ представителя опредѣленныхъ сословныхъ интересовъ, сыграна и исчерпана въ виду новыхъ началъ, внесенныхъ современною политическою жизнью въ народное представительство Швеціи, Фальбекъ переходитъ къ разсмотрѣнію иныхъ вопросовъ на основаніи статистическаго матеріала, въ Швеціи особенно полнаго, такъ какъ офиціальная статистика тамъ издавна пріобрѣла широкое распространеніе и по достоинству пользуется заслуженною извѣстностью. Фальбекъ задается вопросомъ, насколько шведское дворянство жизнеспособно и долговѣчно, какъ общественный классъ, и приходитъ къ отрицательному на этотъ счетъ выводу.

Въ дворянскіе списки шведскаго «Рыцарскаго дома», существующаго съ 1626 года, занесены 142 графскихъ рода, 406 баронскихъ и 2.342 рядовыхъ дворянскихъ; въ 1895 же году налицо въ Швеціи оказывалось 60 графскихъ родовъ, 140 баронскихъ и 517 рядовыхъ дворянскихъ. Такимъ образомъ менѣе чѣмъ въ три столѣтія въ средѣ мѣстнаго дворянства угасло 82 графскихъ рода, 247 баронскихъ и 1.957 рядовыхъ дворянскихъ (стр. 48, 51).

То же явленіе наблюдается въ Финляндіи: съ 1818 года со списковъ мѣстнаго дворянства, насчитывавшаго 344 рода, къ 1896 году сошло 96 родовъ.

Это угасаніе родовъ составляетъ, если можно такъ выразиться, постоянное и давнишнее явленіе, которое почему-то мало замѣчается.

Въ древности, пока извѣстные роды представляли примѣтную для всѣхъ соціальную ячейку, судьбы ихъ живо интересовали всѣхъ согражданъ: вымираніе Пелопидовъ въ Греціи или Инглингеровъ и Гьюкунгеровъ въ германскомъ мірѣ нашло себѣ вѣковѣчный откликъ въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ.

Это же вымираніе знатныхъ родовъ проходитъ чрезъ исторію Спарты, Аѳинъ и Рима. Патриціанскіе роды, которыхъ въ Римѣ первоначально насчитывалось до 300, уже къ эпохѣ Цезаря порѣдѣли, и, по исчисленію Моммсена, представляли всего 14 родовъ въ 30 отрасляхъ. Въ Англіи, за время съ 1611 по 1819 годъ, вымерло не менѣе 753 баронетскихъ фамилій. Въ Германіи и Австріи среди графскихъ фамилій угасло до 400 родовъ, въ томъ числѣ въ XVIII вѣкѣ 209, а въ XIX вѣкѣ свыше 110.

То же наблюдается въ средѣ городскихъ, имущественно благопріятно обставленныхъ сословій. Въ германскихъ ганзейскихъ городахъ и Венеціи, гдѣ нѣкогда процвѣтала многочисленная аристократія мѣстныхъ купцовъ—патриціевъ, самыя фамиліи ихъ исчезли изъ людской памяти. Въ Бернскомъ кантонѣ изъ 487 родовъ, занесенныхъ въ списки гражданъ съ 1583 по 1654 годъ, къ 1783 году удержалось всего 108. Въ одномъ Стокгольмѣ, съ 1600 по 1800 годъ, угасло до 249 бюргерскихъ родовъ, а шведскія торговыя фирмы, которыя бы свыше сотни лѣтъ переходили преемственно въ нисходящей линіи отъ отца къ сыну, лишь по исключенію встрѣчаются въ маленькихъ городкахъ.

То же явленіе наконецъ наблюдается и въ частномъ быту выдающихся мыслителей, поэтовъ и государственныхъ дѣятелей—нисходящія поколѣнія ихъ быстро вымираютъ.

Всѣ эти факты невольно наводятъ на вопросъ, не подлежатъ ли исторически извѣстные роды тому же закону преходимости, въ силу котораго любой организмъ растетъ, отцвѣтаетъ, старѣетъ и умираетъ. Что не всѣ роды обречены на эту судьбу, тому доказательствомъ является существованіе и процвѣтаніе любой народности, составляющей совокупность отдѣльныхъ родовъ—каждая изъ народностей была бы обречена на погибель, если бы постепенному угасанію подвергались всѣ входящіе въ составъ ея роды.

Фрэнсисъ Гальтонъ, Уатсонъ, Вестергаардъ и другіе математики утверждаютъ, будто въ то время, какъ большинство родовъ вымираетъ, меньшинство проявляетъ тѣмъ болѣе интенсивную живучесть и плодовитость. Положеніе это, по мнѣнію Фальбека, можетъ быть принято лишь съ значительными оговорками и въ отношеніи всей народной совокупности, и никакъ ужъ не въ отношеніи культурныхъ классовъ въ частности.

Сличая различные элементы движенія народонаселенія, поскольку они касаются шведскаго дворянства вымершаго и живущаго, и разсматривая данныя, опредѣляющія брачность, плодовитость, без-

дѣтность, полъ раждаемыхъ дѣтей и смертность, Фальбекъ приходитъ къ заключенію, что элементы, приведшіе угасшіе уже роды къ полному вымиранію, отражаются столь же неблагопріятно, но лишь болѣе медленно, и на удержавшихся покуда породахъ; упадокъ и полное вымираніе ихъ является лишь вопросомъ будущаго (стр. 137).

Ни время, ни мѣсто не позволяютъ намъ останавливаться на цифрахъ, подтверждающихъ и провѣряющихъ печальныя предсказанія, дѣлаемыя Фальбекомъ.

Многочисленныя, обнимающія значительный періодъ времени и контролирующія другъ друга данныя, неопровержимо показываютъ, что непосредственными причинами вымиранія дворянскихъ родовъ въ Швеціи являются безбрачіе, безплодіе, умираніе сыновей въ младенчествѣ и рожденіе дочерей при отсутствіи или рѣдкости нисходящихъ мужского пола.

Внѣшнія статистическія причины вымиранія обусловливаются болѣе глубоколежащею постоянною причиною, вызывающею это явленіе. Если въ болѣе раннія времена привилегированнаго благополучія наши предки легко сбивались на широкую жизнь, въ духѣ эпикуреизма и чувственнаго служенія страстямъ, и разстраивали излишествами не только собственное богатырское здоровье, но по наслѣдству передавали и нисходящимъ зародыши всякихъ недуговъ, то въ ближайшее къ намъ время всѣмъ представителямъ культурныхъ интересовъ вообще приходится считаться съ болѣе еще опаснымъ—чѣмъ собственная разнузданность—врагомъ, который незамѣтно и роковымъ образомъ захватываетъ насъ въ свою власть, хотимъ ли мы того, или нѣтъ.

Очертивъ воззрѣнія современныхъ психіатровъ на дегенерацію, Фальбекъ находитъ, что масса представителей культурныхъ классовъ столь же далека отъ «сверхчеловѣка» генія и отъ выродка, склоняемаго атавизмомъ къ преступности, какъ отъ физіологически и психически уравновѣшеннаго средняго человѣка—послѣднее понятіе такая же идеальная отвлеченность, какъ «средній человѣкъ» соціальной физики Кетлэ (стр. 159).

Но если физическое вырожденіе выражается въ наслѣдственныхъ невропатическихъ состояніяхъ, болѣе или менѣе граничащихъ съ безуміемъ, а вырожденіе нравственное сказывается въ алкоголизмѣ и отрицаніи всякой надъ собой нравственной узды и категорическихъ императивовъ, то есть еще и третья, болѣе безобидная и распространенная форма вырожденія. Сказывается она въ упадкѣ воспроизводящей силы, безплодіи, малой плодовитости, хилости и недолговѣчности нисходящихъ и въ преобладаніи среди послѣднихъ женскаго элемента надъ мужскимъ. Наличность этихъ именно признаковъ подтверждаютъ статистическія данныя, касающіяся шведскаго дворянства (стр. 160, 161).

Такъ какъ представители культурныхъ классовъ заключаютъ браки почти исключительно въ своей средѣ, то слабость, неуравновѣшенность и надорванность, присущія обоимъ брачащимся болѣе или менѣе одинаково, сказываются на нисходящихъ съ каждымъ поколѣніемъ все сильнѣе.

Эта дегенеративная слабость, неуравновѣшенность и надорванность роковымъ образомъ сказываются болѣе или менѣе у всѣхъ представителей культурныхъ классовъ вслѣдствіе ускореннаго хода нервной жизни, усиленной мозговой дѣятельности и утонченности современныхъ вкусовъ и обычаевъ. Такіе авторитеты, какъ Якоби и Садлеръ, Спенсеръ и Маудсли, всѣ болѣе или менѣе соглашаются, что чрезмѣрное развитіе нервной жизни и напряженной мозговой дѣятельности не столько отражаются на особяхъ, непосредственно въ нихъ повинныхъ, сколько на ихъ потомствѣ. Высшее умственное развитіе обусловливаетъ преобладаніе умственнаго труда и напряженную мозговую дѣятельность, а утонченность вкусовъ и привычекъ повышаетъ чуткость и воспріимчивость въ сферѣ нервной жизни. Усиленная мозговая и нервная дѣятельность требуютъ чрезмѣрной работы отъ соотвѣтственныхъ органовъ, а это неминуемо сопровождается если не атрофіею, то упадкомъ остальныхъ жизненныхъ функцій.

Человѣкъ безсиленъ достигнуть всего въ одинаковой мѣрѣ, и если наши современники со стороны умственной сдѣлали могущественныя пріобрѣтенія, то въ отношеніи физической жизнеспособности они оказываются несостоятельными: сѣверная легенда, разсказывающая, какъ богатырь Одинъ вырвалъ себѣ глазъ, чтобы обрѣсти высшую мудрость, повторяется на представителяхъ современной культурности: за возросшее до чрезмѣрности умственное развитіе и утонченность своего быта мы обречены расплачиваться не собственнымъ глазомъ и жизнію, но вымираніемъ нашихъ нисходящихъ вслѣдствіе вырожденія (стр. 167—168).

Въ своихъ опасеніяхъ Фальбекъ, пожалуй, хватаетъ черезъ край и проявляетъ излишнюю мнительность, но во всякомъ случаѣ его разсужденія знаменательны—трезвые доводы науки тутъ, какъ и вѣщіе глаголы поэтовъ и общественныхъ проповѣдниковъ, дружно взываютъ къ культурнымъ элементамъ человѣчества и предостерегаютъ ихъ отъ лихорадочнаго и не знающаго передышки существованія, которое слишкомъ отдаляется отъ велѣній природы и строится гораздо болѣе на искусственныхъ требованіяхъ ума и чувства, чѣмъ по непреложнымъ завѣтамъ правды.

Впрочемъ, для общей экономіи духовнаго процвѣтанія всей совокупности каждаго народа вымираніе нисходящихъ у выдающихся по уму и родовитости особей существеннаго значенія не имѣетъ. Пусть сегодня вымираютъ дѣти Шиллера и Гете, но завтра изъ нѣдръ

народной массы, сильной своею связью съ землею и природою, нарождаются Розенеггеры, и ни единый народъ, ни единая страна не оскудѣваетъ праведниками и солью земли.

Отъ сочиненій, затрогивающихъ темы общаго характера, мы теперь перейдемъ къ брошюрѣ, озаглавленной: «Tagebuech Joseph Steinmüllers über seine Theilnahme am russischen Feldzuge 1812», herausgeg. v. K. Wild. Heibelberg. Winter's Verlag. 1904, in-8°.

Исторія Наполеона во всѣхъ подробностяхъ его походовъ, политики и самой личности изучена и выяснена въ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ и запискахъ современниковъ настолько, что являющіеся отъ времени до времени неизданные мемуары лишь повторяютъ, перифразируютъ и подтверждаютъ извѣстные уже факты. Тѣмъ менѣе новаго и необычайнаго могъ сообщить скромный рядовой участникъ въ походѣ на Россію 1812 г. Іосифъ Штейнмюллеръ; дослужившійся впослѣдствіи до поручичьяго чина, онъ несъ должность фельдфебеля во второмъ баталіонѣ баденскаго № 2 «Наслѣднаго Великаго Герцога» пѣхотнаго полка, когда въ 1811 году, вмѣстѣ съ полкомъ, насчитывавшимъ 1.725 человѣкъ (изъ Россіи же вернулось 100 человѣкъ), былъ отправленъ въ Данцигъ, для усиленія нѣмецкими войсками боевыхъ средствъ, которыми маршалъ Даву располагалъ для обороны крѣпостей Сѣвернаго и Восточнаго морей.

При образованіи въ 1812 году боевыхъ кадровъ арміи, шедшей въ Россію, 1 баталіонъ баденскаго пѣхотнаго полка былъ прикомандированъ къ императорской гвардіи и главной квартирѣ, а 2-й баталіонъ попалъ въ составъ IX корпуса подъ начальство маршала Виктора.

Перейдя 13 сентября чрезъ русскую границу, IX корпусъ лишь 11 октября добрался до Смоленска, и 24 октября до Витебска, позднѣе же былъ противопоставленъ арміи графа Витгенштейна, угрожавшей отступленію великой арміи изъ Москвы.

Штейнмюллеръ началъ вести замѣтки о походѣ въ записной книжкѣ еще въ Пиллау, но большая ихъ часть представляетъ скудный интересъ, такъ какъ записи сводятся къ краткимъ отмѣткамъ о передвиженіяхъ и численномъ составѣ французскихъ войскъ и подчасъ заключаютъ невѣрности; дѣлаемая же характеристика края и населенія не представляетъ ничего любопытнаго для русскаго читателя. Бо̀льшія подробности заключаетъ дневникъ о дняхъ, предшествовавшихъ Березинской переправѣ, и о послѣдовавшихъ затѣмъ скорбныхъ приключеніяхъ отступленія.

31 октября стоявшая до тѣхъ поръ ясная и теплая погода смѣнилась стужею, 3 ноября замерзли уже рѣки, и при острыхъ вѣтрахъ и обиліи выпавшаго снѣга къ 13 ноября температура по-

низилась до 22°. IX корпусъ, численный составъ котораго быстро растаялъ до 10 тысячъ человѣкъ, къ великому гнѣву Наполеона не смогъ преградить арміи Витгенштейна въ Кострицѣ ея дальнѣйшаго флангового движенія, и 25 ноября между Ратулишками и Ломницею маршалъ Викторъ соединился съ остатками великой арміи.

«... Въ какомъ печальномъ положеніи находилась эта пресловутая великая армія!—пишетъ Штейнмюллеръ.— Все бѣжало въ безпорядкѣ. Бравая воинская выправка была утрачена, солдаты не соблюдали никакой дисциплины. Лишь знамена и орлы имѣли еще малочисленную вооруженную охрану, всѣ же прочіе были безоружны и кутались въ тряпье и шубы». Русская армія была отвлечена передвиженіями и артиллерійскимъ огнемъ дивизіи Партонно и предположила переправу французскихъ войскъ у Борисова или Ухолоды, а тѣмъ временемъ съ 26 ноября французы начали перебираться черезъ Березину [1]). Переправа, начавшаяся съ войскъ маршала Удино, совершалась медленно, мосты постоянно приходилось чинить. «Какую ужасную картину представляла эта толпа несчастныхъ, закутанныхъ въ прожженныя овчины и рвавшихся къ завѣтному берегу!—отмѣчаетъ Штейнмюллеръ.—Нѣмцы, поляки, итальянцы, испанцы, португальцы, кроаты и французы были смѣшаны вмѣстѣ, орали и перекликались, кляли, каждый на своемъ языкѣ, судьбу и жаловались на постигшія ихъ бѣды; офицеры и генералы, подавленные и закутанные въ грязные лохмотья и шубы, дополняли эту смутную картину. Хотя и имѣлись два моста—одинъ для обозовъ, а другой для пѣхоты, натискъ къ переправѣ былъ страшный; доступъ къ мостамъ былъ положительно опасенъ, такъ какъ въ людской массѣ почти нельзя было двигаться. Большей части пѣхоты, однако же, удалось перебраться на другой берегъ. 27 ноября около 4-хъ часовъ пополудни мостъ, предназначенный для переправы обозовъ, сломался въ третій уже разъ, и тутъ артиллерія бросилась къ другому мосту, чтобы насильно добиться переправы».

28 ноября IX корпусу и дивизіямъ Генделя и Жирара съ величайшимъ трудомъ удалось отстоять отъ нападенія Витгенштейна переправу, которая завершилась въ чудовищнѣйшемъ безпорядкѣ. «Все бросилось къ мостамъ — артиллерія, обозъ, кавалерія и пѣхота. Каждый хотѣлъ поскорѣе попасть на другой берегъ, сильный отбрасывалъ мѣшавшаго ему слабаго въ воду, падавшіе больные и раненые топтались ногами, сотни людей давились колесами

[1]) Рѣка у Студенки, не считая прилегающихъ болотинъ, имѣла ширину около 100 метровъ. Спѣшно сооруженные два моста находились на разстояніи 200 метровъ одинъ отъ другого и покоились на 23 быкахъ каждый; верхній мостъ предназначался для пѣхоты, а нижній для артиллеріи и обоза. Мосты, настилкою для которыхъ послужили тонкія доски, были крайне непрочны и подъ тяжестью войскъ выгибались до уровня воды. Примѣчанія Вильда на стр. 31 и 33.

орудій, а иные пытались спастись вплавь, но тутъ же въ рѣкѣ и замерзали» (стр. 37). При дальнѣйшемъ отступленіи, IX и II корпуса оказались въ арьергардѣ, не превышавшемъ 3.000 человѣкъ, которые и поступили подъ начальство маршала Нея. Скудно питаясь замерзшими сухарями, страдая отъ стужи, жалкая толпа, мало похожая на войско, брела шагъ за шагомъ по направленію къ Вильнѣ. «Всѣ села, мимо которыхъ мы слѣдовали, пылали въ огнѣ, по дорогѣ на каждомъ шагу попадались замерзшіе трупы солдатъ и офицеровъ, иные замерзли, опираясь о стволы сосенъ съ заиндивѣвшими бородами и волосами. Попадались намъ несчастные съ лицами, закопченными дымомъ и измазанными кровью сырой конины, которая жадно пожиралась; словно тѣни, бродили иные вокругъ пылающихъ избъ, пристально вглядывались въ трупы товарищей, а тамъ падали сами и умирали. Каждый бивакъ рисовалъ картины покинутаго боевого поля, настолько велико было вездѣ количество труповъ. Не успѣвалъ утомленный невзгодами похода солдатъ свалиться наземь, какъ ближайшій сосѣдъ уже поспѣшалъ его раздѣть, хотя бы еще живого, чтобы прикрыться его одеждою. Каждый день дѣлалъ насъ свидѣтелями печальнѣйшихъ сценъ. Дороги были покрыты солдатами, и лица человѣческаго не имѣвшими, — одни оглохли, другіе лишились языка, третьи находились въ состояніи отупѣлаго безумія, жарили и поѣдали трупы товарищей; иные наконецъ—какъ это ни невѣроятно, но истинно—сами себѣ обгладывали руки. Дивизія Луазона и неаполитанцы (2 кавалерійскихъ полка), которые шли къ намъ навстрѣчу изъ Вильны и принуждены были бивакировать подъ открытымъ небомъ при 27-ми-градусной стужѣ, почти всѣ позамерзли» (стр. 47—48).

За время этого перехода остатки IX корпуса, сначала державшіеся вмѣстѣ, окончательно разбились на кучки, но и тутъ уваженіе къ военной идеѣ оказалось еще живуче,—знамена снимались съ древковъ и обматывались вокругъ тѣла наиболѣе здоровыми изъ унтеръ-офицеровъ.

Передохнувъ въ Вильнѣ 9 декабря, Штейнмюллеръ съ товарищами по бѣдствіямъ пустился дальше; около возвышенности Понари они набрели на покинутые на подъемѣ въ гору экипажи Наполеона, кассу арміи и цѣлый обозъ, заключавшій въ себѣ трофеи, награбленные въ Москвѣ, и въ ихъ числѣ русскія знамена и крестъ, снятый съ вершины колокольни Ивана Великаго. Всѣ набросились на добычу: кассы, гдѣ оказалось еще 5 милліоновъ франковъ (а по утвержденію Шамбре до 10 милліоновъ), были разбиты, деньги вынуты и подѣлены собравшеюся толпою; далѣе солдаты отправились, покидавъ оружье, но нагрузившись, сколько каждый могъ, драгоцѣнностями и деньгами (стр. 51). Совершенно деморализированныя и въ забвеніи всякой воинской организаціи, платя за рюмку водки 2—3 талера, а за краюху хлѣба 1—2 лун-

дора, отдѣльныя кучки, принадлежавшія нѣкогда къ арьергарду французской арміи, выбирались за предѣлы Россіи, кто чрезъ Гумбиненъ, кто на Тильзитъ, а кто чрезъ великое герцогство Варшавское. Такимъ образомъ маршалъ Ней, осенью 1812 г. вступившій въ предѣлы Россіи во главѣ 30 тысячъ войскъ, чрезъ Нѣманъ обратно перебрался только съ адъютантомъ (стр. 53). По другимъ разсказамъ, маршалъ передъ переправою сумѣлъ собрать вооруженный отрядъ въ 200 человѣкъ; разсказъ же Дюма если не правдивъ, то картиненъ.

«Въ Вильковишкахъ,—пишетъ онъ,—ко мнѣ неожиданно подошелъ какой-то незнакомецъ въ длинномъ коричневомъ сюртукѣ, съ отросшею бородою и сильно воспаленными глазами.—«Вы меня не узнаете?»—молвилъ онъ.—«Нѣтъ, кто вы такой?»—«Я арьергардъ великой арміи, маршалъ Ней!» (Souvenirs du lieutenant général Dumas. Vol. III, p. 184).

Перипетіи дальнѣйшихъ 28-ми-мѣсячныхъ странствій Штейнмюллера по Германіи, пока онъ не добрался до родины, хотя и интересны въ бытовомъ отношеніи, историческаго интереса не представляютъ.

Въ заключеніе, чтобы не выносить этого сочиненія въ отдѣльную рубрику, мы хотимъ поговорить о книгѣ, навѣянной материнскою любовью княгинѣ М. С. Урусовой и знакомящей съ біографическими свѣдѣніями о талантливой личности безвременно угасшей музыкантши княжны М. Урусовой; письма ея, обличающія незаурядный эпистолярный талантъ, по своей глубинѣ, вдумчивости и искренности невольно заставляютъ читателя вспомнить о столь же талантливой и такъ же рано сошедшей въ могилу Башкирцевой.

P-se M. Ouroussow. Histoire d'une âme—Mary.—Souvenirs recueillis par sa mère. Paris. Ed. Fischbacher. 1904, in-18°.

Дочь тульскаго вице-губернатора князя Урусова и М. С. Мальцевой, княжна Марія родилась 13—25 марта 1867 г., а умерла въ началѣ февраля 1895 г. Почти всю недолгую свою жизнь княжна провела съ матерью и сестрою за границею, проживая въ Берхтесчаденѣ, Парижѣ и Италіи и наѣзжая въ Россію лишь по временамъ для свиданій съ отцомъ и дѣдомъ; только послѣдніе годы передъ смертью зимніе сезоны провела она въ Петербургѣ, вращаясь въ избранныхъ аристократическихъ кружкахъ и музыкальномъ мірѣ столицы, къ которому ее влекла ея талантливость.

Нѣсколько мрачныя тѣни на юность княжны положили два обстоятельства. Отецъ ея, близкій другъ графа Л. Н. Толстого, страстный поклонникъ его религіозно-философскихъ воззрѣній и переводчикъ его трактата о религіи (Ma religion) (стр. 29), въ послѣдніе года жизни (умеръ онъ 5 октября 1885 г.) дошелъ до по-

чти болѣзненной экзальтаціи (стр. 44) и со страстностью, доводившею его до изнеможенія, старался обратить дочь къ своимъ вѣрованіямъ; если это князю и не удалось, то, во всякомъ случаѣ, по нѣкоторымъ отрывкамъ можно заключить, что княжна и живо интересовалась, и много думала надъ религіозно-нравственными предметами (см. стр. 230, 253, 266—267, 280—288 и т. д.).

Другимъ неблагопріятнымъ факторомъ въ жизни княжны оказалось разореніе ея дѣда, тяжело отразившееся и на матеріальномъ благосостояніи Урусовыхъ. Генералъ Сергѣй Ивановичъ Мальцевъ, заводы котораго занимали огромныя пространства земель въ Калужской, Орловской и Смоленской губерніяхъ, съ 30-хъ годовъ явился піонеромъ металлургической промышленности и первый въ Россіи началъ выдѣлывать рельсы, паровыя машины, пароходы, паровозы и вагоны. Въ своихъ имѣніяхъ онъ создалъ сложную систему вспомогательныхъ производствъ, позволявшихъ заводамъ удовлетворять собственными средствами потребности многочисленной арміи ихъ рабочихъ въ предметахъ первой необходимости. Въ то же время С. И. Мальцевъ самоотверженно заботился объ интересахъ меньшей братьи—бытъ его рабочихъ на заводахъ былъ обставленъ прекрасно, расцѣнка рабочей платы дѣлалась щедро, а для болѣе тяжелыхъ работъ имъ издавна былъ введенъ 8-мичасовой трудъ. Также широко были обставлены С. И. Мальцевымъ на его заводахъ школьное, больничное и благотворительное дѣло. Сумма заводскаго производства въ началѣ 80-хъ годовъ была доведена до 8 милліоновъ рублей въ годъ, но, благодаря задолженности, дѣло рухнуло, Мальцевское товарищество очутилось сначала въ казенномъ, а затѣмъ въ конкурсномъ управленіи, и старикъ Мальцевъ, извѣрившись въ людей, развилъ въ себѣ болѣзненную недовѣрчивость и подозрительность даже къ близкимъ, что̀ неоднократно вызывало жалобы и причиняло горе его дочери и внучкѣ (стр. 201).

Обладая удивительными музыкальными инстинктомъ и памятью, княжна еще ранѣе, чѣмъ постигла грамоту, научилась играть на фортепьяно, а съ 1875 г., когда Урусовы на пятнадцать лѣтъ основались въ Парижѣ, стала уже серьезно заниматься музыкою подъ руководствомъ Кеттена и г-жи Чарвади; научныя занятія шли своею чередою и велись настолько серьезно, что княжна, между прочимъ, въ Сорбоннѣ слушала курсъ педагогіи у Маріона и зоологіи въ музеѣ Jardin des plantes у Бланшара (стр. 149). На ряду съ этимъ Урусовы поддерживали тѣсныя сношенія въ самыхъ разнородныхъ сферахъ—во Флоренціи онѣ сблизились съ великою княгинею Маріею Николаевною и графомъ Григоріемъ Строгановымъ (стр. 11); въ Парижѣ онѣ поддерживали тѣсныя отношенія съ В. Гюго и И. С. Тургеневымъ (стр, 19), съ скульпторомъ Антокольскимъ (стр. 68), семьею Мункачи (стр. 52), съ художниками Леманомъ и Прянишниковымъ (стр. 153), съ княгинею Горчаковою, Скобелевою, кня-

земъ Орловымъ, кн. Гогенлоэ и т. д. Главные интересы княжны сосредоточивались около музыки: достигнувъ виртуознаго совершенства, какъ пьянистка, вызывавшая горячія похвалы А. Г. Рубинштейна и Листа, княжна Урусова въ 1889 и 1900 гг. выступала въ Парижѣ, какъ исполнительница, на благотворительныхъ и публичныхъ концертахъ.

Особенная близость къ А. Г. Рубинштейну (которому въ книгѣ посвящено немало восторженныхъ страницъ—см. стр. 50—52, 223—228, 231—234, 273—274) и родственныя отношенія къ братьямъ побудили княгиню съ дочерью, начиная съ 1891 г., зимы проводить въ Петербургѣ.

Хотя по началу княжна и жалуется на Петербургъ («a horrid winter, balls, dreadfull climate, but many good and kind friends», стр. 202), но музыкальные интересы сблизили ее съ великою княгинею Екатериною Михайловною и герцогомъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ (стр. 223, 290). Княжна играла не только въ великосвѣтскихъ салонахъ и при высочайшемъ дворѣ (стр. 238), но охотно и неоднократно концертировала съ Ауэромъ и Вержбиловичемъ (стр. 220, 221, 289) на квартетныхъ собраніяхъ и въ консерваторіи, занималась съ фонъ-Аркомъ (стр. 254, 276) и въ значительной степени способствовала музыкальному образованію скрипача Печникова (стр. 257—260, 262, 276, 289), при чемъ послѣднею предсмертною ея заботою было, при участіи ея дяди Мальцева, графа Ал. Д. Шереметева и С. П. фонъ-Дервиза, пріобрѣсти для Печникова драгоцѣнную скрипку Лаубе (стр. 291).

При преобладаніи въ жизни княжны музыкальныхъ интересовъ и самыя воспоминанія княгини вертятся преимущественно въ этой области, но на ряду съ ними попадаются страницы, отражающія болѣе широкіе интересы, напримѣръ, описаніе впечатлѣній, произведенныхъ на петербургское общество кончиною царя-миротворца, и воспоминанія о Тургеневѣ и Толстомъ, проч.

Особенно любопытна характеристика личности графа Л. Н. Толстого.

«Отъѣзжая изъ Дятькова въ Петербургъ, мы съ мужемъ завернули къ графу Толстому... Это было какъ разъ въ ту пору, когда графъ, признанный всѣмъ міромъ за наиболѣе крупнаго писателя эпохи, съ увлеченіемъ отдался религіозно-философскому ученію... Толстой съ безпримѣрною горячностью пытался проводить въ жизнь свое новое ученіе, которое впослѣдствіи подвергалось значительнымъ передѣлкамъ, но въ общемъ сохранило прежнее направленіе... Однимъ изъ догматовъ этого ученія являлось отрицаніе науки; поэтому, когда рѣчь заходила о широкомъ образованіи дѣтей, за что̀ стояла графиня, графъ выступалъ съ ожесточенною оппозиціею. Это вносило въ ихъ семью нѣкоторый разладъ и происходило еще въ 1882 году, задолго до появленія «Крейцеровой сона-

ты»... Хотя графъ протестовалъ и противъ мясного питанія и противъ домашней прислуги, столъ и домашній штатъ у Толстыхъ были, какъ вездѣ; старшая дочь собиралась выѣзжать въ свѣтъ, но самъ онъ уже облачился въ блузу... и занимался сельскимъ трудомъ» (стр. 23—24).

Въ 1885 году лѣтомъ княгиня опять гоститъ съ дочерью въ Ясной Полянѣ... «Эти нѣсколько дней, проведенныхъ у Толстого,— пишетъ княгиня М. С., насъ съ нимъ особенно тѣсно сблизили, и Мари теперь гораздо болѣе, нежели въ прежнее посѣщеніе (то-есть въ 1882 году), заинтересовалась крупною личностью графа, особенность котораго заключается въ томъ, что въ разныя эпохи онъ совершенно искренно убѣждался въ истинѣ противорѣчивѣйшихъ вещей и защищалъ ихъ со всею силою своего таланта. Несмотря на противорѣчія, сущность его натуры остается все тою же, и его геніальная наблюдательность сквозитъ во всемъ, что онъ ни пишетъ... Дни стояли жаркіе, мы ихъ проводили на балконѣ, по вечерамъ гуляли въ лѣсу, и бесѣды съ графомъ затягивались до глубокой ночи. Водилъ онъ насъ и въ свою мастерскую, такъ какъ въ ту пору со всѣмъ пыломъ проникся убѣжденіемъ, что всякій долженъ заниматься ручнымъ трудомъ... Онъ и въ Ясной Полянѣ, и въ Крыму работалъ, какъ простой рабочій...; въ Крыму даже поступилъ поденщикомъ на виноградникъ и получалъ по 1 рублю въ день; разсказывали тоже, что въ Москвѣ онъ пробовалъ заниматься вывозкою съ рѣки льда въ кабанахъ. Теперь же графъ сдѣлался сапожникомъ и носилъ самодѣльную обувь, но мнѣ думается, что онъ такъ одинъ и остался потребителемъ собственныхъ издѣлій... Несмотря на эти ребячества, Мари, хотя и юная, ни на минуту не усомнилась въ истинныхъ дарованіяхъ (valeur) этого человѣка, производящаго странное впечатлѣніе своею блузою и кудластою бородою. Въ то же время съ инстинктомъ художницы дочь моя оспаривала грозныя нападки, съ которыми Толстой обрушивался на музыку. Она мнѣ съ торжествомъ разсказывала, что когда начинала въ гостиной играть на рояли, Толстой потихоньку входилъ и съ величайшимъ вниманіемъ ее слушалъ, но потомъ почиталъ за непремѣнный долгъ выражать соболѣзнованія, зачѣмъ Мари любитъ то, чѣмъ и самъ-то онъ въ сущности восхищался» (стр. 41—42).

В. Ш.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Томъ пятый, части I и II. Комитетъ министровъ въ царствованіе императора Александра II. Сост. С. М. Середонинъ. Спб. 1903.

АКЪ и предшествовавшіе томы почтеннаго труда г. Середонина, историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ въ царствованіе императора Александра II обладаетъ тѣми же отмѣченными уже достоинствами. Уважаемый авторъ даетъ полную картину работы комитета въ различныхъ отрасляхъ государственной жизни Россіи, при чемъ въ силу положенія комитета, какъ одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ центральныхъ учрежденій, жизнь общественная въ извѣстной степени отразилась въ комитетскомъ дѣлопроизводствѣ.

Какъ извѣстно, въ эпоху царствованія царя-освободителя общество оказало особое воздѣйствіе на государство, и плодомъ этого воздѣйствія явился цѣлый рядъ реформъ, обезсмертившихъ имя императора Александра II.

Г. Середонинъ въ предыдущихъ томахъ своей работы отмѣтилъ тотъ фактъ, что личные взгляды отдѣльныхъ монарховъ различнымъ образомъ отражались на формахъ, характерѣ и объемѣ дѣятельности комитета министровъ. Вліянію этого общаго порядка подпалъ и комитетъ преобразовательной эпохи. Отношенія императора Александра Николаевича къ комитету были иныя, чѣмъ отношенія Николая I или Александра Благословеннаго. Въ первые годы существованія комитета Александръ Павловичъ принималъ непосредственное личное участіе въ комитетскихъ работахъ; когда обстоятельства и событія отдалили императора отъ внутренняго управленія Россіею, тогда его мѣсто въ комитетѣ послѣдовательно занимали графъ Н. И. Салтыковъ и гр. Аракчеевъ.

Въ послѣдующее царствованіе такое положеніе вещей было признано ненормальнымъ, и даже на очередь былъ поставленъ вопросъ о самомъ существованіи комитета, который по общему признанію нарушалъ равновѣсіе между высшими государственными учрежденіями. Комитетъ, однако, упраздненію не подвергся, но зато произошло нѣкоторое сокращеніе его дѣятельности. Было принято за правило, что все, требующее изданія новаго законоположенія, дополненія къ закону или новыхъ штатовъ, должно было поступать въ государственный совѣтъ, а оттуда на утвержденіе государя. Но и при такомъ порядкѣ комитетъ не лишился совершенно права разсмотрѣнія дѣлъ законодательнаго характера, такъ какъ практиковались различнаго рода изъятія и отступленія отъ вышеуказаннаго требованія, и министры весьма нерѣдко вносили въ комитетъ законодательные вопросы помимо государственнаго совѣта, испросивъ на то предварительно высочайшее соизволеніе.

При Николаѣ Павловичѣ въ комитетъ поступало очень много разнообразныхъ дѣлъ, и при этомъ изъ нихъ сколько нибудь выдающіяся въ большинствѣ случаевъ рѣшались самимъ государемъ. Какъ правильно замѣчаетъ г. Середонинъ, при такомъ условіи безъ преувеличенія можно сказать, что императоръ несъ на себѣ все бремя управленія Россіей, но, конечно, подобный порядокъ являлся ненормальнымъ, и естественно, что новый государь пожелалъ управлять имперіей при помощи тѣхъ учрежденій, которыя стояли около него.

Когда въ началѣ XIX столѣтія императоръ Александръ Николаевичъ выступалъ на путь внутреннихъ реформъ, комитетъ министровъ былъ не учрежденіемъ, а формой министерскаго совокупнаго доклада. Когда, спустя полвѣка, державный племянникъ Благословеннаго вступилъ на тотъ же путь преобразованій, онъ призналъ необходимымъ учредить при совѣтѣ министровъ нѣчто для той же цѣли. Поэтому между созданнымъ въ 1857 г. совѣтомъ министровъ и комитетомъ по составу и значенію можно установить столько сходныхъ чертъ, что эти два установленія можно признать почти тождественными. Отсюда далѣе приходится заключить, что комитетъ министровъ пятидесятыхъ годовъ далеко уклонился отъ своего первообраза. Компетенція совѣта должна была главнымъ образомъ заключаться въ разрѣшеніи такихъ дѣлъ, которыя требовали совмѣстнаго дѣйствія нѣсколькихъ вѣдомствъ, но выдѣлить такія дѣла изъ области вѣдѣнія комитета на практикѣ сразу было не такъ-то легко, потому что въ дѣйствительности рѣдкое дѣло не касается сразу нѣсколькихъ вѣдомствъ. Поэтому пришлось создавать кругъ вѣдомства совѣта, такъ сказать, случайно. Министры, усматривая необходимость въ разсмотрѣніи дѣла совѣтомъ, начали испрашивать на то высочайшія разрѣшенія, а затѣмъ постепенно выработались извѣстныя общія начала, оформленныя въ 1861 году.

Учрежденіе совѣта, конечно, отразилось на значеніи комитета: съ одной стороны, во-первыхъ, изъ вѣдомства комитета были изъяты нѣкоторыя дѣла, немногочисленныя, но весьма важныя по своему политическому значенію; во-вторыхъ, совѣтъ, состоящій изъ лицъ, которыя всѣ были членами комитета, въ глазахъ членовъ обоихъ учрежденій, безспорно занялъ первое мѣсто.

Однако, несмотря на послѣдовавшее болѣе точное отграниченіе компетенціи комитета отъ государственнаго совѣта и совѣта министровъ, комитету

пришлось выдержать два серьезныхъ натиска, направленныхъ къ тому, чтобы сдѣлать изъ комитета учрежденіе исполнительнаго характера въ полномъ смыслѣ этого слова. Прежде всего такой натискъ произвелъ главноуправляющій II отдѣленіемъ бар. Корфъ, который стремился провести точное различіе между указомъ и закономъ. Все касающееся законодательства Корфъ предлагалъ безъ всякихъ исключеній передать въ вѣдѣніе государственнаго совѣта, все дѣло успѣшнаго исполненія законовъ—комитету министровъ, и такимъ образомъ желалъ различить акты законодательные отъ актовъ исполнительныхъ. Мысль эту теоретически обработалъ Коркуновъ въ своемъ сочиненіи: «Указъ и законъ».

Второй натискъ былъ произведенъ министромъ юстиціи Замятнинымъ по поводу разграниченія административныхъ функцій сената и комитета; при этомъ на очередь едва не сталъ вопросъ объ уничтоженіи послѣдняго учрежденія.

За всѣмъ тѣмъ, однако, комитетъ все-таки сохранилъ свое значеніе, и архивъ его представляетъ громадную важность и за періодъ великихъ реформъ новапрошлаго царствованія. Значеніе это тѣмъ выше, что, несмотря на существованіе разграниченія компетенцій, комитету министровъ передавались очень часто дѣла, хотя и выходившія за предѣлы его вѣдомства, но направляемыя въ комитетъ высочайшею волею. Изъ такихъ дѣлъ нельзя не отмѣтить, между прочимъ, участіе комитета въ обсужденіи вопроса о положеніи сельскаго хозяйства послѣ реформы 19 февраля 1861 года. По этому поводу въ комитетѣ происходилъ горячій обмѣнъ мыслей на тему, которая волнуетъ русское общество и въ настоящее время, именно: какое значеніе имѣетъ община для крестьянскаго хозяйства. Въ общемъ порядкѣ комитетъ разсматривалъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ борьбѣ съ соціально-революціонной партіей, при чемъ старался, чтобы эти мѣропріятія, являвшіяся слѣдствіемъ временныхъ общественныхъ замѣшательствъ, не затрогивали коренныхъ началъ великихъ реформъ царя-освободителя, при чемъ при первомъ удобномъ случаѣ отмѣнилъ предложенное Валуевымъ и проведенное черезъ комитетъ стѣснительное постановленіе, которымъ опредѣленіе на мѣста служащихъ въ земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденіяхъ поставлялось въ зависимость отъ губернаторовъ. Входилъ комитетъ въ разсмотрѣніе вопросовъ о нарушеніи закономѣрности дѣйствій должностныхъ лицъ, но не всегда дѣла въ этомъ отношеніи рѣшались въ положительномъ смыслѣ. Случилось разъ такъ, что офицеръ, посланный съ сотней казаковъ для наблюденія за безпокойными крымскими татарами въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, вмѣсто всякаго наблюденія разграбилъ татарскіе пожитки, подвергъ самихъ татаръ истязаніямъ и семерыхъ засѣкъ на смерть. Министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ, что поступки Максимовича подлежатъ разсмотрѣнію военнаго вѣдомства, потому что онъ былъ посланъ военнымъ начальствомъ. Комитетъ рѣшилъ иначе: оставить это дѣло безъ послѣдствій, такъ какъ на Максимовича жалобъ не поступало, а съ другой стороны съ 1857 г., когда произошелъ описываемый случай, до времени разбирательства прошло пять лѣтъ, и потому нельзя собрать точныхъ данныхъ для правильнаго сужденія о дѣйствіяхъ обвиняемаго

Комитетъ по примѣру прошлыхъ лѣтъ проявилъ большое участіе въ обсужденіи вопросовъ, касающихся правъ и бытовыхъ условій различныхъ сословій имперіи. Между прочимъ, на его долю выпало разсмотрѣніе различныхъ случаевъ крестьянскихъ волненій, которыя съ особою силой сказались въ началѣ царствованія Александра Николаевича подъ вліяніемъ слуховъ о предстоявшемъ освобожденіи, отчасти же и въ силу непониманія условій самой реформы. Рѣшенія комитета по такимъ дѣламъ были самыя мягкія, при чемъ комитетъ не становился на сторону виновныхъ помѣщиковъ, что нерѣдко систематически дѣлали нѣкоторыя высшія правительственныя установленія въ прошлыя царствованія. При возбужденіи вопроса о допущеніи женщинъ на службу въ правительственныя учрежденія, комитетъ высказался въ пользу таковаго предположенія. Черезъ комитетъ прошло негласно первое ограниченіе совмѣстительства службы на высшихъ административныхъ постахъ и занятія въ акціонерныхъ компаніяхъ, именно: желѣзнодорожныхъ, гдѣ злоупотребленія со стороны чиновниковъ, заинтересованныхъ въ выгодахъ промышленныхъ предпріятій, могли быть и даже были особенно чувствительны.

Между прочимъ, любопытныя данныя приводитъ г. Середонинъ, основываясь на дѣлахъ комитета, относительно назначенія пенсій низшимъ и среднимъ чиновникамъ. Пенсіонные оклады очень низки и въ настоящее время, но пенсіонное прошлое нашего чиновничества даже смѣшно. Минскій губернаторъ, напримѣръ, хлопоталъ о назначеніи пенсіи одному чиновнику, прослужившему смотрителемъ Мозырской городской больницы 29 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Не дождавшись пенсіи, старый служака умеръ, и вдовѣ его съ двумя дѣтьми было назначено 71 р. 49 коп. въ годъ. Вдовѣ извѣстнаго профессора Грановскаго по уставу пришлось получить только 476 р. 53 коп., и лишь по особому предстательству министра народнаго просвѣщенія Норова комитетъ назначилъ, не въ примѣръ другимъ, 1.429 р. 60 к. Тѣ же дѣла комитета дали возможность г. Середонину отмѣтить нѣкоторыя весьма любопытныя общественныя явленія, зависящія отъ направленія внутренней политики. Такъ, допущеніе большей свободы печати вмѣстѣ съ общимъ подъемомъ духа общества въ царствованіе Александра Николаевича крайне благотворно сказалось на уровнѣ чиновническаго произвола и иныхъ служебныхъ правонарушеній. Опасеніе гласности содѣйствовало оздоровленію мѣстной администраціи, которая вызывала столько справедливыхъ нареканій въ прошлое царствованіе и вызывала глубокое негодованіе самого императора. По заключенію г. Середонина, должно констатировать тотъ фактъ, что число обвиненій чиновъ мѣстной администраціи въ незаконныхъ поступкахъ падало въ царствованіе освободителя съ каждымъ десятилѣтіемъ, падало и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Такъ за десятилѣтіе 1855—1864 гг. комитетъ постановилъ по такимъ поступкамъ 26 взысканій, за 1865—1874 гг.—17 взысканій, за 1875—1884 гг.—10.

Комитетъ вообще располагалъ извѣстною самостоятельностью сужденій, но, тѣмъ не менѣе, однако, императоръ Александръ Николаевичъ, не отказывался отъ права и въ исполнительныхъ дѣлахъ направлять дѣятельность коми-

тета. Такъ, когда при постройкѣ Волго-Донской желѣзной дороги, въ Саратовской губерніи произошли рабочіе безпорядки, вызванные злоупотребленіями подрядчика и мѣстной полиціи, комитетъ, затребовавъ свѣдѣнія отъ губернатора Игнатьева, въ виду удаленія губернатора, постановилъ прекратить дѣло, государь съ мнѣніемъ комитета не согласился. Игнатьевъ во время безпорядковъ бездѣйствовалъ, и когда послѣдовалъ запросъ, прислалъ дерзкое объясненіе, до того времени оставивъ безъ движенія двѣнадцать важныхъ дѣлъ, по которымъ министерство неоднократно требовало исполненія. На постановленіи комитета Александръ Николаевичъ положилъ слѣдующую резолюцію: «Нахожу заключеніе комитета неполнымъ и недостаточнымъ и требую, чтобы онъ высказалъ свое мнѣніе о неблаговидныхъ поступкахъ бывшаго губернатора Игнатьева, и какъ поступить».

Какъ и въ предыдущихъ томахъ, матеріалъ, собранный авторомъ «Обзора», подавляетъ своимъ богатствомъ, при чемъ тѣсная связь этого матеріала съ большинствомъ общественныхъ явленій XIX столѣтія дѣлаетъ г. Середонина историкомъ этого вѣка Россіи. В. Грибовскій.

Сборникъ Тверского общества любителей исторіи, археологіи и естествознанія. Выпускъ I. Подъ редакціею предсѣдателя общества В. И. Колосова въ соучастіи съ І. К. Линдеманомъ. Тверь. 1903.

Слѣдя за ученою и издательскою дѣятельностью нашихъ провинціальныхъ архивныхъ комиссій и обществъ, мы не разъ отмѣчали достоинства «Записокъ», «Извѣстій», «Трудовъ», «Сборниковъ» и тому подобныхъ повременныхъ изданій, созданныхъ провинціальными археологами и этнографами. Но никогда еще насъ не поражало такое обиліе интереснаго матеріала, какъ въ только-что вышедшемъ выпускѣ Тверского общества любителей исторіи, археологіи и естествознанія. Здѣсь не достаточно одной любви къ мѣстной старинѣ; необходима глубокая опытность и значительная подготовка тѣхъ лицъ, старанію которыхъ обязана появленіемъ въ свѣтъ эта книга. Популяризаторы умѣютъ излагать живо и литературно, археографы выбираютъ изъ актовъ только то, что дѣйствительно важно и драгоцѣнно, словомъ, при такихъ пріемахъ изданія «Сборнику» можно предсказать широкую извѣстность.

Перечисленіе всѣхъ статей заняло бы слишкомъ много мѣста. Укажемъ только на нѣкоторыя изъ нихъ. Сестра извѣстнаго поэта Б. Н. Алмазова, Елизавета Николаевна Бастамова, сообщила свои личныя воспоминанія о Гоголѣ, съ которымъ случайно познакомилась въ Москвѣ въ 1850 году. Гоголь произвелъ на нее впечатлѣніе больного человѣка. Небольшого роста, съ блѣдно-желтоватымъ, даже зеленоватымъ лицомъ, онъ поражалъ всѣхъ своими странными рѣчами:

— Университеты не нужны и вредны для русскаго человѣка... Русскому человѣку нужна только грамота... Намъ нужно учиться у дьячковъ...

По словамъ автора воспоминаній, Николай Васильевичъ пріѣзжалъ къ ея родственницѣ, Шереметьевой. «Познакомилась же Шереметьева съ Гоголемъ очень оригинальнымъ образомъ, —разсказываетъ она.—Была она разъ на парадномъ обѣдѣ, на которомъ присутствовалъ и Гоголь. Старушка Шереметьева была большая оригиналка. У нея были стриженые волосы, и ходила она въ чепцѣ. Послѣ обѣда она сняла свой чепецъ и повѣсила предъ собой на палку, бывшую у нея въ рукахъ. Увидѣвъ это, Гоголь разсмѣялся и попросилъ познакомить его съ нею. Гоголя представили. Онъ развалился, почти разлегся около нея на диванѣ.

— Батюшка, я вижу, что ты—большая знаменитость, но можешь вести себя все-таки поприличнѣе,—сказала она Гоголю.

Сначала Гоголя, какъ будто смутили слова эти, но затѣмъ онъ разговорился съ своеобычной старушкой, сталъ часто бывать у нея, завязалъ переписку. Въ 1851 году Гоголь пріѣзжалъ во Ржевъ, къ о. Матвѣю Константиновскому, и г-жа Бастамова передаетъ нѣсколько чрезвычайно интересныхъ подробностей объ о. Матвѣѣ, объ отношеніяхъ его къ старообрядцамъ и евреямъ. Между прочимъ, о. Матвѣй былъ замѣчательный проповѣдникъ и своими простыми рѣчами умѣлъ подѣйствовать на каждаго. «Однажды явился въ соборъ Толстой, много наслышанный объ о. Матвѣѣ,—вспоминаетъ г-жа Бастамова.—Въ церкви онъ стоялъ впереди всѣхъ. На этотъ разъ о. Матвѣй началъ свою проповѣдь такъ:

— Многіе приходятъ въ церковь съ разными намѣреніями: одни приходятъ помолиться, другіе показаться, а иные посмотрѣть и послушать, что скажетъ попъ.

«Говорилъ онъ все это, уставившись глазами на Толстого. Толстой очень смутился, и тотчасъ послѣ обѣдни сдѣлалъ ему визитъ. Съ этого времени началось между ними знакомство».

Первое мѣсто въ «Сборникѣ» занимаетъ отрывокъ изъ неизданной поэмы Н. Квашнина-Самарина, рисующей древнюю «святорусскую страну», поросшую частымъ лѣсомъ и замершую въ непробудномъ снѣ. Въ дѣвственномъ лѣсу, населенномъ звѣрями, птицами да гадами, жили три сестры и братъ-боецъ. Однажды они собрались въ путь.

И пришло имъ тутъ на разумъ
Всѣмъ потечь въ единый часъ
Четырьмя рѣками разомъ,
Мѣстомъ дружно подѣлясь.

Къ западу побѣжала свѣтлоструйная Двина, къ востоку—Волга, къ югу—Днѣпръ. Затѣмъ описывается охота племени чуди. Поэма написана звучнымъ стихомъ, и можно пожалѣть, что до сихъ поръ изданъ только небольшой отрывокъ.

В. Колосову принадлежитъ замѣтка о пожарѣ Твери въ 1769 году, когда это бѣдствіе было предсказано юродивымъ Макаріемъ Гончаровымъ. Вообще пророчества Макара сбывались. Однажды онъ сказалъ, между прочимъ, женѣ секретаря духовной консисторіи, глумившейся надъ нимъ:

— Какъ скоро ты домой придешь, то мужъ дастъ тебѣ таску съ поволочкой.

И никто не сомнѣвался, что секретарша получила должное возмездіе.

Слава о пророчествахъ юродиваго увеличивалась. «И сподобился онъ прозорливости и предвѣщалъ будущая, яко настоящая»,—читаемъ въ рукописномъ житіи Макарія. За три дня до большого пожара онъ говорилъ многимъ людямъ, торговавшимъ на рынкѣ:

— Спасайтеся—огонь да вода будетъ.

Дѣйствительно, и на этотъ разъ предсказаніе его сбылось. Авторъ статьи задаетъ по этому поводу слѣдующій казуистическій вопросъ: «Что такое представляютъ собою эти предсказанія? Предсказанія ли будущаго, или же просто знаніе того, что должно случиться при чьей либо помощи?»...

Тому же автору принадлежитъ живо написанная статья «1812-й годъ въ городѣ Твери» и дѣльная замѣтка о значеніи родовыхъ клеймъ, носящая, впрочемъ, довольно курьезное заглавіе, «Одинъ изъ пережитковъ первобытнаго славянскаго (!) письма», при чемъ авторъ думаетъ, что «черты и рѣзы», о которыхъ говоритъ болгарскій писатель X вѣка, черноризецъ Храбръ, на самомъ дѣлѣ и были особые знаки собственности. Очевидно, г. Колосовъ мало знакомъ съ новѣйшей литературой даннаго вопроса. В. Зенгбушъ напечаталъ рефератъ на тему «Что сдѣлала Екатерина II для Твери», Н. Трубниковъ помѣстилъ «Историческій очеркъ дорожнаго дѣла въ Тверской губерніи». Статья I. Линдемана: «Пребываніе царевича Алексѣя Петровича въ Желтиковомъ монастырѣ», носитъ полемическій характеръ. Авторъ не довѣряетъ извѣстіямъ большинства историковъ, будто царевичъ Алексѣй жилъ въ одной изъ келлій этого монастыря въ заточеніи, и доказываетъ, что сохранившіяся до нашего времени палаты при Алексѣевской церкви служили мѣстомъ временныхъ остановокъ несчастнаго Алексѣя при проѣздахъ его въ Москву и Петербургъ. Статья II. Виноградова: «О самоистребленіи въ русскомъ расколѣ», написана на основаніи открытаго Хр. М. Лопаревымъ «Отразительнаго писанія о новоизобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей», и, несмотря на компилятивный характеръ, даетъ кое-что новое. Изъ остальныхъ статей обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: «Проѣздъ князя А. Д. Меншикова чрезъ Тверь въ 1727 году» — I. Линдемана; «Открытіе крестьянскаго комитета въ Твери и рѣчь императора Александра II къ тверскому дворянству»—В. Колосова; «Тверскія монеты» — Ѳ. Колодѣя; «Къ статистикѣ старообрядцевъ и сектантовъ въ Тверской губерніи»—И. Виноградова; статьи о Пушкинѣ—Д. И. и Е. В. Крыловыхъ, В. И. Колосова; «О пребываніи Пушкина въ Тверской губерніи»—И. А. Иванова; «Нѣкоторыя данныя по географіи Смоленскаго и Тверского края въ XII вѣкѣ» — И. Красноперова; «Сказанія о Твери иностранцевъ» и рядъ интересныхъ этнографическихъ очерковъ (народныя суевѣрія, гаданія, пѣсни, опахиванье, поговорки и т. д.), принадлежащихъ разнымъ авторамъ. Повторяемъ еще разъ, «Сборникъ» дѣлаетъ честь тверскимъ ученымъ-любителямъ. А. Я.

О. П. Сениговъ. Памятники земской старины. Спб. 1903.

Собранные г. Сениговымъ «Памятники» относятся къ концу XVI и началу XVII вѣковъ и имѣютъ въ виду мѣстности по преимуществу бассейна рѣкъ Сѣверной Двины, Онеги, отчасти Печоры, Волги, Вытегры, Свири. Въ этой мѣстности значительно было развито самоуправленіе въ ту эпоху, когда въ остальной Россіи обнаруживалась неизмѣнная склонность замѣнять выборную администрацію коронною. Право самоуправленія въ свою очередь своеобразно отзывалось на различныхъ сторонахъ народной жизни, въ силу чего и самое изученіе памятниковъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ уѣздовъ Московскаго государства представляетъ собою особенный интересъ. Этотъ интересъ увеличивается еще болѣе въ виду того обстоятельства, что мѣстная жизнь, только отраженно испытавшая на себѣ ядъ монгольскаго ига и крѣпостного права, могла развиваться съ большей самобытностію, нежели въ другихъ областяхъ тогдашней Руси. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ указываетъ г. Сениговъ, сѣверные и сѣверо-восточные уѣзды Московскаго государства не испытали и всей тяжести бѣдствій эпохи смутнаго времени. Большая часть земель этихъ уѣздовъ находилась внѣ района помѣстной системы, по крайней мѣрѣ, въ началѣ XVII вѣка въ силу этой причины при самоуправленіи здѣсь сильно развилось крестьянское землевладѣніе внѣ зависимости отъ разорительной власти помѣщиковъ или вотчинниковъ.

Документы, изданные г. Сениговымъ, представляютъ собою копіи съ «приказныхъ дѣлъ старыхъ лѣтъ», хранящихся въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, и раздѣляются, главнымъ образомъ, на двѣ группы: 1) документы, явившіеся результатомъ дѣятельности мѣстнаго управленія, и 2) документы, обязанные своимъ происхожденіемъ дѣятельности органовъ центральнаго управленія. Текстъ памятниковъ сохраненъ со всѣми фонетическими особенностями сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ нарѣчій стариннаго русскаго языка. Документы снабжены описью и указателемъ личныхъ именъ, а также довольно пространнымъ введеніемъ. Со многими положеніями введенія, однако, трудно согласиться. Такъ, напримѣръ, г. Сениговъ полагаетъ, что идея земской реформы Ивана Грознаго была внушена дѣйствительностью, которую московскій царь могъ наблюдать въ сѣверо-восточномъ краѣ или узнать о земскихъ порядкахъ этой области отъ ея жителей. Между тѣмъ, органы выборные существовали въ древней Руси не только въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ краѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ, и притомъ ранѣе XVI вѣка, которымъ занимался г. Сениговъ. По крайней мѣрѣ, въ Судебникѣ 1497 года (ст. 38) на ряду съ правительственнымъ судомъ и администраціей упоминаются «старосты» и «лутчіе люди». Выборные участвовали въ мѣстномъ управленіи и по «Двинской грамотѣ 1397 года», т.-е. четырнадцатаго вѣка. Затѣмъ авторъ полемизируетъ съ Градовскимъ и говоритъ: «Въ виду многихъ данныхъ, заключающихся въ Памятникахъ земской старины, возможно утверждать, что въ то время, когда по мнѣнію Градовскаго, московскіе князья, а послѣ цари, подавили вездѣ вѣчевые порядки, во многихъ мѣстностяхъ (сѣверо-восточнаго края)... наблюдалось въ первой половинѣ XVII вѣка значительное развитіе земскаго самоупра-

вленія». Однако, такое противоположеніе дѣйствительно заключаетъ въ себѣ противоположность. Вѣче представляетъ собою органъ, такъ сказать, высшаго центральнаго государственнаго устройства; земское самоуправленіе — низшаго мѣстнаго. Присутствіе вѣча доказываетъ существованіе самостоятельной государственной единицы—непосредственной республики, выборные органы—подчиненную, но, такъ сказать, привилегированную область. Наконецъ, вѣче основано на непосредственномъ участіи всѣхъ полноправныхъ гражданъ въ извѣстныхъ государственныхъ дѣлахъ, право самоуправленія выставляетъ выборное начало представительства интересовъ и управленія по полномочію. При такомъ различіи вѣче, конечно, могло отсутствовать, а самоуправленіе—существовать и развиваться.

Въ подробностяхъ собранные г. Сениговымъ документы разнообразны по содержанію: тутъ имѣются судныя дѣла, дѣла по сбору государевыхъ доходовъ, объ утвержденіи земскихъ подьячихъ въ должности, о расхищеніи кабаковъ въ Устюжскомъ уѣздѣ, отвѣтныя царскія грамоты, челобитныя, списки съ отводныхъ памятей, списки съ оброчныхъ грамотъ и памятей, записки, отписки, списки съ купчихъ и закладныхъ, съ мѣновыхъ и поручныхъ записей и прочее. Большая часть этихъ документовъ представляетъ собою отдѣльныя части не дошедшихъ до насъ судныхъ дѣлъ. За собраніе всѣхъ этихъ памятниковъ историкъ древняго русскаго права и быта долженъ благодарить г. Сенигова. В. Грибовскій.

В. Нарбековъ. Южно-русское религіозное искусство XVII—XVIII вв. (По памятникамъ церковной старины, бывшимъ на выставкѣ XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ). Казань. Типолитографія императорскаго университета. 1903.

Область религіознаго творчества въ средніе вѣка исторіи Запада и Россіи была значительно шире, чѣмъ въ новые, и изучающему культурную жизнь Россіи до реформы Петра Великаго приходится имѣть дѣло по преимуществу съ памятниками церковной старины. Религіозное чувство сохранило ихъ отъ порчи и забвенія, благодаря которому погибла масса рукописей и другихъ «документовъ прошлаго».

Археологическіе съѣзды даютъ возможность узнавать о хранимыхъ въ провинціяхъ остаткахъ старины, внушая жителямъ уваженіе къ нимъ и охоту оберегать ихъ отъ истребленія. XII археологическій съѣздъ былъ назначенъ въ Харьковѣ для изслѣдованія прилегающаго къ нему района, называемаго археологами «Половецкой степью». Результаты онъ далъ отличные, и книга г. Нарбекова дѣлаетъ ихъ до нѣкоторой степени общедоступными; она посвящена описанію церковныхъ древностей, бывшихъ на выставкѣ, организованной при съѣздѣ. Отдѣлъ церковныхъ древностей составился изъ памятниковъ церквей Харьковской епархіи, особенно вышедшихъ изъ церковнаго употребленія. Иконъ было болѣе 200 деревянныхъ, около 60 на холстинѣ и болѣе 30 металлическихъ. Почти всѣ онѣ писаны въ XVII - XVIII в. подъ яв-

нымъ вліяніемъ западныхъ образцовъ и являются лишнимъ доказательствомъ того переходнаго состоянія русскаго общества, когда оно во всѣхъ областяхъ матеріальной и духовной жизни теряло старые идеалы и усвоивало западно-европейскій укладъ жизни. Вопреки ожиданію на южно-русскомъ религіозномъ творчествѣ отразилось преимущественно не польское, а западно-европейское вліяніе. Образцами для «казацкой» иконописи являлись произведенія нѣмецкихъ художниковъ или даже творенія Мурильо, Перруджино и т. п. Заимствованіе это на югѣ Россіи въ сферѣ иконописанія не было рабскимъ подражаніемъ, а допускало мѣстное творчество даже съ видоизмѣненіемъ композиціи иконъ. Изъ числа иконъ, композиція которыхъ всецѣло позаимствована съ Запада, вниманіе г. Нарбекова обратили: плодъ страданій Христовыхъ, коронованіе Богородицы, пеликанъ, раздирающій свою грудь, чтобы напитать дѣтей, и сердце Іисусово, изъ котораго струится кровь въ потиръ, Богоматерь съ мечами въ груди, Сивиллы, Лоретская Богоматерь и нѣкоторыя другія.

Интересны символическія изображенія, встрѣчающіяся на этихъ иконахъ, на которыя указываютъ уже самыя названія ихъ. Въ этомъ отношеніи выдѣляется икона—пеликанъ. Въ верху ея на желтомъ фонѣ—сердце въ терновомъ вѣнцѣ, подъ нимъ крестъ, копье, губка. Кровь изъ сердца падаетъ въ потиръ. Все это окружено облаками. Внизу на землѣ сидитъ пеликанъ, раздирающій клювомъ грудь и кровью ея кормящій дѣтей. За птицей на крестъ тянутся крестъ и копье. Надъ нею по зеленому общему фону надпись:

«Пеликанъ птица, себя
Не щадя, дѣтей питаетъ».

Оказывается, что подобнаго рода изображенія были распространены и еще донынѣ встрѣчаются даже въ крестьянскихъ избахъ. Источникомъ такого представленія о пеликанѣ былъ разсказъ въ «физіологахъ»: «пеликанъ птица зѣло чадолюбивая»; змѣй убиваетъ его птенцовъ своимъ тлетворнымъ дыханіемъ, но она оживляетъ ихъ своею кровью.

Между пеликаномъ и Христомъ проводится параллель.

Не меньшій интересъ имѣетъ икона «Недреманное око», композиція которой связана съ средневѣковыми представленіями о львѣ. Кромѣ иконописи, г. Нарбековъ описалъ рѣзьбу по дереву, ювелирныя издѣлія, шитыя золотомъ, серебромъ и шелками, бывшія на выставкѣ при XII археологическомъ съѣздѣ.

Книга его, богатая по матеріалу, является очень цѣнною въ томъ смыслѣ, что подробно описываетъ многіе такіе остатки старины, которые временно появлялись на провинціальной выставкѣ, чтобы затѣмъ не быть доступными осмотру любителей. Благодаря многимъ любопытнымъ фактамъ изъ исторіи религіознаго искусства, и не спеціалистъ прочтетъ эту книгу съ удовольствіемъ.

В. Ф— ко.

В. Чернышевъ. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Клинскаго, Тверского и Московскаго уѣздовъ. Спб. 1903.

Слишкомъ сухое заглавіе книги не должно запугивать читателя. Какъ видно будетъ изъ рецензіи, въ ней много интереснаго и цѣннаго. Въ своемъ трудѣ В. Чернышевъ знакомитъ насъ не только съ особенностями говоровъ Тверского, Клинскаго и Московскаго уѣздовъ, но и съ собранными имъ пѣснями, какъ возникшими въ народѣ, такъ и тѣми, которыя перешли къ нему отъ образованныхъ классовъ, при посредствѣ разныхъ «Пѣсенниковъ». Мы остановимся на второй части работы В. Чернышева, представляющей общій интересъ, а именно, на пѣсняхъ. Изслѣдователь передаетъ ихъ тексты съ рѣдкою фонетическою точностью, сохраняя самыя незначительныя на первый взглядъ особенности произношенія. На основаніи матеріала, изданнаго имъ самимъ, а также извѣстныхъ собраній акад. А. И. Соболевскаго, П. В. Шейна, Пальчикова, Смирнова и др., В. Чернышевъ высказываетъ смѣлое предположеніе о томъ, въ какомъ классѣ народа первоначально возникла русская пѣсня. «Всматриваясь въ обстановку, въ которой происходитъ дѣйствіе народной пѣсни, въ свойство лицъ, о которыхъ она поетъ,—говоритъ авторъ,—мы находимъ множество указаній на то, что народная пѣсня первоначально явилась среди высшаго грамотнаго сословія народа, въ населенныхъ центрахъ русской исторической жизни. Лица, дѣйствующія въ пѣсняхъ, судя по тѣмъ чертамъ въ содержаніи пѣсенъ, изъ которыхъ можно видѣть ихъ жилища, убранство жилищъ, одежды мужскія и женскія,—принадлежатъ къ высшимъ сословіямъ». Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ фигурируютъ высокіе терема, горницы, хоромы и т. д.; въ жилищахъ находятся дубовые столы, пуховыя постели и подушки, клѣтки для птицъ съ серебряными рѣшетками, комоды и т. д. Мужчины носятъ платья изъ «аглицкаго» сукна и хорошаго покроя, золотые перстни и трости, расчесываютъ кудри частымъ гребешкомъ и вообще заботятся о своей наружности—черты, далеко не свойственныя сельскому быту. Женщины бѣлятся и румянятся сурьмой, носятъ серебряныя и жемчужныя серьги, «туфельки», «чулочки», вплетаютъ въ косу крупный жемчугъ; приданое ихъ такъ велико, что его везутъ къ жениху на двухъ корабляхъ; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ находимъ такіе эпизоды, въ которыхъ говорится о томъ, что дѣвушка пишетъ милому письмо и отсылаетъ его съ вѣрными слугами, что̀, конечно, не могло быть въ крестьянскомъ сословіи, такъ какъ еще во второй половинѣ XVIII вѣка грамотныя женщины даже среди высшихъ классовъ общества представляли болѣе или менѣе рѣдкость.

Подобные признаки, рисующіе чисто внѣшнюю сторону быта, отразившагося въ пѣсняхъ, ясно указывали бы, что онѣ возникли во всякомъ случаѣ не въ крестьянскомъ сословіи, а въ высшей, болѣе образованной средѣ народа. Если мы разсмотримъ отношеніе между собой половъ, дѣтей къ родителямъ и т. д., то и это также какъ будто подтверждаетъ относительную вѣрность высказываемаго В. Чернышевымъ предположенія. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, по наблюденію автора, есть намеки на полную самостоятельность чувствъ и независимое положеніе женщины, что̀ могло быть вызвано только развитой обще-

ственной жизнью большого города, напримѣръ: въ одной пѣснѣ дѣвушка не слушаетъ своего отца, потѣшаетъ молодца, въ другой — женщина не хочетъ поднять шляпу мужа, невѣста не желаетъ привыкать къ уму-разуму, къ спеси, гордости жениха. Отсюда г. Чернышевъ дѣлаетъ такой выводъ: «покоряться, примѣниться къ нраву мужа приходится; но это не одно простое подчиненіе деспотизму мужа и его семьи, но также слѣдствіе воспитанности. Пѣсни придаютъ слишкомъ много значенія мужской и женской красотѣ, чтобы отнести ихъ къ простому народу, который не очень высоко цѣнитъ красивое лицо, говоря, что «съ лица не воду пить». Черты вѣжливости также отнимаютъ у пѣсенъ характеръ ихъ простонародности. Пѣсни, въ которыхъ говорится о войнѣ, охотѣ, игрѣ на гусляхъ, также несомнѣнно показываютъ свою принадлежность къ высшему сословію, такъ какъ только оно одно часто ходило на войну, занималось охотой, музыкой». «Я не могу, конечно, въ небольшой, наскоро исполненной работѣ, взявши для изслѣдованія небольшой матеріалъ, разъяснить, какъ слѣдуетъ, намѣченные вопросы,—говоритъ онъ нѣсколько дальше.—Но насколько я успѣлъ познакомиться вообще съ русской пѣсней, у меня составилось убѣжденіе о некрестьянскомъ ея происхожденіи».

На это можно возразить слѣдующее. Во-первыхъ, авторъ, повидимому, упускаетъ изъ вида то обстоятельство, что у насъ существуетъ цѣлый рядъ пѣсенъ, изъ содержанія которыхъ видно, что онѣ были сложены казаками, разбойниками, фабричными, ямщиками, матросами и вообще людьми, хотя прямо и не принадлежавшими къ крестьянскому сословію, тѣмъ не менѣе близкими къ нему по своему происхожденію, воспитанію и интересамъ.

Во-вторыхъ, не надо забывать и того, что въ силу психологическихъ и соціальныхъ причинъ содержаніемъ народныхъ пѣсенъ не могла быть жизнь и обстановка самого народа, жизнь слишкомъ непривлекательная и мало интересная для него. Вотъ почему въ безыскусственной поэзіи всѣхъ народовъ, всѣхъ странъ и временъ рисуется жизнь, главнымъ образомъ, высшихъ классовъ, дававшая богатый матеріалъ для пѣвца. Если исполнители пѣсни и слушатели искали забвенія въ пѣніи, если содержаніе пѣсни развлекало ихъ, на время отрѣшало ихъ отъ будничныхъ заботъ и горестей, однимъ словомъ, украшало и возвышало ихъ повседневную, слишкомъ тяжелую и тусклую обстановку, то, естественно, являлось необходимымъ брать сюжетъ не изъ собственной жизни, а изъ жизни болѣе культурнаго класса, какою тогда представлялась жизнь городская. Вотъ почему авторъ болѣе правъ, останавливаясь на второмъ вопросѣ. И дѣйствительно, немного дальше г. Чернышевъ дѣлаетъ предположеніе относительно мѣста возникновенія пѣсни. Такъ какъ пѣсня первоначально появилась среди высшаго сословія народа, то мѣстомъ ея рожденія, естественно, является городъ и боярская усадьба. «Въ городѣ, какъ въ центрѣ разнообразной, свободной и утонченной жизни культурныхъ классовъ общества, развивается русская пѣсня съ ея богатымъ содержаніемъ,—говоритъ В. Чернышевъ.—Здѣсь слагаются любовныя пѣсни, которыми изобилуетъ репертуаръ русскихъ пѣсенъ. Здѣсь же долго держится и обрядовая пѣсня, вмѣстѣ съ самимъ обрядомъ, что можетъ быть подтверждено историческими доказательствами. Игровая пѣсня, живущая въ народѣ, и теперь

указывается иногда и въ не крестьянскомъ кругу. Говоря о роли города въ развитіи народной пѣсни, нельзя оставлять безъ вниманія того положенія, которое занимали города въ старой русской жизни. Городъ часто былъ только мѣстомъ административныхъ учрежденій, суда, торга, крѣпостью. Центромъ оживленной жизни и дѣятельности были боярскія, позднѣе дворянскія усадьбы, гдѣ отправлялись церковные, семейные и народные праздники. Въ обстановкѣ боярскаго двора, помѣщичьей усадьбы, такъ же, какъ и въ городской, развивалась русская пѣсня».

Затѣмъ В. Чернышевъ переходитъ къ изложенію исторіи постепеннаго вытѣсненія пѣсни изъ среды высшихъ классовъ общества и распространенія ея въ простомъ народѣ. По его словамъ, въ XVIII вѣкѣ русская пѣсня держится еще въ самомъ высшемъ, придворномъ кругу. Царствованіе императрицы Елисаветы было вѣкомъ пѣсенъ. Она сама «благоволила снисходить на эту забаву», говоритъ Державинъ. «Пѣсенники» Чулкова, Новикова, Трутовскаго, Шнора, Прача обращаются въ придворномъ кругу. Еще въ началѣ XIX вѣка въ столичныхъ городахъ поются старыя пѣсни на свадьбахъ, подблюдныя пѣсни на святкахъ, игровыя на пирушкахъ и вообще на собраніяхъ молодежи. Но съ конца XVIII вѣка, въ средѣ образованныхъ классовъ, народныя пѣсни, вытѣсняемыя модными пѣснями и романсами тогдашнихъ поэтовъ, стали терять свое значеніе и черезъ дворовыхъ переходить къ крестьянскимъ сословіямъ. Намъ кажется, что нарисованная авторомъ стройная картина изъ жизни русской пѣсни покоится на слишкомъ шаткихъ основаніяхъ. Его книга заслуживаетъ вниманія лишь, какъ попытка разрѣшить сложный вопросъ.

А. И. Яцимирскій.

Александръ II, царь-освободитель. Издалъ графъ Милорадовичъ. Спб. 1903.

Книжку эту, предназначенную для народнаго чтенія и написанную извѣстнымъ историкомъ русской литературы и библіографомъ Ст. Ив. Пономаревымъ, выпустилъ въ свѣтъ бывшій флигель-адъютантъ и свиты генералъ-майоръ императора Александра II, нынѣ предсѣдатель Черниговской архивной комиссіи, графъ Гр. Ал. Милорадовичъ.

Первое ея изданіе, напечатанное въ Кіевѣ въ 1882 году и озаглавленное «На память о царѣ-освободителѣ,» было подписано псевдонимомъ: «Одинъ изъ народа». Второе—было роздано крестьянамъ мѣстечка Любеча 26-го іюля 1898 г. при открытіи памятника императору Александру II. Настоящее третье изданіе опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія одобрено для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и допущено въ безплатныя народныя читальни.

Книжка г. Пономарева не носитъ характера біографическаго. Значительная часть ея посвящена реформамъ шестидесятыхъ годовъ, разсказаннымъ весьма добросовѣстно и подробно, при чемъ наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія даны объ освобожденіи крестьянъ (стр. 7 — 16), что является очень цѣлесообраз-

нымъ. Затѣмъ детально характеризуются положеніе торговли и промышленности (стр. 40 — 46), дѣла народнаго образованія и печати (стр. 22 — 27), успѣхи и улучшенія по военной части (стр. 27 - 32). Гораздо слабѣе изложеніе данныхъ о питейномъ дѣлѣ (стр. 36 - 40) и заботахъ царя-освободителя объ иновѣрцахъ, инородцахъ и преступникахъ (стр. 46—50). Слишкомъ много конспективнаго и мало характернаго въ повѣствованіи о судебныхъ уставахъ (стр. 19—22), городскомъ и земскомъ самоуправленіи (стр. 16—19). Кратко, но точно переданы событія внѣшней политики, въ частности же Севастопольской обороны (стр. 2—6) и послѣдней турецкой войны (стр. 33—36). Достойны вниманія, обрисованныя съ большой теплотою, черты изъ личной жизни императора Александра II (стр. 50—60).

Написанная яснымъ и литературнымъ языкомъ, книжка г. Пономарева читается очень легко. Авторъ, гдѣ только можетъ, приводитъ подлинныя слова царя-освободителя изъ манифестовъ, рѣчей и писемъ, что въ связи съ разнообразными и многочисленными цитатами изъ стихотвореній, посвященныхъ памяти Александра II, весьма оживляетъ разсказъ.

Хотя съ освѣщеніемъ историческихъ событій и утрированною простотою тона г. Пономарева не всегда можно примириться, тѣмъ не менѣе книжка его заслуживаетъ извѣстной доли вниманія и можетъ быть рекомендована для первоначальнаго ознакомленія съ сущностью преобразованій императора Александра II.

Къ сожалѣнію, въ текстѣ встрѣчаются досадные редакціонные недосмотры. Повидимому, третье изданіе перепечатано съ перваго безъ всякихъ перемѣнъ. Только этимъ и можно объяснить себѣ сообщеніе о томъ, что недавно профессоръ Кіевскаго университета Бунге сдѣланъ товарищемъ министра финансовъ (стр. 26), и что русскія войска разбили недавно текинцевъ и взяли у нихъ сильную крѣпость (стр. 32). Со времени этихъ недавнихъ событій прошло ни много ни мало—двадцать лѣтъ.

Вообще говоря, оставивъ въ сторонѣ достоинства и недостатки книжки г. Пономарева, мы считаемъ весьма своевременнымъ появленіе обстоятельной и подробной біографіи императора Александра II, предназначенной для народа. Чѣмъ перепечатывать старыя изданія, лучше было бы составить хорошій компилятивный очеркъ по недавно вышедшему въ свѣтъ капитальному труду С. С. Татищева.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

Сеймы Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи 1569 года. И. А. Максимейко. Харьковъ. 1903.

Литовско-русскіе сеймы до Люблинской уніи 1569 года, говоритъ г. Максимейко въ введеніи къ своему труду, должны быть излагаемы въ исторіи русскаго права на томъ же самомъ основаніи, какъ и земскіе соборы Московскаго государства. Генетическая и преемственная связь между сеймами и древнерусскими вѣчами представляется болѣе ясной и неоспоримой, чѣмъ отношеніе земскихъ соборовъ къ предшествовавшему вѣчевому быту. Въ первомъ случаѣ мы имѣетъ дѣло съ непрерывнымъ и послѣдовательнымъ развитіемъ; во второмъ же случаѣ оно нарушено темнымъ проваломъ отъ конца XIII до поло-

вины XVI вѣка. Стараясь доказать эту важную мысль, г. Максимейко разбираетъ составъ общихъ сеймовъ и указываетъ, какъ постепенно въ принципѣ общее народное собраніе принуждено было по разнымъ причинамъ въ извѣстныхъ частяхъ выдѣлить изъ своей среды представителей, уполномоченныхъ. Въ виду постояннаго и несомнѣннаго вліянія Литвы на Россію нельзя не согласиться съ почтеннымъ авторомъ, что изученіе сеймовъ можетъ способствовать разрѣшенію спорныхъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей земскихъ соборовъ. Въ результатѣ сравнительнаго изученія обоихъ институтовъ могутъ быть получены новые выводы о причинахъ происхожденія соборовъ, паденія ихъ и юридическомъ значеніи.

Литовско-русскіе сеймы XV и XIV вѣковъ представляютъ собою средневѣковую форму участія населенія въ верховной власти. По этому поводу г. Максимейко отмѣчаетъ особую черту этихъ собраній. Обязательность рѣшеній сеймовъ была таковою лишь постольку, поскольку, какъ на вѣчѣ, ее принимали участники сейма. Неучаствовавшіе на собраніи или несогласившіеся съ большинствомъ считали себя свободными отъ подчиненія сеймовымъ постановленіямъ и свою свободу въ этомъ случаѣ готовы были защищать даже силой. Причину образованія общихъ сеймовъ г. Максимейко видитъ въ необходимости сплоченія русско-литовскихъ земель, въ виду военныхъ опасностей, грозившихъ обѣимъ народностямъ со стороны Москвы и крымскихъ татаръ. Эта опасность требовала концентраціи государственныхъ служебныхъ силъ и сосредоточенія ихъ на оборонѣ государства. Но возникшіе по военнымъ причинамъ сеймы заодно, такъ сказать, изъ экономіи силъ, рѣшали и другіе государственные вопросы: финансовые, судебные, административные. Сужденія г. Максимейка проникнуты послѣдовательностью и основательностью. Его полемика убѣдительна наравнѣ съ освѣщеніемъ историческихъ фактовъ. Полемизируетъ г. Максимейко преимуществу съ г. Любавскимъ, авторомъ книги, тождественной по содержанію съ книгой автора «Сеймовъ Литовско-Русскаго государства». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ полемика эта утомительна по своимъ размѣрамъ, но присутствіе ея объясняется необходимостью. Г. Любавскій и г. Максимейко взялись за одинъ и тотъ же вопросъ почти въ одно и то же время. Однако, несмотря на то, что г. Максимейко, какъ юристъ, могъ глубже и яснѣе захватить изслѣдуемую задачу, книга г. Любавскаго вышла раньше, и потому г. Максимейку пришлось посчитаться съ родственнымъ ему по работѣ авторомъ. Занятіе литовско-русскимъ правомъ имѣетъ громадное значеніе для уясненія многихъ спорыхъ вопросовъ стараго права великорусскаго, потому нельзя не привѣтствовать въ лицѣ г. Максимейка и другихъ молодыхъ ученыхъ усиленнаго вниманія къ литовско-русскимъ юредическимъ древностямъ, тѣмъ болѣе, что для плодотворной работы въ этой области нужно знать не только литовскую Русь, но и языкъ и бытъ тогдашней Польши. Профессоръ Владимирскій-Буцановъ, овладѣвъ литовско-русскимъ правомъ, освѣтилъ съ новой стороны Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича; нужно искренно пожелать, чтобы г. Максимейку удалось раскрыть новыя стороны въ дѣлѣ изученія нашихъ земскихъ соборовъ. Къ книгѣ г. Максимейка приложены акты, касающіеся, какъ вольныхъ общихъ сеймовъ, такъ и сеймовъ велико-княжеской рады.

В. Грибовскій.

Курсъ гражданскаго права профессора Казанскаго университета Г. Ф. Шершеневича. Томъ I. Введеніе. Выпускъ второй. Казань. 1903.

Настоящій томъ труда г. Шершеневича посвященъ всецѣло исторіи источниковъ гражданскаго права, русскихъ и иностранныхъ. Обзоръ русскихъ источниковъ почтенный авторъ начинаетъ съ «Русской Правды» и кончаетъ «Сводомъ законовъ». Авторъ не историкъ, а догматикъ по спеціальности; поэтому въ обзорѣ источниковъ русскаго права, по крайней мѣрѣ, въ древнемъ періодѣ онъ не производитъ новыхъ изысканій, но излагаетъ лишь то, что уже добыто спеціалистами. Тѣмъ не менѣе, названный историческій очеркъ представляетъ собою особый интересъ, благодаря тому, что почтенный ученый, создавшій себѣ заслуженную извѣстность, какъ выдающійся цивилистъ, не только излагаетъ фактическій матеріалъ, но и освѣщаетъ его съ различныхъ точекъ зрѣнія. Между прочимъ г. Шершеневичъ останавливается на томъ вопросѣ, насколько памятники русскаго гражданскаго законодательства можно признавать явленіями національнаго правотворчества. Въ этомъ отношеніи наиболѣе національными авторъ признаетъ Русскую Правду, Псковскую судную грамоту, судебники Княжескій и Царскій. Но уже за Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича г. Шершеневичъ національность признаетъ условно, за сводомъ нашихъ гражданскихъ законовъ отрицаетъ всякую самобытность, несмотря на то, что офиціально всѣ томы свода законовъ разсматриваются, какъ обработка историческаго матеріала. Во многихъ своихъ сужденіяхъ г. Шершеневичъ правъ безусловно. Дѣйствительно, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича заключаетъ въ себѣ много литовскихъ и византійскихъ элементовъ, а въ десятый томъ свода, подъ флагомъ русской старины, вошло много законовъ французскихъ. Правда и то, что неудачно составленные наши гражданскіе законы заставляютъ желать многаго, и самимъ сводомъ, какъ явленіемъ успѣшной кодификаціи, можно гордиться только условно, такъ сказать, съ формальной стороны. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приходится относиться ко всѣмъ этимъ фактамъ съ большимъ спокойствіемъ, принимая во вниманіе историческія условія, въ которыхъ они возникли и существовали. Между тѣмъ, г. Шершеневичъ относится къ этимъ продуктамъ исторіи слишкомъ страстно. Его, какъ догматика, терзаетъ и мучитъ неудовлетворительность нашихъ гражданскихъ законовъ, а поэтому онъ становится иногда несправедливымъ къ прошлому. Эта страстность, напримѣръ, приводитъ автора къ тому утвержденію, что Петръ Великій не справлялся съ тѣми условіями, которыя исторически соотвѣтствовали или не соотвѣтствовали иноземнымъ заимствованіямъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности онъ постоянно принималъ во вниманіе, насколько предполагаемыя заимствованія согласуются съ русскою жизнью и бытомъ. Таковы, напримѣръ, его реформы областного управленія (см. М. Богословскій: «Областная реформа Петра Великаго», стр. 31 и 32). «Петръ,—между прочимъ говоритъ г. Шершеневичъ на стр. 398 своего труда,—ничего не сдѣлалъ, чтобы облегчить переходъ отъ московскихъ порядковъ къ европейскимъ»; несомнѣнно, что подобное утвержденіе представляетъ собою крайность. Въ самомъ дѣлѣ, по этому поводу нельзя не вспомнить той знаменательной характеристики петровскихъ реформъ, которую

далъ въ своемъ «Опытѣ системы административнаго права» проф. Берендсъ, много поработавшій надъ сравненіемъ шведскихъ образцовъ и русскихъ заимствованій петровской эпохи. «Неужели тотъ великій человѣкъ,—говоритъ названный ученый въ этой характеристикѣ,—проницательности котораго такъ удивляешься, читая, напримѣръ, его письма изъ путешествія къ Меншикову, Апраксину, Шафирову и друг., неужели онъ поступилъ, какъ поступаетъ неудачникъ-гимназистъ на экзаменѣ: нужно рѣшить задачу, взялъ да и списалъ у ближайшаго сосѣда». Въ рабскихъ заимствованіяхъ со шведскаго обвиняли Петра многіе русскіе и иностранные авторы, но, какъ доказываетъ г. Берендсъ, только по недостатку полнаго знакомства со шведскимъ оригиналомъ и русскимъ произведеніемъ. Теперь эти взгляды уже оставлены, а между тѣмъ г. Шершеневичъ продолжаетъ утверждать, что заимствованія были сдѣланы Петромъ въ грубой формѣ, неумѣлой рукой, обнаруживавшей иногда неудачный выборъ.

Если въ данномъ случаѣ съ г. Шершеневичемъ и можно согласиться, то только въ отношеніи заимствованія нормъ гражданскаго права, но дѣло въ томъ, что уважаемый ученый на стр. 398 ставитъ вопросъ шире и говоритъ вообще о законодательствѣ. Кромѣ того, даже если третьей кодификаціонной комиссіи Петромъ I и приказано было заняться переложеніемъ шведскихъ правъ на русскіе нравы и потребности, такъ это былъ шагъ отчаянья; ранѣе того Преобразователь при кодификаціонныхъ попыткахъ стоялъ на національной почвѣ, да и при заимствованіи шведскаго кодекса онъ все-таки хлопоталъ о приспособленіи иноземнаго права къ русской жизни. Приходится затѣмъ спорить и противъ того положенія автора, что петровскія заимствованія не могли пускать корней глубоко въ русскомъ бытѣ. А «Табель о рангахъ», дѣйствующая до сихъ поръ, а коллегіи, просуществовавшія до начала XIX вѣка, а сенатъ, здравствующій и понынѣ? Очень возможно, что г. Шершеневичъ въ приведенныхъ сужденіяхъ сказалъ не то, что хотѣлъ; поэтому при слѣдующемъ изданіи курса необходимо подчеркнуть истинную мысль автора. Конечно, указанная неясность нисколько не подрываетъ достоинствъ книги почтеннаго ученаго, между прочимъ, для составленія историческаго очерка источниковъ гражданскаго права, поднявшаго громадную литературу, которая и приведена по параграфамъ. Кстати сказать, въ литературномъ указателѣ по поводу спора о силѣ и значеніи свода законовъ для полноты желательно было бы сдѣлать указаніе на одно изъ старѣйшихъ теоретическихъ разсужденій по этому вопросу харьковскаго профессора Гордѣенкова «О законодательномъ достоинствѣ свода законовъ Россійской имперіи» 1835 года. Очень интересенъ въ книгѣ г. Шершеневича § 61, трактующій о задачахъ кодификаціи гражданскаго права въ Россіи. Онъ содержитъ въ себѣ исторію переработки нашего десятаго тома, а затѣмъ ставитъ нѣсколько вопросовъ, на которые должны отвѣтить составители новаго гражданскаго уложенія. Историческій очеркъ иностраннаго гражданскаго законодательства касается Франціи, Италіи, Испаніи съ Португаліей, Бельгіи и Голландіи, Германіи, Австро-Венгріи, словомъ, почти всѣхъ державъ Западной Европы; кромѣ того, въ отдѣльномъ параграфѣ изложено распространеніе европейскаго права за предѣлами Европы.

В. Грибовскій.

Императорскій Россійскій историческій музей имени императора Александра III. Описаніе памятниковъ. Выпускъ II. Житіе святого Нифонта, лицевое. XVI вѣка. М. 1903.

Иллюстраціи къ рукописному житію св. Нифонта, принадлежащія Историческому музею, представляютъ несомнѣнный интересъ для исторіи русской миніатюры. Если вѣрить описанію рукописи и полагаться на изданныя изображенія, то экземпляръ «Житія» относится ко второй четверти XVI вѣка и переписанъ въ области Великаго Новгорода. Припомнимъ, что въ это самое время въ Новгородѣ процвѣтала художественная школа выдающагося книжника, архіепископа Макарія, на средства котораго были собраны грандіозныя «Минеи-Четьи», Отъ этого интересъ иллюстрацій увеличится еще больше. Всѣхъ рисунковъ 350: они изданы фототипіей въ натуральную величину, а двѣ страницы изъ цѣлой рукописи отпечатаны въ краскахъ. По нимъ мы могли бы составить представленіе о живописной техникѣ, характерной для новгородскихъ мастеровъ XVI вѣка, если бы г. Щепкинъ приводилъ болѣе вѣскія доказательства своего предположенія и умѣрилъ бы свою фантазію. Авторъ предисловія указываетъ на главныя особенности старинной раскраски акварелью по бумагѣ и на отличіе ея отъ иконописной манеры, обусловленной тѣмъ, что послѣдняя производилась масляными красками и на доскахъ. Онъ думаетъ что оба рода живописи находились въ самомъ тѣсномъ взаимодѣйствіи, несмотря на разныя техническія условія, что ближайшее сходство въ миніатюрѣ и иконѣ обнаруживается, напримѣръ, въ способахъ передачи ландшафта, большею частью, условнаго и однообразнаго, съ сильно стилизованными деревьями, напоминающими грибы, и рядами нагроможденныхъ другъ на друга утесовъ и скалъ. Обращаютъ на себя вниманіе также архитектурные мотивы: то традиціонныя или фантастическія палаты, то храмы, похожіе на дѣйствительно существующія церковныя зданія съ готическими крышами или же являющія подобіе московскихъ соборовъ XV — XVI вѣка. Лики и фигуры отдѣланы необыкновенно тщательно. Видно, надъ ними работали умѣлые мастера. Все это говоритъ скорѣе за Москву, чѣмъ за Новгородъ. Подобныя изданія настолько необходимы при изученіи нашего стариннаго искусства, что мы считаемъ излишнимъ указывать на ихъ выдающееся значеніе, хотя все предисловіе страдаетъ отсутствіемъ научности.

М. О. Ск—вичъ.

Д. К. Треневъ. Памятники древне-русскаго искусства церкви Грузинской Богоматери въ Москвѣ. Краткое описаніе церкви, иконъ кисти Симеона Ушакова и прочихъ ея достопримѣчательностей, съ приложеніемъ 15 таблицъ съ 45 фототипіями. М. 1903.

Въ одной изъ церквей московскаго Китай-города сохранилось нѣсколько драгоцѣнныхъ образцовъ русской старинной живописи того переходнаго періода, когда на нее замѣтно вліяли уже западные образцы. Мы говоримъ о церкви Грузинской Божіей Матери, болѣе извѣстной въ Москвѣ подъ прежнимъ названіемъ «храма во имя Живоначальной троицы, что въ Никитникахъ». По-

мимо интереса ея и въ архитектурномъ отношеніи, эта церковь издавна славилась своей живописью, принадлежащей кисти знаменитаго «царскаго изуграфа» Симеона Ушакова.

Свѣдѣнія объ его иконахъ появляются не впервые.

Снегиревъ, Даль и Филимоновъ не разъ останавливались на твореніяхъ нашего талантливаго и плодовитаго живописца XVII вѣка. Изящная манера письма, гармонія линій и красокъ, умѣренная реальность религіозныхъ типовъ и сложность композицій, все это—достоинства, отличающія Ушакова отъ другихъ мастеровъ его времени или предшествующаго періода. Среди иконъ, украшающихъ церковь Грузинской Божіей Матери, особенное вниманіе обращаютъ на себя слѣдующія: «Благовѣщеніе», написанное въ 1659 году тремя мастерами; «Икона Владимирской Божіей Матери», написанная однимъ Ушаковымъ въ 1658 году съ портретами московскихъ митрополитовъ, царя Алексѣя Михайловича, царицы Маріи Ильиничны, царевичей Алексѣя и Ѳеодора, двухъ патріарховъ; «Икона Спаса Нерукотвореннаго», трудъ того же «государева иконописца», работавшаго надъ ней въ 1658 году; «Икона Великаго Архіерея», т.-е. Спасителя въ архіерейскихъ облаченіяхъ; «Девять учителей вселенской церкви», очень типичныя изображенія, написанныя, по всей вѣроятности, съ натурщиковъ, или, какъ тогда говорили, «съ живства», и наконецъ, «Чудотворная икона Грузинской Божіей Матери», великолѣпная копія неизвѣстнаго мастера. Всѣ фототипіи исполнены удачно. Особенную цѣнность пріобрѣтаетъ послѣднее изъ перечисленныхъ изображеній, такъ какъ издателю удалось сдѣлать съ него два снимка; на первомъ изъ нихъ находимъ икону въ ризѣ, на второмъ риза снята, благодаря чему можно составить ясное представленіе о художественномъ достоинствѣ выдающагося иконографическаго произведенія XVII вѣка.

Предисловіе написано просто, безъ притязаній на ученость и безъ лишнихъ справокъ. Приводится только нужное и важное для объясненія снимковъ.

А. Я.

Проф. П. Казанскій. Возрожденіе изученія права. Одесса. 1903.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ повременной печати горячо обсуждался вопросъ о раціональной постановкѣ преподаванія права на нашихъ юридическихъ факультетахъ. Среди лицъ, выступавшихъ на этомъ полѣ, почетное мѣсто принадлежитъ профессору Казанскому. Въ прошломъ году, между прочимъ, почтенный ученый выпустилъ въ свѣтъ цѣлый томъ, посвященный обсужденію и систематизаціи различныхъ мнѣній, высказанныхъ по поводу желательныхъ реформъ въ области преподаванія права. Настоящая брошюра г. Казанскаго посвящена тому же вопросу. Новаго она ничего въ себѣ не содержитъ, но представляетъ собою подсчетъ всего сказаннаго въ предшествовавшихъ статьяхъ и книгѣ. Взглядъ профессора Казанскаго на задачи студенческой работы въ университетѣ въ итогѣ сводится къ слѣдующему. Студентъ, изучающій право, прежде всего долженъ по возможности отнестись самостоятельно къ предмету своихъ наукъ. Для него недостаточно одного пассивнаго

слушанія лекцій. Изучая русскій законъ, онъ долженъ постоянно держать въ рукахъ томы свода, знакомясь съ трудами Гроція или Адама Смита, хотя сколько нибудь ознакомиться съ ихъ трудами въ подлинникѣ. Вникая въ методы статистики, самому попробовать приложить ихъ на дѣлѣ и т. д. Поэтому помимо слушанія лекцій профессоръ Казанскій рекомендуетъ рѣчи студентовъ въ видѣ рефератовъ по прочитаннымъ произведеніямъ, собесѣдованіе учащихся и учащихъ между собою на научныя темы, письменныя упражненія на заданную тему, самостоятельное систематическое чтеніе памятниковъ права и классическихъ трудовъ съ объясненіями и толкованіями профессора въ случаѣ необходимости, наконецъ—ознакомленіе съ дѣйствительностью въ образцахъ, изображеніяхъ или иными способами. Конечно, къ пожеланіямъ почтеннаго автора и системѣ студенческой работы можно вполнѣ присоединиться всякому университетскому преподавателю, радѣющему о выпускѣ изъ университетскихъ стѣнъ подготовленныхъ юристовъ. В. Г.

...

Отзывъ объ ученыхъ трудахъ приватъ-доцента Е. В. Васьковскаго, составленный ординарнымъ профессоромъ А. И. Загоровскимъ, по порученію юридическаго факультета Новороссійскаго университета. Одесса. 1903.

Г. Васьковскій выставилъ свою кандидатуру на каѳедру юридическаго факультета Новороссійскаго университета. Факультетъ поручилъ извѣстному знатоку гражданскаго права, профессору Загоровскому, дать оцѣнку ученыхъ достоинствъ кандидата и затѣмъ постановилъ напечатать отзывъ спеціалиста.

Ученыя работы г. Васьковскаго заключаются главнымъ образомъ въ двухъ его диссертаціяхъ: магистерской—«Организація адвокатуры», и докторской—«Ученіе о толкованіи и примѣненіи гражданскихъ законовъ». Г. Загоровскій даетъ обстоятельный разборъ обѣихъ книгъ, но читателей «Историческаго Вѣстника», конечно, по преимуществу можетъ интересовать отзывъ о первомъ изъ названныхъ трудовъ, такъ какъ въ немъ имѣются нѣкоторыя историческія данныя. Именно изслѣдованіе принциповъ организаціи адвокатуры и изложеніе современнаго ея состоянія г. Васьковскій связываетъ съ историческимъ очеркомъ адвокатуры въ европейскихъ и неевропейскихъ государствахъ до Мексики, Перу и Канады включительно. Между прочимъ авторъ ведетъ рѣчь о недостаткахъ современнаго устройства адвокатской корпораціи въ Россіи и средствахъ устраненія этихъ недостатковъ. Въ исторіи адвокатуры г. Васьковскій находитъ интересныя данныя объ адвокатахъ въ древней Индіи и у евреевъ. Для характеристики дѣятельности библейскаго адвоката авторъ ссылается на книгу Іова, въ которой говорится: «Когда я выходилъ къ воротамъ города и на площади ставилъ себѣ стулъ, князья прекращали рѣчь и полагали руку на уста свои, голосъ знаменитыхъ мужей скрывался, и языкъ прилипалъ къ гортани ихъ. Ибо ухо слышало и ублажало меня, и око видѣло и восхваляло меня. Ибо я спасалъ и страдальца вопіющаго и сироту, когда не было помогающаго ему. Благословеніе погибавшаго приходило на меня, и сердце вдовицы было

мною обрадовано. Я облекался въ праведность, и она одѣвала меня собою; плащемъ и увясломъ служило мнѣ правосудіе. Слѣпому я былъ глазами, а хромому ногами. Нищимъ я былъ отецъ и вникалъ въ дѣло незнакомаго мнѣ. И сокрушалъ беззаконному челюсти и изъ его зубовъ исторгалъ похищенное. Внимали мнѣ и въ ожиданіи совѣта моего безмолвствовали. Послѣ рѣчей моихъ уже не возражали, и капало на нихъ слово мое». Въ этихъ словахъ Іова г. Васьковскій видитъ «патріархальную форму судебный защиты». Такимъ образомъ авторъ обращаетъ въ адвоката того самого Іова, «который сидѣлъ во главѣ всѣхъ и жилъ, какъ царь, во главѣ воиновъ» и подобно Аврааму, Исааку и Іакову былъ патріархомъ.

Какъ замѣчаетъ профессоръ Загоровскій, авторъ вообще съ исторической частью своей работы обошелся безъ особыхъ стѣсненій. Онъ вовсе не старался изучать исторію адвокатуры, выяснять причины ея возникновенія и формы развитія. Ему вообще нужно было доказать, что процвѣтаніе адвокатуры, какъ института, поданіе неспеціалистамъ права помощи обусловлено отдѣленіемъ ея отъ представительства, т.-е. простого юридическаго замѣщенія одной личности другою. Проводя подобную мысль въ исторіи, г. Васьковскій нанизываетъ факты на факты, заимствуя ихъ готовыми изъ разныхъ сочиненій и драпируя ихъ чужими ссылками на цитаты. Кутаясь и цѣпляясь за чужія работы въ исторіи, авторъ болѣе самостоятельно, но столь же неудачно проповѣдуетъ «новыя мысли» относительно настоящаго времени. По мнѣнію г. Васьковскаго, нашъ современный уголовный процессъ—какая-то травля подсудимаго со стороны государства, дѣйствующаго въ лицѣ коронного суда и прокурора. По этому поводу для защиты преслѣдуемаго высылается «обществомъ» адвокатъ, которому вмѣняется въ обязанность оборонять несчастнаго отъ злоупотребленій со стороны государства. Какъ справедливо указываетъ профессоръ Загоровскій, даже у насъ въ Россіи государство вовсе не становится кровожаднымъ гонителемъ обвиняемаго и даже предоставляетъ прокурору право отказаться отъ обвиненія, если представитель власти прокурорской находитъ таковое неосновательнымъ. Потому весьма странною является фикція посылки адвоката въ судъ обществомъ, гдѣ одна сторона—государство, обвиняетъ, общество защищаетъ, и неизвѣстное третье судитъ. Точно также въ гражданскомъ процессѣ, гдѣ государство къ обоимъ тяжущимся относится безразлично, общество снабжаетъ ихъ отъ себя адвокатами, которые такимъ образомъ становятся органами правосудія вмѣсто простыхъ защитниковъ, кѣмъ они пребываютъ въ уголовномъ процессѣ. Но, указываетъ профессоръ Загоровскій, если въ гражданскомъ процессѣ адвокатъ является органомъ правосудія, а правосудіе творится отъ имени государства, то тѣмъ самымъ и адвокаты становятся представителями государственныхъ публичныхъ интересовъ: при чемъ же тогда остается посылка адвокатовъ обществомъ? При чемъ остается адвокатура, «какъ институтъ общественный»? Въ томъ же родѣ разсуждаетъ г. Васьковскій и далѣе. Съ одной стороны, напримѣръ, онъ всячески поноситъ современныхъ адвокатовъ, доказывая, что хорошій адвокатъ по необходимости мошенникъ, съ другой стороны, предлагаетъ за долгое и безупречное служеніе адвокатурѣ переводить лучшихъ адвокатовъ въ магистратуру и при томъ на высшія должности.

Г. Васьковскій отвѣчалъ профессору Загоровскому въ печати, но, нужно признать, очень слабо. По преимуществу обличитель адвокатовъ для поддержанія своихъ притязаній ссылается на элементарные учебники, на отзывы о его научныхъ трудахъ, появившіеся въ рецензіяхъ неспеціальныхъ журналовъ и газетъ, и наконецъ на то, что его нѣкоторыя мнѣнія приняты были во вниманіе коммиссіей по составленію гражданскаго уложенія. Послѣдній доводъ наименѣе убѣдителенъ. Въ самомъ дѣлѣ, комиссія въ дѣлѣ собиранія научнаго матеріяла поставила себѣ очень широкія рамки и потому приняла въ соображеніе не только второстепенныя научныя сочиненія, но даже напечатанныя ученическія студенческія работы, что̀ значительно умаляетъ честь, которая могла бы быть оказываема ея вниманіемъ. Дальнѣйшая защита г. Васьковскаго выразилась въ фельетонѣ редактируемой имъ мелкой газеты, гдѣ просто-напросто аспирантъ на ученую каѳедру выбранилъ своего рецензента и весь новороссійскій юридическій факультетъ. Доказательство съ научной точки зрѣнія тоже крайне слабое.

Ignotus.

Н. М. Тупиковъ. Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ. Спб. 1903.

Покойный магистрантъ С.-Петербургскаго университета Н. М. Тупиковъ, еще въ бытность студентомъ, взялъ на себя задачу выяснить исторію и значеніе древне-русскихъ личныхъ именъ, которыя не происходятъ отъ христіанскихъ именъ. Съ этою цѣлью онъ просмотрѣлъ значительное количество старинныхъ актовъ, изданныхъ разными учеными учрежденіями, нѣкоторые памятники древней письменности, наконецъ всѣ русскія лѣтописи и сдѣлалъ изъ нихъ выписку собственныхъ нехристіанскихъ именъ, занося сообразно своей цѣли каждое имя лишь одинъ разъ. Составленный на основаніи этихъ записей словарь долженъ былъ служить лишь матеріаломъ для дальнѣйшихъ работъ автора въ принятомъ филологическомъ направленіи. Къ сожалѣнію, однако, тяжкая болѣзнь и преждевременная смерть Н. М. Тупикова въ 1900 г. прервала предпринятый имъ трудъ. Какъ часть задуманной работы, словарь для другихъ, конечно, не имѣетъ того значенія, которое придавалъ ему составитель. Зато онъ можетъ измѣнить свое назначеніе и послужить справочной книгой для историковъ, хотя его цѣнность, какъ справочнаго пособія, уменьшается отъ того, что, какъ сказано выше, Н. М. Тупиковъ ввелъ въ него не всѣ имена.

Результатъ своего усидчиваго труда авторъ въ рукописи представилъ въ императорскую академію наукъ, которая присудила ему ломоносовскую премію по отзыву проф. Карскаго. Признавая научное значеніе словаря, Императорское Русское археологическое общество напечатало его нынѣ на свое иждивеніе.

А. М.

Ю. И. Гессенъ. Евреи въ масонствѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 1903.

У насъ ежегодно выходитъ немало книгъ по еврейскому вопросу, въ значительномъ большинствѣ случаевъ написанныхъ евреями. За послѣднее время изъ нихъ составилась количественно богатая литература, но нельзя не замѣтить, что она не находитъ себѣ надлежащей и полной оцѣнки, ибо русскихъ гебраистовъ немного, а еврейскіе критики еврейскихъ сочиненій, впадая въ односторонній восторгъ отъ всего «отечественнаго», рѣдко даютъ о немъ безпристрастные отзывы.

Недавно появившаяся книга г. Гессена «Евреи въ масонствѣ» любопытна вдвойнѣ: съ одной стороны, она касается общеинтереснаго вопроса о роли евреевъ въ масонскомъ движеніи, съ другой же—является изслѣдованіемъ, единственнымъ въ своемъ родѣ: по словамъ самого автора, ни въ иностранной, ни въ русской литературѣ не существуетъ историческаго изслѣдованія по вопросу объ участіи евреевъ въ масонствѣ, и ему пришлось отыскивать отрывочныя данныя въ общей масонской литературѣ, что̀ значительно затруднялось рѣдкостью въ обращеніи масонскихъ книгъ. Но какъ ни любопытна книжка г. Гессена по идеѣ,—ближайшее знакомство съ нею должно неминуемо разочаровать внимательнаго читателя. Авторъ «Евреевъ въ масонствѣ» отличается крайнею тенденціозностью, которая красною чертою проходитъ по всей его работѣ: такъ, онъ нерѣдко замалчиваетъ существованіе источниковъ и фактовъ, способныхъ пролить новый свѣтъ на затронутую тему. Какъ извѣстно, масонство возникло изъ средневѣковаго цеха вольныхъ каменщиковъ, правильно организованнаго, дружнаго и единодушнаго въ конечныхъ своихъ цѣляхъ. Какъ и большинство средневѣковыхъ цеховъ, это было сообщество христіанскихъ ремесленниковъ, созданное на почвѣ евангельскаго религіозно-нравственнаго ученія. Вполнѣ понятно, что нехристіане въ члены цеховъ не допускались, и евреи являлись въ отношеніи къ нимъ своего рода «изгоями». Масонство, заимствуя традиціонные символы, усвоило и религіозно-нравственные принципы цеха свободныхъ каменщиковъ и, доколѣ придерживалось требованій древняго благочестія,—не принимало въ свою среду нехристіанъ—магометанъ и евреевъ. Когда же въ скептическій вѣкъ Руссо и Вольтера развились раціоналистическія ученія,—въ масонство проникъ духъ политиканства, и весьма многіе масоны, какъ нынѣ дознано исторіей, сознательно и неуклонно преслѣдовали явно противоправительственныя цѣли [1]). Очевидно, что при постепенныхъ измѣненіяхъ первоначальнаго духа масонства, проникнутаго строгимъ пуризмомъ,—евреямъ понемногу открывался доступъ въ масонскія ложи. Къ сожалѣнію, г. Гессенъ упорно закрываетъ глаза на эти общеизвѣстные факты. Онъ склоненъ, повидимому, думать, что выродившееся и нечуждое

---

[1]) Такъ, въ Баваріи, еще въ 1781 году, при закрытіи масонскихъ ложъ были обнаружены весьма компрометирующіе документы, а во Франціи большая часть крайнихъ вожаковъ революціоннаго движенія отъ барона Анахарсиса Клоотса до Марата оказывались дѣятельными членами масонскихъ ложъ различныхъ направленій и толковъ.

темнаго «шахеръ-махерства» масонство XIX вѣка является достойнымъ своего истиннаго назначенія, якобы исповѣдуя идеи широкой вѣротерпимости. Совѣтуемъ автору «Евреевъ въ масонствѣ» вслушаться въ то, что говорятъ о современномъ масонствѣ на Западѣ, и ему станетъ ясно, что наши утвержденія далеко не голословны [1].

Вообще говоря, г. Гессенъ—типъ очень своеобразнаго историка-изслѣдователя. Желая доказать во что бы то ни стало участіе евреевъ въ работахъ лондонскихъ масонскихъ ложъ XVIII столѣтія, онъ выискиваетъ въ членскихъ спискахъ еврейскія имена. Нельзя сказать, чтобы этотъ способъ доказательства былъ особенно достовѣренъ и убѣдителенъ. Финдель, на котораго г. Гессенъ неоднократно ссылается и къ авторитету котораго питаетъ, повидимому, неограниченное довѣріе, категорически замѣчаетъ, что имена сами по себѣ еще ничего не доказываютъ (стр. 9—10). Въ работѣ г. Гессена замѣчаются также казуистическія натяжки. Такъ, вся V глава его изслѣдованія посвящена доказательству, что клятва евреевъ на Евангеліи, празднованіе обще-масонскаго торжества въ Ивановъ день и призываніе имени Христа, практиковавшіяся евреями, не носятъ и тѣни ренегатскаго уклоненія отъ принциповъ ихъ вѣроученія. Имя Христа, замѣчаетъ г. Гессенъ, не должно было отдалять евреевъ отъ союза. Согласно объясненіямъ многихъ масонскихъ писателей надо признать (оставляя въ сторонѣ вопросъ о ритуалѣ), что по существу союза въ основу его дѣятельности, т.-е. его отношенія къ человѣчеству, былъ положенъ принципъ христіанства [2], т.-е. принципъ, который, по словамъ одного автора-масона, научаетъ всеобщей любви, предписываетъ примиреніе и вѣщаетъ единаго Бога; основой союза, по объясненію другого автора, является чистое истинное христіанство, идеальное христіанство въ своемъ высшемъ истинномъ смыслѣ, какъ вѣра въ единаго Бога и въ единеніе человѣчества (стр. 34). Такимъ образомъ, подъ христіанствомъ въ масонствѣ понималось не религіозное ученіе, а высшая этика, не чуждая, конечно, и іудаизму, которая должна была соединить все человѣчество во взаимной братской любви. Поэтому,—какъ замѣчаетъ Ведекиндъ, а за нимъ и другіе,—масонство въ качествѣ всечеловѣческаго этическаго союза, связано со всѣми великими людьми, которыхъ мы чтимъ, какъ величайшихъ зиждителей нравственности (moralische Baumeister). Напрасно г. Гессенъ такъ опирается на эти положенія. Исторія масонства неопровержимо доказала, что разграниченіе христіанскаго вѣроученія и христіанской же этики проводилось далеко не такъ послѣдовательно и категорично, какъ это кажется на первый взглядъ: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить о существованіи шведской системы въ масонствѣ.

Нерѣдко впадаетъ г. Гессенъ въ странныя самопротиворѣчія. Такъ онъ говоритъ, что великая англійская ложа, предписывая братьямъ обязанности Ное-

---

[1] Для этого назовемъ хотя бы недавно вышедшую книгу: Bois. Les petites religions à Paris (Paris, 1903), въ которой авторъ даетъ между прочимъ добросовѣстную и обстоятельную характеристику современнаго французскаго масонства.

[2] Курсивъ г. Гессена.

выхъ законовъ, конечно, не придавала значенія тому, что онѣ требовались еврейской этикой, ложа цѣнила универсальность этихъ законовъ. Извѣстные масонскіе писатели Краузе и Клоссъ говорятъ, что ссылка на Ноевы законы была вызвана желаніемъ ложи категорически объяснить, что масонство не относится враждебно ни къ одной религіи, мы же полагаемъ, что внесеніе этихъ законовъ въ уставъ преслѣдовало спеціальную цѣль—открыть доступъ въ союзъ евреямъ. Не пояснитъ ли г. Гессенъ, какъ могутъ уживаться у него рядомъ подчеркнутыя нами мнѣнія (стр. 6)? Не останавливаясь на другихъ, подобныхъ же промахахъ г. Гессена,—которыхъ, къ слову сказать, встрѣчается въ его книгѣ немало,—посмотримъ, что говоритъ онъ о роли евреевъ въ русскомъ масонствѣ.

Что касается Россіи,—замѣчаетъ г. Гессенъ, заканчивая VII главу своего «историческаго изслѣдованія»,—то русское еврейство, судя по его культурному уровню, врядъ ли могло выдвинуть изъ своей середы много масоновъ; лишь отдѣльныя личности могли обнаружить стремленіе сблизиться въ масонствѣ съ русскимъ обществомъ; къ тому же въ Россіи была распространена шведская система, считавшая масонство христіанскимъ союзомъ. Уставъ Великой ложи Астреи (§ 162) категорически говорилъ, что въ союзъ имѣетъ доступъ лишь «преданный какому нибудь изъ терпимыхъ въ государствѣ христіанскихъ исповѣданій», хотя основные законы «Книги Уставовъ» были извѣстны Астреѣ, и въ ея уставѣ они были приведены, снабженные примѣчаніемъ, что они достойны уваженія, «яко священные памятники древняго общества вольныхъ каменщиковъ». Впрочемъ, есть извѣстіе, что одна петербургская ложа приняла около 1797 года въ свою середу еврея [1]). Въ царствованіе Александра I послѣдовало закрытіе всѣхъ ложъ въ Россіи (стр. 46—47). Не можемъ не признать, что если бы г. Гессенъ обнаружилъ нѣсколько большее знакомство съ литературою предмета, т.-е. изучилъ бы, какъ слѣдуетъ, работы Пекарскаго, Ешевскаго, Лонгинова, Незеленова и многихъ другихъ, и глубже вникнулъ бы въ монографіи цитируемаго имъ академика А. Н. Пыпина, онъ, конечно, объяснилъ бы удовлетворительнѣе отсутствіе еврейскаго элемента въ русскомъ масонствѣ: государство шведской системы и малая культурность русскихъ евреевъ XVIII столѣтія—причины, еще не исчерпывающія вопроса.

Вообще говоря, недостаточное знаніе обширнѣйшей литературы масонства очевидно въ работѣ г. Гессена на каждомъ шагу. Такъ по догматикѣ масонства онъ не упоминаетъ вовсе сочиненій Зейдяя Марбаха, Румпельтъ Вальтера и Леве; повидимому, ему неизвѣстна символика масонства въ разработкѣ Гельдмана, Бобрика и Гепе. Изъ библіографическихъ указателей г. Гессенъ почему-то обходитъ молчаніемъ весьма полезныя пособія Бартельмеца и Тауте. Говоря объ исторіи масонства во Франціи, г. Гессенъ жалуется, что, несмотря на всѣ старанія, ему не удалось найти книги Клосса, а потому свѣдѣнія, имъ приводимыя, очень скудны (стр. 46), но за неимѣніемъ работы Клосса г. Гессенъ могъ

---

[1]) Напрасно г. Гессенъ ограничивается здѣсь краткою ссылкою на книгу Anti-Saksona—Sondershausen, 1817 (стр. 93), и не цитируетъ сполна этого любопытнаго извѣстія.

воспользоваться трудомъ Неттельбладта, который дастъ очень удовлетворительный очеркъ исторіи англійскаго, нѣмецкаго и французскаго масонства. Не знаемъ, чѣмъ объяснить авторъ «Евреевъ въ масонствѣ» свое непростительно небрежное отношеніе къ главнѣйшимъ пособіямъ; мы указали лишь на самыя крупныя упущенія г. Гессена: охотники найдутъ ихъ гораздо болѣе. Отличаясь полнымъ отсутствіемъ научной объективности, книга г. Гессена, любопытная по своей основной мысли, является довольно легковѣснымъ и слабымъ «опытомъ историческаго изслѣдованія», къ выводамъ и заключеніямъ котораго совѣтуемъ нашимъ читателямъ относиться съ большою критикой, неуклонно и строго провѣряя ихъ на каждомъ шагу. **О. фонъ-Штейнъ.**

Василій Васильевичъ Латышевъ. Краткій очеркъ двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности его. 1878—1903. Спб. 1903. (Въ продажѣ нѣтъ).

Тѣсный кружокъ почитателей академика В. В. Латышева,—хорошо извѣстнаго и цѣнимаго не только въ Россіи, но и за границей эллиниста,—рѣшилъ напечатать его краткій біографическій очеркъ съ приложеніемъ по возможности полнаго списка трудовъ. Мотивы, руководившіе составителями этой юбилейной памятной книжки, настолько симпатичны, что на нихъ нельзя не остановиться. «Было бы весьма нежелательно,—читаемъ въ очеркѣ,—чтобы въ наше время, когда погоня за матеріальными благами значительно преобладаетъ надъ всякаго рода возвышенными стремленіями, примѣръ столь самоотверженнаго служенія наукѣ, и притомъ такой, которая гонима толпою, прошелъ не замѣченнымъ, тѣмъ болѣе, что примѣръ этотъ можетъ быть и весьма назидателенъ для русскаго юношества».

Списокъ трудовъ академика Латышева, какъ отдѣльно изданныхъ, такъ и разбросанныхъ по различнымъ русскимъ и иностраннымъ журналамъ, занимаетъ цѣлыхъ 13 страницъ. Труды расположены въ хронологическомъ порядкѣ, и къ каждому изъ нихъ присоединены указанія на критическія статьи и рецензіи. Между трудами уважаемаго ученаго (о которыхъ нерѣдко сообщалось и на страницахъ «Историческаго Вѣстника) особенно обращаютъ на себя вниманіе такія капитальныя работы, какъ: «Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи» (докторская диссертація), «Очеркъ греческихъ древностей», «Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ», «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae» и т. д.

Къ настоящему очерку приложены два портрета академика Латышева: въ началѣ и въ концѣ его двадцатипятилѣтней учено-литературной дѣятельности.

М.

Димитрій Петрушевскій. Очерки изъ исторіи англійскаго государства и общества въ средніе вѣка. Ч I. Изд. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1903.

Проф. Петрушевскій, большой знатокъ англійской исторіи, авторъ диссертаціи о возстаніи Уота Тайлера, даетъ въ своей новой книгѣ изображеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ моментовъ въ развитіи общества и государства средневѣковой Англіи, начиная отъ англо-саксонскаго развитія до политической борьбы второй половины XIII вѣка. Политическое развитіе для автора лишь «одна изъ функцій соціальнаго строя». Здѣсь нѣтъ систематическаго изложенія хозяйственной и соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка, но эта сторона историческаго процесса не устранена въ книгѣ. Такъ, въ первой главѣ (англо-саксонское развитіе) много мѣста отведено соціальному строю англосаксовъ, феодализаціи англо-саксонскаго общества и государства. Въ остальныхъ 4-хъ главахъ (книга состоитъ изъ пяти главъ) соціальный строй въ его изображеніи уступаетъ мѣсто эволюціи политическаго строя Англіи. Но это сдѣлано, какъ заявляетъ самъ авторъ, «по соображеніямъ простого удобства», въ виду того, что проф. Петрушевскій намѣренъ въ особой книжкѣ разсмотрѣть эти вопросы. Такимъ образомъ, читатель найдетъ въ этомъ выпускѣ теорію нормандскаго завоеванія (2 гл.), изслѣдованіе о смутномъ времени въ англійскомъ королевствѣ и реформахъ Генриха II Плантагенета (3 гл)., анализъ и оцѣнку Великой Хартіи (4 гл.), наконецъ, исторію возникновенія парламента и характеристику его (5 гл.). Все это—результаты самостоятельнаго изслѣдованія ученаго, но ошибка, намъ кажется, заключается въ томъ, что эту книжку выпустили въ изданіи, имѣющемъ популярно-научный характеръ. Все же «Исторія Европы по эпохамъ и странамъ» имѣетъ въ виду средняго читателя: объ этомъ ясно сказано въ общемъ предисловіи къ изданію. Между тѣмъ, тонъ книги этой вовсе не годится для средняго читателя. Написана она очень сухо, яркости никакой, рельефа въ изображеніи ни малѣйшаго, множество латинскихъ выраженій такъ и пестрятъ въ книгѣ, и авторъ не счелъ нужнымъ ихъ перевести, множество деталей, разныхъ инструкцій, эдиктовъ мелкихъ— все это трудно усвоить неспеціалисту, для него все это — мало интересно. Отсутствіе обобщеній, руководящихъ нитей въ такомъ изданіи — непростительная ошибка автора и редакторовъ изданія, помѣстившихъ эту очень цѣнную, ученую книжку въ коллекцію популярно-историческихъ книгъ.

П. К—ій.

Музей изящныхъ искусствъ имени императора Александра III при Московскомъ университетѣ въ 1902 году. Записка проф. И. Цвѣтаева. Москва. 1903.

Дѣло созиданія Музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III въ Москвѣ близится къ концу. Лежащая передъ нами Записка профессора Московскаго университета И. Цвѣтаева знакомитъ насъ съ шестымъ годомъ дѣятельности комитета по устройству означеннаго просвѣтительнаго учрежде-

нія. Въ качествѣ секретаря этого комитета, профессоръ Цвѣтаевъ представляетъ въ общедоступной формѣ главнѣйшіе моменты довольно сложнаго годичнаго отчета, въ которомъ данныя строительнаго и хозяйственнаго характера чередуются со свѣдѣніями хозяйственнаго и артистическаго содержанія.

Истекшій годъ дѣятельности комитета характеризируется авторомъ Записки, какъ «періодъ напряженнаго исполненія работъ, начатыхъ прежде, съ одной стороны, и какъ пора воплощенія того, что носилось раньше лишь въ области гаданій, предположеній и мечты». Вмѣстѣ съ тѣмъ, истекшій періодъ времени «является поворотнымъ пунктомъ съ направленіи заботъ и попеченій комитета отъ вопросовъ, главнымъ образомъ, по возведенію зданія къ дѣлу его внѣшняго и внутренняго убранства». Къ наружнему украшенію музея за истекшій періодъ принадлежатъ начатыя работы по двумъ скульптурнымъ фризамъ, которые должны украсить главный фасадъ зданія. Фризъ, находящійся подъ колоннадою, по всему фасаду, будетъ изображать панаѳинейскую процессію по даннымъ іоническаго фриза Парѳенона въ Аѳинахъ; что же касается верхняго фриза, надъ портикомъ, то онъ долженъ представить, согласно проекту академика Залемана, снискавшему общее признаніе комитета, сюжетъ олимпійскихъ игръ. Заботы о внутреннемъ убранствѣ музея были сосредоточены за истекшій періодъ главнымъ образомъ вокругъ вопроса о стѣнной росписи залъ музея, высоко-художественнаго и дорогого предпріятія, которое является однимъ изъ многихъ даровъ товарища августѣйшаго предсѣдателя комитета, гофмейстера Ю. С. Нечаева-Мальцова. «Къ настоящему времени,—читаемъ въ Запискѣ,—опредѣлились какъ главные сюжеты будущихъ картинъ, такъ и общее направленіе предстоящихъ работъ. Въ виду преобладанія ландшафтнаго характера предположенной росписи, поставлено основнымъ принципомъ писать съ натуры, на мѣстахъ, и потому предрѣшена организація В. Д. Полѣновымъ спеціальнаго путешествія художниковъ въ Египетъ, Палестину, на острова Эгейскаго архипелага, въ Грецію, Константинополь и Италію» (стр. 32). Роспись музейскихъ залъ будетъ происходить подъ руководствомъ В. Д. Полѣнова и при содѣйствіи В. М. Васнецова и Н. В. Жуковскаго. **А—нъ.**

Э. А. Вольтеръ. Отчетъ о поѣздкѣ по библіотекамъ Австріи и Германіи осенью 1901 года. Спб. 1903.

Для выясненія и удовлетворенія изрядно уже назрѣвшихъ нуждъ русскаго библіотековѣдѣнія прежде всего необходимо практическое изученіе нѣкоторыхъ особенностей современнаго библіотекоустройства и книговѣдѣнія за границей. Съ цѣлью пріобрѣсти свѣдѣнія въ этой области библіотекарь перваго отдѣленія библіотеки нашей академіи наукъ, Э. А. Вольтеръ, совершилъ осенью 1901 года путешествіе по Австріи и Германіи, гдѣ обозрѣлъ всѣ мѣстныя усовершенствованныя книгохранилища и ознакомился съ существующими тамъ распорядками.

Отчетъ объ этой поѣздкѣ вышелъ въ свѣтъ лишь недавно, и изъ него видно, что г. Вольтеръ весьма добросовѣстно отнесся къ своей командировкѣ

и стремился извлечь изъ нея возможно больше свѣдѣній, пригодныхъ для примѣненія у насъ въ Россіи.

Особое вниманіе обозрѣватель иноземныхъ библіотекъ въ своей книжкѣ обращаетъ на постановку дѣла поступленія такъ называемыхъ обязательныхъ экземпляровъ въ Австріи, гдѣ ими надѣляются не только столичныя, но даже и областныя библіотеки, на развитіе работъ по каталогизаціи, регистраціи и инвентаризаціи произведеній печати, на устройство обществъ библіотекарей, читаленъ и спеціальныхъ музеевъ библіотековѣдѣнія, на способъ храненія книгъ и примѣненіе «книжныхъ магазиновъ» (Büchermagazine) изъ желѣза, на порядки выдачи книгъ для пользованія и проч.

Всѣ эти вопросы сконцентрированы авторомъ въ довольно детальной формѣ, и по внимательномъ просмотрѣ ихъ читатель долженъ сознаться, что дѣло библіотековѣдѣнія въ Россіи по сравненію съ положеніемъ его за границей находится въ самомъ зародышевомъ состояніи.

Несмотря на узко спеціальную тему, книжка г. Вольтера читается легко, безъ напряженія. Въ текстѣ встрѣчаются пояснительные рисунки и чертежи.

Вэге.

Новыя польскія изданія по исторіи и археологіи.

Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ «Историческаго Вѣстника» мы указали на то оживленіе, которое замѣчается въ польскомъ книгоиздательствѣ въ послѣднее время; главнымъ центромъ изданій историческихъ и энциклопедическихъ служитъ Варшава, затѣмъ Краковъ и Львовъ. Недавно и Познань внесла свою лепту—роскошное изданіе подъ названіемъ Tyszkiewiciana, 94 стр. in folio, цѣна 30 р., т. I. Въ типографскомъ отношеніи это изданіе не уступаетъ лучшимъ заграничнымъ изданіямъ; текстъ иллюстрированъ политипажами въ краскахъ. Въ отношеніи содержанія это сочиненіе представляетъ собою собраніе замѣтокъ и документовъ, относящихся къ семьѣ графовъ Тышкевичей, но въ виду той важной роли, которую они играли въ политикѣ Польши въ XVIII вѣкѣ и началѣ XIX в., документы эти имѣютъ большею частію значеніе и для исторіи Польши послѣдняго времени. Сочиненіе это, небольшое по объему (94 страницы), очень разнообразнаго содержанія и распадается на нѣсколько отдѣловъ. Отдѣлъ Militaria начинается очеркомъ военной дѣятельности 17-го Литовскаго коннаго полка, выставленнаго графомъ Михаиломъ Тышкевичемъ въ 1812 году. Здѣсь приводится и военная литовская пѣсня, описывается вооруженіе и форма войскъ. Во 2-ой же части этихъ Militaria описана военная служба Тышкевичей съ 1400 по 1863 годъ и иллюстрирована Коссакомъ. Заканчивается отдѣлъ очень тщательно и подробно составленными библіографическими свѣдѣніями объ именитыхъ и достославныхъ графахъ, портреты которыхъ украшаютъ въ хронологическомъ порядкѣ третью часть этой книги. Далѣе нумизматическій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ монеты и медали, выбитыя частію при Ѳеодорѣ Скуминѣ Тышкевичѣ, когда онъ былъ podskarbim, частію носящія характеръ воспоминаній о различныхъ эпизодахъ жизни членовъ этой фамиліи. Кончается этотъ томъ описаніемъ коллекцій и дворцовъ, принадлежащихъ

Тышкевичамъ. Въ общемъ этотъ томъ богатъ данными историческими, генеалогическими, нумизматическими и, конечно, не слишкомъ дорогъ по цѣнѣ, если принять во вниманіе его спеціальное назначеніе—прославленіе рода Тышкевичей. Другая монографія Ал. Краусгара: Королевское общество любителей наукъ (1800 — 1832) — Towarzystwo krolewskie Przyjaciól Nauk, księga III, czasy Królestwa Kongressowego (1820—1824), съ иллюстраціями, стр. 476, изданіе Гебетнера и Вольфа, отличается обычной автору добросовѣстностью въ работѣ и касается времени процвѣтанія этого общества, одновременно съ процвѣтаніемъ Варшавскаго университета. Въ обществѣ участвуютъ ректоръ Скродцкій, Mile, Скарбекъ и др. Шагъ за шагомъ разбирая каждое собраніе, каждый протоколъ собранія, сообщая содержаніе каждаго реферата, авторъ дастъ намъ подробную картину жизни этого общества, столь сильно повліявшаго на развитіе тогдашняго общества. Рядъ портретовъ Лелевеля, Нѣмцевича, Бандтке, Бентковскаго и многихъ другихъ, рисунки историческихъ памятниковъ дополняютъ картину.

Третье иллюстрированное изданіе—Święcicki: Historya literatury Żydowskiej, съ иллюстраціями—очень обширное сочиненіе, интересно не только съ общегуманитарной точки зрѣнія, но имѣетъ и спеціальное значеніе, выясняя то, о чемъ мы слышимъ и говоримъ постоянно, какъ о чемъ-то далекомъ и таинственномъ. Именно во 2-мъ томѣ этого сочиненія, недавно вышедшемъ изъ печати, имѣемъ апокрифическую литературу и псевдоэпиграфы; литературу эллиноеврейскую, характеристику и происхожденіе Мишны, Геморы и Талмуда и, наконецъ, очеркъ ремеслъ и искусствъ. Все это помѣщено на 312 страницахъ первой части 2-го тома. Вездѣ авторъ указываетъ источники, изъ которыхъ черпаетъ свои свѣдѣнія, и очень ясно излагаетъ свои мысли, чѣмъ выгодно отличается отъ нѣсколько темнаго въ выраженіяхъ А. Краусгара, о которомъ мы выше упоминали. Въ заключеніе укажемъ, что 300-лѣтняя годовщина рожденія ксендза Кордецкаго, настоятеля Ченстоховскаго монастыря, отразившаго съ 200 шляхты 14 тысячъ шведскаго войска подъ начальствомъ извѣстнаго генерала Миллера, вызвала цѣлый рядъ новыхъ монографій по этому поводу, а «Библіотека христіанскихъ дѣлъ» (Biblioteka Dzieł Chrześciańskich) опубликовала біографію его, написанную товарищемъ Кордецкаго, подъ заглавіемъ: Vita religiosa et finis felix A. R. P. Provin-ts Augustini Kordecki. Интересно, что къ празднованію годовщины нашли и останки Кордецкаго въ подземельяхъ Ясной Горы, давно заброшенныхъ. Среди массы глиняныхъ урнъ около аршина высотой на одной прочли надпись: Prochy ks. Augustyna Kordeckiego.

О. Гин въ.

Ф. Монье. Опытъ литературной исторіи Италіи XV вѣка. Кваттрогенто. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1904.

«Кваттрогенто»—важнѣйшій моментъ въ исторіи человѣческой культуры, грань между средней и новой исторіей, когда на обломкахъ старой жизни возникла новая эпоха въ исторіи человѣчества—гуманизмъ.

Послѣ извѣстныхъ сочиненій Буркхардта, Фогта и Корелина книга Монье одинъ изъ самыхъ блестящихъ трудовъ по гуманизму. И написана эта книга

увлекательно, и много въ ней богатаго матеріала. Монье интересуетъ этотъ вѣкъ, какъ эпоха, полная противорѣчій и контрастовъ, изобилующая анахронизмами и противорѣчіями, усѣянная развалинами старой жизни и набросками новыхъ построекъ. Онъ же даетъ опредѣленія гуманизма, у него нѣтъ теоретическаго построенія. Даже, говоря о Петраркѣ, онъ не подчеркиваетъ громаднаго значенія индивидуализма перваго гуманиста. То же можно сказать и о Боккаччіо. И тѣмъ не менѣе его книга—увлекательная картина итальянскаго общества въ моментъ его пробужденія. Все живые люди, близко знакомая художнику обстановка.

Авторъ начинаетъ свою картину съ изображенія синьоріи, въ которую преобразовалась коммуна, и которая играла такую важную роль въ Италіи. Передъ нами проходитъ цѣлая галлерея тирановъ XV в., съ ихъ пороками и доблестью, жестокостью и мягкостью, гнусностью и благородствомъ, съ душою волка и профилемъ камеи. Онъ изображаетъ, какъ въ ту эпоху рядомъ съ кинжаломъ существовало и болѣе опасное оружіе — разумъ, который крѣпнетъ по мѣрѣ того, какъ мечъ покрывается ржавчиной. Глава, въ которой дана характеристика общества того времени (II), одна изъ остроумнѣйшихъ частей книги. И здѣсь историка интересуетъ тотъ поразительный контрастъ, который наблюдается имъ въ обществѣ XV в. «Это общество наполовину варварское. Оно только что вышло изъ среднихъ вѣковъ, оно сохраняетъ ихъ грубый отпечатокъ. Оно походитъ на тѣ кровати пышнаго двора Феррары, о которыхъ намъ разсказываютъ, что онѣ были украшены драгоцѣнной рѣзьбой, убраны дивными коврами, покрывалами изъ камки, бархата, парчи, вышитыхъ золотомъ и серебромъ. Снимемъ эти пышныя ткани: увидимъ дырявыя простыни и торчащую солому». Люди еще грубы. «Отъ нихъ пахнетъ конюшней», они тяжело сложены, неповоротливы. И въ то же время видимъ тутъ—тонкость, заботу о классической литературѣ, ужасающую откровенность, простоту, отсутствіе предразсудковъ—видимъ жизнь, полную молодости и свѣжести.

Все сочиненіе Монье состоитъ изъ четырехъ книгъ. Въ первой онъ изображаетъ соціальный строй Италіи въ XV вѣкѣ, во второй—гуманизмъ во Флоренціи, Миланѣ, Венеціи, Римѣ и Неаполѣ, работу гуманистовъ, роль краснорѣчія въ итальянской жизни и значеніе латинскаго языка (вся книга озаглавлена: «Латинскій языкъ»). Третья книга посвящена распространенію греческаго языка въ Италіи. Здѣсь описанъ дворъ Лоренцо Медичи, дана блестящая характеристика этого молодого до конца жизни государя (269—276), обрисованы дворцовый кружокъ, празднества и прелесть жизни при его дворѣ, а въ трехъ послѣднихъ главахъ выяснено значеніе итальянскаго эллинизма и вліяніе его на Европу. Послѣдняя книга разсматриваетъ возрожденіе въ Феррарѣ, Неаполѣ и выясняетъ постепенное возвращеніе къ итальянскому языку. Отъ государей, ученыхъ, поэтовъ Монье переходитъ къ народу, къ его поэзіи, религіозному чувству и художественному. Въ заключеніе авторъ выясняетъ значеніе Савонаролы, пытавшагося остановить вѣкъ. Переведена книга Монье очень хорошо, но цѣна дорога—4 р. (37 печ. листовъ). П. К.

Я. Б. Шницеръ. Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1903.

Книга эта—одно изъ роскошныхъ изданій г. Маркса, которыя такъ хорошо извѣстны русской публикѣ. Предназначенная для популярнаго чтенія, она вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Но изданіе это еще и потому имѣетъ большое значеніе, что по вопросу объ исторіи письменности въ нашей популярно-научной литературѣ ничего нѣтъ (не говоримъ объ устарѣлой во многихъ отношеніяхъ книгѣ Шрадера «Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія», такъ какъ ее очень нелегко читать). Книга г. Шницера—единственный цѣльный и систематическій трудъ по этому вопросу.

Спеціальная цѣль его сочиненія—«выяснить существованіе тѣсной родственной связи между всѣми письменами земного шара, т.-е. показать, на основаніи сравнительнаго изученія различныхъ памятниковъ древней письменности, что письмена, подобно языкамъ, не выдумывались и не изобрѣтались отдѣльными личностями, какъ это принято было думать на основаніи преданій, а вырабатывались и развивались одно изъ другого, подчиняясь тѣмъ же законамъ эволюціи и постепеннаго развитія, какимъ подчинено происхожденіе міровъ, растеній и вообще всего того, что когда либо возникало или возникаетъ въ природѣ. Книга распадается на двѣ части.

Выяснивъ сущность письменъ и ихъ всемірное значеніе, авторъ переходитъ къ изображенію подготовительнаго періода въ исторіи письма, къ передачѣ мыслей и желаній посредствомъ окружающихъ предметовъ, которыми выражаются всевозможныя понятія. Такова была «письменность» у всѣхъ первобытныхъ народовъ. При этомъ авторъ придаетъ большое значеніе такъ называемому узловому письму, которымъ пользовались въ древности персы, китайцы, перуанцы, и которое въ настоящее время служитъ способомъ выраженія мыслей у нѣкоторыхъ народовъ въ Америкѣ (перуанцы, мексиканцы), а также у дикихъ племенъ Западной Африки.

Въ исторіи начертательнаго письма авторъ различаетъ три основныхъ стадіи: письмо картинное (идеографическое), гіероглифическое и фонетическое, или буквенное. Первые зачатки начертательнаго письма авторъ справедливо видитъ въ татуировкѣ, которая пріучила людей изображать свои мысли при помощи рисунковъ, послуживъ, такимъ образомъ, переходомъ къ картинному письму. Это письмо возникло и развивалось именно у тѣхъ народовъ, гдѣ процвѣтала татуировка.

Въ исторіи картиннаго письма большую роль играла живопись, существовавшая въ самыя отдаленныя эпохи человѣческой жизни. Въ этомъ идеографическомъ періодѣ письмо представляло собою рядъ рисунковъ, почти всегда загадочныхъ для насъ, но понятныхъ для первобытнаго человѣка. Приводя образчики идеографической письменности, авторъ знакомитъ насъ съ картиннымъ письмомъ китайцевъ, японцевъ и корейцевъ.

Образное письмо было замѣнено іероглифическимъ египтянами. Въ книгѣ г. Шницера приводится исторія дешифровки іероглифическихъ надписей, авторъ разсказываетъ о Шампольонѣ и его трудахъ, но лишь вскользь назы-

васть его преемниковъ. Далѣе, идеть описаніе клинообразной письменности (ассиро-вавилонская, мидійская, персидская).

Вторая часть книги даетъ подробную исторію алфавита, распаденіе его на отдѣльные типы и эволюцію современнаго алфавита. Здѣсь авторъ, начиная отъ финикійскаго алфавита, переходитъ къ арабской письменности, къ греческому письму, латинскому алфавиту и славянской письменности, обзоромъ которой и заканчивается его книга.

Множество прекрасныхъ рисунковъ, отпечатанныхъ красками и золотомъ роскошныхъ таблицъ, въ которыхъ воспроизведены образцы памятниковъ письменъ, придаютъ несомнѣнную цѣнность этому изданію. К.

И. Анненскій. Античная трагедія. Спб. 1903.

Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ этюдовъ виконтъ Мельхіоръ де-Вогюэ замѣчаетъ между прочимъ, что русскій человѣкъ, вообще говоря, склоненъ къ мистицизму. Мы затрудняемся сказать, насколько правъ французскій писатель, если онъ имѣетъ въ виду исключительно мистицизмъ религіозный, иное дѣло, если онъ подразумѣваетъ мистицизмъ общественный, тогда къ словамъ его нельзя не присоединиться.

У насъ на Руси есть циклъ общественныхъ вопросовъ, которыхъ изслѣдователю лучше не касаться, ибо сложнѣйшую и запутаннѣйшую задачу составляетъ добраться до коренной, реальной ихъ сущности, такъ какъ она сокрыта отъ наблюдателя густымъ, едва проницаемымъ слоемъ перемѣнчивыхъ смутныхъ признаковъ и окутана тяжелымъ покровомъ какого-то мистическаго и неопредѣленнаго тумана. Именно въ такомъ положеніи находится вопросъ классицизма вообще и неразрывно съ нимъ связанное дѣло классической системы воспитанія. «Съ легкой руки» графа Дм. Андр. Толстого у насъ весьма многіе привыкли смотрѣть на древніе языки, какъ на какой-то высшій, хотя и не всѣмъ понятный культъ, затрудняясь подчасъ выставить самые примитивные доводы въ пользу его существованія. Остановившись на бездоказательной формулѣ: «классицизмъ великъ», подсказанной свыше и вызванной къ бытію ложно понятыми потребностями государственной жизни, стали преклоняться не только передъ античной культурой, философскими системами Платона и Аристотеля или творческимъ геніемъ Еврипида, но перенесли свое слѣпое благоговѣніе на грамматику древнихъ языковъ, видя въ ней могущественную панацею всѣхъ внутреннихъ золъ и общественныхъ неурядицъ Россійскаго государства.

Въ своей плодотворной научно-литературной дѣятельности г. Анненскій является проповѣдникомъ иного классицизма: классицизма духа въ противовѣсъ классицизму буквы. Обладая обширной научной эрудиціей, знатокъ сравнительнаго языкознанія, г. Анненскій справедливо почитается выдающимся авторитетомъ въ области вопросовъ античной литературы и культуры классической древности. Тонкій эстетикъ и превосходный переводчикъ новѣйшихъ французскихъ поэтовъ, онъ представляетъ солидную творческую силу. Стре-

мясь возродить позабытые сюжеты утраченныхъ трагедій Еврипида, г. Анненскій въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ, «Меланиппа-Философъ» (1901) и «Царь Иксіонъ» (1902) выступаетъ въ роли создателя нео-еврипидизма, какъ своеобразнаго направленія въ современномъ художественномъ творчествѣ.

Осенью 1901 года «кружкомъ любителей художественнаго чтенія и музыки» былъ задуманъ рядъ публичныхъ лекцій по драматической литературѣ. Принять участіе въ чтеніяхъ согласились профессоръ Ѳ. Д. Батюшковъ, приватъ-доцентъ Б. В. Варнеке, П. И. Вейнбергъ, П. Я. Деларовъ, профессоръ Ѳ. Ф. Зѣлинскій и многіе другіе, но намѣреніе это почему-то не осуществилось, и изъ цикла задуманныхъ лекцій состоялась лишь одна—г. Анненскаго объ античной трагедіи. Напечатанная первоначально въ ноябрьской книжкѣ журнала «Міръ Божій» за 1902 годъ, работа г. Анненскаго нынѣ вышла отдѣльнымъ изданіемъ: она заслуживаетъ особеннаго вниманія еще потому, что г. Анненскій—авторъ превосходныхъ и справедливо пользующихся широкою извѣстностью переводовъ изъ эллинскихъ драматическихъ писателей. Въ своемъ чтеніи г. Анненскій останавливается между прочимъ па вопросахъ Діонисова культа и происхожденія греческой трагедіи, опредѣляетъ роль миѳа на эллинской сценѣ. Говоритъ онъ подробно о характерахъ въ античной драмѣ въ связи со значеніемъ послѣдней для древняго міра. Очень отчетлива и рельефна его сравнительная характеристика Эсхила, Софокла и Еврипида, какъ разновременныхъ представителей художественнаго творчества въ древнее время. Мы не станемъ характеризовать подробно взгляды и мнѣнія г. Анненскаго; скажемъ только, что въ нихъ повсюду виденъ чуткій художественный критикъ и глубокій эстетъ, нервное дарованіе котораго въ высшей степени способно къ перевоплощеніямъ. Знакомство съ «Античной трагедіей», какъ и съ большинствомъ другихъ произведеній того же автора, доставитъ читателю высокое удовлетвореніе. Въ концѣ своей работы г. Анненскій останавливается на животрепещущемъ и знаменательномъ вопросѣ: какое значеніе имѣютъ для современной литературы и театра классическія драмы эллиновъ? Чуть ли не каждая изъ нихъ обросла большой литературой переводовъ, передѣлокъ, подражаній, и не одна внушила поэтамъ вдохновенныя созданія. «Ифигенія» Гете настолько самобытное произведеніе германскаго генія, что было бы несправедливо разсматривать ее только, какъ переработку античной трагедіи. Художественная литература, примыкающая къ античнымъ драмамъ, растетъ съ каждымъ днемъ. Мы имѣемъ или имѣли еще вчера Роберта Браунинга, Грилльпарцера, Леконта де Лиль. Отъ подражанія готовымъ образцамъ поэзія идетъ къ реконструкціи погибшихъ по отрывкамъ,—мысль, которая занимала еще Гёте и которая такъ блистательно выполнена была Сюинберномъ въ его «Аталантѣ». Но было бы столь же неестественно связывать область творчества филологическими проблемами, какъ и стѣснять научное изслѣдованіе поэтической формою. Область фрагментовъ изъ античныхъ трагедій и миѳовъ должна являться лишь однимъ изъ источниковъ свободной творческой работы. Лишь свободному возсозданію греческихъ миѳовъ суждено пойти далѣе школьнаго упражненія на готовую тему.

Но что же привлекательнаго въ античной трагедіи сохранится для поэта до сихъ поръ? Во-первыхъ, въ миѳахъ есть просторъ для самаго широкаго

идеализма. Въ нихъ есть и силуэты тѣхъ героическихъ поднимающихъ душу образовъ и ситуацій, и тѣ благородно мажорныя ноты, которыхъ не хватаетъ современнымъ темамъ, и которыхъ мы такъ справедливо ждемъ отъ театра. А что лучше: насиловать ли дѣйствительность, оставаясь въ ея рамкахъ,—или же на минуту оживить вѣру въ тѣ сказки, которыя составляли нѣкогда душу великаго народа? Затѣмъ нельзя закрывать глазъ и на то обстоятельство, что античная трагедія давно уже понемногу овладѣваетъ желаніями современнаго зрителя, но что люди точно боятся высказать эти желанія. Всѣ мы хотимъ на сценѣ прежде всего красоты, но не статуарной и не декоративной, а красоты,какъ таинственной силы, которая освобождаетъ насъ отъ тумана и паутины жизни и даетъ возможность на минуту прозрѣть несозерцаемое, словомъ красоты музыкальной, а эта-то именно красота и составляла идеалъ античной трагедіи,—именно она своими блестками и сдѣлала драму эллиновъ великою и безсмертною. Я думаю наконецъ,—заключаетъ г. Анненскій свой этюдъ,—что сообразно цѣли и нѣкоторые пріемы античной сцены ждутъ своей очереди на нашей. Рѣчь идетъ, конечно, не объ открытыхъ театрахъ, маскахъ или котурнахъ, а о музыкѣ и балетѣ, т. - е. о широкомъ развитіи лиризма и мимики, которые были такъ долго и такъ несправедливо разобщены съ трагедіей, этой универсальной формой творчества, поскольку оно является вѣчнымъ исканіемъ тайны красоты (стр. 51—52).

Хорошимъ книгамъ, какъ и хорошимъ мыслямъ, слѣдуетъ желать широкаго распространенія. Очеркъ г. Анненскаго объ античной трагедіи несомнѣнно принадлежитъ къ числу хорошихъ книгъ, а потому его можно смѣло рекомендовать всякому живо интересующемуся вопросами идейнаго классицизма.

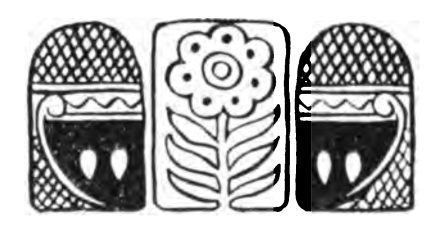
Сергѣй фонъ-Штейнъ.

Комиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній. Эпизодическія программы. Серія I. М. 1903.

Систематическія программы по самообразованію по всѣмъ отраслямъ знаній, выпущенныя комиссіей по организаціи домашняго чтенія при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній, въ свое время обратили вниманіе печати и по достоинству были оцѣнены. Чтенія, предлагавшіяся этими программами, были разсчитаны на четыре года серіозныхъ занятій и охватывали приблизительно сферу университетскаго преподаванія. Въ настоящее время эта комиссія приступила къ осуществленію другого своего предположенія—къ изданію программъ чтенія и занятій по отдѣльнымъ вопросамъ той или другой науки. Эти эпозодическія программы по самымъ различнымъ темамъ передъ систематическими имѣютъ то преимущество, что онѣ не такъ громоздки и представляютъ большой просторъ индивидуальнымъ желаніямъ и требованіямъ. По каждому вопросу указываются пособія, намѣчается планъ занятій и предлагаются темы для письменныхъ работъ, чтеніе которыхъ беретъ на себя членъ комиссіи — авторъ программъ. Комиссія рѣшила выпу

скать свои эпизодическія программы серіями. Въ лежащую передъ нами первую серію вошло 12 программъ—4 по исторіи: 1) Древній Египетъ, 2) Средневѣковой городъ, 3) Исторія французской революціи, 4) Смутное время въ Московскомъ государствѣ. 4 по исторіи литературы: 5) Героини Ибсена, 6) Валленштейнъ Шиллера, 7) Байронъ и его время, 8) Новгородскія былины; одна программа по городскому хозяйству: 9) Городское хозяйство и городскіе финансы; 2 по уголовному праву: 10) Факторы преступности, 11) Основы судебной реформы въ 1864 г. и 12) Вопросы о смертной казни въ старой и новой литературѣ.

По поводу программъ по вопросамъ историческимъ и историко-литературнымъ приходится сказать, что, конечно, работающій по нимъ получитъ несомнѣнную пользу, но нужно отмѣтить, что взгляды составителей на свои задачи нѣсколько расходятся: одни изъ нихъ даютъ подробно разработанныя программы, такъ, напримѣръ, программа г. Жураковскаго на тему о героиняхъ Ибсена, другіе же ограничиваются примитивными указаніями, совершенно не имѣющими въ виду спеціализаціи занятій. То, что вынесетъ читатель, изучившій древній Египетъ по программѣ г. Гершензона и новгородскія былины по программѣ г. Мендельсона, врядъ ли прибавитъ что нибудь къ результатамъ общаго знакомства съ вопросами по общимъ программамъ? Впрочемъ, предполагаются читатели, не проходившіе общаго курса по систематическимъ программамъ, но, все равно, новгородскими былинами, напримѣръ, можно заниматься только послѣ общаго знакомства съ народной словесностью. Эти замѣчанія совершенно не умаляютъ значенія эпизодическихъ программъ; остается лишь пожелать широкаго ихъ распространенія. Щ.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Колдовство и отравы. Докторъ Кабанесъ выпустилъ еще одно изслѣдованіе [1]), на этотъ разъ въ сотрудничествѣ съ д-ромъ Нассомъ. Въ немъ онъ касается исторіи отравъ и колдовства съ древнихъ временъ и до позднѣйшихъ. Онъ разсматриваетъ ее съ двухъ точекъ зрѣнія—съ политической и соціальной. Первая относится къ исторіи, такъ какъ въ извѣстныя эпохи, напримѣръ, во времена цезарей, Борджіа, Медичи, и регентства и въ нѣкоторыхъ странахъ съ неограниченнымъ правленіемъ, гдѣ правители занимали тронъ, благодаря придворнымъ революціямъ, ядъ часто прекращалъ нормальное теченіе той или другой династіи. Впрочемъ немало было и вымышленныхъ случаевъ отравы, какъ, напримѣръ, относительно Катерины Медичи, приближенныхъ Людовика XIV, регента и Людовика XVI. Относительно соціальной точки зрѣнія дѣло обстояло иначе; отравы случались почти эпидимически и были обязательно связаны съ колдовствомъ и суевѣріемъ. Онѣ случались именно въ то время, когда обществомъ овладѣвала эпидемія суевѣрія. Ядъ игралъ важную роль еще въ самыя древнія времена, что видно въ миѳологическихъ легендахъ, которыя, несмотря на всю баснословность и груду символовъ, служатъ философіей и нравственной моралью древнихъ людей, и въ нихъ видны человѣческія трагедіи; Медея и Цирцея служатъ лучшими доказательствами. «Никто, говоритъ Діодоръ, не зналъ лучше Цирцеи природы различныхъ растеній, никто не шелъ далѣе ея въ приготовленіи ядовъ; благодаря своему генію, она сдѣлала новыя открытія». Но еще за четыре вѣка до нея, по словамъ Овидія, король

[1]) Poisons et sortilèges, par docteur Cabanès et Nass. Paris. 1903.

Аркадіи, Ликаонъ, былъ превращенъ въ волка. Это былъ первый примѣръ странной формы умственнаго помѣшательства, извѣстнаго подъ именемъ «ликантропіи». Въ тѣ времена ликантропія была сильно развита; врачъ и магъ Меламиъ излѣчивалъ ее посредствомъ чемерицы, которую, тысячу лѣтъ спустя, Гиппократъ еще считалъ слабительнымъ средствомъ; очевидно, что тогда причиной сумасшествія считали меланхолію. Въ своихъ «Метаморфозахъ» Овидій ясно даетъ понять, что эпидемія безумія существовала въ доисторическія времена, а потому, утѣшаетъ Кабанесъ, нервозность не есть продуктъ, порожденный современными условіями жизни, но кроется въ самомъ человѣчествѣ. Напротивъ съ прогрессомъ цивилизаціи и уничтоженіемъ суевѣрія она проявляется въ менѣе тяжелой формѣ, какъ въ древнія времена. Виргилій въ своемъ произведеніи «Буколики», которое было отголоскомъ народныхъ мнѣній того времени, дѣлалъ изъ людей оборотней посредствомъ различныхъ ядовитыхъ растеній. Въ восточныхъ сказкахъ говорится о феяхъ, превращавшихъ людей въ звѣрей. Итальянскія же колдуньи превлекали путешественниковъ и заставляли ихъ съѣдать кусочекъ сыра, въ которомъ находилась отрава, превращавшая неосторожныхъ во вьючныхъ животныхъ; колдуньи пользовались такимъ состояніемъ и складывали на нихъ свой багажъ. Когда оканчивалось путешествіе, и онѣ не нуждались болѣе во вьючныхъ животныхъ, то возвращали довѣрчивымъ путешественникамъ ихъ первоначальный видъ. «Безъ сомнѣнія,—говоритъ Кабанесъ:—онѣ затемняли имъ умъ посредствомъ наркотиковъ, которые возбуждали галлюцинаціи, а потомъ съ помощью противоядія возвращали имъ прежнее нормальное состояніе. Напримѣръ, Памфилія, по словамъ Апулея, намазывала себѣ тѣло помадой, благодаря которой она превращалась въ птицу и летала вокругъ любимаго человѣка. Чтобы возвратить себѣ прежній видъ, она съѣдала розы. Въ христіанскую эпоху императоръ Сигизмундъ (1366 г.), желая проникнуть тайну ликантропіи, призвалъ самыхъ ученыхъ богослововъ, которые послѣ тысячи опытовъ признали, что превращеніе людей въ животныхъ положительный фактъ, и не вѣрить ему было бы ересью. По словамъ д-ра Кабанеса, ликантропія можетъ быть вызвана посредствомъ извѣстныхъ травъ или растеній и внушенія. Въ растительномъ царствѣ между прочимъ были извѣстны белена и мондрагоръ, или, какъ простой французскій народъ называетъ, «трава Цирцеи», а русскій—Адамовой головой. Второму случаю—внушенію или истерическому самовнушенію, приписывали демоническую силу. Только въ началѣ XIX вѣка доктора признали патологическій характеръ подобныхъ умственныхъ болѣзней. Вмѣстѣ съ волшебствомъ существовало искусство отравленія: оно такъ же старо, какъ свѣтъ, и обыкновенно волшебство имѣло съ нимъ тѣсную связь. Еще въ доисторическую, именно каменную эпоху, когда человѣку приходилось имѣть дѣло съ такими непріятелями, какъ гигантскія животныя, противъ которыхъ человѣческія силы были слишкомъ слабы, онъ сначала прибѣгалъ къ каменнымъ копьямъ, которыя бросалъ руками или прикрѣплялъ къ тростнику, а затѣмъ обратился къ отравленнымъ стрѣламъ. Впрочемъ и теперь еще существуетъ такой способъ самозащиты у дикихъ народовъ. Гомеръ разсказываетъ, что Улиссъ просилъ у царя эпирскаго яда для отравленія стрѣлъ, но

царь изъ уваженія къ богамъ отказалъ ему. Однако Минерва, т.-е. мудрость и разсудительность, помогла Уллису, и Юпитеръ предложилъ ему то, въ чемъ отказалъ царь эпирскій. Хотя этотъ разсказъ легендаренъ, но въ немъ есть доля правды, т.-е. изъ него видно, что въ ту эпоху знали о существованіи отравленныхъ стрѣлъ. Кельты—по словамъ Аристотеля, и геты, по увѣренію Овидія, также прибѣгали къ яду. Послѣдніе употребляли для этой цѣли не только желчь пресмыкающихся, но и кровь, что̀ усиливало еще болѣе смертоносную силу яда. Исключая яда гадюкъ, всѣ яды принадлежали къ растительному царству. По мнѣнію Кабанеса, очевидно ядъ змѣй былъ въ то время сильнѣе и составлялся изъ разнаго рода змѣй, что̀ видно изъ произведеннаго ими различнаго дѣйствія, согласно обстоятельствамъ, температурѣ и времени. Даже въ сухомъ видѣ этотъ ядъ сохранялъ свою силу. Однако низкая температура того времени, которую не могли переносить змѣи, и незначительный процентъ яда, выдѣляемаго змѣями, заставлялъ нашихъ праотцевъ прибѣгать къ помощи растительныхъ ядовъ, изъ которыхъ самый сильный былъ аконитъ. Теперь нѣкоторыхъ изъ растеній уже болѣе не существуетъ. Кельты и галлы прибѣгали въ особенности къ бѣлой сабадиллѣ, экстрактъ которой извѣстенъ подъ названіемъ вератрина. Плоды и листья тиса играли немалую роль въ древности. Кромѣ того, отравляли стрѣлы составомъ, сдѣланнымъ изъ головъ гремучихъ змѣй съ печенью оленей; всю эту смѣсь оставляли гнить, а затѣмъ смачивали ею стрѣлы. Точно также древніе пользовались ядомъ и другихъ пресмыкающихся. Впрочемъ ядомъ пользовались въ тѣ времена не только съ цѣлью самозащиты, охоты и колдовства, но и какъ орудіемъ правосудія. Такъ въ представленіи первобытныхъ народовъ конвульсіи имѣли связь съ одержаніемъ бѣсомъ, а потому обвиняемому давали ядъ, производящій конвульсіи; если съ несчастнымъ дѣлались конвульсіи, и онъ умиралъ, то считался колдуномъ, если же оставался живъ, то обвинителя продавали въ рабство. На Мадагаскарѣ, прибѣгали въ этомъ случаѣ къ яду, который парализируетъ. Въ Сѣверной Америкѣ невѣрную жену принуждали проглотить сильную дозу индѣйскаго перца; если ея лицо не искажалось, то она—невинна, иначе ее признавали виновной, и правосудіе произносило свой приговоръ. Наука объ отравахъ и ядахъ была очень разработана въ древности, что̀, конечно, повлекло за собою изученіе противоядій. Уже заранѣе принимались мѣры противъ отравъ въ видѣ противоядій, или пріучали себя къ яду ежедневными постепенными дозами. Вообще древніе не были невѣждами по части химіи, а пріобрѣтеніемъ ядовъ не пренебрегали даже цари. Такъ Митридатъ дѣлалъ на себѣ испытанія, принимая ежедневно малую дозу яда и подвергая этому опыту осужденныхъ. Когда онъ видѣлъ, что ядъ производилъ свое дѣйствіе, то принималъ противоядіе. Впослѣдствіи онъ усовершенствовалъ свой методъ искусственной прививки яда, соединивъ въ одномъ противоядіи всѣ извѣстные яды и смѣшивая ихъ съ ароматическими веществами, уменьшавшими болѣзнетворность ядовъ. Мало того, онъ былъ даже предвозвѣстникомъ сывороточной прививки, прибавляя къ противоядіямъ кровь животныхъ, которыя питались ядовитыми змѣями; съ этой цѣлью онъ избралъ гусей, живущихъ на Черномъ морѣ и питающихся ядовитыми змѣями. Этотъ подозрительный и недовѣрчивый государь берегъ свои яды такъ же тща-

тельно, какъ и сокровища. Онъ всегда носилъ ихъ при себѣ на случай необходимости и съ ихъ помощью освобождался отъ лишнихъ для него людей. Послѣ его пораженія Помпей нашелъ въ секретныхъ архивахъ цѣлую библіотеку, относящуюся до науки объ ядахъ. Египетскіе цари также изучали яды, и Египетъ былъ классической страной отравъ. Дочь Юпитера, Елена, обладала искусно составленными ядами, чему она научилась у египтянки Полидамны. Вообще Греція научилась искусству отравлять у египтянъ. Въ Индіи существовалъ законъ предавать смертной казни того, кто сообщалъ объ ядѣ, не указывая на его противоядіе, а одинъ индѣйскій народъ, катейцы, издалъ законъ сжигать вдовъ на кострахъ, гдѣ сгоралъ трупъ ихъ мужей. Это дѣлалось въ виду того, что жены отравляли своихъ мужей, съ цѣлью сойтись съ молодымъ любовникомъ. Вообще, въ Индіи отравленіе не представляло затрудненій, такъ какъ эта страна изобиловала ядовитыми растеніями. Напротивъ, греки старались не посвящать народъ въ искусство отравленій, хотя Орфей занимался изученіемъ растительныхъ и животныхъ ядовъ, но въ своей поэмѣ «De lapidibus» онъ, въ особенности, стремился указать на противоядія. Гиппократъ умалчивалъ объ ядѣ, а законы Платона запрещали докторамъ, подъ страхомъ смертной казни, прописывать ядъ или говорить о немъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Римляне познакомились съ искусствомъ отравленій отъ грековъ, хотя персы считали себя ихъ учителями. Сначала было принято не говорить о составѣ ядовъ, но потомъ нашли полезнѣе предупреждать объ опасности, а въ римскихъ садахъ стали сѣять макъ для добыванія опія, которымъ отравился предокъ Мецената. Римляне умѣли извлекать изъ мака еще два яда, не менѣе сильные, чѣмъ опій. Въ одинаковой степени они прибѣгали и къ мандрагору, вызывавшему мгновенную потерю чувствительности, и белладонѣ; посредствомъ ея Медея достигала галлюцинаціи зрѣнія, которою умѣло пользовалась. Она прибѣгала для своихъ волшебствъ также къ тису, ядовитое свойство котораго было тоже извѣстно. У грековъ отравители раздѣлялись на категоріи и носили различныя названія. Римляне раздѣляли ихъ на venerarii и veneficii, такъ какъ они умѣли приготовлять яды и занимались отравами,— genethliaci и mathematici, потому что они составляли гороскопы и прибѣгали къ вычисленію для предсказанія будущаго. Во время республики отравленія такъ были распространены, что пришлось издать законъ, согласно обстоятельствамъ. Нѣкоторое время спустя, въ эпоху консульства Флака и Маркела, матроны составили тайное общество и предавались разврату, чтò вызвало новый законъ противъ разврата. Онѣ поклялись отдѣлаться съ помощью яда отъ всѣхъ добродѣтельныхъ сенаторовъ, написавшихъ его. Но сенаторовъ объ этомъ предупредили. Матроны энергично отрицали свою вину, ссылаясь на то, что это былъ не ядъ, и предложили сдѣлать опыты in anima vili, чтò стоило имъ жизни. Такъ какъ виновныхъ не осталось, то были заключены на всю жизнь въ тюрьму сообщники, чтò было гораздо ужаснѣе смерти. Послѣ этого прошло почти два вѣка, и объ ядѣ перестали говорить, но съ порчею нравовъ снова стали прибѣгать къ яду, чтò вызвало законъ Корнелія о преданіи смертной казни, какъ отравителей и продавцовъ яда, такъ и всякаго рода шарлатановъ и колдуновъ, которыхъ было въ то время немалое количество. Однако эти мѣры не помогли, и рим-

ляне продолжали прибѣгать къ яду, когда надо было избавиться отъ мѣшавшаго врага. Во время перваго Цезаря римляне прогуливались по Форуму съ отравленной иголкой въ рукахъ, нанося уколы проходящимъ, которые падали мертвыми. Среди помпейскихъ находокъ есть много перстней съ громадными гнѣздами, гдѣ хранился ядъ на случай самоотравленія, когда не хотѣли попасть въ руки непріятеля. Впрочемъ, случалось, что обвиненія въ отравленіи были несправедливы. Такъ Тацитъ обвинялъ Ливію въ смерти Августа и всѣхъ цезаріановъ, стоявшихъ поперекъ дорогѣ ея сына, стремившагося занять тронъ. Но Кабанесъ увѣряетъ, что Августъ умеръ отъ тифозной горячки. Другой историкъ, Діонъ Кассій, разсказывалъ даже, что Ливія отравила Августа фигами, которыя онъ обыкновенно самъ снималъ съ дерева. На это авторъ замѣчаетъ, что теперь, когда психо-патологическая наука ушла далеко и доказала, что ранняя смерть совершается особенно въ семьяхъ, идущихъ по дорогѣ вырожденія, на какой находились римскія императорскія семьи, подозрѣвать Ливію нѣтъ основанія. Изъ десяти случаевъ смертей во время царствованія ея сына, Тиверія, особенно подозрительна смерть его племянника Германика, въ которой обвиняли перваго. Но, по словамъ Жакоби, эта смерть послѣдовала не отъ яда, даннаго будто бы Пизономъ, а была логическимъ послѣдствіемъ вырожденія, какому подверглась его семья, отецъ и дѣдъ. Тиверій, никогда почти не хворавшій, умеръ насильственной смертью, такъ какъ въ то время вся философія исторіи, какъ выразился Белэ, состояла въ томъ, что тотъ, кто насильственно занималъ престолъ, подвергался тому же насилію. Калигула, въ началѣ мудрый и доброжелательный государь, сдѣлался потомъ жестокимъ, и эту перемѣну приписывали дѣйствію ядовитаго напитка, даннаго ему женою, вслѣдствіе чего въ его организмѣ произошелъ полный переворотъ, и съ этого момента его жестокостямъ не было конца. Кабанесъ оспариваетъ эту причину, ссылаясь на конечный результатъ эпилепсіи, которой страдалъ Калигула и усилившейся отъ развратной жизни. Самъ Калигула только два раза прибѣгалъ къ яду съ цѣлью умерщвленія лишнихъ для него людей—Тиверія и гладіатора Коломба; онъ приказалъ положить яду въ полученную послѣднимъ рану. Во время республики и позже, при императорахъ, римскіе врачи, отличаясь безнравственностью, часто брали на себя роль отравителей и, дѣлаясь любовниками женъ, сами составляли ядъ для умерщвленія мужей. Такъ во время царствованія Тиверія его невѣстка Ливія, жена Друза и сестра Германика, сдѣлалась любовницей Евдема, и когда она рѣшилась избавиться отъ своего мужа, то Евдемъ хвастался, что обладаетъ тайнымъ и вѣрнымъ средствомъ. Тиверій, возстававшій еще ранѣе противъ врачей, съ этихъ поръ совершенно возненавидѣлъ ихъ. Кромѣ этого случая, было много другихъ. Клавдій былъ отравленъ своей женой Агриппиной съ помощью врача. Ксенофона. Формулы приготовляемыхъ въ то время ядовъ ускользнули отъ современнаго изслѣдованія. Одной изъ извѣстныхъ составительницъ была Локуста, жившая при Неронѣ. Согласно разсказамъ, она устроила свою лабораторію въ самомъ дворцѣ, рядомъ съ комнатой Нерона, и послѣдній, будто бы, каждое утро до завтрака принималъ небольшую дозу противоядій въ виду опасности быть отравленнымъ. Вообще, въ Римѣ той эпохи существовало

множество лабораторій для производства яда, который тѣсно былъ связанъ съ колдовствомъ и магіей. По словамъ Сенеки, эти производители были великіе артисты, добившіеся того, что ихъ препараты не оскорбляли ни вкуса ни обонянія, и согласно обстоятельствамъ дѣйствіе было быстрое или медленное. Послѣднимъ ядомъ былъ отравленъ любимецъ Клавдія, Британикъ, котораго онъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ. Но препараты Агриппины измѣнили все, и Неронъ занялъ тронъ. Не смѣя нанести ударъ Британику открыто, Неронъ прибѣгнулъ къ яду. Первая попытка была неудачна, и приготовленный Локустой напитокъ не достигъ своей цѣли. Взбѣшенный и потерявшій терпѣніе Неронъ сталъ угрожать, что казнитъ отравительницу. Тогда Локуста пообѣщала приготовить такой сильный ядъ, который убьетъ Британика такъ же скоро, какъ оружіе; и дѣйствительно она изготовила ядъ въ комнатѣ самого Нерона. Въ то время, по словамъ Тацита, дѣти императоровъ ѣли за столомъ вмѣстѣ съ другими принцами своихъ лѣтъ, на глазахъ родителей, хотя за другимъ столомъ, при чемъ рабы пробовали кушанья. Такъ было и съ Британикомъ, который ничего не ѣлъ и не пилъ, прежде чѣмъ не отвѣдаетъ его довѣренный рабъ. По этой причинѣ планъ Нерона былъ трудно выполнимъ, такъ какъ онъ не хотѣлъ ни измѣнить этого правила ни вызвать двухъ смертей разомъ. Его хитрость помогла ему, и онъ приказалъ подать сначала не отравленный напитокъ, который долженъ попробовать рабъ, но такой жгучій, что Британикъ не могъ бы его выпить безъ воды. Эту-то воду и было рѣшено отравить. Вопросъ о температурѣ воды былъ такой сложный у римлянъ, что часто господинъ приходилъ въ страшную ярость, если слуга подавалъ воду или слишкомъ теплую или слишкомъ холодную. Въ этомъ случаѣ надо было вѣрно разсчитать температуру воды, чтобы Британикъ не оттолкнулъ ея. Въ виду того, что напитокъ сильно жгучій, вода была подана холодная. Едва Британикъ выпилъ ее, какъ съ нимъ сдѣлались конвульсіи. Неронъ не растерялся и сказалъ: «Еще одинъ эпилептическій припадокъ падучей, который такъ часто повторяется у Британика. Пусть вынесутъ этого помѣшавшаго веселью гостя, и продолжается пиршество!» Говорятъ, что это былъ одинъ и тотъ же ядъ, отъ котораго умеръ Германикъ. Чтобы избѣжать народныхъ толковъ, какъ было относительно Германика, трупъ рѣшено было сжечь. Костеръ былъ разведенъ ночью, чтобы избѣжать народныхъ манифестацій. Это обстоятельство Неронъ объяснилъ обычаемъ, будто бы существовавшимъ у предковъ, скрывать похороны юношей отъ постороннихъ взоровъ, чтобы не возбуждать горькаго впечатлѣнія похоронными процессіями. Мало того, что тѣло Британика вынесли ночью, но оно было покрыто алебастромъ, съ цѣлью скрыть пятна быстраго разложенія тѣла, которыя служили, по мнѣнію римлянъ, доказательствомъ отравленія. По словамъ Діона, когда несли трупъ Британика, поднялась буря и дождь, а потому алебастръ весь сошелъ, обнаруживъ знаки преступленія. Послѣ Нерона отравленія продолжались, и Локуста нашла себѣ послѣдователей, тѣмъ болѣе, что общество все болѣе и болѣе падало нравственно. Такъ продолжалось многіе вѣка. Въ Византіи подъ видомъ болѣе утонченной цивилизаціи происходило то же, и ядъ былъ излюбленнымъ орудіемъ политическихъ дѣятелей и приводилъ въ экстазъ фанатиковъ. Во Франціи послѣ крещенія

Хлодвига, когда католицизмъ сдѣлался государственной религіей, нравы не смягчились, и Хлодвигъ продолжалъ совершать свои жестокія преступленія, такъ же, какъ и его преемники. Такъ Фредегонда, жена Хильперика, прославилась своими отравленіями. Она погубила десять королей, какъ посредствомъ яда, такъ и кинжаломъ. Впрочемъ, кромѣ этого случая, исторія меровингскихъ королей мало освѣщена, и какую игралъ роль ядъ въ соціальной и политической жизни этой эпохи, трудно сказать. Въ средніе вѣка, послѣ карловинговъ и во время первыхъ капетинговъ, отъ паденія Римской имперіи до взятія Константинополя Магометомъ II, хотя общество уже было болѣе организиванное и могло отвѣчать за свои поступки сознательно, совершенно откинувъ варварство предковъ, но ядъ продолжалъ играть свою роль. Впрочемъ средневѣковое общество не далеко ушло отъ античнаго міра относительно химіи, тогда какъ алхимія, астрологія, магія и колдовство процвѣтали. Только много вѣковъ спустя, астрологія уступила мѣсто астрономіи, алхимія химія и схоластика философіи, и свободное изслѣдованіе замѣнило легковѣріе. Въ 1321 г., когда король Франціи посѣтилъ Пуату, прошелъ слухъ, что всѣ фонтаны и колодцы Аквитаніи отравлены прокаженными, вслѣдствіе интриги короля Гренады, мстившаго за побѣды надъ нимъ христіанъ, въ особенности дядѣ короля Кастиліи. Съ этою цѣлью онъ подкупилъ прокаженныхъ при посредничествѣ одного еврея, чтобы отравить христіанъ или сдѣлать ихъ такими же прокаженными. Одинъ изъ попавшихся прокаженныхъ выдалъ тайну и сказалъ, что отрава состояла изъ человѣческой крови, урины и трехъ какихъ-то травъ. Все это было высушено, растерто въ порошокъ и завернуто въ пакетъ съ тяжестью, а затѣмъ брошено въ колодцы и фонтаны. Когда король узналъ объ этомъ, то вернулся скорѣе въ Францію, приказавъ казнить всѣхъ прокаженныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ евреевъ тоже сожгли на кострахъ въ нѣсколькихъ французскихъ городахъ, а нѣкоторые евреи сами убивали другъ друга, чтобы не попасть въ руки христіанъ и не подвергнуться крещенію. Въ началѣ XIV вѣка отравленія во Франціи были въ разгарѣ, и въ Парижѣ жила знаменитость того времени колдунья. Маргарита Бельвиль, которая занималась искусствомъ заклинанія, и главнымъ пособникомъ въ ея волшебствахъ былъ мышьякъ. Внукъ Людовика Святаго, графъ Эвре, король Наварры, третій сынъ Филиппа Смѣлаго, извѣстный подъ именемъ Карла Дурнаго, не останавливался ни предъ какимъ преступленіемъ, а потому отравы и убійства были для него обыкновеннымъ дѣломъ. Первой его жертвой былъ конетабль Карлъ Испанскій, который воспитывался съ дѣтства у короля Іоанна, питавшаго къ нему двусмысленную нѣжность и осыпавшій его почестями и отличіями. Это возбудило въ окружающихъ зависть, особенно въ Карлѣ Дурномъ, и онъ рѣшилъ избавиться отъ Карла Испанскаго посредствомъ преступленія, тѣмъ болѣе, что положеніе зятя короля ограждало его отъ подозрѣній. Смерть наварской королевы возбудила новыя подозрѣнія и слухъ прошелъ, что она умерла отъ яда, хотя всѣ присутствующіе говорили, что отъ слабости сердца, т.-е. обморока, случившагося въ банѣ. Въ концѣ того же года умеръ въ Испаніи кардиналъ Булонскій, и при римскомъ дворѣ говорили, что его отравилъ Карлъ Дурной. Послѣдній энергично защищался, и папа Григорій XI прислалъ ему

письмо, что онъ съ своей стороны не считаетъ его способнымъ на убійство кардинала, который былъ его другомъ. Наконецъ его обвиняли въ отравленіи собственнаго сына, но на это нѣтъ доказательствъ. Попытка же отравить дофина Карла, впослѣдствіи короля Карла V, вполнѣ доказана. Восемь лѣтъ спустя, Карлъ Дурной сошелся съ однимъ врачемъ, по имени Анжелемъ, и, осыпавъ его богатствомъ и милостями, предложилъ ему отравить короля Франціи, за что обѣщалъ широко его вознаградить. Онъ такъ принуждалъ Анжеля исполнить это порученіе, что тому ничего не оставалось, какъ дать обѣщаніе отравить короля посредствомъ напитка или кушанья. Но, отправившись къ французскому королю, онъ болѣе не возвращался. Говорятъ, будто онъ утонулъ, не успѣвъ исполнить обѣщанія. Въ концѣ 1377 г. Карлъ Дурной снова пытался отравить французскаго короля и едва не достигъ успѣха, если бы его замыселъ не открыли арестованные наварскіе офицеры. Предназначенный ядъ былъ приготовленъ въ Наваррѣ одной еврейкой и переданъ Карлу Дурному лакеемъ Друэ, двоюродный братъ котораго находился при кухнѣ и фруктовомъ погребѣ французскаго короля, и ему-то былъ переданъ ядъ, чтобы онъ всыпалъ въ подаваемыя блюда. Послѣ смерти Карла V король наварскій нѣкоторое время не думалъ объ отравахъ, но вскорѣ случай послалъ ему новаго сообщника въ его преступныхъ планахъ. Это былъ англичанинъ Робертъ Вурдретонъ, лакей одного трубадура, и ему Карлъ Дурной поручилъ пробраться на королевскую кухню и всыпать ядъ въ кушанье французскаго короля, герцоговъ Беррійскаго, Бургундскаго и Бурбонскаго. Эта попытка тоже не удалась, и англичанинъ былъ арестованъ съ поличнымъ и казненъ.

Колдовство было страшнымъ бичемъ среднихъ вѣковъ, тѣмъ болѣе, что оно имѣло крѣпкую связь съ отравой. Вслѣдствіе этого до революціи судьи назначали одинаковую кару какъ за колдовство, такъ и за отравленіе. Конечно, астрологію не смѣшивали съ колдовствомъ, и хотя ее преслѣдовала церковь, но она имѣла свои опредѣленныя правила, и ученые того времени отдавали на ея изученіе всю свою жизнь. Бѣлая магія были невинна, и только черная магія представляла опасность, благодаря ядамъ, которые играли главную роль. Вмѣстѣ съ этимъ играло большую роль волшебство или заклинаніе, которое было извѣстно еще египтянамъ и ассирійцамъ, хотя методъ заклятія измѣнялся согласно времени, лицъ и страны, но истекалъ изъ одного и того же принципа— вызова смерти какого либо лица посредствомъ чародѣйскихъ обрядовъ. Послѣдніе состояли въ томъ, что дѣлали изъ воска фигуру, по возможности похожую на то лицо, которое предстояло уничтожить, прикрѣпляли къ ней волосы и надѣвали различныя вещи, принадлежащія жертвѣ или почему либо близкія ей. Затѣмъ совершали обрядъ крещенія фигуры и давали ей имя жертвы. Послѣдній обрядъ игралъ важную роль и былъ, по словамъ колдуній, безусловно необходимъ. Лобъ фигуры мазали масломъ и часто употребляли пепелъ отъ сожженныхъ Св. Даровъ, которые играли большую роль въ колдовствѣ. Затѣмъ при чародѣйскихъ формулахъ начиналось истязаніе восковой фигуры: ей прокалывали грудь длинной иглой, медленно ее растопляли на огнѣ. Иногда порча производилась за черной мессой во время вознешенія даровъ. Въ первомъ случаѣ предназначенное лицо заклиналось къ смерти внезапно, во

горомъ его заклинали сохнуть, истощаться и медленно гаснуть. Впрочемъ, по счастью, этотъ вздоръ не производилъ на намѣченную жертву никакого дѣйствія, и оно попрежнему здравствовало. Въ общемъ эта церемонія нѣсколько измѣнялась: иногда восковую фигуру замѣняло животное, которое крестили и одѣвали, какъ куклу, затѣмъ приносили въ жертву съ помощью магическаго ножа. Для большей силы колдовства у животнаго вырывали сердце, заворачивали его въ вещи, принадлежавшія лицу, которое заклинали, и втыкали въ него булавки. Наконецъ нѣкоторыя колдуньи удовольствовались только похоронами животнаго, чаще всего жабы, или, заставивъ ее проглотить причастіе, клали затѣмъ на порогъ дома, въ которомъ жила намѣченная личность. Такимъ образомъ въ этомъ колдовствѣ, какъ бы оно ни измѣнялось, главную роль играло то или другое изображаеніе намѣченной личности. Въ такомъ колдовствѣ были обвинены во время царствованія Филиппа III Пьеръ де Бэнэ, епископъ Байе и Пьеръ де Лабросъ, его двоюродный братъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтникъ и другъ короля. Когда дѣло раскрылось, то первый укрылся въ папскихъ владѣніяхъ, а второго повѣсили. Въ особенности въ концѣ царствованія Филиппа IV и царствованія Людовика X происходили крупные процессы о заклинаніяхъ и магіи, цѣль которыхъ была одна—избавиться отъ королевской семьи. Главную роль играли въ нихъ высшія духовныя лица. Такъ между прочимъ Гишара, епископа Труа, обвиняли въ чарованіи королевы Іоанны, послѣ чего она заболѣла, и ни одинъ докторъ не могъ ей помочь. Во время этой болѣзни будто бы епископъ возобновлялъ уколы восковой фигуры, окрещенной именемъ Іоанны. Но такъ какъ королева все еще не умирала, то епископъ, держа фигуру предъ огнемъ и ломая ей руки и ноги, произнесъ: «Чортъ возьми! Эта женщина вѣчно будетъ жить!» Затѣмъ онъ бросилъ фигуру на полъ, растопталъ ее ногами, а потомъ бросилъ въ огонь, гдѣ она вся растаяла. Въ этотъ моментъ королева умерла. Желая избавиться отъ королевскихъ сыновей и брата короля, онъ приготовилъ изъ скорпіоновъ, жабъ и ядовитыхъ пауковъ микстуру, которую заперъ въ ящикѣ. Вскорѣ братъ короля, принцъ Карлъ, пріѣхалъ въ Шампань, и епископъ приказалъ своему сообщнику, отшельнику Реньо-де-Лангру, принести этотъ ящикъ. Ранѣе этого епископъ испробовалъ силу яда на одномъ рыцарѣ королевы наваррской, угостивъ его сливами въ медѣ, въ которыя былъ положенъ этотъ ядъ. Рыцарь едва ихъ попробовалъ, какъ заболѣлъ и, четыре дня спустя, умеръ. Но Реньо де Лангръ, несмотря на всевозможныя обѣщанія епископа, не согласился принести ядъ, предназначенный для принца анжуйскаго, и отправился къ бальи съ доносомъ какъ о чарованіи королевы, такъ и объ ядѣ, прося его защиты отъ гнѣва епископа. Епископа Гишара обвиняли еще въ заклинаніяхъ королевы Бланки и многихъ другихъ. Кромѣ того, его обвиняли въ подделкахъ, ростовщичествѣ, клятвопреступленіи, лжесвидѣтельствѣ и прот. Впослѣдствіи, главный его обвинитель, Ноффо Деи, умершій на висѣлицѣ, признался предъ смертью, что обвиненія епископа въ чарованіи и отравѣ вымышленная ложь. Современники епископа свидѣтельствовали, что онъ былъ жертвой политической интриги. Вообще процессы о колдовствѣ раздѣлялись на два разряда: на политическіе и частные. Къ первымъ принадлежалъ процессъ Мариньи, министра Филиппа Красиваго. Новый король Людовикъ X, подъ влі-

ніемъ настоящій враговъ покойнаго короля, назначилъ комиссію, составленную по большей части изъ непріятелей Мариньи, для провѣрки отчетовъ министра. Несмотря на отсутствіе серьезныхъ доказательствъ виновности Мариньи, онъ былъ запертъ сначала въ Тамплѣ, затѣмъ въ Луврѣ, впослѣдствіи въ Венсенѣ. Когда назначили судъ, король колебался произнести обвиненіе, сбитый съ толку, съ одной стороны, врагами министра, съ другой—партизанами, оставшимися вѣрными политикѣ Филиппа Красиваго. Но вскорѣ дѣло пришло къ рѣшительному концу, благодаря двумъ обстоятельствамъ. Въ это время королева, заключенная въ тюрьму за невѣрность мужу, медленно угасала и, наконецъ, умерла. Но предъ смертью она написала королю длинное письмо, послѣ котораго король круто измѣнился и возненавидѣлъ Мариньи. Въ то же время прошелъ слухъ, что Мариньи предалъ чарованію короля въ сообществѣ своей жены и ея сестры Шантлю. Съ этою цѣлью они прибѣгли къ помощи старой горбатой колдуньи, магика Жака Павью и его лакея. Сначала король не вѣрилъ, но затѣмъ ему дали доказательства въ видѣ восковой фигуры, взятой будто бы въ квартирѣ Мариньи. На фигурѣ была надѣта корона и горностаевая мантія, а сердце ея было проколото нѣсколькими ударами ножа. Этого было довольно, и Мариньи повѣсили. Вся эта интрига была составлена врагами Мариньи, и вскорѣ послѣ этого онъ былъ торжественно обѣленъ, снятъ съ висѣлицы и похороненъ. Въ ту же эпоху, вскорѣ послѣ обѣленія Мариньи, былъ обвиненъ кардиналъ Гаэтанъ въ чарованіи короля, графа Пуатье и своихъ враговъ Колонновъ. Затѣмъ слѣдовали процессы Роберта д'Артуа, предавшаго вмѣстѣ съ женою, сестрою короля, и сыновьями чарованію короля Іоанна французскаго, что послужило причиной Столѣтней войны. Артуа, обличенный въ преступныхъ замыслахъ, бѣжалъ въ Англію и предложилъ свои услуги Эдуарду III, съ которымъ сталъ приготовляться къ этой ужасной войнѣ. Послѣ этого при французскомъ дворѣ возобновились заклинанія при династіи Валуа. Катерина Медичи привлекла съ собою цѣлое полчище астрологовъ, алхимиковъ, колдуновъ, чарователей, отравителей. О ней лично авторъ не говоритъ ничего, обѣщая все сообщить съ слѣдующемъ томѣ. Ея сынъ Карлъ IX подвергался будто бы существовавшему заговору, въ которомъ участвовали Ла-Моль и Кокопо, но по подстрекательству Руджіери. Однако король совсѣмъ не пострадалъ отъ этихъ заколдовываній. Его же братъ и преемникъ Генрихъ III былъ тоже предметомъ заклинаній. Впрочемъ его самого можно было бы прозвать «колдуномъ», и если онъ не занимался порчей, то его можно обвинить въ не менѣе преступныхъ подвигахъ. Онъ любилъ удаляться въ монастырь, находившійся въ Венсенѣ, и когда послѣдній былъ взятъ парижанами, то въ часовнѣ нашли странные предметы, въ родѣ серебряныхъ подсвѣчниковъ въ формѣ сатира, посвященныхъ культу сатаны, и проч. Его миньоны, Мегренъ и Епернонъ, доставляли ему со всего свѣта магиковъ и колдуновъ, которые привозили съ собою въ монастырь зеркала, мази, составы и всевозможные предметы, предназначенные для жертвоприношенія сатанѣ. Такимъ образомъ парижане слѣдовали его же примѣру, занимаясь заколдовываніемъ. Всѣ страстно жаждали отдѣлаться отъ него и даже герцогини Монпансье. 26-го января 1589 года въ Парижѣ было сдѣлано множество восковыхъ фи-

гуръ, которыя парижане отнесли въ церкви на жертвенникъ и въ продолженіе сорока часовъ было отслужено сорокъ обѣденъ, при чемъ за каждой обѣдней эти фигуры получали уколы. Во время послѣдней обѣдни булавка была воткнута въ сердце фигуры, при чемъ произносились магическія слова, и король умеръ. Само собой разумѣется, что дѣлу помогъ ножъ монаха Клемана, вонзившаго оружіе не въ восковую фигуру, а въ животъ настоящаго Генриха III. Даже Генриха IV не оставили въ покоѣ и подвергли заклинанію къ смерти. Помимо этихъ заклинаній съ политической цѣлью, Францію вообще охватила эпидемія колдовства и чародѣйства. Даже папы предавались страсти къ окультизму, и алхимія съ магіей, «сводныя сестры суевѣрія», занимали самыя строгіе умы. Іоаннъ XXII, знаменитый французскій папа, былъ страстный приверженецъ тайныхъ наукъ и самъ подвергался заколдовываніямъ. По этому случаю графиня Фуа-Веарнъ поднесла ему семейный талисманъ противъ заклинаній, который она одолжала уже папѣ Клименту V. Только чрезъ пятнадцать лѣтъ папа возвратилъ его внуку графини. Опасеніе быть отравленымъ ввело при королевскомъ дворѣ, а также при папскомъ, старинный персидскій и мидійскій обычай опробывать кушанья. Для этой цѣли существовалъ «испробователь» роскошной формы изъ золота или серебра съ нѣкоторыми драгоцѣнными камнями, считавшимися противоядіемъ, среди которыхъ былъ агатъ. Въ особености, съ восшествіемъ на папскій престолъ папы Александра VI Борджіа, въ Римѣ начали процвѣтать всякаго рода преступленія, и новый папа не только не старался прекратить ихъ, а напротивъ, пользовался этимъ, наживая себѣ состояніе и увеличивая свой тираническій авторитетъ. Не только месть служила причиной преступленій, но чаще всего неудовлетворенное честолюбіе: сынъ убивалъ отца ради наслѣдства, папа уничтожалъ кардиналовъ, потому что былъ ихъ наслѣдникомъ и нуждался въ деньгахъ. Чтобы воспрепятствовать брату вступить въ бракъ съ авантюристкой Біанкой Капелло, кардиналъ Фердинандъ убилъ ихъ обоихъ. Одинъ рыбакъ видѣлъ, какъ ночью было брошено въ Тибръ болѣе ста труповъ. Цезарь Борджіа, ради кардинальской мантіи, убилъ старшаго брата, герцога Канди и кардинала Перротто, своего покровителя и друга, но не посредствомъ яда, а съ помощью кинжала. Затѣмъ онъ пытался убить зятя, герцога Альфонса д'Эстэ, мужа своей сестры Лукреціи. Жена и сестра заботливо ухаживали за нимъ и приготовляли сами ему кушанье изъ боязни, чтобы Цезарь не подсыпалъ яда. Но въ одинъ прекрасный день онъ рѣшилъ покончить съ зятемъ и, войдя въ комнату больного, жестомъ выслалъ женщинъ, затѣмъ позвалъ дона Микелетто, который, бросивъ герцога на постель, удушилъ его. Политика папы Александра VI была слѣдующая: онъ допускалъ кардиналовъ грабить, воровать, торговать индульгенціями, и продавать духовныя мѣста до тѣхъ поръ, пока кардиналы не дѣлались достаточно богатыми; тогда на сцену являлся ядъ, и жизнь такого кардинала прерывалась внезапно, а наслѣдство шло на оргіи папѣ и на округленіе капитала для его сына. Иногда папа отравлялъ изъ политическаго макіавелизма, и даже никто не могъ знать навѣрно, зачѣмъ онъ это дѣлалъ. Такъ было съ отравленнымъ имъ братомъ султана Баязета — Джемомъ. Папа получилъ отъ султана за это преступленіе

300.000 дукатовъ и обезпечилъ себѣ союзъ у султана. Это было началомъ преступленій папы Александра VI, хотя и ранѣе онъ совершилъ много отравленій, но не столь важныхъ. Послушное орудіе въ рукахъ своего сына, папа исполнялъ его малѣйшее желаніе и, ради него, нападалъ на старинныя семьи Рима. Самымъ ужаснымъ изъ его преступленій было отравленіе кардинала Джіамбаттиста Орсини, который вмѣстѣ съ другими аристократами замыслилъ избавить Италію не отъ Алексаандра VI, а отъ его сына, еще болѣе ужаснаго, чѣмъ самъ папа. Узнавъ объ этомъ, папа отмстилъ, приказавъ схватить Орсини и запереть въ тюрьму. Несчастный терпѣливо ожидалъ скорой смерти, но папа не торопился, такъ какъ представился прекрасный снучай наполнить папскую казну. Онъ приказалъ захватить всѣ богатства во дворцѣ Орсини и, выгнавъ мать, всю семью и слугъ, велѣлъ оставить имъ лишь необходимое платье. Но этого было ему недостаточно, и онъ сказалъ матери Орсини, что позволитъ ей наблюдать за кушаньемъ сына за двѣ тысячи экю и громадную прекрасную жемчужину, которая, какъ онъ знаетъ, находится въ семьѣ Орсини. Несчастная мать достала эту сумму, жемчужина же находилась у любовницы Орсини, которая, переодѣвшись въ мужское платье, пошла къ папѣ и вручила ему жемчужину. Александръ сдержалъ слово, но узникъ все-таки умеръ, нѣсколько дней спустя. Пока велись переговоры, папа угостилъ кардинала своимъ знаменитымъ медленнымъ ядомъ venenum attermiнatum, который навѣрное убивалъ и въ опредѣленное время. Послѣ смерти Орсини папа велѣлъ врачамъ вскрыть трупъ и признать смерть естественной. Заставить врачей той эпохи признать насильственную смерть естественной было очень легко, такъ какъ за хорошее вознагражденіе они съ такимъ же стараніемъ отправляли на тотъ свѣтъ, съ какимъ по желанію семьи излѣчивали больного. Обобравъ семью Орсини, папа убилъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей отравилъ или выгналъ. Такимъ образомъ самая богатая семья въ Италіи была разорена и разсѣяна, и никто не могъ ей помочь. Затѣмъ папа, не утоливъ еще своей алчности, началъ отравлять по очереди самыхъ богатыхъ кардиналовъ: Модену, Мекіэльколя и своего племянника кардинала Монреаля. Кардиналу Арагону влилъ venenum attemperatdm во время его посѣщенія Салерна; впрочемъ онъ былъ предупрежденъ, что вскорѣ умретъ. Подобный терроръ распространился на всю Италію и дошелъ до деревень, гдѣ крестьяне стали жить воровствомъ и грабежомъ. Общество, повидимому, возвратилось къ временамъ варварства, и ядъ сдѣлался самымъ обыкновеннымъ орудіемъ. Но и самъ Александръ VI подвергался опасности быть отравленнымъ; одинъ крестьянинъ, Марини, «преждевременный анархистъ», привезъ изъ Константинополя ядъ, чтобы бросить его въ фонтанъ Porta Viridaris, изъ котораго брали воду для папы, дворца и папскихъ придворныхъ. Этотъ ядъ могъ убить въ теченіе пяти дней, но не ранѣе. Однако планъ Марини не удался, и онъ былъ казненъ. Кромѣ этой попытки, были еще другіе случаи: такъ одинъ музыкантъ изъ Форли принесъ папѣ отравленныя сильнымъ ядомъ письма, но и это не удалось. Однако терроръ дошелъ въ Римѣ до того, что каждый кардиналъ дрожалъ за свою жизнь, благодаря преступнымъ замысламъ Борджіа. Вдругъ неожиданно умеръ самъ тиранъ, и наконецъ вся Италія освободилась отъ династіи Борджіа. Еще нѣ-

сколько лѣтъ тому назадъ послѣдній потомокъ Борджіа умеръ въ Лондонѣ бѣднымъ фотографомъ. Знаменитый ядъ Борджіа состоялъ изъ мышьяка, смѣшаннаго съ гнилостными алколоидами. По словамъ Гарелли, доктора Карла VI, яды приготовлялись просто: брали свинью, посыпали брюшные органы мышьяковой кислотой и ожидали, пока гніеніе, которое задерживалось мышьякомъ; вполнѣ разовьется, затѣмъ сушили сгнившую массу или собирали жидкость, это былъ вѣрный ядъ, а въ семнадцатомъ вѣкѣ не придумали лучшаго. Медленный ядъ Борджіа состоялъ изъ мышьяковой кислоты, мало растворимой. Но самый сильный ядъ, который въ большой дозѣ дѣйствовалъ моментально, представлялъ сложную микстуру, составъ которой еще до сихъ поръ точно не извѣстенъ. Блазъ де-Бюри, музыкальный критикъ, говоритъ, что ему представлялся случай узнать рецептъ этого яда, и онъ очень сожалѣлъ, что не воспользовался имъ. Однажды въ Парижѣ давали «Лукрецію Борджіа», и сосѣдомъ по креслу де-Бюри былъ герцогъ Ріаріо Сфорца, потомокъ исторической семьи, находившейся въ родствѣ съ Борджіа,—который предлагалъ ему открыть секретъ. Но де-Бюри не явился на свиданіе, и секретъ остался не открытымъ. Кромѣ того, испанскій король Филиппъ II зналъ этотъ секретъ, почему папа Сикстъ V сказалъ испанскому посланнику: «Знайте, посланникъ, что я не боюсь вашего государя, исключая его «Requiescat in pace». Этотъ ядъ носилъ названіе cantarelli и, по словамъ Паоло Жовіо, состоялъ изъ бѣловатаго порошка, похожаго на сахаръ, дѣйствіе котораго было испробовано на многихъ невинныхъ людяхъ, умершихъ въ страшномъ состояніи. Секретъ приготовленія этого страшнаго яда, укорачивавшаго жизнь по желанію, хранился въ глубокой тайнѣ. Извѣстно лишь, что основой служилъ мышьякъ. Въ средніе вѣка употребляли растительные яды, эпоха же Возрожденія отличалась минеральными ядами. Изобрѣтательность отравителей особенно изощрялась на выборѣ способа передачи яда; каждый изъ нихъ владѣлъ особымъ орудіемъ смерти, и оно сохранялось, какъ семейная драгоцѣнность, переходя отъ отца къ сыну. Напримѣръ, Савелли отравлялъ съ помощью ключа. Онъ дѣлалъ жертвѣ подарокъ въ видѣ красиваго ларца, а затѣмъ давалъ ему ключъ, который плохо входилъ въ замочную скважину, такъ что приходилось дѣлать усилія. Во время этого процесса неосторожная жертва царапала себѣ руки, и, хотя царапины съ виду были незначительныя, жертва вскорѣ умирала. Дѣло въ томъ, что въ ключѣ было сдѣлано незамѣтное гнѣздышко, а въ немъ капля яда, который, попадая на царапину, отравлялъ жертву. Другіе дѣлали смертоносныя кольца, сдѣланныя такимъ же образомъ. Достаточно было пожать кому нибудь руку и сдѣлать гнѣздышкомъ царапину, какъ ядъ не замедлялъ произвести свое дѣйствіе: иногда смерть была моментальная, чаще же медленная, послѣ жестокой болѣзни, во время которой выпадали волосы и зубы, а кожа покрывалась гангренозными ранами. Существовали еще ножи для фруктовъ, отравленные съ одной стороны, съ другой же нѣтъ, такъ что одинъ кусокъ былъ отравленъ, другой не отравленъ. Многіе яды, извѣстные въ Римѣ въ 1750 году, совершенно исчезли, а нѣкоторые болѣе не имѣются даже въ Неаполѣ, хотя были еще въ употребленіи во время французской революціи. Ядъ служилъ оружіемъ и во время дуэлей. Въ большинствѣ случаевъ ядъ находился въ тѣсной связи

съ черной магiей и колдовствомъ. Даже въ XIX вѣкѣ ядъ еще игралъ немалую роль, и всякаго рода шарлатаны проживали безнаказанно въ Италiи, классической странѣ суевѣрiя.

— Умственная патологiя французскихъ королей. XX вѣкъ можно считать эрой физiологической исторiи не только въ исторiи литературы, театра и романа, но даже исторiи. Когда-то ее разсматривали съ полемической точки зрѣнiя, затѣмъ моральной, картинной, философской, палеографической, психологической. Наконецъ наступилъ моментъ, когда не палачъ, а психiатръ сдѣлался краеугольнымъ камнемъ общества. Такую мысль провелъ Брашэ въ введенiи къ своему любопытному труду: «La pathologie mentale des rois de France» [1]), который, однако, ему не пришлось видѣть напечатаннымъ, такъ какъ онъ умеръ въ 1898 году. Теперь его вдова издала это произведенiе, на которое покойный Брашэ посвятилъ пятнадцать лѣтъ. Мысль заняться исторiей французскихъ королей съ физiологической точки зрѣнiя ему подалъ Литтре, и немало потребовалось терпѣнiя Брашэ, чтобы прослѣдить всю генеалогiю королей, хотя бы приблизительно, такъ какъ число предковъ по восходящей линiи увеличивается по мѣрѣ удаленiя въ прошедшее время. Поэтому подобный способъ изслѣдованiя наслѣдственности почти невозможенъ у простыхъ смертныхъ, генеалогiя которыхъ не ведется, но и съ королями дѣло обстоитъ довольно неудовлетворительно, имѣя въ виду легкомыслiе женщинъ. Такъ можно быть всегда увѣреннымъ, что данное лицо сынъ или дочь такой-то женщины, относительно отца вопросъ затрудняется. Однако Брашэ считаетъ почти опредѣленнымъ правиломъ, что падежность наслѣдственности зависитъ отъ продолжительности брака, а интересы династiи обезпечиваютъ вѣрность жены относительно первыхъ двухъ дѣтей. Положимъ, это предположенiе обоюдоострое, и тотъ же интересъ влечетъ за собою невѣрность въ случаѣ неспособности мужа. Кромѣ наслѣдственности, Брашэ касается средневѣковаго лѣченiя священными предметами и съ помощью святыхъ, при чемъ у каждаго святого и святой были свои поклонники. Нѣкоторые рецепты настолько странные, что кажутся приготовленными колдуньями, а другiе совершенно подходятъ къ современнымъ. Глава о «Физiологiи Людовика XI и современные историки» очень любопытна, и въ ней эпилептикъ Людовикъ XI представленъ Брашэ со всѣми признаками вырожденiя, что разбиваетъ прежнiя предположенiя историковъ о странностяхъ короля. Точно также многiе хроникеры приписывали простые болѣзненные припадки Карла VI различнымъ спецiальнымъ причинамъ, происходящимъ отъ классовыхъ привилегiй, тогда какъ люди всѣ одинаковы предъ болѣзнью и предъ смертью.

— Поддѣльный Раблэ. Недавно «Times» пустилъ слухъ, что найдена, такъ тщательно разыскиваемая, послѣдняя часть «Жизни Гаргантюа и Пантагрюэля» Раблэ. Это извѣстiе обѣжало весь свѣтъ и произвело сильное впечатлѣнiе. Счастливымъ обладателемъ этой рѣдкости оказался крупный издатель

[1]) Pathologie mentale des rois de France, Louis XI et ses descendants, une vie humaine étudiée à travers six siècles d'histoire, 852 — 1483, par M. Brachet Paris. 1903.

въ Мюнхеѣ —Людвигъ Розенталь, отыскавшій ее въ Прагѣ. Она представляетъ небольшую книжку въ шестьдесятъ четыре листа, переплетенную въ бурную кожу, съ виду довольно свѣжую, украшенную рисунками и четырьмя золотыми лиліями по угламъ. Заглавіе книги слѣдующее: «Le cinquiesme livre des faicts et dictz du noble Pantagruel, ausquelz sont comprins les grans abus et desordonée vie de plusieurs estatz de ce monde. Composez par M. François Rabelays, docteur en médecine et abstracteur de quinte essence». Наверху напечатано число: «Imprimé en l'an mil cinq cens quarante neuf». На внутренней части переплета значилось, что книга пріобрѣтена была въ Парижѣ въ годъ своего отпечатанія. Многіе нѣмецкіе ученые признавали эту находку подлиннымъ произведеніемъ Раблэ, и Бюхнеръ въ «Archiv fur das Studium derneueren Sprachen» говорилъ, что это заключеніе въ высшей степени вѣроятно: «in hohem Grade wahrscheinlich». Такимъ образомъ эта находка была безцѣнна, и уже поговаривали о 200.000 франкахъ, при чемъ Америка навѣрно подняла бы цѣну. Раблэ умеръ самое позднее въ маѣ 1554 г., а прежній пятый томъ былъ изданъ въ 1564 г., т.-е. послѣ смерти автора, что вызывало сомнѣніе въ его подлинности. Найденное же изданіе 1549 г. появилось вслѣдъ за четырьмя первыми томами, т.-е. при жизни Раблэ и подъ его именемъ. Всѣ эти обстоятельства вызывали довѣріе. Однако при внимательномъ его изученіи нашлось много сомнительнаго. Такъ въ немъ не возобновляется исторія Пантагрюэля съ того момента, какъ о немъ говорилось въ IV книгѣ, напечатанной въ 1548 году. Хотя имя Пантагрюэля систематически повторяется въ каждой главѣ, но онъ болѣе не имѣетъ никакой роли въ теченіе всего разсказа точно такъ же какъ ни Гаргантюа, ни Панургъ, ни братъ Жанъ, ни Эпитемонъ. Всѣ персонажи измѣнились, обстановка также, а главное языкъ. Въ найденномъ V томѣ нѣтъ той красивой французской расовой прозы, ловкаго, нервнаго, гибкаго стиля, свойственнаго французамъ, который какъ будто сходитъ съ губъ, а не съ пера. Напротивъ его языкъ тяжелый, какой-то прѣсный, педантичный, въ разсказѣ нѣтъ того откровеннаго, сочнаго, звучнаго смѣха, игриваго настроенія, тонкой ироніи и того впечатлительнаго забавнаго пыла, какимъ отличался Раблэ. Этотъ сомнительный новый V-й томъ полонъ какого-то разочарованія мизантропа, сѣтованій образумившагося человѣка и унынія опечаленнаго моралиста. Однимъ словомъ—совсѣмъ другая рамка, другіе люди, другое писаніе и, главное, другой умъ. Недаромъ два ученые—Анри Стенъ, изъ французскаго національнаго архива, и нѣмецъ Шнеегансъ категорически рѣшили: «Раблэ никогда не писалъ этой книги». Въ настоящее время «Journal des Debats» сообщилъ [1]), что вопросъ о подлинности новаго V-го тома, найденнаго Розенталемъ, разрѣшился, благодаря Абелю Лефрану, редактору Revue des etudes rabelaistennes, книга оказалась подделкой подъ Раблэ. Это не болѣе, какъ копія, сдѣланная, слово въ слово, съ двухъ сочиненій, написанныхъ пятьдесятъ лѣтъ ранѣе этой подделки,—съ произведенія Жана Бушэ «Les Regnars traversant», изданнаго въ 1502 г., и французскаго перевода анонимнаго переводчика произведенія нѣмца Себастьяна Бранта «Narrenschiff»,

---

[1]) Un faux Rabelais, pur Jedcheff, Journal des Debats.

напечатаннаго въ 1494 году. Послѣднее называлось по-французски «La Nef des fous». Это не единственная подделка подъ Раблэ. Въ дрезденской королевской библіотекѣ сохраняется единственный экземпляръ второй книги Пантагрюэля, изданной въ Ліонѣ, въ 1533 году.

— Новая біографія Галилея. Въ Англіи надняхъ вышло любопытное сочиненіе о великомъ итальянскомъ ученомъ Галилеѣ.Оно принадлежитъ англійскому ученому Фэхи и представляетъ съ точки зрѣнія научной и общественной одинаково замѣчательное явленіе. Авторъ вполнѣ справедливо говоритъ, что онъ «имѣлъ возможность написать болѣе основательную біографію и изслѣдованіе трудовъ Галилея, чѣмъ существуютъ до настоящаго время. Новые матеріалы, какими онъ пользовался, доставилъ ему профессоръ Падуанскаго университета Антоніо Фавуаро, издающій подъ покровительствомъ итальянскаго короля полное собраніе сочиненій Галилея. Теперь уже вышло двѣнадцать томовъ, а всего будетъ двадцать. Какъ извѣстно, Галилей родился въ 1564 году. Отецъ его былъ довольно извѣстный музыкантъ и хотѣлъ сдѣлать сына музыкантомъ или живописцемъ, но молодой Галилей не выказалъ способности ни къ тому, ни къ другому предмету, а потому былъ отданъ въ университетъ города Пизы, гдѣ изучилъ математику и механику. Двадцати пяти лѣтъ онъ былъ избранъ профессоромъ въ Падуанскій университетъ и вскорѣ прославился открытіемъ закона свободнаго паденія тѣлъ, а затѣмъ изобрѣлъ термометръ, микроскопъ и астрономическій телескопъ, увеличивающій въ тридцать разъ. Послѣ этого онъ отдался астрономіи и, явившись горячимъ послѣдователемъ теоріи Коперника, открылъ спутниковъ Юпитера, кольцо Сатурна и т. д. Въ 1610 г. онъ перебрался во Флоренцію и продолжалъ тамъ, подъ покровительствомъ Козьмы II, свои великія астрономическія изслѣдованія. На слѣдующій годъ онъ посѣтилъ Римъ, и ему дозволено было выставить свой телескопъ въ Квиринальскомъ саду, но, такъ какъ Римъ въ то время признавалъ систему Коперника нелѣпой и еретичной, то ему объявили, что онъ не можетъ публично преподавать эту систему, какъ достовѣрный фактъ, а долженъ былъ упоминать о ней, какъ о гипотезѣ. Вернувшись во Флоренцію, онъ спокойно занимался своими учеными трудами до 1632 г., когда издалъ свою знаменитую книгу «Diälogbie quatro, sopra i due massimi sistemi delomondo, Ptolemaico ed Copernico». Враги его встрепенулись и донесли на него инквизиціи, которая потребовала его на свой судъ. Ему тогда было семьдесятъ лѣтъ. Хотя съ одной стороны его книга отличалась умѣренностью тона, а съ другой и папа Урбанъ VIII, будучи еще кардиналомъ Барберини, считался его другомъ, инквизиція все-таки признала его виновнымъ въ распространеніи вредной системы Коперника. Послѣ двадцатидневнаго разсмотрѣнія его дѣла и полугодового предварительнаго заключенія онъ былъ приговоренъ торжественно отречься отъ своихъ ученій. Хотя приговоръ и не былъ подписанъ папой, но вошелъ въ законную силу, и Галилей, стоя передъ судомъ на колѣняхъ, отрекся отъ того, что составляло его славу. Послѣдующую свою жизнь Галилей провелъ въ Сіенѣ и Арцетрѣ въ полузаточеніи. Вскорѣ онъ лишился зрѣнія и умеръ въ

[1]) Galileo, his Life and Work. Bay Fähie. London. 1903.

1642 году. Что касается до будто бы имъ произнесенныхъ послѣ отреченія словъ: «E pur si muove» (а все-таки вертится), то новый біографъ Галилея поддерживаетъ извѣстное объясненіе, что это—легенда, созданная въ половинѣ XVIII вѣка.

— Неизвѣстный сынъ англійскаго короля Карла II. Замѣчательный публицистъ, а также изслѣдователь историческихъ тайнъ, Андрю Лангъ, собралъ въ объемистый сборникъ напечатанные имъ въ различныхъ журналахъ очерки, выпущенные подъ общимъ названіемъ: «Трагедія лакея и другія изслѣдованія» [1]). Съ заглавной статьей читатели «Историческаго Вѣстника» уже знакомы по отзыву въ «Мелочахъ»; въ ней заключается очень интересный разсказъ о новомъ претендентѣ на Желѣзную Маску, лакеѣ Эсташѣ Дожэ.

Другія статьи этого сборника посвящены: подложной Іоаннѣ д'Аркъ, будто бы спасшейся отъ костра; обѣленію католиковъ отъ обвиненія въ убійствѣ лондонскаго судьи сэра Эдмунда Годфрея; возстановленію всѣхъ подлинныхъ обстоятельствъ смерти Эммы Ронсартъ; обсужденію спора о томъ, кто писалъ пьесы Шекспира—самъ Шекспиръ или Бэконъ и т. д. Но самой любопытной изъ тайнъ, разсматриваемыхъ Лангомъ, является судьба Якова де-Ла-Клоша. Это былъ неизвѣстный или, во всякомъ случаѣ, малоизвѣстный сынъ Карла II и, по словамъ самого короля, молодой дамы одного изъ самыхъ важныхъ родовъ трехъ королевствъ. Онъ родился на островѣ Джерсеѣ въ 1646 г. и получилъ отъ отца имя и фамилію Якова де-Ла-Клошъ. По приказанію короля онъ жилъ во Франціи до двадцатилѣтняго возраста, а въ 1665 г. посѣтилъ Лондонъ, откуда отправился въ Голландію продолжать свои занятія. Тамъ онъ получилъ письмо отъ отца, обѣщавшаго ему 5.000 фунтовъ стерлинговъ подъ условіемъ, чтобы онъ вернулся въ Лондонъ и принялъ англиканскую вѣру, такъ какъ въ дѣтствѣ онъ исповѣдывалъ кальвинизмъ. Это объясняется тѣмъ, что онъ былъ воспитанъ на островѣ Джерсеѣ у гугенотскаго пастора, по имени де-Ла-Клошъ. Получивъ письмо короля, молодой человѣкъ перемѣнилъ вѣру, но не сдѣлался протестантомъ англиканской церкви и не вернулся въ Лондонъ, а отправился въ Гамбургъ, гдѣ перешелъ въ католичество. Случайно, проѣзжавшая чрезъ Гамбургъ шведская королева Христина встрѣтилась съ юношей и посовѣтовала ему отправиться въ Римъ въ іезуитскую коллегію Квиринала, при этомъ она дала ему свидѣтельство на латинскомъ языкѣ, подтверждавшее, что согласно двумъ документамъ Якова II онъ былъ его сынъ. Дѣйствительно Ла-Клошъ всегда имѣлъ при себѣ два письма отца, который просилъ его, однако, никому ихъ не показывать до его смерти. Изъ честности молодой человѣкъ исполнялъ волю короля и замѣнилъ эти письма вмѣсто паспорта письмомъ королевы Христины. По ея совѣту, онъ дѣйствительно отправился въ Римъ и 11 апрѣля 1868 г. постучался у воротъ іезуитской коллегіи. Его принялъ генералъ ордена Олива и, узнавъ всю правду, написалъ въ Лондонъ королю, что его сынъ находится въ Римѣ. Въ отвѣтъ онъ получилъ длинное письмо короля на французскомъ языкѣ. Это письмо такъ же, какъ и два преды-

[1]) The Valet's tragedy and other studies, by Andrew Lang. London. 1903.

дущія, хранятся до настоящаго времени въ архивахъ іезуитскаго ордена. Съ самаго начала король выражалъ свое давнишнее желаніе перейти въ католическую вѣру, чему мѣшали обстоятельства, а потому онъ былъ очень радъ, что юный кавалеръ Яковъ де-Ла-Клошъ вступилъ въ орденъ. Затѣмъ онъ просилъ Оливу секретно прислать сына въ Лондонъ, чтобы научить его, короля, обрядамъ католической церкви. При этомъ онъ желалъ, чтобы сынъ принялъ духовный санъ въ Римѣ, если этого еще не произошло, или надѣялся совершить это въ Парижѣ. Въ то же время Карлъ II написалъ сыну очень дружественное письмо, которымъ звалъ его въ Лондонъ и заявлялъ ему, что въ случаѣ своей смерти и герцога Іоркскаго онъ могъ наслѣдовать престолъ. Но въ случаѣ онъ пожелаетъ поступить въ лоно католической церкви онъ обѣщалъ ему доставить кардинальское званіе. Въ двухъ слѣдующихъ письмахъ къ Оливѣ король торопилъ отъѣздъ сына въ Лондонъ и настаивалъ, чтобы онъ поѣхалъ въ свѣтской одеждѣ, подъ именемъ Анри де-Рогана. 14 октября 1668 г. Олива заявлялъ Карлу II, что французскій дворянинъ только что выбылъ изъ Ливорно. Въ іезуитскомъ орденѣ хранится еще одно письмо короля, которое увѣдомляетъ Оливу, что Яковъ де-Ла-Клошъ послѣ недолгаго пребыванія въ Лондонѣ возвращается въ Римъ съ тайнымъ порученіемъ, исполнивъ которое, онъ долженъ пріѣхать обратно въ Лондонъ съ словеснымъ отвѣтомъ отъ папы. Король также обѣщалъ прислать въ слѣдующемъ году, по просьбѣ сына, значительную сумму денегъ на необходимую постройку для іезуитскаго ордена. Наконецъ онъ проситъ дать молодому человѣку восемьсотъ золотыхъ на расходы и обѣщаетъ возвратить долгъ чрезъ шесть мѣсяцевъ. На этомъ письмѣ оканчиваются всѣ подлинныя свѣдѣнія объ Яковѣ де-Ла-Клошѣ, хранящіяся въ іезуитскомъ архивѣ. Болѣе не имѣется никакихъ данныхъ о немъ въ исторіи, и неизвѣстно, что съ нимъ сталось, несмотря на многочисленныя изысканія итальянскихъ и англійскихъ ученыхъ. Найдено только очень сомнительное извѣстіе, что 30 марта 1669 года Кентъ, англійскій агентъ въ Римѣ, писалъ въ Англію, что въ Неаполѣ арестованъ молодой англійскій джентльмэнъ католикъ. Онъ прибылъ въ этотъ городъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, влюбился въ дочь трактирщика, женился на ней и объявилъ, что онъ сынъ англійскаго короля. У него было найдено 150 золотыхъ, множество драгоцѣнныхъ камней и бумаги, адресованныя: «его величеству». Въ слѣдующемъ письмѣ того же Кента говорится, что молодой арестантъ былъ переведенъ въ Гаэтскій замокъ, и вице-король, по справкѣ въ Англіи, освободилъ его, убѣдившись, что онъ не сынъ англійскаго короля. Наконецъ, 31 августа того же года Кентъ сообщалъ англійскому правительству, что «молодецъ», имѣвшій притязаніе на званіе сына англійскаго короля, умеръ, вернувшись изъ Франціи, куда онъ ѣздилъ на свиданіе съ матерью, донной Маріей Стюартъ, принадлежавшей къ королевской англійской семьѣ. Кентъ прибавляетъ, что выдававшій себя за Якова Стюарта, предъ смертью написалъ свое завѣщаніе на имя двоюроднаго брата, короля испанскаго. Дѣйствительно, въ англійскихъ архивахъ хранятся два экземпляра этого завѣщанія на итальянскомъ и англійскомъ языкахъ. Умирающій заявляетъ въ этомъ документѣ, что онъ сынъ Карла II и донны Маріи Стюартъ, «изъ семьи бароновъ Санъ-Марцо». Онъ проситъ, что-

бы Карлъ II далъ его ребенку, который долженъ родиться, владѣнія Уэльсъ или Монмутъ, обыкновенно даваемыя побочнымъ дѣтямъ короля. Наконецъ онъ оставляетъ женѣ и ея семейству маркизатство Жовиньи, стоившее триста тысячъ экю. Нечего прибавлять, что этотъ документъ въ высшей степени нелѣпъ и безуменъ. Никогда не существовали ни бароны Санъ-Марцо, ни донна Марія Стюартъ, одинаково непостижимо, о какомъ говорится маркизатствѣ Жовиньи. Однимъ словомъ, какъ говоритъ историкъ лордъ Актонъ, долго занимавшійся таинственной исторіей Якова де-Ла-Клошъ, что весь этотъ документъ сочиненъ или самозванцемъ или какимъ нибудь мошенникомъ. Въ своемъ изслѣдованіи Андрю Лангъ подробно разсматриваетъ эту таинственную исторію и прибавляетъ свѣдѣнія о неаполитанскомъ Стюартѣ изъ писемъ Виченцо Губіо, которыя онъ признаетъ сомнительными. Въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ тому заключенію, какъ и лордъ Актонъ, что этотъ неаполитанскій узникъ былъ не кто иной, какъ самозванецъ, разсчитывавшій пріобрѣсть себѣ состояніе.

— Историческая находка. Въ библіотекѣ Браницкаго въ Вилановѣ находится теперь книга, имѣющая большую цѣнность для исторіи похода польскаго короля Яна III Собѣсскаго для освобожденія Вѣны отъ осады турокъ. Книга эта,—календарь на 1683 годъ Станислава Словаковица, доктора философіи и медицины въ Краковской академіи. Типографія Schedlow J. K. M., форматъ 19 × 15,6 cm.; страницы безъ нумераціи. Календарь этотъ, снабженный собственноручными замѣтками короля Яна III, былъ въ богатомъ переплетѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ золоченные края и хорошая бумага съ водяными знаками льва, опирающагося на скипетръ и гербовый щитъ съ 4 полями, вклеенная въ календарь для замѣтокъ. Страницъ такихъ 25, изъ нихъ незаписанныхъ 4; на 7-ой вытиснено штемпелемъ слово AZEC, что, по мнѣнію Ф. Пуласкаго, должно было обозначать Andreas Zaluski Episcopus Cracoviensis (XVIII в.), и подтверждено замѣчаніемъ Яноцкаго въ его Specimen katalogi NSS. Dresdae. MDCCLII, p. 33. Замѣтки короля Яна III, которыми испещрены страницы календаря, важны и интересны въ двухъ отношеніяхъ. Хотя Вѣнскій походъ разработанъ теперь настолько подробно, что свѣдѣнія, почерпаемыя изъ календаря, только освѣщаютъ нѣкоторыя подробности, однако собственноручныя записи главнаго дѣйствующаго лица въ этомъ походѣ, писавшаго для себя, для памяти, день за днемъ, на войнѣ, рисуютъ намъ вѣрную картину и его личности и духа того времени. Въ нихъ, т.-е. въ этихъ замѣткахъ, виденъ и типичный шляхтичъ XVII вѣка, одинаково заботящійся какъ о своей генеалогіи, такъ и о хорошемъ, сытномъ обѣдѣ, ревностный католикъ и хорошій отецъ (стр. 23); проходя по чужимъ землямъ, онъ, какъ помѣщикъ, обращаетъ вниманіе и отмѣчаетъ плодородіе почвы, сборы посѣвовъ, виноградники, «строгіе» сады и т. д. (стр. 28), но уже въ сентябрѣ отъ Каменца и Хоцима Янъ III превращается въ вождя и короля и вотъ подъ 11-мъ сентября пишетъ: «На разсвѣтѣ я остановился въ горахъ надъ селеніемъ; тамъ было совѣщаніе (consilium) съ электорами и генералами; войско подошло къ полудню, перешли черезъ горы и стали надъ турецкимъ лагеремъ въ горахъ Келембургскихъ. Совѣщаніе на могилѣ. Янчары подошли къ монастырю и замку и стрѣляли съ

нашими. Цѣлый день и ночь дулъ чрезвычайно сильный вѣтеръ; изъ города стрѣляли изъ пушекъ сильно и днемъ и ночью. Ночевалъ въ лѣсу при пѣхотѣ». Подъ 12-мъ сентября написано только: Sit nomen Dei (т.-е. domini) benedictum wygrana porżca —«выигралъ сраженіе». 13-го въѣздъ въ Вѣну, ночлегъ въ лагерѣ турокъ подъ деревомъ въ ужасный вони (w smrodach srogich). Такъ кратко отмѣчаетъ рыцарь свой подвигъ, но зато дальше, гдѣ онъ съ чисто славянской щедростью одѣляетъ подарками изъ добычи малодушныхъ нѣмцевъ и главнымъ образомъ одного изъ нихъ, убѣжавшаго изъ своей столицы при приближеніи непріятеля, и потомъ оказавшагося столь неблагодарнымъ, король подробно отмѣчаетъ (стр. 6): «Кесарю колчанъ везира, 2 коня съ сѣдлами. Бриліантовый уборъ конскій и очень богатое съ каменьями сѣдло, князю баварскому знамена, плѣнныхъ, 3 коней, золотыя сабли, золото и другія мелочи». И такъ пишетъ далѣе, кому даны сабля, кому ковры, перстни, нагайки и т. п. Такъ же кратко отмѣчаетъ онъ и пораженія и трудности похода, какъ и свою знаменитую побѣду, напримѣръ, Confusio при Порканахъ, путь через Венгрію и т. п. Интересная, такъ сказать, автобіографія Собѣскаго за одинъ, столь важный въ исторіи годъ. И календарь самъ по себѣ интересенъ. Написанъ онъ не только докторомъ, но и астрологомъ этого вѣка, астрологомъ по преимуществу,— «Ординаріусомъ астрологіи въ коллегіумѣ Минусъ академіи Краковской», а потому заключаетъ въ себѣ рецепты составленія гороскоповъ, а также физіономику, какъ по лицу судить о людяхъ, и вотъ находимъ, напримѣръ, такіе перлы: «Если увидишь человѣка съ лицомъ огромнымъ, некрасивымъ, глазами небольшими, опущенными къ землѣ, неодинаковой величины съ какимъ нибудь пятномъ, носомъ толстымъ и большимъ, толстыми губми, черными волосами, безъ бороды, или съ рѣдкими волосами на бородѣ, а ногами большими, кривыми, роста средняго, худого, а отъ тѣла котораго пахнетъ нехорошо (et cuius corpus hircum olet), этотъ родился подъ вліяніемъ планеты Сатурна. И по характеру его легко узнать. Мысли его глубоки, совѣты здравы, невлюбчивъ, но влюбившись любитъ безъ мѣры, не очень злобенъ, но гнѣвливый гнѣвъ долго сохраняетъ, лакомка, тихоня, мало говоритъ, скупъ, ходитъ лѣниво, ростовщикъ, любитъ сплетни, прячетъ въ землю деньги».

Родившійся подъ Юпитеромъ имѣетъ раздѣленную и круглую бороду (bifurcata et rotunda), «безъ женщины (absque Veneris officio) скоро заболѣваетъ»; марсіалистъ же косматъ часто, а солистъ-блондинъ или рыжій, лысъ, честенъ и честолюбивъ—communiter magnae sapientiae et magnifici. Оканчивается этотъ календарь спискомъ ярмарокъ въ нѣкоторыхъ иностранныхъ земляхъ и польскихъ городахъ. Виньетка на заглавной страницѣ представляетъ двухъ сидящихъ женщинъ другъ противъ друга съ подписью у лѣвой Medicina, у правой Astrologia, а сверху эпиграфъ: Nos ambae unum sumus!

— Похожденія двухъ аристократокъ во время революціи. Въ трехъ послѣднихъ нумерахъ «Revue des deux mondes» Эрнестъ Доде помѣстилъ статью о романическомъ эпизодѣ изъ похожденій двухъ аристократокъ-наслѣдницъ стариннаго дворянскаго дома въ Савойѣ и двухъ террористовъ. Еще въ 1864 г. кардиналъ Биллье, архіепископъ Шамбери, въ своихъ мемуарахъ о ре-

лигіозномъ преслѣдованіи шамберійской епархіи во время епископства одного изъ его предшественниковъ упоминалъ о романическихъ приключеніяхъ — сестеръ Белльгардъ и двухъ террористовъ—Эроде Сешеля и Филибера Симона, но эти воспоминанія были очень кратки. Повидимому, епископа стѣсняло обнаружить детали, и онъ ограничился только названіемъ именъ. Заинтригованный Доде взялся за это дѣло и, воспользовавшись многочисленными источниками, познакомилъ читателей подробно съ этимъ эпизодомъ, какіе во время террора были не рѣдкостью [1]). Въ живописной долинѣ Шамбери, въ Савойѣ, находились обширныя владѣнія съ историческимъ замкомъ Маршъ, служившимъ укрѣпленіемъ Савойи въ средніе вѣка и вмѣщавшимъ въ себѣ много сотенъ солдатъ. Эти владѣнія принадлежали съ 1530 г. старинному аристократическому роду Белльгардовъ, потомки которыхъ размѣстились повсюду, въ Австрію, Голландіи, Саксоніи, Пьемонтѣ и Савойѣ. До 1470 г. они были извѣстны только подъ именемъ де Нуаейлль, съ этого момента Жанъ Нуаейль взялъ себѣ имя Белльгарда, которое перешло къ Франсуа, отцу двухъ героинь разсказа. Графъ Франсуа Белльгардъ, маркизъ де-Маршъ и Кюрсанжъ родился въ Лондонѣ и долго служилъ генераломъ въ Голландіи. Онъ женился на дѣвицѣ Эрвиль и послѣ смерти отца переселился въ свой замокъ. Отъ его брака родились три дочери—Аделаида-Викторія въ 1772 г., Цезарина-Люси въ 1774 г. и Франциаза-Аврора-Элеонора въ 1776 г. Его жена умерла двадцати трехъ лѣтъ, и онъ остался съ тремя дочерьми, воспитанію которыхъ вполнѣ посвятилъ себя. Савойское общество было образцемъ ума, прямоты, добросовѣстности и добродѣтелей, и удивительно, что, видя такой примѣръ, молодыя графини впослѣдствіи выказали столько разнузданности, которую прикрывали привязанностью къ Франціи. Росли онѣ, не покидая родной Савойи – зимою проживая въ старомъ домѣ въ Шамбери, а лѣтомъ въ замкѣ Маршъ. Этотъ періодъ ихъ жизни мало освѣщенъ, но, вѣроятно, имъ доставляли удовольствія, въ виду будущаго блестящаго положенія богатыхъ наслѣдницъ. Въ 1787 г. Адель представляла образецъ красоты и граціи, и хотя ей исполнилось только пятнадцать лѣтъ, но она уже производила впечатлѣніе своей красотой. Тоненькая, прекрасно сложенная, смуглая съ длинными темными волосами, съ черными жгучими и мечтательными глазами, пылкой и страстной душой, она уже въ эти годы обѣщала быть восхитительнымъ созданіемъ. Когда, десять лѣтъ спустя, одна изъ подругъ привела Адель въ ателье художника Давида, въ то время, когда онъ оканчивалъ свою знаменитую картину «Похищеніе сабинянокъ», она произвела такое сильное впечатлѣніе на художника, что онъ упросилъ ее позировать. Ея черты послужили для головы Эрсили, стоящей на колѣняхъ предъ похитителями. Несмотря на юный возрастъ Адели, отецъ задумалъ выдать ее замужъ, и хотя въ женихахъ не было недостатка, но онъ выбралъ сына своего брата, на двадцать лѣтъ старше ея, начальника баталіона въ Шамбери, графа Белльгарда. 3 ноября 1787 г. былъ сдѣланъ свадебный контрактъ, и Адель получила въ приданое замокъ и земли, а также часть дома въ Шамбери. Первое время ихъ бракъ казался счастливымъ, если считать доказательствомъ счастья рожденіе двоихъ

[1]) Les dames de Bellegardes, par A. Daudet, «Revue des deux mondes» 1908.

дѣтей. Адель продолжала жить вмѣстѣ съ отцемъ и сестрами. Но въ 1790 г. у нея случилось первое горе: умеръ отецъ, а, два года спустя, ея младшая восемнадцати-лѣтняя сестра Цезарина Люси. Очевидно, съ этого времени случилось нравственное перерожденіе обѣихъ сестеръ. Наступили смуты и волненія предстоящей революціи, которыя совершенно отвлекли ея мужа отъ семейной жизни, и онъ обязанъ былъ часто и надолго покидать свой домъ. Если принять во вниманіе разницу лѣтъ, а также бракъ не по любви, что Адель считала мужа скорѣе своимъ господиномъ, чѣмъ любовникомъ и другомъ, ясно, что въ ея сердцѣ была пустота, и только дружба съ сестрою заполняла эту пустоту. Въ такомъ положеніи находилась Адель, когда наступила революція, и Савойя присоединилась къ Франціи. Монархическое воспитаніе молодыхъ сестеръ и кастовые предразсудки не мѣшали имъ однако сочувственно относиться къ новому ученію и, несмотря на угрожавшую опасность Савойѣ, онѣ симпатизировали французскимъ республиканцамъ. Побѣды революціи, несмотря на различныя жестокія сцены, приводили ихъ въ восторгъ: онѣ радовались при мысли, что Савойя будетъ французская. Хотя онѣ не рѣшались еще кричать вслухъ «да здравствуетъ Франція», но это не мѣшало имъ обмѣниваться между собою радостными предположеніями. Событія шли быстро, и знатные савойцы спѣшили покидать насиженныя мѣста, эмигрируя въ Швейцарію и Пьемонтъ. Мужъ Адели въ сентябрѣ явился въ замокъ на нѣсколько часовъ, чтобы поторопить сестеръ уѣхать въ Пьемонтъ. Наконецъ французы заняли Савойю и провозгласили тамъ республику. По этому случаю Шамбери иллюминовали, въ ратушѣ былъ данъ банкетъ, и народъ плясками и пѣніемъ выражалъ свою радость, что присоединится къ Франціи. Съ этого момента въ странѣ воцарились революціонные нравы и водворился клубъ якобинцевъ на подобіе парижскаго, было посажено древо свободы, а портреты короля Сардиніи, принцевъ и принцессъ торжественно преданы огню подъ радостныя рукоплесканія народа. Граждане, одѣтые въ карманьолки и красные колпаки, распѣвали «Ça ira». Извѣстіе о присоединеніи Савойи достигло Парижа въ сентябрѣ, и было рѣшено, что три комиссара, назначенные делегатами въ альпійскую армію, отправятся въ Шамбери, чтобы тамъ созвать народный совѣтъ. Въ то время какъ окончили вотировать декретъ объ ихъ назначеніи, на трибуну поднялся депутатъ нижняго Рейна, еще никому неизвѣстный, по имени Филиберъ Симонъ, который наканунѣ впервые говорилъ съ трибуны, но въ этотъ день Симонъ только просилъ отпуска. «Я савойецъ,—говорилъ онъ,—и былъ высланъ пьемонтскимъ правительствомъ, я прошу, чтобы конвентъ далъ мнѣ отпускъ для поѣздки въ Савойю, гдѣ моя восьмидесятилѣтняя мать и двадцатилѣтняя сестра увидятъ меня съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что знаютъ мою любовь къ свободѣ». Отпускъ былъ данъ, и Симона присоединили къ тремъ комиссарамъ, давъ ему ту же власть, какъ и первымъ. Хотя Симонъ игралъ немалую роль въ Савойѣ во время революціи, но о немъ авторъ упоминаетъ только потому, что его судьба была тѣсно связана съ судьбою сестеръ Белльгардъ, и онъ имѣлъ большое на нихъ вліяніе, такъ же, какъ и другой революціонеръ, Эро Сешель. Симонъ родился въ Савойѣ въ Рюльи въ 1755 г. и предназначался родителями къ духовной карьерѣ. Назначенный священникомъ

въ Аннеси, онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ растриженъ за дурное поведеніе. Одинъ изъ его дядей, патеръ Грюффи, сжалился надъ нимъ, повѣрилъ въ его раскаяніе, далъ ему средства поѣхать въ парижскую семинарію Сенъ-Сюльписъ, чтобы пройти тамъ курсъ Сорбонны. Но, получивъ деньги, онъ не отправился въ Сенъ-Сюльписъ, а поселился въ гостиницѣ, гдѣ сошелся съ революціонерами. Съ этого момента онъ измѣнилъ свои взгляды настолько, что когда впослѣдствіи добровольно или силой покинулъ университетъ, то не получилъ никакой ученой степени. Тогда онъ возвратился въ Савойю. Пробывъ недолго тамъ у дяди, все еще питавшаго надежду на его исправленіе, онъ въ одинъ прекрасный день, захвативъ у него крупную сумму денегъ, отправился въ Эльзасъ. Въ Страсбургѣ онъ досталъ мѣсто преподавателя, гдѣ съ 1789 г. по 1791 г. его ученикомъ былъ, между прочимъ, юный князь Меттернихъ. Послѣдній разсказывалъ, что ихъ комнаты находились рядомъ, и онъ слышалъ все, что происходило въ комнатѣ Симона, которая служила мѣстомъ свиданія якобинцамъ. Отправленный въ Парижъ депутатомъ въ конвентъ, онъ проложилъ тамъ себѣ дорогу и явился делегатомъ въ Савойю. Между тѣмъ сестры Белльгардъ, покинувшія противъ желанія замокъ, опять должны были вернуться въ Савойю, такъ какъ мужъ Адели узналъ о декретѣ, произнесенномъ въ конвентѣ противъ эмигрантовъ, благодаря которому всѣ имѣнія должны подвергнуться конфискаціи, если въ теченіе двухъ мѣсяцевъ владѣльцы не возвратится къ себѣ. Въ концѣ ноября супруги разстались, не зная, когда снова увидятся. Графъ былъ опечаленъ, Адель же была рада. Сестра сопровождала ее, а дѣти остались съ мужемъ. 1-го декабря онѣ уже были въ Шамбери и объявили муниципалитету, что будутъ съ этихъ поръ хорошими француженками и подчинятся законамъ республики. На вопросъ, гдѣ ея мужъ, Адель отвѣчала, что не знаетъ, гдѣ онъ, а также не вѣдаетъ его намѣреній и не можетъ отвѣчать за его отсутствіе. Съ листа эмигрантовъ вычеркнули ихъ имена, оставивъ лишь имя Белльгарда; съ этого момента она была свободна, хотя будущее представлялось неопредѣленнымъ—останется ли Савойя французской, или опять станетъ пьемонтской, и ея мужъ снова возвратится. Освободивъ себя отъ всякаго попечительства и надзора и выброшенная въ море треволненій, охватившихъ Савойю, двадцатилѣтняя обворожительная, страстная молодая женщина окунулась въ нихъ съ головою. Легкая, какъ птичка, съ такимъ же мозгомъ, поддающаяся вліянію всякаго, она готовилась сдѣлаться добычей каждаго. Опьянѣвъ, она увлекала за собою и свою шестнадцатилѣтнюю сестру. Въ это время въ Шамбери явились изъ Парижа комиссары, посланные для устройства департамента Монъ-Бланъ. Посмотрѣть ихъ встрѣчу отправились и обѣ сестры. Въ числѣ четырехъ комиссаровъ находились Филиберъ, Симонъ и Эро Сешель, обращавшій на себя вниманіе, благодаря изящнымъ манерамъ и красотѣ. Послѣдній тотчасъ же замѣтилъ сестеръ Белльгардъ, рѣшивъ по ихъ аристократическимъ манерамъ, что онѣ были изъ его общества. Самъ Сешель былъ сыномъ аристократа и полковника, который женился на дѣвицѣ Магонъ де-Лаландъ, дочери главнаго государственнаго казначея въ Бретани. Молодые жили вмѣстѣ только нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ вскорѣ полковнику пришлось отправиться въ Германію съ арміей, которой командо-

валъ маршалъ Контадъ, другъ его семьи. Г-жа Сешель удалилась въ Пикардію къ свекрови, изрѣдка видясь съ мужемъ. Такимъ образомъ прошло много мѣсяцевъ, и г-жа Сешель заявила, что она беременна, какъ вдругъ пришло извѣстіе о пораженіи арміи, которой командовалъ маршалъ. Въ этомъ пораженіи мужъ г-жи Сешель получилъ раны и умеръ, а молодоя вдова родила мальчика въ Парижѣ въ 1760 году. Отношенія вдовы къ маршалу послѣ смерти мужа вызывали толки. Г-жа Сешель была такъ дружна съ нимъ, что злые языки говорили объ ихъ близкихъ отношеніяхъ. Они постоянно находились вмѣстѣ, и маршалъ окружилъ его мальчика горячей любовью. Такъ какъ военная карьера не принесла счастья отцу, то Эро съ дѣтства былъ предназначенъ для адвокатуры. Уже въ двадцать лѣтъ, будучи королевскимъ адвокатомъ, въ Шатлэ онъ пробовалъ писать и говорить, обладая красивымъ стилемъ и краснорѣчіемъ. Актриса Клеронъ учила его жестамъ и дикціи. Стилю же онъ выучился съ помощью греческихъ, латинскихъ и французскихъ классиковъ, въ особенности Жанъ-Жака Руссо и Бюффона, которымя онъ восторгался, и знакомства съ послѣднимъ жадно искалъ. Руссо онъ восхищался въ другомъ родѣ: такъ онъ отправился въ Голландію съ цѣлью купить рукопись его «Новой Элоизы, чтобы имѣть ее въ своей библіотекѣ. Онъ не забывалъ веселиться, и съ тѣмъ же пыломъ предавался развлеченіямъ, съ какимъ работалъ. Утромъ онъ со степенной важностью говорилъ въ парламентѣ, вечеромъ послѣ прогулки въ Булонскомъ лѣсу отправлялся въ салонъ своей двоюродной сестры, герцогини Полиньякъ, а отъ нея ускользалъ къ дамѣ полусвѣта. Но хотя его кутежъ продолжался до зари, рано утромъ онъ уже былъ на ногахъ, рылся въ книгахъ, записывалъ наскоро свои мысли въ родѣ: «Вѣрь себѣ, знай себя и уважай себя». Своимъ воспитаніемъ онъ обязанъ былъ маршалу, расхваливавшему при каждомъ случаѣ его качества, и герцогинѣ Полиньякъ. Она представила его Маріи-Антуанетѣ, которая заинтересовалась красивымъ адвокатомъ, завоевывавшимъ себѣ повсюду первое мѣсто. Жизнь ему улыбалась; всѣ двери растворялись передъ нимъ; женщины влюблялись, и онъ это прекрасно зналъ и злоупотреблялъ—ничто не обѣщало въ немъ будущаго революціонера. Наступило 14 іюля 1789 года, и въ немъ обнаружился пламенный террористъ. Въ началѣ революціи онъ участвовалъ, но незамѣтно, оставаясь съ виду преданнымъ слугою королевскаго режима, но съ 14 іюля онъ присоединился открыто къ революціонерамъ и участвовалъ во взятіи Бастиліи. Съ цѣлью получить званіе члена законодательнаго собранія, онъ хвастался, что принималъ участіе во взятіи Бастиліи, а не былъ простымъ зрителемъ, и даже убилъ двоихъ. Послѣ этого событія онъ дѣйствительно занялъ мѣсто въ парламентѣ, и ни одинъ голосъ не раздался противъ него, настолько палъ королевскій авторитетъ въ тѣ кровавые дни. Съ этого времени онъ порвалъ со всѣми семейными традиціями; попавъ на новый путь, онъ былъ увлеченъ толпою, какъ волной, противъ которой устоять былъ не въ силахъ, и его захлестнуло вмѣстѣ со многими другими. Теперь онъ сталъ искать случая, чтобы сдѣлаться популярнымъ. Мать и бабушка стонали отъ ужаса и вскорѣ эмигрировали, а съ ними и восьмидесятилѣтній маршалъ. Къ женщинамъ Эро де-Сешель относился согласно его выраженію: «Я хочу торопиться жить; когда меня вырвутъ у жизни, то

подумають, что убили тридцати-двухъ-лѣтняго человѣка, а мнѣ будетъ восемьдесять лѣтъ, такъ какъ я хочу жить въ одинъ день десять лѣтъ». Его связь съ г-жею Сенъ-Амарантъ, вдовою почтеннаго офицера, которая дошла до того, что сдѣлалась арендаторшей игорнаго дома въ Палэ-Роялѣ, произвела порядочный шумъ. Тамъ онъ встрѣчалъ такого же рода женщинъ и завязывалъ другія связи. Между прочимъ онъ сошелся съ Барбъ-Сюзанъ-Жиру, извѣстной подъ именемъ Моранси, для которой онъ хлопоталъ о разводѣ съ мужемъ и плѣнился ею. Говорятъ, будто бы онъ пользовался ея вліяніемъ на богатыхъ людей. Во время этой связи онъ отправился въ Савойю, гдѣ увидалъ впервые сестеръ Белльгардъ. Сблизясь съ народной массой, Сешель не потерялъ своего аристократическаго блеска и жажды наслажденій. Графиня Белльгардъ тѣмъ болѣе произвела на него впечатлѣніе, что находилась въ пикантной обстановкѣ, она только что превратилась во французскую гражданку и пылкую патріотку, сохранившую однако свои аристократическія манеры и вкусъ, притомъ красивую. Сешель почувствовалъ, что между ними есть много общаго. Ихъ сближеніе быстро шло впередъ. Вмѣстѣ съ Сешелемъ въ домъ графини явился и Фплиберъ Симонъ. Графиня охотно завязала это знакомство, обезпечивъ себѣ безопасность относительно насилія террористовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она порвала связь съ прошедшимъ. Изъ опасенія ли доносовъ террористовъ или изъ желанія жить въ сутолокѣ террора безъ надзора, руководителя и дисциплины, но сестры рѣшили не покидать Савойи. Онѣ показывались вездѣ съ Эро и Филиберомъ, присутствовали на торжественныхъ процессіяхъ, одѣвались согласно республиканской модѣ, и двери ихъ дома были открыты для всѣхъ представителей народа, генераловъ и т. д. Обѣды смѣнялись балами, на которыхъ присутствовали ихъ новыя пріятельницы, жены и сестры sans culot'овъ. Онѣ показывались на улицѣ съ изящной, но дикой патріоткой, которую жители Шамбери называли между собою «princesse Pistolet». Вскорѣ распространились слухи, что оба комиссара добились всего отъ сестеръ Белльгардъ, и Аврору даже называли открыто Симонстой. Говорили, что въ ихъ домѣ происходили распутныя интриги, любовное соперничество и т. д. Послѣ пріѣзда генерала Келлермана въ Шамбери онъ прислалъ письмо, въ которомъ писалъ, что ночевалъ въ замкѣ Белльгардъ, и хвастался, что получилъ «полное гостепріимство». Адель едва не молилась на Эро и питала къ нему культъ, безвозвратно компрометируя себя ради него. Когда чрезъ пять мѣсяцевъ срокъ командировки комиссаровъ окончился, и они должны были возвратиться въ Парижъ, то Адель рѣшила уѣхать вмѣстѣ съ Эро. Тѣмъ временемъ графъ Белльгардъ, оставивъ дѣтей въ домѣ друзей, присоединился къ сардинской арміи въ виду наступательнаго возвращенія въ Савойю, такъ какъ пьемонтское правительство надѣялось на помощь Австріи. Онъ ничего не зналъ о поведеніи жены, потому что въ полученныхъ имъ нѣсколькихъ ея письмахъ ничего не было, кромѣ лжи, а изъ постороннихъ никто не рѣшался сказать правды. Внезапно и эта переписка совсѣмъ прекратилась. Въ апрѣлѣ и маѣ онъ тщетно собиралъ о нихъ свѣдѣнія и наконецъ попросилъ одного изъ офицеровъ, маркиза Анри Коста, узнать чрезъ мать о судьбѣ Адели и Авроры. Однако полученныя офицеромъ извѣстія были таковы, что сказать графу онъ

не рѣшался, но коротко увѣдомилъ, что его жена и сестра уѣхали въ Парижъ, умолчавъ о сопровождавшихъ ихъ де-Сешелѣ и Симонѣ. Графъ былъ радъ, что онѣ живы, но не сожалѣлъ объ ихъ поѣздкѣ въ Парижъ. Между тѣмъ обѣ сестры ѣхали въ столицу цѣлую недѣлю, окруженныя заботами влюбленнаго Эро. Гдѣ онѣ остановились въ Парижѣ, свѣдѣній нѣтъ, очень возможно, говоритъ авторъ, что въ домѣ бабушки Эро, который занималъ тамъ два этажа. Одна ихъ современница говорила, что онѣ были счастливы, сдѣлавшись француженками, и совсѣмъ не раздѣляли печали французскихъ аристократовъ, а двери ихъ дома были открыты для всѣхъ представителей ненавистной аристократамъ революціи. По словамъ автора, онѣ присутствовали, безъ сомнѣнія, когда Эро выбирали членомъ комитета общественной безопасности, а также видѣли его выборы въ президенты конвента, когда судьба Эро была рѣшена его врагомъ Робеспьеромъ, мысленно произнесшимъ смертный приговоръ Сешелю. Молодыя женщины познакомились со всѣми вождями революціи, и Дантонъ чаще всѣхъ видѣлся съ ними то въ Парижѣ, то въ замкѣ Эпонъ, принадлежавшемъ матери Сешеля. Наконецъ Адель начала хлопотать о разводѣ съ мужемъ и 7-го октября 1793 года добилась рѣшенія. Въ это время Эро и Филиберъ опять уѣхали изъ Парижа въ командировку отъ конвента. Покидая Парижъ, Сешель зналъ, что тамъ остались его смертельные враги, и дѣйствительно, одинъ изъ членовъ собранія, опираясь на законъ, которымъ исключались изъ членовъ комитета общественной безопасности патеры и аристократы воскликнулъ: «Доношу вамъ, что бывшій аристократъ Эро Сешель, членъ комитета общественной безопасности, а теперь комиссаръ Рейнской арміи, находится въ сношеніяхъ съ Перейрой, Дюбюиссономъ и Пралли». Собраніе вздрогнуло отъ обвиненія самаго популярнаго члена. Только двое сказали слово въ защиту Сешеля—его коллега Бентаболь и Кутонъ, другъ Робеспьера. Онъ заявилъ, что надо выслушать сначала Сешеля, а потомъ его приговаривать. Его вмѣшательство было неожиданно и необычайно, но оно скрывало желаніе нанести какъ можно болѣе мѣткій ударъ. Кромѣ того, возвратясь въ Парижъ, Сешель узналъ объ арестѣ стараго маршала Контада. Этотъ арестъ маршала Франціи въ домѣ матери члена конвента далъ понять Сешелю, какой опасности подвергались не только онъ самъ, но всѣ близкія ему лица,—обѣ сестры Бельгардъ и его мать съ бабушкой, тѣмъ болѣе, что у послѣднихъ ежедневно служили въ замкѣ обѣдни. 29-го онъ выступилъ на трибунѣ конвента съ цѣлью самозащиты. Его рѣчь взволновала собраніе, такъ какъ въ ней слышалась искренность, и его отставка была отвергнута. Послѣдніе шесть мѣсяцевъ 1793 года терроръ достигъ своего апогея. Поведеніе сестеръ Бельгардъ было удивительно въ то время, когда аристократы старались скрыться изъ Парижа и даже при этихъ условіяхъ рисковали жизнью. Адель такъ страстно привязалась къ Сешелю, что ни за что не хотѣла разстаться съ нимъ, расчитывая, можетъ быть, что онъ защититъ ихъ отъ террора. Аврора же, по предположенію автора, дѣлала это не изъ любви къ Филиберу, а изъ привязанности къ сестрѣ. Однако не одна любовь удерживала Адель: она не жила тихо и спокойно, а жаждала окунуться въ водоворотъ террора. Тѣмъ временемъ Робеспьеръ не дремалъ, и его шпіоны донесли, что у Сешеля укрывается ка-

кой-то молодой незнакомецъ. Дѣло въ томъ, что, по дорогѣ изъ Парижа, Сешель встрѣтилъ Катю, военнаго комиссара арміи, отправлявшагося въ Кальмаръ. Такъ какъ Катю зналъ хорошо Эльзасъ и нѣмецкій языкъ, то Сешель рѣшилъ сдѣлать его своимъ секретаремъ. Въ Парижѣ Катю, хотя нанялъ квартиру, но жилъ у Сешеля. Этимъ воспользовались враги послѣдняго. Арестовавъ Катю утромъ, когда не было дома Сешеля, они опечатали домъ послѣдняго, а когда онъ вернулся вечеромъ домой, то былъ тоже арестованъ, точно также и Филиберъ. Участь Сешеля была давно рѣшена Робеспьеромъ, и 4-го апрѣля его казнили. Онъ спокойно, хладнокровно отправился на смерть и даже ободрялъ Камиля Демулэна, съ которымъ они вмѣстѣ были приговорены: «Мой другъ, покажемъ,— говорилъ онъ:—что мы умѣемъ умирать». Когда онъ проѣзжалъ на казнь мимо одного дома, то посмотрѣлъ на полуоткрытый ставень, откуда его привѣтствовала женская рука. Вотъ все, что извѣстно: видѣлся ли онъ съ Адель, была ли это ея рука,—ничего неизвѣстно. Чрезъ недѣлю былъ казненъ и Филиберъ Симонъ. Изъ мемуаровъ графини Флери, находившейся въ то время въ тюрьмѣ, извѣстно только, что сестры были тоже арестованы, но съ ними обходились мягко. По словамъ г-жи Куаньи, подруги обѣихъ сестеръ, онѣ скоро утѣшились. Въ ихъ домѣ стали появляться даже члены прежняго аристократическаго общества, хотя главный элементъ представляли артисты и писатели. По словамъ кардинала Билье, у Адели былъ сынъ отъ Сешеля, и она уѣзжала въ Гренобль на время родовъ. Не зная, какъ назвать ребенка, она дала ему имя Шенуазъ; это было названіе улицы, гдѣ она скрывалась, когда онъ родился. Ея сестра усыновила его, и онѣ тщательно его воспитали, а впослѣдствіи онъ сдѣлался лейтенантомъ гвардейскаго полка Людовика XVIII. Эти свѣдѣнія Додэ отвергаетъ и ссылается на свидѣтельство г-жи Куаньи, которая въ это время жила съ ними вмѣстѣ и была въ связи съ министромъ юстиціи Малья Гара. У него былъ младшій братъ, извѣстный пѣвецъ Гара, который влюбился въ Адель. Но объ этихъ отношеніяхъ ничего неизвѣстно, кромѣ того, что у нихъ было двое дѣтей—сынъ Луи Франсуа, родившійся въ Эпинѣ 16-го октября 1801 года, о рожденіи котораго не было заявлено, и дочь Полина, родившаяся въ слѣдующемъ году и записанная на имя отца, почему въ документахъ сестеръ о ней ничего не извѣстно. Она воспитывалась у отца, а впослѣдствіи вышла замужъ и умерла въ 1827 году. Вся забота сестеръ была направлена на воспитаніе сына. Когда онъ родился, Адель рѣшила, что никогда не вернется въ Савойю, и купила у двоюроднаго брата, графа Эрвиль, его замокъ Шенуазъ. Такъ долго дремавшая материнская любовь наконецъ проснулась въ сердцѣ Адель, тогда какъ Аврора, выйдя изъ-подъ вліянія Филибера, давно уже чувствовала материнское призваніе. Прежнія дѣти отъ графа Белльгарда были для Адель чужія. Вдругъ въ маѣ 1803 года она получила извѣстіе отъ мужа, достигшаго блестящаго положенія въ Австріи. Въ это время она была поглощена любовью къ Гара и дѣтямъ, родившимся отъ него, и ею овладѣлъ страхъ, что Белльгардъ потребуетъ ее къ себѣ, тѣмъ болѣе, что она узнала, будто онъ хочетъ уничтожить разводную и заставить ее слѣдовать за нимъ не изъ любви къ ней, но ради возвращенія ея приданаго дѣтямъ. Однако хлопоты Белльгарда не увѣнчались успѣхомъ, и онъ согласился на мирную сдѣлку. Съ этою цѣлью они встрѣтились у

нотаріуса послѣ двѣнадцатилѣтней разлуки. Условія были слѣдующія: Адель будетъ пользоваться замкомъ до своей смерти, а затѣмъ онъ перейдетъ къ законнымъ дѣтямъ. Послѣ этого графъ возвратился въ Австрію, гдѣ готовились къ третьей коалиціи противъ Франціи. Такъ они больше и не видались. По другимъ источникамъ, въ это время любовь Адели къ Гара уже потухла. Ей было тридцать восемь лѣтъ, но, вѣроятно, уставъ отъ жизни, полной волненій, она только и мечтала о материнской любви. 7-го января 1830 года она умерла въ квартирѣ сына. Ея смерть была обставлена прежними традиціями, и она исповѣдалась и причащалась предъ смертью. Въ то же время пришло извѣстіе о смерти ея мужа. Аврора въ 1826 году была назначена настоятельницей обители св. Анны въ Мюнхенѣ, а 7-го марта 1840 года она умерла.

— Родственники Наполеона. Французскій писатель Жильбертъ Станжэ предпринялъ новый историческій трудъ [1]): «Французское общество во время консульства». Первый томъ уже вышелъ и заключаетъ въ себѣ любопытный и живой разсказъ объ этой эпохѣ возрожденія Франціи послѣ ея упадка при директоріи. Авторъ подробно, обстоятельно и правдиво излагаетъ всѣ фазы не только политической, но и общественной жизни того времени, обращая вниманіе особенно на многочисленные возродившіеся въ то время салоны. Прежде изданія книги Станже помѣстилъ многіе изъ ея отрывковъ въ различныхъ журналахъ, и мы своевременно познакомили съ ними читателей «Историческаго Вѣстника». Теперь же готовится къ выходу второй томъ, посвященный Наполеону и его семейству въ періодъ консульства, отрывки [2]) изъ него помѣщены въ восьми нумерахъ «Revue hebdomadaire». Что же касается остальныхъ томовъ, то они познакомятъ читателя съ дѣятельностью сподвижниковъ Наполеона, развитіемъ литературы при консульствѣ и т. д. Конечно, всего обстоятельнѣе Станжэ описываетъ въ вышедшихъ уже отрывкахъ [3]) самого Наполеона, какъ человѣка, въ самую блестящую эпоху его жизни. Ни одинъ портретъ Наполеона того времени не изображаетъ его съ точной вѣрностью, и Ламартинъ правъ, называя его физіономію или его взглядъ «вѣчнымъ неутомимымъ пламенемъ». Тѣмъ, которые его видѣли первый разъ, онъ казался строгимъ, холоднымъ и гордымъ. Его жесты напоминали южанина, а голосъ во время покоя былъ нѣжнымъ, мелодичнымъ, но въ минуты гнѣва рѣзкимъ, авторитетнымъ, не допускавшимъ возраженій. Не получивъ хорошаго воспитанія, онъ, по словамъ г-жи Ремюза, не умѣлъ ни войти въ гостиную ни выйти изъ нея, ни сѣсть, ни встать. Цѣлый день съ семи до одиннадцати часовъ онъ проводилъ въ постоянныхъ занятіяхъ. «Я не добръ,—говорилъ онъ:—но на меня можно положиться». Его временныя вспышки были ужасны, но проходили скоро. Относительно женщинъ онъ не довѣрялъ ихъ интригамъ и предпочиталъ такъ называемыхъ имъ «женщинъ дивана». Вообще онъ обходился съ ними довольно грубо и равнодушно. Такъ, напримѣръ, онъ однажды заставилъ актрису Дюшенуа долго дожидаться себя въ сосѣдней

---

[1]) La société française pendant le Consulat, par Gilbert Stenger. Paris. 1903.

[2]) Bonaparte, ses frères et soeurs pendant le Consulat, par G. Stenger.

[3]) La Revue hebdomadaire 1903. De juin jusqu'a Novembre.

комнатѣ. Чрезъ нѣсколько времени актриса стала безпокойно двигаться. Наполеонъ, занятый бумагами, воскликнулъ: «Пусть она ждетъ». Когда же она вторично выразила нетерпѣніе, то онъ воскликнулъ: «Пусть раздѣнется и ляжетъ!» Наконецъ она стала шумѣть отъ нетерпѣнья, и Наполеонъ грубо велѣлъ ей сказать: «Пусть она одѣнется и убирается вонъ!» Однимъ изъ любимыхъ препровожденій времени Наполеона было гулять съ своими двумя адъютантами, вмѣшиваться въ толпу и спрашивать мнѣніе народа относительно себя. Въ эту эпоху своей жизни онъ имѣлъ слабость играть въ карты и часто плутовалъ въ игрѣ, но не изъ корысти, такъ какъ игралъ по маленькой, а изъ самолюбія. Уже въ то время у него были двѣ задачи въ жизни—слава и война. Онъ самъ лучше всѣхъ характеризовалъ себя, говоря живописцу Давиду: «Представьте меня неподвижнымъ на бѣшеномъ конѣ!» Что же касается до его родственниковъ, отличавшихся неблагодарностью къ нему, то онъ говорилъ на св. Еленѣ: «Іосифъ во всѣхъ странахъ былъ бы украшеніемъ общества, Люсьенъ—всякаго политическаго собранія; Іеронимъ съ годами привыкъ управлять людьми, а Людовикъ всюду обратилъ бы на себя вниманіе. Сестра Элиза отличалась мужскимъ умомъ и сильной душей; Каролина была очень способна, а Полина была отличнымъ существомъ и красивѣйшей женщиной своего времени. Что касается моей матери, то она достойна всякаго уваженія. Какое же многочисленное семейство могло бы представить лучшій ансамбль?» Переходя отъ Наполеона къ его братьямъ и сестрамъ въ эпоху консульства, Станжэ рисуетъ рельефную характеристику каждаго изъ нихъ и указываетъ на ихъ общую эгоистическую черту—ревность, заставлявшую ихъ враждебно относиться къ брату, составившему ихъ карьеру. Старшій Іосифъ ни въ чемъ не походилъ на Наполеона. Онъ былъ любезенъ, учтивъ, остроуменъ и обходился со всѣми чрезвычайно мягко и предупредительно. Рано женившись на богатой женщинѣ, одной изъ сестеръ Клари, онъ велъ себя примѣрно, какъ до консульства, такъ и во время его. Онъ занимался литературой и любилъ принимать избранное общество въ своемъ помѣстьѣ Mortefontaine. Его романъ «Moina» былъ хорошо написанъ и поражалъ протестомъ противъ милитаризма. Въ это время онъ любезно обращался съ Наполеономъ и часто обѣдалъ въ Мальмэзонѣ. Онъ рѣдко вмѣшивался въ политику, но разсказываютъ интересный анекдотъ о томъ, какъ онъ вышелъ изъ себя, опровергая планъ Наполеона уступить Америкѣ Луизіану. Во время этого разговора Наполеонъ сидѣлъ въ ваннѣ и до того взбѣсился, что вскочилъ, а потомъ бросился опять въ воду, обрызгавъ брата съ головы до ногъ. Хотя Наполеонъ очень любилъ и даже уважалъ брата, но признавалъ его недостатки, такъ какъ Іосифъ былъ несомнѣнно очень ограниченъ, неизмѣримо честолюбивъ и лицемѣренъ. Совсѣмъ другой человѣкъ былъ братъ Наполеона, Люсьенъ. Воспитанный въ духовной семинаріи, онъ приготовлялся въ патеры, но революція сдѣлала его пламеннымъ патріотомъ и республиканцемъ. При возстаніи Паоли на Корсикѣ онъ принялъ его сторону и только послѣ пораженія, нанесеннаго англичанами, бѣжалъ во Францію, гдѣ служилъ по провіантской части. Женившись на красивой Катеринѣ Бойе, онъ сначала жилъ очень счастливо и былъ выбранъ во время директоріи въ совѣтъ пятисотъ. Въ немъ онъ пріобрѣлъ большую по-

пулярность своими горячими рѣчами въ пользу свободы. Вскорѣ его избрали въ президенты, и онъ сыгралъ главную роль въ переворотѣ 18-го Брюмера, потому что былъ совершенно другого понятія о Наполеонѣ. Въ первыя времена консульства онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и велъ въ Парижѣ блестящую жизнь покровителя искусствъ и литературы. Но по несчастію жена его въ это время умерла, и онъ сталъ мрачнымъ, неуживчивымъ. Кончилось тѣмъ, что Наполеонъ разссорился съ нимъ, и онъ отправился въ Мадридъ, гдѣ различными спекуляціями нажилъ себѣ огромное состояніе. По его возвращеніи въ Парижъ, Наполеонъ старался съ нимъ примириться, женивъ его на испанской инфантѣ, но Люсьенъ въ это время находился въ связи съ вдовой Жубертонъ и ради нея пожертвовалъ всей своей будущей карьерой. Его характеръ былъ такой же упорный, какъ у брата, и потому онъ отказался отъ всѣхъ предложеній Наполеона, женился на г-жѣ Жубертонъ и уѣхалъ со своей семьей изъ Парижа въ концѣ консульства. Третій братъ Наполеона, Людовикъ, въ молодости былъ очень мягкій, добрый и трудолюбивый. Въ итальянской и египетской кампаніяхъ онъ сопровождалъ Наполеона. Когда Наполеонъ сдѣлался консуломъ, то онъ продолжалъ военную службу до тѣхъ поръ, пока съ ужасомъ не вышелъ въ отставку, по случаю неотмѣненной братомъ смертной казни, приговоръ которой онъ долженъ былъ подписать. Сдѣлавшись молчаливымъ, угрюмымъ, онъ избѣгалъ свѣта и держался въ сторонѣ отъ брата и Жозефины. Наполеонъ изъ личныхъ расчетовъ женилъ его на Гортензіи Богарнэ, дочери своей жены. Этотъ бракъ былъ самый несчастный. Характеръ Людовика становился все мрачнѣе, деспотичнѣе и мистичнѣе. Сначала Гортензія вела образцовую жизнь, но оставляемая безпрестанно мужемъ, который видимо избѣгалъ ея, она повела веселую жизнь. Даже рожденіе сына, будущаго императора Наполеона III-го, не улучшило ихъ семейныхъ отношеній. Что касается до послѣдняго брата Наполеона, Іеронима, то онъ былъ во время консульства совершеннымъ юношей и велъ самую веселую, развратную жизнь. Чтобы образумить брата, Наполеонъ опредѣлилъ его въ морскую службу и отправилъ въ плаваніе. Но морскія путешествія нимало не исправили неисправимаго кутилы. Во время своихъ странствій онъ женился на американской красавицѣ Елизаветѣ Патерсонъ. По возвращеніи въ Парижъ Наполеонъ приказалъ ему развестись съ женою, что онъ и сдѣлалъ, не отличаясь гражданскимъ мужествомъ Люсьена. Изъ трехъ сестеръ Наполеона старшая Элиза, не была красива, какъ ея сестры. Она вышла замужъ за корсиканца Бачьоки и была всю жизнь несчастна, такъ какъ ея мужъ былъ ни на что не годный и не способный человѣкъ, котораго Наполеонъ съ отчаянія сдѣлалъ сенаторомъ. Жена всегда жила отъ него отдѣльно и имѣла безконечное число любовниковъ. Вторая сестра Наполеона, Полина, несмотря на свою распутную жизнь, была такъ хороша собой, что ей все прощалось. Она такъ легкомысленно вела себя, что Наполеонъ принужденъ былъ выдать ее за своего генерала Леклерка, за которымъ она послѣдовала на островъ Санъ-Доминго. Ея мужъ вскорѣ умеръ отъ дурного климата, и Полина вышла замужъ за итальянскаго принца Камила Боргезе. Въ Парижѣ, гдѣ поселились молодые, Полина вела безумную жизнь, бросая направо и на-

лѣво несмѣтныя груды денегъ, которыя давалъ ей Наполеонъ. Младшая его сестра, Каролина, была хорошенькая, свѣжая, розовая, бѣлая красавица. Она рано вышла замужъ за знаменитаго Мюрата. Сначала они думали о пріобрѣтеніи богатства, но мало-по-малу Каролина пристрастилась къ свѣтской жизни и нимало не выказывала того самолюбія, какое проявилось у нея впослѣдствіи. Кратко очертивъ характеры всѣхъ родственниковъ Наполеона и его самого во время консульства, Жильберъ Станжэ въ нѣсколькихъ словахъ упоминаетъ о матери всей этой многочисленной семьи—Летиціи Рамолино. Ей было пятьдесятъ лѣтъ, когда Наполеонъ сдѣлался консуломъ, и главной ея чертой была крайняя скаредность, объясняемая ея первоначальной бѣдностью. Но лучшимъ ея качествомъ была семейная добродѣтель: она была прекрасной матерью. всегда заботившейся о своихъ дѣтяхъ. Болѣе всего она любила Полину и Люсьена, съ которымъ жила въ Римѣ послѣ его ссоры съ Наполеономъ. Относительно самого Наполеона она всегда вела себя гордо и съ достоинствомъ, одинаково обращаясь съ нимъ на высотѣ его величія, какъ во дни его школьной жизни.

— **Юбилеи и памятники.** Очень интересное торжество произошло въ Женевѣ 27-го октября прошлаго года. Въ этотъ день минуло 450 лѣтъ съ позорнаго для Швейцаріи и ея апостола Кальвина сожженія Михаила Сервета. Чтобы хотя нѣсколько очистить доброе имя великаго реформатора и его страны, женевскіе кальвинисты, съ согласія базельцевъ, бернцевъ, шафгаузенцевъ и цюрихцевъ, предки которыхъ участвовали въ обвиненіи Сервета, поставили памятникъ жертвѣ фанатизма ихъ предковъ. Этотъ памятникъ состоитъ изъ глыбы черваго гранита съ подобающей надписью, и Швейцарія такимъ образомъ отдала «amande honorable» юридическому убійству замѣчательнаго мыслителя и доктора. При открытіи этого искупительнаго памятника одинъ изъ ораторовъ очень ловко замѣтилъ, что эта церемонія была тѣмъ же, чѣмъ явилась бы соотвѣтственная церемонія открытія предъ Луврομъ Піемъ X искупительнаго памятника жертвамъ Варѳоломеевской ночи. Конечно, остальные ораторы краснорѣчиво напомнили жизнь несчастнаго Сервета. Собственно онъ былъ испанецъ Мигуэль Серведо и родился въ наваррскомъ городѣ Виллануэва въ 1509 году. Девятнадцати лѣтъ отъ роду онъ покинулъ Испанію и началъ изучать въ Тулузѣ юридическія науки. Но скоро бросилъ этотъ предметъ и пламенно предался изученію запутанныхъ религіозныхъ вопросовъ реформаціонной эпохи. Въ 1530 году онъ отправился въ Базель и Страсбургъ, гдѣ слушалъ знаменитыхъ въ то время протестантскихъ богослововъ. Его смѣлыя антитринитарныя идеи испугали и привели ихъ въ такое негодованіе, что они назвали Сервета «нечестивымъ и проклятымъ испанцемъ». Онъ тогда обратился къ суду публики и издалъ свои извѣстныя двѣ книги «De trinitatis erroribus» и «Dialogues», въ которыхъ продолжалъ полемику противъ ученія о Троицѣ. Но публика также мало обратила вниманія на его ученіе какъ и богословы, которые сожгли въ многихъ городахъ эти книги. Чтобы избѣгнуть преслѣдованія, Серветъ бѣжалъ въ Парижъ, перемѣнилъ свое имя на Михаила Вилланова, сталъ изучать медицину у Фернелля и получилъ докторскій дипломъ. Въ естественныхъ наукахъ Серветъ отличался такъ же, какъ и въ религіи,

безпокойнымъ, но правдивымъ и часто геніальнымъ духомъ. Такъ онъ предупредилъ открытіе Гарвея относительно обращенія крови. Еще онъ издалъ замѣчательный переводъ сочиненія Птолемея и пріобрѣлъ славу ученаго географа. Познакомившись съ Кальвиномъ, онъ нѣсколько разъ, частнымъ образомъ, поддерживалъ съ нимъ религіозные диспуты, но когда Кальвинъ предложилъ ему публичный диспутъ, то онъ на словахъ согласился, но фактически бѣжалъ, опасаясь, чтобы женевскій реформаторъ не уличилъ его въ ереси и не подвергнулъ отвѣтственности. Послѣ этого Серветъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Ліонѣ, Авиньонѣ и Віеннѣ, гдѣ издалъ свой знаменитый трудъ: «Возстановленіе христіанства». Эта книга была издана анонимно, но Серветъ послалъ Кальвину отрывки изъ нея, прежде чѣмъ она вышла, и тотъ обличилъ его авторство предъ архіепископомъ Віенскимъ. Тогда Серветъ снова бѣжалъ и, пробираясь тайно чрезъ Швейцарію въ Италію, былъ арестованъ въ Женевѣ по указанію Кальвина. Тотъ же Кальвинъ настоялъ на преданіи Сервета суду, который послѣ сложнаго разсмотрѣнія дѣла приговорилъ Сервета, какъ анабаптиста, къ сожженію на кострѣ. Его казнь была совершена четыреста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Спустя мѣсяцъ, 29-го ноября 1903 г. въ городѣ Тарбѣ воздвигли статую одному изъ героевъ первой французской революціи—Дантону. Памятникъ изображаетъ стоящую во весь ростъ фигуру пламеннаго патріота и двухъ мраморныхъ барельефовъ, представляющихъ Дантона, призывающаго волонтеровъ къ защитѣ родины. При открытіи статуи произнесъ торжественную рѣчь военный министръ Андрэ, который представилъ краснорѣчивую характеристику этого яраго героя, вѣрнаго олицетворенія республики. Какъ извѣстно, Дантонъ родился въ Арсисѣ, около полутораста лѣтъ тому назадъ, въ 1759 году. Сынъ провинціальнаго прокурора, онъ служилъ до революціи королевскимъ адвокатомъ. Съ самаго ея начала Дантонъ основалъ клубъ кордильеровъ, но добился значенія только въ 1791 году, послѣ бѣгства и возвращенія въ Парижъ короля; тогда онъ былъ сдѣланъ прокуроромъ парижской коммуны. Послѣ участія во взятіи Тюильри онъ занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ качествѣ онъ выказалъ удивительную энергію и силу воли въ дѣлѣ защиты Франціи отъ коалиціи. Онъ произнесъ знаменитыя слова: «Для побѣды нужна отвага, еще отвага и всегда отвага»; и для осуществленія проповѣдуемой имъ защиты родины онъ призвалъ триста тысячъ волонтеровъ, основалъ революціонный трибуналъ противъ аристократовъ и учредилъ комитетъ общественной безопасности. Его популярность достигла апогея въ 1794 году, но по обвиненію его соперника Робеспьера онъ былъ преданъ суду и казненъ. Онъ умеръ самымъ мужественнымъ образомъ и, кладя голову на эшафотъ, сказалъ палачу: «Покажи народу мою голову; она этого стоитъ». Настоящая статуя Дантона—третья во Франціи; одна воздвигнута въ Парижѣ на бульварѣ Сенъ-Жерменъ, а вторая на его родинѣ въ Арсисѣ.

Только что истекшій годъ былъ спеціальнымъ торжествомъ для создателей новой музыки. Во Франціи чередовался цѣлый рядъ празднествъ въ честь Берліоза, а въ Берлинѣ поставлена статуя Вагнеру. Прежде всего Берліозу поставленъ бюстъ въ Монте-Карло, потомъ статуя въ Греноблѣ, и, наконецъ, его

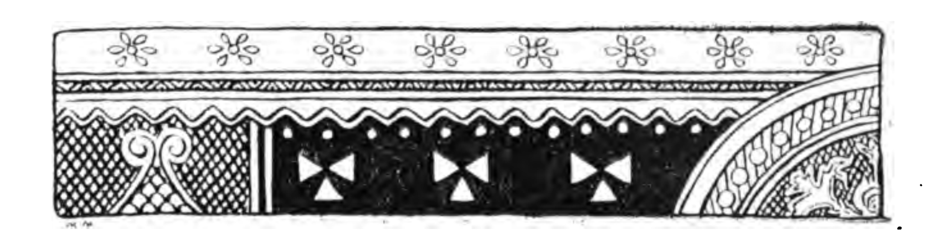
столѣтній юбилей великолѣпно праздновался въ Парижѣ и многихъ городахъ не только Франціи, но и Европы. Это двойное торжество великихъ музыкантовъ служитъ достойнымъ возмездіемъ за ихъ долгія невзгоды при жизни. Особенно судьба преслѣдовала злополучнаго Гектора Берліоза, родившагося 11-го декабря 1803 г. въ городкѣ Côte Saint André, близъ Гренобля. Всю жизнь онъ прожилъ не признаннымъ геніемъ и музыкальнымъ критикомъ. Только послѣ смерти Берліоза успѣхъ его оперъ, ораторій и симфоній, все увеличивался и теперь достигъ апогея. Во всемъ свѣтѣ Берліоза чтятъ, какъ одного изъ величайшихъ музыкантовъ. Какъ человѣкъ, авторъ «Троянцевъ» и «Гибели Фауста» былъ замѣчательной и оригинальной личностью по своему пламенному, страстному характеру. Въ двѣнадцать лѣтъ онъ по уши влюбился въ Эстеллу Готье, шестью годами старше его. Въ концѣ своей полной треволненій илюбовныхъ приключеній жизни, онъ нашелъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ свою Эстеллу и снова влюбился въ нее съ прежней страстью. Эта удивительная любовь, обнаруженная въ недавно напечатанныхъ его письмахъ къ ней, чрезвычайно обезпокоила добрую старушку. Она старалась его успокоить и, между прочимъ посылая ему свой портретъ, остроумно написала: «Вѣрьте мнѣ, что посылаю вамъ мою фотографію какъ бы изъ сожалѣнія къ дѣтямъ, которыя ведутъ себя неблагоразумно. Я всегда считала, что лучшій способъ ихъ образумить—развлеченіе, напримѣръ, показывать имъ картинки. Поэтому я беру смѣлость послать вамъ картинку, которая напомнитъ реальность настоящей минуты и уничтожитъ иллюзію прошедшаго». Мало-по-малу ей удалось затушить пылъ старика, и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ сдѣлался ея другомъ, постоянно писавшимъ ей о музыкѣ и исполнявшимъ ея мелкія комиссіи. Въ отношеніи Вагнера, Берліозъ былъ, какъ и всегда, оригинальный. Несмотря на близость своего генія къ генію Вагнера, онъ обращался съ послѣднимъ самымъ страннымъ образомъ. То они были друзья, то осуждали произведенія другъ друга, называя ихъ безумными и нелѣпыми. Теперь одинаково будущность благородно мститъ за обоюдныя нападки обоихъ и какъ будто нарочно соединяетъ ихъ торжества.

Рихардъ Вагнеръ, родившійся въ 1813 г., долго ждалъ своего апоѳеоза, и хотя въ концѣ своей жизни дождался общаго признанія своей славы, но только теперь удостоился статуи. Даже эта статуя имѣетъ свою смѣшную сторону, такъ какъ она воздвигнута на деньги крупнаго парфюмера, бывшаго пѣвца—Лейхнера. Самые пламенные вагнеристы, хотя и счастливые прославленіемъ своего кумира, не могли однако простить происхожденіе его памятника и всячески тормозили открытіе парфюмерскаго дара. Наконецъ, упорство негоціанта восторжествовало, и теперь гордая фигура Вагнера возвышается въ Берлинскомъ зоологическомъ саду. Все-таки послѣдній эпизодъ исторіи статуи великаго музыканта вполнѣ осуществляетъ его послѣднія слова: «Моя судьба—всюду и всегда порождать революцію». Дѣйствительно, творецъ музыкальной революціи былъ въ то же время однимъ изъ пламенныхъ участниковъ революціи 1848 г. Что же касается до музыкальнаго генія создателя «Тангейзера», «Лоэнгрина», «Парсифаля» и т. д., то излишне о немъ распространяться: онъ признанъ одинаково всѣмъ свѣтомъ.

— Смерть Роллина и Герберта Спенсера. Въ концѣ октября мѣсяца умеръ въ Парижѣ малоизвѣстный поэтъ Морисъ Ролина, и въ газетахъ было сказано только, что онъ погибъ въ припадкѣ сумасшествія. Однако, въ послѣднее время большинство журналовъ и газетъ стало помѣщать сочувственныя статьи и хвалебные гимны объ умершемъ поэтѣ; особенно симпатично относятся къ нему критикъ Жеффуа въ «Révue universelle», извѣстный публицистъ Октавъ Юзанъ въ «Academy and Literature», Андрэ Банье въ «Journal des Debats» и Гюставъ Канъ въ «Nouvelle Revue». Изъ всѣхъ ихъ статей оказывается, что Ролина заслуживаетъ полнаго вниманія по своему литературному таланту. Онъ родился въ Шатору, въ департаментѣ Эндръ, и былъ сыномъ политическаго дѣятеля 1848 года. Замѣчательно, что молодой человѣкъ былъ крестникомъ Жоржъ Зандъ. Получивъ воспитаніе въ одномъ изъ провинціальныхъ лицеевъ, онъ двадцати двухъ лѣтъ пріѣхалъ въ Парижъ и поступилъ на службу въ ратушу. Однако онъ занимался болѣе, чѣмъ службой, поэзіей и перекладываніемъ ея на музыку. Всего болѣе успѣха имѣла его книга «Les nevroses», въ которой онъ заявилъ себя декадентомъ и послѣдователемъ Эдгара По и Бодлэра. Его мрачная, унылая, роковая поэзія особенно производила впечатлѣніе, когда онъ самъ декламировалъ ее подъ звуки своей музыки, одинаково возбуждавшей ужасъ и демоническій страхъ. Викторъ Гюго и Альфонсъ Додэ восхищались его стихотвореніями, а Сара Бернаръ, слушая его импровизаціи, приходила въ такой восторгъ, что падала предъ нимъ на колѣни. Однако вскорѣ ему надоѣла парижская жизнь, и онъ удалился въ деревню, гдѣ прожилъ двадцать лѣтъ, предавшись всецѣло своей болѣзненной поэзіи, которая довела его на пятьдесятъ четвертомъ году до преждевременной драматической смерти.

25-го ноября, стараго стиля, умеръ Гербертъ Спенсеръ. Съ нимъ прекратился рядъ великихъ ученыхъ мыслителей и философовъ XIX вѣка. Теперь не осталось ни одного изъ тѣхъ умственныхъ гигантовъ, у которыхъ учились цѣлыя поколѣнія людей знанія и просвѣщенія. Гербертъ Спенсеръ родился въ 1820 г.; сынъ школьнаго учителя, онъ, подобно Джону Стюарту Миллю, воспитывался дома и никогда не бывалъ ни въ школѣ, ни въ университетѣ. Сначала онъ избралъ карьеру практическаго инженера, но черезъ восемь лѣтъ бросилъ ее и сдѣлался писателемъ и журналистомъ. Двадцати двухъ лѣтъ онъ написалъ брошюру «Настоящая сфера правительства», а затѣмъ съ 1848 по 1853 годъ занималъ должность помощника редактора журнала «Economist». Еще прежде чѣмъ покинуть это политико-экономическое поприще, онъ издалъ свое первое философское сочиненіе: «Соціальная статика». Съ этихъ поръ началась выработка его научнаго міросозерцанія. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ вполнѣ выработалъ свою теорію, основой которой служитъ эволюціонизмъ. Вмѣстѣ съ нею онъ развилъ и довелъ до апогея систему индивидуализма. Эти идеи онъ развилъ въ трехъ многотомныхъ сочиненіяхъ: «Синтетическая философія», «Начала соціологіи» и «Этика». Кромѣ этихъ главныхъ своихъ трудовъ, онъ написалъ много разнообразныхъ сочиненій, въ томъ числѣ свою послѣднюю книгу «Акты и комментаріи». Всюду онъ проводилъ однѣ и тѣ же идеи объ ученой эволюціи и о правахъ индивидуализма, съ одной стороны, про-

тивъ государства, а, съ другой, соціализма. Онъ былъ столь же ярымъ врагомъ одного, какъ и другого. «Дурное время настало для всего свѣта, — говоритъ онъ: — соціализмъ будетъ величайшимъ бѣдствіемъ, какое когда либо знавалъ міръ. Точно также онъ возставалъ противъ преобладанія государства надъ индивидуальной свободой. Какое право, по его словамъ, имѣло министерство или большинство сказать мнѣ, что я долженъ покупать себѣ хлѣбъ, гдѣ онъ хуже и дороже. Это нарушеніе самыхъ первоначальныхъ условій человѣческой свободы». На основаніи той же индивидуалистической теоріи онъ всегда отказывался отъ всѣхъ офиціальныхъ и академическихъ почетныхъ званій. Говорятъ, что онъ послѣдній разъ отклонилъ отъ себя почетное званіе, которое въ прошедшемъ году хотѣлъ основать Лондонскій университетъ и пожаловать только тремъ ученымъ: Спенсеру, Кэльвину и Листеру. Конечно, здѣсь не мѣсто входить въ подробное изслѣдованіе тѣхъ великихъ заслугъ, которыя Спенсеръ оказалъ философіи, психологіи, этикѣ, соціологіи, исторіи и біологіи. Но замѣтимъ, что вліяніе его научныхъ трудовъ было не менѣе замѣтно въ Россіи, чѣмъ въ Англіи, за послѣднюю четверть столѣтія. Прекрасно заключаетъ свою статью критикъ «Athenaeum»'а, говоря: «Государственные люди могутъ являться и покидать общественную арену, написавъ свои имена въ маленькомъ уголкѣ національной исторіи; но человѣкъ, умершій на-дняхъ въ Брайтонѣ на восемьдесятъ третьемъ году жизни, принадлежитъ всему свѣту, и его заслуги не измѣряются только границами одной страны. Его дѣло теперь окончено, и онъ вступилъ въ число безсмертныхъ».



СМѢСЬ.

Чествованіе памяти кн. В. Ѳ. Одоевскаго. Въ большомъ конференцъ-залѣ Императорской Академіи Наукъ 16-го ноября состоялось публичное соединенное собраніе отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности, посвященное памяти кн. В. Ѳ. Одоевскаго по случаю исполнившагося столѣтія со дня его рожденія. Большой залъ былъ почти переполненъ публикой, среди которой находились: непремѣнный секретарь академіи академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ, академики: Ф. В. Овсянниковъ, А. Н. Карпинскій, генералъ-майоръ М. А. Рыкачевъ, профессоръ Н. А. Меншуткинъ, Н. Н. Вейнбергъ, М. М. Стасюлевичъ и много другихъ извѣстныхъ лицъ. Ровно въ 2 часа дня прибылъ августѣйшій президентъ академіи его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ и занялъ предсѣдательское мѣсто, имѣя по правую руку вице-президента академіи Н. В. Никитина и по лѣвую—академика А. Н. Веселовскаго. Засѣданіе было открыто, и на каѳедру взошелъ почетный академикъ, сенаторъ А. Ѳ. Кони, произнесшій блестящую рѣчь о личности и дѣятельности князя Влад. Ѳед. Одоевскаго. Почтенный ораторъ высказалъ въ своей рѣчи приблизительно слѣдующее: «Приступая къ воспоминаніямъ о покойномъ кн. Одоевскомъ, Академія Наукъ исполняетъ традиціонный и нравственный долгъ по отношенію къ дѣятелямъ мысли, оставившимъ по себѣ блестящій и благотворный слѣдъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и кн. Одоевскій, со дня рожденія котораго исполнилось нынѣ сто лѣтъ. Три рода дѣятелей оставляютъ о себѣ обыкновенно память въ потомствѣ. Одни изъ нихъ появляются, какъ яркія ракеты, сыплющія цѣлые снопы искръ, но скоро потухающія; другіе блещутъ подобно холодному электрическому свѣту, свѣтятъ ярко, но не грѣютъ, и, наконецъ, третьи напоминаютъ свѣтъ тихой,

примирительной лампады предъ образомъ. Это тѣ дѣятели мысли, къ числу которыхъ принадлежалъ и Одоевскій. Онъ стремился къ правдѣ, жилъ дѣятельной и тревожной любовью къ людямъ и глубоко цѣнилъ знаніе. Отсюда его ненависть ко лжи, отсюда—отзывчивость къ страданіямъ ближняго и отсюда же его скромность и бѣдность, несмотря на его принадлежность къ древнему роду Рюриковичей и ближайшее происхожденіе отъ князя Михаила Черниговскаго. Въ рамки его жизни было вложено богатѣйшее содержаніе». Разбирая далѣе тѣ требованія, которыя могутъ быть предъявляемы къ писателю, А. Ѳ. Кони задался разрѣшеніемъ вопроса: умѣлъ ли Одоевскій страдать? «Писатель долженъ давать читателю чувствовать свою душу, и Одоевскій достигалъ этого въ своихъ произведеніяхъ. Въ то время, когда онъ писалъ, публика требовала отъ литературныхъ произведеній прежде всего занимательности. Это не мѣшало бы, между прочимъ, помнить и теперь, когда форма преобладаетъ надъ содержаніемъ. Въ изящномъ произведеніи нужны мысль, языкъ, стиль и отзывчивость къ жизни; нужно, чтобы слово соотвѣтствовало дѣлу. Всѣ эти условія нашли свое осуществленіе въ творчествѣ Одоевскаго. Его языкъ проникнутъ страстнымъ юморомъ. Въ немъ чувствуется скорѣе ораторъ, нежели писатель. Произведенія его отличаются глубокомысліемъ. Ложь, которую онъ ненавидѣлъ и съ которою боролся всю жизнь, создаетъ условность жизни, и Одоевскій и ополчился противъ лжи въ наукѣ, въ искусствѣ и въ жизни». А. Ѳ. Кони иллюстрировалъ свое блестящее изложеніе выдержками изъ сочиненій чествуемаго писателя и указалъ на то, что первые его удары были направлены на «коварный свѣтъ», и что многія его произведенія имѣли характеръ сатирическій. «Но одной сатирой ограничиться онъ не могъ. Въ его душѣ глубоко залегала нѣжная любовь къ наукѣ и къ искусству, и эта любовь составляла положительную сторону его творчества. Особенно рельефно высказалась она въ его повѣсти «Бригадиръ», основная идея которой между прочимъ совпала съ идеей «Смерти Ивана Ильича» и была потомъ повторена въ одномъ изъ произведеній Достоевскаго. Любовь къ людямъ выразилась и во многихъ другихъ его произведеніяхъ, а любовь къ знанію—во многихъ повѣстяхъ. Одоевскій выступилъ убѣжденнымъ борцомъ противъ его спеціализаціи и противъ свойственнаго послѣдней стремленія убивать иниціативу мысли и сводить все только къ опыту». А. Ѳ. Кони вспомнилъ при этомъ грозное предостереженіе покойнаго профессора Вирхова, также возстававшаго противъ спеціализаціи и находившаго, что послѣдняя низводитъ ученаго до степени работника на фабрикѣ. Особенно подробно А. Ѳ. Кони остановился на широкой и глубокой образованности князя Одоевскаго. «Одоевскій слѣдилъ за всѣми новыми теоріями въ наукѣ и старался популяризировать ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Онъ былъ знакомъ съ теоріями Бентама, оправдывавшаго существованіе жизни полезностью, и Мальтуса, утверждавшаго, что численность человѣчества возрастаетъ въ прогрессіи геометрической, а средства къ жизни – лишь въ ариѳметической. Познакомился Одоевскій и еще съ однимъ нѣмецкимъ, отверженнымъ всѣми тогдашними факультетами ученымъ, авторомъ «Die Welt als Wille und Vorstellung» Шопенгауэромъ, сочиненіе котораго до 1859 года провалялось въ забвеніи на складѣ у книгопродавца. Нашумѣло въ Европѣ оно уже послѣ, но

Одоевскій знакомъ былъ съ нимъ еще по первымъ, выпущеннымъ въ продажу экземплярамъ и явился противникомъ всѣхъ этихъ трехъ безотрадныхъ научныхъ теорій, написавъ повѣсть-сказку: «Послѣднее самоубійство». Затѣмъ почтенный ораторъ перешелъ къ характеристикѣ кн. Одоевскаго, какъ философа, питавшаго состраданіе къ людямъ, любившаго и просвѣщавшаго народъ огромнымъ количествомъ общепонятныхъ брошюръ; человѣка смѣлаго, смотрѣвшаго на войну, какъ на преступленіе, а на поэзію, какъ на мстительницу. Онъ былъ противникомъ царившей тогда узкой національности, выражавшейся въ лозунгѣ: «шапками закидаемъ», и утверждалъ, что національность тогда только сильна, когда она заимствуетъ отъ сосѣдей лучшее. Но все же» онъ глубоко вѣровалъ въ народъ и говорилъ, что русскій человѣкъ есть лучшій человѣкъ въ мірѣ. Ему принадлежитъ будущее. Оно велико, но оно впереди, а не назади». Одоевскій любилъ также искусство и въ искусствѣ-- музыку. Въ ней онъ видѣлъ средство для обогащенія души и сохраненія народности. Онъ самъ изобрѣлъ клавесинъ и особый органъ. Особенно же восхищала его музыка вокальная, и «ей онъ посвятилъ повѣсть: «Себастіанъ Бахъ». Бетховену было посвящено его произведеніе: «Послѣдній квартетъ Бетховена». Замѣчательно при этомъ недавно обнаруженное обстоятельство, что мысли, высказанныя въ этомъ произведеніи Одоевскаго, совпали съ мыслями, выраженными самимъ Бетховеномъ въ его найденномъ духовномъ завѣщаніи. Одоевскій былъ близокъ къ русскимъ консерваторіямъ, былъ друженъ съ Глинкою, далъ ему двѣ темы для двухъ арій изъ «Жизни за царя» и горячо защищалъ его, когда на него напали за непонятую тогда публикою оперу «Русланъ». Въ сотрудничествѣ съ Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Вьельгорскимъ онъ сочинилъ извѣстный въ свое время «Канонъ» и собиралъ и перекладывалъ на ноты народныя пѣсни». Довольно подробно А. Ѳ. Кони остановился на общественной и благотворительной дѣятельности Одоевскаго, основавшаго, между прочимъ, общество посѣщенія бѣдныхъ и содѣйствовавшаго открытію яслей, пріютовъ, общинъ и другихъ подобныхъ учрежденій. «Литераторъ въ лучшемъ и возвышенномъ смыслѣ слова, онъ держалъ двери своего дома открытыми для всѣхъ начинающихъ писателей и никому не отказывалъ въ нравственной поддержкѣ. Его двери были закрыты только для Булгарина и Сенковскаго. Въ его кабинетѣ, среди клубовъ табачнаго дыма, можно было встрѣтить Пушкина, Гоголя, Вяземскаго, Кольцова и рядомъ съ нимъ какого нибудь скромнаго начинавшаго семинариста». Остановившись на служебной дѣятельности Одоевскаго по Публичной библіотекѣ и Румянцевскому музею, почтенный ораторъ прослѣдилъ подробно его позднѣйшую, старческую дѣятельность, вспомнилъ его благородное письмо къ императору Александру II и закончилъ его смертью и похоронами въ Донскомъ монастырѣ въ Москвѣ, находя, что на его надгробномъ памятникѣ можно смѣло начертать строки, взятыя изъ его же сочиненій: «Перо писателя пишетъ полезно только тогда, когда въ чернила влито нѣсколько капель крови его собственнаго сердца». А. Ѳ. Кони смѣнилъ на каѳедрѣ профессоръ Н. А. Котляревскій, сдѣлавшій литературную характеристику Одоевскаго. По его словамъ, Одоевскій «создалъ философскую идейную совѣсть, былъ борцомъ за наше общественное обновленіе и самородкомъ. Его особенность

заключалась въ томъ, что изъ нравственныхъ сентенцій его повѣстей не было ни одной, которой онъ не провелъ бы въ жизнь».

Виленскій памятникъ Екатеринѣ II. Въ газетахъ напечатано слѣдующее сообщеніе за подписью предсѣдателя комитета по сооруженію этого памятника князя Святополкъ-Мирскаго». Въ №254 «Свѣта», за подписью «Русскій», появилась замѣтка, въ которой авторъ, указывая на то, будто бы скульпторъ Антокольскій умеръ, не успѣвъ приступить къ работамъ по изготовленію имъ для города Вильны памятника императрицѣ Екатеринѣ II, выводитъ по этому заключеніе, что памятникъ, «на который жертвовала вся Россія, поставленъ съ серьезными отступленіями отъ договора, заставляющими опасаться за его прочность». Далѣе г. «Русскій», детально разбирая произведенныя работы, утверждаетъ даже, что «вода понемногу размоетъ швъ, и пьедесталъ разъѣдется, а фигура должна рухнуть». Такъ какъ это письмо отъ начала до конца не вѣрно и легко можетъ ввести въ заблужденіе прочитавшихъ его, высочайше учрежденный комитетъ по сооруженію въ Вильнѣ этого памятника считаетъ своимъ долгомъ какъ указать ошибочность означеннаго письма, такъ и огласить нѣкоторыя свѣдѣнія объ установленномъ уже памятникѣ. Изъ журнала комитета 19-го января 1900 года видно, что присутствовавшій на засѣданіи скульпторъ Антокольскій заявилъ готовность взять на себя исполненіе памятника, кромѣ фундамента, за 150.000 рублей, при чемъ въ общихъ чертахъ объяснилъ, какъ онъ предполагаетъ его сдѣлать. Но отъ представленія предварительнаго детальнаго проекта онъ категорически отказался, такъ какъ, по его мнѣнію, это стѣснило бы его художественное творчество. Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія такое желаніе Антокольскаго было удовлетворено, и комитетъ заключилъ съ нимъ контрактъ, по которому было установлено: Антокольскій изготовляетъ и устанавливаетъ на Каѳедральной площади памятникъ за 150.000 рублей. Фигура императрицы изъ бронзы должна быть высоты $3^1/_2$ арш., гранитный пьедесталъ около 6 арш., платформа въ $1^1/_2$ арш.; всего вышиною памятникъ долженъ быть 10—11 арш., платформа въ длину—11—12 арш., а въ ширину 6—7 арш. Вокругъ памятника долженъ быть гранитъ и бронзовая ажурная рѣшотка, вышиною приблизительно въ одинъ арш. Ничего болѣе контрактомъ и не могло быть установлено. Статуя и прочія бронзовыя украшенія были изготовлены Антокольскимъ при жизни и удостоились Всемилостивѣйшаго одобренія Государя Императора. Точно также и гранитъ весь, пьедесталъ, платформа и балюстрада заказаны имъ, Антокольскимъ, по его собственнымъ рисункамъ и указаніямъ. Слѣдовательно, какъ бронзовыя, такъ и гранитныя части памятника онъ успѣлъ выполнить самъ. Зимою 1901 года Антокольскій заболѣлъ еще въ бытность свою въ Вильнѣ, куда онъ пріѣзжалъ для осмотра фундамента. Чувствуя, что, болѣзнь на этотъ разъ серьезнѣе, чѣмъ раньше онъ предполагалъ, Антокольскій просилъ комитетъ отсрочить установку памятника тѣмъ болѣе, что по случаю его болѣзни, нѣкоторыя детальныя принадлежности памятника потребовали передѣлки и не были еще окончены. Комитетъ согласился на отсрочку, и открытіе памятника предполагалось осенью 1902 года. Но въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года Антокольскій неожиданно скон-

чался. Наслѣдники Антокольскаго приняли на себя установку памятника, но предварительно должны были исполнить всѣ формальности по утвержденію ихъ въ правахъ наслѣдства. Весною текущаго года началась доставка изъ-за границы статуи и бронзовыхъ украшеній изъ Парижа, а гранита изъ Англіи, и вслѣдъ затѣмъ начались и работы по установкѣ принадлежностей на мѣсто, подъ руководствомъ особо командированнаго изъ Парижа наслѣдниками Антокольскаго техника и при помощи выписанныхъ изъ Англіи спеціальныхъ мастеровъ. Ближайшее наблюденіе въ техническомъ отношеніи было возложено на особую строительную комиссію изъ трехъ инженеровъ. При установкѣ памятника не было никакихъ отступленій со стороны строителя отъ требованій договора, заключеннаго комитетомъ съ Антокольскимъ. Наоборотъ, многое сдѣлано сверхъ контракта. Такъ, бронзовая фигура вмѣсто $3^1/_2$ арш. сдѣлана съ подножкой въ $4^1/_2$ арш., величина платформы контрактомъ установлена въ 11—12 арш. и ширина въ 6 — 7 арш., въ дѣйствительности же она сдѣлана: длиною въ 14,8 арш. и шириною въ 10 арш., при чемъ вся наружная поверхность сдѣлана изъ полированнаго гранита, а подъ нимъ кладки изъ гранитнаго булыжнаго камня съ околкою и на цементѣ. Такая кладка, по удостовѣренію техниковъ, употребляется и при томъ съ известковымъ растворомъ при постройкѣ огромныхъ многоэтажныхъ зданій, какъ, напримѣръ, зданіе судебныхъ установленій въ Вильнѣ, женской гимназіи, зданіе Полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ (частью въ семь этажей) и другія. Даже для крѣпостей примѣняется подобная кладка на цементномъ растворѣ. Такая же кладка была примѣнена подъ памятникъ графу Муравьеву, согласно утвержденному технически-строительнымъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ проекту. Наконецъ, кирпичная кладка на цементномъ растворѣ допущена была при устройствѣ подножія, на которомъ поставленъ пьедесталъ памятника со статуей императора Александра II въ Москвѣ. Для пьедестала же памятника императрицы Екатерины II вѣсомъ всего со статуей до 2,044 пудовъ, она болѣе чѣмъ пригодна и не составляетъ отступленія отъ требованій техники. Въ контрактѣ вовсе не говорится, что основаніе памятника должно быть изъ отесанныхъ гранитныхъ камней, и, тѣмъ не менѣе, оно сдѣлано изъ такихъ камней, подъ самымъ пьедесталомъ отесанныхъ, а подъ платформою — изъ неотесанныхъ, но съ околкою тамъ, гдѣ требовалось, и сложенныхъ на цементѣ. Благодаря этому, такое основаніе является само по себѣ монолитомъ. Что касается пьедестала памятника, составленнаго изъ двухъ частей, то, не говоря уже о томъ, что конфигурація и вѣсъ (390 пуд. и 320 пуд.) камней, даже безъ всякаго соединенія, уже сами по себѣ представляютъ устойчивость, которая вполнѣ подтверждается и точными техническими расчетами, обѣ половины пьедестала спаяны цементомъ. Кромѣ того, онѣ связаны сверху тремя скобами изъ кованной мѣди. Независимо отъ изложеннаго, прочности стула (пьедестала) въ большой степени способствуетъ сцѣпленіе подошвы его съ базою посредствомъ цемента и такое же скрѣпленіе верха стула съ карнизной плитой. Слѣдовательно, выводъ г. «Русскаго», что «пьедесталъ разъѣдется, и фигура рухнетъ», не имѣетъ никакого основанія. Фундаментъ подъ памятникъ состоитъ изъ каменныхъ «колодцевъ», опущенныхъ до твердаго

материка, на 5 саж. глубины, заполненныхъ бетономъ и перекрытыхъ сверху бетонными же крестовыми сводами. Для испытанія фундамента была произведена пробная нагрузка вѣсомъ 16,421 пуд., при чемъ на колодецъ, надъ которымъ приходится пьедесталъ со статуей, былъ наложенъ грузъ въ 5.984 пуда. Эта временная нагрузка, превышающая вѣсъ памятника, простояла съ октября 1901 года по май 1903 года. Произведеннымъ тщательнымъ техническимъ изслѣдованіемъ установлено, что въ бетонныхъ сводахъ фундамента не оказалось никакихъ, даже волосныхъ трещинъ, а также и слѣдовъ неравномѣрной осадки фундамента. Всѣ условія контракта съ Антокольскимъ пріемная комиссія признала выполненными, вслѣдствіе чего и нашла возможнымъ принять памятникъ отъ уполномоченнаго наслѣдниковъ Антокольскаго. Изъ сказаннаго очевидно, что лицо, писавшее приведенную выше корреспонденцію, не освѣдомлено о дѣлѣ, обсуждать которое въ печати оно взялось. Комитетъ покорнѣйше проситъ всѣ газеты, перепечатавшія приведенное выше письмо «Русскаго», помѣстить и настоящее сообщеніе, во избѣжаніе всякихъ дальнѣйшихъ недоразумѣній».

Московское археологическое общество. 1-го ноября состоялось засѣданіе подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой. Д. Н. Анучинъ сказалъ нѣсколько словъ, посвященныхъ памяти скончавшихся недавно членовъ общества: Н. Е. Бранденбурга, А. И. Маркевича и Теодора Моммзена (послѣдній состоялъ членомъ общества съ 1866 года). Затѣмъ онъ же доложилъ письмо-воззваніе, полученное имъ изъ Сухума отъ В. И. Чернявскаго и бывшаго доцента Новороссійскаго университета В. Н. Пирогова. Въ письмѣ указывается на обиліе древностей различныхъ эпохъ, находимыхъ на Черноморскомъ побережьѣ Кавказа, и на необходимость систематическаго ихъ изслѣдованія чрезъ посредство особой экспедиціи или комиссіи, при чемъ г. Чернявскій предлагаетъ себя въ распоряженіе ея, какъ путеводитель и знатокъ края, прожившій въ Сухумѣ 37 лѣтъ. По предложенію графини Уваровой рѣшено списаться съ г. Чернявскимъ и имѣть въ виду Сухумскій край для ближайшихъ археологическихъ изслѣдованій на Кавказѣ. Далѣе, графиня П. С. Уварова познакомила собраніе съ двумя памятниками византійскаго искусства, находящимися въ горной Сванетіи и остававшимися до сихъ поръ мало извѣстными археологамъ. Одинъ изъ этихъ памятниковъ— серебряный воздвизальный крестъ, украшенный на одной сторонѣ финифтью, на другой—чернью по золоту, а также многими медальонами съ изображеніями Христа, Богоматери и различныхъ святыхъ. Хранится этотъ крестъ въ церкви Спаса въ селѣ Мацхвариши и рѣдко когда показывается посѣтителямъ. Внизу креста имѣется греческая, отчасти стертая надпись, указывающая на то, что крестъ былъ вкладомъ какого-то монаха Іоанна. По работѣ и другимъ признакамъ крестъ этотъ представляетъ произведеніе византійскаго искусства XII вѣка. Другой памятникъ—деревянный ковчежецъ (для мощей) съ серебрянымъ, позолоченнымъ окладомъ, хранящійся въ Вольной Сванетіи, въ монастырѣ Кирика и Іулитты, въ кованомъ сундукѣ, откуда онъ вынимается только два раза въ годъ,—въ субботу на Пасхѣ и 15-го іюня,—когда онъ омывается водой, въ мѣдномъ художественной работы сосудѣ, и вода эта затѣмъ считается освященною и разносится по селенію.

Вообще ковчежецъ этотъ считается величайшею святыней, и рѣдко кто изъ постороннихъ допускается къ его осмотру. На окладѣ ковчежца находятся многія изображенія (царей Константина и Елены въ діадемахъ и царскихъ костюмахъ, архангеловъ, Петра и Павла, пр. Иліи и др.) и орнаменты. Съ ковчежцемъ этимъ представляютъ нѣкоторое сходство подобные же ковчежцы, находящіеся въ соборѣ св. Марка въ Венеціи, и др., представляющіе тоже образцы византійскаго искусства X—XI вѣковъ. Описаніе обоихъ этихъ памятниковъ съ фототипіями ихъ будетъ скоро издано графиней П. С. Уваровой. Послѣ этого А. С. Хахановъ сообщилъ о поѣздкѣ въ Сванетію, совершенной имъ лѣтомъ нынѣшняго года по порученію московскаго археологическаго общества для осмотра и изученія находящихся тамъ памятниковъ древностей.

Общество любителей россійской словесности. 21-го ноября, въ 9-мъ часу вечера, въ Круглой залѣ правленія университета состоялось засѣданіе общества любителей россійской словесности подъ предсѣдательствомъ А. Н. Веселовскаго. Л. Ф. Маклакова прочитала рефератъ Е. С. Некрасовой (за отсутствіемъ автора): «Артистъ М. С. Щепкинъ и А. И. Герценъ». Знакомство Щепкина съ Герценомъ началось въ декабрѣ 1839 года, когда Герценъ, жившій въ ссылкѣ во Владимірѣ, отпущенъ былъ въ Петербургъ и проѣздомъ остановился на нѣсколько дней въ Москвѣ у Огарева. Не заставъ, по пріѣздѣ, дома Огарева, Герценъ отправился къ Н. Х. Кетчеру, гдѣ были Огаревъ (вскорѣ однако уѣхавшій въ театръ), Сатинъ и Щепкинъ. Познакомившись здѣсь со Щепкинымъ, Герценъ настолько увлекся его интересными разсказами изъ жизни того времени, что остался ночевать у Кетчера. То были преимущественно веселые, юмористическіе разсказы, но нерѣдко отъ Щепкина приходилось слышать такіе разсказы, отъ которыхъ не смѣяться, а плакать хотѣлось. Въ числѣ ихъ былъ, напримѣръ, разсказъ «О двухъ офицерахъ», изъ которыхъ одинъ хвалился другому, что у него есть въ ротѣ солдатъ, который за полштофъ выдержитъ 100 палокъ и не упадетъ, и подержалъ пари. Призванный солдатъ добродушно рѣшился подвергнуть себя такому опыту, а когда молодой Щепкинъ выразилъ предъ нимъ удивленіе въ такомъ легкомъ согласіи, то солдатъ отвѣтилъ: «Э-э, парень, все равно даромъ дадутъ». Много было у Щепкина разсказовъ изъ крѣпостного быта, которые, къ сожалѣнію, рѣдко записывались. Одинъ изъ такихъ разсказовъ легъ въ основу повѣсти Герцена «Сорока-воровка». Въ рефератѣ приведено было содержаніе двухъ разсказовъ Щепкина, переданныхъ Е. С. Некрасовой отъ Н. А. Герценъ: «Дядюшка, племянница и казачекъ» и «О крѣпостномъ музыкантѣ и генеральской дочкѣ». Разсказы эти относятся къ 1817 году, и изображаемыя въ нихъ событія имѣли мѣсто въ Харьковской губерніи. Особенно интересенъ второй разсказъ, гдѣ описывается, какъ генеральская дочка, помолвленная съ нелюбимымъ ею женихомъ, настолько растрогана была игрой на обручальномъ вечерѣ крѣпостнаго музыканта, въ которой слышались стоны его любви и страсти къ ней, что тутъ же заявила музыканту о своей давнившей любви къ нему и согласилась вмѣстѣ съ нимъ умереть въ эту же ночь. Въ саду, по сигналу, они должны были выстрѣлить одновременно другъ въ друга. Но музыкантъ выстрѣлилъ, а генеральская дочь не пожелала убить музыканта и, умирая, выбросила въ снѣгъ

пистолетъ, съ полки котораго сорвался курокъ, такъ что и музыкантъ не могъ изъ него застрѣлиться. Онъ бросился затѣмъ къ рѣкѣ съ цѣлью утопиться, но не нашелъ проруби; увидѣвъ въ этомъ волю Провидѣнія, музыкантъ тотчасъ же заявилъ о своемъ преступленіи; при наказаніи плетьми онъ умеръ. Испытавъ на себѣ тяжесть крѣпостного права, Щепкинъ требовалъ отъ артистовъ и всѣхъ своихъ знакомыхъ уваженія къ крестьянамъ. Въ духѣ любви къ нимъ онъ воспитывалъ и молодыхъ служителей сцены. Приведя нѣсколько воспоминаній ученицы Щепкина покойной артистки Медвѣдевой объ его отношеніяхъ къ артистамъ, простыхъ, нерѣдко рѣзкихъ, но всегда задушевныхъ, проникнутыхъ глубокою любовью къ человѣку, г-жа Некрасова коснулась настроенія кружка Грановскаго, въ которомъ постоянно вращался Щепкинъ. Всѣ они тогда думали и говорили о необходимости освобожденія крестьянъ. Никогда не пившій Щепкинъ восторженно заявлялъ, что въ день освобожденія крестьянъ онъ напьется отъ радости, и дѣйствительно напился. Когда въ 1848 году Герценъ уѣзжалъ за границу, много народа провожало его, и въ числѣ ихъ былъ Щепкинъ, страшно любившій Герцена и едва не больше другихъ грустившій объ его отъѣздѣ за границу. Онъ былъ увѣренъ, что Герценъ больше уже не увидитъ Россіи. Въ 1853 году Щепкинъ отправился въ Лондонъ къ своему другу, который уже былъ объявленъ изгнанникомъ, государственнымъ преступникомъ. Герценъ выѣхалъ къ нему навстрѣчу, и на пароходѣ произошло самое трогательное свиданіе между друзьями послѣ долгой разлуки. Дѣлая такой рискованный визитъ, Щепкинъ руководился глубокимъ чувствомъ привязанности и любви къ Герцену, имѣя единственною цѣлью уговорить его оставить свою публицистическую дѣятельность, уѣхать на время въ Америку, чтобы друзья выхлопотали затѣмъ ему разрѣшеніе вернуться въ Россію. Герценъ ясно видѣлъ, что Щепкинъ, желая повліять на измѣненіе его убѣжденій, руководится чувствомъ любви къ нему и не понимаетъ неисполнимости своихъ требованій. Онъ твердо и рѣшительно отказался послѣдовать совѣту своего друга. Щепкинъ глубоко огорчился. Онъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ поселился у знакомой Герцена М. К. Рейтлихъ. Здѣсь около Щепкина собирался кружокъ русскихъ, въ которомъ онъ читалъ 2-й томъ «Мертвыхъ душъ». Но онъ постоянно мучился сознаніемъ, что ему не удалось уговорить Герцена «свернуть съ ложной дороги». Самъ онъ въ это время уже сомнѣвался въ томъ, дожила ли Россія до освобожденія крестьянъ, не будетъ ли эта реформа ошибкой въ то время, и думалъ, что не все высказалъ Герцену, что могъ привести въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ. Онъ написалъ длинное письмо къ Герцену (оригиналъ у г-жи Некрасовой), въ которомъ обращается къ нему сначала на вы, а затѣмъ, все болѣе увлекаясь бранью, на ты: онъ ругаетъ Герцена за его брошюры, издаваемыя въ Лондонѣ, видитъ въ нихъ одни только слова, доказываетъ, что рано, нельзя еще освобождать крестьянъ, говоритъ, что Герценъ и подобные ему изъ-за своихъ убѣжденій и гордости готовы облить человѣчество кровью, требуетъ, чтобы Герценъ отказался отъ своихъ ошибокъ, возражая: «Неужели всѣ милліоны людей глупы, а они одни умны» и самонадѣянно берутъ на себя право учить другихъ, вмѣсто того, чтобы позаботиться о личномъ нравственномъ исправленіи и самосовершенствованіи. Въ заключеніе заявляя, что ка-

ждая строка его письма облита кровью, Щепкинъ проситъ Герцена оставить безъ отвѣта его письмо, такъ какъ это была бы полемика между неравными умственными силами. Письмо закончено словами: «Обнимаю тебя и, можетъ быть, въ послѣдній разъ». Такъ какъ для Щепкина было тяжело самому послать его «жестокое» письмо, то онъ упросилъ г-жу Рейтлихъ отправить это письмо къ Герцену. Благородное и любящее сердце Герцена, конечно, не было смущено этимъ письмомъ; онъ понялъ, что оно писано подъ вліяніемъ искренней любви къ нему, и отвѣтилъ на него въ «Колоколѣ». При всемъ негодованіи къ публицистической дѣятельности Герцена, Щепкинъ искалъ въ ней поддержки. Пять лѣтъ спустя, онъ отправился къ управляющему театрами Гедеонову по поводу отпуска денегъ артистамъ; когда Гедеоновъ отказалъ ему въ просьбѣ, Щепкинъ заявилъ, что будетъ жаловаться министру, наконецъ, государю; но и это не подѣйствовало; тогда артистъ пригрозилъ, что онъ напишетъ объ этомъ въ «Колоколъ»; Гедеоновъ задумался и черезъ день удовлетворилъ просьбу Щепкина. Въ 1863 году Щепкинъ умеръ и похороненъ рядомъ съ Грановскимъ. В. В. Калланъ прочиталъ рефератъ «На зарѣ русскаго литературнаго реализма».

Русское библіографическое общество. 19-го ноября въ Старомъ зданіи университета состоялось чрезвычайное собраніе Русскаго библіографическаго общества, посвященное памяти покойнаго предсѣдателя А. И. Кирпичникова. Зала украшена была портретомъ покойнаго, окаймленнымъ миртовымъ вѣнкомъ и декорированнымъ тропическими растеніями и цвѣтами. Въ засѣданіи присутствовали супруга и сынъ покойнаго. Собраніе открылъ предсѣдатель общества проф. И. Т. Тарасовъ вступительнымъ словомъ, указавъ въ немъ на необыкновенно кипучую и чрезвычайно разностороннюю дѣятельность А. И. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые несутъ непосильное бремя, благодаря тому, что у насъ на Руси рядомъ съ многочисленнымъ классомъ лицъ, ничего не дѣлающихъ и дѣлающихъ очень мало, существуетъ весьма немного людей, работающихъ за нихъ, а потому и чрезмѣрно обремененныхъ занятіями. А. И., утомленный до крайности своими многочисленными занятіями, взялъ на себя еще весьма тягостную и ни съ какой стороны не привлекательную должность помощника ректора университета. Эта непосильная дѣятельность, соединенная всегда съ горячимъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, скоро свела его въ могилу. По предложенію предсѣдателя, собраніе почтило память покойнаго вставаніемъ. Д. В. Ульянинскій сдѣлалъ сообщеніе объ А. И. Кирпичниковѣ, какъ предсѣдателѣ Русскаго библіографическаго общества, отмѣтивъ, что покойный, несмотря на массу труда, посвящавшагося имъ университету и Румянцевскому музею, находилъ время не только для руководства дѣлами общества, но и для составленія рефератовъ, читавшихся имъ въ засѣданіяхъ общества. Не поднималось въ обществѣ ни одного вопроса, по которому онъ не участвовалъ бы въ преніяхъ и не сдѣлалъ бы весьма важныхъ дополненій и заключеній. Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ разработкѣ вопроса объ ознаменованіи 200-лѣтняго юбилея русской періодической печати, и его хлопотамъ общество обязано тѣмъ, что имѣетъ помѣщеніе въ стѣнахъ университета. Д. В. Ульянинскій прочиталъ далѣе докладъ А. А. Энгельмейера (за отсут-

ствіемъ докладчика) «Изъ личныхъ воспоминаній объ А. К. Кирпичниковѣ». Авторъ доклада говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ преимущественно о дѣятельности А. И. въ качествѣ преподавателя русской словесности въ 5-й московской гимназіи, изображая его, какъ серьезнаго, всегда сосредоточеннаго учителя, отличавшагося большимъ умѣньемъ выбирать изъ сочиненій русскихъ и иностранныхъ писателей мѣста для классныхъ чтеній, которыя слушались его учениками постоянно съ живымъ и захватывающимъ интересомъ и, при объясненіяхъ учителя, служили самымъ лучшимъ двигателемъ ихъ умственнаго развитія. Въ заключеніе А. Д. Тороповъ прочиталъ рефератъ отсутствующаго П. И. Никольскаго о научно-педагогическихъ воззрѣніяхъ А. И. Кирпичникова.

Комитетъ по сооруженію музея изящныхъ искусствъ. 25-го ноября въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, подъ предсѣдательствомъ его императорскаго высочества великаго князя Сергѣя Александровича, состоялось торжественное годичное засѣданіе Высочайше утвержденнаго комитета по сооруженію музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III при Московскомъ университетѣ. На засѣданіи присутствовали: товарищъ августѣйшаго предсѣдателя комитета гофмейстеръ высочайшаго двора Ю. С. Нечаевъ-Мальцевъ, графиня П. С. Уварова, А. Г. Подгорѣцкая, сенаторъ Н. А. Звѣревъ, попечитель учебнаго округа П. А. Некрасовъ, ректоръ Московскаго университета А. А. Тихомировъ, помощникъ ректора Л. К. Лахтинъ, секретарь комитета заслуженный профессоръ И. В. Цвѣтаевъ, деканъ историко-филологическаго факультета М. И. Соколовъ, профессоръ В. Ѳ. Миллеръ, инспекторъ студентовъ В. И. Фаминскій, В. А. Грингмутъ, Д. И. Иловайскій, князь Н. С. Щербатовъ, строитель музея Р. И. Клейнъ, помощники секретаря комитета Н. Н. Трескинъ и Н. И. Романовъ, К. А. Казначеевъ, А. Е. Армандъ, И. А. Колесниковъ, П. А. Недешевъ, А. Ѳ. Дерюжинскій, Н. Н. Рыбниковъ, Ф. О. Шехтель и Л. З. Мсеріанцъ. Засѣданіе открылось чтеніемъ отчета секретаря комитета профессора И. В. Цвѣтаева о пребываніи его за границей въ 1902—1903 гг. Во время этой поѣздки И. В. Цвѣтаевъ посѣтилъ всѣ наиболѣе замѣчательные въ историко-художественномъ отношеніи города Италіи и южной Германіи. По заранѣе составленному плану, во всѣхъ этихъ центрахъ искусства И. В. Цвѣтаевымъ были заказаны гипсовые слѣпки со всѣхъ имѣющихъ значеніе въ исторіи искусства художественныхъ памятниковъ. Во время чтенія профессоромъ И. В. Цвѣтаевымъ доклада о новыхъ пріобрѣтеніяхъ, помощниками секретаря Н. Н. Трескинымъ и Н. И. Романовымъ были предложены вниманію собранія фотографическіе снимки съ заказанныхъ произведеній искусства; а знаменитыя мозаики церквей V и VI вв. города Равенны представлены были двумя колоссальными изображеніями Богоматери съ Младенцемъ и Ангела, каждое по 4 арш. вышины,—изъ церкви S. Apollinare Nuovo; эти превосходныя изображенія только что получены комитетомъ и пріобрѣтены на средства графа С. В. Орлова-Давыдова и И. А. Колесникова. Послѣ пятиминутаго перерыва профессоръ И. В. Цвѣтаевъ въ обстоятельной рѣчи познакомилъ присутствовавшихъ съ ходомъ работъ по сооруженію музея въ отчетномъ періодѣ и о ближайшихъ предположенныхъ въ будущемъ. На освободившееся мѣсто казначея комитета избранъ И. А. Колесниковъ.

О непрочности современной бумаги. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» находимъ слѣдующую статью на эту тему за подписью «Книголюбъ». «Директоръ Румянцевскаго музея, И. В. Цвѣтаевъ, побуждаемый желаніемъ долговѣчности ввѣреннымъ его управленію книжнымъ богатствамъ и постоянной пригодности ихъ для пользованія съ научными цѣлями, вошелъ въ надлежащемъ порядкѣ съ представленіемъ о нѣкоторыхъ существенныхъ преобразованіяхъ въ нашемъ книжномъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, въ той его части, которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ публичнымъ библіотекамъ. Какъ извѣстно, по закону, на основаніи 72 статьи цензурнаго устава, всѣ издатели обязаны представить девять экземпляровъ своихъ изданій въ указанныя въ законѣ учрежденія или непосредственно, или чрезъ цензурные комитеты, прежде чѣмъ выпускать свои изданія въ свѣтъ. Такимъ путемъ и пополняются русскими изданіями наши публичныя библіотеки и между ними наша публичная библіотека при Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ. Казалось бы, что этотъ путь, при неуклонномъ и добросовѣстномъ исполненіи закона, равно обязательнаго для всѣхъ издателей, будутъ ли ими частныя лица, или правительственныя установленія (Св. Зак. т. XI, ч. I, изд. 1893 г., ст. 328), вполнѣ обезпечиваетъ существованіе нашихъ публичныхъ библіотекъ на всей высотѣ того благого просвѣтительнаго дѣла, служить которому онѣ призваны. Казалось бы, что законъ даетъ полное право каждому, нуждающемуся въ книгахъ хотя бы для ученыхъ занятій, искать и найти въ публичныхъ библіотекахъ всѣ необходимыя ему книги, по крайней мѣрѣ, увидѣвшія свѣтъ въ Россіи и изданныя въ подлежащемъ законномъ порядкѣ. Иначе, конечно, становятся совершенно невозможными никакія занятія книгами, такъ какъ не хватало бы средствъ ни у одного богача въ мірѣ, а тѣмъ болѣе у нашихъ ученыхъ для того, чтобы пріобрѣтать всѣ изданія даже въ предѣлахъ извѣстной спеціальности. Публичныя библіотеки, поэтому, несутъ службу чрезвычайной важности, и надлежащій составъ ихъ и полнота являются дѣломъ государственной необходимости не только для настоящаго времени, но и тѣмъ болѣе для будущаго и даже самаго отдаленнаго. Къ сожалѣнію, дѣйствительное состояніе нашихъ публичныхъ библіотекъ очень далеко не только отъ идеальнаго, но даже и отъ такого, которое бы отвѣчало точно и опредѣленно установленнымъ требованіямъ закона. Такое положеніе библіотекъ создается не всегда всеразрушающимъ временемъ, котораго такъ боятся особенно нынѣшніе, низкопробные матеріалы печатнаго дѣла, но и по винѣ издателей, и даже не однихъ частныхъ издателей, но и правительственныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ. Директоръ Румянцевскаго музея свидѣтельствуетъ, что правительственныя учрежденія и ученыя общества, имѣющія право самостоятельнаго выпуска въ свѣтъ своихъ изданій, безъ посредства цензурныхъ учрежденій, «иногда вовсе не высылаютъ въ библіотеку музеевъ появившихся въ печати изданій», вопреки прямому требованію закона, обязывающаго доставлять въ Московскій Публичный и Румянцевскій музеи «по экземпляру всего въ Россіи печатаемаго, гравируемаго и литографируемаго какъ частными лицами, такъ и казенными вѣдомствами». Надо замѣтить, что правомъ безцензурнаго выпуска въ свѣтъ своихъ изданій пользуется у насъ безконечное количество центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ, печатающихъ

свои изданія съ разрѣшенія своихъ начальниковъ и предсѣдателей. Очень многія изъ такихъ изданій вовсе и не поступаютъ въ продажу, такъ что стоитъ большаго труда даже узнать о существованіи ихъ, тѣмъ болѣе, что и о выходѣ ихъ въ свѣтъ нигдѣ не объявляется. При такомъ условіи недоставка узаконенныхъ экземпляровъ въ публичныя библіотеки ставитъ въ самое фальшивое положеніе и библіотеки, и всѣхъ занимающихся. Первыя, вслѣдствіе неполноты своего состава, лишены возможности удовлетворительно исполнять свое назначеніе, а вторые нерѣдко вынуждены во второй и третій разъ открывать Америку. Еще печальнѣе, конечно, такіе недочеты въ библіотекахъ, которые являются результатомъ не случайныхъ и единичныхъ недосылокъ вѣдомствами своихъ изданій, а постояннаго уклоненія отъ исполненія законнаго обязательства, тѣмъ болѣе, что въ этомъ виновато, напримѣръ, передъ Румянцевскимъ музеемъ такое богатое своими изданіями учрежденіе, какъ святѣйшій синодъ. Съ частными издателями дѣло обстоитъ едва ли не хуже. Если они не могутъ уклониться отъ доставленія узаконенныхъ экземпляровъ, такъ какъ обязаны представить ихъ въ цензурныя учрежденія, которыя иначе не разрѣшаютъ выпуска изданій, то они прибѣгаютъ къ инымъ способамъ обойти законъ. По авторитетному указанію г. директора Румянцевскаго музея, нѣкоторые частные издатели «нерѣдко стараются включить въ число узаконенныхъ цензурныхъ экземпляровъ такіе дефекты, которые по особенно плохой бумагѣ, неотчетливой печати, по недостаточной просушкѣ и невѣрной брошюровкѣ, иногда съ упущеніемъ даже цѣлыхъ печатныхъ листовъ, не могутъ быть приняты ни однимъ частнымъ лицомъ и ни однимъ покупателемъ. Поражающая небрежность издателей, при доставленіи цензурныхъ экземпляровъ, доходитъ до того, что въ это число попадаетъ даже простая типографская макулатурная бумага, которую не только читать, но и разобрать невозможно». Такая макулатура была прислана въ Румянцовскій музей журналомъ «Воскресенье». «Бываютъ примѣры отправленія въ цензуру, а изъ цензуры въ библіотеку Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ книгъ съ одными обложками и оглавленіями, но совсѣмъ безъ текста, составляющаго содержаніе книги». Въ такомъ видѣ доставлено было, напримѣръ, сочиненіе Ѳ. Павиля: «Что такое философія?» Безо всякаго сомнѣнія, такое отношеніе къ дѣлу въ корнѣ подрываетъ всякое значеніе публичной библіотеки и навѣки обездоливаетъ науку и всѣхъ занимающихся въ библіотекахъ. Если публичныя библіотеки, получая въ такомъ печальномъ видѣ узаконенные экземпляры, превращаются въ собранія макулатуры и дефектовъ, то поколѣнія нашихъ ученыхъ, и особенно будущихъ, не мало посѣтуютъ за то, что у нихъ недобросовѣстно отнято самое необходимое орудіе для ученыхъ занятій. Такая небрежность, чтобы не сказать болѣе, со стороны издателей не можетъ быть терпима. Въ интересахъ не однѣхъ публичныхъ библіотекъ, но, главнымъ образомъ, всѣхъ занимающихся въ нихъ, должны быть приняты самыя энергичныя мѣры противъ этого зла. И понятно само собою, что единственною и самою вѣрною мѣрой должно быть признано безпрекословное и добросовѣстное исполненіе закона о цензурныхъ экземплярахъ всѣми издателями—и частными, и казенными. Какъ достигнуть этого исполненія, какими мѣрами заставить издателей исполнять законъ—это дѣло

соглашенія между вѣдомствами, имѣющими публичныя библіотеки, и вѣдомствами, имѣющими у себя издателей. Во всякомъ случаѣ, неотложно необходимо настаивать на исполненіи закона прежде всего. Затѣмъ, безъ сомнѣнія, можетъ облегчить это исполненіе и нѣкоторое измѣненіе въ нашихъ законахъ о печати. То требованіе закона, по которому цензурные экземпляры представляются издателями раньше выпуска изданія, быть можетъ, въ интересахъ дѣла слѣдовало бы измѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы цензурные экземпляры представлялись въ день выхода изданія въ свѣтъ, одновременно съ выпускомъ его въ продажу. Тогда издателямъ не будетъ интереса торопиться и спѣшить съ приготовленіемъ цензурныхъ экземпляровъ. Съ другой стороны, быть можетъ, было бы своевременнымъ пересмотрѣть вопросъ о количествѣ цензурныхъ экземпляровъ и объ учрежденіяхъ, для которыхъ обязательна доставка всѣхъ изданій. Напримѣръ, въ числѣ учрежденій, въ пользу которыхъ поступаетъ даровой экземпляръ всего издающагося въ Россіи, поставленъ Александровскій университетъ въ Гельсингфорсѣ. Чѣмъ вызвана эта исключительная милость, и почему она продолжается и до сихъ поръ? Интересамъ обрусѣнія края она, очевидно, не служила и не служитъ. Благотворительными побужденіями она не могла быть вызвана, такъ какъ у насъ есть университеты гораздо болѣе бѣдные, чѣмъ Гельсингфорскій. Просвѣтительныхъ цѣлей она также не могла имѣть, такъ какъ читателей русскихъ книгъ въ Гельсингфорсѣ несомнѣнно меньше, чѣмъ въ любомъ уѣздномъ городѣ. А между тѣмъ, общее количество цензурныхъ экземпляровъ (9) не можетъ не ложиться замѣтнымъ накладнымъ расходомъ на издателей. Во всякомъ случаѣ и эти обстоятельства указываютъ на своевременность и необходимость пересмотра нашихъ узаконеній о такъ называемыхъ цензурныхъ экземплярахъ изданій.

Собраніе рукописей. Виленскій археологъ полковникъ Жиркевичъ пожертвовалъ мѣстной публичной библіотекѣ свою коллекцію рукописей, въ томъ числѣ, по словамъ «Западнаго Вѣстника», 300 автографовъ коронованныхъ особъ и разныхъ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей, русскихъ и иностранныхъ. По большей части это собственноручныя письма, иногда весьма важныя и по своему содержанію, и 32 тома документовъ, относящихся къ массонскимъ ложамъ въ Западномъ краѣ Россіи. Протоколъ засѣданій массонскихъ ложъ, приходорасходныя книги, уставы, правила, списки членовъ и переписка массоновъ между собою.

Запорожскія древности. Хранитель Екатеринославскаго археологическаго музея І. В. Строменко возвратился изъ поѣздки по Екатеринославскому уѣзду, гдѣ онъ производилъ раскопки въ селѣ Капуловкѣ, на мѣстѣ бывшей Чертомлыкской сѣчи. При раскопкахъ, по словамъ «Вѣстника Юга», былъ обнаруженъ скелетъ запорожца, довольно хорошо сохранившійся; на скелетѣ видны были остатки истлѣвшаго жупана, сапогъ и зеленаго шерстяного пояса. Въ верхнихъ слояхъ земли найдено было много фрагментовъ кафель различной художественной орнаментаціи; особенно интересна одна кафля, почти цѣликомъ сохранившаяся, облитая зеленою поливой; на кафлѣ этой изображенъ всадникъ на богато убранномъ конѣ; въ одной рукѣ всадникъ держитъ знамя; очевидно, рисунокъ изображаетъ, судя по головному убору, иностраннаго ры-

царя. Между кафлями также найдены: двѣ бомбы, грузки для рыболовныхъ сѣтей, остатки стеклянной посуды, люльки, гвозди и другіе остатки домашняго запорожскаго обихода. Кромѣ раскопокъ, г. Строменко произведенъ былъ осмотръ имѣющихся въ этомъ селѣ древностей, осмотрѣнъ былъ старинный типичный чумацкій возъ, украшенный характернымъ малороссійскимъ орнаментомъ; древній запорожскій надгробный крестъ, подъ которымъ, какъ это видно изъ остатковъ имѣющейся на крестѣ надписи, погребенъ казакъ куреня Медвѣдіевскаго, року 1724 года, октомбрія 13 дня. Изъ Капуловки г. Строменко отправился въ село Грушевку, Екатеринославскаго же уѣзда; въ церкви этого села хранится нѣсколько запорожскихъ древностей. Самыя интересныя изъ нихъ—серебряный ангелъ — подвѣска художественной работы. На ангелѣ имѣется дата: «Сей провѣсъ отмѣнилъ (пожертвовалъ) козакъ бывшаго Запорожья Потапъ Бѣлій въ слободу Голую-Грушевку, да и съ товарищемъ же своимъ Иваномъ Загубиколесомъ, до храма святого великаго архистратига Михаила. 1788 года мѣсяца августа 13-го дня». Далѣе имѣется тамъ напрестольный крестъ въ серебряной оправѣ, на которомъ имѣется дата: «Сей крестъ отмѣненъ рабомъ Божіимъ Павломъ Недоступомъ съ селеніе Голую-Грушевку до храму Михаила куреня Канѣвскаго». Наконецъ, имѣется Евангеліе московской печати 1784 года, пожертвованное церкви въ 1786 году. Около церкви имѣются два старинныя кладбища, причемъ на одномъ изъ нихъ много общихъ могилъ, какъ это видно изъ надписей на уцѣлѣвшихъ крестахъ; обстоятельство это даетъ основаніе предполагать, что на этомъ мѣстѣ происходила какая-то битва. Помимо этого мѣстность эта извѣстна въ исторіи Запорожья тѣмъ, что на ней находилась пасѣка знаменитаго кошеваго Сѣрка, отчего въ народѣ она и донынѣ носитъ названіе «Сирковка».

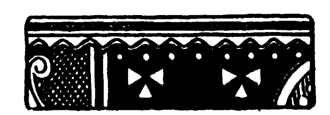
Географическое общество. 31-го октября въ засѣданіи отдѣленія этнографіи врачъ Н. В. Кирилловъ сдѣлалъ сообщеніе о Японіи. Едва ли гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ можно найти такое разнообразіе этнографическаго матеріала. Между тѣмъ матеріалъ этотъ постепенно стушевывается и уничтожается, благодаря тому, что современные японцы слишкомъ заняты вопросами экономическими и изучаютъ свою страну по путеводителямъ, составленнымъ иностранцами. Обращаясь къ исторіи японцевъ, надо сказать, что племенное происхожденіе ихъ установить точно очень трудно. Родоначальниками ихъ было какое-то очень малорослое племя, остатки котораго можно найти на Филиппинскихъ островахъ или Борнео, затѣмъ въ Японію проникло племя малайское или полинезійское, слѣды котораго мы находимъ въ Южномъ Китаѣ и Кореѣ. Около II в. до Р. Хр. появился элементъ китайскій. Во II в. по Р. Хр. Японія совершаетъ походъ на Корею и вывозитъ оттуда большія богатства, въ видѣ серебра и золота. Корея въ то время была образованнѣе Японіи и послѣдняя переняла отъ нея обычаи и даже религію—буддизмъ Въ XIII в. на Японію совершаютъ набѣги монголы, но непосредственныхъ указаній, чтобы у японцевъ была примѣсь монгольской крови—нѣтъ. Въ XVI в. появляются въ странѣ европейцы; въ XVIII в. европейцы изгоняются и японцамъ даже запрещается строить суда, дабы они не могли посѣщать Европу и подчиняться вліяніямъ ея культуры. Но никакія мѣры не помогли, вліяніе это продолжа-

лось и въ половинѣ XIX вѣка для европейцевъ были открыты пять японскихъ портовъ, а въ 1868 г. микадо неожиданно явился сторонникомъ европейской культуры. Династія микадо продолжается въ Японіи около 25 вѣковъ и насчитываетъ болѣе ста представителей. Послѣ историческаго очерка докладчикомъ была показана масса прекрасно исполненныхъ діапозитивовъ, дающихъ наглядное представленіе о семейномъ и общественномъ бытѣ современныхъ японцевъ. По типу современныхъ японцевъ принято раздѣлять на два вида, монгольскій—простонародный (докладчикъ считаетъ его полинезійскимъ) и корейскій—благородный, на самомъ дѣлѣ типовъ можно насчитать до пяти видовъ, почти до европейскаго включительно. Японцы крайне воспріимчивы къ европейской культурѣ и легко приспособляются къ орудіямъ современной техники. Главнымъ занятіемъ страны является земледѣліе и именно культура риса, требующаго большаго удобренія, получаемаго главнымъ образомъ изъ селедокъ, покупаемыхъ Японіей на Сахалинѣ (до $1^1/_2$ мил. пуд.). Вся жизнь японца-горожанина проходитъ почти на улицѣ, такъ какъ японскіе дома днемъ совершенно открыты, благодаря раздвижнымъ стѣнамъ. Японцы и японки отличаются своей чистотой и опрятностью, а, благодаря ежедневнымъ горячимъ ваннамъ, почти не страдаютъ ни накожными болѣзнями, ни ревматизмомъ. Санитарное и медицинское дѣло стоитъ у нихъ довольно хорошо и находится въ рукахъ частной предпріимчивости. Китайская медицина и лѣченіе за послѣднія 30 лѣтъ почти безслѣдно исчезли изъ Японіи, уступивъ мѣсто европейскимъ. Школьный вопросъ стоитъ также очень высоко и несмотря на трудность японской азбуки (отчасти еще состоящей изъ китайскихъ іероглифовъ, отчасти изъ самостоятельной слоговой) почти не существуетъ людей безграмотныхъ. Дѣти начинаютъ обучаться съ трехъ лѣтъ, а на воспитаніе ихъ обращается огромное вниманіе, чѣмъ докладчикъ объясняетъ отсутствіе въ Японіи пьянства, дракъ и ругани. Но воспитаніе и обученіе касается исключительно только мальчиковъ, такъ какъ дѣвочки считаются вообще обузой и отдаются въ особыя музыкальныя школы, гдѣ изъ нихъ приготовляютъ гейшъ. Женщина въ Японіи стоитъ вообще въ подчиненномъ положеніи. Религія въ Японіи является отчасти развлеченіемъ; храмы расположены въ живописныхъ мѣстахъ, и въ нихъ совершаются цѣлыя представленія съ феерическими обстановками. Господствующей религіи нѣтъ, хотя національной считается синто, символомъ которой является зеркало. Японцы чрезвычайные любители театра, гдѣ они проводятъ цѣлые дни, причемъ могутъ не сходя съ мѣста пить, ѣсть и даже лежать на особо приспособленныхъ для этого матрацахъ. Сцена въ техническомъ отношеніи очень усовершенствована. Пьесы обыкновенно давались съ тенденціознымъ характеромъ, въ нихъ японецъ игралъ всегда угнетенную роль у европейца и, главнымъ образомъ, русскаго. За послѣднее время стали преобладать пьесы характера историческаго, проникнутые древнимъ рыцарскимъ духомъ; этотъ духъ шовинизма постепенно сталъ заполнять и искуство, и литературу. Но едва ли такое положеніе вещей долго продолжится; нѣтъ сомнѣнія, что экономическія цѣли Японіи все-таки возьмутъ верхъ. Японія слишкомъ поздно выступаетъ на сцену исторіи, что-

бы вести колоніальную политику въ духѣ среднихъ вѣковъ. Завоеванія Японіи могутъ быть только экономическими.

Общество востоковѣдѣнія. 20-го ноября состоялось сообщеніе К. А. Пасынкина на тему «Историческій очеркъ древняго Египта». Лекція была иллюстрирована многими туманными картинами, различными изданіями и нѣсколькими подлинными предметами древне-египетскаго быта и искусства. Сначала лекторъ далъ очеркъ развитія египтологіи, какъ науки; наука эта молодая, начало ея, какъ серьезнаго историческаго знанія, можно отнести лишь къ первой половинѣ прошлаго XIX столѣтія. Затѣмъ онъ перешелъ къ изложенію исторической жизни. Египтяне пришли въ долину Нила изъ Азіи, вытѣснили изъ нея туземцевъ ливійской расы и въ теченіе первыхъ тысячелѣтій ихъ жизни на африканскомъ материкѣ образовывали будущее великое государство. Въ третьемъ тысячелѣтіи до Рождества Христова Египетъ началъ проявлять колонизаторскую дѣятельность на югѣ, въ Нубіи, но расцвѣтъ могущества Египта надо отнести къ XV и XIV вв. до Р. X., когда страна, послѣ большихъ и блестящихъ походовъ въ Азію, пріобрѣла значеніе міровой державы и вошла въ сношенія съ самыми отдаленными культурными странами того времени (Вавилонъ, Хета). Въ X. в. до Р. X., съ покореніемъ Египта ассирійцами, начинается уже періодъ упадка, который въ самомъ концѣ имѣетъ однако одно столѣтіе пышнаго ренесанса (625—525 г. до Р. X.); послѣ этого Египетъ дѣлается персидской провинціей, затѣмъ подчиняется сильному греческому вліянію подъ властью потомковъ Птоломея, полководца Александра Македонскаго, и и дѣлается, наконецъ, простой провинціей Рима, постепенно утрачивая свою самобытность и умирая такъ-сказать естественною смертью. Лекція вызвала шумные аплодисменты.

Профессоръ М. Соколовскій. 29-го ноября въ Краковѣ праздновали 30-ти-лѣтній юбилей ученой дѣятельности профессора исторіи доктора Марьяна Соколовскаго, члена академіи наукъ и корреспондента центральной исторической комиссіи въ Вѣнѣ. Юбиляръ родился въ Ломжинской губерніи, университетскіе годы пробылъ въ Пештѣ, Гейдельбергѣ и Вѣнѣ, а съ 1878 году, состоялъ профессоромъ исторіи искусствъ въ Краковѣ. Изъ цѣлаго ряда сочиненій Соколовскаго упомянемъ слѣдующія: «Kaulbach и Courbet». 1873 г., «Портретная живопись» 1874 г., «Развалины на островѣ озера Ледницы», «Изслѣдованіе объ архитектурѣ дохристіанскихъ и первыхъ христіанскихъ вѣковъ въ Польшѣ 1876 г., «Археологическія изслѣдованія въ Галиційской Руси» 1883 г., «Die Italienischen Künstler der Renaissance in Krakau» 1885 г., «Византійская и русская средневѣковая культура» 1888 г.



НЕКРОЛОГИ.

Бѣлявскій, Е. В. 1-го декабря скончался, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати дѣйствительный статскій совѣтникъ Егоръ Васильевичъ Бѣлявскій. Покойный участвовалъ въ совѣтѣ главнаго управленія по дѣламъ печати менѣе двухъ лѣтъ. До 1902 года дѣятельность его всецѣло была посвящена народному образованію. По окончаніи курса сперва въ смоленской духовной семинаріи, затѣмъ въ Московскомъ университетѣ кандидатомъ историко-филологическихъ наукъ, Е. В. выступилъ въ 1861 году на педагогическое поприще въ качествѣ учителя русскаго языка въ одной изъ московскихъ гимназій. До своего назначенія въ 1886 году директоромъ Александровской гимназіи въ Ригѣ, покойный преподавалъ русскій языкъ въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ издалъ немало учебныхъ книгъ,. быстро распространившихся въ школьной средѣ. Съ 1866 года дѣятельность его въ теченіе пятнадцати лѣтъ сосредоточилась въ Прибалтійскомъ краѣ. Находясь во главѣ въ то время первой и единственной русской гимназіи, онъ неуклонно проводилъ въ дѣло воспитанія дѣтей гуманность, индивидуализацію и уваженіе личности учащагося. При немъ гимназія замѣтно улучшилась и обогатилась церковью. Досуги своей педагогической дѣятельности Е. В. посвящалъ мѣстной общественной жизни, обращая особенное вниманіе на развитіе народнаго просвѣщенія. Онъ предсѣдательствовалъ, между прочимъ, въ мѣстномъ русскомъ литературномъ кружкѣ, устроилъ первую народную читальню-библіотеку, руководилъ комиссіей по устройству публичныхъ чтеній и пріютилъ въ помѣщеніи гимназіи женскую воскресную школу. Когда при министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ бытность министромъ Н. П. Бо-

голѣпова, была образована комиссія по реформѣ средней школы, покойный въ качествѣ свѣдущаго и опытнаго педагога былъ приглашенъ къ участію въ ея занятіяхъ и предсѣдательствовалъ въ секціи комиссіи по русскому языку. Покойнымъ составлены учебники: «Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языковъ, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго» (3-е изданіе, Москва, 1886 года), «Теорія словесности. Руководство при разборѣ образцовъ словесности и при письменныхъ упражненіяхъ учениковъ» (4-е изданіе, Москва, 1883 года), «Методъ веденія сочиненій въ старшихъ классахъ гимназій съ приложеніемъ темъ и сочиненій» и друг. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 года, № 9968; «Слово», 1903 года, № 272).

† **Вагнеръ, Е. Е.** 14-го ноября скончался ординарный профессоръ и деканъ химическаго отдѣленія Варшавскаго политехническаго института императора Николая II Егоръ Егоровичъ Вагнеръ. Покойный родился въ 1849 году въ Казанской губерніи, первоначальное образованіе получилъ сначала въ частномъ нѣмецкомъ пансіонѣ около Риги (въ Биркенру), потомъ дома, а высшее въ Казанскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета со степенью кандидата въ 1894 году и въ томъ же году былъ избранъ въ стипендіаты для подготовленія къ профессорскому званію, а затѣмъ командированъ для той же цѣли въ 1875 году въ С.-Петербургскій университетъ; въ послѣднемъ онъ былъ назначенъ лаборантомъ при каѳедрѣ химіи въ 1876 г. Въ 1882 году Е. Е. занялъ мѣсто доцента по каѳедрѣ сельско-хозяйственной и лѣсной технологіи въ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новоалександріи, а затѣмъ въ томъ же году перешелъ на каѳедру общей и аналитической химіи. Въ 1885 году по защитѣ диссертаціи «Синтезъ вторичныхъ спиртовъ и ихъ окисленіе» онъ былъ удостоенъ С.-Петербургскимъ университетомъ степени магистра химіи и въ томъ же году утвержденъ профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ. Въ 1886 году Е. Е. перешелъ на службу въ варшавскій университетъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ органической химіи, а по защитѣ въ 1888 году въ С.-Петербургскомъ университетѣ докторской диссертаціи «Къ реакціи окисленія непредѣльныхъ углеродистыхъ соединеній» былъ назначенъ въ 1889 году ординарнымъ профессоромъ и въ этой должности оставался до 1902 года, когда оставилъ Варшавскій университетъ. Въ 1898 году покойный былъ назначенъ членомъ комитета по сооруженію Варшавскаго политехническаго института императора Николая II, а съ открытіемъ института въ томъ же году — ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ химіи и деканомъ химическаго отдѣленія; въ этихъ должностяхъ онъ оставался до своей кончины. Имя покойнаго пользовалось заслуженной извѣстностью среди химиковъ всѣхъ странъ. Е. Е. унаслѣдовалъ отъ своихъ родителей характерныя черты двухъ народностей — размашистость и ширь русскаго характера и пунктуальность и щепетильность нѣмецкаго; эти двѣ черты положили отпечатокъ на характеръ работъ покойнаго: область его изслѣдованій поражала своею ширью, а самыя изслѣдованія стройностью и полнотой даже въ мелочахъ. Магистерская и докторская диссертаціи покойнаго и рядъ позднѣйшихъ работъ, предметомъ которыхъ были изслѣдованія въ одной изъ наиболѣе темныхъ и трудныхъ

для разработки областей химіи — химіи терпеновъ, являются образцовыми. Кромѣ этихъ капитальныхъ работъ, покойнымъ отдѣльно и совмѣстно съ учениками произведенъ рядъ изслѣдованій, относящихся къ различнымъ областямъ органической химіи, а также напечатанъ рядъ статей по вопросамъ общей химіи. Е. Е. обладалъ крупнымъ педагогическимъ талантомъ: его лекціи по ясности формы, цѣлостности и систематичности содержанія приковывали вниманіе слушателей и нерѣдко вызывали нескрываемый восторгъ; онъ обладалъ даромъ вселять въ молодежь любовь къ наукѣ, и къ нему стремилась она, чтобы утолить жажду знанія; покойный далъ цѣлый рядъ учениковъ, которые пошли по слѣдамъ своего любимаго учителя и посвятили себя наукѣ. За ученыя работы, имѣющія важное научное значеніе, и за педагогическую дѣятельность покойному первому была присуждена въ 1899 году русскимъ физико-химическимъ обществомъ большая премія имени его знаменитаго учителя А. М. Бутлерова. Съ 1898 года покойный принималъ участіе въ трудахъ комитета по постройкѣ сначала временнаго, а потомъ постояннаго помѣщенія Варшавскаго политехническаго института; роскошныя и устроенныя по послѣднему слову науки химическія лабораторіи института обязаны своимъ возникновеніемъ неусыпнымъ трудамъ покойнаго. Е. Е. былъ членомъ-учредителемъ общества естествоиспытателей при Варшавскомъ университетѣ, неоднократно былъ избираемъ въ предсѣдатели его и въ трудахъ его принималъ самое дѣятельное участіе. Наука понесла въ лицѣ Е. Е. Вагнера невознаградимую утрату. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9954; «Варшавскій Дневникъ», 1903 г., № 323; «Русскія Вѣдомости», 1903 г., № 314; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 568).

† **Видгальмъ, И. М.** 25-го ноября скончался лаборантъ зоологическаго кабинета Новороссійскаго университета Игнатій Мартыновичъ Видгальмъ, одинъ изъ старѣйшихъ служащихъ въ названномъ университетѣ, знатокъ мѣстной фауны, особенно популярный на югѣ Россіи въ качествѣ изслѣдователя вредныхъ насѣкомыхъ. Покойный И. М. былъ сынъ члена городскаго суда въ Регенсбургѣ. Окончивъ въ Мюнхенѣ городское училище св. Людовика, дальнѣйшее образованіе получилъ въ королевскомъ голландскомъ институтѣ, гдѣ кончилъ четырехклассную латинскую школу. Далѣе Видгальмъ прошелъ подъ руководствомъ профессора Зибольда, энтомолога Крихбауемера и консерватора Куна практическій курсъ зоологіи, тахидерміи и энтомологіи. Приглашенный I. Н. Шатиловымъ въ качествѣ натуралиста-орнитолога, переселился въ Россію въ 1860 г. Уже первые дни по пріѣздѣ въ Россію (Одессу) посвятилъ приведенію въ порядокъ зоологическаго музея Ришельевскаго лицея, куда перешелъ на службу осенью 1862 г. въ качествѣ препаратора. Въ 1864 году былъ назначенъ консерваторомъ зоологическаго кабинета вновь открытаго Новороссійскаго университета. Въ теченіе всего этого времени Видгальмъ, кромѣ обязанностей службы при зоологической и зоотомической лабораторіяхъ и кабинетахъ при профессорахъ Байковѣ, Маркузенѣ, Стюартѣ, Мечниковѣ, Ковалевскомъ и Зеленскомъ, во все время существованія Новороссійскаго университета исполнялъ обязанности хранителя и лаборанта при каѳедрѣ анатоміи человѣка и въ препарировочномъ и анатомическомъ покоѣ и кабинетѣ университета при про-

фессорахъ д-рѣ Бернштейнѣ, д-рѣ Строгановѣ и проф. Реняховѣ. Независимо отъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, покойный посвящалъ массу времени и энергіи зоологическимъ работамъ: производилъ, по порученію различныхъ ученыхъ и другихъ обществъ и комитетовъ (общества естествоиспытателей, энтомологической комиссіи, филоксернаго комитета и т. п.), многочисленныя экскурсіи и наблюденія, результаты которыхъ изложены въ цѣломъ рядѣ статей и (печатныхъ) отчетовъ, участвовалъ въ энтомологическихъ и другихъ съѣздахъ и интересовался также нѣкоторыми вопросами, относящимися къ областямъ, близкимъ къ зоологіи въ тѣсномъ смыслѣ, — очень усердно изучалъ ископаемые остатки рыбъ въ окрестностяхъ Одессы (объ ископаемыхъ осетровыхъ рыбахъ напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ статью въ видѣ приложенія къ «Запискамъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей»). И. М. состоялъ членомъ: 1) общества естествоиспытателей при Новороссійскомъ университетѣ; 2) общества акклиматизаціи животныхъ въ Москвѣ; 3) энтомологическаго общества въ С.-Петербургѣ; 4) общества сельскаго хозяйства южной Россіи; 5) общества сельскаго хозяйства Полтавской губерніи; 6) одесскаго общества садоводства; 7) филоксернаго комитета; 8) комитета шелководства; 9) энтомологической коммиссіи и 10) общества рыболовства въ С.-Петербургѣ. Въ лицѣ И. М. Видгальма университетъ потерялъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ и полезныхъ своихъ членовъ, а одесскіе зоологи—хорошаго товарища и незамѣнимаго сотрудника. (Некрологи его: «Одесскій Листокъ», 1903 г., № 305; «Одесскія Новости», 1903 г., № 6151).

† **Герардъ, В. Н.** 7-го декабря въ Петербургѣ скончался одинъ изъ блестящихъ представителей русской адвокатуры Владиміръ Николаевичъ Герардъ. Покойный родился въ 1839 году. Онъ происходилъ изъ старинной дворянской семьи. Образованіе получилъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, курсъ котораго окончилъ въ 1859 году. По окончаніи Училища правовѣдѣнія, покойный служилъ нѣсколько лѣтъ въ сенатѣ и въ юридической коммиссіи царства Польскаго въ 1866 году, съ введеніемъ новыхъ судебныхъ установленій, онъ перешелъ на службу въ с.-петербургскій окружной судъ, въ качествѣ члена суда. На этомъ посту В. Н. оставался недолго—всего два года. Въ 1868 году онъ оставилъ службу и перешелъ въ адвокатское сословіе, въ которомъ и оставался до конца своей жизни. В. Н. принадлежалъ къ числу немногихъ оставшихся въ живыхъ первыхъ адвокатовъ реформированнаго суда. На представителяхъ адвокатуры лежала тогда большая отвѣтственная задача. Трудность проведенія въ жизни великой реформы возлагала большую моральную отвѣтственность передъ обществомъ на всѣхъ участниковъ этого дѣла. В. Н., въ качествѣ члена суда и въ качествѣ одного изъ первыхъ адвокатовъ, не мало поработалъ для того, чтобы реформированный судъ занялъ въ глазахъ общества то высокое положеніе, которое по справедливости принадлежитъ ему теперь. В. Н. быстро завоевалъ себѣ выдающійся успѣхъ и полное уваженіе со стороны всѣхъ своихъ товарищей. Уже черезъ годъ В. Н. былъ избранъ членомъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и съ того времени постоянно оставался въ совѣтѣ, избираемый впослѣдствіе на должность товарища предсѣдателя, а два года назадъ, послѣ П. А. Потѣхина, и предсѣдателемъ. Имя В. Н., какъ

адвоката пол...ся огромною популярностью и вся его адвокатская дѣятельность прошла, такъ сказать, на виду публики. Тридцать пять лѣтъ безпрерывной, плодотворной, необыкновенно продуктивной работы, работы недюжиннаго человѣка... да это цѣлыя горы побѣдъ, тріумфовъ, лавровъ и горы терній, лишеній и мукъ!.. Адвокатская дѣятельность В. Н. отличалась чрезвычайною разносторонностью: въ отличіе отъ всѣхъ другихъ свѣтилъ адвокатуры, В. Н. соединялъ въ своемъ лицѣ и адвоката-«криминалиста» и «цивилиста». И на томъ и другомъ поприщѣ—и въ уголовномъ, и гражданскомъ процессѣ—В. Н. стоялъ на одинаковой высотѣ, недосягаемой для очень многихъ. Его рѣчи, правда, были чрезвычайно просты. В. Н. былъ противникомъ всякихъ сложныхъ разсужденій. Онъ строилъ свою рѣчь на простыхъ, но ясныхъ, непреложныхъ тезисахъ. Его логика была неотразима, а его огромная эрудиція сообщала рѣчи строго научную обоснованность. Кромѣ того, его рѣчь была всегда необычайно жива и была проникнута пылкостью, характеризовавшею темпераментъ этой высокоодаренной, можно сказать, одухотворенной натуры. Съ именемъ В. Н. Герарда связано воспоминаніе о рядѣ громкихъ процессовъ. Процессы Квитницкаго, Непенина, Звѣздочетова, Мельницкихъ и мн. другіе, теперь почти уже забытые, въ свое время были предметомъ горячихъ споровъ и создали В. Н. громкую славу. Кромѣ того, В. Н. выступалъ почти во всѣхъ политическихъ процессахъ, между прочимъ, въ знаменитомъ процессѣ 173-хъ въ 1878 г. Со многими изъ своихъ кліентовъ, уже осужденныхъ, В. Н. не порывалъ связи и всячески помогалъ имъ и деньгами, и своими связями у вліятельныхъ лицъ, стараясь добиться облегченія ихъ участи. И до послѣдняго времени В. Н. приходилось удовлетворять просьбы, обращенныя къ нему изъ Тобольска, Якутска, Минусинска и другихъ мѣстъ и Сибири, назначенныхъ для жительства ссыльнымъ. В. Н. Герардъ былъ вообще рѣдкой души человѣкъ. Его благотворительность была чужда шума и необыкновенно деликатна. Къ нему могъ явиться любой нуждающійся и никогда не получалъ отказа. Многіе отъ него получали ежемѣсячное содержаніе, немало учащихся пользовались его стипендіями. Но когда нужно было, когда единоличныя силы оказывались недостаточными, В. Н. умѣлъ привлечь къ своей дѣятельности широкое общественное участіе. Именно такимъ образомъ поступилъ В. Н. въ дѣлѣ защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія. Покойный создалъ собственными усиліями отдѣлъ защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія, привлекъ къ нему вниманіе общества, сгруппировалъ вокругъ себя преданныхъ дѣлу людей... и въ сравнительно короткое время изъ ничего стали возникать пріюты, убѣжища, гдѣ малолѣтніе невинные страдальцы неустройства и темноты общественной жизни встрѣчали впервые человѣческое отношеніе къ себѣ, гдѣ впервые въ этихъ слишкомъ рано очерствѣлыхъ сердцахъ пробуждалась любовь къ ближнему, жажда ласки и любви. При IV отдѣленіи общества охраненія народнаго здравія была организована комиссія по защитѣ дѣтства съ широкою программой дѣятельности. В. Н. охотно принялъ единогласное предложеніе предсѣдательствовать въ этой комиссіи и съ обычной энергіей занялся ея организаціей. Работа въ комиссіи, благодаря энергіи В. Н., кипѣла: былъ разобранъ вопросъ объ ограниченіи правъ родительской власти, подвергнуты обсужденію

законодательныя предположенія правительственныхъ комиссій по вопросу о защитѣ дѣтства, выработаны ходатайства о предоставленіи возможности возбужденія дѣлъ по защитѣ дѣтей какъ благотворительнымъ учрежденіямъ, такъ и родственникамъ ребенка и т. д., попутно разбирались вопросы о необходимости устройства спеціальныхъ школъ и лѣчебно-воспитательныхъ заведеній для дѣтей-эпилептиковъ, о дѣтяхъ на сценѣ, о малолѣтнихъ ремесленникахъ и т. д. Если просмотрѣть журналы засѣданій комиссіи, можно убѣдиться, какую массу труда туда вносилъ В. Н., какъ горячо относился онъ къ этому дѣлу и какъ ясно сознавалъ необходимость пробужденія общественнаго вниманія не только къ матеріальнымъ нуждамъ дѣтей, но и къ нравственной сторонѣ жизни ребенка. Этому очень трудному, не имѣющему подъ собой законной почвы дѣлу В. Н. успѣлъ придать такую крѣпость, поставить его настолько твердо, что защита дѣтей стала выражаться въ формахъ, о которыхъ раньше нельзя было и думать. Однимъ изъ послѣднихъ актовъ дѣятельности В. Н. было преобразованіе отдѣла защиты дѣтей въ самостоятельное общество; противъ этого была сильная оппозиція, но В. Н. сумѣлъ вложить столько убѣдительности въ свою рѣчь, что обособленіе было принято чуть ли не единогласно. Говоря о В. Н., нельзя обойти молчаніемъ одной еще выдающейся способности покойнаго. Онъ былъ прекраснымъ чтецомъ, изящнымъ, вдумчивымъ и сердечнымъ; иногда В. Н. выступалъ публично на благотворительныхъ вечерахъ и всегда имѣлъ большой успѣхъ. Покойный, впрочемъ, имѣлъ счастье быть оцѣненнымъ при жизни и добился отъ нея всего лучшаго, что она можетъ дать общественному дѣятелю. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9973; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 607; «Новости», 1903 г., № 342; «Русское Слово», 1903 г., № 336; «Новости Дня», 1903 г., № 7365; «Кіевская Газета», 1903 г., № 338; «Донская Рѣчь», 1903 г., № 327).

† **Глубоковскій, М. Н.** 11-го декабря въ Москвѣ скончался докторъ Матвѣй Никаноровичъ Глубоковскій, почти 20 лѣтъ жизни трудившійся на поприщѣ московской журналистики. М. Н. родился 27-го октября 1857 года въ Вологодской губерніи. Будучи сыномъ сельскаго священника, учился въ вологодской духовной семинаріи, затѣмъ окончилъ курсъ въ спеціальныхъ классахъ московскаго Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, отбылъ воинскую повинность, поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1885 году лѣкаремъ. Служилъ театральнымъ врачемъ, но эта служба отнимала у него немного времени. Дѣятельность его была посвящена почти всецѣло московской журналистикѣ. Онъ безъ устали работалъ въ различныхъ изданіяхъ, печатая статьи по разнообразнымъ вопросамъ политики, науки и общественной жизни. Въ студенческіе годы онъ самъ испыталъ большую нужду, занимался между прочимъ корректурой и былъ регентомъ одного изъ пѣвческихъ хоровъ. Занятія съ хоромъ дали ему богатый матеріалъ для составленія руководства «Гигіена голоса для артистовъ, учителей и любителей пѣнія, ораторовъ и проповѣдниковъ», изданнаго имъ въ 1889 году и выдержавшаго два изданія. Вышло и второе изданіе этой книги, съ добавленіемъ главы «О заиканіи». Съ 1890 года М. Н. Глубоковскій задумалъ издавать «общепонятно-научный иллюстрированный

журналъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія»—«Наука и Жизнь». Программа его была чрезвычайно обширна. Сюда входили и замѣтки о новыхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ, усовершенствованіяхъ, и статьи по медицинѣ, сельскому и домашнему хозяйству, и свѣдѣнія по исторіи наукъ и промышленности; помѣщались, наконецъ, и различныя остроумныя и научныя игры и задачи. М. Н., совмѣщавшій должности издателя и редактора, являлся въ то же время самымъ ревностнымъ сотрудникомъ своего дѣтища-журнала. Трудно перечислить ту массу его статей и замѣтокъ по зоологіи, ботаникѣ, физикѣ и математикѣ, которыя были напечатаны за періодъ существованія «Науки и Жизни» (1890—1894 года). Усердно работая надъ этимъ журналомъ, М. Н. въ то же время лелѣялъ мечту о другомъ общедоступномъ научно-популярномъ изданіи. Съ 1894 года онъ началъ выпускать книжки новаго изданія «Дѣло»,—журнала, который и по своей цѣнѣ (рубль въ годъ), и по легкости изложенія, являлся, дѣйствительно, вполнѣ общедоступнымъ. Дешевая подписная плата не могла, однако, окупить всю стоимость литературнаго предпріятія Глубоковскаго, и «Дѣло» просуществовало, къ сожалѣнію, очень недолго (до 1899 года). На страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» М. Н. выступилъ впервые семнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1886 году. Съ этихъ поръ на столбцахъ этой газеты не переставали появляться его живыя, увлекательныя замѣтки по различнымъ текущимъ вопросамъ, преимущественно изъ міра политики и науки. Дѣятельно работая въ этой газетѣ и въ собственныхъ журналахъ, М. Н. Глубоковскій принималъ также участіе и на страницахъ другихъ періодическихъ изданій, напримѣръ, въ «Московскомъ» и «Русскомъ Листкѣ», «Царь-Колоколѣ» и «Русскомъ Обозрѣніи». Въ послѣднемъ журналѣ была, между прочимъ, помѣщена любопытная статья покойнаго «Царь-Колоколъ и проекты его возобновленія». (Некрологи его: «Новое Время», 1903 года, № 9979; «Московскія Вѣдомости», 1903 года, № 340; «Русское Слово», 1903 года, № 341).

† **Пановъ, А. В.** 5-го декабря въ Нижнемъ Новгородѣ скончался Александръ Васильевичъ Пановъ. Родился покойный А. В. въ Костромской губерніи въ 1865 году. Происходилъ онъ изъ духовнаго званія и сначала учился въ костромской семинаріи, а затѣмъ въ духовной академіи въ Казани. Покойный принадлежалъ къ числу блестящихъ учениковъ академіи, на котораго возлагались большія надежды. Когда онъ былъ на послѣднемъ курсѣ, его предназначали въ профессора русской исторіи при академіи. Однако, покойный не окончилъ академіи, покинувъ ее всего за три недѣли до окончательныхъ экзаменовъ. Спокойное будущее при академіи онъ промѣнялъ на безпокойный трудъ литератора. Сначала, въ 1892 г., онъ сдѣлался секретаремъ редакціи «Волжскаго Вѣстника», но затѣмъ, оставивъ его, прибылъ въ Нижній Новгородъ, гдѣ былъ библіотекаремъ всесословнаго клуба и частной библіотеки Попова. Библіотека всесословнаго клуба, являющаяся въ настоящее время едва ли не лучшей въ Новгородѣ, обязана этимъ, въ значительной степени, неусыпнымъ трудамъ и знаніямъ покойнаго. Покинувъ Нижній, покойный жилъ въ Самарѣ, гдѣ былъ секретаремъ бюро по пріисканію занятій сельско-хозяйственнымъ рабочимъ, и, заинтересовавшись этимъ вопросомъ, написалъ о немъ нѣсколько

статей въ «Русскомъ Богатствѣ». Изъ Самары онъ переселился въ Саратовъ, гдѣ принималъ участіе въ «Саратовскомъ Дневникѣ», помѣщая также статьи по земскимъ вопросамъ и въ мѣстномъ земскомъ изданіи. Изъ Саратова онъ переселился снова въ Нижній, гдѣ и прожилъ около года, почти все время больной. А. В. принималъ дѣятельное участіе во многихъ газетахъ въ качествѣ корреспондента, а также помѣщая статьи по разнымъ общественнымъ вопросамъ и библіографическія. Назовемъ здѣсь «Волжскій Вѣстникъ», «Самарскую Газету», «Вятскую Газету» (земская), «Саратовскую Недѣлю» (земская), «Саратовскій Дневникъ», «Курьеръ», «Русскія Вѣдомости», «Сынъ Отечества», «Право» и другія. Изъ журналовъ статьи его появлялись въ «Мірѣ Божіемъ» и «Русскомъ Богатствѣ». Отдѣльно имъ была издана два раза (второе изданіе дополненное и исправленное) библіографическая книжка: «Домашнія библіотеки», разошедшаяся въ большомъ количествѣ экземпляровъ. (Некрологи его: «Нижегородскій Листокъ», 1903 года, № 334; «Волгарь», 1903 года, № 334; «Волжскій Вѣстникъ», 1903 года, № 266; «Пріазовскій Край», 1903 года, № 326; «Сѣверный Край», 1903 года, № 322, «Саратовскій Дневникъ», 1903 года, № 264).

† **Переяславцева, С. М.** 1-го декабря въ Одессѣ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончалась Софья Михайловна Переяславцева—выдающаяся русская женщина, снискавшая себѣ почетную извѣстность въ наукѣ, докторъ зоологіи Цюрихскаго университета. С. М. дочь генерала, въ 60-хъ годахъ жила въ Курскѣ, гдѣ стоялъ полкъ ея отца, въ то время полковника, и училась въ мѣстной женской гимназіи. Когда полкъ отца перевели въ другой городъ, то С. М. помѣстили въ частномъ пансіонѣ для гимназистокъ, и она все свое свободное время проводила въ чтеніи серьезныхъ книгъ, преимущественно по естественной исторіи, составляла гербарій и коллекціи. Всѣ знавшіе эту скромную, тихую дѣвушку поражались ея выдержаннымъ характеромъ и большимъ терпѣніемъ, вовсе не предполагая въ ней будущаго ученаго, и только близкимъ друзьямъ ея было извѣстно, что она по окончаніи гимназіи намѣревается заняться естественными науками въ объемѣ университетскаго курса и дальше работать въ томъ же направленіи. Упреки ея подругъ, увлекавшихся въ то время общественными вопросами, за ея олимпійское спокойствіе и какое-то отшельническое настроеніе она обыкновенно отпарировала заявленіемъ, что всякая, хотя и скромная, работа можетъ быть полезна для общества, и наибольшая польза получится при томъ условіи, если каждый возьмется за честное дѣло, къ которому чувствуетъ себя наиболѣе способнымъ. По окончаніи курской гимназіи съ золотой медалью С. М. Переяславцева нѣкоторое время жила въ Харьковѣ, гдѣ слушала публичныя лекціи по химіи, и частнымъ образомъ занималась анатоміей, ботаникой и зоологіей. Затѣмъ она уѣхала въ Цюрихъ, гдѣ окончила естественный факультетъ со степенью доктора естествовѣдѣнія. По возвращеніи въ Россію она получила мѣсто завѣдующей зоологическою станціей въ Севастополѣ, гдѣ пробыла 12 лѣтъ, работая по изслѣдованію морскихъ микроорганизмовъ и сдѣлавъ немало открытій, которыя въ кругу ученыхъ по этой спеціальности считаются очень цѣнными. Вдумчиваго, сосредоточеннаго характера, питая неизмѣнную любовь къ наукѣ, С. М. проявляла и

заботливое материнское отношеніе къ младшимъ членамъ своей семьи. Въ то же время она съ любовью занималась музыкой. Среди стеклянныхъ бассейновъ и разставленныхъ на окнахъ, на стѣнахъ и на полу всевозможныхъ размѣровъ банокъ (наполненныхъ морской водой, водорослями и инфузоріями, за которыми С. М. ѣздила въ море часто одна безъ гребца) обрѣталось мѣсто и для піанино. А среди ученыхъ занятій она находила время и охоту возиться съ младшими сестрами и братьями, приготовлять ихъ къ экзаменамъ и т. п. Послѣ Севастополя С. М. жила въ Одессѣ и тамъ продолжала работать для науки. Въ 90-хъ годахъ она работала на одной изъ зоологическихъ станцій въ Неаполитанскомъ заливѣ и у береговъ Франціи. Туда она была командирована московскимъ обществомъ естествоиспытателей и въ Неаполитанскомъ заливѣ нашла Nerilla antennata, самое маленькое изъ породы аннелидовъ (кольчатыхъ червей) въ 0,001 мил. длины и 0,0001 мил. ширины. С. М. подробно описала его строеніе въ «Mémoire sur l'organisation de la Nerilla antennata». Изъ другихъ ея работъ на французскомъ языкѣ извѣстны натуралистамъ: «Protozoe de la mer Noire», «Le développement de la Carpelia ferox» и «Monographie de Turbellariés de la mer Noire»; на нѣмецкомъ: «Einige Beobachtungen über die Nase der Fische», и на русскомъ: «О размноженіи инфузорій посредствомъ дѣленія», «О пищевареніи турбеларій» и «Эмбріональное развитіе коловратокъ» и др. Всѣ эти работы очень цѣнятся учеными, что доказали тѣ оваціи, которыми С. М. была встрѣчена на одномъ изъ съѣздовъ естествоиспытателей въ Россіи. Въ послѣдніе годы она жила въ большой нуждѣ, и только небольшая пожизненная пенсія отъ академіи наукъ давала ей нѣкоторую возможность продолжать научныя работы. Весною нынѣшняго года она изъ Москвы переѣхала въ Одессу, гдѣ съ ней случился ударъ, и послѣдніе два мѣсяца она прожила въ ужасныхъ страданіяхъ. (Некрологи ея: «Новое Время», 1903 года, № 9969; «Южная Россія», 1903 года, № 307; «Одесскій Листокъ», 1903 года, № 311; «Одесскія Новости», 1903 года, № 6157; «Харьковскій Листокъ», 1903 года, № 1273; «Слово», 1903 года, № 274).

† **Родзевичъ, И. И.** 16-го ноября въ Петербургѣ скончался Игнатій Игнатьевичъ Родзевичъ. Покойный получилъ извѣстность въ началѣ 80-хъ годовъ, когда онъ былъ издателемъ и редакторомъ газеты «Московскій Телеграфъ». Это была большая газета либерально-прогрессивнаго направленія, отличавшаяся тѣмъ, что большая часть ея содержанія состояла изъ извѣстій, передававшихся по телеграфу изъ Петербурга. Въ то время еще не было телефона, и «Московскій Телеграфъ» былъ первою газетой, пользовавшеюся собственнымъ телеграфнымъ проводомъ. Кромѣ телеграммъ, въ газетѣ помѣщались передовыя статьи, фельетоны, иностранныя извѣстія и т. д., при чемъ самъ редакторъ участвовалъ во многихъ отдѣлахъ. Вообще газета велась настолько живо, интересно и талантливо, что скоро пріобрѣла довольно значительное (для начинающаго органа) распространеніе. У Родзевича была собственная типографія и нѣкоторыя средства, но послѣднія скоро изсякли, тѣмъ болѣе, что газета въ короткое время испытала цѣлый рядъ каръ. Такъ, въ 1882 году она получила первое предостереженіе за статью въ № 1, второе предостереженіе за статью въ № 15 и третье съ пріостановкой на четыре мѣсяца за статьи въ №№ 80

и 81. по возобновленіи она получила скоро опять первое предостереженіе, а затѣмъ была воспрещена ея розничная продажа. Въ 1883 году послѣдовало второе предостереженіе, и вскорѣ послѣ того состоялось закрытіе газеты по рѣшенію четырехъ министровъ. Пробовалъ послѣ того покойный издавать газету «Свѣточъ», но она была также закрыта въ 1885 году. Послѣ этихъ неудачъ Родзевичъ оставилъ мысль о газетѣ и сосредоточился на типографіи и службѣ въ городскомъ кредитномъ обществѣ, но и тутъ ему не повезло: онъ вынужденъ былъ оставить службу, и его типографія была продана съ аукціона. Позже онъ переселился въ Петербургъ, завѣдывалъ тамъ одно время чужою типографіей. Онъ происходилъ изъ дворянской помѣщичьей семьи, кончилъ курсъ рязанской гимназіи, а затѣмъ юридическій факультетъ Московскаго университета. (Некрологи его: «Русскія Вѣдомости», 1903 года, № 327; «Волынь», 1903 года, № 238).

† **Голубинскій, Д. Ѳ.** 23-го ноября въ Сергіевскомъ посадѣ скончался на 75 году жизни старѣйшій изъ профессоровъ Московской духовной академіи, заслуженный профессоръ, д. ст. сов. Дмитрій Ѳедоровичъ Голубинскій. Сынъ знаменитаго основателя теистической философіи—протоіерея Ф. А. Голубинскаго,—почившій профессоръ по образованію—магистръ богословія Московской духовной академіи выпуска 1854 года. Въ томъ же году онъ занялъ въ академіи каѳедру физики и геометріи, а съ закрытіемъ этой каѳедры въ 1870 году, согласно новой программѣ 1869 года, перешелъ на каѳедру естественно-научной апологетики. Въ 1864 году Д. Ѳ. избранъ ординарнымъ профессоромъ, а два года тому назадъ — заслуженнымъ ординарнымъ. Съ именемъ Д. Ѳ. связано много ученыхъ трудовъ. Покойному принадлежитъ много цѣнныхъ трудовъ апологетическаго характера: «Христіанскія размышленія объ устройствѣ земли», «О кругообращеніи атмосферы», «Разборъ и опроверженіе ложнаго мнѣнія о кивотѣ Завѣта», «О времени празднованія Пасхи въ православной церкви и западныхъ христіанъ», «О соотношеніи устройства земного шара съ условіями жизни», «Органы слуха и голоса», «Христіанскія размышленія о суточныхъ и годовыхъ перемѣнахъ на земномъ шарѣ», «Изъ исторіи естественно-научной апологетики въ Россіи» и мн. др. Въ послѣднее время профессоръ былъ занятъ вопросомъ о календарѣ. Свои взгляды по этому предмету онъ изложилъ въ разсужденіи «Вопросъ объ уравненіи года гражданскаго съ астрономическимъ». Послѣ смерти извѣстнаго профессора Болотова, покойный былъ избранъ отъ святѣйшаго синода въ члены комиссіи по вопросу о календарѣ при академіи наукъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 года, № 9963; «Пріазовскій край», 1903 года, № 316; «Бессарабецъ», 1903 года, № 308; «Кіевлянинъ», 1903 года, № 328).

† **Яровицкій, А. В.** 22-го ноября скончался сотрудникъ «Нижегородскаго Листка» Алексѣй Васильевичъ Яровицкій, писавшій подъ псевдонимомъ «А. Корневъ». Покойный учился въ Московскомъ университетѣ, изъ котораго долженъ былъ выйти въ 1899 г. и съ 1900 года сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Нижегородскаго Листка». За время своего пребыванія въ редакціи «Нижегородскаго Листка», покойный помѣстилъ въ нашей газетѣ много разсказовъ и нѣсколько стихотвореній подъ псевдонимомъ «А. Корневъ». Изъ разсказовъ его

назовемъ: «Красивая», «Ночью», «Двойникъ» и друг. Послѣднимъ произведеніемъ Алексѣя Васильевича въ «Нижегородскомъ Листкѣ» былъ очеркъ: «На Волгѣ», помѣщенный въ 306, 307 и 310 нумерахъ газеты. Печатался этотъ очеркъ, когда Алексѣй Васильевичъ былъ уже боленъ, и едва ли онъ читалъ его въ печати. Кромѣ «Нижегородскаго Листка», покойный помѣщалъ свои разсказы въ «Курьерѣ», Самарской Газетѣ», «Сѣверномъ Краѣ» и «Южномъ Обозрѣніи». Одинъ его разсказъ былъ помѣщенъ въ журналѣ «Жизнь». Разсказы его были отмѣчены лирическимъ настроеніемъ и страстнымъ стремленіемъ къ добру. Вообще это былъ человѣкъ страстный къ добру, къ общественнымъ идеямъ, къ которымъ онъ относился, какъ къ своимъ личнымъ. Сравнительно мало еще удалось ему сдѣлать, но память о немъ, о его личности и высокомъ настроеніи надолго останется въ сердцахъ всѣхъ, кто зналъ его. Съ его смертью «Нижегородскій Листокъ» потерялъ хорошаго, добросовѣстнаго работника и беллетриста, не лишеннаго таланта, а общество—честнаго и способнаго человѣка, искренно преданнаго тому, что онъ считалъ добромъ и истиной. (Некрологи его: «Нижегородскій Листокъ», 1903 г., № 321; «Самарская Газета», 1903 г., № 234; «Сѣверный Край», 1903 г., № 312).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Еще о Кавказскихъ водахъ.

Трудно угодить на всѣхъ.... Такъ, напримѣръ, моя статья въ сентябрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» о Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, цитированная многими столичными и почти всѣми мѣстными газетами, не понравилась г-жѣ О. Гнѣдичъ, «рожденной Байковой», дочери «бывшаго контрагента водъ», покойнаго А. Байкова.

«Въ интересахъ истины» г-жа Гнѣдичъ помѣстила въ декабрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» письмо, въ которомъ приписываетъ своему отцу «созданіе» Желѣзноводска, Ессентуковъ, основаніе въ Пятигорскѣ первой типографіи, «посѣщеніе всѣхъ заграничныхъ курортовъ», приглашеніе изъ-за границы ученыхъ инженеровъ, приведеніе въ порядокъ Провала и даже экспортъ водъ, которому онъ, покойный Байковъ, далъ, будто бы, «широкое примѣненіе»... Г-жа Гнѣдичъ перечисляетъ даже такія «начинанія» бывшаго контрагента, какъ электричество, трамвай и разбивка парковъ, «которыя остались у него неосуществленными за недостаткомъ средствъ»... несмотря на правительственную субсидію въ 32 тыс. рублей въ годъ, получавшуюся этимъ «контрагентомъ»,—слѣдуетъ прибавить.

Для меня вполнѣ понятны чувства дочери, руководившія письмомъ г-жи Гнѣдичъ, и я, по всей вѣроятности, оставилъ бы ея письмо безъ отвѣта. Къ

сожалѣнію, г-жа Гнѣдичъ, въ концѣ своего письма, довольно смѣло называетъ мой отзывъ о дѣятельности бывшаго контрагента водъ «легкомысленной хулою» и даже дѣлаетъ мнѣ упрекъ, что я, говоря о дѣятельности А. Байкова, «довѣрился воспоминаніямъ старожиловъ», а не обратился къ ней «за свѣдѣніями и указаніями» (?), тѣмъ болѣе, добавляетъ г-жа Гнѣдичъ, что она «это лѣто проводила въ Кисловодскѣ»...

Вотъ эта «хула» и эти фразы и обязываютъ меня отвѣчать г-жѣ Гнѣдичъ.

Желѣзноводскъ, какъ и другія группы, созданъ не «бывшимъ контрагентомъ» А. Байковымъ, а высокочтимымъ, понынѣ здравствующимъ докторомъ С. А. Смирновымъ, основавшимъ, ровно 50 лѣтъ тому назадъ (т.-е. за 15 лѣтъ до появленія на водахъ Байкова) русское Бальнеологическое общество на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, тѣмъ С. А. Смирновымъ, котораго такъ единодушно чествовали въ минувшемъ сентябрѣ этого года, во время бывшаго бальнеологическаго съѣзда врачей на упомянутыхъ водахъ, и въ честь коего существуетъ въ Желѣзноводскѣ особый источникъ его имени.

Экспорта водъ во времена контрагентства Байкова тоже не было: шла только, да и то въ самомъ незначительномъ количествѣ, вода Ессентуковъ № 17.

Статья моя о Кавказскихъ минеральныхъ водахъ написана не «по воспоминаніямъ старожиловъ», а по моему личному, давнему знакомству съ водами и по документальнымъ свѣдѣніямъ. Разсказы и «воспоминанія» врачей, проживающихъ на водахъ десятки лѣтъ, я также принималъ во вниманіе, когда писалъ свою статью. Всѣ эти свѣдѣнія я предпочитаю тѣмъ, что могли бы дать мнѣ близкіе родственники бывшихъ контрагентовъ, комиссаровъ и директоровъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ... Къ госпожѣ же Гнѣдичъ я не могъ бы обратиться еще и по той причинѣ, что статья моя была сдана въ редакцію журнала въ маѣ мѣсяцѣ совсѣмъ законченною, — и, поэтому, обращаться къ г-жѣ Гнѣдичъ «за свѣдѣніями и указаніями» было бы слишкомъ поздно,— если бы даже я и зналъ о томъ событіи, что она «это лѣто проводитъ въ Кисловодскѣ»...

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

С.-Петербургъ,
16-го декабря 1908 г.

САМОЗВАНКА

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ И СЕМИ КАРТИНАХЪ

(въ 3-мъ и 4-мъ дѣйствіяхъ по двѣ картины).

И. В. ШПАЖИНСКАГО

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ „ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1904

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дѣйствующія лица.

Княжна [она же Алина, принцесса владимирская], 21 года.
Филиппъ-Фердинандъ, владѣтельный князь **голштейнъ-лимбургскій**, 42 л.
Баронъ Фонъ-Горнштейнъ, министръ курфирста трирскаго, другъ князя.
Графиня Теофила Моравская, сестра князя Радзивилла.
Панъ Доманскій, членъ Барской конфедераціи, молодой человѣкъ.
Францискa фонъ-Мешеде, камермодхенъ княжны.
Фрицъ, старый слуга князя Лимбургскаго.

СЦЕНА: гостиная въ замкѣ Оберштейнъ [въ Лотарингіи]. Прямо стеклянная дверь на террасу въ паркъ, налѣво—во внутреннія комнаты, направо — въ залъ. Мебель и обстановка въ стилѣ Людовика XV. Дѣйствіе происходитъ раннею осенью 1773 года.

ЯВЛЕНІЕ I.

Баронъ фонъ-Горнштейнъ и Фрицъ [входятъ справа].

БАРОНЪ.

А гдѣ же князь?

ФРИЦЪ.

Они изволятъ въ паркѣ
Гулять съ ея высочествомъ принцессой.
О васъ я доложить послалъ.

БАРОНЪ.

Скажи,
Я слышалъ—въ Оберштейнѣ не довольны,
Что князь его принцессѣ подарилъ?

ФРИЦЪ.

Что новые порядки не всегда
Бываютъ лучше старыхъ,—всѣмъ извѣстно.
Не такъ ли, господинъ баронъ? У насъ
Изъ старыхъ слугъ осталось только двое.
А новые, по выбору принцессы,
Ей лучше насъ сумѣютъ угодить.
Не такъ ли, господинъ баронъ?

БАРОНЪ.

Быть можетъ.
У васъ тутъ скоро свадьба, мнѣ сказали.
Почтенный Фрицъ, ты долженъ быть доволенъ.

ФРИЦЪ.

Да, если господинъ баронъ изволитъ
Доволенъ быть, то тѣхъ же чувствъ и Фрицъ.
Какъ другъ его высочества, конечно,
Желаете вы счастія ему.
И я желаю счастья. Князь—католикъ.
Принцесса католичество принять
Готовится, чтобъ стать супругой князя,
Но въ церкви протестантской...

БАРОНЪ.

Это какъ?

ФРИЦЪ.

Туда принцесса ходитъ. Къ обращенью
Путь вѣрный, господинъ баронъ. Не такъ ли?

БАРОНЪ.

Довольно странно это!

ФРИЦЪ.

Что же дѣлать!..
Изволите вы знать, въ годахъ извѣстныхъ—
А князю вѣдь ужъ за сорокъ—всегда
Сильнѣй у насъ бываютъ увлеченья
И даже безразсуднѣй... [глядя въ паркъ]
Вонъ принцесса
Итти сюда изволитъ съ княземъ. [Уходитъ].

БАРОНЪ.

Да,
Несчастный князь! Изъ рукъ авантюристки
Удастся ли мнѣ вырвать честь его?..

ЯВЛЕНІЕ II.

Баронъ фонъ-Горнштейнъ, княжна [1]) [въ утреннемъ костюмѣ] **и князь Лимбургскій** [входятъ съ террасы].

КНЯЖНА.

Какое утро! что за воздухъ чудный!
Не правда ли, баронъ? [Протягиваетъ ему руку, которую онъ цѣлуетъ].

КНЯЗЬ [пожимая ему руку].

Желанный гость!

КНЯЖНА.

И я сердечно рада видѣть васъ,
Хотя ко мнѣ вы слишкомъ строги...

БАРОНЪ.

Я?!
Но въ чемъ же?..

КНЯЖНА [съ оттѣнкомъ раздраженія].

Напримѣръ, хоть въ томъ, что я
Безумно расточительна на роскошь,
На прихоти, ни въ чемъ не зная мѣры.
Сейчасъ меня журилъ за это князь,
При чемъ на ваше мнѣніе сослался...

КНЯЗЬ [въ смущеніи].

Зачѣмъ про это?! Что за интересъ!
Поспорили немного—и забудемъ.

---

[1]) Наружность самозванки гр. А. Г. Орловъ въ донесеніи императрицѣ Екатеринѣ описываетъ такъ: «она женщина роста небольшого, тѣла очень сухого, лицомъ ни бѣла, ни черна, глаза имѣетъ большіе и открытые, цвѣтомъ темнокаріе, косы и брови темнорусыя». Фельдмаршалъ кн. А. М. Голицынъ въ донесеніи императрицѣ наружность самозванки называетъ «привлекательной и вмѣстѣ съ тѣмъ повелительной», добавляя: «нимало не удивительно, что она возбуждаетъ въ людяхъ чувство довѣрія и даже благоговѣнія къ себѣ».

БАРОНЪ.

Не лучше ли отъ власти кредиторовъ
Себя оберегать? Они несносны,
Назойливы...

КНЯЖНА.

Я знаю. Испытала.
Не это ль вы напомнить мнѣ хотите?
Нельзи назвать любезнымъ васъ, баронъ.
Но я неисправима, къ сожалѣнью.
Я цѣну деньгамъ знаю только въ томъ,
Чтобъ брать отъ жизни все для наслажденій.
Вы это суетою назовете,
Но скептикамъ вѣдь мрачно все на свѣтѣ,
А мнѣ прекрасный міръ сіяетъ солнцемъ. [Осматриваясь].
Однако мой костюмъ... Простите! Съ княземъ,
Гуляя въ паркѣ, время мы забыли...

БАРОНЪ.

Оно летитъ такъ быстро для влюбленныхъ!

КНЯЖНА.

О, да! [Смѣясь, посылаетъ ему прощальный жестъ и уходитъ налѣво].

ЯВЛЕНІЕ III.

Баронъ фонъ-Горнштейнъ и князь Лимбургскій.

БАРОНЪ.

Вчера я былъ встревоженъ слухомъ,
Что вы рѣшили въ бракъ вступить съ принцессой.

КНЯЗЬ [въ замѣшательствѣ].

Ну, да... Она грозила мнѣ уѣхать...

БАРОНЪ [съ усмѣшкой].

Не въ Персію ли, къ дядѣ?

КНЯЗЬ.

Да, къ нему.

БАРОНЪ.

А вы, чтобъ удержать ее, рѣшили
Связать ея судьбу съ своею бракомъ.

КНЯЗЬ [вызывающимъ тономъ].

И счастливъ, что успѣлъ склонить ее
Союзъ нашъ закрѣпить предъ цѣлымъ свѣтомъ.

БАРОНЪ.

Я въ этомъ «счастьѣ» очень сомнѣваюсь.

КНЯЗЬ.

Баронъ, вы скептикъ.

БАРОНЪ.

Больше: я вашъ другъ.
А гдѣ же документы о рожденьи
Невѣсты вашей? Надо видѣть ихъ.

КНЯЗЬ [въ замѣшательствѣ].

Пока ихъ нѣтъ... Она достанетъ вскорѣ...

БАРОНЪ.

Они васъ образумятъ, можетъ быть.
Мнѣ очень жаль, что долженъ, для спасенья
Отъ брака недостойнаго, открыть
Вамъ прошлое ея...

КНЯЗЬ.

Ахъ, что мнѣ въ этомъ!..
Я слышалъ кое-что... Злословья много,
Особенно чтобъ счастье омрачить,
Которое всегда и всѣмъ завидно...
О, свѣтъ такъ золъ!

БАРОНЪ.

Когда не справедливъ.

КНЯЗЬ.

Глупецъ, кто слѣпо вѣритъ въ справедливость
Людскихъ сужденій, милый мой баронъ.

БАРОНЪ.

Друзья не въ счетъ при этомъ, я надѣюсь?

КНЯЗЬ.

Друзья, конечно... Ими руководитъ
Участіе, желаніе добра,
Когда они наносятъ сердцу рану,
Непрошенную правду раскрывая...

БАРОНЪ.

Пусть такъ. Я больше здѣсь не пророню
Ни слова.

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, простите, другъ, простите!
Быть можетъ, я безумецъ, но любовь
Моя такъ безгранична!.. Я не въ силахъ
Принцессу потерять, мой другъ, поймите!

БАРОНЪ.

Зачѣмъ терять! Не нужно только брака.
Вы—князь имперьи Римской. Не забудьте!

КНЯЗЬ.

Она—принцесса.

БАРОНЪ.

Очень сомнѣваюсь.
Теперь она зоветъ себя принцессой,
А прежде—въ Килѣ, въ Гентѣ, и въ Берлинѣ,
И въ Лондонѣ потомъ была извѣстна
Подъ именемъ то Франкъ, то Шель дѣвицы,
Позднѣй ужъ госпожей Тремуйль въ Парижѣ
Зовутъ ее. Все прошлое ея—
Сплошная цѣпь нелестныхъ похожденій.
Вездѣ она любовниковъ имѣла
И ловко разорять умѣла ихъ.

КНЯЗЬ.

Жестоки вы!

БАРОНЪ.

Не я жестокъ, а факты.
Въ Парижѣ, вамъ извѣстно, графъ Огинскій —
Посланникъ польскій. Съ нимъ сведя знакомство,
Дотолѣ то француженка, то нѣмка,
Она ужъ стала русскою принцессой.
Понятно, чье вліяніе тутъ было,
И цѣль поляковъ, кажется, ясна.

КНЯЗЬ.

Поляки на нее имѣють виды,
Я въ этомъ сомнѣваться не могу.

БАРОНЪ.

Чтобъ жить достойно званію принцессы,
Конечно, нужны средства. И Алина—
Взяла тогда «принцесса» это имя—
Разсказываетъ всѣмъ про дядю Креза,
Персидскаго какого-то вельможу,
Съ богатствами несмѣтными; что ей
Достанется все это по наслѣдству;
Что большее наслѣдство отъ отца,
Владимирскаго князя, ей въ Россіи
Законно будто бы принадлежитъ.
Является кредитъ. Живя роскошно,
Она замѣтна стала въ высшемъ свѣтѣ.
И снова рядъ побѣдъ, вѣрнѣй—паденій...
У ногъ ея и знатный де-Маринъ,
И графъ Огинскій и гофмейстеръ вашъ...

КНЯЗЬ.

Вы вспомнили Рошфора де-Валькура...

БАРОНЪ.

Во Франкфуртѣ, куда отъ кредиторовъ
Принцесса изъ Парижа поспѣшила,
Въ ея сѣтяхъ запутались и вы,
Что̀ стоило значительныхъ вамъ денегъ.
Рошфора заключивъ въ тюрьму—за что̀,
Конечно, всѣ васъ строго осудили —
Принцессу вы увозите въ Нейсесъ,
Въ своихъ владѣньяхъ скрывъ ее отъ свѣта.
Тамъ съ «нимфою Калипсо Телемакъ» —
Такъ съ ней себя тогда вы называли —
Въ забвеніи блаженства утопали...

КНЯЗЬ.

Ироніи и красокъ мрачныхъ вы
На этотъ разъ, баронъ, не пожалѣли!

БАРОНЪ [пожимая плечами].

Влюбленному, какъ вы, и въ ваши годы
Естественно смотрѣть на все иначе.
Я долгомъ счелъ сказать, что мнѣ извѣстно.

КНЯЗЬ.

Въ ея натурѣ пылкой—объясненье
Ея непостоянства, увлеченій...
Корысть же, въ чемъ вините вы ее,
Не свойственна ей вовсе. Оберштейнъ
На чьи купилъ я деньги? Ихъ Алина
Сама для этой цѣли предложила...

БАРОНЪ.

Но ей же Оберштейнъ вы подарили.
Мнѣ жаль, что я разстроилъ васъ..

КНЯЗЬ.

Оставимъ.
Займемся лучше книгами. На-дняхъ
Прислали мнѣ прелестныя изданья.
Любитель и знатокъ, вамъ интересно
Ихъ будетъ просмотрѣть. Въ библіотеку
Пойдемте, мой жестокій другъ.

БАРОНЪ.

Пойдемте! [Уходятъ направо].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Княжна [(въ изящномъ костюмѣ) входитъ слѣва, за нею] **Франциска.**

КНЯЖНА [оправляясь передъ зеркаломъ.]

Про что ты говоришь—не понимаю.

ФРАНЦИСКА.

Я слышала, что этотъ злой баронъ...
Онъ князю разсказалъ про все... Онъ знаетъ
Про вашу жизнь, любовниковъ...

КНЯЖНА [прерываетъ].

Молчи!

ФРАНЦИСКА.

Да онъ-то не молчалъ! А нужно ль князю
Про старые грѣшки всѣ ваши знать?!
Положимъ, князь давно ума лишился,
Когда еще васъ въ Франкфуртѣ увидѣлъ...

Тогда еще Рошфора де-Валькура
Любили вы... Но князь вѣдь легкомысленъ,
Характера неровнаго. Баронъ...

КНЯЖНА [прерываетъ].

Отстань ты отъ меня съ своимъ барономъ!
И князя мнѣ не очень жалко, если бъ
Баронъ меня избавилъ отъ него.

ФРАНЦИСКА.

На это вы всегда легко смотрѣли...
Не этотъ, такъ другой...

КНЯЖНА.

Ты вотъ какъ судишь!
Но чѣмъ я виновата, что повсюду
Преслѣдовалъ меня докучный рой
Вздыхателей безумныхъ?

ФРАНЦИСКА.

Всюду. Правда.

КНЯЖНА.

Одинъ, повѣся носъ, вздыхаетъ скорбно;
Отъ ревности другой, мрачнѣе ночи,
Соперника пронзить клянется шпагой;
У ногъ моихъ, пылая страстью, третій
Всѣмъ жертвовать готовъ... Но всѣ они
Лишь были мнѣ забавны... Хоть порою,
Не будучи жестока, вспышкой страсти
Безумцамъ отвѣчала я...

ФРАНЦИСКА.

И часто.

КНЯЖНА.

Будь слабость то, будь прихоть—покаяньемъ
Не мучила себя за это я.
Какъ пѣнится игристое вино,
Пусть жизнь моя въ веселіи проходитъ,
И выше для меня всего—свобода!

ФРАНЦИСКА.

Любовь насъ выручала и тогда,
Когда намъ приходилось очень круто,
Спасая отъ нужды и кредиторовъ...

КНЯЖНА.

И снова мой челнокъ снимался съ мели,
Подхваченный потокомъ бурнымъ жизни...

ФРАНЦИСКА.

У пристани теперь вы...

КНЯЖНА.

Очень скучной.
Въ водѣ недвижной мой челнокъ уныло
Стоитъ, увязнувъ въ тинѣ.

ФРАНЦИСКА.

Ужъ и «въ тинѣ»!
Конечно, князь—находка не большая...
Я—въ смыслѣ томъ, что онъ уже не молодъ.
Но стать супругой имперскаго князя,
Владѣтельной особою—не дурно.
Соскучиться мужчины не дадутъ
И здѣсь вамъ, въ Оберштейнѣ. Панъ Доманскій,
Который пріѣзжаетъ изъ Мосбаха,
Мнѣ кажется, влюбленъ въ васъ безъ ума.

КНЯЖНА.

Доманскій—онъ не дуренъ, строенъ, ловокъ,
Уменъ, краснорѣчивъ... Въ сравненьи съ тѣми,
Которыхъ больше помню я, конечно,
Теряетъ много онъ; но на безлюдьи
Я рада и ему.

ФРАНЦИСКА.

Но князь—ревнивецъ.

КНЯЖНА.

Доманскій этотъ дѣлалъ мнѣ намеки
Довольно интересные... Быть можетъ,
Судьба готовитъ мнѣ совсѣмъ другое,
Чѣмъ въ скучномъ Оберштейнѣ съ княземъ жизнь.

ФРАНЦИСКА.

Охъ, будьте осторожны съ поляками!

КНЯЖНА.

Я вѣрное на призраки мѣнять
Считаю безразсуднымъ.

ФРАНЦИСКА.

Князь идетъ. [Уходитъ налѣво].

ЯВЛЕНІЕ V.

Княжна и князь Лимбургскій.

КНЯЖНА [съ ироніей].

Конечно, менторъ вашъ, баронъ Горнштейнъ,
Опять успѣлъ разстроить васъ...

КНЯЗЬ [горячо].

Ужасно.
Ужасно узнавать со всѣхъ сторонъ
Про ваши похожденія и связи!
Какихъ мученій стоило мнѣ это!
Откройте же мнѣ правду наконецъ
Про вашу жизнь, рожденіе и дѣтство,
Всю правду, умоляю васъ, чтобъ мнѣ
Не путаться въ сѣтяхъ хитросплетеній
И всякой лжи!

КНЯЖНА.

Не будьте грубы, князь!
Вся жизнь моя за время нашей связи
Извѣстна вамъ. Мнѣ нечего скрывать.

КНЯЗЬ.

Неправда! Съ прежнимъ вы не порывали,
Хотя клялись съ нимъ кончить навсегда.
Съ Огинскимъ въ перепискѣ вы. О чемъ?—
Вы тщательно скрываете. Понятно!
Вѣдь графъ Огинскій былъ въ числѣ другихъ
Любовникомъ въ Парижѣ вашимъ. Тайна
Сношеній вашихъ съ нимъ теперь ясна...

КНЯЖНА [съ усмѣшкой].

Для ревности слѣпой вездѣ—измѣна.
Скажу, чтобъ васъ достойно пристыдить,
О чемъ писала графу я, извольте!
О Польшѣ, о дѣлахъ ея въ Россіи,
Въ связи съ войной Турецкою; про то,
Что можно отъ Россіи, ободренной
Побѣдами при Чесмѣ, Измаилѣ,
Полякамъ ожидать въ ихъ смутной долѣ.
Объ этомъ графъ Версальскому двору
Мою записку долженъ былъ представить.

КНЯЗЬ.

Я въ вашу дипломатію не вѣрю,
Тутъ больше хвастовства, чѣмъ правды. Мнѣ
Не разъ ужъ приходилось убѣждаться,
Что, вѣря вамъ, становишься смѣшонъ.
По княжеству Владимирскому вы
Голицына въ Россіи называли
Своимъ опекуномъ и мнѣ письмо
Къ нему читать давали. Оказалось,
Что это—вздоръ, обманъ совсѣмъ не нужный,
Иль нужный для того, чтобъ скрыть отъ свѣта
Сомнительное прошлое...

КНЯЖНА [гнѣвно прерываетъ].

Довольно!
На это я достойно вамъ отвѣчу...
Но прежде я спрошу барона... Кстати
Вотъ онъ идетъ. Прошу оставить насъ.

[Князь уходитъ надѣвно].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Княжна и баронъ фонъ-Горнштейнъ.

КНЯЖНА.

Садитесь! Вотъ сюда! [указываетъ ему мѣсто рядомъ съ собою].
Я очень рада
Хоть нѣсколько минутъ вниманье ваше
Занять собою. Рѣдко выпадаетъ
Мнѣ это удовольствіе. Но въ этомъ
Виню себя. О, я въ такой досадѣ!

БАРОНЪ.

Въ досадѣ? Почему же?

КНЯЖНА.

Потому,
Что ваше заслужить расположенье,
При всемъ желаньи страстномъ—не умѣю.
Для этого умна я не довольно,
А вы умомъ блестящимъ выдаетесь.
Въ любезности я такъ простосердечна,
Что васъ ли, съ вашимъ вкусомъ утонченнымъ,
Занять мнѣ болтовней неостроумной,
Лишенной той игры очарованья,
Которая въ мужчинѣ мысль и чувство
Такъ чудно пробуждаетъ!

БАРОНЪ [нѣсколько озадаченъ].

Я, принцесса...
Не свѣтскій человѣкъ, а дѣловой...
И лестное сужденье ваше, право,
Меня смущаетъ...

КНЯЖНА [лукаво].

Я не говорю,
Что чужды вы пристрастья... Справедливость
Находимъ мы такъ рѣдко вообще [со вздохомъ].
Къ себѣ же я почти ея не знала.
Но вашу прямоту и честность взглядовъ...
Суровыя подъ часъ, цѣню высоко

БАРОНЪ.

Бываетъ, что въ сужденьяхъ иногда
Я... нѣсколько не сдержанъ... даже рѣзокъ...

КНЯЖНА [грозится].

Бываетъ, о, бываетъ! По себѣ
Я знаю это... [Со вздохомъ].
Можетъ быть, вы правы...

БАРОНЪ.

Такъ много на себя я брать не стану.

КНЯЖНА.

Я, можетъ быть... дѣйствительно... случалось...
Ошибки... Но судить, всего не зная,

Всего, что пережито было мною,
Что выстрадано было—справедливо ль?
Судьба ко мнѣ всегда была сурова.
Ни материнскихъ ласкъ и попеченій,
Которыя такъ душу согрѣваютъ,
Ни помощи отъ преданныхъ людей,
Ни дружбы безкорыстной—ничего
Не знала я, баронъ. Печально это!

БАРОНЪ.

Согласенъ съ вами: это не легко.

КНЯЖНА.

Любовью безсознательною къ жизни
Полна бываетъ юная душа.
Въ наивности, довѣрчива она,
Ясна и безмятежна. Слишкомъ рано
Утратила святыя чувства эти
Моя душа. Неопытность—обманомъ,
Довѣрчивость мою—бездушной ложью
Жестоко оскорбляли... О баронъ!
Я рано испытала горечь жизни,
Бездушный эгоизмъ людей, ихъ подлость,
И грубость ихъ страстей и черствость сердца...

БАРОНЪ.

Узнать все это въ юности—ужасно!

КНЯЖНА.

Отъ этого сама, конечно, я
Не стала лучше... Совѣсти укоры
Страданьемъ удручали душу мнѣ.
Но съ княземъ я узнала счастья сладость
И съ жизнью примирилась. Я вздохнула
Свободной грудью, съ вѣрой въ обновленье
И въ свѣтлый миръ души моей разбитой.
А вы, баронъ, вы стали между нами.
Но, добрый сердцемъ, развѣ вы способны,
Участливо принявъ мое признанье,
Желать, чтобъ снова я въ житейской бурѣ
Утратила и счастье и покой?
Не можетъ быть.

БАРОНЪ.

Принцесса, я надѣюсь
Вамъ поводовъ къ упрекамъ не подать.

КНЯЖНА [встаетъ и подаетъ ему обѣ руки].

Вы милый! вы прелестный! Навсегда
Я въ сердцѣ сохраню минуты эти!
[Давъ ему поцѣловать руку, быстро уходитъ налѣво].

БАРОНЪ.

Нельзя не пожалѣть ее сердечно,
Коль искренна она!.. Притворство было бъ
Ужъ слишкомъ нагло... Время намъ покажетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Баронъ фонъ-Горнштейнъ и князь Лимбургскій.

КНЯЗЬ.

Надѣюсь, съ нею не были вы рѣзки?

БАРОНЪ.

Я рѣзокъ?.. Нѣтъ.

КНЯЗЬ.

Сердечно благодаренъ.
Обдумалъ я серьезно все, что мнѣ
Открыли про нее вы такъ жестоко...
Мнѣ кажется, вы правы. Мысль о бракѣ
Не лучше ль мнѣ оставить?

БАРОНЪ.

Какъ хотите.

КНЯЗЬ [удивленно].

Но вы же противъ были! вы сказали...

БАРОНЪ.

Что зналъ, то разсказалъ по долгу дружбы...

КНЯЗЬ.

Коль вы не противъ брака,—я въ восторгѣ!

БАРОНЪ.

Невѣсты вашей внутреннихъ достоинствъ
Не знаю я. Поэтому мнѣ трудно
За бракъ иль противъ высказаться прямо.
Къ тому же я боюсь упрековъ вашихъ,
Возможныхъ, если бъ бракъ не состоялся
И если бъ заключенъ былъ, но не далъ бы
Желаннаго вамъ счастья. Виноватымъ
Въ обоихъ могъ быть случаяхъ вашъ другъ,
Что далъ совѣтъ въ такомъ невѣрномъ дѣлѣ.
Прощайте! Мнѣ пора.

КНЯЗЬ.

Останьтесь съ нами!
Къ чему поспѣшность эта!

БАРОНЪ.

До свиданья!
Я вскорѣ навѣщу васъ.

КНЯЗЬ.

Очень радъ.
Безъ завтрака жъ я васъ не отпущу.

[Жестомъ приглашаетъ его итти направо. Оба уходятъ].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Княжна и графиня Моравская [входятъ слѣва и вскорѣ садятся].

КНЯЖНА.

Что новаго, графиня?

МОРАВСКАЯ.

Новостями
Взволнованы мы всѣ. Мой братъ въ восторгѣ
И къ вамъ меня послалъ, чтобъ вы скорѣе
Узнали все, что стало намъ извѣстно.
Вы сердцемъ—наша. Братъ увѣренъ въ этомъ.

КНЯЖНА.

Я предана такъ князю Радзивиллу,
Что въ этомъ быть сомнѣнія не можетъ.
А новости какія?

МОРАВСКАЯ.

Бунтъ въ Россіи,
Казацкій бунтъ, возстаніе народа!
Явился самозванецъ Пугачевъ,
Подъ именемъ покойнаго Петра...

КНЯЖНА.

Россія къ самозванцамъ легковѣрна.

МОРАВСКАЯ.

Отъ искры на Яикѣ разгорѣлось
Чудовищное пламя, и пожаръ
Объялъ ужъ все Поволжье. Къ мятежу
Крестьяне всѣ пристали и башкирцы,
А также черемисы и мордва
И даже ханъ киргизскій. Полчищъ тьма.
Ужъ сколько крѣпостей разбито ими,
Селеній сожжено, усадьбъ дворянскихъ!
И сколько звѣрствъ, убійствъ и грабежа!
Правительства войска разбиты съ Каромъ,
И вскорѣ Оренбургъ падетъ навѣрно.
Тогда мятежъ еще грознѣе станетъ
И, можетъ быть, Россію потрясетъ.
А это намъ совсѣмъ развяжетъ руки.

КНЯЖНА.

Понятна мнѣ событій этихъ важность
Для Польши угнетенной..

МОРАВСКАЯ.

Намъ на счастье,
И Швеція войной грозитъ Россіи,
И Франція въ Тулонѣ флотъ готовитъ,
Чтобъ Турціи помочь.

КНЯЖНА.

Со всѣхъ сторонъ
Заходятъ надъ Россіей грозно тучи.

МОРАВСКАЯ [значительно].

Событія сложились въ вашу пользу...

КНЯЖНА.

Въ мою?!.. Но я при чемъ же тутъ, графиня?

МОРАВСКАЯ.

Узнаете вы вскорѣ. Ожидаетъ
Такая новость васъ!..

КНЯЖНА.

Какая новость?!

МОРАВСКАЯ [уклончиво].

Извѣстно мнѣ не все... Вамъ панъ Доманскій
Все дѣло изложить уполномоченъ
Какъ княземъ Радзивилломъ, такъ и всѣми.

КНЯЖНА.

Теряюсь я въ догадкахъ—въ чемъ же дѣло?

МОРАВСКАЯ.

Покажутся вамъ вѣсти эти сказкой
Изъ міра сладкихъ грезъ и сновъ волшебныхъ;
Но должное судьбѣ настало время
Вамъ, столько испытавшей, возвратить. [Встаетъ].
Принцесса, до свиданья! Я спѣшу.
Мы съ княземъ Радзивилломъ во главѣ
Къ вамъ явимся съ сердечнымъ поздравленьемъ...

КНЯЖНА.

По случаю чего? Прошу васъ очень
Не мучить неизвѣстностью меня.
Скажите...

МОРАВСКАЯ [прерываетъ].

Панъ Доманскій все вамъ скажетъ.
Онъ явится, быть можетъ, къ вамъ сегодня.
Отъ васъ онъ безъ ума, какъ всѣ мужчины.
Извѣстна власть того очарованья,
Которая ихъ сразу покоряетъ
И дѣлаетъ рабами вашей воли.
Вы такъ прелестны! [Цѣлуетъ ее].

КНЯЖНА.

Милая графиня,
Вы слишкомъ снисходительны ко мнѣ.

[Провожаетъ уходящую Моравскую до двери и возвращается въ задумчивости].

Какую мнѣ они откроютъ тайну
Судьбы моей?.. Я съ самыхъ раннихъ лѣтъ
Вращалась въ вихрѣ пестрыхъ впечатлѣній,
Волшебной смѣны мѣстъ и лицъ. Но это
Меня не угнетало. Я стремилась
Въ мечтахъ честолюбивыхъ къ новой жизни,
Въ исканьѣ безотчетномъ блеска, власти
И съ вѣрой страстной въ счастье и любовь.
И вотъ принцесса я и вскорѣ стану
Владѣтельною Лимбурга княгиней...
Но будущность другую предрекаютъ
Друзья мои... «Изъ міра сладкихъ грезъ
И сновъ волшебныхъ» будетъ новость эта...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Княжна и князь Лимбургскій.

КНЯЗЬ.

Простите! Я разгнѣвалъ васъ, Алина. [Нѣжно цѣлуетъ ея руки].
Любовь мнѣ дастъ забвеніе всему,
Что въ прошломъ есть дурного въ жизни вашей.
И станете моею вы супругой
Предъ Богомъ и людьми, хотя бъ весь свѣтъ
Пошелъ наперекоръ моимъ желаньямъ.

КНЯЖНА.

До брака васъ со мною не допустятъ
Родные ваши, папа, можетъ быть...

КНЯЗЬ.

А въ случаѣ преградъ неодолимыхъ
Готовъ я отказаться отъ престола,
Европу я готовъ для васъ покинуть...

КНЯЖНА [съ усмѣшкой].

Не въ Персію ль со мной хотите вы
Совсѣмъ уѣхать, послѣ отреченья,
Не вѣря въ то, что мой персидскій дядя
Не вымышленъ, а точно существуетъ?
Не въ Персію мой путь лежитъ отсюда,
Скорѣе въ Петербургъ...

КНЯЗЬ.

Туда? Зачѣмъ?!

КНЯЖНА.

Какъ знать—зачѣмъ?.. Давно судьбой моею
Таинственная воля управляетъ..
Загадочнаго много въ прежней жизни
И въ будущемъ, я чувствую, моемъ...

КНЯЗЬ [вспыльчиво].

Таинственность и эти ожиданья...

КНЯЖНА [прерываетъ].

Всегда васъ раздражаютъ.

КНЯЗЬ.

Да. Еще бы!
Я знаю, что на васъ имѣютъ виды
Въ расчетахъ политическихъ поляки...

КНЯЖНА [холодно].

Не разъ просила я, чтобъ вы про это
Со мной не говорили никогда!

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, стану! и интригъ не допущу,
Которыя васъ только унижаютъ!
Извѣстно, что поляки-эмигранты
Въ Парижѣ на Россію умышляютъ,
Стараясь ей чѣмъ можно повредить.
И вы нужны имъ въ тѣхъ же хитрыхъ цѣляхъ.
Игрушкой быть въ рукахъ интриги польской —
Ужели это васъ не возмущаетъ?
Но бракъ со мной всему конецъ положитъ
И васъ освободитъ отъ этой роли.
Пусть этотъ незнакомецъ изъ Мосбаха,
Который здѣсь бывалъ у васъ тайкомъ,
Сюда не кажетъ глазъ! Отъ Радзивилла,
Я знаю, онъ, зовутъ его — Доманскій.

КНЯЖНА [сухо].

Я стану принимать, кого хочу.
Вы знаете отлично это сами.

Я васъ люблю и вами дорожу,
Но больше дорожу своей свободой.
И это васъ запомнить я прошу.

КНЯЗЬ.

Еще бы нѣтъ! Характеръ вашъ извѣстенъ.
Вы можете повѣрить всякой лести.
Она кружитъ вамъ голову всегда.
Вы съ жадностью ухватитесь за все,
Что ваше честолюбіе затронетъ.
Тогда, себя не помня, вы готовы
На всякій рискъ, на всякое безумство!

КНЯЖНА.

Да, къ счастью, я робости не знаю.

КНЯЗЬ.

Отвага легкомыслію не въ помощь,
А въ явный вредъ!

[Уходитъ раздраженный].

КНЯЖНА.

Дѣйствительность, однако,
Не въ пользу вашихъ мнѣній, милый князь.
Звѣзда моя не меркнетъ, а восходитъ.
Въ васъ ревность говоритъ. Она возможна.
Вы правы, что въ порывѣ увлеченья
Безсильна я. Жизнь въ сердце мнѣ вливаетъ
Любви и наслажденій сладкій ядъ.
И власти ихъ оно всегда покорно,
Какъ солнцу все покорно на землѣ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Княжна и Фрицъ.

ФРИЦЪ.

Пріѣхалъ панъ Доманскій...

КНЯЖНА (съ живостью).

Ахъ, проси!

[Фрицъ, поклонившись, уходитъ].

Какая вѣсть?.. Еще страницу въ книгѣ
Судьбы моей откроютъ мнѣ, быть можетъ!..
Волнуюсь я невольно...

[Входящему].

Панъ Доманскій!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Княжна и панъ Доманскій.

ДОМАНСКІЙ [почтительно цѣлуетъ ея руку].

Я къ вашему высочеству посломъ
Отъ князя Радзивилла.

КНЯЖНА.

Очень рада.
Ждала васъ съ нетерпѣньемъ, панъ Доманскій.

ДОМАНСКІЙ.

Я счастливъ, что мнѣ выпало на долю
Великую вамъ правду возвѣстить.
Я счастливъ, что изъ устъ моихъ впервые
Услышать вы изволите про то,
Что тайною для васъ священной было.
Узнайте же, что дочь императрицы
Россійской—вы.

КНЯЖНА [поражена].

Я... дочь императрицы?!.

ДОМАНСКІЙ.

Вы — дочь Елизаветы[1]). Вашъ родитель —
Супругъ ея, фельдмаршалъ Разумовскій.
Вотъ то, что цѣпью всякихъ ухищреній
Отъ васъ доселѣ скрыто было. Вы—
Законная россійскаго престола
Наслѣдница, княжна Елизавета.

---

[1]) Настоящая дочь Елизаветы отъ брака съ Разумовскимъ носила имя Августы. Въ 1785 г. пострижена въ Ивановскомъ монастырѣ, въ Москвѣ, подъ именемъ Досиоеи. Скончалась 64 лѣтъ въ 1810 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

КНЯЖНА [усмѣхнулась].

Я чувствовала смутно, что къ чему-то
Давно меня готовитъ Радзивиллъ.
Теперь, въ чемъ дѣло, — ясно. Вы, поляки,
На замыслы, враждебные Россіи,
Ужъ слишкомъ смѣлы. Если въ вашихъ цѣляхъ
Ввести меня обманомъ въ заблужденье,
То жертвою интриги я не стану.

ДОМАНСКІЙ.

«Интриги» нѣтъ, а есть лишь ваше право,
Незыблемое право на престолъ
Имперіи Россійской. Васъ, смущая,
Обманомъ завлекать на путь невѣрный —
Да развѣ бъ мы посмѣли?! Развѣ я
Не ставлю выше жизни счастье ваше?

КНЯЖНА.

Любезныя и громкія слова,
Какихъ отъ васъ я слышала немало.

ДОМАНСКІЙ.

Слова ли только?

КНЯЖНА [раздумчиво].

Да, судьба моя
Загадками полна... Рожденья тайна...
Во мракѣ неизвѣстности, сомнѣній,
Событій странныхъ дѣтства, для меня
Мучительной оно загадкой было.
И вотъ мнѣ говорятъ: я — дочь царицы!..

ДОМАНСКІЙ.

О, въ этомъ нѣтъ ужъ болѣе сомнѣнья!

КНЯЖНА [нервно, съ волненіемъ].

Меня до глубины души волнуетъ
Въ судьбѣ моей такое откровенье...
Вопросъ всей жизни!.. Мыслью потрясенной
Обнять его не въ силахъ сразу я...
Довѣриться блестящему миражу
Величія и власти — роковой
Быть можетъ шагъ, и кто теперь мнѣ скажетъ,

Куда онъ приведетъ меня?... Корона!
Да, блескъ ея величественъ, прекрасенъ!
Я имъ ослѣплена. Но путь къ престолу
Такъ труденъ, такъ опасенъ!..

ДОМАНСКІЙ.

Въ васъ самихъ
Помимо вашихъ правъ, залогъ успѣха.
Вашъ умъ блестящій, смѣлость и отвага,
При вашей красотѣ и обаяньѣ,
Которое плѣняетъ всѣ сердца, —
Не лучшая ль гарантія успѣха?
Сама природа дивно васъ надъ всѣми
Возвысила, избранницу свою.
И вамъ ли не достигнуть славной цѣли,
Указанной судьбою вамъ?

КНЯЖНА.

Не знаю.
Попасть въ водоворотъ борьбы ужасной,
Быть можетъ, на погибель...

ДОМАНСКІЙ.

Въ насъ опору
Имѣете вы твердую. И все
Теперь благопріятно вамъ въ Европѣ,
Въ самой Россіи. Медлить невозможно.
Мы быстро путь очистимъ вамъ къ престолу,
И первый я — клянусь моею честью —
Для этой цѣли жизни не щадить! [Ставъ на колѣно, цѣлуетъ ея руку].

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и князь Лимбургскій.

КНЯЗЬ [гнѣвно].

Какая дерзость! Панъ Доманскій, вы
У ногъ моей невѣсты съ объясненьемъ!!

ДОМАНСКІЙ [вставая].

Я ницъ передъ величіемъ склонился,
Привѣтствуя россійскаго престола
Наслѣдницу и дочь императрицы.

КНЯЗЬ [княжнѣ, гнѣвно].

Не вѣрьте имъ! Надѣюсь, польскихъ бредней
Довольно съ васъ!

ДОМАНСКІЙ [высокомѣрно].

Святая правда это,
Не «бредни», князь!

КНЯЗЬ [ѣдко].

Ха-ха! [княжнѣ].
Остерегитесь!
Безумно довѣрять себя интригѣ
И замысламъ политики коварной!

КНЯЖНА [глядя передъ собой, не обращая на него вниманія].

Я — дочь императрицы. Мнѣ вдали
Престолъ россійскій царственно сіяетъ.
Пусть труденъ путь, но твердою стопой
Итти къ нему мнѣ долгъ повелѣваетъ.

КНЯЗЬ.

Опасная и дерзкая игра,
Въ которой проиграть всего вѣрнѣе!

ДОМАНСКІЙ [восторженно].

Да здравствуетъ россійскаго престола
Законная наслѣдница! Vivat!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Дѣйствующія лица.

Княжна.
Князь Карлъ Радзивиллъ.
Графъ Потоцкій.
Графъ Пржездецкій, староста минскій.
Доманскій, **Чарномскій**, **Квятковскій**, **Ковальскій** — польскіе офицеры изъ конфедератовъ.
Микошта, секретарь князя Радзивилла.
Баронъ Кнорръ, гофмаршалъ двора княжны.
Аббатъ Бернарди.
Де-Беранкуръ, французскій офицеръ.
Гассанъ, **Мехметъ** — капитаны судовъ изъ Варварійскихъ владѣній султана.
Графиня Моравская.

Дамы, польскіе и французскіе офицеры.

СЦЕНА: пышный залъ въ домѣ французскаго посольства при Венеціанской республикѣ. Лѣвый уголъ въ глубинѣ составляетъ полукруглый выступъ, въ видѣ фонаря, съ большими окнами, изъ которыхъ видъ на каналъ и панораму города. Въ лѣвой стѣнѣ два окна. Въ широкомъ простѣнкѣ между ними возвышеніе, на которомъ золоченое кресло. Двери въ глубинѣ и направо. Дѣйствіе происходитъ въ Венеціи, въ маѣ 1774 года.

ЯВЛЕНІЕ I.

[На сценѣ] **Квятковскій, Ковальскій, Де-Беранкуръ, Гассанъ, Мехметъ** и нѣсколько польскихъ и французскихъ **офицеровъ.** [Входятъ] **Чарномскій** и **баронъ Кнорръ.**

ЧАРНОМСКІЙ.

Сегодня здѣсь торжественный пріемъ.
Не правда ль, господинъ гофмаршалъ?

КНОРРЪ.

Да.

[Продолжаютъ разговоръ тихо].

КВЯТКОВСКІЙ.

А кто гофмаршалъ этотъ?

КОВАЛЬСКІЙ.

Присланъ къ намъ
Отъ Лимбургскаго князя для надзора.

КВЯТКОВСКІЙ.

Но птичка улетѣла. Безполезны
Тутъ аргусы.

КОВАЛЬСКІЙ.

Зато полезны деньги,
Откуда бъ ихъ ни взять. А Кнорръ, конечно,
Явился не съ пустымъ сюда карманомъ.

[Смѣясь отходятъ].

ЧАРНОМСКІЙ [Кнорру].

Подъ именемъ графини Пиннебергъ
Извѣстна здѣсь, въ Венеціи, княжна.
Но кто она — для всѣхъ уже не тайна.
Наслѣдница россійскаго престола
Всеобщій интересъ и массу толковъ
Успѣла возбудить вездѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Микошта [входитъ на послѣднія слова].

МИКОШТА [пожимая руку Чарномскому].

Къ тому же
Княжна такою блещетъ красотою,
Что взоры всѣхъ невольно привлекаетъ.

ЧАРНОМСКІЙ.

А турки эти кто?

КНОРРЪ.

Гассанъ, Мехметъ,
Судовъ, стоящихъ въ портѣ, капитаны
Султана изъ владѣній Варварійскихъ. [Уходитъ].

МИКОШТА.

Одинъ изъ нихъ готовъ въ Константинополь
Отсюда насъ съ княжною увезти.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же безъ Кнорра и аббатъ Бернарди.

МИКОШТА.

А, патеръ!
[Бернарди здоровается съ нимъ и Чарномскимъ].

ЧАРНОМСКІЙ.

Что же, графъ Огинскій къ намъ
Пріѣдетъ изъ Парижа?

АББАТЪ.

Графъ?... Не знаю.

МИКОШТА.

Онъ слишкомъ остороженъ.

АББАТЪ.

Можетъ быть.
Едва ль вы осторожность назовете
Порокомъ. Вообще я говорю,
Къ тому, что здѣсь, отнюдь не примѣняя.

ЧАРНОМСКІЙ.

Но онъ ужъ при дворѣ Версальскомъ больше
Посломъ не состоитъ. Теперь Вьельгорскій
Посломъ тамъ нашимъ. Графъ Огинскій могъ бы
Припомнить кое-что. Онъ былъ въ Парижѣ
Поклонникомъ счастливымъ...

КВЯТКОВСКІЙ [подвернувшійся съ Ковальскимъ, тихо послѣднему].

На княжну
Аббату намекаетъ панъ Чарномскій.

ЧАРНОМСКІЙ.

И вы, аббатъ, какъ близкій графу, знали...

АББАТЪ [прерываетъ].

Не зналъ я ничего и знать не могъ.
Воспитывалъ племянниковъ я графа
И этимъ былъ всецѣло поглощенъ. [Отходитъ].

КВЯТКОВСКІЙ [тихо].

Она съ Доманскимъ, кажется, въ амурахъ.

КОВАЛЬСКІЙ.

Пока не приглянулся ей другой.
[Засмѣялись и отходятъ].

ЧАРНОМСКІЙ.

А графъ Огинскій здѣсь намъ нуженъ.

МИКОШТА.

Очень.

ЧАРНОМСКІЙ.

Что Бибиковъ, разбившій Пугачева,
Дѣйствительно... скончался?

МИКОШТА.

Умеръ, да.

ЧАРНОМСКІЙ.

Есть слухъ, что онъ отравленъ...

МИКОШТА.

Можетъ быть.
Не намъ его оплакивать, конечно.
Отъ Волги до Сибири Пугачевъ
Опять теперь всесиленъ.

ЧАРНОМСКІЙ.

У него
Въ войскахъ конфедератовъ нашихъ много.
Въ союзѣ съ Пугачевымъ намъ удобнѣй
Великую княжну Елизавету
На дѣдовскомъ престолѣ утвердить.

МИКОШТА [аббату, подошедшему на послѣднія слова].

Что вы сказать изволите на это?

АББАТЪ.

Въ политикѣ не право важно — сила.
Лишь выгода преслѣдуется всѣми.
Предъ нею все ничтожно: справедливость,
И долгъ, и честь и чувство состраданья.

ЧАРНОМСКІЙ.

Тому примѣръ — раздѣлъ отчизны нашей.

АББАТЪ.

Умѣніе событія предвидѣть,
Возвыситься надъ общимъ кругозоромъ —
Тѣхъ геніевъ удѣлъ, которымъ міръ
Крупнѣйшими событьями обязанъ.
И въ вашемъ дѣлѣ, столь для васъ серьезномъ,
Важнѣй всего — имѣйте дальновидность.
Избави Богъ, въ расчетахъ на удачу,
Ввѣряться слѣпо случаю. Имъ надо
Съ упорствомъ хладнокровнымъ управлять.

КВЯТКОВСКІЙ [подошедшій съ Ковальскимъ, хвастливо].

Отвага беззавѣтная и храбрость —
Вотъ сила наша, патеръ. Съ смѣлымъ Богъ!

КОВАЛЬСКІЙ.

Вы польской рати равную на свѣтѣ
Не сыщете, любезный патеръ. Мы
Одни побѣды знаемъ!

АББАТЪ.

Если такъ,
Судьба страны мнѣ вашей не понятна.
[Отходя съ подошедшимъ къ нему де-Веранкуромъ].
О Боже! до чего они хвастливы!
Вы слышали?

ДЕ-ВЕРАНКУРЪ [кивнувъ головою].

Я ихъ отлично знаю.
Чтобъ Барскихъ поддержать конфедератовъ,

Имъ Франція давала много денегъ
И даже офицеровъ. Въ ихъ числѣ
Имѣлъ несчастье быть въ войскахъ я польскихъ
И видѣлъ всю разнузданность насилій,
Которыми войска конфедератовъ
Свою жъ страну безжалостно терзали.
А ихъ паны-начальники въ разгулѣ
И въ мелкихъ дрязгахъ время проводили,
За пьянствомъ, волокитствомъ и игрой,
Пока не отрезвилъ ихъ всѣхъ Суворовъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же. Входятъ **графъ Потоцкій** [въ лентѣ], **графъ Пржездецкій** и въ концѣ **баронъ Кнорръ.**

МИКОШТА [къ окружающимъ].

Пріѣзжіе: Пржездецкій, графъ Потоцкій...

[Идетъ ихъ привѣтствовать, что раболѣпно дѣлаютъ и другіе поляки].

ПОТОЦКІЙ.

Я князя Радзивилла здѣсь не вижу.

МИКОШТА.

Онъ здѣсь, съ ея высочествомъ княжною. [Уходитъ].

ПРЖЕЗДЕЦКІЙ [пожимая руку Чарномскому].

Вы тутъ давно?

ЧАРНОМСКІЙ.

Я съ Бриксена ужъ въ свитѣ
Княжны, съ Доманскимъ вмѣстѣ и другими.

ПОТОЦКІЙ.

Мы слышали, что было колебанье...
Что къ частной жизни, къ Лимбургу хотѣла
Княжна вернуться. Правда?

ЧАРНОМСКІЙ.

Да, хотѣла.
Вліялъ Горнштейнъ, другъ Лимбургскаго князя.
Но это колебанье панъ Доманскій
Успѣшно отклонилъ и навсегда.

ПРЖЕЗДЕЦКІЙ.

Увѣрены вы въ этомъ?

ЧАРНОМСКІЙ.

Совершенно.
Теперь княжна такъ страстно нашимъ дѣломъ,
Сгорая честолюбьемъ, занята,
Что мѣста колебаньямъ и сомнѣньямъ
Ужъ нѣтъ.

ПОТОЦКІЙ.

Зашли мы слишкомъ далеко,
Чтобъ кончилось ничѣмъ все дѣло наше. [Отходитъ съ Пржездецкимъ].
Помѣстья Радзивилла подъ секвестромъ.
Амнистію отвергъ онъ. Изъ Россіи
Доходы прекратятся. Я боюсь,
Что «панъ коханку» вскорѣ разорится.
Тогда безъ средствъ княжнѣ придется плохо.

ПРЖЕЗДЕЦКІЙ.

Посмотримъ! При особѣ претендентки
Ничто не держитъ насъ. Уйти успѣемъ.

[Въ смежномъ помѣщеніи хоръ музыки играетъ торжественный польскій маршъ. Общее движеніе].

КНОРРЪ [входя].

Сейчасъ ея высочество изволитъ
Пожаловать сюда. Прошу для встрѣчи
Мѣста занять. Прошу васъ, господа!

[Размѣщаетъ присутствующихъ и отходитъ къ дверямъ, которыя распахнулись].

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же. Входитъ **княжна,** въ мантіи и бриліантовой діадемѣ. Княжну водетъ подъ руку **князь Радзивиллъ,** въ богатомъ національномъ костюмѣ и въ лентѣ. За ними **Доманскій** подъ руку съ графиней **Моравской.** За ними нѣсколько **дамъ, офицеровъ** и **Микошта.** Всѣ почтительно склоняются при входѣ княжны. **Кн. Радзивиллъ** ведетъ ее къ креслу на возвышеніе и почтительно цѣлуетъ ея руку.

ВСѢ.

Да здравствуетъ великая княжна!!...

[Княжна дѣлаетъ поклонъ и садится. Музыка умолкаетъ].

РАДЗИВИЛЛЪ.

Позвольте вамъ представить вновь прибывшихъ,
Вамъ преданныхъ сыновъ отчизны нашей. [Подводитъ Потоцкаго].
Панъ графъ Потоцкій.

[Потоцкій цѣлуетъ руку княжны].

КНЯЖНА.

Васъ въ числѣ друзей
Сердечно рада видѣть, графъ Потоцкій.

РАДЗИВИЛЛЪ.

Панъ графъ Пржездецкій.

[Пржездецкій цѣлуетъ ея руку].

КНЯЖНА.

Слышу я еще
Одно изъ дорогихъ именъ для Польши.
Я счастлива васъ видѣть, графъ Пржездецкій.

РАДЗИВИЛЛЪ.

Monsieur де-Беранкуръ, французской службы
Достойный капитанъ. Сражался въ Польшѣ.

[Де-Беранкуръ цѣлуетъ руку княжны].

КНЯЖНА.

Въ числѣ конфедератовъ? Очень рада.

[Всѣ остальные присутствующіе, исключая аббата и турокъ, подходятъ и цѣлуютъ руку княжны].

РАДЗИВИЛЛЪ [выступаетъ по окончаніи цѣлованія руки].

Позвольте отъ себя и здѣсь стоящихъ
Мнѣ вашему высочеству открыто
Тѣ чувства изложить и упованья,
Которыя волнуютъ намъ сердца.
Вы посланы великимъ Провидѣньемъ
На помощь нашей родинѣ несчастной.
Мы видимъ героиню въ васъ и вѣримъ,
Что къ славѣ путь открыть судьбою вамъ.
У вашего высочества одни
Враги съ отчизной нашей. За права
Какъ ваши, такъ и Польши угнетенной
Въ борьбу непримиримую мы вступимъ,
Пока не возвратимъ короны вамъ,
А Польшѣ правъ ея и всѣхъ владѣній,
Отторгнутыхъ раздѣломъ незаконнымъ.
Тому виной Россія...

КВЯТКОВСКІЙ [прерываетъ].

И король,
Ея слуга покорный!

КОВАЛЬСКІЙ.

Польшу предалъ
Россіи онъ, когда надѣлъ корону!

ПРЖЕЗДЕЦКІЙ.

За то, чтобы на тронѣ удержаться,
Онъ больше былъ готовъ отдать!

КВЯТКОВСКІЙ.

Врага
Другого Польша злѣе не имѣла!

ДОМАНСКІЙ.

За то съ престола свергнутымъ объявленъ
Онъ былъ конфедераціей.

ПОТОЦКІЙ.

Что пользы?

РАДЗИВИЛЛЪ.

А кѣмъ, какъ не Россіей, Понятовскій,
На горе намъ, посаженъ королемъ?
То подкупомъ, то силою Россія
Хозяйничала въ Польшѣ ужъ давно.
Посолъ Екатерины, князь Репнинъ,
У насъ распоряжался полновластно,
Какъ въ вотчинѣ своей. За диссидентовъ,
Чтобъ дать права съ католиками имъ
У насъ одни и тѣ же, князь Репнинъ
Въ тюрьму ввергалъ епископовъ, магнатовъ,
Имѣнья ихъ секвестру подвергая,
Хоть папа [1]) самъ былъ противъ диссидентовъ
И въ духѣ томъ посланіе издалъ.

ПОТОЦКІЙ.

А кто причиной? Русскіе средь насъ
Всегда «своихъ», подкупленныхъ имѣли.
«Россійскихъ партизановъ» кличка имъ
Дана была самой Екатериной
И первымъ Чарторыйскимъ.

---

[1]) Климентъ XIII.

ДОМАНСКІЙ.

За враговъ
Отчизны Чарторыйскихъ мы считаемъ.
Наслѣдственный король, отмѣна veto,
Республики чтобъ вольность уничтожить,—
Вотъ планы были ихъ!..

ГОЛОСА.

Мы знаемъ! знаемъ!..

РАДЗИВИЛЛЪ.

Кто русскія войска привелъ въ Литву,
Когда мы за Браницкаго стояли,
Желая возвести его на тронъ?
То были Чарторыйскіе.

ПРЖЕЗДЕЦКІЙ.

Позвольте!
Саксонскій принцъ, сынъ Августа, одинъ
Права имѣлъ на польскую корону.

ДОМАНСКІЙ.

Но кстати ли теперь объ этомъ спорить?

ПРЖЕЗДЕЦКІЙ [ѣдко].

Прошу прощенья! Къ слову я сказалъ.
Почтительнѣйше слушаю.

РАДЗИВИЛЛЪ.

Мы въ спорахъ,
У насъ обычныхъ, дѣло забываемъ.
[Къ княжнѣ].
Тогда въ защиту попранной свободы
Сошлись конфедераты въ Баръ. Красинскій
Съ Пулавскимъ во главѣ отважныхъ стали,
И вскорѣ разлилось по всей странѣ
Возстанье на враговъ...

ДЕ-ВЕРАНКУРЪ.

Свою жъ страну
Войска конфедератовъ грабить стали.

ЧАРНОМСКІЙ [пылко].

Не правда! клевета!

ДЕ-ВЕРАНКУРЪ.

Къ несчастью, правда!

КВЯТКОВСКІЙ [кричитъ].

Какъ смѣетъ онъ про Барскихъ патріотовъ
Такъ худо говорить!

ДОМАНСКІЙ [внушительно].

Французъ. Оставьте!

ДЕ-ВЕРАНКУРЪ.

Я въ ихъ рядахъ сражался самъ и знаю.
И Порту на войну тогда съ Россіей
Не Барскіе мятежники подняли,
А Франція, нашъ герцогъ Шуазёль,
Да Кауницъ. А вашъ мятежъ безумный
Былъ главною причиною того,
Что Польшу всѣ сосѣди подѣлили.

КВЯТКОВСКІЙ [кричитъ].

Позвольте! Это дерзость!

РАДЗИВИЛЛЪ [возвышая голосъ].

Перестаньте!
Оставьте споръ! Забыли, кто предъ вами!
Гдѣ должное почтенье къ той особѣ,
Которой предстоитъ владѣть Россіей
И Польшу къ прежней славѣ возвратить?!

ПОТОЦКІЙ [сдержанно]

По поводу раздѣла бѣдной Польши [1])
Я нѣсколько лишь словъ себѣ позволю.
Мы знаемъ въ этомъ дѣлѣ роль Россіи,
Но Австрія и Пруссія, пожалуй,
Еще коварнѣй съ нами поступили.
Въ войну Россіи съ Турціей вмѣшались
Посредничать они, чтобъ легче было
Изъ Польши имъ урвать себѣ куски.
Коварный Фридрихъ Прусскій ужъ давно
Точилъ на Польшу зубы, предвкушая
Захватъ ея земель въ свое владѣнье.
Поэтому врагомъ онъ былъ всегда
Разумныхъ мѣръ на благо Польши.

[1]) Рѣчь идетъ о первомъ раздѣлѣ Польши, бывшемъ въ 1772 году.

КНЯЖНА [встаетъ].

Правда.
Но это лишь политику Россіи
Въ весьма печальномъ видѣ представляетъ.
И тѣмъ труднѣй теперь поправить дѣло,
Что Кауницъ и Фридрихъ такъ сумѣли
Безъ всякихъ жертвъ Россію обойти.
При матери моей, Елизаветѣ,
Не такъ велись дѣла въ былые годы.
Отечество мое на путь опасный
Къ погибели ведутъ такіе люди,
Которымъ довѣрять судьбу Россіи,
Услугами платя имъ за услугу,
Правительство случайное лишь можетъ.
Но тронъ Петра Великаго не долженъ
Быть занятъ иноземною принцессой.
Какъ внука славной памяти Петра,
Я больше правъ на тронъ его имѣю,
И долгъ мой въ томъ, чтобъ ихъ возстановить.

РАДЗИВИЛЛЪ.

Вамъ Богъ поможетъ въ вашемъ правомъ дѣлѣ.
Вся Польша за него возстанетъ съ вами.
Во Франціи и Турціи имѣя
Союзниковъ надежныхъ, можемъ мы
На вѣрную разсчитывать побѣду.
И близко время то, когда съ восторгомъ
Вручимъ мы скипетръ вамъ державы русской.

КНЯЖНА.

Коль Богъ поможетъ мнѣ надѣть корону
Имперіи Россійской, обѣщаю
Я Польшѣ возвратить ея владѣнья
И всѣ ея права возстановить
И вольности священныя. Да будетъ
Всевышняго надъ ней благословенье
И слава, благоденствіе и миръ!

[Уходитъ при кликахъ: «vivat!» «да здравствуетъ княжна Елизавета!» Ее сопровождаютъ Радзивиллъ, Микошта и дамы. Присутствующіе разбились на группы].

ПОТОЦКІЙ.

А въ роль она вошла!

ПРЖЕВДЕЦКІЙ.

Она умна,
Находчива, ловка и энергична.

ПОТОЦКІЙ.

И правду говорили, что красива.

КВЯТКОВСКІЙ [задорно].

Я этого француза проучу
За дерзость и нахальство!

ДОМАНСКІЙ.

Перестаньте!
До ссоръ ли намъ въ серьезномъ нашемъ дѣлѣ!

АББАТЪ.

Что скажете, monsieur де-Беранкуръ?

ДЕ-БЕРАНКУРЪ.

Мнѣ кажется, комедія все это.

АББАТЪ.

Не даромъ графъ Огинскій не пріѣхалъ,
Хоть здѣсь его особенно желали!

КНОРРЪ [громко]

На балъ ея высочество васъ проситъ
Пожаловать сегодня, господа.

[Всѣ уходятъ, за исключеніемъ Чарномскаго и Доманскаго].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Чарномскій и Доманскій.

ЧАРНОМСКІЙ

[обнявъ Доманскаго за талію, ходитъ съ нимъ взадъ и впередъ].

Послушай, другъ! Я долженъ откровенно
Съ тобой поговорить.

ДОМАНСКІЙ.

О чемъ?

ЧАРНОМСКІЙ.

Ты слишкомъ
Серьезно увлеченъ. Съ твоей натурой
Опасно это. Прежде равнодушнѣй
И легче ты смотрѣлъ на дѣло.

ДОМАНСКІЙ.

Да.
Интригою случайною сначала
Считалъ я эту связь, но вскорѣ понялъ,
Что было это грубымъ заблужденьемъ.
Княжна полна такихъ очарованій,
Такъ много обаятельнаго въ ней,
Въ умѣ ея, и въ нѣжности, и въ страсти,
Что связанъ я теперь навѣки съ нею,
И жизнь моя—дѣлить ея судьбу.

ЧАРНОМСКІЙ.

Чего я такъ боялся! Жаль сердечно
Тебя, мой другъ! Ея непостоянство
Одно ужъ причинитъ тебѣ страданій
Не больше ли, чѣмъ стоитъ эта страсть!

ДОМАНСКІЙ.

Княжна идетъ.

ЧАРНОМСКІЙ.

Прими совѣтъ мой къ сердцу.

[Поклонившись входящей княжнѣ, уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Доманскій и княжна [безъ мантіи].

КНЯЖНА.

Скажите, отчего, мой рыцарь вѣрный,
Вы сумрачны? Вы мною не довольны?

ДОМАНСКІЙ.

Не нравится мнѣ этотъ блескъ мишурный.
Онъ слишкомъ увлекаетъ васъ. Безпечны
И веселы вы, чуждая сомнѣній,
А мы еще отъ цѣли далеки.

Мы въ средствахъ стѣснены и зря бросаемъ
На вздоръ здѣсь кучи золота. У насъ
Изъ Франціи, изъ Польши набралась
Тутъ цѣлая толпа авантюристовъ,
Заносчивыхъ, задорныхъ крикуновъ,
Людей порочныхъ, съ совѣстью продажной
И дѣлу больше вредныхъ, чѣмъ полезныхъ...

КНЯЖНА.

Но внѣшность въ положеніи моемъ
Огромное значеніе имѣетъ.
Чѣмъ ярче, чѣмъ пышнѣй она, тѣмъ больше
Кричатъ, интересуются. Молва
Предшествовать повсюду будетъ мнѣ,
Въ моихъ же интересахъ. Это ясно.
А эти господа, мой дворъ «мишурный»,
Ихъ споры, ихъ задоръ, соревнованье—
Смѣшны и только. Замкнуты вы очень,
Одной поглощены идеей...

ДОМАНСКІЙ.

Вами
И вашею судьбой. Въ душѣ моей
Другихъ нѣтъ чувствъ и нѣтъ другой заботы.

КНЯЖНА

[протягивая ему руку, которую онъ цѣлуетъ].

Да, если бы не вы, на подвигъ смѣлый
Могла я не рѣшиться.

ДОМАНСКІЙ.

Тѣмъ важнѣе
Отвѣтственность моя, суровѣй долгъ.
Въ шумихѣ развлеченій, болтовни
О будущемъ величіи, успѣхахъ,
Мы тратимъ время, дѣло забывая.
Теперь какъ разъ моментъ благопріятный
Вамъ прямо заявить свои права.
Намъ нужно поспѣшить въ Константинополь.
Оттуда къ русской арміи съ воззваньемъ
Открыто обратиться нужно вамъ.
Измѣнчивы, какъ въ небѣ облака,
Событія въ политикѣ. Сегодня
Полезно то, что вредно будетъ завтра.

Нашъ планъ такъ труденъ, дерзокъ, такъ громаденъ,
Что тысячи препятствій побороть
Придется намъ, пока достигнемъ цѣли.

КНЯЖНА.

Я знаю это. Разъ ужъ я рѣшилась
Вступить на этотъ путь, гляжу безъ страха
Въ грядущее, рискуя всѣмъ на свѣтѣ.

ДОМАНСКІЙ.

Какъ я для васъ и вашей славы.

КНЯЖНА.

Знаю
И всей душой люблю за это васъ,
Ревнивый мой ворчунъ.

ДОМАНСКІЙ.

Ужъ и ревнивый!

КНЯЖНА.

А кто меня въ кокетствѣ упрекаетъ,
Въ интригахъ легкомысленныхъ, не вы ли?
Я вспомнила невольно Оберштейнъ
И сцены съ княземъ Лимбургскимъ. Онъ, бѣдный,
Сюда мнѣ пишетъ страстныя посланья,
Упрашивая стать его женой.
И вы, какъ онъ, ревнивы...

ДОМАНСКІЙ.

Я ль виновенъ,
Что чувство это стало мнѣ знакомо?

КНЯЖНА.

Я страсть къ себѣ ни въ комъ не поощряю.

ДОМАНСКІЙ.

До перваго каприза.

КНЯЖНА.

Что та-ко-е?!

ДОМАНСКІЙ.

Простите! Я безумецъ. Сами вы
Больного мѣста нашихъ отношеній

Касаетесь, когда всѣ силы духа
Для вашего же дѣла мнѣ нужны.

КНЯЖНА.

Для Польши столько жъ, сколько для меня.
На это я глаза не закрываю.

ДОМАНСКІЙ.

Увы! отступникъ я. Мнѣ ваше счастье
Дороже счастья родины моей.
Дороже, да!

КНЯЖНА [цѣлуя его].

Тебѣ я вѣрю, милый!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и князь Радзивиллъ [съ пакетомъ].

Вотъ важный документъ тотъ, о которомъ
Мы съ вами говорили: завѣщанье.

КНЯЖНА.

А-а, матери моей, императрицы?

РАДЗИВИЛЛЪ.

А также дѣда вашего Петра,
Еще Екатерины, бабки вашей. [Достаетъ изъ пакета документы].
Тутъ съ трехъ духовныхъ копіи, и всѣ
Наслѣдницею русскаго престола
Васъ, внѣ сомнѣній всякихъ, утверждаютъ.

[Княжна просматриваетъ документы].

До лѣтъ, когда принять бразды правленья
Настанетъ время вамъ, Елизаветой
Назначенъ Петръ Голштинскій [1]) государствомъ
Россійскимъ управлять; а вы затѣмъ
Ужъ въ лѣтахъ совершенныхъ всенародно
Должны императрицей всероссійской
Быть признаны безспорно. Такова
Священная для васъ и русскихъ воля
Почившей вашей матери.

---

[1]) Императоръ Петръ III.

КНЯЖНА.

Теперь
Права мои для всѣхъ документально
Доказаны. При помощи Господней,
Я съ духомъ мощнымъ, съ благостію въ сердцѣ
Взойду на прародительскій престолъ.

РАДЗИВИЛЛЪ [торжественно].

Я вижу васъ въ коронѣ и порфирѣ
Сіяющей на тронѣ золотомъ,
Со скипетромъ, которому покорны
Мильоны вашихъ подданныхъ. Я слышу
Восторженные клики ликованья,
Которыми привѣтствуетъ народъ
Свою императрицу.

ДОМАНСКІЙ [нѣжно, глядя на нее съ восхищеньемъ].

Въ ореолѣ
Величія и дивной красоты,
Видѣньемъ лучезарнымъ предо мною
Стоите вы, когда я устремляю
Пытливый взоръ въ таинственную даль.

[За сценой слышно пѣніе хора, подъ звуки мандолинъ].

КНЯЖНА.

Что это?

[Доманскій отворяетъ окно въ фонарѣ. На каналѣ видна гондола съ пѣвцами].

РАДЗИВИЛЛЪ.

Серенада.

ДОМАНСКІЙ.

Вамъ съ гондолы,
Какъ гостьѣ дорогой морей царицы,
Поютъ венеціанцы свой привѣтъ.

[Княжна медленно идетъ къ окну въ сопровожденіи Радзивилла и слушаетъ пѣніе].

ЗАНАВѢСЪ [медленно опускается].

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Картина первая.

Дѣйствующія лица.

Княжна.
Князь Радзивиллъ.
Доманскій.
Чарномскій.
Квятковскій.
Ковальскій.
Воехевичъ, польскій офицеръ.
Микошта.
Аббатъ Бернарди.
Де-Беранкуръ.
Польскіе и французскіе **офицеры.**

Гостиная въ домѣ французскаго консула при Рагузской республикѣ. Двери: въ глубинѣ и направо, на веранду. Направо окна. Дѣйствіе происходитъ въ Рагузѣ, въ октябрѣ 1774 года.

ЯВЛЕНІЕ I.

Микошта разговариваетъ съ **де-Беранкуромъ.** Изъ задней двери входятъ **Воехевичъ** и два польскихъ **офицера.**

ВОЕХЕВИЧЪ.

Сегодня у княжны былъ завтракъ знатный!
Какія вина!

МИКОШТА.

Скоро прекратятся
Здѣсь наши пированья. «Панъ коханку»
Совсѣмъ безъ денегъ.

ВОЕХЕВИЧЪ.

Дастъ ихъ панъ Чарномскій.
Агатовыя кони въ Оберштейнѣ
Княжна ему въ залогъ отдать готова.
Доманскій все ужъ отдалъ, что имѣлъ.
Что деньги! Жизни онъ не пожалѣетъ
Для милой сердцу, бѣдный панъ. Она же
Отъ скуки, можетъ быть, ему съ Гассаномъ,
Турецкимъ капитаномъ, измѣняетъ.
А этотъ чортъ въ проклятую Рагузу
Завезъ насъ изъ Венеціи! Къ Царьграду
Нашъ путь лежалъ, а вовсе не сюда.

ДЕ-БЕРАНКУРЪ.

Гассанъ не виноватъ. Противный вѣтеръ
И бури насъ въ Рагузѣ бросить якорь
Заставили, къ несчастью. А про сплетни
Насчетъ княжны и турка стыдно вамъ
Злорадно говорить въ ея же домѣ! [Уходитъ въ заднюю дверь].

ВОЕХЕВИЧЪ [къ остальнымъ].

Не я одинъ. Въ газетахъ похожденья
Княжны зоилъ какой-то описалъ
Гораздо безпощаднѣй. Почитайте!

МИКОШТА.

О ней сенатъ Рагузскій донесенье
Отправилъ въ Петербургъ. Оттуда пишутъ,
Что дѣло тамъ считаютъ пустяками,
Безсмысленной затѣей «побродяжки»...

ВОЕХЕВИЧЪ.

Ну, это мы посмотримъ! На веранду
Пойдейте, господа, курить.

ОДИНЪ ИЗЪ ОФИЦЕРОВЪ.

Пойдемте!

[Воехевичъ и офицеры уходятъ направо].

ЯВЛЕНІЕ II.

Микошта, сѣвъ къ столу, просматриваетъ бумаги. Изъ задней двери входятъ **Квятковскій и Ковальскій,** подпившіе.

КВЯТКОВСКІЙ.

Намъ только бы добраться до Россіи.
А тамъ княжна, ужъ ставъ императрицей,
Богатство намъ и почести и знатность
Рукой разсыплетъ щедрою.

КОВАЛЬСКІЙ.

Еще бы!
Мой знатный родъ даетъ, конечно, право
Мнѣ ближе всѣхъ у трона стать царицы.

КВЯТКОВСКІЙ.

Напрасно ты кичишься славнымъ родомъ
И доблестными предками!

КОВАЛЬСКІЙ.

Напрасно?!

КВЯТКОВСКІЙ.

Твой родъ отъ мѣщанина происходитъ,
Который торговалъ старьемъ на рынкѣ,
А сынъ его у пана пасъ свиней.

КОВАЛЬСКІЙ.

А дѣдъ твой — воръ, грабитель. Какъ собаку,
Въ лѣсу его веревкой удавили!

КВЯТКОВСКІЙ.

Ты лжешь!

КОВАЛЬСКІЙ.

Нѣтъ, ты клевещешь подло, ты!

[Схватились за сабли. Подходитъ Микошта].

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и **Доманскій** [быстро входитъ на ссору].

ДОМАНСКІЙ.

Опомнитесь, паны! У мѣста ль ссора
Въ покояхъ у княжны! Вы гости здѣсь!

МИКОШТА.

Идите на веранду, прохладитесь!
За завтракомъ венгерское вино —
Не правда ли — ужъ слишкомъ крѣпко было?

[Выпроваживаетъ ихъ на веранду].

ДОМАНСКІЙ.

Вотъ такъ они всегда заводятъ ссоры!
Заносчивость, задоръ! Мы и въ дѣлахъ
Общественныхъ, въ вопросахъ важныхъ—тѣ же,
Какъ въ жизни частной!

МИКОШТА.

Ссоры и раздоры
На сеймахъ нашихъ, съ veto неизмѣннымъ,
Всегда ихъ «разрывали» безразсудно,
Отечеству во вредъ, врагамъ на пользу...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Микошта и **Доманскій**. Входятъ **княжна**, аббатъ **Бернарди**, **де-Беранкуръ** и нѣсколько офицеровъ.

КНЯЖНА [де-Веранкуру].

Мнѣ пишетъ изъ Парижа графъ Бюсси,
Что тамъ въ моемъ успѣхѣ нѣтъ сомнѣнья.
Въ салонахъ всѣ про это говорятъ.

ДЕ-ВЕРАНКУРЪ [пожимая плечами].

Быть можетъ... Я извѣстій изъ Парижа
Особенно отрадныхъ не имѣю...
Но вы хотѣли намъ про Пугачева
Подробности сказать...

КНЯЖНА.

Ахъ, да! Охотно.
Извѣстный Пугачевъ мнѣ братъ родной.
Отцемъ моимъ онъ прижитъ въ первомъ бракѣ,
А матери моей, императрицѣ,
Обязанъ братъ своимъ образованьемъ,
Которое въ Берлинѣ получилъ.
Еще тогда въ мою онъ пользу началъ
Тамъ дѣйствовать, насколько могъ. Онъ зналъ,
Что мнѣ престолъ завѣщанъ, что должна
По всѣмъ правамъ я быть императрицей.
Поднявъ мятежъ въ защиту угнетенныхъ,
Онъ главной цѣлью ставилъ возведенье
Меня на прародительскій престолъ.

АББАТЪ [съ тонкой усмѣшкой].

Казакъ простой, онъ неучъ, говорили,
Распутный человѣкъ, жестокій извергъ...
Какая клевета! Кому же знать
Всю правду, какъ не вамъ про Пугачева!
Изволили писать султану вы?

КНЯЖНА.

Писала, да, союзъ свой предлагая.
И, кромѣ брата, много у меня
Приверженцевъ въ Россіи. Русскій флотъ,
Стоящій въ Средиземномъ морѣ, вскорѣ
Права мои признаетъ.

АББАТЪ [переглянувшись съ де-Беранкуромъ].

Графъ Орловъ?!..
Начальствуетъ вѣдь онъ эскадрой тою...
А графъ Орловъ... Вамъ лучше знать, конечно,
Возможно ли разсчитывать на то,
Чтобъ вашего высочества слугою
Покорнымъ сталъ Орловъ...

ДЕ-БЕРАНКУРЪ.

Я сомнѣваюсь.
Быть можетъ, вы къ нему уже писали?

КНЯЖНА.

Писала обо всемъ подробно, да.
[Общее движеніе. Одинъ Доманскій спокоенъ, но угрюмъ].

Я къ русскимъ морякамъ его эскадры
Въ проектѣ манифестъ ему послала,
Чтобъ самъ Орловъ имъ въ формѣ надлежащей
Его офиціально объявилъ.

ДЕ-ВЕРАНКУРЪ [горячо].

Откуда взяли вѣру вы въ Орлова,
Что ваше дѣло приметъ онъ серьезно
И станетъ помогать, рискуя всѣмъ,
Вамъ въ цѣляхъ низложить Екатерину?!

КНЯЖНА.

Въ немилости теперь Орловы оба.
Заслуги ихъ забыты. Оскорбленье
Имъ гордость не дозволитъ позабыть;
А смѣлость ихъ, отвага—всѣмъ извѣстны.
Даю я имъ возможность стать у трона.
Враговъ унизивъ, первыми людьми
Опять они польстятся стать въ Россіи.
А если я въ надеждѣ на Орловыхъ,
Къ несчастью, ошибаюсь, я ничѣмъ,
Начавъ игру, конечно, не рискую.
Гдѣ я—Орлову вовсе не извѣстно.
Я съ вами въ безопасности. Увидитъ
Орловъ меня не раньше, какъ принявъ
Защиту правъ моихъ для всѣхъ открыто
И въ преданность его могу я вѣрить
Еще пишу я Панину. Онъ также,
Хотя у власти, врагъ Екатерины,
Конечно, тайный, но не для меня.
Вообще рѣшила дѣйствовать я смѣло,
Съ энергіей, достойной нашихъ цѣлей.
Мой жребій брошенъ. Нѣтъ ни колебаній,
И тѣни нѣтъ во мнѣ сомнѣній прежнихъ.
Мой мозгъ горитъ отъ мыслей безпокойныхъ,
Какъ лучше обезпечить свой успѣхъ;
Какъ лучше въ предстоящихъ мнѣ заботахъ,
Ошибокъ избѣгая, поступать;
Гдѣ помощь, гдѣ опасность, чьи интриги
Труднѣй сломить, и въ чемъ моя опора.
Громадный трудъ!.. [Пауза. Задумалась и вздохнула].
Но я васъ утомляю,
И мнѣ самой хотѣлось бы въ весельи
Забыться отъ заботъ. Въ Рагузѣ скучно,
А я безъ удовольствій увядаю,

Какъ сорванный цвѣтокъ. Не такъ мы жили
Въ Венеціи прекрасной. Упрекали
Меня за расточительность и роскошь
Друзья мои... Вы помните, Доманскій?

ДОМАНСКІЙ [съ натянутой улыбкой и изысканной вѣжливостью].

Роскошные цвѣты—краса природы.
Въ ихъ радужномъ вѣнкѣ она горда
И царственно прекрасна. Блескъ и роскошь —
Такой же ореолъ для красоты,
Вѣнецъ, въ которомъ, счастье расточая,
Должна она сіять во мракѣ жизни.

КНЯЖНА.

Любезно очень! Жаль, что кредиторы
Не такъ, какъ панъ Доманскій, разсуждаютъ.
[Всѣ засмѣялись].
Серьезно, я всегда отъ нихъ бывала
Въ зависимости скучной.

АББАТЪ.

Въ Петербургѣ
Заботъ о кредиторахъ ужъ не будетъ.

КНЯЖНА.

О, тамъ для всѣхъ сама богиней счастья,
Фортуной стану я. Какая радость
Быть счастьемъ для другихъ! Не въ томъ ли прелесть
Могущества и власти?.. Ахъ, взойдетъ ли
Звѣзда моя на сѣверѣ туманномъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же. Входятъ **Чарномскій и князь Радзивиллъ,** очень взволнованные. Немного спустя, съ веранды возвращаются **Воехевичъ, Ковальскій** и **Квятковскій.**

ЧАРНОМСКІЙ [съ письмомъ въ рукахъ],

Какія вѣсти! Пишетъ Радзишевскій
Намъ изъ Царьграда...

КНЯЖНА [испуганно].

Что же?

ДОМАНСКІЙ.

Что такое?

ЧАРНОМСКІЙ.

Что Турціей подписанъ миръ съ Россіей.
[Общее движеніе].

ДОМАНСКІЙ.

Проклятіе!!

РАДЗИВИЛЛЪ [княжнѣ].

Чего мы такъ страшились!

ЧАРНОМСКІЙ.

А Франція къ тому склонила Порту.

РАДЗИВИЛЛЪ [княжнѣ].

Еще одна разбитая надежда!
Версальскій дворъ, какъ видите, ужъ къ намъ
Совсѣмъ не такъ относится, какъ прежде.

КНЯЖНА [энергично].

Я въ прочность мира этого не вѣрю.
Мы Турцію на новую войну
Съ Россіей возбудить сумѣемъ вскорѣ.
Возможность перемирія предвидя,
Нашла необходимымъ снова я
Къ султану обратиться. Вотъ письмо.
Прошу его немедленно отправить. [Даетъ Радзивиллу письмо]

РАДЗИВИЛЛЪ [не беретъ его].

Оставьте это! Пользы никакой
Къ султану письма вамъ не принесутъ,
Когда война окончена съ Россіей,
Подписанъ Кайнарджискій договоръ [1]),
И въ Турціи пропали наши шансы.

КНЯЖНА [настойчиво].

Прошу письмо отправить!

РАДЗИВИЛЛЪ [холодно].

Къ сожалѣнью,
Я долженъ отказать вамъ въ этомъ.

---

[1]) Кучукъ-Кайнарджискій миръ.

КНЯЖНА [гнѣвно].

Что?
Но вы должны мою исполнить волю!

РАДЗИВИЛЛЪ.

Что долженъ я, чего не долженъ дѣлать,
Я знаю самъ. Бѣда влечетъ другую.
Не все еще сказалъ Чарномскій вамъ.

ЧАРНОМСКІЙ.

Да, новости не всѣ. Еще намъ пишутъ
Что полчища разбиты Пугачева...

[Общее движеніе].

КНЯЖНА.

Разбиты?!

ЧАРНОМСКІЙ.

Ихъ разсѣялъ Михельсонъ.
Мятежъ подавленъ, самъ же Пугачевъ
Въ цѣпяхъ жестокой казни ожидаетъ.

РАДЗИВИЛЛЪ [насмѣшливо].

Вашъ братъ, союзникъ нашъ, не дурно кончилъ!

КНЯЖНА [гнѣвно].

Смѣетесь вы?! А кто, какъ не поляки,
Союзника мнѣ видѣть въ Пугачевѣ
Настойчиво внушали? Тою смутой,
Которою потрясъ Россію онъ,
Не вы ль мои сомнѣнья побѣждали,
Когда я колебалась, въ вашихъ цѣляхъ,
Вступить на путь борьбы?! Забыто это?!
Теперь, когда схватили Пугачева,
Вы смѣете глумиться надо мной!!
Быть можетъ, вы предать меня готовы,
Какъ трусы малодушные?! Какъ люди,
Душѣ которыхъ сродно вѣроломство?!

РАДЗИВИЛЛЪ [кричитъ].

Вы дерзки!! удержите свой языкъ!!

КНЯЖНА.

«Дерзка»?—Ха-ха! Чтобъ видѣть вашу трусость,
Которою дурныя вѣсти сразу

Объяли васъ,—быть дерзкою не надо.
Поистинѣ что̀ дерзко: та интрига,
Которой вы опутали меня.
Но разъ я уступила ей, возврата
Ужъ больше нѣтъ, ни вамъ, ни мнѣ, коль честь —
Не звукъ пустой для князя Радзивилла.

[Уходитъ въ сопровожденіи Доманскаго, который вскорѣ возвращается].

ДЕ-БЕРАНКУРЪ [Радзивиллу съ ѣдкой усмѣшкой].

Въ проигранной игрѣ виновенъ тотъ,
Кто ходы разсчиталъ ея невѣрно,
И въ томъ, что королева пѣшкой стала,
Пускай игрокъ пеняетъ на себя.

[Уходитъ въ заднюю дверь].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, безъ княжны и де-Беранкура.

РАДЗИВИЛЛЪ.

Вы видите, что дѣло повернулось
Совсѣмъ не въ нашу пользу, господа.
Скажу къ тому, что вы сейчасъ узнали,
Что въ Австріи извѣстны наши планы.
Тамъ вскрыты наши письма и въ газетахъ
Статьи явились вредныя для насъ.

[Доманскій возвращается].

Я лично разоренъ. Секвестръ имѣній
Моихъ въ Литвѣ дѣла мои разстроилъ.
Считая наше дѣло безнадежнымъ
И чтобъ не быть смѣшнымъ въ глазахъ Европы,
Я вынужденъ совсѣмъ его покинуть
И завтра изъ Рагузы уѣзжаю.

[Присутствующіе, жестикулируя, оживленно заговорили между собою].

ДОМАНСКІЙ.

И бросите на гибель ту, которой
Мы голову вскружили въ нашихъ цѣляхъ?
Не будетъ ли безчестнымъ это, князь?
Не будетъ ли постыднымъ вѣроломствомъ?

РАДЗИВИЛЛЪ.

Вы знаете, Доманскій, сколько я,
Болѣя объ отчизнѣ, средствъ и силъ
На дѣло претендентки положилъ.

Событія вверхъ дномъ перевернули
Расчеты наши въ Турціи, въ Россіи,
Во Франціи, вездѣ! Кругомъ несчастье.
Намъ не на что надѣяться. Безумно
Намъ ради претендентки подвергать
Отчизну новымъ, тяжкимъ испытаньямъ.
Оставя чувства личной симпатіи
Къ прелестной этой женщинѣ, должны
Въ душѣ имѣть вы родину святую
И жертвовать ей всѣмъ, какъ дѣлалъ я.
Красавицѣ-жъ обратно въ Оберштейнъ
Совѣтуйте покамѣстъ возвратиться.
Влюбленный безъ ума въ нее князь Лимбургъ
Отъ встрѣчи съ нею будетъ въ восхищеньѣ.

ДОМАНСКІЙ.

Своимъ словамъ не вѣрите вы сами.
Вы знаете, возможно ли теперь
Княжну разубѣдить въ ея надеждахъ,
Которыя мы сами ей внушили;
Возможно ли охваченную страстью
Величія и вѣры въ Провидѣнье
Лишить сіянья царственной короны,
Которымъ такъ она ослѣплена.
Возврата нѣтъ. Ничто уже не въ силахъ
Ее остановить въ исканьяхъ трона.
И въ этомъ вся вина лежитъ на насъ.
И мы жъ на произволъ судьбы ее
Безжалостно бросаемъ! Невозможно!
Нѣтъ, это невозможно, князь!

РАДЗИВИЛЛЪ.

Старайтесь
Внушить ей, что разумнѣй выждать время,
Пока судьба ей снова улыбнется.
А голову терять до безразсудства —
Въ томъ пользы никакой ни ей, ни намъ.
Старайтесь повліять благопріятно.
Вамъ легче это, чѣмъ кому нибудь
Изъ всѣхъ, кто претендентку окружаютъ.

[Дѣлаетъ прощальный жестъ и уходитъ въ сопровожденіи Чарномскаго]

ДОМАНСКІЙ.

Такой ударъ сразитъ ее жестоко!

[Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Аббатъ Бернарди, Микошта, Воехевичъ, Квятковскій, Ковальскій и офицеры.

КВЯТКОВСКІЙ.

Чтобъ чортъ побралъ нелѣпую затѣю
Въ Россіи совершить переворотъ!

КОВАЛЬСКІЙ.

Тутъ столько легкомыслія и риска,
Что нагло одурачены мы всѣ!

ВОЕХЕВИЧЪ.

Какъ раки на мели, съ княжной мы сѣли!

ОДИНЪ ИЗЪ ОФИЦЕРОВЪ.

Хорошъ и «панъ коханку»!

КВЯТКОВСКІЙ.

Радзивиллъ
Оставилъ насъ въ ужасномъ положеньи!

КОВАЛЬСКІЙ.

Нѣтъ имени такому вѣроломству!

ВОЕХЕВИЧЪ.

Нельзя швырять такъ нами!

ВСѢ [кромѣ аббата и Микошты].

Не позволимъ!

КВЯТКОВСКІЙ.

Отправимся мы всѣ за Радзивилломъ.
Не дохнуть же тутъ съ голоду, въ Рагузѣ!

АББАТЪ [съ ироніей].

А графъ Орловъ! Не все еще пропало.
Быть можетъ, онъ поддержитъ ваше дѣло.

КВЯТКОВСКІЙ.

Ха-ха! Наивны вы, аббатъ, я вижу!

АББАТЪ.

Какъ знать! Въ Россіи много недовольныхъ.
Коль могъ простой казакъ поднять возстанье,
Орлову это легче во сто кратъ!

КОВАЛЬСКІЙ.

Пускай княжна ему отдастся въ руки —
Увидите, что будетъ, ха-ха-ха!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, княжна и Доманскій.

КНЯЖНА [гнѣвно].

Вы здѣсь еще?! Измѣна Радзивилла —
Достойный вамъ примѣръ...

МИКОШТА.

Князь столько сдѣлалъ
Для вашихъ интересовъ...

КНЯЖНА [прерываетъ].

Замолчите!
Вступить въ борьбу за тронъ съ Екатериной
Не вы ль меня заставили? Не вы ли
Изъ мирной жизни вырвали меня
И ввергли въ этотъ адъ надеждъ, сомнѣній,
То вѣры, то отчаянья и страха
Не только за судьбу, за жизнь мою?
У ногъ моихъ вы подло пресмыкались,
Чтобъ милостью моей обогатиться,
Изъ шляхты вылѣзть въ знатные вельможи;
Чтобъ я для выгодъ вашего народа,
Магнатовъ вашихъ, шляхты ненасытной,
Пожертвовала цѣлостью Россіи,
Величіемъ ея и силой мощной!..

КВЯТКОВСКІЙ.

Довольно! Намъ изъ устъ авантюристки
Выслушивать постыдно эти рѣчи!

МИКОШТА.

Идемте прочь. Намъ нечего тутъ дѣлать!
[Уходитъ].

КОВАЛЬСКІЙ.

Въ шуты при васъ пусть рядятся другіе,
А намъ срамить себя въ глазахъ Европы
Участіемъ въ продѣлкахъ самозванки —
Нелѣпо и смѣшно!

ВОЕХЕВИЧЪ.

Постыдно даже!

ДОМАНСКІЙ [гнѣвно].

Молчать!! Пускай, кто жизни не жалѣетъ,
Осмѣлится обидѣть дерзкимъ словомъ
Въ несчастьѣ эту женщину!

[Вынимаетъ саблю].

КВЯТКОВСКІЙ.

Однако
Изъ храбрыхъ панъ Доманскій!

ВСѢ [кромѣ аббата].

Ха-ха-ха!

[Отступаютъ къ двери].

КВЯТКОВСКІЙ.

За даму сердца онъ!

ВОЕХЕВИЧЪ.

Ревнивецъ пылкій!

[Уходятъ со смѣхомъ].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Аббатъ Бернарди, княжна и Доманскій.

КНЯЖНА [со слезами].

Бросайте всѣ меня и вы, Доманскій!

ДОМАНСКІЙ.

Прошу васъ, успокойтесь! Этотъ сбродъ
Пускай отхлынетъ самъ. Моя жъ судьба
Настолько неразрывна съ вашей долей,
Что если бъ передъ вами эшафотъ
Воздвигся вмѣсто трона, съ вами я
Взошелъ бы на него погибнуть вмѣстѣ!

АББАТЪ.

Зачѣмъ «на эшафотъ»! Избави Боже!..

КНЯЖНА [Доманскому].

Довѣрившись полякамъ вѣроломнымъ,
Чего достигла я?—Измѣны подлой!..
Я такъ несчастна! такъ оскорблена!..

[Рыдаетъ].

ДОМАНСКІЙ [смущенно].

Бываетъ, что въ тяжелыя минуты,
Когда казалось дѣло безнадежнымъ,
Счастливая случайность все спасаетъ..

КНЯЖНА [вспыльчиво].

Какъ глупо это! Я не на «случайность»,
На дѣло я, по вашимъ увѣреньямъ,
Разсчитывать могла... Вашъ лепетъ дѣтскій
Противенъ мнѣ! «Счастливая случайность»!..
Быть куклою въ рукахъ конфедератовъ,
Полякамъ бросить подъ ноги все то,
Что я съ такимъ трудомъ достигла въ жизни —
Безуміе!.. И кто же, какъ не вы,
Въ томъ первый виноваты?!

АББАТЪ.

Успокойтесь!
Я могъ бы въ затрудненьяхъ вашихъ средство
Одно вамъ указать... хотя, конечно,
Мое предположенье слишкомъ смѣло
И дерзко даже...

КНЯЖНА [съ страстной рѣшимостью].

Я на все готова.
Какое средство?

АББАТЪ.

Вспомните про Римъ.

КНЯЖНА.

Про папу? Это мысль! Съ его вліяньемъ,
Съ могуществомъ его—возможно все!
Блестящая идея!

АББАТЪ.

Я не смѣю
Поддерживать ее съ надеждой твердой...
Святой отецъ превыше всѣхъ настолько,
Что наши упованья на него,
Быть можетъ,—только дерзкія мечтанья;
Но Господу несемъ мы наши скорби,
И въ Немъ единомъ—всѣ надежды наши,
А въ сей юдоли нашъ святой отецъ —
Прибѣжище для ищущихъ защиты...

КНЯЖНА.

Готова я принять католицизмъ
И, ставъ императрицей, Ватикану
Готова подчинить и свой народъ.
Онъ въ римско-католическую вѣру
Со мной, своей царицей, перейдетъ.

АББАТЪ.

Планъ слишкомъ смѣлый. Въ ревностномъ желаньи
Свои права на тронъ осуществить,
Конечно, онъ понятенъ... Но судьбами
Народовъ управляетъ царь Небесный,
А съ вашей вѣрой въ Римъ, съ желаньемъ вашимъ
Стать дщерью нашей церкви, вамъ доступнѣй
Святѣйшаго отца благоволенье.
Мы дѣйствовать начнемъ...

[Удаляется, дѣлая поклонъ на ходу].

КНЯЖНА.

Надежда снова
Мнѣ душу озаряетъ. Прочь сомнѣнья!
Отнынѣ, не щадя ни силъ, ни жизни,
Надѣясь на себя одну, впередъ
Пойду я къ славной цѣли! Вы, поляки,
Мишурной героинею меня,
Покорной вашимъ проискамъ считали.
Геройство покажу я вамъ на дѣлѣ!

[Энергично идетъ къ двери, Доманскій стоитъ удрученный].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Картина вторая.

Дѣйствующія лица.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, 38 лѣтъ.
Екатерина Львовна Давыдова, пріятельница Орлова, молодая женщина.
Сэръ Дикъ, англійскій генеральный консулъ въ Ливорно.
Осипъ Михайловичъ Рибасъ, лейтенантъ.
Вольфъ, ординарецъ Орлова.

СЦЕНА: роскошный кабинетъ графа Орлова. Картины въ золотыхъ рамахъ и мраморныя статуи. Двери въ задней стѣнѣ и налѣво. Дѣйствіе происходитъ въ Италіи, въ г. Пизѣ, въ началѣ 1775 года.

ЯВЛЕНІЕ I.

Вольфъ впускаетъ въ кабинетъ сэра **Дика** [въ аннинской лентѣ].

ВОЛЬФЪ.

Графъ проситъ васъ немного подождать.
Сейчасъ онъ выйдетъ.

ДИКЪ.

Всталъ, должно быть, поздно.
Вчера, пріѣхавъ въ Пизу изъ Ливорно,
Палаццо графа видѣлъ я въ огняхъ.

ВОЛЬФЪ.

У насъ былъ балъ.

ДИКЪ.

Живете вы по-царски.
Въ Россіи вообще вельможи ваши
Живутъ богаче герцоговъ нѣмецкихъ.

ВОЛЬФЪ.

А чесменскій герой въ чужихъ краяхъ
Достойно представителя Россіи
Жить долженъ, сэръ.

ДИКЪ.

Вы правы совершено.

[Вольфъ при входѣ Орлова удаляется].

ЯВЛЕНІЕ II.

Сэръ Дикъ и графъ Орловъ.

ОРЛОВЪ [привѣтливо].

Любезный другъ! И въ лентѣ! Радъ душевно!

ДИКЪ.

Я вашему ходатайству обязанъ,
Что ленту мнѣ прислали.

ОРЛОВЪ.

Перестаньте!
Услуги намъ въ турецкую войну
Большія оказали вы. За это
Вамъ жалуется орденъ сей по праву.
[Садится].

ДИКЪ.

Здоровы ль вы? Скучаете ль, какъ прежде?

ОРЛОВЪ.

Нѣтъ, очень озабоченъ, не до скуки!

ДИКЪ.

Случилось что?

ОРЛОВЪ.

Явилась самозванка!
Когда чрезъ Монтегю отъ неизвѣстной
Письмо и манифестъ я получилъ,
Я страшно озадаченъ былъ. Враги,
Которые Орловыхъ сжить со свѣта
Хотѣли бы, не разъ уже пытались
Подсылами вовлечь меня въ измѣну,
Мою пытая преданность престолу.
Я тотчасъ же послалъ императрицѣ
Письмо и манифестъ отъ сей особы,
Которая «всклепала на себя»
Княжны великой имя дерзновенно.

ДИКЪ.

Я слышалъ кое-что про личность эту...
Писала вамъ! О чемъ же? Интересно!

ОРЛОВЪ.

Она писала мнѣ, что «долгъ и честь»
Приверженцемъ мнѣ стать повелѣваетъ

Ея законныхъ правъ на русскій тронъ,
Который мать ея, Елисавета,
Ей будто бъ завѣщаньемъ отказала;
Что съ Турціей въ союзѣ, съ Пугачевымъ,
Который по отцу ей братъ родной,
Не трудно ей своей добиться цѣли,
И чтобъ отнюдь не медлилъ я рѣшеньемъ
Ее провозгласить императрицей...

ДИКЪ (смѣясь).

Не многаго ей хочется, однако!

ОРЛОВЪ.

Не столько дерзко это все, сколь глупо.
Поэтому сначала думалъ я,
Что тутъ не самозванка, а подвохи;
Но вѣрный человѣкъ нашелъ въ Рагузѣ,
Въ сообществѣ поляковъ, самозванку.
Такая оказалась. Гамильтонъ [1])
Ея открылъ мнѣ въ Римѣ пребываніе,
И льщусь надеждой вскорѣ здѣсь увидѣть
Пройдоху эту.

ДИКЪ.

Здѣсь, у васъ?

ОРЛОВЪ.

Ну, да.
Въ нуждѣ она, въ рукахъ ростовщиковъ
Кой-какъ перебивалась, въ ожиданьи,
Что деньгами, поддержкой Ватиканъ
Поможетъ ей. Она чрезъ іезуитовъ
Въ сношенія вошла съ однимъ прелатомъ.
Какъ съ Гришкою Отрепьевымъ когда-то,
И тутъ іезуиты помогали...
На этотъ разъ не вышло ничего.
Обманутой въ надеждахъ самозванкѣ
Полиція грозила за долги
Арестомъ и тюрьмою. Зная это,
Я Дженкинса банкира подослалъ
Ей сумму предложить, какую хочетъ,
А въ то же время мною Христенекъ [2])
Былъ посланъ въ Римъ втереться къ ней къ довѣрье
И помощью моею обольстить.
Отважную, хвастликую при этомъ
Не трудно заманить въ силокъ.

[1]) Англійскій посланникъ при Неаполитанскомъ дворѣ.
[2]) Штаба Орлова генералъ-адъютантъ.

ДИКЪ.

И что же?

ОРЛОВЪ.

А то, что не сегодня—завтра въ Пизу
Пріѣдетъ самозванка для того,
Чтобъ мнѣ свою судьбу и жизнь довѣрить.

ДИКЪ.

Искусный планъ и выполненъ отлично.
Оцѣнятъ по заслугамъ въ Петербургѣ,
Что вы словить сумѣли претендентку
И тѣмъ конецъ крамолѣ положить.

ОРЛОВЪ.

Не знаю, другъ... Я съ вами откровененъ,
Могу сказать, что думаю про это.
Когда мы воевали съ Портой, я
Измыслилъ планъ всеобщаго возстанья
Стенящихъ христіанъ подъ игомъ турокъ.
И милостиво принятъ этотъ планъ
Былъ матушкой-царицей. «Мы надежны
Къ вамъ въ вѣрности и преданности вашей»,
Изволила она мнѣ написать.
«Горячему исканью быть полезнымъ
Отечеству мы вѣримъ»... А потомъ
Коварные явились тутъ подсылы,
Чтобъ я императрицѣ измѣнилъ...
А послѣ Чесмы писано мнѣ такъ:
«Отмѣнная сія побѣда славу
И честь пріобрѣла вамъ. Лавры васъ
Отнынѣ, какъ героя, украшаютъ».
Но этого «героя» не призвали
Изъ чуждыхъ странъ служить Россіи дома...
Да что объ этомъ!.. Тамъ теперь Потемкинъ
Въ чести и славѣ, врагъ Орловыхъ лютый...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Рибасъ.

ОРЛОВЪ.

Рибасъ! Ну, что же, нанято палаццо?

РИБАСЪ.

Роскошное и съ полной обстановкой,
Какъ вы сказать изволили.

ОРЛОВЪ.

Чудесно!

ДИКЪ.

Ужъ клѣтка приготовлена для птички!

ОРЛОВЪ.

Два польскихъ офицера, камермедхенъ,
Да трое слугъ еще прибудутъ съ гостьей.
Ты къ ней изъ нашихъ слугъ еще отрядишь,
А также поваровъ. Внушить прислугѣ,
Что должно съ самозванкой обходиться,
Какъ съ царственной особой. Понимаешь?

РИБАСЪ.

Исполнено все будетъ, какъ велите.

ОРЛОВЪ.

И всѣмъ штабнымъ скажи, чтобъ осторожно
Комедію играли, притворяясь,
Что вѣрятъ баснямъ вздорнымъ проходимки.
Намъ нужно усыпить всѣ подозрѣнья,
Которыя возникнуть бы могли
И въ ней самой и въ тѣхъ, кто будетъ съ нею.
Намъ, денегъ не щадя, необходимо
По-царски жизнь ея устроить. Слышно,
Что, будучи завзятою мотовкой,
Пристрастна къ удовольствіямъ она.
Во всемъ мы угождать безъ прекословья
Должны до время ей. Исполнить точно.

РИБАСЪ.

Покойны будьте, графъ.

ОРЛОВЪ.

Ты мной испытанъ.
Я зря ни на кого не полагаюсь.
Ступай теперь, Рибасъ.

[Рибасъ уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сэръ Дикъ и графъ Орловъ.

ДИКЪ.

Поляковъ мщеньемъ
Явилась претендентка на престолъ
Имперіи Россійской за раздѣлъ
Владѣній Польши.

ОРЛОВЪ.

Это несомнѣнно.
Они жъ Елизаветы завѣщаньемъ —
Подложнымъ, разумѣется — снабдили,
Въ обманъ введя, и эту самозванку.
Въ раздѣлѣ Польши прусскимъ мы служили,
Не нашимъ интересамъ. Насъ провелъ
Коварный Фридрихъ. Панину не даромъ
Подарки онъ при письмахъ посылалъ.

ДИКЪ [усмѣхаясь].

Не любите вы Панина!

ОРЛОВЪ.

Не любитъ
Давно его сама Екатерина.
Чтобъ власть императрицы ограничить,
Не онъ ли учредить совѣтъ верховный
Замыслилъ? Но расчетъ, а также смуты
Держать Никиту Панина у власти
Монархиню однако-жъ вынуждаютъ.
Былъ въ пользу Іоанна [1]) заговоръ
Петромъ Хрущевымъ съ Гурьевымъ затѣянъ;
Мировича опять за Іоанна,
На узника навлекшій гибель злую;
Подъ именемъ Петра, до Пугачева,
Немало появлялось самозванцевъ:
Солдатъ Кремневъ, какой-то Асланбекъ,
Армянскаго отродья, и другіе.
Да мало ли еще къ тому причинъ,
Чтобъ въ людяхъ съ вѣсомъ, да при томъ коварныхъ
Враговъ не наживать! И Панинъ въ силѣ.
А братъ Григорій тщетно ждетъ погоды
У моря, въ скучномъ Ревелѣ, забытый.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Давыдова.

ДАВЫДОВА.

Я вамъ не помѣшаю?

ОРЛОВЪ.

О, нисколько!
Я радъ, Екатерина Львовна, очень.
Прошу покорно! [Цѣлуетъ ея руку].

---

[1]) Іоаннъ Антоновичъ.

ДАВЫДОВА [Дику, который цѣлуетъ ея руку].

Ваше, сэръ, здоровье?

ДИКЪ.

Отлично, какъ всегда. Благодарю.

ОРЛОВЪ.

У этихъ англичанъ, Господь надъ ними,
И спрашивать не надо про здоровье.

ДИКЪ.

Но и у насъ такихъ атлетовъ, графъ,
Такихъ, какъ вы, красавцевъ очень мало.

ОРЛОВЪ.

Не знаю про себя, а братъ Григорій —
Вотъ писанный красавецъ! Про него
Сама императрица говорила,
Что «нѣтъ его красивѣй въ цѣломъ свѣтѣ».

ДАВЫДОВА [влюбленно глядя на Орлова].

Судить о васъ ужъ женщинамъ позвольте.

ОРЛОВЪ [смѣясь].

Пристрастны вы. «Не по хорошу милъ,
А по милу хорошъ» у васъ всегда.

ДАВЫДОВА.

И въ женской красотѣ мужчины съ нами
Не сходятся въ сужденіяхъ. Посмотримъ,
Чѣмъ такъ обворожать умѣла васъ
Та дама, что̀ изъ Рима къ вамъ пріѣдетъ.
Сэръ Дикъ, у васъ не знаютъ ли, откуда
Взялась у Радзивилла самозванка?

ДИКЪ.

Навѣрное сказать никто не можетъ
И, думаю, сама она: откуда
И кто ея родители. Я слышалъ,
Трактирщица изъ Праги мать ея,
Иль булочника дочь изъ Нюренберга
Особа эта, ищущая трона.

ДАВЫДОВА.

Такъ вотъ она откуда: изъ трактира,
Иль, можетъ быть, изъ булочной нѣмецкой!
Одно другого стоитъ, ха-ха-ха!

ОРЛОВЪ.

Ну, это подъ сомнѣньемъ, мнѣ сдается.

ДАВЫДОВА.

Обманщица она и проходимка!

ДИКЪ [встаетъ].

Вѣрнѣй — она въ обманъ вовлечена.
А что она такое, — мы увидимъ
Стараньемъ графа вскорѣ.

ОРЛОВЪ.

Вы куда же?

ДИКЪ [раскланиваясь].

По дѣлу нужно.

ОРЛОВЪ.

Жду къ себѣ обѣдать.
Пожалуйста! Безъ васъ за столъ не сяду.
[Проводивъ Дика, ходитъ по кабинету].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Графъ Орловъ и Давыдова.

ДАВЫДОВА.

Ты что же станешь дѣлать съ самозванкой?

ОРЛОВЪ.

Въ чужой странѣ я долженъ осторожно,
Безъ всякаго насилья, взять ее.
Мы тутъ на территоріи Тосканской.
Арестъ не мыслимъ. Власти не допустятъ,
Вмѣшается полиція и хуже:
Убьютъ меня отцы іезуиты,
Которые за всѣмъ слѣдятъ, конечно,
Играя роль и въ дѣлѣ самозванки.
Вселить мнѣ надо въ ней слѣпую вѣру
Въ приверженность мою и поощрять
Ея на тронъ безумныя надежды...
Задача не изъ легкихъ!

ДАВЫДОВА [съ усмѣшкой].

Облегчишь
Себѣ ее ты, если «побродяжка»
Податлива, смазлива...

ОРЛОВЪ [съ досадой].

Эхъ, вы, бабы!
Такое дѣло важности отмѣнной,
Которое грозитъ моей судьбѣ,
Коль я его не кончу, какъ велѣли,
А ты про вздоръ!... [Пауза].
Быть можетъ, мнѣ придется
Ей руку предложить, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе
Лишить ее свободы...

ДАВЫДОВА [съ проніей].

Предложи.
На выдумки вѣдь вы, Орловы, смѣлы.
Вѣдь ты императрицу даже замужъ
Хотѣлъ за брата выдать.

ОРЛОВЪ.

Да, хотѣлъ,
И если бъ не завистники: Ласунскій,
Да Рославлевы, Панинъ, Хитрово,
Я, съ помощью Бестужева [1]), успѣлъ бы
Устроить это дѣло.

ДАВЫДОВА.

Да не вышло!
За то орламъ и крылья подвязали.

ОРЛОВЪ.

Болѣзнь моя тутъ много повредила,
Когда пришлось надолго изъ Россіи
Въ Италію уѣхать. Безъ меня
Григорій братъ остался одинокимъ,
Совѣта и поддержки не имѣя
И сильный лишь одной императрицей,
Онъ Панина Никишки, Чернышевыхъ
Вражду къ себѣ не ставилъ ни во что.
И стоило ему изъ Петербурга
Въ проклятыя Фокшаны отлучиться,
Васильчиковъ былъ выдвинутъ врагами...
Вернулся братъ въ тревогѣ, но въ столицу
Допущенъ не былъ. Въ Гатчинѣ его,
Подъ видомъ карантина, задержали...
И какъ потомъ старались клеветою

[1]) Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, канцлеръ при Елизаветѣ. Сосланъ въ 1758 г., Екатериною возвращенъ.

Чернить его проклятые враги!
Въ Фокшаны, говорили, онъ поѣхалъ
Затѣмъ, чтобъ присягнула тамъ ему
Вся армія. Нелѣпица какая!
А Павла возвести на тронъ—затѣя
Гвардейцевъ недовольныхъ! Братъ и тутъ
Былъ выставленъ причиной...

ДАВЫДОВА.

Ты за брата
Горой стоишь; а онъ, простосердечный,
Всегда лѣнтяемъ былъ. Всегда безпечный,
Онъ слишкомъ жизнь разсѣянную велъ
И былъ доступенъ всякимъ проходимцамъ.

ОРЛОВЪ.

«Подобный древнимъ римлянамъ герой»—
Такъ Фридриху сама Екатерина
Про брата написала. Ты брюзжишь,
Изволишь быть не въ духѣ!..

ДАВЫДОВА [встаетъ].

Докучать
Не стану. Успокойся! [идетъ къ двери].

ОРЛОВЪ.

Погоди!..
А впрочемъ какъ угодно!...
[Давыдова стоитъ у двери въ нерѣшительности. Пауза].
Вотъ вѣдь бабы!
Ревнивую догадку, подозрѣнье,
Которое Богъ вѣсть взялось откуда,
Онѣ уже за быль принять готовы!

ДАВЫДОВА [подходитъ и кладетъ ему на плечо руку].

Хоть знаю, что свое ты не упустишь,
Но я про это слова не промолвлю,
Пока межъ нами повода къ разрыву
Не дашь ты самъ. А если поводъ будетъ,
Меня ужъ никогда ты не увидишь!
[Поцѣловала его въ лобъ и идетъ къ двери].

ОРЛОВЪ.

Постой же! Ахъ, какая! Да останься!
Строптивы бабы! [протягивая къ ней руки].

ДАВЫДОВА
[быстро подходить, бросается къ нему на колѣни, обвиваетъ руками его шею и страстно цѣлуетъ].

Милый!... ненаглядный!...
Идутъ! [вскакиваетъ и отходитъ].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Рибасъ.

РИБАСЪ.

Сейчасъ посолъ отъ Христенека
Пріѣхалъ съ вѣстью...

ОРЛОВЪ [вставая, съ живостью перебиваетъ].

Ѣдетъ гостья наша?

РИБАСЪ.

Сегодня въ Пизу къ вечеру прибудетъ.

ОРЛОВЪ [ходитъ въ волненіи].

Ага! поймалась! Къ встрѣчѣ все въ палаццо,
Какъ надо, приготовить! Да скорѣй! [Рибасъ уходитъ].
Не думалъ я, что такъ удастся ловко
Мнѣ въ сѣти заманить ее! Вели,
Чтобъ намъ сейчасъ коляску заложили.
Поѣдемъ осмотрѣть палаццо это.
Въ него войдетъ наслѣдница престола,
А выйдетъ арестантка изъ него. [Давыдова уходитъ].
Тревожится о ней императрица
И ждетъ нетерпѣливо, чтобъ Орловъ,
Испытанный слуга, и въ этомъ дѣлѣ
Искусно поступилъ... Опять я нуженъ,
Напомнилъ о себѣ, почти забытый...
Забыто все, что, жизни не жалѣя,
Свершили мы во дни переворота
И сколько положили силъ на то,
Чтобъ прочно утвердить порядокъ новый.
Григорій братъ, какъ выжатый лимонъ,
Давно заброшенъ. Я же... хоть при Чесмѣ
Стяжалъ Россіи славную побѣду,
Въ бездѣйствіи тутъ жить былъ обреченъ.
Теперь, быть можетъ, преданный слуга,
Когда отъ самозванки тронъ избавитъ,
У трона стать понадобится снова...
Сама императрица говорила,
Что «ревностныхъ и старыхъ слугъ замѣна
Великое есть зло для государства».

ЗАНАВѢСЪ.

This book is a preservation photocopy.
It was produced on Hammermill Laser Print natural white,
a 60 # book weight acid-free archival paper
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1995